

История Церкви от Рождества Господа Иисуса Христа до наших дней. Том 3 священник Владимир Гетте

[Том I](#) * [Том II](#) * [Том III](#)

Философия истории

Основные задачи Вселенских соборов – крепить единомыслие и бороться с ересью

Начинается период истории, называемый *периодом вселенских соборов* и продолжающийся с 325 по 787 год.

В этом периоде Восточные и Западные Церкви находились в общении, а потому семь Соборов Вселенских, в которых они участвовали или на которые изъявили свое согласие, действительно представляют Церковь кафолическую или вселенскую.

Во время периода апостольского, упоминалось о множестве соборов местных.

Устройство церкви, с самого начала, было епископальное; епископы собирались для совещаний о нуждах Церквей своих.

Между различными Церквами существовали сношения: епископы переписывались, посылали друг другу грамоты, сообщали мысли свои о разногласиях, волновавших некоторые христианские общества, об учениях, какими некоторые из частных лиц пытались заменить вероучение по преданию.

Но Церкви редко наслаждались совершенным покоем; гонения были часты и епископы не могли, без значительных неудобств, даже на некоторое только время, оставлять паствы свои, непрестанно подвергавшиеся насилиям гонителей.

В то время еретики были не редкость. Философы, вступавшие в Церковь, с намерениями не всегда чистыми, пытались подчинить христианство философским системам, которые сами изучали, и увлекали некоторых верующих, недостаточно внимательных к учению апостольскому; однако вероучение это было слишком ясно и столь близким по времени, что влияние еретиков не могло быть очень велико. В Церквах, где появлялись системы философо-христианские, первоначальное вероучение, дошедшее до них по преданию, было хорошо известно и еретики мало имели в них успеха.

Когда свидетельство частной Церкви против ереси оказывалось недостаточным и когда еретик оспаривал достоверность сего свидетельства, то обращались к другим

Церквам Апостольским, и их единогласное свидетельство служило неоспоримым *критерием* вероучения о спорном вопросе.

Мы видели, как с самого основания Церкви к свидетельству Церквей Апостольских прибегали защитники откровенного вероучения; мы приводили свидетельства: Иринея, Климента Александрийского, Тертуллиана и других Отцов.

Если дозволяли обстоятельства и если ереси приобрели некоторое значение, то Церкви, вместо письменных сообщений своего свидетельства, собирались, в лице своих епископов, соборно, чтобы передать это свидетельство. Но удостоверяют ли Церкви веру свою письменно, или епископы собираются вместе, чтобы соборно сообщить свое свидетельство, основание остается одно и то же. Вселенский собор есть только приложение правила веры, основанного на всеобщем свидетельстве Церквей.

Когда императоры приняли христианство, то для всех епископов появилась возможность собираться вместе. .

Церковь стала многочисленнее, она на три века отдалилась от своего начала; еретики стали мудрствовать уже не от своего только имени, но стали утверждать, будто системы их основаны на древнем апостольском учении. Необходимо было с точностью определить вероучение. Лучшим и простейшим способом, для этого было собрание всех епископов. На Соборах Вселенских они могли не только удостоверить о постоянном веровании своих частных Церквей, но и постановить законы, которые признают более полезными для общего управления Церкви и точного исполнения законов божественных.

Относительно свидетельств о всеобщем веровании, Вселенский Собор говорил именем Церкви. Только ей одной Иисус Христос обетовал помощь Свою для сохранения истины, следовательно одна только Церковь непогрешима в своем постоянном и всеобщем свидетельстве об этой истине. Вселенский Собор, представляя таким образом Церковь, участвует в её непогрешимости, то есть дает свидетельство безусловно верное об учении, которое неизменно *исповедовалось*, то есть, которому неуклонно веровали.

Касательно же прений на Соборах как Вселенских, так и других, для опровержения еретиков или для разъяснения их заблуждений, епископы, даже соборно, не пользовались никакой непогрешимостью. Прения могли быть более или менее основательны, но не в том дело.

Собор был вселенским, следовательно непогрешимым только по отношению к свидетельству о вероучении, постоянно исповедуемом от времен апостольских. Свидетельство это касается только вопроса о *факте*, в котором нет места ни науке, ни красноречию, ни философии.

Замечательно, что на Соборах Вселенских относительно вопроса о *факте*, то есть вероучения, которое постоянно исповедовали и в которое постоянно *веровали*, не встречалось никаких затруднений. Все Церкви были согласны.

Еще прежде мы обращали внимание на то, что Церкви Апостольские, с самого начала своих сношений, имели учение тождественное. Во всех провинциях империи Римской и за пределами империи Апостолы проповедовали одно и то же учение.

В последнее время, под видом учености, вздумали изобретать в христианстве различные школы апостольские: Петрову, Иоаннову, Павлову.¹

Но эти замысловатые системы разлетаются в прах перед тем фактом, что Церкви при первых сношениях своих являлись с одним и тем же вероучением, с одними и теми же учреждениями.

Когда Церкви собрались, в лице своих доверенных, на Соборы Вселенские, то о вере не было нужды спорить, каждый епископ, свидетельствуя о постоянном веровании своей Церкви, оказывался единомысленным со всеми другими.

Это свидетельство, единственно вселенское, легко отличить от прений богословских и от правил благочиния, иначе стали бы искать кафоличества там, где его нет, впадая в бесчисленные ошибки.

В Церквах латинских распространилось множество заблуждений относительно характера и условий Соборов Вселенских. Утверждали, будто бы собор, для того, чтобы быть

вселенским, должен быть: 1) созван, если не прямо папой, то, по крайней мере, с его согласия; 2) находиться под *председательством папы* или его легатов и 3) утвержден папой и сделан им обязательным для всей Церкви.

Указывается только на старинную систему латинскую. Со времени последнего Ватиканского собора, определившего непогрешимость папы, собор без папы не имеет никакого значения и становится, следственно, совершенно излишним.

Да позволено же будет, не обращая внимания на эту фантазию, разобрать только старинную латинскую систему, которой пытались придать достоверность историческую.

Читавшие первые два тома этой истории и которые прочтут и третий, конечно убедятся, что папства, то есть монархии церковной в продолжении первых четырех столетий в Церкви не существовало.²

В последующих томах будет доказано, что её не существовало до IX столетия и что только тогда учредилась она, и то на Западе.

Простое замечание это служит ответом тем, кто утверждает будто вселенские соборы должны быть *созываемы, председательствуемы и утверждаемы папой*.

Оставляя в стороне титул папы и сохраняя только именование епископа Римского, до пятого столетия как то явствует из исторических памятников, спросим только: пользовался ли епископ Римский правом созывать, председательствовать и утверждать *вселенские соборы*?

В качестве историка, оставляя в стороне теории, будем придерживаться только фактов. Поэтому не станем спрашивать – имеет ли *епископ Римский* то право, которое ему присваивают на Западе, а спросим только, *пользовался ли* им он действительно, и созывал ли, председательствовал ли и утверждал ли он Соборы Вселенские?

На этот вопрос события отвечают отрицательно. Говоря только о первых двух Вселенских Соборах, история которых изложена в настоящем томе, на основании подлинных и достоверных памятниках, мы вывели только следующие факты:

Император Константин созвал первый Вселенский Собор в Никее; на этом Соборе было несколько председателей, то есть во главе его находились епископы самых знаменитых престолов; епископ же Римский, для представительства своей церкви, прислал двух пресвитеров, но пресвитеры эти присутствовали на соборе, как простые представители частной Церкви, наравне с прочими членами. Определения Собора, утвержденные Константином, были доставлены различным Церквам епископами, присутствовавшими на Соборе, и только по всеобщем принятии этого Собора получила она значение Вселенского.

Второй вселенский Собор был созван Императором Феодосием, без всякого участия епископа Римского; на Соборе сперва председательствовал святой Мелетий Антиохийский, которого епископ Римский напрасно считал арианом и который не находился с ним даже в общении; по смерти же святого Мелетия на Соборе председательствовал Григорий Богослов, возведение его на престол Константинопольский епископ Римский в то время порицал; наконец, после отказа св. Григория, председательствовал преемник его Нектарий, с которым епископ Римский не находился в общении, оспаривая его рукоположение.

Определения Собора были обнародованы без участия епископа Римского и не взирая на протест его против правила, предоставлявшего второе место в Церкви епископу Константинопольскому, так что во время четвертого Вселенского Собора, второй считался Вселенским и пользовался должным уважением.

Таковы факты. Теории папские не могут поколебать их и дают теориям этим настоящее их значение, то есть разрушают их.

Из сего следует, что созывать соборы могут те, кто имеет на то возможность, государи или епископы. Созвание это есть только приглашение, посланное всем епископам; оно не есть *действие власти*. Нет ничего удивительного, что императоры христианские, как Константин и Феодосий, *созывали* епископов,

то есть *приглашали* их съехаться в указанный им город для принятия решений, какие они признают полезными для Церкви.

Дело епископов, когда они соберутся, – избрать одного или нескольких, по их признанию, достойных для председательства. Обыкновенно избирались епископы самых знаменитых престолов, по порядку весьма рано установившемуся в Церкви; но епископов ничто к тому не обязывало.

Что касается обнародования соборных постановлений, то право это принадлежит каждому христианину, особенно же епископам, но оно, как и самое созвание Собора, не есть *дело власти*, и только *всеобщее* принятие этих определений дает им значение вселенское.

Таковы *факты*, выводимые из добросовестного изучения всех истинных исторических памятников.

Вмешательство епископа Римского, как главы Церкви, в Соборы Вселенские, есть мнение совершенно произвольное, неподтверждаемое никакими доказательствами и которого настоящий историк допустить не может. Оно основано только на подложных декретах лже-Исидора, а потому явившихся позднее периода Вселенских Соборов, и к которым стали прибегать на Западе, для того, чтобы они могли послужить подтверждением учреждению не имеющему настоящих исторических оснований.

Читая акты Вселенских Соборов замечаем, что только одни епископы были членами Собора, хотя их и сопровождали пресвитеры и диаконы Церквей. Пресвитеры и диаконы участвовали в прениях вместе с епископами; но право свидетельствовать о вероучении или постановить правила имел только один епископ. Действительно епископ, *по божественному праву*, есть первенствующий пастырь Церкви; его *обязанность* есть бодрствовать под охранением залога здравого вероучения, предупреждать уклоняющихся и осуждать их, если они упорствуют в своих частных мнениях, противных общему вероучению по преданию; а если власть епископа оспаривается, то обращаться к прочим Церквам. Епископ, по сану своему, есть законный представитель вероучения своей Церкви; но и Церковь имела право протестовать, если епископ

её усвоял ей не то вероучение, которое Церковь исповедовала; она могла преследовать его и низложить по правилам. Епископ не был единственным представителем Церкви своей на Соборе. Обыкновенно он брал с собой некоторых из членов клира, а верующие имели право присутствовать при заседаниях соборов. Таким образом, не могло быть никакого подлога и вера свидетельствовалась с точностью и добросовестно.

Если бы ультрамонтане и галликане добросовестно и внимательно рассматривали положительные исторические данные, касательно Вселенских Соборов, то не могло бы быть между ними таких распрей, в которых одинаково виновны обе стороны, потому что стоят на почве, которая далеко не твердая.

Галликане сохранили многие православные начала и система их, в сущности, была остатком борьбы Запада против преобладания папства. Но так как папский деспотизм и ложные учения, им распространяемые для своих видов, мало по малу проникли даже к тем, которые против них боролись, то галликанство стало системой противоречия, не удовлетворяющей ни истинным папистам, ни православным. Даже гений Боссюэта изнемог в бесплодной борьбе, в которой находим несколько истин с твердым основанием и рядом с ними учения совершенно ложные, которых невозможно поддерживать.

Галликанец извратил историю в пользу системы, которой он старался доставить торжество *a priori*, подобно тому, как папист извращал её из своих видов. Замечательно, что как те, так и другие ссылаются на одни и те же факты, одни и те же тексты, объясняя их каждый по своему и, равным образом, ложно.

Не имеем нужды прибегать к тонкостям обеих богословских школ церкви латинской, чтобы возвратить событиям и текстам их истинное значение. Приводя их во всей их простоте, они служат подтверждением вероучений православных по вопросам, столько волновавшим Церковь Западную.

Непростые отношения Церкви и Государства

Рядом с великим фактом Соборов Вселенских стоит другой факт, господствующий в истории четвертого и последующих столетий, о котором излагались противоречащие суждения. Говорим об отношениях между Церковью и Государством, установившихся с тех пор, как императоры стали христианами.

Церковь можно рассматривать с пяти разных сторон относительно Государства:

Она может просто пользоваться покровительством Государства, как общественное учреждение, полезное для блага народов.

Она может быть, в руках Государства, орудием правления и властвования.

Она может господствовать над Государством и давать ему направление.

Она может быть гонима.

Наконец, она может существовать свободно, без всякого отношения к Государству, которое о ней не заботится, равно как и Церковь не заботится о Государстве.

Следует решить, какие были отношения Церкви к Константину и его преемникам.

Известная историческая школа отстаивает *a priori* отделение Церкви от Государства. Присваивая теории своей значение обратного действия и не принимая во внимание никакие обстоятельства, она положительно порицает отношения, установившиеся между Константином и епископами и утверждает, что тогда Церковь соединена была с Государством.³ Этим хотят сказать, что Церковь стала как бы составной частью империи Римской и была одной из отраслей общего управления.

Вывод этот ложен. Церковь при Константине считалась только общественным учреждением, которому, для общего блага, полезно было покровительствовать. Другого смысла невозможно приписывать законам, которые Константин обнародовал в пользу Церкви. Первым был просто эдикт

терпимости; но после сего ему следовало совершить великое дело справедливости и вознаграждений.

В продолжении трех столетий Христиан преследовали императоры кровожадные и свирепые; фанатики проконсулы и народ, пропитанный ненавистью к Христианам, имения их были конфискованы, церкви разграблены. Следовало вознаградить за все эти несправедливости. Эта мысль о вознаграждении руководила Константином в даровании церквям и клиру всех временных льгот. Он не определил исключительного положения духовенства в Государстве. Он только оказывал справедливость Церкви в лице её пастырей, на сколько то было возможно.

Кто вправе его порицать за это? Разве соделанные несправедливости священны? Разве не обязаны правительства, равно как и частные люди, заглаживать их по возможности?

Константин мог бы поступить строго с правительственным вероисповеданием, которое воспользовалось несправедливостями и насилиями, которые претерпевали Христиане; но он преследовал только учреждения, явно свирепые и безнравственные, *мистерии*, в которых, под предлогом богослужения, предавались самой преступной распущенности. Общественного же богослужения языческого обряда он не касался и даже оставил ему название государственного богослужения.

Но терпимость эта, вынужденная обстоятельствами, не препятствовала Константину покровительствовать Церкви и смотреть на нее, как на могущественное пособие просвещению.

Чтобы Церковь могла достигать своей цели, необходимо было дать ей силу и единство, и вот почему благочестивый император столько заботился о её единении и мире. Для этого, он входит в соглашение с епископами, созывает соборы, и в особенности первый из тех, которые удостоились названия Вселенских. Но должно заметить, что деятельность его была чисто внешняя и что он вполне предоставил пастырям Церкви дело духовное, судить о котором ему не принадлежало. Во всех внутренних раздорах, как и вопросах о вероучении, он

исключительно полагался на епископов; он поощрял их, поддерживал, не вторгаясь в область духовную.

Подобный же образ действий замечается в усилиях его прекратить борьбу православных с раскольниками карфагенскими. Последние предоставили дело свое его суду, но он отослал его к епископам, созванным в Риме.⁴ Когда же собор римский показался Донатистам подозрительным, то для суждения о них он созвал Собор в Арле. Впрочем в этом вопросе была сторона и светская, которую император мог принять на себя.

В прениях о вероучении, он еще с большим уважением относился к власти Церковной; он предоставлял ей полную свободу и сам первый подчинялся её определениям.

Константин был до кончины своей предан определениям Никейского собора, так что некоторые из арианских епископов, не взирая на лицемерие свое и влияние, не могли убедить его сослать Афанасия иначе, как скрывая свои еретические убеждения. А если он и сослал Афанасия, то эта мера была принята им не иначе, как после ложных внушений, изображавших великого святителя нарушителем мира Церкви; но он никогда не позволял обвинителям его низложить или назначить ему преемника.

Во всех деяниях Константина относительно религии заметна только заботливость даровать Церкви православной, тот внутренний мир, который необходим ей, чтобы с успехом подвизаться в деле просвещения.

Нечего заниматься здесь ни политикой великого императора христианского, ни ужасными драмами, происходившими в его семействе. Беспристрастный историк должен сознаться, что они (события?) весьма мало разъяснены и что писатели, систематически враждебные Константину, его в них не обвиняют. Соображая, что с одной стороны хранилось такое знаменательное молчание, а с другой – страсти водили пером других писателей, история не в праве произнести приговора и обязана приостановиться своим суждениям.

Нисколько не утверждаем, чтобы Константин оставался совершенно безупречным с того времени, как объявил себя

благоприятствующим Христианству; быть может даже, что из политических расчетов он столь долго откладывал свое крещение. Когда же его принял, он даже упрекал себя, что желал делать столько уступок официальной религии, в которой, по своему сану императора, оставался *верховным первосвященником*.

Но принимая в соображение его частные добродетели, научную и религиозную жизнь его среди бесчисленных забот об управлении, невозможно ему не удивляться и не уважать его.⁵

Доходили даже до упреков Константину в постройке Константинополя, как в политической бессмыслице.⁶ До того страсти ослепили обвинителей будто бы он тем раздробил Империю и уничтожил её единство.

Непонятно, в чем обвинители эти понимают единство, когда речь идет об огромном скоплении народов, сохранявших свои законы, свои обычаи, свою самобытность и которые находились в связи с Империей только тем, что платили дань и состояли под властью правителей.

Два центра православия – Рим и Константинополь

Константин понял, что все эти группы, столь разнообразные, должны быть соединены около средоточия и чувствовать его влияние. Империя чрезвычайно расширилась на Восток, Рим, по географическому своему положению, не мог уже быть центральным пунктом империи. Константин это понял, обратив внимание на Византию, находящуюся на двух морях, в самом средоточии империи и могущую служить точкой сообщения Востока с Западом. Он перестроил город, придал ему широкие размеры и назвал Новым Римом, но он сохранил наименование града Константинова; и если Константинополь не приобрел того влияния, о котором мечтал его основатель, все-таки мысль им возбужденная была великая и глубокая.

Константинополь, хотя не достиг того величия, которого ожидал Константин, но приобрел славу и был в полном блеске в то время, когда Рим, покинутый даже императорами Западными, не любившими ни буйного народа его, ни придирчивого Сената, несколько раз был опустошаем и покорен королями варваров.

Так началась борьба между Римом и Константинополем, борьба превратившаяся в раскол и отделившая Церковь Западную от Церквей Восточных, с которыми в продолжении восьми столетий она находилась в единении.

Епископ Римский весьма рано выразил свое отвращение к Константинополю, но скрывал это под личиною мнимого уважения к древним обычаям Церкви, и в то же время весьма мало уважая эти обычаи, относительно расширения своей власти. В продолжении четвертого столетия будем следить за скромными началами власти епископа Римского, власти, которая с того времени превратилась в монархию неограниченную и непогрешимую.

Один из сыновей Константина, Констанций не наследовал мудрости отца своего в сношениях с Церковью. В продолжении всего царствования, им руководила партия согласившихся епископов из ариан, которая злоупотребляла его властью на

удовлетворение своего памятозлобия. Констанций, через епископов этих, вмешивался в прения религиозные. Однако его должно считать еще умеренным в сравнении с Валентом, наследовавшим ему на Востоке, который, подобно языческим императорам, старался принудить к своей религии всех своих подданных.

При этих двух императорах Церковь православная была почти уничтожена на Востоке.

Не то было на Западе.

В короткое время, когда Констанций соединил всю империю под свое владычество, арианство по-видимому приобрело там некоторое влияние. Уполномоченные из Рима дали себя обольстить; Ливерий епископ Римский и Осия Кордуанский ослабели и сделали уступки; некоторые из епископов, как Аксентий Миланский, стали явными арианами, прочие давали предосудительные подписки.

Но Запад скоро восстал от такого упадка и когда Валентиниан управлял этой частью империи, то православие снова там оживилось, арианство же сделалось только исключением.

Естественно, что православные Востока принуждены были молить о помощи своих западных братьев, среди преследований, какие претерпевали: епископ Римский, по положению своему, был посредником между Церквями Восточными и Западными, потому что последние, сохраняя свое самоуправление, согласно устройству, существовавшему тогда повсеместно в Церкви, признавали Церковь римскую, как единственную на Западе, учрежденную Апостолами.

Кроме того Рим все-таки был первенствующей столицей и самым значительным городом в империи. Просьбы⁷ восточных к епископам Запада, в особенности к Римскому, придали ему еще более значения. Церковное влияние его возросло, сношения, которых был он естественным и почти необходимым средоточием, развили на Западе понятие, что Церковь Римская есть как бы средоточие всей Церкви.

На Востоке желали, чтобы средоточием был Константинополь; но на Западе с этим не соглашались, а

императоры Западные старались способствовать Церквам их империи сосредоточиваться около Рима.

Увидим, что не только императоры Римские, но и короли варваров, царствовавшие в Риме, следовали тому же направлению.

Грациан, император весьма православный на Западе, был первый из даровавших епископу Римскому исключительные привилегии; он издал законы религиозные и своей императорской властью поддерживал законы Церкви.

Следственно в Риме была первая Церковь, где обе власти были действительно соединены.

Не отвергая прекрасных намерений Грациана, можно сказать, что в привилегиях, дарованных им епископу Римскому, заключалась также цель политическая.

На империю, особенно Западную, со всех сторон нападали варвары. Многие из народов этих были язычниками, но некоторые христианами. Между епископами их и епископами Римскими существовали сношения. Если бы все епископы могли получать одинаковые внушения из общего средоточия, то можно бы было иметь влияние не только на народы, находящиеся в империи, но и на народы угрожающие её границам, могущее послужить к выгодам самой империи.

Рим естественным образом представлялся средоточием, откуда могли исходить общие внушения, а чтобы внушения эти сделались более решительными, то следовало даровать епископу Рима исключительные преимущества, и власть, которая сделала бы его действительным средоточием Церквей Запада. Вот мысль, которой руководствовались императоры и короли Италии в законах, имевших целью распространение власти епископа Римского.

Внешние обстоятельства и законы эти породили в Риме идеи и виды, которые, развиваясь мало-помалу, довели до системы папской.

Такое учреждение как папство возникло не вдруг, оно не было навязано немедленно и насильственно, оно должно было возникнуть и действительно возникло от известных обстоятельств и развивалось постепенно.

Впоследствии станем изучать эти развития. Но первые начатки замечаются в четвертом столетии и мы обязаны были на них указать.

Арианство

Еще следует сделать общий очерк другого важного вопроса, волновавшего Церковь в продолжении всего четвертого столетия – это арианство.

Прежде еще делались нападки на божество Иисуса Христа, но вопрос этот представлялся в ином виде. Некоторые из гностиков просто говорили, что Иисус Христос не Бог; что Он был только *человеком*. Мистики гностицизма отрицали, что Он был *настоящим человеком*, они приписывали Ему только вид человеческий и смешивали Его с *Единым Богом*.

Савеллий, принимая с одной стороны это учение о едином Боге, а с другой – о простом человечестве Христовом, отрицал Троицу, опираясь даже на один из догматов Православия, худо им понятый: о тождественной сущности трех Божественных Лиц и выводил отсюда унитаризм.

Арий пресвитер Александрийский, выступил противником Савелия⁸ потому, что еретик этот злоупотреблял словом тождественный по сущности или единосущный⁹ отвергал его, утверждая, что учение о Св. Троице следует развивать так:

Отец только един Бог предвечный, существующий Сам по Себе, прежде сотворения мира; Он даровал рождение Сыну и сообщил Ему свойства божественные, так что по истине можно сказать, что Он Бог.

Ученики Ария выразили подобное же учение о Святом Духе.

Следственно, по мнению Ария, в Божестве истинная Троица, потому что Отец даровал Сыну и Св. Духу свойства божественные, естество божественное; Они имеют Божество также, как Отец, но сущность их не тождественна.

Ясно, что Арий, системой своей, делал уступку учению языческому о сообщении божества существам второстепенным, который в сущности не боги.

Савелий, унитаризмом своим, восставал против основания языческого о многобожии, только он не хотел понять, что Троица Христианская вовсе не благоприятствует системе языческой.

Арий же, из понятия о Троице, понятия не совсем христианского, выводил некоторым образом язычество.

Оба еретика не хотели подчиниться верованию по преданию, они полагали объяснить сущность божественную, как будто сущность эта не превышает человеческого разума.

Церковь, осудившая Савелия, равным образом осудила Ария. Она не приняла ни унитаризма первого, ни язычества – второго. Однако многие из епископов увлеклись обманчивыми формулами и, не будучи в сущности арианами, благоприятствовали системе этого еретика, из боязни впасть в унитаризм Савелия.

Оттого борьбы оживленные, пламенные, страстные, волновали Церковь в четвертом столетии.

В них различаются два периода, один после другого.

Сперва спорили о Божественной сущности Сына. Церковь призвана была для решения; и вселенский Собор Никейский провозгласил вероучение апостольское, постоянно исповедуемое Церковью; он решил, что Сын одинаков по сущности со Отцом и также, как и Он является Богом.

Второй период борьбы относится к Божественной сущности Святого Духа. Аэций сделал приложение системы Ария о Сыне к Духу Святому; Евномий развил эту систему, а епископ Константинопольский Македоний придал ей имя свое. Церковь была призвана решить этот второй вопрос и вселенский Собор Константинопольский провозгласил, подобно Никейскому, древнее вероучение апостольское о единстве сущности Святого Духа, Сына и Отца.

Рядом с этими прениями, необходимо обратить внимание и на возвышенную полемику знаменитых мужей Церкви православной против систем еретических. Великие имена Афанасия, Василия, Григория Богослова, Илария Пиктавийского, Дидима Александрийского, Амвросия Миланского, заглушают весь шум прений. В оставшихся возвышенных творениях их истина христианская является в полном блеске, рядом с непреодолимыми суждениями, облеченными изумительным красноречием.

Гениальность христиан возросла во время борьбы и четвертое столетие есть самое блистательное в Церкви по развитию мышления.

Истина откровенная хотя в сущности *развиваться* не может, как выражение самого Существа бесконечного, но разум при её изучении должен развиваться. Только основанием преуспевания при изучении догматов должно быть постоянное уважение к догмату в *его сущности*, иначе будет не преуспевание, а изменение.

Вот почему ереси, извращавшие догматы, никогда не могли послужить к умственному развитию общества христианского, тогда как бессмертные творения Отцов Церкви, где сущность догматов уважается, развили в Церкви высшее разумение божественного вероучения и возвысили разум человеческий до такой высоты, какая ему только доступна.

Церковь, в четвертом столетии, в этом отношении несравненно превзошла общество языческое; то, что осталось из творений Юлиана, Либия и прочих знаменитостей того времени ни в каком отношении не может быть сравнено со знаменитыми творениями великих писателей, нами названных. Гений философский, красноречие, поэзия и наука имели тогда в Церкви благороднейших представителей.

Добросовестно изучая богословские творения четвертого столетия, мы почерпнули из них достоверные сведения о вероучении, о таинствах, богослужениях и благочинии Церкви того времени. Сопоставляя эти данные с теми, которые находятся у писателей периода апостольского, неизбежно приходишь к убеждению, что Церковь четвертого столетия тщательно сохранила наследие первых трех столетий, и невозможно найти в ней никаких изменений.

Вывод этот противоположен многочисленным религиозным системам, придуманным богословами и историками новейшими. Но что же делать?

Оставаясь верными принятому нами правилу: принимать события и свидетельства таковыми, как они есть, не допуская никакого обобщения, если оно не основано на этих событиях и свидетельствах или не истекает из них прямо, как из источника.

На таких только основаниях пишется правдивая история.

Имея только в виду предвзятую идею, и покоря этой идеи события, можно дойти до систем исторических, но не до истории правдивой. Таким же образом паписты и протестанты утверждают, что нашли свои теории в памятниках первых столетий, тогда как ни один из этих памятников их не оправдывает.

Истина находится посреди крайностей обеих враждующих Церквей.

Оканчиваем эти общие соображения взглядом на общественное влияние Церкви в четвертом столетии.

Пытались заметить в обращении Константина начало нравственного упадка в христианском обществе. Некоторые из религиозных писателей даже приняли это мнение, но мы считаем его неоспоримой исторической ошибкой.

В Церкви первенствующей были злоупотребления; но за них невозможно упрекать Церковь, всегда их осуждавшую. Злоупотребления эти существовали, только стали многочисленнее, когда, после обращения императоров, толпа наполнила Церковь. Церковь стала тогда многолюднее, но она продолжала порицать погрешности, случавшиеся в лоне своем.

Погрешности эти стали ли многочисленнее и сильнее, когда множество народа вошло в Церковь?

На вопрос этот отвечать трудно, по недостатку данных.

Мнение, нами принятое после добросовестного и беспристрастного изучения исторических памятников в их совокупности, то, что нравственность христианская не упала с того времени как Церковь стала многочисленнее. Не взирая на гонения, могущественное стремление влекло народы к Христианству. Дух Божий носился над миром и идолопоклонство разрушалось при презрении и отвращении народном.

Возрождение этого идолопоклонства посредством философии было кратковременной мечтой Юлиана, но предприятие его не удалось бы даже тогда, если бы провидение дало ему более времени преследовать цель свою.

Идолопоклонству сочувствовали только одни предрассудки невежественных жителей деревень и вскоре его стали называть только *паганизмом* или религией мужиков (*paganus*, мужик). Между новыми христианами, конечно, было много сохранивших нравы языческие, другие вступали в Церковь только из честолюбия и по расчету; но не обратили достаточно внимания на то, что Христианство никому не навязывалось; что число принимавших его из угождения императору не могло быть велико, что даже сама философия, это идолопоклонство книжных, подпала полнейшему презрению.

Из заметок этих должно заключить, что принятие Христианства толпой было добровольное и свободное и что оно не произвело тех неудобств, которые приписываются ему некоторыми историческими школами слишком опрометчиво.

С политико – общественной точки зрения Христианство не противоборствовало никакому из учреждений, даже невольничеству. Цель религии Христовой не есть переустройство государств, но насаждение в душе добродетелей, которые противоборствуют самой сущности дурных учреждений и уничтожают их мало-помалу. Упомянув только о невольничестве, Церковь принимала в лоно свое наравне невольника и господина, она внушала им те же чувства любви и взаимного уважения. Вследствие этого учета, господин естественным образом располагался видеть в невольнике своем брата и освобождать его. Епископы благоприставали освобождениям, а при христианских императорах освобождение через епископа получило силу закона. Таким образом невольничество мало-помалу уничтожалось под влиянием понятий христианских.

Сравнивая же, в течении первых веков, общества Христианское и языческое, невозможно не отдать преимущества первому, продолжая же такое сравнение в четвертом и в последующих столетиях приходишь к убеждению, что в последнее время общество стало несравненно нравственнее, нежели то было до обращения Константина, и приходится заключить, что Церковь имела огромное нравственное влияние на мир Римский.

Конечно, многие злоупотребления продолжались и мы заявим их единогласно вместе с самыми святыми мужами Церкви; но из этого еще не следует выводить, как то часто делали, что злоупотребления, сильно порицаемых, указывали на низкий нравственный уровень всего общества.

**Период семи вселенских соборов. Книга
седьмая (год 325 – 346). I. Год 325**

Никейский Вселенский Собор

Константина весьма огорчали споры арианские, возмущавшие не только Египет, но и всю Римскую империю. Распри эти усложнялись еще расколом Мелетия и вопросом о Пасхе. Сирийцы, Киликийцы и жители Месопотамии праздновали Пасху в один день с Евреями, и упорствовали в своем обычае¹⁰. Послания, писанные Константином для прекращения распрей арианских, не имели ожидаемых им последствий, а потому он решился созвать¹¹ Вселенский Собор. Он разослал ко всем епископам послания, в очень почтительных выражениях, приглашая их поспешить, сколько возможно, в Никею в Вифинии. Город этот избран был Константином потому, что, находясь в центре империи, представлял удобство для собрания епископов из различных провинций. Сверх того, он дал епископам и сопровождавшим их духовным лицам пособия от правительства для проезда. Повеление императорское¹² было доставлено во все провинции, и епископы с радостью направились в назначенный город. Надежда, что собрание их принесет пользу Церкви, желание восстановить в ней мир и счастье видеть Императора, столь чудесным образом призванного к вере, руководили ими всеми. Собрание стольких лиц, не знавших друг друга и чуждых между собой, имело прекраснейшие последствия; они составили, говорит Евсевий, священнический венец из прекраснейших цветов.

Из всех Церквей, наполнявших Европу, Азию и Африку,¹³ лица, находившиеся во главе служителей Господних, собрались в одну церковь, которая как бы расширилась по этому случаю. Сирийцы и Киликийцы, Финикиане, Арабы, Египтяне и жители Палестины, Фиваиды и Месопотамии собрались все в одном месте. На Соборе присутствовал один из епископов Персии и заметили там одного епископа Скифа.¹⁴ Из Понта, Галатии, Памфилии и Каппадокии, Азии и Фригии прибыли самые знаменитые епископы. Фракийцы, Македоняне, Греки и Эпироты, не взирая на отдаленность от Никеи, прибыли на

Собор. Из Испании, епископ Осия,¹⁵ самый знаменитый по своему красноречию, заседал там с прочими епископами страны своей. Епископ царственного города, то есть Рима, не прибыл на Собор по старости, но прислал двух пресвитеров, заменить его и дать согласие на то, что будет постановлено на Соборе.¹⁶ Константин, созывая этот собор, бывший как бы изображением сонма Апостолов, желал посвятить Христу Спасителю венец из цветов, сплетенный и связанный единением мира. Так выражается о том Евсевий.

Во времена Апостолов, верующие из всех народов собирались в Иерусалим; но в Никеи члены собора были все служители Господни. Там видели более двухсот пятидесяти епископов, и невозможно сказать наверное число сопровождавших их пресвитеров, диаконов, священосцев и прочих клириков.

Среди этих служителей Божиих¹⁷ одни отличались своей мудростью, другие строгостью своей жизни и перенесенными ими мучениями. Были отличавшиеся смирением и непорочностью. Некоторые особенно, уважались за маститую старость, другие были в полном цвете лет, разума и сил и только недавно получили сан пастырский.

Во время пребывания их в Никеи, Константин доставлял им все необходимое.

Феодорит насчитывает триста восемнадцать епископов.¹⁸ Он именует среди их Иакова, епископа Антиохии, из Мигдони, города, который Сирийцы и Ассирийцы называли Низибия. Иаков был знаменит своими чудесами, особенно же воскрешал умерших. Павел епископ Неокесарийский, на Ефрате, претерпел мученичество при Ликинии, у него были отрублены обе руки и сожжены нервы сочленений. У некоторых был вырван правый глаз, у других вырезаны языки. Среди последних был Пафнутий,¹⁹ епископ верхней Фиваиды. Епископ Кипрский пользовался в Церкви великой славой. Собор был как бы сонмом мучеников.

Однако там находилось много епископов единомысленных с Арием, но скрывавших свои ложные мнения. Самыми

знаменитыми из них были: Евсевий Никомидийский, Феогност, епископ Никейский и Марис, епископ Халкидона в Вифинии.

Главным противником их был Афанасий, диакон Церкви Александрийской. Александр, епископ Александрии, чрезвычайно его уважал, почему имел он множество завистников.

Созвание Собора Никейского произвело в империи большой говор. Множество философов прибыло в Вифинию и начали прения с епископами еще прежде открытия заседаний собора.²⁰ Так как они нападали с помощью диалектики, то один из епископов, одаренный весьма здравым суждением, сказал им: «Христос и Апостолы не учили нас ни диалектике, ни тонкостям; но преподали нам учение простое и ясное, в которое мы веруем и стараемся осуществить его в добрых делах». Все согласились, что это правда и что следует придерживаться вероучения, оставив в стороне все тонкости диалектики. Диакон Афанасий обратил на себя особенное внимание при этих прениях.

Прежде торжественных заседаний император потребовал от епископов письменного изложения всего, в чем они могут упрекнуть друг друга, чтобы иметь время все это разобрать, так как еще прежде получал некоторые жалобы. Когда все прошения были ему доставлены, то он объявил епископам, что он не имеет качеств необходимых, чтобы быть их судьей, что судья их – один только Бог и что следует предоставить все жалобы суду Его. Все же поданные ему бумаги он приказал сжечь в присутствии самих епископов, сказав им: «Христос повелел прощать брата своего, если хотим сами получить прощение». Затем он убеждал епископов хранить взаимный мир и согласие.

Заседания собора происходили в императорском дворце, в среднем зале, самом обширном помещении в Никеи²¹ Седалища были размещены по обеим сторонам зала и каждый занял назначенное ему место. Все хранили глубокое молчание, в ожидании императора. Высшие сановники двора, бывшие христианами и особенно любимые Константином, вошли первые и заняли свои места. Возвестили о прибытии императора, все

немедленно встали и Константин вошел до середины зала, подобно ангелу Божию, говорит Евсевий; пурпуровая мантия его, усыпанная драгоценными камнями и золотыми украшениями, блистала как молния. Он шествовал скромно, что еще более возвышало наружную прелесть его особы. Поклонившись собранию он дошел до конца мест к низкому золотому сидалищу и не сел, пока не получил на то дозволения от собрания.

Епископы сели после него.

Тогда епископ, занимавший первое место с правой стороны,²² встав, обратился к императору с кратким приветствием, в котором благословлял Бога, поставившего такого великого монарха во главе империи. Когда оратор сел, все взоры обратились на Константина, и он, весело и кротко взглянув на собрание, произнес следующую речь:

«Возлюбленнейшие,²³ я пламенно желал видеть вас когда-либо всех вместе. Благодарю Бога, Царя всяческих за то, что желание это исполнилось. Сверх всех неисчисленных благ, Им на меня излитых, Он даровал мне еще более того – видеть вас собранными в единомыслии и единении чувств. Враг да не препятствует впредь успехам нашим! Помощью Господа Спасителя мучительство восстававших в брани против Бога разрушено и уничтожено; демон да не имеет более способов вредить религии богохульством своим и клеветами! Разделения в Церкви Божией кажутся мне более важными и более опасными, нежели война и возмущение; дела внешние не столько меня тревожат, как дела религиозные. С того времени, как, по воле и помощи Божией, я восторжествовал над моими врагами, мне кажется, что я не должен иметь иной заботы, как благодарить Господа и радоваться с теми, которых даровал Он мне в помощники. Но, как только узнал я о ваших разномыслиях, то решился не пренебрегать этим делом, а потому созвал²⁴ вас всех, чтобы уврачевать столь великое зло. Чувствую невыразимую радость видеть всех вас вместе, но буду считать дело мое конченным совершенно только в тот день, когда увижу всех вас в согласии и единении, выполнившими на деле то согласие, которое вы, как люди

посвятившие себя Богу, обязуетесь проповедовать и внушать другим. Потщитесь же, дражайшие святители Божии верные служители общего Господа нашего и Спасителя, уничтожить всякую причину раздора и постановлениями вашими прекратить, как можно скорее, все затруднения! Вы совершите тем дело благоугодное Владыке всяческих, а мне, сотоварищу вашему в служении Богу, окажете великую услугу».

Константин произнес речь сию на латинском языке, а переводчик перевел ее на греческий. Затем он предоставил слово председательствующим на Соборе.²⁵ Немедленно возник оживленный спор. Император все выслушивал терпеливо; интересовался всеми возбужденными вопросами и говорил только с целью примирения. Во время прений этих он употреблял греческий язык, как более распространенный, нежели латинский, говорил он с кротостью, но в то же время показал, что отлично знает все обсуждаемые вопросы. Одним противопоставлял он рассуждения, другим слово мира, приветствовал тех, которые отличались даром слова и старался привести всех к одинаковому взгляду на дело. Он достиг цели и, наконец, все согласились.

Рождение Символа Веры

Рассуждали преимущественно о двух вопросах: О системе Ария, соединявшей в себе все предшествовавшие ереси, и о вопросе о Пасхе.²⁶ Согласились касательно первого пункта исповедания веры, которое было точным изложением древнего вероучения и определили день, когда все Христиане должны праздновать Пасху. Константин для соглашения, преимущественно настаивал на том,²⁷ что вероучение относительно Божественности ясно изложено в Евангелиях и Посланиях Апостольских и что лучше основываться в их свидетельстве, нежели прибегать к тонкостям диалектики. Епископы были того же мнения и большинство приняло Символ, изложенный и предложенный собранию Осией.²⁸ Однако некоторые воспротивились, именно: Евсевий Никомидийский, Феодот Лаодикийский, Павлин Тирский, Афанасий Апазарбский, Григорий Бейрутский, Аэций из Лидды или Диосполиса,²⁹ –они неискренно приняли Символ и встретили на Соборе новых приверженцев арианской системы: Менофанта Ефесского, Патрофила Скифополисского, Феогниса Никейского, Мариса Халкидонского, Нарсисса из Неродиады или Иреполиса: кроме того Феопатр из Мармарики и Секунда из Птолемаиды, в Ливии; давние сторонники Ария также выразились против здравого вероучения. Противники оного представили Собору формулу, противную изложенной Осией. Но она была немедленно отвергнута, как противная вере; ее сильно порицали и она произвела такое волнение, что все от неё отказались, кроме Секунда и Феоны.

Арианский контр-проект был составлен Евсевием Никомидийским,³⁰ вместе с Менофантом Ефесским, Патрофилом Скифополисским, Феогнисом Никейским, Нарсиссом из Неродиады, Феоною из Мармарики и Секундом из Птолемаиды. Евсевий в особенности старался употребить в нем выражения двусмысленные, чтобы заставить думать, – будто допускает Божество Сына, тогда как он в сущности его отвергал. Но обмануть Собора увертками он не мог; ему

противопоставили Писание и предание Церквей, учивших, что Сын имеет одинаковую сущность со Отцом, то есть единосущен Ему (ὁμοούσιος).

Арий сам знал это слово, как то видно из послания его к Св. Александру и упрекал православных за то, что они употребляли его, для выражения истинной веры. Спор касался преимущественно этого слова, употребленного Осией в его проекте символа. Большинство епископов, однако приняло оное, как выражение истинной веры.

Святой Афанасий, присутствовавший на соборе и принимавший большое участие в прениях, оставил нам сведения, пополняющие повествования историков. Они заслуживают того, чтобы тщательно их собрать.

Когда открылись прения о вероучении, то епископы с кротостью и вежливо просили ариан изложить основания, служащие в пользу их учения, и подтвердить их положительными доказательствами, то есть богословскими, не теряясь в бреднях философских. Лишь только осмелились они открыть уста, как все признали их заслуживающими осуждения. Они спорили между собой, а когда им противопоставили доказательства, опровергающие их систему, то хранили молчание, которое было признанием их заблуждений. Епископы отвергли тогда двусмысленные выражения, в которые они облекли их, и провозгласили истинную веру Церкви.³¹

Арий сам изложил свое учение перед Собором.

Сын, говорил он³² не более участвует в сущности божественной, как и прочие твари, потому что сам есть творение Божие. Бог не для него нас создал, напротив того – сотворил его для нас. Сначала Бог был один и Слова с Ним не было, но восхотев создать нас, Он его сотворил, наименовав его Словом, Сыном, Премудростью, и соделал посредником нашего создания. Подобно всем прочим тварям, он был сотворен по воле Отца, но не есть собственное и естественное произведение Отца, только по благодати Он стал Его Сыном. Бог всегда существовавший, соизволил на существование Сына, подобно тому, как соизволил на существование всех других существ. Следственно, Сын есть только произведение

сотворенное и не может знать сущности несотворенной, вечной; Он даже не может знать собственной своей сущности.

Услышав, такие хулы, Отцы Собора зажали уши и единогласно объявили, что произносящий их – еретик и заслуживает осуждения. Вот почему они отлучили его и провозгласили, что система его противна верованию Церкви. Определение свое изрекли они совершенно свободно, не подвергаясь ни малейшему влиянию. Они признали, что арианство прямо ведет к иудейству, и даже к язычеству и что поддерживающие подобные заблуждения недостойны имени Христиан.

Для избежания уверток ариан, Отцы Собора признали необходимым провозгласить, что Сын из сущности Отца и что Он Ему единосущен.³³ Слово это подвергалось многим ошибочным толкованиям. Савеллий злоупотребляя им, утверждал, что если Сын той же сущности как и Отец, то составляет с Ним одно Лицо, иначе сущность божественную должно признать делимою. Допуская слово *единосущный* как православное, он выводил из него отрицание Троичности,

Выражению *единосущный* придавали тот же самый превратный смысл, при прениях на соборе Антиохийском против Павла Самосатского. Если Сын и Дух Святой единосущны Отцу, говорил Павел, то из сего следует, что в Божестве три сущности, одна первенствующая, две от неё истекающие, следственно три Бога. Он добавлял: если скажут, что Сын был человеком, которому даровано именование Бога, то сущность Божественная остается единой и неприкосновенной. Епископы во избежание козней Павла Самосатского, отвергли выражение *единосущный* в том значении, которое он ему давал, а равно и в том, какое поддерживал Савеллий и провозгласили, что Христос есть Слово Божие предсуществовавшее сотворению природы человеческой, с которой Слово соединено ипостасно.

Арий допускал, согласно Отцам Антиохийским, что Христос есть Слово, существовавшее прежде соединения своего с естеством человеческим и даже существовавшее прежде времени, но утверждал, что оно было *сотворено* прежде времени, следственно от вечности не исходит из сущности

Отца. Отрицая же выражение *единосущный*, он употреблял его в том смысле, какое давал ему Савеллий, опровергая Троичность.

Отцам Никейским следовало избежать двоякого затруднения: не впадая в ересь савеллиеву, осудить арианство. Они достигли этого своим исповеданием веры, в котором утверждается догмат о единой сущности в Божестве и Троичности ипостасей. Таким образом обе ереси были осуждены, а православное вероучение вселенское изложено со всей ясностью.

Приверженцы Ария предложили заменить слово *единосущный* словами *исходящий от Бога*, усвоив выражению от Бога (*ex Deo*) смысл не православный; но Отцы собора поняли их ухищрения. Они приняли выражение от Бога, но объяснили его, сказав, что Сын происходит от Бога не как прочие твари, что Он есть истинное излияние Его сущности. Обо всех творениях можно сказать, что они *от Бога*, потому что сотворены Им посредством Слова; но только об одном Слове можно сказать, что оно от Отца, то есть от сущности Отца, выражение, которое неприложимо ни к одному сотворенному существу.

Выражения: *от сущности Отца*, *единосущный*, не находятся в Писании, но они с точностью выражают верование Церкви, почему Отцы и употребили их, вынужденные необходимостью отвратить козни ариан. Они не изобретали этих выражений, как их упрекали в том после ариане, но заимствовали у древних Отцов.³⁴ Употребляя это слово, Отцы Собора не считали себя облеченными личной властью произносить суд о вере.³⁵ Они только провозгласили «то, чему веровала Церковь вселенская». Они позаботились объяснить, что они не постановляют нового догмата, но провозглашают только то, чему учили Апостолы и чему Церковь всегда веровала.

Так выражается Св. Афанасий.

Евсевий Кессарийский³⁶ сначала восставал против слова *единосущный* за ложный смысл, какой придавал ему Савеллий, хотя знал, что прежние Отцы употребляли это слово, для

изложения истинного вероучения. Но убедившись, что Собор Никейский придает выражению сему такой же смысл как и прежние Отцы, Евсевий искренно принял Символ Никейский и написал Церкви своей послание, в котором выражается так.³⁷

«Вы, без сомнения, знаете, возлюбленные братья, о каких предметах рассуждали на великом Соборе Никейском касательно веры Церкви, потому что молва предшествует обыкновенно извещению о событиях. Но из опасения, чтобы повествование, которое дойдет до вас, не было неверно, признали мы нужным послать вам формулу веры, которую мы сначала предлагали и ту, какую провозгласили епископы, добавив к нашей несколько объяснений. Формула наша, читанная в присутствии возлюбленного Богом императора, показалась всем хороша и правильна. Она составлена была так:

«Как мы приняли от предшествовавших нам епископов, когда были наставлены в вероучении и крещены, как изучили это из Священного Писания, как все, епископы-ли, пресвитеры-ли, мы веровали и учили так веруем и ныне и излагаем вам веру нашу:

«Веруем в единого Бога, Отца Всемогущего, Творца видимых и невидимых;

«И во единого Господа Иисуса Христа, Слово Божие, Бога от Бога, света от света, жизнь от жизни, Сына Единородного, перворожденного всей твари, рожденного от Бога Отца прежде всех веков, сотворившего все, воплотившегося спасения нашего ради, жившего среди человеков, страдавшего и воскресшего в третий день, вознесшегося ко Отцу и снова грядущего со славою судить живых и мертвых.

«Также веруем в Духа Святого.

«Веруем, что каждый из Них есть и существует: Отец истинным Отцом; Сын истинным Сыном; Дух Святой истинным Духом Святым, согласно сим словам Господа нашего, изреченным когда Он посылал учеников Своих на проповедь, сказав: Шедше, научите все языки, крестяще их во имя Отца и Сына и Святого Духа. Объявляем, что мудрствуя так, мы имеем

веру сию, имели прежде и сохраним постоянно, осуждая и анафематствуя всякую нечестивую ересь.

«Удостоверяем, что всегда так мудрствовали в глубине сердца с тех пор, как узнали сии истины; что мудствуем так и ныне и говорим это искренно в присутствии Бога Всемогущего, Господа нашего Иисуса Христа, и готовы представить вам доказательства веры нашей и убедить вас: что всегда имели её и учили как ныне».

«Когда я прочел это изложение веры, то никто не сделал никаких возражений. Возлюбленный Господом император первый изъявил свое согласие; он объявил, что всегда так веровал и приглашал всех принять это изложение веры и подписать, добавив к тому только слово *единосущный*. Он сам объяснил это слово, сказав, что не следует его понимать в смысле материальном, как будто бы сущность божественная была доступна делимости и дробимости, что не свойственно сущности чисто-духовной, но в смысле божественном и таинственном. После такого рассуждения императора, собрание приняло слово *единосущный* и следующее исповедание веры».

Здесь Евсевий приводит Символ, который мы поместим ниже, и затем добавляет:

«Когда эта формула веры была представлена, мы не оставили без рассмотрения того, что сказано в ней относительно выражений: *из сущности* и *единосущный*. Предложено было по этому предмету много вопросов и дано много ответов; серьезно рассуждали о смысле предложенных выражений. Согласились, что слова *из сущности* обозначают: что Сын исходит *от Отца*, но не как часть Отца. Выражение это показалось нам правильным, как выражающее здоровое учение, состоящее в том: что Сын исходит от Отца, но не есть часть его сущности; а потому и мы согласились. Мы не отвергли и слова *единосущный* из любви к миру и чтобы не погрешить в точном понимании вероучения: По той же причине мы изъявили свое согласие на слова *рожденный, не сотворенный*, потому что, как изъяснили, слово *сотворенный* выражает действие Божественного творчества, сотворившего всяческие через Сына, и что оно не идет к Сыну Сему, Которому не следует

приписывать причину бытия, подобную существам Им сотворенным и имеющему сущность несравненно высшую, нежели все твари, сущность заимствовавшуюся от Отца, по учению божественных проповедников, таинственно, невыразимо и непостижимо для разума человеческого. Когда говорится, что *Сын единосущен Отцу*, то ясно разумеется, что сообщение сущности Отчей не имеет ничего подобного существам одушевленным, сообщавшим сущность свою посредством разделения, дележа, сообщения, все действиями, которые не приличествуют сущности Божественной. Слово *единосущный* означает только, что Сын не имеет никакого сходства с тварями Им сотворенными, но подобен Отцу, от Которого рожден и не имеет ни иного бытия, ни иной сущности, кроме заимствованной Им от Отца.

«После всех этих объяснений мы рассудили одобрить слово *единосущный*, тем более, что, как нам известно, оно употреблялось многими из прежних Отцов и самых знаменитых писателей для объяснения Божества Отца и Сына.

«Я счел долгом войти во все эти подробности относительно веры, провозглашенной в Никеи, на которую все мы согласились, не по легкомыслию и необдуманно, но после объяснений, данных в присутствии благочестивейшего императора и по причинам выше изложенным и всеми одобренным.

«Без горести смотрим анафематствование, сопровождающее Символ веры, потому что им отвергаются только выражения, чуждые Священного Писания и производившие все смуты в Церкви. Ни в одной из богодухновенных книгах не находится выражений: *Из не сущих, было время когда Его не было*, нет следственно никакой причины упорствовать в употреблении их. Вот почему изъявили мы свое согласие на определение справедливое и полезное, их запрещающее, тем более, что мы никогда не допускали осужденных выражений.

«Дражайшие братья, я счел долгом своим написать вам все это, чтобы вы знали причины наших колебаний и нашего согласия; чтобы убедить вас, что мы имели причины

сопротивляться до тех пор, пока принятые выражения не представили нам смысла совершенно ясного и правильного; но что мы приняли их искренно, коль скоро нам доказали, что выражения эти по смыслу своему согласуются с верой, которую мы всегда исповедовали».

Превосходное послание это служит ответом на обвинения, возводимые на ученого епископа Кессарийского и совершенно объясняет его предшествовавшее поведение. Он не принимал формул Ария; но некоторые выражения, употребляемые православными можно было понимать превратно. Но как скоро смысл этих слов был определен и православие ограждено, то Евсевий принял их без затруднения.

Святой Афанасий с похвалою приводит послание епископа Кессарийского.³⁸ Оно достойно этой чести.

По свидетельству упомянутых памятников, на Соборе Никейском были предложены три формулы: предложенная Евсевием Никомидийским отвергнута без колебаний, как еретическая; формула Евсевия Кессарийского была одобрена с тем, чтобы включено было в нее слово *единосущный*. Осия предложил третью формулу, которая и была принята, после того как определен был православный смысл слова *единосущный* и ограждено его значение от всяких ложных толкований.

Вот формула или исповедание веры, провозглашенное в Никее:³⁹

«Веруем во единого Бога Отца, Вседержителя, Творца всех, видимых и невидимых.

«И во единого Господа Иисуса Христа, Сына Божия, едиnorodного, рожденного от Отца, то есть, из сущности Отца, Бога от Бога, Света от Света, Бога истинна от Бога истинна, рожденна, несотворенна, единосущна Отцу, Имже вся быша, яже на небеси и на земли: нас ради человек, и нашего ради спасения сшедшаго, воплотившася и вочеловечшася, страдавша, воскресшаго в третий день, восшедшего на небеса и сидяща одесную Отца и паки грядущаго судити живых и мертвых.

«И во Святаго Духа.

«Глаголющих же о Сыне Божиим, яко бысть время, егда не бе (когда его не было) или прежде неже родитися не бе, или яко от сущих (тварей) бысть, или из иныя ипостаси или сущности глаголющих быти, или превратима (извращаемым) или изменяема Сына Божия, – сих анафематствует кафолическая Апостольская Церковь».⁴⁰

Таковым было первоначальное изложение Символа Никейского. Он согласовался с древними символами, которые приводили мы по указаниям предшествовавших Отцов и которые были в употреблении в частных Церквах; но этот был первым из получивших характер вселенский и в подробностях своих он преимущественно направлен был против заблуждений арианства. Члены собора, своей ясной и точной терминологией, подтверждая веру всегда и повсеместно исповедуемую, соделали тщетными все тонкости и ухищрения ереси.

Арий отказался подписать этот Символ и был низложен. Евсевий Никомидийский и Феогнис Никейский согласились, по крайней мере по видимости, допустить символ, но отказались подписать низложение Ария.⁴¹ Константин послал Ария в ссылку и навсегда запретил ему возвращаться в Александрию. Феона из Мармарики и Секунд Птолемаидский также были сосланы. Евсевий Никомидийский и Феогнис Никейский были сосланы уже после собора, как то увидим впоследствии. Епископы эти, подобно всем поддерживавшим Ария, подписались только лицемерно и опасаясь ссылки.⁴² Как только они получили возможность отказаться от подписи своей и делать нападки на Собор Никейский не подвергаясь опасности, то сделали это с неслыханной дерзостью, как мы увидим то впоследствии.

О Пасхе

После осуждения учений Ария, Собор перешел к вопросу о Пасхе. Рассуждения о том имели уже совершенно иной характер. Когда дело шло о вере, то Отцы довольствовались словами: *Так верует Церковь кафолическая*. «Они исповедовали, добавляет Св. Афанасий,⁴³ то, чему постоянно веровали и провозглашали учение апостольское. Переданное ими письменно не было их изобретением, но учением апостольским».

Это замечание св. Афанасия ясно определяет сущность власти епископской в постановлениях о вере. Епископы не имеют никаких прав над вероучением и не могут возвести на степень догмата никакого нового учения, обязанность их состоит провозглашать только то, чему учили Апостолы, и то, во что всегда веровала Церковь кафолическая.

Прения относительно определения для празднования Пасхи имели совершенно другой характер. Дело шло о вопросе, чисто по благочинию церковному и который по своему свойству, следственно, мог быть решен властью епископов, первенствующих пастырей Церкви, имеющих божественное право на управление в ней. Отцы Собора Никейского не могли, следственно, сказать, как по предмету веры: «Так верует Церковь кафолическая», но употребили другую форму: «Следующее определено».

Это замечает святой Афанасий.

Определение Никейского Собора о Пасхе до нас не дошло. Известно однако,⁴⁴ что было предписано не праздновать этого дня в одно время с Евреями, но только в Воскресенье, следующее за четырнадцатым днем луны после весеннего равноденствия.

Определение этого дня Собор препоручил Церкви Александрийской, издавна известной по познаниям астрономическим, решив, что она будет сообщать свое определение Церкви Римской. Последняя же, находясь в первой столице империи и имея удобные сообщения с

провинциями самыми отдаленными, будет обязана сообщать им о дне, указанном Церковью Александрийской.

Определение Никейское не решило всех затруднений, потому что в Риме вычисляли равноденствия иначе, нежели в Александрии, и хотя вычисление оных было препоручено Церкви Александрийской, но в Риме отказались принимать их, что и поддерживало еще между Востоком и Западом некоторые различия в праздновании Пасхи, хотя и соглашались с правилом, провозглашенным на первом Вселенском Соборе в Никеи.⁴⁵

Собор занялся также расколом Мелетия. Акты знаменитого собрания до нас не дошли,⁴⁶ но мы находим сведения по этому вопросу, а также по вопросу о Пасхе в посланиях, с уведомлением о том, отправленных ко всем Церквам. Драгоценные памятники эти – принадлежность истории и мы обязаны привести их вполне.

«Церкви Александрийской,⁴⁷ святой и великой по благодати Божией, и возлюбленной братии, обитающей в Египте, Ливии и Пентаполе, епископы собранные в Никеи и составляющие великий и святой собор, радоваться о Господе».

«По благодати Божией и по созванию Константина, государя возлюбленного Богом,⁴⁸ собранные из различных провинций и городов и составляя в Никеи великий и святой собор, признали мы нужным обратиться к вам с посланиями от лица святого собора, дабы вам было известно, что на оном было предложено, рассмотрено, определено и постановлено.

«Во-первых, перед глазами возлюбленного Господом императора нашего Константина, рассуждалось о нечестивых и развращенных учениях Ария, и единогласно решено подвергнуть их анафеме, равно как богохульство и софизмы, к которым прибегал он, утверждая будто бы Сын Божий получил бытие свое из несущего; что Его до рождения не было и было время когда Он не существовал; что Он был способен к добру и ко злу, согласно употреблению Своего свободного произволения, что Он был тварью и существом сотворенным. Святой собор изрек анафему на все эти безрассудные богохульства, которые он, с прискорбием даже, принужден был

выслушать. Какое было для Ария последствие его заблуждений, – вы конечно уже знаете или вскоре узнаете; мы не упоминаем вам об этом, из опасения показаться оскорбляющими человека, уже получившего достойное воздаяние за свои преступления. Однако нечестие его имело такое влияние на Феону из Мармарики и на Секунда Птолемаидского, что они предпочли лучше понести то же наказание, чем отречься от его учения. Египет будет на будущее время освобожден от этих людей, своими нечестивыми мнениями возмущавших мирный народ, вследствие чего были беспорядки.

«Затем остается дело Мелетия и рукоположенных им.⁴⁹ Сообщаем вам, дражайшая братья, постановленное собором: «Хотя Мелетий не заслуживал никакого снисхождения, по собору угодно было ему оное оказать; а потому он решил, что Мелетий останется в своем епископском городе, но без власти избирать и рукополагать, а также не может пользоваться этим правом ни в каком другом городе, и сохранить титул чисто почетный. Относительно же поставленных им, то они, после совершения над ними рукоположения более правильного, будут допущены к общению и останутся в званиях своих и должностях, но только во втором разряде, в приходах или церквах, где возлюбленный сотоварищ наш Александр прежде сего поставил епископов. Ни один из них не может принимать участия в избраниях, ни прочих обязанностях епископских без соизволения епископов Церкви кафолической, подчиненной Александру.

«Те, которые по благодати Божией и по молитвам вашим, участия в расколе не принимали, но остались неопороченными в Церкви кафолической и апостольской, будут пользоваться правом избирать, указывать людей достойных рукоположения и выполнять все другие обязанности по законам и правилам церковным. Если случится, что кто-нибудь из восстановленных в Церкви умрет, то преемником его можно избрать другого из тех же восстановленных, только бы он был сего достоин, избран народом и утвержден Александрийским епископом Церкви кафолической. Правило это общее; исключается из оногo только личность самого Меления за его сварливый нрав и его

неблагоразумие; ему бесполезно было возвращать власть, которой он мог бы снова злоупотреблять.

«Таковы вопросы, исключительно относящиеся до Египта и святейшей Церкви Александрийской. Если какие другие решения были приняты в присутствии господина и достоуважаемого брата и сотоварища нашего Александра, он с точностью сообщит их вам, как лицо в них участвовавшее.

«Также с радостью возвещаем вам, что мы согласились относительно празднования дня Пасхи, и что, по молитвам вашим, дело единения совершилось. Таким образом наши восточные братья, совершавшие Пасху одновременно с Иудеями и отделявшиеся сначала от вас, от Римлян и от других Церквей, впредь будут праздновать ее *вместе с вами*⁵⁰

«Возрадуйтесь же о том, что было столь счастливо выполнено, для мира и согласия, на искоренение ересей и примите с заслуженными почестями и любовью сотоварища нашего епископа вашего Александра. Присутствие его доставило нам великую радость и не взирая на свою маститую старость он много потрудился для того, чтобы вы наслаждались миром.

«Молитесь за нас всех, чтобы то, что мы сочли за благо постановить, благоугодно было Господу нашему Иисусу Христу и чтобы воспринято было Им, как благое и соделанное по воле Бога Отца, о Духе Святом, которому слава во веки веков. Аминь».

Решение по делу Мелетия было помещено в одном из правил Собора, которые будут изложены.

В дополнение сведений, находящихся в этом соборном послании о деяниях Собора, не бесполезно рассмотреть послания Константина к различным церквам.

Первое послание императора написано к епископам, которые не могли присутствовать на соборе, в нем упоминается только о дне празднования Пасхи. «Главная забота моя, сказано там,⁵¹ это о единении Церкви кафолической в вере и любви; но цели этой не мог бы я достигнуть, если бы епископы не были все между собою согласны, вот почему созвал я собор самый многочисленный, какой только было возможно созвать, и

сам присутствовал на нем, как один из ваших, ибо с радостью говорю, что я ваш сотоварищ.

«Касательно же священнейшего дня Пасхи, единогласно решено праздновать ее в один день. Мы сочли неприличным праздновать ее в тот же день как Иудеи, осквернившие руки свои пролитием крови Неповинного. Примите определение это с покорностью, потому что на определенное святыми соборами епископов должно смотреть, как на выражение воли божественной».

Исполнение определений Никейских относительно мелетиян произвело некоторые смуты, а потому Константин писал Церквам Египта в подтверждение определений Собора и ради убеждения епископов им подчиниться.⁵² В частности писал он *Церкви кафолической Александрийской*, извещая ее о постановлениях Собора против Ария.⁵³ Против еретика этого он выказал ревность свою до того, что, под угрозой смертной казни, приказал сжечь его книги.⁵⁴ Арий, говорит он, столь же виновен, как и Порфирий, автор позорных сочинений против религии, заслуживших участь достойную их, и которые были уничтожены.

Константин для полного умиротворения Церкви желал прекратить также раскол Новациана, имевшего несколько приверженцев. Епископом их был некто Ацесий. Константин пригласил его на собор и он прибыл.⁵⁵ Когда Символ был провозглашен и сделано определение о праздновании дня Пасхи, Константин спросил Ацесия, принимает ли он то и другое. «Конечно принимаю, отвечал раскольничий епископ, потому что решения эти апостольские.» В таком случае почему же, сказал Константин, вы остаетесь отделенными? Ацесий начал длинные объяснения подробностей о причинах своего раскола, существующие со времен Деция, утверждая, что падшие не могут ожидать от Церкви отпущения которого она и дать им не может. «Вы хотите, следственно, взойти на небо одни и без пособий, отвечал Константин, приставляйте же лестницу и восходите».

Он не обратил более внимания на начальника секты, у которой почти не было приверженцев.

Правила благочиния Никейского Собора

Окончив вопросы о вере и единении Церкви, Собор постановил правила о благочинии.⁵⁶ Некоторые из епископов предлагали обязать епископов, пресвитеров и диаконов, после рукоположения, оставлять жен своих и жить безбрачными. Епископ Пафнутий сильно восстал против такого предложения. Достоуважаемый святитель этот с малолетства воспитывался в монастыре и никогда не был женат. По достоинствам своим избран он был в епископы одного из городов верхней Фиваиды. Он прославился своими чудесами. Во время гонения исповедал Иисуса Христа и у него был выколот глаз. Константин особенно уважал его, часто приглашал его во дворец и почтительно целовал следы его достохвальных язв.

Когда предложили новое правило о безбрачии и спрашивали мнения каждого из епископов, то Пафнутий встал среди собрания и, возвысив голос, сказал: «Вы не должны возлагать такого тяжелого ига на духовенство. Брак честен и брачное ложе не скверно. Слишком большая строгость, вместо пользы, повредит Церкви; не все могут подчиниться совершенному воздержанию, и случится, что целомудрие многих и супруг их будет нарушено. Отношения мужа с законной женою своею целомудренны. Достаточно, если, по старинному преданию Церкви, возводимые в церковный сан не будут вступать в брак после рукоположения, но не должно никого из духовных разлучать с женой, с которой законно сочетался, будучи еще мирянином».

Слова Пафнутия произвели тем более впечатления, что он повсеместно был известен чистотою своих нравов. Собор единогласно принял его мнение. Предоставлено было на волю тех, кто после рукоположения захотел бы оставить жену свою, жить в безбрачии. Среди духовенства того времени такое совершенство было не редкость.

По древнему преданию Церкви епископы могли, следственно, жить со своими женами, подобно пресвитерам и

диаконам; но ни те, ни другие не могли вступать в брак после рукоположения иначе, как оставив свое служение.⁵⁷

Правил, изданных Собором Никейским, двадцать.⁵⁸ Приводим их с краткими объяснениями.

1-е. Если у кого в болезни врачами отъяты члены, или кто варварами оскотлен, таковой да пребывает в клире. Если же, будучи здоров, сам себя оскотит, такового, хотя бы и к клиру причислен был, надлежит исключить, и отныне никого из таковых не производить. Но как явно то, что сие изречено о действующих с намерением и дерзающих оскотлять самих себя, так напротив, кто от варваров или от господ, в прочем же обряжутся достойны, таковых в клир допускает правило (Ап. прав, 21).⁵⁹

Были фанатики, сами себя подвергавшие увечию, осуждаемому Собором, они составляли секту, для которой оскотление было законом. Участники этой секты обязывались оскотлять своих учеников и всех мужчин, кого только могут. Их называли валезианами.⁶⁰ Может быть Собор в своем первом правиле имел ввиду этих сектантов. Можно также думать, что он не хотел, чтобы подражали примеру святителей рукоположивших Оригена и считал нужным, решением своим, покончить споры, бывшие по этому делу.

2-е. Так как по нужде, или другим побуждениям человек, многое произошло не по правилу церковному (Ап. прав. 80), так что людей от языческого жития недавно приступивших к вере, и краткое время оглашенными бывших, вскоре к духовной купели приводят и тотчас по крещении возводят в епископство или пресвитерство: посему за благо признано, дабы впредь ничего такового не было. Потому что и оглашенному потребно время и по крещении дальнейшее испытание. Ясно писание апостольское глаголющее: *не новокрещену, да не разгордевся в суд впадет и сеть диаволу* (1Тим. 3:6). Если же в продолжение времени душевный некоторый грех обретен будет в некоем лице,⁶¹ и будет обличен двумя или тремя свидетелями, таковой да будет исключен из клира. А поступающий вопреки сему, яко дерзающий сопротивляться великому Собору, подвергает себя опасности исключения из клира.

3-е. Великий собор без изъятия положил, чтобы ни епископу, ни пресвитеру, ни диакону и вообще никому из находящихся в клире, не было позволено иметь сожительствующую в доме жену, разве мать, или сестру, или тетку, или те токмо лица, который чужды всякого подозрения.

4-е. Епископа поставлять наиболее прилично всем той области епископам. Если же это не удобно, по надлежащей нужде или по дальности пути, по крайней мере три во едином месте да соберутся, а отсутствующие да изъявят свое согласие посредством грамот, и тогда совершат рукоположение. Утверждать же таковые действия в каждой области подобает митрополиту.

Правило это доказывает, что поземельные разделения империи были до Собора Никейского отчасти введены в Церкви. Она была разделена на провинции, подобно империи, и епископ главного города провинции или метрополии назывался митрополитом; ему была присвоена некоторая судебная власть над прочими епископами провинции.

Сами провинции были сгруппированы около патриархий, как то видно будет из правила шестого.

5-е. О тех, которых епископы, по каждой епархии, удалили от общения церковного, принадлежат ли они клиру или к разряду мирян, должно в суждении держаться правила (Ап. прав. 32), которым постановлено, чтобы отлученные одними не были приемлемы другими. Впрочем, да будет исследуемо, не по малодушию ли, или распри, или по какому-либо подобному неудовольствию епископа, подпали они отлучению. И так, дабы о сем происходить могло приличное исследование, за благо признано, чтобы в каждой области дважды в год были соборы; чтобы все вообще епископы области, собравшись вместе, исследовали такие недоумения. И таким образом достоверно оказавшиеся несправедливыми против епископа, основательно всеми признаны были недостойными общения, доколе не заблагорассудит собрание епископов произнести о них более снисходительное решение. Соборы же да бывают: один перед Четыредесятницей, да, по прекращению всякого

неудовольствия, чистый дар приносится Богу (на Пасху), а другой около осеннего времени.

В соборе сосредоточивалось также церковное управление каждой провинции; управление это было соборное как и всей Церкви, единственным законным представительством которой был Собор Вселенский.

6-е. Да хранятся древние обычаи, принятые в Египте, и в Ливии и в Пентаполе, дабы Александрийский епископ имел власть над всеми этими странами. Потому что и Римскому епископу это обычно. Подобно, и в Антиохии и в иных областях да сохраняются преимущества Церквей. Вообще же да будет известно сие: если кто без соизволения митрополита поставлен будет епископом, о таковом великий собор определил, что он не должен быть епископом. Если же общее всех избрание будет благословно и согласно с правилом церковным, но два или три по собственному любопрению будут оному прекословить, да превозмогает мнение большинства избирающих.⁶²

Последняя часть этого правила служит доказательством, что в первой – дело касается преимущественно права рукополагать, которое, по древним обычаям, принадлежало епископам великих престолов. Церкви, учрежденные во времена Апостолов, были средоточиями благовестия и епископы Церквей рукополагали епископов стран вновь обращенных к вере ими самими или от них посланными. Египет, Ливия и Пентаполь постоянно принимали епископов своих от епископа Александрийского, откуда приняли и веру свою. Мелетий отрицал права Церкви Александрийской, но Собор признал их и узаконил. Мелетиане конечно возражали, что этот обычай есть злоупотребление, но Собор отвечал, что это не есть злоупотребление *потому*,⁶³ что подобный же обычай существует и для Рима, для Антиохии и для других епархий. Подобно епископу Александрии, епископ Рима имел право рукополагать епископов в местностях, называемых *подгородными*.⁶⁴ Города эти образовали то, что называется область римская, то есть южная Италия, с островами Сицилией, Корсикой и Сардинией. По древнему обычаю, подобному тому, которой существовал в Египте, епископы Рима рукополагали

епископов этих областей, получивших веру от их Церкви.⁶⁵ В Антиохии существовал подобный же обычай.

Обычаи эти были подтверждены для престолов трех столиц империи: Рима, Александрии и Антиохии. Это и было *началом патриаршеств*. Но рядом с главными столицами были столицы второстепенные, средние между ними и митрополиями. Таковы были города Ефес, Кесария в Каппадокии, Гераклия в Оракии и Карфаген в западной Африке.

Епископы этих второстепенных столиц пользовались большей властью, нежели просто митрополиты; многие из них получили титул экзархов. Другие, подобно епископу Саламинскому на острове Кипре, были первенствующими епископами в Церквах самобытных, независимых ни от патриархов, ни от экзархов, и которые, поэтому, назывались *автокефальными*. Все установившиеся обычаи равно были уважаемы Собором Никейским, основавшим внутреннее управление Церквей на соборах провинциальных. Власть патриархов, экзархов и прочих первенствующих епископов ограничивалась только правом рукополагать епископов для Церквей филиальных тех, которыми они управляли. Со временем патриархи и экзархи приобрели и другие преимущества.

Собор Никейский не входил в подробности прав и обычаев. Он объявил только, что правило его об устройстве провинциальном оставляет неприкосновенными обычаи, освященные временем. Он положил только общие основания патриархатов, которые в подробностях были учреждены уже последующими Вселенскими Соборами, развившими его мысль и приложившими к внешнему устройству Церквей поземельное разделение империи.⁶⁶

Епископ Иерусалимский заслуживал особенного места в иерархии церковной, не по значению своего города, утратившего даже имя свое, но по воспоминаниям, которые с ним связаны. Седьмое правило посвящено ему.

7-ое. Так как утвердилось обыкновение и древнее предание, чтобы чтили епископа пребывающего в Элии,⁶⁷ то да

имеет он последование чести, с сохранением достоинства, присвоенного метрополии.

Митрополитом Палестины был епископ Кесарии, столицы провинции. Седьмое правило Никейское может считаться началом патриархата Иерусалимского, в том смысле, что оно законным образом признавало исключительную почесть и независимость, которыми он пользовался по обычаю апостольскому.

8-ое. От именовавших некогда самих себя Чистыми (или кафарами), но присоединяющихся к Кафолической и Апостольской Церкви,⁶⁸ благоугодно святому и великому Собору, да, по возложению на них рук, пребывают они в клире.⁶⁹ Прежде же всего надлежит им письменно исповедать, что присоединятся и будут следовать определениям кафолической и Апостольской Церкви, то есть будут в общении церковном и с двоеженцами и с падшими во время гонений, для которых и время покаяния установлено и срок прощения назначен. Надобно, чтобы они во всем последовали определениям кафолической Церкви. Итак, где, или в селах, или в городах, все находящиеся в клире окажутся рукоположенными из них одних, да будут в том же чине. Но там где есть епископ кафолической Церкви, и некоторые из них приступят к Церкви; ясно, что епископ православной Церкви будет иметь епископское достоинство, а именующийся епископом у так называемых чистых, будет иметь честь пресвитерскую; разве заблагорассудит местный епископ, чтобы и тот участвовал в чести имени епископа. Если же сего ему не угодно будет, то для видимого сопричисления такового к клиру, изобретет для него место хорепископа или пресвитера, да не будет двух епископов в одном городе.

Правило это свидетельствует о великом снисхождении к Новацианам и заставляет предполагать, что если в Церкви справедливо порицали их крайнюю строгость, то все же не смешивали их с еретиками, старавшимися извращать вероучения Церкви. Несомненно, что среди Новациан были люди высокой святости, как например инок Евтихиан.⁷⁰ Собор

находил, что они заслуживают внимания и достойны быть членами Церкви.

9-ое. Если некоторые без испытания произведены в пресвитеры, или хотя при испытании исповедовали свои грехи, но после их исповедания, против правила подвиглись человеки и возложили на них руки; таковых правило (Ап. прав. 25) не допускает до священнослужения. Церковь католическая непременно требует непорочности.

10-ое. Которые из падших произведены в клир, по неведению или со сведением произведших; сие не оставляет силы правила церковного. Таковые, по дознании, извергаются от священного чина.

11-ое. Отступившим от веры, не по принуждению или не по причине отъятия имений, или опасности, или чего-либо подобного, как то случилось в мучительство Лициниево, Собор определил являть (им) милость, хотя и не достойны человеколюбия. Которые истинно покаются, три лета проведут между слушающими чтение Писаний, как верные, и семь лет да припадают к Церкви, прося прощения, два же года будут участвовать с народом в молитвах, кроме причащения святых таин.

Это правило Собора Вселенского служит подтверждением предшествующих правил о покаянии, которому подвергали падших. То же в последующем правиле Собор продолжает говорить о взыскании с приверженцев Лициния.

12-ое. Благодатию призванные к исповеданию веры и первый порыв ревности явившие и отложившие воинские поясы, но потом как псы на свою блевотину возвратившиеся, так что некоторые и серебро употребляли и посредством даров достигли восстановления в воинский чин, таковые десять лет да припадают к Церкви, прося прощения, по трехлетнем времени слушания Писаний в притворе. Во всех же сих надлежит принимать в рассуждение расположение и образ покаяния. Которые страхом и слезами и трепетом и благотворениями являют делом, а не по наружности, тех, по исполнении определенного времени служения, прилично будет принимать в общение молитв. Даже позволительно епископу быть к ним

снисходительнее. Некоторые равнодушно понесли свое грехопадение и вид вступления в Церковь полагают достаточным для обращения; те всецело да исполняют время покаяния.

Послабления в выполнении покаяния назывались *индальгенциями*.⁷¹

Правило это служит доказательством, что верующие, принятые в воинскую службу, сперва отказались от оной при Лицинии, который, с той поры как объявил войну Константину, считал себя защитником язычества, требуя от военных публичного присоединения к идолопоклонству. Многие сделавшие из военной службы обеспечение своих способов жизни, по слабости опять вступили в ряды войска Лициния. Это было отступничеством от веры, которое Собор должен был строго наказать. Но настаивая на сохранении правила в его сущности, он соглашался на снисхождение к тем, которые хотя по слабости и пали, но изъявляют искреннее раскаяние.

13-ое. О находящихся при исходе жития, да соблюдается и ныне древний закон и правило, чтобы умирающий не лишаем был последнего и нужнейшего напутствия. Если же выздоровеет, да будет между участвующими токмо в молитве. Вообще всякому умирающему, кто бы ни был, просящему причастится евхаристии, со испытанием епископа, да преподаются святыя дары.

Собор требовал, чтобы при наступлении смерти всякое препятствие к примирению с Церковью отстранялось. Церковь постановляла правила только на время настоящей жизни, но никогда не вторгалась во власть Божию относительно жизни будущей.⁷² Она позволяла отпускать епитимию покаяния и преподавать причастие всем умирающим из отлученных, которые сего просили.

14-ое. Относительно оглашенных – отпадших, угодно святому великому Собору, чтобы они три года были между слушающими Писания, а потом молились с оглашенными.

Было несколько рядов оглашенных: одни из них только присутствовали при наставлениях в вероучении и назывались слушающими; другие могли присутствовать при литургии

оглашенных, продолжающейся до Херувимской песни, которой начинается литургия верных по чину восточному, или до дароприношения по чину латинскому. До крещения своего, более образованные из оглашенных и достойные сего были поучаемы отдельно, что подало некоторым из писателей повод говорить о третьем разряде оглашенных. Предосторожности, принимаемые Церковью прежде допущения в лоно свое оглашенных, были главными способами к поддержанию христианского духа среди верующих.

15– ое. По причине многих смятений и неурядиц за благо рассуждено совершенно прекратить обычай по времени (апостольскому правилу) обретающийся в некоторых местах; дабы из города в город не переходил ни епископ, ни пресвитер, ни диакон. Если же кто после сего определения святого и великого Собора таковое что-либо предпримет или допустит сделать с собой таковое дело: распоряжение да будет совершенно недействительно и перешедший да будет возвращен в Церковь, в которой рукоположен.

Сожалеть должно, что это правило Апостольское столь часто нарушалось во всех Церквях. Конечно, здесь дело касается только правила благочиния, которое всегда может быть изменено властью церковной и мы не колеблясь признаем, что великие святители были переводимы, для блага Церкви, на престолы более значительные, нежели те, для которых они сначала были рукоположены. Но правило Апостольское, возобновленное в Никеи, само по себе превосходно и достойно более точного соблюдения.

16– ое. Если пресвитеры или диаконы или вообще к клиру причисленные опрометчиво и страха Божия пред очами не имея и церковного правила (Ап. пр. 15) не зная, удаляются от собственной Церкви; таковые отнюдь не должны быть принимаемы в другой Церкви, и надлежит всякое понуждение употреблять против них, да возвратятся в свои приходы, а если останутся упорными, подобает им чуждым быть общению. Также кто дерзнет принадлежащего ведомству другого восхитити и в своей Церкви рукоположити, без согласия собственного

епископа, от которого уклонился причисленный к клиру; не действительно да будет рукоположение.

Собор Никейский по-видимому заботился оградить целостность каждой церкви и соделать каждое общество христианское прочно устроенным средоточием. Мысль эта превосходна, потому что сила Церкви преимущественно истекает из прочного устройства частных церквей. Клирики и миряне, соединенные около своего епископа, составляют могущественное сродство для ограждения веры и благочиния; соединением всех частных церквей образуется могущественная Церковь, проявляющаяся в своем вселенском единстве, коль скоро какой-либо из её догматов подвергается опасности.

Собору хотелось также отстранить всякое честолюбие в духовенстве. В следующем правиле воспрещается ему всякое лихоимство.

17-ое. Так как многие причисленные к клиру, любостыжанию и лихоимству последуя, забывали божественное Писание глаголющее «серебра своего не даде в лихву», и давая в долг требуют процентов,⁷³ судил святой и великий Собор, чтобы, если кто после сего определения обрящется взимающей рост с данного в заем или иной оборот дающий сему делу, или половинного роста требующий, или нечто иное вымышляющий ради постыдной корысти, таковой был извергаем из клира и чужд духовного сословия.

Часто случалось, что избирались в епископы, пресвитеры или клирики в Церкви люди занимавшиеся торговыми делами и продолжавшие свою торговлю или свое ремесло, выполняя и священные обязанности. Так на самом Соборе Никейском был святой епископ из Кипра, именем Спиридон, бывший хлебопашцем и разводивший скот. По возведении своем в сан епископа, он продолжал свои прежние занятия. Занимающиеся торговлей могут легко увлечься расчетами более выгодными, нежели добросовестными. Собор не позволяет этого и повелевает исключать из духовного сословия всех жадных и несправедливых по торговле.

18-ое. Дошло до святого и великого собора, что в некоторых местах и городах диаконы преподают пресвитерам

евхаристии, тогда как ни правилом, ни обычаем не предано, чтобы не имеющие власти приносить преподавали приносящим тело Христово. Также и то сделалось известным, что даже некоторые из диаконов и прежде епископов евхаристии прикасаются. Все это да пресечется и диаконы да пребывают в своей мере, зная, что они служители епископа и низшие пресвитеров. Да приемлют же евхаристии по порядку после пресвитеров, преподаваемую епископом или пресвитером. Но даже сидеть посреди пресвитеров не дозволено диаконам, потому что то и не по правилу и не в порядке. Если кто, после сего определения, не хочет послушен быть, да прекратится диаконство.

Литургия, в которой освящается евхаристия, совершается в известные дни, и только однажды, епископом или пресвитером. Епископ и прочие пресвитеры за оною причащались. Из правила Никейского видно, что диаконы, служившие при престоле, приобщались даже прежде епископа, если он не священнодействовал и после того разносили евхаристию присутствовавшим священникам. Это злоупотребление. По определению Собора, – сперва причащается епископ, затем – пресвитеры, а диакон должен приступать последним.⁷⁴

В памятниках древней Церкви встречается множество фактов, свидетельствующих о гордости некоторых диаконов, особливо городских. По обязанностям своим в Церкви, диакон был в постоянных сношениях с епископом, когда тот священнодействовал, кроме того, он выполнял обязанности, по которым мог иметь большое влияние на верующих. Городские диаконы считали себя лицами чрезвычайно важными и превосходящими сельских пресвитеров. Даже городские пресвитеры, служение которых было чисто духовное, имели менее влияния нежели диаконы. Таким образом объясняется высокомерие некоторых диаконов, и злоупотребления, которые Собор желал прекратить.

19-ое. О бывших павлианами (ереси Павла Самосатского), но потом прибегнувших к кафолической Церкви, постановляется определение, чтобы они все вообще вновь крестимы были. Если же которые в прежнее время к клиру принадлежали, таковые,

если окажутся беспорочными и неукоризненными, да будут рукоположены епископом католической Церкви. Если же испытание найдет их неспособными к священству, надлежит им быть изверженными из священного чина. Подобно и в отношении к диаконам и вообще всем причисленным к клиру тот же образ действия соблюдается. О диакониссах же упомянули мы о тех, которые по одеянию за таковых приемлются, потому что они, впрочем, никакого рукоположения не имеют, так что могут совершенно считаться мирянками.

Павел Самосатский не веровал в божество Иисуса Христа и, заблуждаясь о сущности Божества, не преподавал крещения во имя Отца и Сына и Святого Духа; поэтому Собором признано крещение его не действительным. Но так как упоминается только о последователях Павла Самосатского, то можно заключить, что и крещение других еретиков, заблуждавшихся о Святой Троице и крестивших не по чину, установленному Иисусом Христом, по мнению Собора должно было считать действительным.

20-ое. Так как некоторые преклоняют колена в день Господень и во дни Пятидесятницы, то, дабы во всех епархиях все одинаково соблюдается было, угодно святому Собору, да стояще приносят молитвы Богу.

Обычай, вообще соблюдавшийся в первоначальной Церкви, был молиться стоя. Известный только разряд кающихся молился распростертым на земле. Однако установился обычай, при некоторых молитвах, делать коленопреклонения. Собор запрещает это по Воскресным дням и во все дни от Пасхи до Пятидесятницы, в знак радования о воскресении Господнем.⁷⁵

Окончание Собора

Собор окончил занятия свои ко дню празднования двадцатилетия царствования Константина.⁷⁶ Император пригласил всех епископов на пиршество и все без исключения явились. Для оказания им почести, воины царской дружины были расставлены кругом в преддвериях дворца, с обнаженными мечами. Люди Божии мирно шествовали мимо этих воинов, в прежнее время столь страшных, и проникли во внутренность палат. Некоторые заняли места за столом императора, другие за столами, постановленными по сторонам в двух смежных залах. Собрание это, говорит Евсевий изображало царство Иисуса Христа и было скорее мечтой, нежели действительностью.

После пиршества, Константин одарил всех епископов более или менее щедро, смотря по достоинствам.

Настало время Собору разойтись. Константин в последний раз собрал отцов Собора на прощальное заседание. В речи, произнесенной им, он убеждал их особенно сохранить взаимное согласие, избегать раздражающих прений и не завидовать епископам, отличавшимся мудростью или красноречием. Каждый, добавил он, должен считать общим достоянием доблести частных лиц; более возвышенные не должны считать себя превосходнее прочих, потому что одному Богу принадлежит суд над истинным достоинством каждого. Более возвышенным приличнее всего благосклонно и кротко обращаться с подчиненными; очень трудно найти что-либо совершенное, а потому следует взаимно извинять слабости, и непостоянство природы человеческой, стараясь поддерживать согласие. Раздоры, которые между вами возникнут, только возбудят смех в людях, старающихся найти случай для нападков на закон божественный. Главной заботой нашей должно быть старание привлечь к себе противников наших, внушая им уважение и удивление к тому, что между нами происходит. Не всегда полезно пускаться в продолжительные беседы и объяснения того, что темно. Действительно, одни

нуждаются для жизни в большом количестве пищи, для других же достаточно и малого; часто случается, что небольшой подарок вызывает на более тесную дружбу, тогда как для других достаточно ласкового приема, для возбуждения в них привязанности. В сущности, мало людей, ищущих истины и любящих длинные речи. Нужно, следовательно, сообразовать поступки свои с вкусом тех, которых желаешь привлечь к здравому вероучению.

Оканчивая, император просил епископов молиться за него и дозволил им возвратиться к своим церквам.⁷⁷ Все отцы, исполненные радости, оставили Никею с уверенностью, что единение воцарится в Церкви.

Выше было упомянуто о посланиях, писанных Константином епископам и Церквам с уведомлением о различных определениях Собора. Определения эти сообщены были Церквам первенствующими епископами, присутствовавшими на Соборе. Не подлежит сомнению, что они доставлены были на Запад Осией, двумя пресвитерами епископа Римского, присланными в Никею для представительства его и прочими епископами западными. Известно из выше приведенного свидетельства Евсевия, что Осию сопровождали епископы испанские, но не известны ни имена их, ни престолы. Историки именуют только весьма небольшое число членов; по сказаниям их мы их и назвали. По актам различных позднейших соборов, по делам арианства, и по некоторым указаниям, находящимся в творениях святого Афанасия, можно прибавить еще несколько имен к тем, которые нами приведены; но все – так дойдем до числа весьма ограниченного. Епископы подписали акты собора;⁷⁸ но как подписи их так и самые акты до нас не дошли.

Если верить Геласию Кизическому,⁷⁹ акты Собора Никейского были сообщены в Рим, в Италию, в Испанию и прочим народам Запада Осиею епископом Кордуанским, и двумя пресвитерами римскими Витоном и Винцентом.

Александр Александрийский передал их в Египет, Ливию, Пентаполь и прочим Церквам тех стран, даже до Индии.

Макарий Иерусалимский и Евсевий Кессарийский послали их Церквам Палестины, Аравии и Финикии.

Евстафий Антиохийский сообщил Церквам Целесирии, Месопотамии и Киликии.

Иоанн Персидский сообщил их Церквам Персии и великой Индии; Леонтий Кессарийский – Церквам Каппадокии, Галатии, Понта, Пафлагонии и Армении; Феона Кизический – Церквам Азии, Геллеспонта, Лидии, Карию, посредством викарных епископов Евтихия Смирнского и Марина Троадского; Александр Фессалоникийский – Церквам Македонии, Греции, Скифии, Иллирии, Фессалии, Ахаии и других смежных европейских провинций; Нунехий Лаодикийский – Церквам Фригии; Протоген Сардийский – Церквам Дакии, Калабрии, Дардании и прочих смежных провинций; Цецилиан Карфагенский – Церквам Африки, Нумидии и Мавритании; Пистос Маркианополиский Церквам Мизии, Галатии и прочих соседственных провинций;⁸⁰ Александр Византийский – Церквам островов Цикладских.⁸¹

Достоверно, что акты Собора Никейского были приняты всеми Церквами Востока и Запада, как исходившие от Собора Вселенского. Вскоре после собора Святой Афанасий удостоверял, что Собор этот был принят не только на Востоке, но и в Галлии, Испании и Риме.⁸²

Епископы, тайно приверженные к арианству, подписали акты Собора, кроме Феоны и Секунда; но искренними они не были. Евсевий Никомидийский, и Феогнис Никейский, допуская Символ Вселенский, по крайней мере по наружности порицали отлучение Ария, вследствие которого он был сослан. Они не осмеливались защищать заблуждений еретика, но заступались за личность его. Этим они делали оскорбление самому императору, произнесшему определение о ссылке; а потому сами были сосланы. Их судили и избрали им преемников Амфиона в Никомидию, а Хреста в Никею.⁸³

II. 326 – 337

Воздвижение животворящего Креста

После Собора Никейского Константин ощущал великую радость,⁸⁴ полагая что вся Церковь соединенная единой верой, будет наслаждаться полным миром и может с большим успехом трудиться над распространением Христианства во всех слоях общества. В воспоминание великого события, которому он столько способствовал, он решился воздвигнуть храм в Иерусалиме на Голгофе, где принесена была жертва за искупление мира. Он препоручил это дело Макарию, епископу Иерусалимскому, которому написал по этому случаю превосходный рескрипт, сохраненный для нас Евсевием. Елена, мать императора, способствовала этому благочестивому предприятию и отправилась в Палестину наблюдать за выполнением оною. Елена была ревностной христианкой. По прибытии в Иерусалим она взшла на Голгофу и приказала делать раскопки чтобы обрести крест, на котором Иисус Христос был распят. У евреев существовал обычай зарывать орудия казни на том самом месте, где осужденный был казнен. Это было драгоценным указанием; но с того времени как идолопоклонство начало борьбу против Христианства, не пренебрегали никаким средством, чтобы загладить следы Богочеловека. Голгофа завалена была мусором до того, что местность совершенно изменилась, там даже построили здания, а в особенности храм посвященный Венере.

Не взирая однако на эти злоухищрения, воспоминание о святых местах, где Спаситель умер и воскрес, сохранилось в сердцах христиан. Как только Константин повелел воздвигнуть на этих местах храм, тотчас раскопали весь мусор, наношенный язычниками и открыли вертеп, где погребено было тело Иисусово. Рядом обретено было три креста и дщица с титлом, лежавшая отдельно, на которой можно было прочесть написанные по-еврейски, гречески и латински слова: «Иисус Назарянин, Царь Израилев». Три креста были по всему один на другой похожие и трудно было узнать между ними крест

Христов, потому что дщица с титлом, которая отличала его от двух других, была оторвана.

Макарий, епископ Иерусалимский, решился обратиться с молениями к Самому Богу, для указания Креста, который следовало чествовать. В Иерусалиме находилась тогда женщина в болезни безнадежной и при смерти. Макарий приказал отнести в дом её все три креста. Елена и сановники её последовали туда за епископом. Прикосновение двух крестов к умиравшей не произвело ничего; но как скоро прикоснулся к ней третий, – она открыла глаза и встала с постели совершенно здоровой. Известие о чуде этом быстро разнеслось в Церкви и в память обретения Святого Креста установлен был праздник – *Воздвижение животворящего Креста*, который всегда торжественно праздновался в Церкви.⁸⁵

Пока строился, по великолепному чертежу, храм, который Константин повелел воздвигнуть на Голгофе,⁸⁶ Елена приказала строить два других: один в Вифлиеме, где Христос родился, а другой на горе Елеонской, откуда вознесся на небо.⁸⁷ Оставив Палестину, она путешествовала по Востоку, благотворя бедным, церквям и подавая пример всяких добродетелей. В это время Константин оставил Восток и прибыл в Рим, где должен был праздновать двадцатилетие своего царствования.

Среди влечения всего мира к Христианству, Рим оставался языческим. Конечно там находилась богатая и цветущая Церковь, но сочлены её составляли в городе меньшинство. Сенат был почти весь языческий, управление языческое, и никаким декретом не была еще отменена официальная религия, составлявшая часть государственного устройства. Император, не взирая на все то, что он сделал в пользу Христианства, *официальным* образом все еще считался верховным первосвященником и изображался на медалях и в надписях как сотоварищ богов. Народ римский сохранил еще привязанность к старинным суевериям и не без ропота слушал рассказы о покровительстве Константином богопочитания, которое ненавидел и презирал, не зная его.

Император Константин

Константин прибыл в Рим в июле 326 года. Он был принят сначала с холодностью, но чувство это обратилось в озлобление, когда увидели, что император не принимает никакого участия в торжествах, соединенных с обрядами языческими. С того времени он не мог показаться на улицах, не возбуждая против себя сильных воплей и оскорблений. Сначала он помышлял о возмездии, но рассудив, стал презирать это. Однако он понял, что идолопоклонство еще опасная сила и нужно сосредоточить против него все усилия. Он опасался, чтобы по смерти его не верующий преемник не возвратил язычеству то обаяние и могущество, которыми оно столько злоупотребляло, и не стал бы разрушать дело Христианства и просвещения, о котором он так заботился.

Император находился под влиянием этих размышлений, когда его известили о заговоре, средоточием которого был Рим, а во главе которого находились сын его Крисп и юный племянник, сын Лициния, вместо которого действовала мать его Констанция.

Константин имел двух жен. От первой Минервины был у него сын, по имени Крисп. От второй, Фаусты, дочери Максимиана было три сына. При нем находились три сына Констанция Хлора, но от другой жены, а не от Елены, матери Константиновой. В семействе, у членов которого были столь противоположные интересы и естественное нерасположение друг к другу, конечно дело не могло обойтись без происков. Тут отчасти участвовала и религия, потому что в то время как одни, подобно Константину, явно преданы были Христианству, другие тайно благоприятствовали идолопоклонству. Крисп, отчасти, в том подозревался. Кроме того, его ненавидела Фауста, потому что он не согласился на преступную любовь, которую она к нему питала. Можно также предполагать, что сын Лициния был посвящен в противохристианскую политику отца своего и воспитан в намерениях отомстить за него.

Фауста, вознамерившись погубить Криспа, выдумала, как утверждают, обширный заговор, душой которого был будто бы кесарь Крисп, а целью его было уничтожить христианские учреждения Константина. Находясь под влиянием оскорблений со стороны римских язычников, Константин был слишком расположен поверить существованию такого заговора. Он допустил Фаусте обмануть себя и приказал умертвить сына своего Криспа и сына Лициниева.⁸⁸ Но Елена, возвратясь с Востока, открыла глаза сыну своему на лживость и разврат Фаусты, искупившей преступления свои насильственной смертью.

Эти трагические казни остались покрытыми тайной. Можно утверждать только, что если Константин и оказался жестоким к Криспу и сыну Лициния, то был обманут происками, по которым он считал их виновными, или, по крайней мере, опасными в кругу заговорщиков; в смерти их виновна более Фауста, нежели Константин.

В виду противоречий, которыми сопровождаются эти рассказы у писателей враждебных Константину, и молчания других, лучше всего воздержаться и не осуждать его. Константин в продолжении всей своей жизни являлся столь великим и с таким христианским образом мыслей, что требуются более ясные доказательства, нежели какие мы имеем, чтобы ставить ему в вину такие преступные действия, которые если и действительно совершены, то могли быть требованием правосудия.

Константин во время пребывания своего в Риме, предпочитая лучше подвергаться народной ненависти, нежели участвовать в богослужении идолопоклонников, доказал свою веру, приказав воздвигнуть в Риме несколько церквей. Если верить преданиям римским, собранным в *Liber pontificalis*, то базилики святого Иоанна Латранского, святого Петра, святого Павла, святого Креста, святой Агнесы, святого Лаврентия, мучеников Мерселлина и Петра были воздвигнуты и украшены Константином. Тот же император приказал построить церкви в Остии, в Альбано, в Капуе, в Неаполе. Все эти базилики были наделены от него поземельной собственностью. Не принимая на

веру всех подробностей, помещенных в Liber pontificalis, можно признать достоверными что Константин во время пребывания своего в Риме, приказал строить церкви, как делал то в остальной части империи, и, по обыкновению своему, был щедр к церквам. Таким образом предания римские в сущности имеют основания исторические, относительно же подробностей этих преданий истина так смешана с ложью, что в пользу их нельзя привести никаких твердых исторических доказательств.⁸⁹

По преданиям римским, Константин принял крещение в Риме от рук папы святого Сильвестра. Это совершенно ложно и противно всем лучшим историческим памятникам, из которых видно, что он был окрещен в Никомидии, незадолго до своей кончины.⁹⁰

В последовательном ходе нашего повествования мы возвратимся к этому событию.

Константин оставил Рим, с твердым намерением туда не возвращаться, и отправился на Восток.

Давно думал он основать новую столицу империи. Диоклетиан еще до него понял, что так как империя слишком распространилась на Восток, то необходимо учредить новое средоточие для правительства и избрал для того Никомидию. Константин для новой столицы сначала избрал местность древнего города Трои, но проезжая через Византию поражен был выгодным положением этого города на границах Европы и Азии, построенного на холмах, омываемых двумя морями. Он повелел начать работы в 326 году, а в 328, проезжая там на возвратном пути из Рима, дал имя свое новому городу, который был торжественно освящен в 330 году под своим новым именем Константинополя.⁹¹

Пребывание Константина снова на Востоке придало развитию Христианства новое движение. Он приказал построить в новой столице и в её предместьях⁹² множество храмов, посвященных памяти мучеников, и тем, говорит Евсевий, он как бы почтил память их, посвятив свой город Самому Богу мучеников. Ему хотелось, чтобы новый город стал чисто христианским, чтобы в нем не видели ни одного языческого храма, ни одного идола, и чтобы он никогда не осквернялся ни

жертвоприношениями, ни празднествами языческими. Некоторые развалины древних храмов были оставлены, как строения гражданские, как памятники художественные, или на память побежденного древнего богопочитания.⁹³ Среди форума нового города возвышалось христианское изваяние доброго пастыря, резные и скульптурные украшения памятников изображали только предметы христианские. В самом видном месте дворца императорского находилось золотое, украшенное камнями, изображение распятого Спасителя.

Константин повелел воздвигнуть великолепные храмы и в Никомидии, и в Антиохии. Особенно же желал он, чтобы священная земля Палестины была очищена от всякого языческого богослужения. Идолопоклонники старались осквернить своими храмами места всего более чтимые; так они воздвигли храм в Мамврии, где Бог явился Аврааму. Константин написал превосходное послание⁹⁴ к Макарию Иерусалимскому и другим епископам Палестины, возбуждая их усердие и побуждая заменить храмы языческие церквями христианскими.

Он приказывал повсеместно⁹⁵ разрушать языческие храмы, обнаруживал тайны жрецов языческих, от чего статуи наиболее чтимые делались предметом осмеяния и презрения. Места гнусные, где, под предлогом религиозных собраний, предавались безнравственности, были разрушены до основания. Большое число язычников, понимая теперь мистерии, до того времени тщательно от них скрывааемые, отказались от идолопоклонства и приняли христианство.

Во время пребывания Константина на Западе, арианство, побежденное в Никеи, снова сделалось дерзновенно.

В Александрии святой Александр, по возвращении из Никеи, получил от Меления список епископов и пресвитеров, принадлежавших к его партии. Полагали, что раскол прекратился, но было не так. Мелений удалившись в Ликополис там умер, но назначил себе преемником главного из своих учеников, епископа Иоанна. Отщепенцы соединились около него и послали депутатов к императору, который, выслушав их, отослал обратно приглашая их жить в мире.

Епископ Александр вскоре умер и преемником его стал диакон Афанасий⁹⁶ (328). Избрание это не понравилось арианам, помнившим, как сильно он опровергал их в Никеи. Однако они не осмелились возвысить голоса своего. Константин по отъезде из Рима увидел на Востоке сестру свою Констанцию, жену Лициния, оказав ей много любви и расположения. При Констанции⁹⁷ находился священник тайно расположенный к арианству и имевший сношения с Евсевием Никомидийским и прочими защитниками Ария. Умирая, Констанция препоручила брату своему священника, пользовавшегося её доверием и он же по её рекомендации вскоре сделался лицом весьма влиятельным при императоре. Воспользовавшись своим положением, он стал распространять мнение, что Арий нисколько не сопротивлялся, как говорили, определениям Никейским. Константин, пламенно желавший мира, вообразил, что ничем нельзя лучше и скорее его достигнуть, как присоединением самого Ария к вероучению соборному, и отвечал священнику, что если Арий подпишет определения соборные и будет веровать, как Собор, то я охотно дам ему аудиенцию и возвращу с честью в Александрию. Но предупрежденный Арий не поторопился явиться перед императором, который написал ему следующее:

«Константин, победоносный, великий, августейший, Арию».

«Тебя уже предупредили, чтобы ты явился к нашему двору и предстал перед нашим Величеством. Не могу довольно надивиться, что ты еще не прибыл. Поспеш же, взяв казенную колесницу, прибыть ко двору моему, дабы, испытав наше милосердие и наше благодушие, ты мог бы возвратиться в свое отечество. Бог да сохранить тебя, любезный брат».

Арий, получив этот рескрипт, отправился в Константинополь, в сопровождении диакона Евзоя, низложенного св. Александром. Когда оба предстали перед императором, то он спросил их – согласны ли они подписать вероисповедание Собора. Они отвечали утвердительно и даже вручили императору, по его повелению, следующее письменное удостоверение:

«Благочестивейшему и возлюбленнейшему Господом Богом нашим государю императору Константину, Арий и Евзой».

«Согласно повеленному нам вашим благочестием, возлюбленнейший Богом государь император, изложили мы веру нашу и исповедуем пред Богом в этом писании мы и сущие с нами, что веруем так, как объявляем:

«Веруем в Бога единого, Отца Всемогущего и в Господа Иисуса Христа Сына Его, произшедшего от Него прежде всех веков; Бога Слово, через Которого все сотворено, на небе и на земле; Который низшел и воплотился, страдал, воскрес и вознесся на небо и снова приидет судить живых и мертвых.

«Веруем также в Духа Святаго; воскрешению плоти, в жизнь будущего века, в царство небесное, в Церковь Божию единую и кафолическую, распространенную по всей вселенной.

«Веру эту мы приняли от святых Евангелий потому, что Господь сказал Своим ученикам: «Шедше научите вся языки, крестяще их во имя Отца и Сына и Святаго Духа». Если мы не так веруем, и если не истинно веруем в Отца и Сына и Святаго Духа, как верует Церковь кафолическая и не по учению Писаний, – Бог да будет нам судьей ныне и на суде будущем. Вот почему, возлюбленнейший Богом император, просим благочестие Ваше дозволить, чтобы нас, как духовных исповедающих веру Церкви и священных Писаний, присоединили к Церкви – матери нашей, оставляя прения и бесполезные вопросы, чтобы мы с Церковью, сохраняя взаимный мир, вознесли к Богу торжественные благодарения за империю, умиротворенную Вашим Величеством, за Вашу особу и за семейство Ваше».

Это исповедание Ариево согласовалось с древними символами кафолическими; но достаточно ли было для изложения предвечного исхождения Слова употребить выражения общие,⁹⁸ когда прежними своими объяснениями он доказал, что выражениям этим придает смысл еретический и злоупотреблял ими до того, что низводил Слово в число тварей. Арий не хотел понять, что он находится в противоречии с самим собой, делая из Слова тварь и в то же время говоря, что Оно произошло прежде *всех веков*, потому что с той поры как

существует тварь существует и само время, которое есть только измерение последовательного бытия существ случайных, а вечность соответствует только существу Бесконечному, не имеющему ни начала, ни конца.

Константин, под влиянием арианского пресвитера, рекомендованного ему Констанцией, поверил искренности Ария и думал, что он только возмущается словом *единосущный*, не находившимся в древних символах; но что в сущности вера его, как он уверял, та же, что и Церкви кафолической. Он позволил ему возвратиться в Александрию.⁹⁹

Евсевий Никомидийский и Феогнис Никейский, узнав о возвращении Ария, надеялись получить ту же милость, и с этой надеждой они писали главным епископам следующее:¹⁰⁰

«Осужденные вашим благочестием, и не имев возможности защититься, мы должны терпеливо и безмолвно переносить определение вашего святейшества. Но так как безрассудно подавать молчанием своим повод к клевете, то мы сообщаем Вам, что совершенно согласуемся с Вами в вероучении и, тщательно взвесив слово *единосущный*, решаемся допустить оное, по миролюбию и потому, что никогда не следовали никакой ереси. По желанию мира и спокойствия Церквей, изложив то, что думали, и удовлетворив имевших право требовать от нас объяснений, мы подписали исповедание веры, но не хотели согласиться на анафематствование, сопровождавшее оное. Мы не желали оспаривать правильности оногo, но полагали, что тот, которого желали поразить, не таков, как о нем думают; мнение наше основывалось частью на письмах, полученных нами от него, а частью на объяснениях его в нашем присутствии. Но если рассудилось святому собору вашему так поступить, то мы нисколько не противоречим, даже соглашаемся и удостоверяем вас в том письменно. Не скука в изгнании заставила нас так поступить, но опасение подозрения в ереси. Если дозволено будет нам предстать пред вами, то вы найдете, что мы совершенно единомысленны с вами и твердо привязаны к вашим определениям. Если вы были столь снисходительны к обвиненному и вызвали его из ссылки, то безрассудно будет нам молчанием своим давать повод к

обвинению и казаться виновными, когда считавшейся виновным вызван и оправдался от обвинений, на него возведенных. Итак, если благоугодно будет вашему преподобию, возлюбленнейшему Богом, то благоволите представить прошение наше возлюбленному Господом императору и решить о нас то, что признаете приличным».

Константин, по этому письму, рассудил, что Евсевий и Феогнис были жертвами ошибочного мнения но были православными. Он вызвал их из ссылки. Они же поспешили к Церквам своим, изгнав оттуда своих преемников Амфиона из Никомидии и Хреста из Никеи.¹⁰¹

Константин, полагая, что он поступил с двумя сосланными епископами несправедливо, старался явить им особенные знаки своего благоволения.¹⁰² Евсевий и Феогнис воспользовались этим для распространения смут в Церкви. Кроме того, что они тайным и лицемерным образом старались распространять заблуждения Ария, они преследовали своей ненавистью Афанасия, столь бесстрашно сопротивлявшегося им на Соборе Никейском. Начали они с того, что стали опорочивать рукоположение великого святителя, утверждая, что он недостойн епископства и был избран мало сведущими избирателями. Но вскоре они принуждены были отказаться от этих проделок. Евсевий поняв это, начал изобретать против Афанасия другие происки и торопил возвращение Ария в Александрию.

Еретик, конечно из Константинополя ездил в Никомидию, чтобы условиться со своим покровителем. Они решили между собою выставлять на вид только выражение *единосущный*, скрывая свои действительные мнения под видом борьбы против выражения, не находящегося в древних символах.

Под этим-то лицемерным видом представляется с той поры борьба против божества Иисуса Христа.

Евсевий Никомидийский написал письмо, в котором защищал дело Ария и просил Афанасия принять в Церковь свою еретика и его приверженцев. Евсевий писал только прося, но гордясь вновь снисканной благосклонностью Константина он позволял себе угрозы, и даже публично, если епископ

Александрийский не уважит его просьбы. Афанасий не мог принять в общение пресвитера, осужденного Собором Вселенским; необходимо было восстановить его канонически. Император мог вызвать его из изгнания, но не мог судить о его православии. Евсевий не имел успеха в ходатайстве своем перед Афанасием, не доверявшим искренности Ария.

Впрочем прения продолжались и после Собора Никейского, они были особенно оживлены в Египте и в Азии. Евстафий, епископ Антиохийский, поддерживал полемику против Евсевия Кесарийского, упрекая его, что он не принимает веры Никейской; а Евсевий отвечал ему, что он исповедует эту веру, но упрекал Евстафия в том, что он приписывает выражению *единосущный* тот же смысл, как и Савеллий. Таким образом с той и другой стороны делались упреки в ереси.

Низвержение Ария

В Александрии полемика была не менее горяча, но ариане встретили там могущественного противника, которого они вовсе не ожидали. Это знаменитый пустынножитель Антоний.¹⁰³ Сошедши с горы, на которой провел большую часть жизни своей, Антоний отлучил ариан и поучал истинной вере кафолической. Он творил многочисленные чудеса и обратил много язычников, утверждая в то же время верующих в православии.

Афанасий имел сильного противника в Евсевие Никомидийском. Когда Константин прибыл в этот город, Евсевий успел возбудить в нем негодование против Афанасия за отказ его принять в общение Ария, и в то же время писал последователям Мелетия, с которыми находился в сношениях, приглашая их возбудить обвинения против епископа Александрийского.¹⁰⁴ Три раскольничьи епископа прибыли в Никомидию, обвиняя Афанасия за новый налог в Египте, состоявший в требовании льняных одежд для Церкви Александрийской, который он обратил на них первых. Два пресвитера Александрийские, находившиеся тогда в Никомидии, стали защищать своего епископа, но сами немедленно подверглись клеветам и обвинениям. Афанасий вытребован был в Никомидию. В рескрипте к нему Константин писал:

«Когда получишь настоящее выражение воли моей, то распорядись, чтобы Церковь была отверзта для всех, кто желает вступить в неё; потому что если узнаю, что ты воспрепятствовал кому-либо соединиться с Церковью, не взирая на его желание, то я пришлю особого исполнителя моих повелений, который сумеет выполнить волю мою, низложит тебя и отправит в ссылку».

Афанасий однако не испугался, не принял Ария в Церковь и отправился в Никомидию. Он так хорошо успел оправдаться, что император отпустил его обратно, со следующим рескриптом к народу Александрийскому: «Дражайшие братия, приветствую

вас, призывая в свидетельство воли моей Бога Всемогущего, единого Создателя законов, которыми руководствуемся, Владыку жизни нашей и ненавидящего раздоры. Что сказать вам? Что я в добром здоровье! Но пользовался бы еще лучшим, если бы вы оставили всякое памятозлобие и хранили бы друг ко другу любовь, прибежище которой вы оставили, предавшись бурям препирательства. Как неблагоприятно подобное поведение! Сколько ссор ежедневно возбуждает зависть! Оттого народ Божий впал в презрение».

Изобразив в резкой картине бедствия, которые производят мелетиане и ариане в Церкви своими прениями, Константин прибавляет: «Эти виновные люди не могли ничего сделать против епископа вашего.... Я принял епископа вашего Афанасия с большим почетом и беседовал с ним как с человеком Божиим. Вам самим следует понять дело и не мне выражать о нем свое суждение. Я признал за благо послать вам мои приветствия через многоуважаемого Афанасия, убедившись в справедливости его, миролюбии и православии».

Вероятно, что Афанасий рассказал императору о свидетельстве святого Антония против ариан и без сомнения тогда-то Константин написал письмо знаменитому пустынножителю.¹⁰⁵

Получение императорского рескрипта в глубине пустыни привело в движение всех отшельников. Один только Антоний был совершенно равнодушен. «Чему вы удивляетесь, говорил он инокам, что император пишет? Удивляйтесь лучше тому, что Бог даровал нам закон и послал оный чрез Сына Своего» Он даже не знал следует ли ему принять рескрипт, потому что, говорил он, не знаю что мне отвечать. Но, по убеждению иноков, принял и отвечал. Он убеждал императора и сыновей его не слишком ценить настоящее, а более размышлять о будущем суде, и почитать Иисуса Христа единым истинным и вечным Вседержителем. После того он убеждал их быть человеколюбивыми, заботиться о неимущих и жить по правде.

Константин и сыновья его с радостью и благоговением получили письмо святого пустынножителя.

Когда Константин находился в Никомидии, Евсевий, чтобы польстить ему, выразил пламенное желание поклониться Гробу Господню в великолепном храме, который только что был окончен.¹⁰⁶ Император предоставил в его распоряжение казенные колесницы. Евсевий путешествовал с большой пышностью и прибыл в Антиохию, где с почетом был принят епископом Евстафием. Евсевий ненавидел его, но скрывал это. Отсюда он отправился с Феогнисом Никейским. В Иерусалиме они встретили Евсевия Кессарийского, Патрофила Скифополиского, Аэция Лидского, Феодота Лаодикийского и многих других, разделявших их мнения относительно Ария. На возвратном пути все сопровождали Евсевию до Антиохии. Там продолжали они выражать большое уважение к Евстафию, чтобы заманить его в расставленные ему сети. Так как многие из православных епископов находились в то время в Антиохии, то предложили им составить собор, и все на то согласилось.

В то самое время, когда епископы собрались, вдруг явилась женщина с ребенком на руках и с криком объявила, что отец её младенца Евстафий. Ни сколько не смутившись, святитель Антиохийский потребовал, чтобы она представила свидетелей и доказательства. Она отвечала, что свидетелей у неё нет, и арианские епископы решили, что достаточно её показания, данного под присягой. Епископы православные напомнили, что по древнему правилу для обвинения священника требуются два или три свидетеля и воспротивились определению, которое хотели ариане постановить о его низложении. Но Евсевий Никомидийский поспешил к императору, бесстыдно обманул его и убедил подписать декрет об отправлении в ссылку Евстафия, которого он называл тираном и прелюбодеем, но который, по словам Феодорита, был подвижником благочестия и целомудрия.

В продолжение немногих лет многие арианские епископы сменялись на престоле Антиохийском; но большая часть верующих отказывались от общения с ними и образовали отдельные собрания. Еретики называли их Евстафианами, как будто имели право называть раскольниками оставшихся верными здравому вероучению, которое поддерживал законный

их пастырь. Взаимная ненависть обеих партий доходила до того, что едва не взялись за оружие.¹⁰⁷ Константин писал рескрипт за рескриптом жителям Антиохии и послал к ним одного из самых верных друзей своих, для усмирения их. Он утверждал, говорит Евсевий, что призывал к себе виновника этих смут. Евсевий, вероятно, подразумевает святого Евстафия, с которым он вел оживленную полемику. В сущности Константин не судил епископа Антиохийского, который окончил жизнь свою в безмолвии в Филиппах в Македонии.

Вскоре преступная женщина, оклеветавшая святителя, впала в смертельную болезнь. Тогда призналась она, что за ложное показание ей было заплачено, и что отцом ребенка её был действительно Евстафий, но ремесленник, а вовсе не епископ.¹⁰⁸

Главные из епископов провинции Антиохии думали избрать епископом Евсевия Кессарийского, после первого епископа арианского, занявшего место Евстафия. Константин писал жителям Антиохии, советуя им избрать другого, хотя Евсевия и был достоин избрания.¹⁰⁹ Вероятно он полагал, что прежний противоборец Евстафия не был способен восстановить мира. Впрочем и сам Евсевий отказался от избрания, уведомив о том императора, который изъявил ему за то свое удовольствие и предложил провинциальному собору избрать другого.

Собор этот преимущественно составляли Феодот, Феодор, Наркисс, Аэций и Алфей; избран епископом Павлин Тирский, вскоре затем умерший и замененный другими арианами.

Сократ¹¹⁰ уверяет, что, по свидетельству некоторых писателей, святой Евстафий был низложен, как еретик – последователь Савеллия; но он полагает, что он был низложен по другим причинам, не входя в подробности, сообщаемый Феодоритом, и которых он не знал. Должно полагать, что после соблазна, произведенного признанием виновной женщины, ариане постарались затушить историю, которая могла покрыть их позором. А потому неудивительно, что Сократ, писавший преимущественно по сказаниям Евсевия Кессарийского, ничего о том не знал. Что же касается Евсевия, то он был несправедлив к святому Евстафию; не именуя его, он довольно

ясно называет его виновником смут. Епископ Кессарийский конечно не допускал учения Ариева; он соглашался на выражение *единосущный*, тщательно отстраняя от него всякое объяснение савеллианское или павлинское, но вероятно он желал, чтобы не слишком много толковали об этом слове и расположен был находить савеллианство в людях, которые горячо защищали оное.

По склонностям и по характеру своему, Евсевий Кессарийский вел себя нерешительно по вопросам относившимся к лицам. Он слишком дружен был с Евсевием Никомидийским и не мог избежать влияния этой личности, сколько хитрой, столько же и ловкой; но он с сожалением оставлял любимые им занятия для участия в спорах. Только раз оставил их и отправился в Константинополь, для произнесения перед императором слова о гробе Спасителя;¹¹¹ известие об открытии гроба Христова распространилось по всему миру, и как важное событие возбуждало в христианах новую ревность. Император слушал Евсевию стоя и приказал оратору не прерывать чтения, хотя слово было чрезвычайно продолжительно. Он имел большое доверие к учености епископа Кессарийского и когда тот прислал ему свое сочинение, где излагалась история прений о Пасхе и опровергались затруднения, какие возникали по этому случаю, то Константин прислал ему благодарность, поздравляя и поощряя его продолжать ученые труды свои. Император обратился также к Евсевию с поручением сделать выбор тех мест из Писания, которые следует читать в Церкви. Вот рескрипт его по этому случаю: «Константин, победитель, величайший Август, Евсевию: «В городе, получившем от нас имя, благодаря божественному Провидению, великое множество людей присоединилось к святейшей Церкви. Так как всё здесь сильно растет и развивается, то необходимо построить несколько церквей. Прими благосклонно мое решение. Признал я за благо препоручить твоему благоразумию заставить искусных переписчиков написать на пергаменте, тщательно и изящно приготовленном пятьдесят экземпляров тех книг священного Писания, которые признаны будут тобой

более нужными для чтения в церковных собраниях. Необходимо, чтобы их можно было легко читать и переносить для всех потребностей богослужения. Епархиальному управлению предложено мной доставить все нужное для приготовления книг. Полагаюсь на твое усердие и желаю, чтобы они скоро были окончены. По предъявлении сего рескрипта, в твое распоряжение даны будут две казенные колесницы для присылки, с одним из диаконов Церкви вашей, книг, когда будут окончены. По прибытии его, он получит знаки благоволения Нашего. Бог да хранит тебя, возлюбленный брат».

Евсевий немедленно принялся за дело. Прежде было уже сказано, что мученик Памфил основал в Кесарии драгоценное книгохранилище, куда собрал рукописи священных книг и сами ученые из толкований, преимущественно же Оригеновы; он основал также училище переписчиков, служа им примером. А потому естественно, что Константин обратился скорее к Евсевию Кессарийскому, нежели к какому другому епископу, в виду славы, которой пользовалось книгохранилище и училище переписчиков Церкви его, а также по учености самого епископа, достойного ученика Памфилова.

Константин, будучи усерден к Церкви, был очень строг к еретикам. Все действия его доказывают, что ему, каким бы ни было средством, хотелось достигнуть единения Церкви. Он понимал, что Церковь без единения никак не может иметь благотворного влияния на общество. С той поры как узнал он Христианство, он старался утвердить оное на развалинах язычества, по великому делу его препятствовали прения, волновавшее общество христианское. Ненависть к разделению увлекала его иногда в несправедливости, как изгнание святого Евстафия, или в крайнюю терпимость, как вызов Ария, Евсевия Никомидийского и Феогниса Никейского. Но какой человек никогда не ошибался? Если Константин в некоторых случаях и обманывался, то ответственность за то более падает на людей злоупотреблявших его доверенностью, чем на него самого; в истории трудно найти государя с намерениями более чистыми и более христианскими.

По возвышенной цели, какую имел ввиду Константин, понятна строгость, с какой он выражается в своих постановлениях против еретиков¹¹²

«Новациане, говорит он, маркиониты, павлиане, катафригийцы разного рода и все вы, в частных собраниях ваших проповедующие ереси, сознайте ныне как ложны ваши учения и что ядовитыми словами вашими вы вносите смерть в души. О враги истинны! противники жизни, советчики смерти! Все у вас противно истине: нравственность ваша соответствует вашим понятиям; ложью вашей вы оболщаете невинность и отказываете в свете тем, кто верит вам... Недостало бы у меня времени изложить все заблуждения и все преступления ваши, картина которую бы я начертал, омрачила бы совесть мою и осквернила бы зрение и слух мой. К чему далее терпеть такое зло, тем более, что оно угрожает заразой святым! Почему не вырвать с корнем такие беспорядки?

«Настоящим постановлением я запрещаю ваши собрания, повелеваю конфисковать места, где вы собираетесь, и чтобы у вас не было не только публичных собраний, но даже частных сходов, чтобы предаваться в них вашим безумным суевериям; соединитесь с Церковью католической, в лоне которой вы найдёте истину. Во время столь благоденственное, как наше, я не могу допустить никакого раскола, никакой ереси; обязанность моя способствовать всем к познанию истины. Вот почему повелеваю, чтобы все оратории ваши (если можно так называть их) были бы немедленно переданы Церкви католической, а все прочие имущества ваши проданы с публичных торгов».

Это постановление императорское рассеяло всех врагов Церкви. Предводители бежали, другие вступили в Церковь, но многие сделали это не искренне и по боязни. Епископы отказывались принимать вступающих не добросовестно, других приняли после канонических испытаний. Не заблуждавшихся в вере и бывших просто раскольниками принимали без затруднений и они выражали радость тем более оживленную, что долго находились вне Церкви – настоящего отечества своего. Благодаря мерам, принятым императором, разделения

прекратились и Церковь католическая явилась в своем единстве.

Сам Константин подавал пример благочестия всем христианам. Он приказал изменить изображение свое на монетах и пожелал быть изображаемым в положении молящегося;¹¹³ запретил ставить изваяния свои в языческих храмах; во дворце своем присутствовал при общих молитвах и при чтениях священного Писания. Особенным законом повелел праздновать дни Воскресные и Пятки, ради христианских таинств, совершавшихся в эти дни; воинам своим предоставил досуг праздновать их; воины же язычники также должны были молиться в Воскресенье и он сам сочинил для них молитву, которую они обязаны были вслух читать. Молитва следующая:

«Признаем только Тебя единого Бога, провозглашаем Тебя нашим Царем и призываем Тебя, как нашего покровителя. Милостью Твоей одержали мы победы и низложили врагов наших. Благодарим Тебя за полученные от Тебя щедроты и ожидаем новых в будущем. Молим Тебя и просим сохранить надолго в здравии нас, победоносного императора нашего Константина и его благочестивых детей.

Прежние орлы войска римского Константин заменил крестами.

Часто удалялся он в самые внутренние чертоги дворца своего и там, на коленях, обращался к Богу в продолжительных и усердных молитвах. В праздничные дни Константин подавал пример еще большего благочестия; для празднования Утрени Пасхальной приказывал иллюминовать весь город, в котором находился, а в самый день Праздника, от имени его, раздавали милостыню по всей империи.

Правители провинций, подражая императору, наблюдали, за соблюдением дней Воскресных; в эти дни храмы идольские оставались запертыми. Праздники мучеников, равным образом, проводились торжественно. Общественное соблюдение христианского поведения было главной заботой Константина и он был уверен, что Бог возложил на него это великое дело. Однажды окруженный епископами, в числе которых находился и Евсевий Кесарийский, он сказал им: «Вы епископами над всем,

что происходит внутри Церкви, а я постановлен Богом епископом для дел внешних». Действительно, прибавляет Евсевий, он имел попечительность истинно епископскую, о содействии развитию духа религиозного.

Внимание его обращено было на языческие посвящения и все безнравственности, который язычники прикрывали видом богослужения, под названием *мистерии*. Такой государь, как Константин, не колебался очистить общество от этих гнусностей и кровавых зрелищ, где люди умирали для развлечения зрителей, кровожадных даже в своих увеселениях.

Он благоприятствовал христианскому безбрачию отменой несправедливых законов языческих против не имевших детей, как будто сама природа не отказывала иногда в том людям самым нравственным. Он запретил евреям иметь невольниками христиан, потому, говорил он, что искупленные Господом не должны быть невольниками убийц Его.

Не довольствуясь поощрением и поддержкой всех учреждений христианских, могущих возродить общество, Константин старался сделать дом свой образцом для прочих. После дня, посвященного попечениям правительственным, часть ночи проводил он в молитве и составлении речей, которые любил произносить при публике. Он знал, что любопытство и ласкательство привлекут к нему более слушателей, нежели желание поучаться; но он знал также, что речи его принесут свои плоды, что другие пожелают ему подражать и что, наконец, последует некоторое благо для общества. Когда ему рукоплескали, то он замечал своим слушателям, что следует только помышлять о верховном Владыке на небесах. В беседах своих он старался, прежде всего, опровергать заблуждения языческие, потом переходил к Промыслу, всем управляющему, и к Богу единому, Который потребует от каждого отчета в делах его. Таким образом доходил он до строгих предупреждений, иногда прямо относившихся к его царедворцам, которые узнавали себя в картинах, им обрисованных, потупляли взоры и помышляли об исправлении. Любил он составлять и молитвы. Переводчики

немедленно переводили их с латинского на греческий и распространяли по империи.

Такова общая картина, начертанная Евсевием, жизни Константина во время протекшее от основания Константинополя до тридцатого года его царствования (335). Храм Гроба Господня был окончен и Константин намеревался отправиться в Иерусалим праздновать тридцатилетие своего царствования с сыновьями своими Константином, Констанцием и Константом, которых сделал участниками управления империей.¹¹⁴

Но Прежде чем приступлено было к торжеству освящения храма Гроба Господня, Константин пожелал, чтобы в Церкви все прения утикли. Однако в Египте ариане и мелетиане продолжали упорствовать против Афанасия и распространять о нем клеветы. Обвинения эти сообщались императору Евсевием Никомидийским или приверженцами его при дворе, особенно же старались представить Афанасия причиной всех смут.

Чтобы положить тому конец, Константин созвал в Тир епископов Египта, Ливии, Азии и Европы.¹¹⁵ Сперва предполагали созвать собор в Кесарии. Ариане полагали, что суждение Афанасия приобретет более значения, если на соборе будет председательствовать епископ в учености которого и добродетелях никто не сомневается. Но Афанасий и православные епископы Египта отказались туда ехать.

Евсевий по справедливости казался им подозрительным по близким отношениям своим к епископу Никомидийскому и к прочим епископам, принимавшим сторону Ария. Когда же решено было, что собор будет в Тире, то Афанасий и епископы Египта также отказались ехать, узнав, что епископы, там находившиеся, были почти все их противники.

Константина о том предупредили и он немедленно написал собору,¹¹⁶ что он особенно препоручает ему восстановить согласие и если *тот*, которого следует судить, откажется явиться, то он отправит сановника принудить его к тому.

Афанасий понял, что отказ его только раздражит императора и даст повод врагам клеветать на него, а потому отправился в Тир с православными епископами Египта, в числе

сорока девяти человек и среди которых находились два уважаемые исповедника веры, Пафнутий и Потамон, носившие на себе знаки мученичества, претерпенного ими в последнее гонение.¹¹⁷

Когда Афанасий явился на собор, то ему приказано было стоя отвечать на возводимые обвинения; прежде суда с ним обошлись как с обвиненным. Потамон ревностно восставал против такой несправедливости и, обратясь к Евсевию Кессарийскому, по-видимому председательствовавшему на соборе, сказал ему: «Как это ты, Евсевий, сидишь здесь, чтобы судить невинного Афанасия? возможно ли это? Скажи мне, разве ты не был со мной в темнице, во время гонения? Что касается меня, то я потерял глаз, а ты, по-видимому, остался цел и здоров? Как ты вышел оттуда, не совершив ничего противного совести»? Евсевий в ту же минуту встал и вышел, говоря: «Если осмеливаетесь обращаться с нами таким образом даже здесь, то как сомневаться, что ваши обвинители не говорят правды? Если вы здесь так нас терзаете, то чего не делаете у себя дома»? Можно полагать, что Евсевий нашел данный ему урок достаточным и что он отказался от председательства. Слова Патамона конечно послужили поводом к обвинению Евсевия, что он избежал мученичества только принесением жертвы идолам. Между тем как, под влиянием поразительного обращения к председателю, собрание разошлось, Пафнутий обратился к Максиму, недавнему преемнику Макария на престоле Иерусалимском, и сказал ему: «У меня такие же язвы, как и у тебя, мы оба потеряли по глазу за имя Иисуса Христа, поэтому я не могу вынести, что ты сидишь в совете нечестивых». Максим вышел вместе с ним и тогда Пафнутий рассказал ему все подробности заговора, составленного против Афанасия, и тем привлек его на сторону справедливости. Все епископы Египетские отвергли членов собора, явных противников Афанасия: Евсевия Никомидийского и Евсевия Кессарийского, Флаккилла, Наркисса, Феогниса, Мариса, Феодора, Патрофилла, Феофила, Македония, Георгия, Урсаса и Валенса. Два последние получают в истории этой слишком большую известность.

Однако этим дело не кончилось. Обвинителями против Афанасия допустили раскольников и еретиков. Из ста епископов, признававших Александрию матерью своих Церквей, ни один не предъявил жалобы, а между обвинителями не было ни одного православного. Еретики и раскольники обвиняли Афанасия в насилиях против них. Особенно шумели из-за какого-то Исхира, незаконно рукоположенного пресвитером Коллуфом, одним из духовных, возмущившимся некогда против святого Александра, и который определен был пресвитером в одну деревню. Афанасий уже доказал Константину, во время приезда своего в Никомидии, что этот Исхир не священник, и что нет церкви в той деревне, где он живет, что ему запрещено священнослужение, но что никогда не опрокидывали его алтаря, ни ломали его сосуда, как то утверждали обвинители.

Хотя обвинение это было совершенно отвергнуто, но на соборе Тирском его возобновили и, не взирая на данные объяснения, собрание избрало комиссию, составленную из самых враждебных Афанасию лиц, для проверки происходившего на месте. Так как хотели непременно признать Афанасия виновным, то принимали в свидетели только обвинителей и умышленно не обращали внимания на очевидность, возникавшую даже из их враждебных показаний, вследствие обнаруживавшихся в них противоречий.

Пока комиссия производила следствие в Египте, в Тире взведено было на Афанасия обвинение в безнравственности. На собор явилась девушка и, оплакивая свое несчастье, сказала, что она лишена невинности епископом Александрийским. Нисколько не смутившись, Афанасий подал знак пресвитеру своему Тимофею, который, с важностью выступив вперед, сказал девице: «Как можешь ты утверждать, что я жил в твоём доме и тебя обесчестил»? – Да, отвечала женщина, поднявши руку, это ты обесчестил меня, и принялась рассказывать обстоятельства преступления, жертвой которого она сделалась.

Видя, что эта несчастная даже не знает Афанасия, которого хотела обвинить, многие из отцов рассмеялись, но те, которые

вывели ее на сцену, стыдясь за свой бесчестный поступок, приказали ее выгнать из собрания. Тщетно Афанасий требовал, чтобы ее задержали и расспросили о сообщниках, на это справедливое требование не было обращено внимание, и только постарались, чтобы об этом не было упомянуто в протоколе заседания.

Еретиков ожидала новая неудача. Мелетиане обвиняли Афанасия в убийстве Арсения, одного из епископов их, и в том, что он, отрезав его руку, употребляет ее для чар. Они утверждали, что наконец достали эту руку и показывали ее, как улику против Афанасия. Когда обвинение в том заявлено было Константину в Никомидии, то Афанасию удалось доказать, что Арсений жив и император на обвинение это не обратил более внимания. Но мелетиане и ариане снова задержали Арсения, укрывали его, и вот почему они снова возобновили против Афанасия прежнее обвинение в убийстве и показывали знаменитую руку, служившую чарованием. Но Арсению надоела роль, которую его заставляли разыгрывать; он ушел из того места, куда его заперли, и тайно прибыл в Тир. Представитель императора Археелай, узнав о том, приказал его строго стеречь и предупредил о том Афанасия.

Когда ариане снова предъявили на суд чародейственную руку и стали обвинять Афанасия в убийстве, то он спросил: есть ли в собрании члены, знавшие лично Арсения? Многие сказали, что знают его очень хорошо. Тогда ввели мнимо-умершего в собрание и прежние знакомые его узнали. Афанасий, приподнимая попеременно обе стороны мантии Арсения, сказал: «Вы видите, что у Арсения обе руки целы; вероятно Бог не даровала, ему более; пусть обвиняющие меня скажут, где была третья, у них находящаяся, или пусть собрание сделает розыскание откуда она».

Некоторые из членов воскликнули: Афанасий чародей, он отуманивает глаза своими чарами; но глава мелетиан Иоанн, преемник Мелетия, воспользовался смятением и ускользнул из собрания; ему не хотелось, чтобы его спросили о руке, конечно он знал, откуда она.

Враги Афанасия, вместо того чтобы покориться очевидности, решились погубить его; но Археелай исторгнул его из рук их и посадил на корабль, отправлявшийся в Константинополь.

Комиссия, которой поручено было проверить на месте обвинение против Афанасия относительно Исхира, отказалась выслушать отзыв православных, единогласно протестовавших против ее действий и доказывавших, что она только старается найти Афанасия виновным. Когда же комиссия возвратилась в Тир, то собор признал следствие её верным, низложил Афанасия и уведомил о том императора. Большинство православных епископов удалилось после отъезда Афанасия, а оставшиеся отказались подписать определение. Среди их находился Маркелл епископ Анкирский, рвением своим к защите епископа Александрийского возбуждавший против себя ненависть ариан.

Еще прежде Маркелл вступал с ними в борьбу, написав сочинение, направленное против одного философа, последователя идей арианских. Евсевий Кессарийский опровергал это сочинение, как еретическое. Эта прежняя его полемика и преданность Афанасию во время собора Тирского указывали на Маркелла как на противника, опасного для партии арианской.

Константин, не видав еще Афанасия и не получив протоколов собрания Тирского, послал епископам повеление отправиться в Иерусалим на освящение Храма святого Гроба. Видя упорное разделение между епископами, сам он отказался от намерения отправиться в Иерусалим, подобно тому как, в самом начала распрей арианских отказался от посещения Александрии, чтобы не быть свидетелем смятений, волновавших эту Церковь.

Епископы отправились из Тира в Иерусалим, где уже собралось много других епископов.¹¹⁸ Македония прислала туда епископа первенствующего своего престола; представителями Паннонии и Мизии были самые знаменитые из молодых; там находился святой епископ из Персии, украшение этой Церкви и отличавшийся как ученостью, так и добродетелями; – были там

самые знаменитые из епископов Киликии и Каппадокии. Сирия, Месопотамия, Финикия, Аравия, Палестина, Ливия и Фиваида прислали туда большое число своих епископов. Бесчисленное множество верующих стеклось туда из всех провинций. Император прислал сановников, для пособия в нуждах богомольцев; начальником их был Мариан, ревностный христианин, бывший исповедником во время гонений. Некоторые из епископов совершали общественные богослужения, другие проповедовали верующим о Спасителе, прославляя смерть Его и воскресение, или объясняли богословские вопросы, занимавшее умы многих. Некоторые объясняли священное Писание, толкуя его таинственный смысл, другие же, по недостатку красноречия и учености, довольствовались приношением Богу таинственной и бескровной жертвы о мире всего мира, за Церковь Божию, за императора, виновника стольких благ, и за благочестивейших детей его.

Среди проповедников преимущественно отличался Евсевий Кессарийский, ученость которого известна была всей Церкви. Он объяснял таинства христианские, напоминаемые освящением великолепного храма, воздвигнутого Константином, и проображения того находил в книгах ветхого Завета.

Ученый писатель находил, что храм Гроба Господня заслуживает отдельного творения; составили оное и поднес императору вместе с похвальным словом, произнесенным, по случаю тридцатилетия его царствования.

Освящение храма Гроба Господня сделалось торжественным праздником Церкви Иерусалимской; оно обратилось в ежегодное её торжество¹¹⁹ и множество богомольцев стекается на этот день (13 сент.) в святой град.

Епископы арианские, собравшиеся в Иерусалиме, образовали из себя собор и торжественно приняли в общение Ария и Евзоя, под предлогом исполнения воли императора.¹²⁰ Но пока они таким образом выказывали свою поддержку ереси, Афанасий прибыл в Константинополь и донес о происках, которых он был жертвой. После освящения храма Гроба Господня, многие из епископов возвратились к Церквам своим.

Арий и Евзой отправились в Александрию, но православные не хотели иметь с ними общения. Епископы, продлившие пребывание свое в Иерусалиме, получили там рескрипт от императора, призывавшей в Константинополь тех из них, которые участвовали в соборе Тирском. Вот сокращение рескрипта:

«Константин победоносный, величайший, Августейший, епископам собиравшимся в Тире:

«Неизвестно мне, что сделано было на вашем соборе, среди шума и прений; но мне кажется, что в этих препирательствах истина должна была потерпеть; что вы недостаточно заботились о правде и не размышляли о том, что благоугодно Богу. Но божественное Провидение откроет все зло этих совещаний, чтобы его рассеять и поставить Нас в возможность знать поступали ли вы по истине или судили по ненависти к кому-нибудь. А потому, вы должны немедленно поспешить сюда и лично объяснить Нам, что вами было сделано. Вы поймете почему я так пишу вам и зачем вызываю к себе, когда узнаете что здесь случилось. Когда я прогуливался верхом в любезной моей отчине, получившей от меня название Константинополя, вдруг предстал предо мной епископ Афанасий в сопровождение других духовных лиц и столь неожиданно, что привел меня в изумление. Бог свидетель, что сначала я не узнал его, и принужден был спросить кто он такой и какое получил оскорбление. Я не имел с ним никаких объяснений и даже не принял его. Когда он стал просить выслушать его, то я отказал ему и даже готов был приказать выслать его из места моего пребывания, но он просил, по крайней мере, вытребовать сюда вас; он просил об этом с большой самоуверенностью и с целью, как говорил, в присутствии вашем, изложить понесенные от вас оскорбления. В требовании, столь справедливому я не мог отказать ему и немедленно написал вам, чтобы все епископы, участвовавшие в соборе Тирском безотлагательно явились бы ко мне для доказательства, что определение сделанное вами справедливо. Бог избрал меня орудием для водворения мира в империи и распространению Своего имени между варварами, которые до

сей поры о Нем не слыхали. Варвары эти могли бы послужить нам примером, нам, которые хвалимся исповеданием закона Божия, но его не исполняем. Приезжайте поспешнее сюда и будьте уверены, что я имею ввиду только цель заставить соблюдать закон Божий».

Этот рескрипт возбудил в членах собора Тирского большие опасения.¹²¹ Большая часть из них не рассудили ехать в Константинополь. Но Евсевий Никомидийский, Евсевий Кессарийский, Феогнис, Марис, Патрофил, Урзас и Валенс отправились туда. Хорошо зная, что в присутствии императора уже невозможно будет возобновлять против Афанасия обвинение ни относительно чаши и алтаря Исхира, ни относительно убиения Арсения, потому что сам Константин оправдал Афанасия по этим вопросам еще в Никомидии, они изобрели новое обвинение. По прибытии в Константинополь, они представились императору и стали обвинять Афанасия в угрозах воспрепятствовать доставке хлеба из Египта в Константинополь. Мы имеем, говорили они, в доказательство свидетельство о том пяти епископов: Адаманта, Анубия, Арбефия, Агафаммона и Петра.

Обвинение было тем важнее, что Константинополь для продовольствия своего рассчитывал только на хлеб из Египта и что замедление прихода кораблей уже производило возмущения. Обвинение, направленное против Афанасия,¹²² основывалось на факте, служившем совершенно к чести его. Он роздал неимущим хлеб, купленный для них Константином, и понес при этом только труды. Благотворительность его доставила врагам его предлог представить его скупщиком хлеба, назначенного в Константинополь. Афанасий спросил только, каким образом он, бедный и не имеющий власти, мог сделать то, в чем его обвиняют; но Евсевий Никомидийский утверждал, что Афанасий довольно богат и влиятелен, чтобы делать в Александрии все, что захочет. Константин, конечно, не поверил обвинению направленному против Афанасия, но рассудил, что для восстановления мира следует удалить его не только из Александрии, но и с Востока; а потому послал его в Трир, в Верхней Бельгии. Арианам хотелось, чтобы определение

их о низложении Афанасия было утверждено и чтобы в Церкви Александрийской избран был другой епископ; но Константин отвергнул все их домогательства не дозволив избирать ему преемника. Таким образом определение собора Тирского сочлось как бы несостоявшимся, а ссылка Афанасия была только мерой простой предосторожности против смут, волновавших Восток. Намерение Константина было, по прекращении смут, возвратить Афанасия к его Церкви.¹²³

Афанасий нашел в Трире святого епископа Максимиана, принявшего его как мученика за истину. Пребывание его на Западе, естественным образом, должно было обратить там особенное внимание на заблуждения арианские, и с этого-то именно времени Церкви западные приняли более прямое участие в прениях. Осия, депутаты епископа Римского на Соборе Никейском и епископы западные, участвовавшие в этом великом собрании, конечно сообщили Церквам своим о сущности этих прений, но не представлялось случая ими заниматься, потому что одновременно стали известны и ересь и её осуждение. Но когда узнали, что Арий нашел себе на Востоке защитников, не взирая на анафему его поразившую, то поняли, что Запад обязан возвысить голос свой и принять сторону Афанасия, защитника православия.

Особенно в Галлии приняли сторону православия и мы вскоре увидим, как великие святители этой Церкви, каковы Фебадий Агепский и Иллариий Поатиерский, посвятили свое красноречие и деятельность на защиту здравого вероучения.

Ссылка Афанасия была торжеством для Евсевия Никомидийского и друзей его. Епископ этот считал себя довольно сильным, чтобы принудить святого Александра Константинопольского принять Ария в свое общение.

После собора в Иерусалиме еретик отправился в Александрию, где возбудил большие смуты. Константин вызвал его в Константинополь, чтобы потребовать отчета в поведении.¹²⁴ Арий прибыл и нашел там Евсевия Никомидийского и других своих сообщников. Как только он явился, Церковь разделилась на две партии; одна отстаивала веру Никейскую, другая приняла сторону Ария. Епископа

святого Александра озабочивало происходившее, тем более что он слышал угрозы Евсевия, что его сместят, если не будет в общении с Арием. Озабочивала же его не столько эта угроза, сколько опасение за здоровое вероучение. Он сам присутствовал на Соборе Никейском, чистосердечно и верно принял провозглашенное там вероучение. Не прибегая для защиты его к изворотам диалектики, он обратился к Богу и решился преклонить Его постом и молитвой. Он заключился в Церкви именуемой Ирини (мир) приблизился к престолу, и повергся ниц перед ним, слезно умоляя Бога – принять в свою десницу дело веры. В продолжении нескольких дней и ночей он непрестанно взывал к Богу: «Если вероучение Ариево должно восторжествовать и признано быть истинным, то возьми меня от мира сего; если же вера, которую исповедую, истинна, накажи Ария за его нечестие».

Пока Александр молился, при дворе суетились. Император потребовал Ария и спросил его, признает ли он определения Никейские. Арий не колеблясь отвечал, что признает и подписал объявление о том с полной готовностью. Император пожелал знать, нет ли какого притворства в его заявлении, и тот поклялся, что нет никакого. Тогда Константин призвав Александра повелел ему принять Ария в общение. Это было в субботу, Арий надеялся на другой день вступить в церковь со всеми верующими.

По выходе Ария из дворца, приверженцы его с торжеством повели его по городу. В форуме Константина, он почувствовал ужасную боль в животе и спросил нет ли тут по близости отхожего места. Ему указали за форумом, и он вошел туда. Внезапно схватила его ужасная боль, из него вышло множество крови и несколько времени спустя его нашли мертвым.

На смерть эту смотрели как на кару Божию. Содрогались этим не только в Константинополе, но во всем мире. Друзья Евсевия Никомидийского поражены были ужасом, а Константин увидел в том новое побуждение для сильной привязанности к вере Никейской.

Ересь арианина Маркелла

По смерти Ария, епископы-евсевиане не долго оставались в Константинополе. Они составили между собой что-то вроде собора, на котором низложили Маркелла, епископа Анкирского.

Епископ Маркелл¹²⁵ находился на соборе в Иерусалиме, где его упрекали в важных заблуждениях. Он обнародовал книгу, написанную им против некоего ритора, по имени Астерия, ходившего по городам Сирии и читавшего книгу, в которой проповедовалось учение Ария. Астерий считал себя большим богословом и достойным епископства, но так как он во время гонений приносил жертву идолам, то и не мог этого никак достигнуть. Маркелл Анкирский написал книгу против Астерия; но, как утверждает Сократ, желая его опровергнуть, впал в противоположное заблуждение и не страшился утверждать, что Христос был такой же человек, как и прочие.

Епископы собора Иерусалимского не занялись Астерием, как человеком, не принадлежавшим к священству, но потребовали отчета от Маркелла, за книгу им написанную. Вероятно вопрос этот поднял преимущественно Евсевий Кессарийский, который в сочинении Маркелла нашел такие заблуждения, что для опровержения их составил два творения. Епископ Анкирский был уличен в распространении учения Павла Самосатского, и обещал сжечь книгу свою; но, прежде исполнения обещания своего, воспользовался смятением, в каком находился собор по получении рескрипта императорского, призывавшего его в Константинополь, и скрылся. В Константинополе, евсевианские епископы снова взялись за это дело, осудили епископа Анкирского, низложили его и рукоположили на место его Василия.

Действительно ли Маркелл излагал учение, в котором его упрекали? В последствии он отрицал это и был восстановлен; но если судить о книге его по опровержению, написанному против неё Евсевием Кессарийским, то он был не безупречным. Ученый епископ упрекает Маркелла, во-первых, в чувстве зависти и в приемах полемики, весьма неприличных.¹²⁶ Затем, с

большой точностью излагая православное вероучение о Святой Троице, он опровергает заблуждение Савеллия, допускавшего в Святой Троице только одну ипостась, постепенно проявляющуюся под именованиями Отца, Сына и Святого Духа. Если бы учение Савеллия было справедливо, то Иисус Христос был бы тем же лицом как Отец; но так как Евангелие ясно отличает Его от Отца, то из сего следует, что Он был только простым человеком. Таким образом, эта последняя ересь Павла Самосатского была только логическим выводом из ереси Савеллиевой.

Евсевий упрекает Маркелла в обеих этих ересьях. Но прежде чем приступил к доказательствам заблуждений Маркелловых, он утверждает, что противник его грубо ошибается, приводя тексты священного Писания,¹²⁷ и что он увлекается тщеславием и желанием казаться ученым, приводя цитаты из писателей светских, которые не могут нисколько объяснить излагаемого им учения веры.¹²⁸

Другой упрек Евсевия состоит в том, что Маркелл нападает не только на Астерия, но и на достойнейших епископов, каковы *Великий Евсевий* (Никомидийский), Павлин Тирский, ставший епископом» Антиохии, а также на Оригена, который не может защищаться, потому что давно уже умер, на Наркисса Нерониадского и наконец на *другого Евсевия*. Так называет епископ Кессарийский самого себя.¹²⁹ Изречениями, заимствованными из книги Маркелловой, доказывает, что он увлекается страстью, говоря о своих противниках и приписывает Оригену учения, которых этот великий муж не мог преподавать. Из одного места его книги заметно, что Маркелл не признавал Оригена достаточно сведущим в священном Писании, когда он писал книгу свою о *Началах*. Должно сознаться, что упрек Оригену в невежестве со стороны епископа Анкирского, по крайней мере, очень странен.

Евсевий упрекает противника своего в том, что он недобросовестно приводит некоторые изречения его самого, Евсевия Никомидийского, Павлина и Наркисса, с целью приписывать им мнения, которых они никогда не держались.

Конечно в приводимых Евсевием страницах заметно много желчи и преувеличений.

Во второй книге своей Евсевий излагает учение Маркеллово, сводя оное к следующим четырем заблуждениям:

1-ое. Он учил, что Сына Божия, прежде рождества Его от Девы Марии, не было и что Он до того времени не существовал.¹³⁰

2-ое. Относительно Слова то, что он смешивает Его со Отцом и Духом Святым, допуская в Боге одну только сущность, без различия лиц.¹³¹

3-е. Относительно плоти Христовой, воспринятой Словом, он учит, что ее следует отделять от самого Слова, до того, что в Иисусе Христе остается только действительное лицо человеческое.¹³²

4-е. О конце царства и плоти Христовой он учил, что царствование Его вечно не будет, но окончится, когда Он достигнет определенной цели; что плоть Христова не будет в вечности соединена со Словом, но уничтожится.¹³³

Евсевий подтверждает эти четыре пункта подлинными извлечениями из книги Маркелла. Усиливались истолковать эти извлечения в смысле православном; но нам кажется достоверным, что Маркелл действительно учил заблуждениям, в которых Евсевий его упрекает. В этом согласуемся мы с такими мужами, как святой Василий Кессарийский, святой Иоанн Златоуст, св. Илларию Пиктавийский и даже святой Афанасий, хотя Маркелл был ревностным его приверженцем.

Евсевий Кессарийский направил против Маркелла Анкирского и свои три книги *О богословии церковном*. После упреков противнику своему, что учит тому же, чему учил Савеллий, он излагает истинное вероучение Церкви, и вот как он выражается о Сыне.

«Церковь учит, что только один есть Бог Всемогущий, Который есть также и Отец, Отец единого Христа; но Господь, Творец всяческих и Бог. Она признает также единым Сыном Божиим Того, Который родился от Отца прежде всех веков. Бытия Его она не смешивает со Отцом, но верует, что Он Сам в Себе есть и будет со Отцом истинным Сыном, будучи Богом от

Бога, светом от света, жизнью от жизни, рожденным от Отца неизглаголанно, неисповедимо, совершенно неведомо, непостижимо, на спасение всех. Его бытие не походит на бытие других, и живет Он не той жизнью, как существа Им сотворенные. Он единый рожденный от Отца единого Он есть сама жизнь.»¹³⁴

Крещение и кончина Императора Константина

Заметно, до какой степени Евсевий старался не впасть в заблуждение Савеллия, который сливал (в смысле, соединял) бытие Сына и Отца, что привело его к одноличности в Божестве и к отрицанию Троичности. Понятно, что люди поверхностные легко смешивали *бытие* с *сущностью* и, ратуя за единство сущности во Отце и Сыне, выраженное словом *единосущный*, употребляли выражения необдуманно, по которым им и можно было приписывать ересь Савеллиеву.

Евсевий, в своем изложении верования Церкви, не употребил слова *единосущный*, но ясно, что это не представляет никакого повода приписывать ему заблуждений Ария. По учению своему он был православен; но он виновен в том, что в прениях был на стороне Евсевия Никомидийского и дал себя обмануть лстивыми ответами Ария. Читая его творения чувствуешь, что он всего более опасался малейшей погрешности в догмате о Святой Троице, на котором основано Христианство.

Когда ему приходилось отвечать на вопрос о предвечном рождении Сына, то он говорил, что это таинство непостижимо для нашего ограниченного разума.¹³⁵

В трех книгах *О богословии церковном* Евсевий делает дополнения к своим двум книгам против Маркелла. Он приводит множество мест в доказательство заблуждений, в которых упрекал своего противника, и который все сводятся на две ереси: Савеллия и Павла Самосатского, истекающие одна из другой, как мы уже объяснили, не взирая на видимое между ними противоречие.

Мы не будем входить в подробности этих рассуждений, а скажем только, что Евсевий еще яснее, нежели в первом своем творении, доказывает в книгах о Богословии, что Маркелл употреблял выражения, благоприятствующие самым пагубным ересям. Ученый епископ Кесарии, в этом творении, особенно заботился опровергнуть савеллианство, казавшееся ему главной в то время опасности для Церкви. Под влиянием этих

опасений, он написал свою книгу *О вере* против Савеллия, и издал несколько других трактатов о Боге, рассматриваемом в Его духовной и невидимой сущности. Он опасался, чтобы, рассуждая о предвечном рождении Сына, не стали ошибочно принимать это рождение за истечение некоторой части божественной сущности.

Только случайно и изредка старые дружеские связи могли отрывать Евсевия от его ученых занятий и вовлекать в прения, столь губительно волновавшие тогда Церковь.

Понятно, что в виду заблуждений, в каких упрекался Маркелл и пламенных нападок его на главных покровителей Ария, епископы эти обвинили его на соборе Иерусалимском и низложили на Константинопольском. Впрочем, впоследствии мы увидим, что он был несколько раз низлагаем и восстанавливаем.

Константин оставил Константинополь вскоре после того, как епископы держали там собор (336). Он царствовал уже тридцать два года и, имея от роду шестьдесят лет, пользовался постоянно хорошим здоровьем и такими силами, что мог заниматься всякими военными упражнениями.¹³⁶

Шестидесяти лет, он заболел и не получив облегчения на теплых водах Константинопольских, приказал перевезти себя в Еленополис.¹³⁷ По приезде туда, он долго молился в храме мучеников, и чувствуя, что последний час его приближается, решил, что настало время загладить все грехи, соделанные им в жизни. По словам Евсевия, он твердо веровал, что всякая вина его, в какую впадал по человеческой природе своей, будет изглажена действием таинственных словес и спасительной купели. Проникнутый этим убеждением, он повергся ниц пред Богом, исповедал грехи свои в той же церкви, смиренно моля Бога о прощении. Там-то он удостоился сначала возложения рук, совершенного при торжественном богослужении.

Отсюда он направился в предместья Никомидии и собрав епископов, обратился к ним со следующими словами: «Настало время, которого я сильно желал, когда пламенные, живейшие желания мои исполнятся получением спасения о Господе. Вот время, когда и я также должен принять печать бессмертия и спасения. Прежде я имел намерение получить то и другое на

Иордане, где Спаситель благоволил креститься, чтобы послужить нам примером, но Бог, лучше знающий, что мне на пользу, соизволяет допустить, чтобы последовало это здесь. А потому более не колеблюсь: если Богу, владыке моей жизни и смерти, угодно, чтобы я жил долее, то решаюсь принадлежать к народу Божию, буду участвовать в общественных молениях Церкви и обещаюсь возложить на себя правила жизни богоугодной».

После этих слов, епископы приступили торжественно к совершению обрядов и божественных таинств, после которых Константин участвовал в причащении. Таким образом, говорит Евсевий, первый из императоров римских был возрожден свидетельством Христовым. Запечатленный божественной печатью, он восчувствовал великую радость духовную и просветлел. Вера, возраставшаяся в нем, была для души его источником утешения, и он приходил в изумление от ощущаемой им силы божественной. По совершении всех таинств, Константина облеченного в одеяние изумительной белизны положили на белое же ложе. С того времени он не хотел более касаться императорской багряницы.

Помолившись громко¹³⁸ он добавил; «теперь я вполне счастлив, достоин бессмертия и обладаю светом божественным». Он оплакивал несчастье лишающих себя благ духовных. Сановники окружали его, рыдая и желая ему долгоденствия; но он отвечал им, что настало время отойти ему к Богу и что он отходит с радостью. Скончался он в день Пятидесятницы, около полудня. Едва только распространилась весть о смерти Константина – царедворцы, войско и весь народ выразили глубочайшую скорбь; все понимали, чего лишилась в нем империя. Тело Константина, положенное в золотом гробе и покрытое императорской багряницей, было перенесено воинами из Никомидии в Константинополь и выставлено во дворце, окруженное всеми императорскими регалиями и множеством ярко горящих светильников. В продолжении нескольких дней высшие военачальники воздавали ему воинские почести как бы живому, а сановники гражданские знаки своего уважения. В память великого императора все части войска единодушно

провозгласили Августами его трех сыновей и поклялись не признавать других государей.

Рим, подобно остальным частям империи, был в трауре, общественные здания и зрелища были закрыты; все единогласно воздавали справедливость великому мужу, которого лишились; просили, чтобы тело его было принесено в Рим и единогласно провозгласили сыновей его Августами.

Константин прибыл первым к смертным останкам Отца своего и приказал торжественно погребсти его в церкви Апостолов, в Константинополе. Духовенство и народ рыдая молили Бога о упокоении души императора и приносили за него бескровную жертву.¹³⁹

Церковь православная причла императора Константина к лику святых, удостаиваемых общественного почитания и справедливо признала его истинным Апостолом Христовым, наименовав Равноапостольным. Действительно, взирая на примерную его благочестивую ревность, множество язычников, оставив идолопоклонство, приняли христианскую веру. Он не преследовал приверженцев идолопоклонства; но так как между мистериями языческого их богослужения многие были школами разврата и не заслуживали пощады; то, из уважения к нравственности и общественному благу, он принужден был их уничтожить. В уверенности, что Христианство послужит основанием возрождения мира, он должен был стараться, что он и делал, о его распространении. Он не смешивал Церкви с Государством, но покровительствовал Церкви, как учреждению общественному, способному возвысить нравственность в народе и распространить здравые понятия об истине и добре.¹⁴⁰

Просвещение верой Грузии и Абиссинии

Константин не только старался о распространении Христианства в Римской империи, но и содействовал учреждению Церкви в Грузии. Царство это, лежащее между верхней Арменией к югу и Кавказскими горами к северу, населено было колонией Иверийцев, народом того же происхождения как в Испании.¹⁴¹ Богу угодно было, чтобы благочестивая христианка захвачена была и уведена в неволю этим народом. Она продолжала и в неволе святую жизнь, какую вела до тех пор, соединяя с высоким целомудрием пост и непрестанную молитву. Иверийцев приводило это в изумление и они спрашивали у христианки объяснений касательно её образа жизни: «я служу таким образом, отвечала она, Христу, моему Богу». Это имя было им совершенно не известно.

Богом определено было, посредством христианской пленницы, обратить весь народ к истинам Евангельским и Он послал ей дар чудотворений. Заболело одно дитя и его носили, по обычаям страны, к разным женщинам, спрашивая у них средства помочь ему; между прочими принесли его и к христианской пленнице. Она положила его на рогожу, которая служила ей вместо постели, и сказала: «я не знаю никакого врачества человеческого; но Иисус Христос, Бог, которому я поклоняюсь и который исцелил множество болящих, может исцелить и его». Она стала молиться и возвратила ребенка совершенно здоровым.

Это чудо возбудило много толков и дошло до сведения царицы, которая сама, спустя несколько времени, заболела. Она велела пригласить христианскую пленницу, но та, по смирению своему, отказалась идти во дворец. Тогда царица приказала отнести себя в жилище благочестивой женщины, которая помолилась о ней и испросила ей немедленное выздоровление: «Иисус Христос исцелил Тебя, сказала она, призывай Его, Он есть истинный Бог, дарующий могущество царям и жизнь всем человекам».

Царица убеждала мужа своего оставить идолов и поклоняться истинному Богу, её исцелившему. Тот колебался. Но однажды он был окружен таким мраком, что никак не мог отыскать дороги к городу. Тогда он вспомнил Христа, о котором ему говорили, и обещал признать его Богом, если избавится от опасности, в которой находился. Немедленно облистал свет. По возвращении своем в город, царь призвал христианскую пленницу, которая поучала его истинам веры, как только могла, убедила царя построить церковь, подобную тем, какие строятся Римлянами.

Постройка была немедленно начата; но когда стали ставить колонны, то третью никак не могли сдвинуть с места. Благочестивая пленница провела ночь в молитве, и утром когда царь пришел посмотреть на колонну, то нашел её прямо висящей на воздухе и видел, как она опустилась и стала на приготовленное для неё место. Это новое чудо произвело удивительное впечатление на народ, и он пожелал просветиться познанием истинного Бога. Царь проповедовал мужчинам, царица поучала женщин и, по совету пленницы, отправили посольство к Константину просить у него епископа и священников для устройства новой Церкви. Константин немедленно послал их и радовался обращению Иверийцев более, нежели присоединению нового народа к своей империи.¹⁴²

В то же время была просвещена верой Абиссиния, принадлежавшая к тем обширным южным странам, которые Греки и Римляне называли Индией, заселенным народами различного происхождения и языка. Многие из Апостолов, как Матвей, Фома и Варфоломей, проповедовали Евангелие различным племенам Индии, и Пантен нашел там следы этого первоначального благовестия; но народы абиссинские еще не слышали о Иисусе Христе до начала IV столетия. Некоторые сношения существовали между ними и Римлянами, но они прекратились, когда философ из Тира, по имени Мероний, предпринял посещение этих стран. Он вывез с собой двух юношей из своего семейства, которых воспитывал, называвшихся Эдезием и Фрументом.¹⁴³ Мероний, посетивши

эти страны, возвращался в Тир, когда корабль его пристал за продовольствием к негостеприимному городу. На корабль сделано было нападение и все пассажиры перебиты, кроме Эдезия и Фрумента, которых нашли под деревом с книгами в руках. Сжалились над их юностью и отвели к царю, взявшему их себе в услужение. Эдезий сделался его виночерпием, а Фрумент письмоводителем.

Царь спустя несколько лет умер, оставив малолетнего сына. Перед смертью своей он освободил Эдезия и Фрумента, но царица убедила их остаться служить сыну, пока он не сделается способным царствовать без руководства других. Они согласились и приобрели во время этого царствования большое влияние. Когда же царь, по совершеннолетию, принял бразды правления, то дозволил им возвратиться в отечество. Эдезий отправился в Тир, а Фрумент направился в Александрию, чтобы сообщить епископу о возможности просветить Абиссинию светом евангельским.

Во время пребывания своего в Абиссинии Фрумент сильно заботился о просвещении страны сей Христианской верой. Он отыскивал христиан между Римлянами, приезжавшими по торговым делам в эти отдаленные страны, соединял их, преподавал истины Евангельские некоторым из туземцев и образовал несколько небольших общин, члены которых собирались вместе на молитву.

В Александрии нашел он великого святителя Афанасия, рассказал ему все, что делал в Абиссинии и просил его избрать епископа, способного продолжать начатое им дело и учредить истинную Церковь из собранных им общин. Афанасий созвал несколько епископов и с ними, выслушав рассказы Фрумента, сказал: «Кого найдем мы, имеющего дух Божий как ты, и кто может соделать такие великие дела?» Рукоположив его епископом, он приказал ему возвратиться в страны, из которых, по благодати Божией, прибыл. Фрумент повиновался, воротился в Абиссинию, обратил большую часть язычников проповедью своей и чудесами, построил церкви и считался апостолом этой страны.¹⁴⁴

Воцерковление Персов

Мы уже упоминали, каким образом Евангелие снова проповедано было Армянам. Нужно предполагать, что Христианство из Армении перешло в Персию.¹⁴⁵ Оно сделало там быстрые успехи и вскоре в стране этой образовались Церкви, устроенные иерархически.¹⁴⁶ Но маги, составлявшие в Персии касту священническую, встревожась успехами новой веры, соединились с евреями прирожденными врагами Евангелия, жившими в Персии в большом числе и влиятельными.

Во главе Церкви христианской в Персии был Симеон, имевший титул епископа Селевкии и Ктесифонта. Маги и евреи оклеветали его пред Сапором, бывшим тогда царем Персидским, уверив его, что епископ христианский друг императора Римского и сообщает ему тайны страны их.

Сапор, обманутый клеветами, начал с того, что обложил христиан огромными налогами, которых большая часть из них не могли уплачивать, потому что отказались от имений своих, и жили в нищете. Сборщикам повелено было подвергать их всевозможным притеснениям, чтобы только отвратить от веры. Когда насилия эти оказались безуспешными, то Сапор повелел обезглавить всех членов клира, разрушить церкви, отобрав в казну сосуды и все вещи богослужебные. Он потребовал Симеона к себе, обвиняя его в измене отечеству и вере своих предков.

Тогда маги, с помощью евреев, устремились на церкви, схватили Симеона, обременили его цепями и привели к царю. Симеон отверг все предложения, пренебрег всеми угрозами и был ввержен в темницу. При выходе из дворца он увидел старинного друга своего Усфазада, приветствующего его, но отвернулся от него с негодованием. Усфазад, управитель дворца и старый наставник Сапора, устрася гонения, изменил вере. Симеон знал это, и потому увидев отступника, выразил негодование. Усфазад, пораженный этим, воскликнул: «Горе мне несчастному! Что же будет мне от Бога, Которому

изменил, если старинный друг мой Симеон так со мной обращается и удалился от меня, не сказав мне ни слова,!» Он рыдал и предавался всем ужасам скорби. Царя уведомили о том и он спросил его о причине печали. Усфазад не скрыл её от царя и мужественно исповедал веру, от которой, по-видимому, отрекся. Сапор старался преклонить его ласками, но видя все усилия свои тщетными, приказал обезглавить почтенного старца. Усфазад просил, как последней милости, чтобы, когда поведут его на казнь, ему предшествовал бы вестник и громогласно кричал, что он осужден не за нарушение обязанностей своих к царю, но за то, что христианин. Просьба его была исполнена; он мужественно шел на казнь и умер за веру, а Симеон, узнав о том в темнице своей, воздал хвалу Богу.

Настала очередь святителя, его повели на казнь и с ним сто человек христиан. Он убеждал их всех мужественно умереть и затем сам был обезглавлен. Среди этих мучеников отличались Авделай и Анания, два престарелые пресвитера, помогавшие Симеону в церковном управлении. Так как Анания перед смертью трепетал, то Фузик, начальник художников царских, сказал ему: «Старик зажмурь на минуту глаза и крепись, через мгновение ты увидишь свет Христов». Так как один из доносчиков слышал это, то Фузика отвели к царю. Мужественный христианин отвечал тирану столь твердо, что был осужден на казнь более жестокую, чем другие. Палачи пронзили ему горло и чрез это отверстие вытащили язык. Дочь его, дева, посвятившая себя Богу, по доносу в то же время мужественно претерпела мученичество вместе с отцом своим.

Год спустя Сапор обнародовал эдикт, объявляющий гонение на христиан по всему царству. В силу этого эдикта, всех признавших себя христианами следовало предавать смерти. Маги и евреи стали отыскивать скрывающихся и сделались на них доносчиками. Великое множество христиан положили живот свой за веру; даже царский дворец окровавился и любимый евнух его, Азат, был предан казни; но смерть эта для самого царя была столь чувствительна, что он повелел на будущее время наказывать смертью только учителей веры христианской.

Прежде еще, в истории, встречали евреев во главе самых яростных гонителей христиан. Повсюду, где только находили поддержку, они превращались в доносчиков и в палачей своих противников. Это важный факт, который серьезная история должна непременно принять во внимание, потому что он послужит объяснением последующих событий.

Вскоре заболела жена Сапора, а евреи были столь низки и жестоки, что стали обвинять многих христианок, будто бы они произвели эту болезнь своими волшебствами. Среди обвиняемых находилась девица Тарбула, сестра епископа Симеона; служанка Тарбулы также девственница и сестра её, бывшая прежде замужем, но по смерти мужа своего хранившая церковное безбрачие. Евреи утверждали, что, в отмщение за смерть Симеона, они околдовали царицу. Царица была еврейкой и поверила, что учителя её веры говорят правду. Вследствие того маги привлекли святых жен к суду; их привязали за голову и за ноги к двум столбам и перепилили надвое. Для избавления от чар, под влиянием которых будто бы страдала, царица должна была пройти между распиленными трупами.

Перед казнью один из магов, обольщенный красотой Тарбулы, предложил ей отдаться ему, обещая избавить ее с подругами от смерти. Благочестивая дева, с негодованием отвергла его предложение, предпочитая смерть за веру и девство. Так как Сапор повелел преследовать только пастырей христианских, то маги стали отыскивать по всей стране епископов и пресвитеров, но особенно в провинции Адиабене, населенной христианами и смежной с империей Римской.

Между епископами, претерпевшими мученичество, главным образом упоминаются: Акепсим, Варасихий, Павел, Гаведдай, Савип, Мариав, Мокий, Иоанн, Гормида, Папий, Иаков, Ромил, Марин, Агн, Вокрисий, Авдий, Авдиес, Иоанн, Аврам, Агделай, Саверий, Исаак, Дисан. Последний был епископом провинции Завдеи, отнятой римлянами у Персов. Сапор сделал набег на эту провинцию и увел с собой часть жителей, и в том числе епископа Дисана, хорепископа Мариавы и двести пятьдесят клириков, которые все были замучены.¹⁴⁷

Особенно между мучениками-епископами Персии, упоминается о епископе Миллисе, который был, сперва воином, но потом оставил это звание для проповеди евангельской.¹⁴⁸ Рукоположенный в епископа в один из городов Персии, он за ревность свою к благовестию о Иисусе Христе претерпевал только оскорбления. Отряся прах с ног своих он пошел в другое место; а город, оставленный им и пренебрегший его проповедью, вскоре навлек на себя гнев царский, был разрушен до оснований и плуг прошел по той местности. Миллис, нося с собою только мешок, в котором хранилось Евангелие, направился в Иерусалим для поклонения, а оттуда прошел в Египет, посетил пустынников и после того поселился в Сирии, где прославился своими чудными подвигами и умер мучеником.

По свидетельству Созомена насчитывается до шестнадцати тысяч именитых людей, замученных Сапором, число же других не могло быть даже приблизительно исчислено их соплеменниками Сирии, Персии и Армении.

Император Константин, узнав о жестокостях, какие претерпевают христиане в Персии, был глубоко огорчен этим обстоятельством.¹⁴⁹ Он думал о средствах помочь им, когда послы царя Персидского прибыли ко двору его. Согласившись на то, о чем они просили, Константин воспользовался этим благоприятным случаем и написал Сапору письмо, в котором сказано было, что был бы ему весьма благодарен, если он прекратит гонения. Евсевий сохранил нам письмо это, которое и разберем здесь.¹⁵⁰ «Я храню божественную веру, я просвещен познанием истины, принял ее себе в руководство и она привела меня к божественной вере, то есть к святой религии, которую исповедаю. Религия эта привела меня к познанию всесвятого Бога. С помощью Бога сего, я привел к надежде спасения все народы, начиная с крайних пределов океана, освободил от угнетавших их извергов и преобразовал. Все это есть дело того Бога, знамение Которого вышито на плечах всех наших воинов и Который даровал мне блестящие победы. Открыто объявляю, что чту Бога сего и что мысль о Нем питает и укрепляет дух мой.

«Бога сего я призываю на коленах. Он внушает мне отвращение от крови¹⁵¹ и от всего суетного, причиняющего

народам столько бедствий. Богу, которому поклоняюсь, не угодно, чтобы сотворенное Им, по благодати на пользу всем, употреблялось на удовлетворение страстей наших. Он требует от человека только сердца чистого и добрых намерений. Он любит кротость и подвизающихся в добре, и ненавидит любящих смуты. Любит веру и наказует неверность; Он враг насилия и наказывает тщеславие и высокомерие; Он низлагает гордых, восхваляет смиренных и претерпевающих насилия.

«Полагаю, что не ошибаюсь, брат мой, поклоняясь Богу сему, Отцу и Создателю всего сущего. Правившие империей до Нас, большей частью, отвергали Его, но они имели столь плачевную кончину, что это должно послужить уроком для желающих подражать им. Особенно одного из них Бог, во гневе Своем, перенес из нашей страны в вашу, чтобы бесчестием своим и поношением послужить для вас как бы примером.¹⁵²

«Так было и в наше время; я сам видел бедственную кончину преследовавших народ Божий. Благодарю Бога, что ныне все народы империи соблюдают закон Его и наслаждаются дарованным им миром. Твердо уверен, что все благоденствует, когда все прибегают к тому же Богу и исповедуют ту же веру.

«По сему можешь заключить с какой радостью узнал я, что христиане (о них-то говорю) многочисленны в провинциях Персии. Радуюсь этому, желая благоденствия державе вашей, и чтобы при царствовании твоём христиане были счастливы; таким только образом можете вы пользоваться покровительством Бога, Вседержителя и Отца всей твари. Поручаю же их твоему благоволению; поступая с ними кротко, ты приобретешь большие выгоды и я буду тебе признателен.»

Константин обращал внимание на все народы, желая там водворения веры и мира.¹⁵³ Это рассуждение Евсевия заставляет предполагать, что письмо осталось не без последствий, по крайней мере, на время остановило гонения Сапорово.

III. 338–347

Собор Антиохийский

По смерти Константина, Евсевий Никомидийский и Феогнис Никейский рассудили, что теперь благоприятное время всеми силами сделать нападение на слово *единосущный* и заставить Церковь принять учение Ария.¹⁵⁴ Не взирая на влияние, которым пользовались при Константине, они никогда не осмеливались однако оспаривать пред ним вероучений Собора Никейского, и сохраняли влияние свое только тем, что по видимости допускали эти учения. Успели же только внушить Константину предубеждения против Афанасия, изображая его благоприятствовавшим смутам и разделением,¹⁵⁵ но никогда не могли поколебать в благочестивом императоре привязанности к православию; даже не успели уверить его, что Афанасий не достоин епископства. Попытались было возвести на престол Александрийский Иоанна-мелетиянца, но Константин, узнав то, сослал его так же, как Афанасия, полагая водворить мир в Александрии удалением обоих и считая их нарушителями общественного спокойствия.

Но Константин Младший, живший в Трире, писал к отцу своему в пользу Афанасия и внушил ему мысль возвратить его к Церкви своей; но Константин умер, не выполнив этого справедливого распоряжения. Империя разделена была между тремя сыновьями его. Константину досталась часть Западная, Константу – Италия, Африка и Иллирия, а Констанцию – Восток и Египет. Перед кончиной своей Константин препоручил двум племянникам своим Далмату и Аннибалиану управление нескольких провинций. Далмат, с титулом Кесаря, управлял Фракией, Македонией и Ахаией, а Аннибалиан, с титулом царя – Каппадокией, Понтом и Арменией, пребывая в Кесарии. Оба племянника Константиновы были умерщвлены воинами, а провинции их разделены между императорами Константином Младшим и Констанцием. У Далмата осталось два сына: Галл и Юлиан, которых пощадили, и последний стал известен под названием Юлиана богоотступника. При смерти отца, ему было только восемь лет. Евсевий Никомидийский, родственник

матери Юлиановой, позаботился о первоначальном воспитании сыновей Далмата, причислив их к клиру, и возвел в звание чтецов.

Константин Младший, по измене братьев своих Константа и Констанция, был убит близь Аквилеи (340), а Констант наследовал его часть империи, которая таким, образом разделилась на две: империи западную, со столицей Римом, и империи Восточную, со столицей Константинополем.

В продолжение кратковременного царствования своего, Константин Младший оказался православным и приверженцем святого Афанасия. Немедленно по кончине отца своего, он отослал Афанасия в Александрию, с рескриптом к жителям следующего содержания:¹⁵⁶

«Полагаю, вам известно, что Афанасий, учитель достоуважаемого закона, прислан был в Галлию только временно, чтобы укрыть от ненависти людей развращенных, посягавших на жизнь его. В ограждение от злобы их, повелено было ему жить в том же городе, где пребывал я сам и где не могло ему быть ни в чем недостатка; по правде сказать – он даже мало заботился о страданиях, им переносимых. Государь мой и отец Константин блаженной памяти, решил восстановить его на епископском престоле и возвратить благочестию вашему, но смерть восхитила императора прежде выполнения этого желания. Я, как наследник, обязан выполнить последнюю его волю. Епископ ваш сам скажет вам, как мы его уважали. Не удивляйтесь тому, я не мог сопротивляться влечению к мужу столь возвышенному и удостоверявшему в вашей к нам привязанности. Божественное Провидение да хранит вас, братия возлюбленнейшие».

Верующие приняли Афанасия с радостью, но ариане немедленно начали устраивать против него козни и возбуждать к беспорядкам. Они утверждали, что он возвратился, не быв оправдан по осуждению, изреченному над ним на собрании Тирском, как будто определение это имело какое-либо значение.

Пока Афанасий направлялся в Александрию, Евсевий Никомидийский и Феогнис Никейский старались воспрепятствовать его возвращению, считая это важной не

выгодой для их партии.¹⁵⁷ У них была поддержка при дворе, именно священник добившийся от Константина возвращения Ария. Священник этот так искусно скрывал свои еретические убеждения, что сохранил доверие Константина, поручившего ему даже свое духовное завещание, по которому восточные провинции империи назначались Констанцию. Тот желал этих провинций и выразил признательность свою человеку, вручившему ему подлинные акты на власть, вверился ему и дозволил беспрепятственный вход во дворец. Еретический священник воспользовался этим для распространения лжеучения своего между евнухами; вскоре заражена была ими сама императрица, не избегнул соблазна даже император. Евнухи и дворцовые женщины превратились в богословов, стали рассуждать о вероучении Никейском и системе Ария; из дворца прения перешли в город, а затем в провинции. Это было как бы искрой, воспламенившей огромный пожар. Нередко прения сопровождались схватками. Запад не принимал однако в них никакого участия и сохранял привязанность к вере Никейской.

Евсевий и приверженцы его надеялись при помощи смятений избрать епископа в Александрию; но возвращение Афанасия разрушило их намерения.

Между тем умер Евсевий Кессарийский,¹⁵⁸ на место его постановлен был ученик его Акакий, человек ученый, издавший несколько творений и защищавший учителя своего, но он оказался мало православным, как то изложено будет впоследствии.

Евсевий Кессарийский был утратой для партии арианской, хотя в сущности не разделял заблуждений Ария. Враждебное настроение его к Афанасию и угодливость Евсевию Никомидийскому ставили его в ряды ариан, на которых разливал блеск своей неоспоримой учености.

Православие несколько прежде понесло значительную утрату в лице святого Александра епископа Константинопольского.¹⁵⁹ Он скончался в возрасте девяноста восьми лет и после двадцати трёхлетнего епископства, не назначив себе преемника. Удовольствовался только

посоветовать избирателям, подавать голоса за пресвитера его Павла, если хотят иметь епископа добродетельного и способного, хотя он и молод. Но если желаете епископа, имеющего вид важности, добавил он, то назначьте диакона Македония. По смерти Александра православные подали голоса свои, за Павла, который был избран и посвящен в церкви Ирины (мира), находившейся близь того места, где впоследствии построен был великолепный храм, посвященный Премудрости Божией Софии. Ариане же подавали голоса за Македония. Константин был тогда еще жив. Возникла распря между Павлом и Македонием по случаю избрания. Константин принял сторону Македония и сослал Павла в провинцию Понта, но по кончине его, Павел возвратился, а Македоний признавши законным своего соперника, жил с ним в общении, сохранив только звание пресвитера.

Когда Афанасий вызван был из ссылки, то направился через Константинополь и нашел Павла на престоле своем. Он видел Констанция в Виминакии в Мизии, в Кесарии Каппадокийской и наконец в Антиохии, откуда прибыл в Александрию. При различных свиданиях своих с императором, Афанасий даже не упомянул ему о врагах своих и не старался приобрести на него влияния.¹⁶⁰

Возвращение его в Александрию было настоящим торжеством.¹⁶¹ Народ вышел ему навстречу; в церквах пели радостные гимны, все служители Церкви, подобно верующим, выражали живейшую радость. Съехались епископы всех церквей Египта, Фиваиды, Ливии и Пентаполя. Наслаждаясь счастьем быть снова собранными под председательством епископа матери церквей своих, они сочли обязанностью защищать его и написали окружное послание, разосланное всем епископам Церкви католической.¹⁶² Там опровергали, они все клеветы, возводимые на Афанасия на собраниях Тира и Константинополя, и обнаруживали все происки евсевиан.

Апология эта послана была не только епископам Восточным, но и Западным, где в продолжении ссылки своей Афанасий приобрел много друзей, но также и Юлию, епископу Римскому.¹⁶³ Депутаты собора Александрийского и Афанасия

прибыли в Рим, когда евсевiane там уже находились; понимая сколь важно иметь Запад на своей стороне, они писали епископу Римскому и послание свое отправили с тремя депутатами: пресвитером Макарием и двумя диаконами Мартирием и Евсихием. Они приложили к тому следствие, произведенное в Мареоте, по приказанию собрания Тирского. Посланные же Афанасием прибыли, со своей стороны, с посланием собора Александрийского. Пресвитер Макарий немедленно удалился под предлогом болезни. Оба же диакона, чтобы не вынудили их входить в объяснения, предложили епископу Римскому собрать собор, на котором разобраны будут все затруднения, относящиеся до Афанасия, Маркелла Анкирского и Асклепа Газского, незаконно низложенного арианами, как приверженца Афанасиева.¹⁶⁴

Юлий согласился и предложил собор в том городе, который изберут евсевiane в соглашении со своими противниками.¹⁶⁵ Но как они никакого места не указали, то Юлий созвал собор в Рим.

Констанций после путешествия своего в Антиохию, где видел его Афанасий до отплытия в Александрию, отправился в Константинополь. С ним был Евсевий Никомидийский, домогавшийся престола столичного; он сообщил ему о пререканиях, происходивших между Павлом и Македонием, отдавая справедливость последнему; а потому Констанций, по прибытии своем в Константинополь, сильно прогневался, увидав Павла восстановленным на своем престоле. Он сослал его в Сингарис, в Месопотамию, и возвел на место его Евсевия Никомидийского.¹⁶⁶

Честолюбец этот уже второй раз менял епископский престол свой, потому что сначала был он просто епископом Бируфским. Констанций не долго оставался в Константинополе; он возвратился в Антиохию на освящение храма, начатого еще отцом его Константином (341). Евсевий за ним последовал и множество епископов созвано было на это торжество. Евсевий позаботился призвать многих из своих единомысленных, под предлогом угождения императору, но в сущности для провозглашения учения противоположного выражению *единосущный*. В Антиохии собралось девяносто епископов.¹⁶⁷

Максим Иерусалимский не прибыл, хорошо помня как в Тире был обманут происками врагов Афанасия, и не желая подвергаться подобной опасности. Епископ Римский Юлий также не присутствовал на соборе и не прислал никого, для представления себя; «хотя», добавляет Сократ, «правило церковное запрещает постановлять что-либо в Церкви, без согласия первосвященника Римского». Действительно, один Восток не представляет еще всей Церкви, *правило же церковное* относится до определений, касающихся всей Церкви католической. Епископ Церкви римской, первой Церкви апостольской на Западе, был главным представителем Церквей западных и естественным посредником их с Восточными.

Собор Антиохийский собрался в присутствии императора Констанция (341). Флаккил был тогда епископом Антиохии, и конечно председательствовал в собрании. Православные были там в большинстве и св. Иларий Пуатьерский называет собрание это *собором святых*.¹⁶⁸ Правда, что серьезные писатели не имели об этом такого высокого мнения, по причине несправедливостей к святому Афанасию;¹⁶⁹ но во время, собирания этого собора, дело святого Афанасия не считалось тождественным с православием. Святители могли быть обмануты клеветами, которые евсевiane распространяли с бесстыдной настойчивостью и полагали, что епископ Александрийский, низложенный собранием Тирским, не должен был восходить на престол свой до решения другого собора. Евсевiane, постановив вопрос этот, таким образом, были справедливы, если бы только сбору Тирскому можно было придавать значение собора.

Евсевий и друзья его, в продолжение собора, выдавали себя не за ариан, но за приверженцев веры Никейской. Они утверждали только, что из любви к миру можно пожертвовать одним словом, если не жертвуешь нисколько верой.

Епископы православные попались в эту сеть. Так как действительно они не жертвовали православием, то неудивительно если их собор – Антиохийский – вообще уважался в Церкви, и четвертый Вселенский Собор (Пр. IV) приводит правила оногo, как правила святых отцов. Сначала

рассматривалось дело Афанасия, поведение его оказалось не безупречным, потому что не ожидая определения нового собора восшел на свою кафедру.

Враги Афанасия подготовили императора Констанция к принятию всех их обвинений. Имевшие всего более на него влияния были: Евсевий лже-епископ Константинопольский, Феогнис Никейский и Феодор Перинфский; Феодор этот был человек очень ученый и прославившийся своими толкованиями на Евангелие. Он не одобрял слова *единосущный*, которое не находится в священном Писании и, подобно Евсевию и Феогнису, старался представлять выражение это единственной причиной всех смут.¹⁷⁰

Собор Антиохийский, снова низложивший Афанасия, предложил престол его Евсевию, сохранившему в истории наименование Евсевия Эмеского. Он был уроженцем Эдессы в Месопотамии¹⁷¹ и принадлежал к знатному роду. Будучи посвящен в литературу греческую, еще в отечестве своем он изучал священное Писание под руководством Патрофила Скифополиского и Евсевия Кессарийского. Он находился в Антиохии, когда был низложен святой Евстафий, как приверженец ереси Савеллиевой, и остался в общении с Евфронием, епископом Антиохийском; но когда его хотели в то время рукоположить во пресвитера, то бежал в Александрию и занялся там изучением философии. По возвращении же в Антиохию находился в тесных сношениях с Флаккиллом, преемником Евфрония, и был там по случаю освящения собора, созванного по этому случаю. Собор избрал его преемником Афанасия на престол Александрийский, но он отказался туда ехать и предпочел престол Эмеский. Необходимо было сильное посредничество Георгия Лаодикийского, Флаккилла Антиохийского и Наркисса Нерониадского, чтобы он мог занять престол свой. Констанций имел к нему большое доверие. Впоследствии, в творениях своих он выразил учение противное системе арианской, что заставило обвинять его в савеллианстве. Когда Евсевий Эмеский отказался от престола Александрийского,¹⁷² то собор вместо его избрал некоего Григория.¹⁷³

Епископы занялись после того вероучением. Они не оспаривали веры Никейской, но постарались изложить вероучение так, чтобы выражение *единосущный* стало не нужным. Евсевиане успели убедить православных, что слово это только возбуждает смятения и, чтобы лучше обмануть их, показали вид будто оставляют Ария.

«Мы никогда, говорили они, не были сторонниками Ария. Как возможно нам, епископам, быть сторонниками пресвитера? Никогда не исповедовали мы иной веры, кроме преподаваемой с самого начала. Будучи судьями Ария, мы выслушали только его объяснения и скорее приняли его, чем последовали за ним. Вы легко поймете это из того, что скажем».¹⁷⁴

«Научены мы от древних веровать в единого Бога Творца и Вседержителя всего духовного и вещественного; и в Сына Его едиnorodного, сущего прежде всех веков со Отцем родшим Его; Им сотворено все видимое и невидимое, Он в последние времена, по воли Отца, нисшел и воплотился от святой Девы и совершивши вполне волю Отца Своего, страдал, воскрес, вознеся на Небо и сидит одесную Отца. Он приидет некогда судить живых и мертвых, Он Царь и Бог во веки».

«Веруем также в Духа Святаго, а буде нужно объявить, то веруем также в воскрешение плоти и в жизнь вечную».

Отцы собора обратились с этим изложением веры ко всем епископам. Многие нашли его однако недостаточным!., потому что в нем не упоминалось ни о совечности, ни о единосущности Отца и Сына, а потому принято было другое, более подробное и которое евсевиане приписывали мученику Лукиану. Из вышеизложенного видели мы, что Лукиан оставил на Востоке большую славу учености; Евсевий Никомидийский и Арий были его учениками. Достоверно не известно действительно ли изложение веры было Лукианово; конечно оно было совершенно православным до ереси Ариевой, но мудрований ересиарха этого невозможно было ничем опровергнуть иначе, как словом *единосущный*, а слово это также не находится во втором символе Антиохийском, равно как и в первом. Второй этот символ следующей:¹⁷⁵

«Веруем, по преданию евангельскому и апостольскому, в Бога Единого, Отца Всемогущего, Вседержителя, Творца и Зиждителя всяческих:

«И во единого Господа Иисуса Христа Сына Его, Бога, едиnorodного, им же вся быша, рожденного от Отца прежде веков, Бога от Бога, Все от Всего, Единого от Единого, совершенного от совершенного, царя от царя, Господа от Господа, живое Слово, живую премудрость, истинный свет, путь, истину, воскресение, пастырь, дверь, неподверженный изменению или непостоянству, образ совершеннейший, подобие божества Отца, Его сущности, Его премудрости, Его всемогущества, Его славы, первородный всей твари, бывший в Боге сначала, Бога Слова, согласно слову евангельскому и *Слово бы Бог*, которым все сотворено, в котором все существует, который, в последние дни сшел с небес, родился от Девы по Писанию, был человеком, ходатаем Бога и людей, проповедником веры нашей и виновником жизни по сказанному Им Самим: *Снидох с небеси да не творю воли Моея, но волю пославшего Мя Отца*, страдавшего за нас, воскресшего в третий день, восшедшего на небеса и сидящего одесную Отца и снова грядущего со славою и властью судить живых и мертвых .

«Веруем в Духа Святого, дарованного верующим, как утешение, освящение, посвящение, согласно предписанному Иисусом Христом Апостолам: Шедше научите все языки, крестяще их во имя Отца и Сына и Святаго Духа; то есть Отца, который истинный Отец, Сына, который истинный Сын и Духа Святаго, который есть истинный Дух Святой. Имена эти помещены не без причины и не без цели, но для обозначения лиц, порядка и славы поименованных; так что по личности их три, а по единению один.

«Исповедуя веру сию и сохраняя оную от начала и до конца в присутствии Бога и Христа, анафематствуем всякое учение развращенное и еретическое. Если кто, вопреки здоровой и правой веры Писаний, говорит, что было время, эпоха или век существовавший до рождения Сына, – да будет анафема! Если кто говорит, что Сын был тварью, или одним из сотворенных, или от сущностей рожденных, или произведение или одно из

произведенных и не исповедует всего выше изложенного сообразно священных Писаний; если будет учить или проповедовать что-либо другое, нежели принятое, – да будет анафема! Потому что веруем и последуем всему, что учится в Писаниях, как пророческих, так и апостольских».

Изложение веры это было конечно православно. Оно противопоставлялось не только заблуждениям Ария, но также и Савеллия, последователи которого тогда ободрились.¹⁷⁶ Злоупотребляя выражением *единосущный*, они смешивали *сущность* с *лицом*,¹⁷⁷ утверждая, что в Боге только одна сущность, что Сын и Святой Дух не таковы как Отец, что различные выражения обозначают ту же сущность Бога единого. Собору следовало, опровергая Ария, стараться избежать этого унитаризма. Можно предполагать, что евсевiane убедили собор исключить слово *единосущный*, преувеличивая перед ним опасения дать повод к савеллианству.

Один из епископов Феофроний Фианский¹⁷⁸ находил вышеизложенное изложение не безупречным и просил собор подписать другое им предложенное. Собор без затруднений на то согласился, потому что изложение было православно и сообразно с принятым, хотя несколько сокращенное. Заметим в нем только следующее различие: Говоря о Сыне там сказано: Бог совершенный, от Бога совершенного и сущий в Боге в *ипостаси*, то есть в *сущности*. Это изложение веры оканчивается так: «Кто же верует как Маркелл Анкирский, или Савеллий, или Павел Самосатский – да будет анафема, равно и все сообщающиеся с ними.

Многие из епископов, присутствовавших на соборе, ручались за православие Ария, а потому Феофроний не хотел его назвать, а назвал Павла Самосатского, не веровавшего в божество Иисуса Христа, заблуждение приписываемое также Арию.

Евсевiane подписали эти изложения веры очень неохотно и только для того, чтобы не считаться противниками веры Никейской. Они дали мирно окончиться собору, а когда православные члены отправились к церквам своим, то

несколько месяцев спустя составили четвертую формулу веры, менее других ясную и выраженную так:¹⁷⁹

«Веруем в Бога единого, Отца Всемогущего, Творца всяческих, от которого исходит всякое отечество на небеси и на земли.

«И в Сына Его единородного, Господа нашего Иисуса Христа, рожденного от Отца прежде всех веков, Бога от Бога, света от света, которым все сотворено на небеси и на земли, видимая и не видимая, который есть Слово, премудрость, всемогущество, жизнь и истинный свет; в последние дни нас ради вочеловечился, родился от святой Девы, распят, умер, погребен, воскрес из мертвых в третий день, вознесся на небо и сидит одесную Отца. В конце времен придет судить живых и мертвых и воздать каждому по делам его и царству Его не будет конца во веки веков; потому что будет сидеть одесную Отца не только в то время, но и в будущее.

«Веруем также в Духа Святого, то есть Утешителя, обещанного Им апостолам Своим и посланного, по вознесении, на небо для научения их и сообщения им всего. Духом сим освящаются души искренне верующих в Сына.

«Касательно же говорящих, что Сын происходит от не сущего или из другой сущности, а не от Бога, то Церковь католическая признает их чуждыми».

Евсевияне снова изменили свою формулу веры три года спустя, как то увидим впоследствии.¹⁸⁰

Второе исповедание веры было послано на Запад императору Константу через епископов Наркисса, Мариса, Феодора и Марка. Они нашли Константа в Галлии и приняты были им не ласково,¹⁸¹ он дал им почувствовать, что на Запад им рассчитывать не следует.

Собор, окончив рассуждение о вероисповедании, постановил правила,¹⁸² и затем разошелся. Григорий немедленно отправился в Александрию с воинами и доверенными от императора Констанция. Прибытие его произвело серьезное возмущение; верующие единогласно отвергли лжепастыря, которого хотели заставить их принять; но правитель провинции Филагрий принял сторону лже-епископа.

Он поднял чернь еврейскую и языческую против верующих. Чернь эта осквернила церкви, оскорбляла духовенство и дев; по всей Александрии были кровавые схватки и убийства. Получивший престол хитростью, хотел подчинить власти своей всю провинцию. Он ездил по всем Церквам зависящим от Александрии и устроил настоящее гонение против епископов, пресвитеров и верующих, не хотевших признать его законным своим пастырем.¹⁸³

Афанасий, предвидя, что должно было случиться,¹⁸⁴ отплыл в Рим, где Юлий созвал, как было сказано, собор для разбора обвинений, возводимых на Афанасия его врагами, и решения: должен ли Запад быть в общении с ними или с епископом Александрийским.

Вероятно из Рима писал он *к православным*, объясняя им все происки Григория. По прибытии его, посланные Юлием Элпидий и Филоксен отправились в Антиохию с посланием епископа Римского, приглашавшим обвинителей Афанасия прибыть на собор, о котором они сами просили через своих поверенных.

Приглашение это относилось только до евсевиян, обвинявших Афанасия. Они поняли, что суждение в Риме будит чисто церковным,¹⁸⁵ что там не будет на их стороне ни поверенного от императора, ни воинов. Они заставили присланных от епископа Римского дожидаться ответа без всякой причины и наконец, вручили им послание, в сущности ничего не заключающее, кроме отговорки: «Мы не можем, говорили они, прибыть по приглашению вашему по случаю войны с Персами». Действительно Констанций решил тогда начать войну с Персами, «но чем война эта, говорит Афанасий, могла касаться епископов? Как война с Персами могла воспрепятствовать им отправиться на Запад, за море, далеко от битв? Они не страшились же приближаться к битвам, отыскивать врагов своих и на них клеветать».

Поверенные римские были принуждены удалиться с таким странным ответом. После отъезда их евсевияне поспешили отправить в Александрию своего епископа Григория, с тем, чтобы определения, которые могли быть обнародованы на

Западе, не имели значения и невозможно было бы их выполнить, в виду уже совершившегося факта.

По приглашению епископа Римского прибыло более пятидесяти епископов. Они собрались в церкви, где настоятелем был пресвитер Витон, бывший доверенным епископа Римского на соборе Никейском. Афанасий, представивший, прежде всего, свои оправдания, был принят с приверженцами его в общение и допущен к причащению. Собор, возмущенный клеветами евсевиян, составил ответ, прося Юлия отослать им его и он был доставлен графом Галибаном.¹⁸⁶ Это было первым делом Запада с Востоком, по которому обращались в епископу Римскому как к посреднику, при столкновении, в котором все противники были восточными. Юлий достоин был такого посредничества, он был великим святителем имевшим целью умиротворение Церкви и торжество здравого вероучения.

Послание епископа римского Юлия к евсевиянам

Всё относящееся до собора Римского заключается в послании, написанном к евсевиянам от собора и которое отослать поручено было Юлию. Исторический памятник этот приводим почти вполне, в том виде, как святой Афанасий поместил его в своей *апологии против ариан*.¹⁸⁷ Он заключает в себе не только изложение фактов, о которых рассуждалось, но епископ Римский является в нем таковым, каким в то время был, то есть простым епископом без прав на всеобщий суд и без всяких преимуществ, какие впоследствии преемники его стали себе присваивать, как права дарованные Богом. Вот это послание:

«Юлий, Данию, Флаккиллу, Наркиссу, Евсевию, Марису, Македонию, Феодору и друзьям их, писавшим нам из Антиохии, братьям возлюбленным радоваться о Господе.

«Прочитав послание, доставленное мне пресвитерами моими Элпидием и Филоксеном, я изумился, что после того как я писал вам дружественно и с любовью к истине, вы отвечаете мне неприязненно и с горечью. Гордость и высокомерие писавших проявляются во всем послании; чувства эти очень далеки веры христианской.

«Следовало отвечать дружелюбно, а не с горечью, на написанное с любовью. Разве не доказывается любовь отправлением священников для утешения огорченных с приглашением писавших прибыть к нам для умиротворения всех распрей, чтобы ни для тех, ни для других не осталось бы повода ни к гонениям, ни к клевете? Не понимаю, зачем выразили вы мнения, заставившие нас предполагать, что выраженное вами почтительно – сказано было притворно. Пресвитеры, посланные мною и которые должны были возвратиться радостными, прибыли в печали от того, что видели. Что же касается меня, то прочитав послание ваше, я не сообщил его никому, в надежде, что прибытие кого-либо из вас сделает это ненужным. Действительно, я не мог сообщить послание, не причинив большого огорчения многим. Но когда

никто из вас не прибыл и необходимо было сообщить послание ваше, то, признаюсь, все удивились написанному вами. Дух раздора действительно проявляется там, вместо духа любви. Если писанный послание хотел только выказать красноречие свое, то лучше поберег бы его на другой случай. В делах церковных должно заботиться не о красноречии, но следовать правилам апостольским; особенно должно стараться не соблазнять самых малых из чад Церкви; лучше, по изречению церковному, привязать себе на шею мельничный жернов и броситься в воду, нежели соблазнить одного из малых сих. Если, под влиянием гнева, кому-либо из вас хотелось написать такое послание, (никак не предполагаю, чтобы все на оное согласились), то солнце не должно бы было зайти в гнев, по крайней мере не следовало бы изливать его письменно.

«Что нашли вы в послании моем оправдывающего такое раздражение? Разве то, что мы приглашали вас на собор? Напротив того, вы должны бы принять приглашение это с радостью. Действительно те, которые нисколько не сомневаются в поступках своих или, как говорят, в суждениях, должны быть довольны, если суждения эти могут быть проверены, они убеждены, что решенное по справедливости не может быть найдено несправедливым. Вот почему епископы, собравшиеся по воле Божией на великий Собор Никейский, дозволили рассуждать о деяниях одного собора на последующем, для того, чтобы судящие, имея ввиду последующее суждение, были бы осмотрительнее в своих решениях; а судимые не считали бы изреченное на них определение следствием ненависти или неприязни первых судей. Если вы не принимаете обычая, конечно древнего, упомянутого и принятого великим собором, то это вам чести не делает. Обычай установленный в Церкви и подтвержденный соборами – частными лицами отменен быть не может.

Епископ Римский в то время не думал обнаруживать власти, которой не имел, и совершенно справедливо становится на общую законную почву, установленную для всех и для всех обязательную. Замечательно, что Юлий не считал окончательным решение какого-либо собора в первой

инстанции, а считает законной апелляцией к другому собору. Общие соображения, которые излагает епископ Римский, служат доказательством, что евсевиане считали определения свои о противниках своих окончательными, не допуская никакой проверки. Это было доказательством гордости невыносимой, противной всем правилам церковным. Евсевиане тем менее имели права отвергать проверку своих определений, что они сами просили того через своих поверенных. Вот что епископ Римский и говорит им далее в послании своем:

«Тем менее должны возмущаться вы все окружающие Евсевию, что сами прислали нам послание с тремя доверенными с пресвитером Макарием и дияконами Мартирием и Евсихием. Они встретили здесь пресвитеров Афанасиевых, которым не могли отвечать. Видя что их во всем опровергают, они просили созвания собора и чтобы посланы были приглашения Афанасию Александрийскому и всем согласующимся с Евсевием, дабы в присутствии всех постановить справедливое решение, обещая, что все преступления, в каких обвиняется Афанасий, будут доказаны. Мартирий и Евсихий имели с нами публичное совещание в присутствии пресвитеров Афанасьевых, хранивших молчание, с уверенностью в справедливости своего дела. Должен признаться, что доверенные ваши были во всем опровергнуты и таким образом вынуждены просить собора. Если бы Мартирий и Евсихий даже не просили собора, то я сам предложил бы его, в оправдание писавших мне и для пользы братьев утверждающих, что они осуждены несправедливо в том случае приглашение мое было бы еще справедливее и правосуднее, как согласное с учением Церкви и благоугодное Богу. А тем более, когда те, которых вы все находящиеся с Евсевием признали заслуживающими вашего доверия, просили собора, то мы не могли отвергнуть такой просьбы, а по обязанности нашей приняли ее с готовностью. Выражающие негодование против сего кажутся нам очень дерзкими, а упреки не желавших прибыть по приглашению нашему представляются подозрительными и нечестными. Имеем ли право жаловаться, когда другие делают то же, что мы сами? Если, как вы пишете,

каждый собор имеет власть требующую уважения и если проверкой определений выражается презрение к судьям, то рассудите, возлюбленные, прошу вас, кто же бесчестит собор и отменяет определения им произнесенные? Приведу вам только один пример, чтобы не показаться пристрастным; но пример этот столь отвратителен, что заменит все, что желали бы еще добавить.

Епископ Римский, в замечательном изречении этом, не выражал требования на высшую власть, какую преемники его стали себе присваивать начиная с VIII столетия. Он не выдавал себя за верховного судью по делам церковным, не упоминал об апелляции к своему престолу, каких тогда еще не было. Единственным церковным судилищем в каждой провинции считался собор и правильной апелляцией на определение его было обращение к другому собору, имевшему право снова рассмотреть дело. Никакой епископ в частности судьей не был, а тем менее никто не был судьей всеобщим. Юлий не по праву принадлежащему престолу его с собором Римским облечены были властью решить о распрях восточных, но потому, что противники, как той, так и другой стороны избрали епископа Римского посредником; епископ же этот знал, что посредничество его не может быть выполнено иначе, как вместе с епископами западными, вот почему он и созвал их на собор в Рим.

Все события, даже римские, доказывают, что учреждение Церкви в IV столетии продолжало быть соборным, как в предшествовавших столетиях.

Юлий продолжает послание свое так, приводя пример им упомянутый:

«Ариане, прежде отлученные за нечестие свое Александром, епископом Александрийским, блаженной памяти, были не только изгоняемы из всех городов, но были подвергнуты анафеме всеми присутствовавшими на великом Соборе Никейском. Преступление их действительно было не маловажно, они прегрешали не только против какого либо человека, на против Самого Господа нашего Иисуса Христа, Сына Бога живого. Впрочем, отверженные всей вселенной ныне

приняты, полагаю, что вы выслушаете это не без горести. Кто же эти пренебрегающие соборами? Разве это не те, которые ставят ни во что одобрение трехсот епископов и предпочитают нечестие благочестию? Действительно, ересь ариан была рассмотрена и осуждена повсеместно всеми епископами. Не так должно думать об Афанасии и Маркелле Анкирском, епископах, имеющих многочисленных защитников, выразившихся в их пользу словесно и письменно. Относительно Маркелла нам засвидетельствовали, что он на Соборе Никейском противоборствовал арианам. Об Афанасии говорят, что он не был уличен в Тире и не присутствовал в Мареоте, когда против него производилось следствие. Но вы знаете, возлюбленные, что сделанное одной стороной в отсутствие другой, не состоятельно по праву и подозрительно. Однако мы желали быть беспристрастными к ним и к обвинителям, мы приглашали всех писавших нам прибыть на собор, нами созванный, чтобы тщательно разобрать дело, не обвиняя неповинного и не оправдывая виновного. Собором мы не пренебрегаем, но пренебрегают им те, которые легкомысленно и дерзко приемлют ариан, не взирая на их осуждение. Некоторые из судей ныне отошли к Иисусу Христу, но некоторые еще остаются и со скорбью переносят, что суждение их пренебрегается.

Затем епископ Римский входит в подробности, каким образом обращалась к нему та и другая сторона:

«Относительно Александра, некто Карпонию, осужденный Александром как арианин, прибыл сюда с другими, равным образом осужденными как еретики. Присланы они были неким Григорием. Узнали мы это от пресвитера Макария и диаконов Мартирия и Евсихия, которые до прибытия пресвитеров Афанасиевых убеждали нас послать общительные грамоты некоему Пистосу, в то время, когда Афанасий был епископом в Александрии.¹⁸⁸ По прибытии пресвитеров Афанасиевых, узнали мы, что этот Пистос был арианин, отлученный Александром и Собором Никейским, а после рукоположенный неким Секундом, которого Собор Никейский также осудил, как арианина. Мартирий и сотоварищи его не оспаривали ни осуждения Пистоса, ни его рукоположения Секундом:

Благоволите, прошу вас, сказать, кто виновны: мы ли не согласившиеся писать Пистосу, или убеждавшие нас пренебречь великим собором и послать грамоты нечестивым, как будто они благочестивые? Пресвитер Макарий, присланный с Мартирием и Евсихием, узнав о прибытии пресвитеров Афанасиевых и желании нашем дать им очную ставку, ночью уехал, хотя был болен. Мы убеждены, что он поступил так, стыдясь услышать доказательства осуждающая Пистоса и отвергающие его рукоположение Секундом, рукоположения, которого Церковь принять не может. Действительно принять его, как законное, значит сочесть ни во что определение собора и епископов, постановленное с такой мудростью и осмотрительностью, как бы в присутствии Божиим.

«Если, как вы писали, примеры Новациана и Павла Самосатского доказывают, что решение соборов должны оставаться во всей силе, то еще приличнее уважать определение трехсот епископов и не пренебрегать Собором Вселенским, потому что ариане еретики, равным образом как и названные вами, то одинаковые определения изданы против тех и других. В виду подобных поступков, кто же возжег пламя раздоров? В своем послании, вы обвиняете нас. Можно ли однако упрекать нас в возбуждении к раздору, когда мы только приняли сторону огорченных братьев наших и соблюдаем правила? Не следует ли обвинять нарушивших определения трехсот и пренебрегающих правилами собора? Не только приняты в общение ариане, но епископы переводятся с места на место. Если считаете честь епископскую равной и тождественной, если, как пишете, не меряете достоинства епископов величиной городов; то следовало бы, чтобы тот, кому препоручен был небольшой город в нем и оставался, ему не следует пренебрегать препорученным ему, и переходить в другой город, ему не принадлежащий, не следует отвергать дарованного ему от Бога, гоняясь за тщетной славой человеческой».

Здесь Юлий делает намеки на Евсевия, переведенного из Бируфа в Никомидию, а с этой кафедры в Константинополь.

Должно заметить, что евсевиане писали в послании своем, что епископ Римский не имеет высшего достоинства епископского, не взирая на значительность его кафедрального города и что Юлий соглашался с православным вероучением, что достоинство епископское *то же и равное* у всех епископов без исключения. Если бы в то время существовало папство, то конечно Юлий воспользовался бы этим случаем для утверждения *своих божественных прав* и осуждения евсевиан, как еретиков. Достаточно сравнить учения Юлия в IV столетии с учением пап, начиная с VIII века, для убеждения, какая пропасть отделяет древнее епископство римское от того, что впоследствии стали называть папством.

Епископ Римский продолжает так:

«Следовало бы, возлюбленные мои, прибыть сюда для окончания дела, а не отказываться. Рассудок того требовал. Но быть может срок вам назначенный был для вас слишком короток и вы не имели возможности; действительно вы жалуетесь в послании своем, что недостаточно времени на созвание собора. Это, возлюбленные мои, только отговорка. Если бы вы отправились, и не прибыли во время, то можно бы было сказать, что назначенный срок слишком короток, но вы не отправились, а задержали пресвитеров наших до января месяца; это только доказывает, что, говоря о времени, вы прибегаете к увертке, достойной людей неуверенных в правоте своего дела. Те, которых дело право, прибыли бы, надеясь на благоприятное решение, они не стали бы рассчитывать ни пространства, ни назначенного срока, если бы вверили дело свое справедливости и правосудно. Быть может не прибыли вы по обстоятельствам, потому что говорите в послании вашем, если бы мы приняли в уважение обстоятельства Востока, то не пригласили бы вас прибыть в Рим. Если вы не отправились, как говорите, по обстоятельствам, то по тем же самым обстоятельствам вам бы не следовало подавать столько поводов к расколу в Церквах, к стольким рыданиям и слезам. Подобное поведение служит доказательством, что вас нисколько не трогали обстоятельства, но что вы не хотели вести себя благоразумно.

«Удивляюсь, что в послании своем жалуетесь на то, что я писал только находящимся с Евсевием, а не всем вам. В упреке этом нахожу более легкомыслия, нежели искренности. Получив, против Афанасия, только послание, переданное мне Мартирием и Евсихием, я мог отвечать только тем, которые мне писали против него. Вы не должны были позволять друзьям Евсевия писать отдельно; но дозволив это, не имеете уже права жаловаться, что отвечаю только писавшим мне. Если приличие требует, чтобы ответ мой был всем вам, то равно требовалось, чтобы послание было от имени всех. Приличие заставляло нас отвечать писавшим нам и приглашавшим разделять их убеждения. Если удивляетесь, что пишу один, то возьмите во внимание, что и писанные мне не писали от собора. А потому, возлюбленные мои, я имел основательную и законную причину так писать».

По делам Церкви епископ обыкновенно не писал от себя лично. Учреждение Церкви было соборное, все делалось собором и первенствующий член собрания писал соборно, как представитель собора. Юлий писал по просьбе собора Римского, как то удостоверяет Афанасий; но как послание евсевиан было написано не от лица собора, а от частных лиц, то Юлию следовало отвечать подобным же образом, не признавая за посланием их канонического значения, которого оно не имело. Однако он объясняет, что послания его не следует принимать как только личные его суждения, что отняло бы у послания всякое каноническое значение.

«Должен объявить вам, продолжает он, что хотя пишу один, но мнения принадлежат не одному мне, а разделяются епископами Италии и прочими епископами наших стран.¹⁸⁹ Не хотелось мне пригласить их всех писать вам, из опасения докучливости, но так как большая часть епископов в назначенное время сюда съехались, то мнение их тоже, как и изложенное в сем послании. И так, возлюбленные, хотя пишу вам один, но сочтите выраженные мнения мнениями всех.¹⁹⁰ Этого достаточно, для усмотрения, что многие из вас ссылаются только на несправедливые и тщетные придирки.

«Сказанного мной достаточно для доказательства, что не легкомысленно, а по справедливости, мы могли принять в общение сотоварищей наших Афанасия и Маркелла.¹⁹¹ Не бесполезно однако о том распространяться. Во-первых, против Афанасия писал только один Евсевий, многие из вас писали нам уже после. В то же время многие из епископов Египта и прочих провинций писали нам в защиту Афанасия. Заметил я, прежде всего, что письма ваши между собой не согласуются, во многом второе опровергает первое, а первое изобличает второе в неправде. Когда письма таким образом противоречат, то невозможно им доверять. Если же хотите, чтобы мы доверяли письмам вашим, то согласитесь, что также должны доверять и писанным с целью противоположной,¹⁹² тем более, что они из стран, где все происходило, тогда как ваши из стран более отдаленных!.. Говорили, что епископ Арсений умерщвлен Афанасием, но мы узнали, что он жив и в дружбе с Афанасием. Приводится следствие произведенное в Мареоте, но Афанасий утверждает, что оно произведено было только в присутствии одной стороны, что обвиняемый пресвитер Макарий и епископ Афанасий ни тот ни другой при том не находились. Нам известно эхо, не только по свидетельству самого Афанасия, но по самым актам следствия, переданного нам Мартирием и Евсихием. Прочитывая дело это, мы ясно видели, что обвинитель Исхир присутствовал при следствии, но что ни Макария, ни епископа Афанасия при том не было; а когда пресвитеры Афанасиевы стали требовать, чтобы он присутствовал, то им было в том отказано. Если бы желали произнести справедливое заключение, то нужно бы было, возлюбленные мои, чтобы присутствовал обвиняемый, равно как и обвинители. В Тире Макарий находился одновременно с Исхиром; но доказать ничего не могли. Также следовало поступить и в Мареоте, поставить обвиняемого против обвинителя, для обличения или для доказательства явной клеветы. Но как этого сделано не было, и обвинитель только один присутствовал при следствии, с заподозренным Афанасием, то все сделанное – подозрительно.

«Афанасий жалуется, что посланы были в Мареот, для следствия, только те, которых он отвергал, и казавшиеся ему подозрительными, то есть Феогнис, Марис, Феодор, Урсас, Валенс и Македоний. Мы знаем это, не только по свидетельству его, но из письма Александра, бывшего епископом в Фессалонике. Письмо это представлено было Афанасием и писано было Дионисию, имевшему на соборе титул графа.¹⁹³ Александр обнаруживал в нем заговор, явно существовавший против Афанасия. Он же представил документ, писанный весь рукой Исхира, в котором объясняется, что престол его и чаша не были ни сломаны, ни опрокинуты и что его обольстили некоторые личности, убедив на жалобы ложные. После того прибыли пресвитеры из Мареота и утверждали, что Исхир никогда не был пресвитером Церкви кафолической и что Макарий невиновен в святотатственных насилиях, в коих его обвиняют. Пресвитеры и диаконы, прибывшие сюда, представили многочисленные свидетельства о невинности Афанасия, утверждая, что все возводимое на него несправедливо, и все есть следствие заговора. Кроме того, все епископы Египта и Ливии удостоверяюсь, что рукоположение его было свободное и по правилам церковным, что все обвинения ваши ложны, что он не совершил никакого смертоубийства и никто из-за него убит не был, что никакая чаша не была сломана и все обвинения ваши противны истине».

Епископ Римский упоминает после того о противоречиях, находящихся в следствии Мареотском и доказывающих его подложность. Затем продолжает:

«При таком количестве свидетельств и доказательств невинности Афанасия, спрашиваю вас, что было нам делать? что требовалось от нас правилами церковными, кроме того, чтобы не обвиняя такого мужа, мы напротив того приняли его и считали истинным епископом, что и сделано. Он оставался здесь полтора года, ожидая своих обвинителей. Все понимали, что он никогда не мог бы иметь того дерзновения, если бы не был вполне уверен в правоте своего дела. Не по собственному побуждению он прибыл сюда, но решился на то по получении от нас приглашения, подобного посланному к вам самим. После

столь подробных предосторожностей, обвиняют нас что поступили против правил.¹⁹⁴

Рассмотрите, кто же нарушающие эти правила? Мы ли принявшие в общение мужа, представившего столь многочисленные доказательства своей невиновности, или вы, которые в Антиохии за тридцать шесть поприщ от Александрии избрали для сего города епископа и послали его с воинами? Вы не рукоположили епископа, когда Афанасий сослан был в Галлию; тогда бы следовало это сделать, если Афанасий признан виновным; по возвращении своем из ссылки он нашел Церковь свою праздной и ожидавшей его.

«По какому праву послан был епископ на его место? Во-первых не следовало нескольким личностям предупреждать решение собора, по посланиям нашим вы знали, что собор должен быть созван. Кроме того, не дозволяется принимать нового решения против определения Церкви; по какому правилу церковному, по какому преданию апостольскому, осмелились послать в Церковь, пребывающую в мире, и на место Афанасия, находящегося в общении со столькими епископами, Григория, чужестранца, который даже не был крещен в Александрии, которого почти не знают, которого не просили ни пресвитеры, ни епископы, ни народ? По какому праву рукоположили его в Антиохии и послали его в Александрию не с пресвитерами и диаконами, не с епископами Египта, но с воинами? Прибывшие сюда это рассказывали и справедливо жаловались; потому что даже если бы Афанасий был признан виновным на соборе, то это еще не причина рукополагать человека против прав и правил церковных; но следовало бы избрать кого либо в самой Церкви, в чине священном и из духовенства Церкви этой; избранный таким образом должен бы быть введен епископами провинции, а не следовало нарушать всех правил апостольских. Если бы поступлено было с одним из вас, как поступлено с Афанасием, разве вы не стали бы протестовать и ссылаться на неточное соблюдение правил? Возлюбленнейшие, говорим вам в присутствии Божиим и со всей откровенностью, сделанное вами неблагочестиво, незаконно и не по правилам Церкви. Сделанное Григорием при

начале его управления, достаточно свидетельствует о том, каково его рукоположение. Прибывшие сюда из Александры рассказывали нам, а епископы страны той писали, что при самом вступлении Григория, одна церковь была сожжена, что с дев совлекали одежды, что иноков топтали ногами, что пресвитерам и многим верующим раздирали тело ударами, что епископы были посажены в темницы или разогнаны, что святые тайны, в оскорблении которых столь громко осуждаете вы пресвитера Макария, брали язычники и повергали на землю.

Все это было для того, чтобы некоторыми признано было рукоположение Григория, но оно только указывает на нарушающие правила. Если бы рукоположение его было законно, то Григорию не пришлось бы употреблять насильственных мер против неповинующихся ему. При таких то событиях, пишите вы нам, что мир царствует в Александрии и в Египте. Тогда понятие о мире извратилось и вы называете миром то, о чем мы упоминаем».

Юлий повторяет о следствии в Мареоте, об алтаре и чаше Исхира, но дает почувствовать евсевианам, что им бы следовало отвечать на упреки Афанасия против этого следствия, произведенного не канонически, в присутствии светских судей, – евреев и язычников, свидетелей, допросов о *теле и крови Христовой*.¹⁹⁵ Известно, что запрещается тайну о великом таинстве христианском доверять не принадлежащим к Церкви. Тайна эта служит доказательством высокого значения таинства и свидетельствует о веровании Церкви в его действительность. Для чего бы нужно хранить о том тайну, если бы евхаристия считалась только символом, знаком таинственного вкушения? Язычники и евреи совершенно поняли бы такой символ; но не хотели предавать их богохульству веру в действительное участие в теле и крови Христовой.

После изложения дела Афанасия, доказав законность решения о нем собора Римского, Юлий переходит к Маркеллу Анкирскому, выражаясь так:

«Так как вы писали нам, что Маркелл неблагочестиво учит о Христе, то полагаю обязанностью своей уведомит вас, что он считает клеветой все возражения против учения его. По

требованию нашему изложить веру свою, он изложил ее с такой точностью, что убедил нас в том, что упрекать его не за что.¹⁹⁶ Он исповедал, что верует о Господе нашем Иисусе Христе так, как верует святая Церковь католическая, и что имеет веру сию не только ныне, но всегда имел ее. Пресвитеры наши, бывшие на Соборе Никейском, свидетельством своим подтвердили то, что он утверждал о вере своей и о исповедании своем, сделанном тогда против ереси Ария. Долгом поставляю уведомить вас, что он не соглашается ни с какой ересью. Но отвергает все ереси несогласный со здравым вероучением. Так как вера его чиста и он ее исповедует, то что оставалось нам делать, спрашиваю вас, как не признать его епископом, что мы и сделали, не отвергая его от общения нашего?

«Пишу вам не в защиту перед вами епископов этих, но для удостоверения, что мы поступили законно и согласно правил, допустив их к общению нашему и что обвинения ваши тщетны. Справедливо, чтобы вы теперь, сами исправили сделанное незаконно и постарались всеми способами возвратить Церкви мир, чтобы мир дарованный нам Господом сохранялся, Церкви не были бы разделяемы и не могли бы обвинять вас в возбуждении раскола. Признаюсь, то, что делаете, скорее ведет к расколу нежели к миру.

«Афанасий и Маркелл – не одни только из явившихся сюда с жалобами, множество епископов, и много пресвитеров, прибыли сюда из Фракии, Келесирии, Финикии и Палестины. Есть прибывшие из Александрии или других провинций, которые, кроме уже изложенного, в присутствии епископов утверждали, что Церкви претерпевают насилия и в них происходит подобное бывшему в Александрии. В подтверждение того приводят они факты. Пресвитеры, прибывшие недавно из Египта и Александрии с письмами, со слезами утверждали, что многим епископам и пресвитерам, хотевшим прибыть на собор, в том воспрепятствовали. Они говорят, что с отъезда Афанасия до ныне, епископов бьют с жестокостью и сажают в тюрьму; что епископы, состарившиеся в своем звании, отсылаются к судам гражданским; что большая часть пресвитеров и верующих претерпевают гонение и что

единственной причиной этих насилий принуждение признать Григория и иметь общение с арианами, его сообщниками.

«В Анкире, в Галатии, прибегали к подобным же мерам как в Александрии, как то свидетельствует сам Маркелл. Прибывшие сюда приписывали эти преступления многим из вас; не хочу называть их, но вы можете узнать это другим путем. В послании моем нет другой цели, как желание убедить вас прибыть на собор, чтобы могли сами слышать там эти обвинения и поняли бы, что по неприбытию вашему вы останетесь в подозрении во всем, в чем упрекаетесь.»

Снова подтверждая, что не он виновником смущений, через новое суждение свое, которое счел необходимым. Юлий добавляет:

«Уведомился я, что только небольшое число из вас виновниками зла. Окажите же любовь – исправьте сделанное не по правилам и загладьте соделанное зло. Не пишите мне: ты предпочел общение с Маркеллом и Афанасием общению нашему; это будет только отговоркой, внушаемой ненавистью и духом препирательства, а не доказательством мира. Во всем, что писал вам, старался я доказать, что в этом случае поступили мы правильно и вам не следует нас ни в чем упрекать. Вы могли бы упрекать нас, что приняли их в общение, если бы мы не разобрали дела их и они бы не оправдались; но как скоро мы приняли их согласно правилам, то, именем Христа, просим вас не разделяйте членов Церкви, но предпочитайте мир о Господе – вашим неверным сведениям. Несправедливо жертвовать предрассудкам некоторых только – людьми не уличенными в преступлениях, на них возводимых и тем печаливать Духа. Если полагаете, что можно еще их уличить, то приезжайте, – многие писали нам, что у них есть улики.

«Дайте нам, возлюбленные, в том удостоверение, чтобы мы могли предупредить обвиняемых и епископов, которые должны съехаться на собор; виновные да будут осуждены и мир да водворится снова в Церкви. Довольно уже сделанного до ныне и того, что епископы в присутствии других епископов были сосланы. Не хочу усиливать распрей, но должен сказать правду,

уже слишком далеко зашли вы в раздорах и насилиях. Допустим, что Афанасий и Маркелл по справедливости низведены со своих престолов, но что скажете о других епископах и пресвитерах, прибывших сюда из различных мест, как я писал вам; они жалуются на такие же несправедливости и насилия. О возлюбленнейшие! Неужели впредь суждения Церкви не будут произноситься по Евангелию, а будут изрекаться только определения на ссылку и на смерть? Если, как говорите, осужденные вами виновны, то следовало судить их не так, как вы судили, но по правилам церковным; следовало написать нам *всем*, чтобы справедливое было решено *всеми*. Действительно, страдавшие епископы и смущаемые Церкви не были Церквами обыкновенными, но Церквами находившимися под управлением Апостолов. Почему же не написали нам особенно о Церкви Александрийской? Разве не знают *обычая* сперва написать нам, а потом определить по справедливости. Если епископ этой Церкви (Александрийской) навлек на себя подозрения, то следовало сначала написать нашей Церкви».

Много злоупотребляли этим местом послания Юлия в пользу учреждения папского. Однако слова святителя Римского служат осуждением этого учреждения. Действительно, сначала он уравнивает епископа Римского со всеми прочими, утверждая, что решение должно быть *общим*. После того он ссылается на простой *обычай*, говоря, что следовало сначала обратиться к *его Церкви*, когда касалось дела важного, относящегося до Церквей Апостольских; наконец он утверждает, что следовало обратиться к *его Церкви*, а не к его особе. Все различные утверждения эти сводятся к тому, что в делах – относящихся до всей Церкви – следовало обращаться ко всем епископам; что по обычаю, а не по праву, ни божественному, ни даже церковному, следовало сначала обращаться к Церкви римской, по справедливости признаваемой первой, по значению своему и потому, что через нее получалось согласие Запада, без которого ничего *кафолического* решено быть не может. Это учение кафолическое основано на *епископском* и *соборном* учреждении Церкви; следственно оно есть отрицание учреждения папского,

по которому епископ Римский *по божественному праву* имеет верховную и всеобщую власть над всею Церковью.

Сторонники папства имеют обычай, как мы то уже замечали, приводить в доказательства для поддержки этого учреждения изречения, совершенно опровергающие оное, коль скоро разобрать их без предубеждений и в настоящем их смысле.

Юлий оканчивает послание свое так:

«Не сообщавшие нам того, что сделали и поступавшие как они хотели, требуют, чтобы мы согласились, не зная ничего. Не таковы правила установленные Павлом, не таково предание Отцов. Правило это и учреждение ново. Прошу вас принять с хорошей стороны то, что пишу, имея ввиду общую пользу. Сообщаю вам принятое нами от блаженного Апостола Петра, полагаю это до того общеизвестным, что не писал бы вам о том, если бы мы не были так смущены случившимся. Епископы отрываются от своих престолов, других поставляют на их место, принуждая верующих признавать тех, кого не хотят. Прошу вас, чтобы того не было, пишите скорее против тех, кто так поступает, чтобы Церкви не возмущались, чтобы епископы и пресвитеры не претерпевали насилия, чтобы верующие не принуждались поступать против совести. Не станем подавать язычникам повода к насмешкам и привлекать на себя гнев Божий! Каждый из нас, в день суда, должен дать отчет за соделанное им в сей жизни.

«Все да имеют чувства благоугодные Богу, чтобы Церкви, восприняв епископов своих, возрадовались в Господе нашем Иисусе Христе, которому слава со Отцем и Духом Святым во веки веков. Аминь».

«Желаю, возлюбленнейшие братие, да здравствуете о Господе».

Не взирая на послание от собора Римского,¹⁹⁷ евсевиане продолжали вести себя гордо, возмущать Церкви и изобретать козни. Предводитель же их, Евсевий, по проискам епископ Константинопольский, не мог узнать решений собора Римского, которого сам просил посланием к епископу Юлию,¹⁹⁸ потому что умер до получения ответа. Церковь Константинопольская вызвала тогда своего законного епископа Павла; но епископы

арианские, составлявшие партию Евсевия, снова стали делать происки в пользу Македония, от чего возникли снова мятежи, возмущавшие весь город.

Констанций, находившийся тогда в Антиохии, приказал Гермогену, наместнику своему во Фракии, отправиться в Константинополь и изгнать оттуда Павла.¹⁹⁹ Гермогену хотелось выполнить препоручение со всей строгостью; но как только начал он насилия против святителя, то весь город восстал. Ему хотелось подавить восстание, но едва успел он отдать приказание войскам, как народ напал на его дом, зажег, а его самого за ноги вытащил на улицу и умертвил. Констанций сам поспешил в Константинополь, наказал город, отняв у него половину хлеба, который ещё по приказанию Константина ежегодно раздавался безденежно и опять изгнал Павла из Константинополя, не признав однако епископом Македония.

После того он возвратился в Антиохию. Павел же отправился в Рим, где и оставался вместе с прочими епископами Восточными, обращавшимися к Западу с жалобами на гонения, претерпеваемые от ариан. Кроме Афанасия и Маркелла, Павел нашел в Риме Асклера Газского и Лукия Адрианопольского.²⁰⁰

Послание Юлия к евсевиянам не произвело на Востоке никаких последствий. Православные были слишком боязливы, чтобы выразиться в пользу гонимых и против епископов, пользовавшихся доверием императора. Они даже не смели отправиться в Рим для основательного разбора обвинений врагов Афанасия.

После собора в Риме, Юлий выдал всем восточным, там находившимся, общительные грамоты, где объяснялось, что они законные епископы и осуждались те, которые им противоборствуют. Подкрепленные этими грамотами, имевшими важное значение,²⁰¹ низложенные епископы, возвратились на свои престолы. Но восточные отказались признать это определение. Они писали епископу Римскому слишком жестко, иначе быть не могло. Пример Новациана, который противопоставляли они Юлию, избран был неудачно, потому что Новациан был сперва признан Востоком как законный

епископ Римский и его покинули, когда дело его было на Востоке рассмотрено. Восточные утверждая, что Западу нечего вмешиваться в происходящее на Востоке, разделяли тем Церковь, которая повсеместно та же и должна поддерживаться единением. Православные епископы это понимали, вот почему решение Запада, последовавшее на соборе в Риме и заявленное Юлием имело такое важное значение. Епископы же евсеванские оскорбились поступком епископа Римского. «Мы хорошо знаем, писали они ему,²⁰² что Церковь Римлян всегда тщеславилась своей важностью и утверждает будто с самого начала была местопребыванием Апостолов, источником и митрополией благочестия; однако учителя веры прибыли к ней с Востока. Но даже если бы они восторжествовали над нами числительностью и великолепием, все-таки мы превосходим их достоинствами.²⁰³ Общением с Афанасием, говорили они Юлию, вы оказываете пренебрежение собору нашему и поступок ваш столько же несправедлив, как противен правилам церковным. Однако мы не отказываемся быть с вами в общении, но с условием, не принимать стороны изгнанных, и признать тех, которыми они замещены, признавая законность наших определений».

Мы видели как Юлий отвечал на это послание.

Противостояние православных христиан и ариан

По прибытии Афанасия в Александрию, православные приняли его с восторгом. Григорий же с чернью сделал на него нападение; но православные защитили его, последовали схватки и утверждают, что несколько человек были убиты. Ариане все случившееся свалили на Афанасия; но все знают, говорит Сократ, каковы последствия народных возмущений и клеветают на Афанасия, возлагая на него ответственность за все происходившие насилия. Между клеветниками особенно отличался Сабин, епископ Македонский. Если бы епископ этот добавлял правдивый историк, хотел обратить внимание на все бедствия, произведенные в Церкви арианами и Македонием, то устыдился бы и хранил молчание, если только не решался воздать Афанасию тех похвал, какие заслуживает, но он старался скрыть зло сделанное арианами и Македонием. Этот Сабин был ревностным приверженцем лжеепископа Македония.

Павел также полагал, что, после определения римского, может возвратиться на престол свой.²⁰⁴ Но Констанций, находившийся все в Антиохии немедленно предписал Филиппу, префекту претории, снова изгнать святителя и на место его поставить Македония. Пример с Гермогеном не был лестен для Филиппа, а потому прибегнул он к хитрости, приказал сказать Павлу, что ему нужно переговорить с ним о делах общественных и назначил ему свидание в банях, именуемых Зейскипны. Павел туда прибыл, а Филипп предъявил ему приказание, полученное от императора. Множество верующих, узнав о предписанном на счет Павла и предполагая какие-либо козни, собралось пред банями. Филипп, опасаясь возмущения, ввел Павла из бань во дворец, а оттуда. препроводил на приготовленный для него корабль, отплывший уже в Салонику, в Македонии, пока народ ничего еще не знал. Вдруг Филипп явился на колеснице с Македонием, предшествуемый и окруженный целым войском. Народ толпой устремился к церкви посмотреть что будет. Православные и ариане были перемешаны, а площадь перед церковью была тесна. Вскоре колесница префекта не могла

двигаться ни вперед, ни назад, а воины принявшие следствие тесноты за сопротивление, обнажили мечи и как неистовые бросились на беззащитный народ. Три тысячи пятьсот человек было избито или задавлено. Вот каким подвигом отверзты были двери церкви для Македония. Он вошел туда с видом спокойствия, как будто окрестности храма не были обагрены кровью и завалены трупами. А церковь эта еще называлась храмом мира?.. Рядом с ней Констанций строил тогда храм Премудрости-Софии, обе церкви соединяясь составили одну, названную храмом Премудрости Божией или Святой Софией.

Павлу сосланному в Салонику, его родину, дозволено было ездить по Македонии, но на Восток строго воспрещено.

Другая жертва арианства – Афанасий, вскоре по возвращении своем, почувствовал влияние страшной ненависти врагов своих. Они обвиняли его, что копить хлеб, который по постановлению Константина, следовало раздавать неимущим Церкви Александрийской.²⁰⁵ Констанций поверил клеветам этим и осудил Афанасия на смерть. Император этот все жил в Антиохии, окруженный своими арианскими епископами и там-то изрек это жестокое определение.

Афанасий, во время предупрежденный о повелении императора, снова бежал в Рим.²⁰⁶ Павел, со своей стороны показывая вид желания ехать в Коринф, также отплыл в Рим. Тот и другой при поддержке епископа Римского обратились с прошениями к Константу, императору Запада, за них вступившемуся.²⁰⁷

Констант оказывал внимание и уважение Афанасию и препоручил ему достать для него книги священного Писания. Афанасий никогда не имел с ним других сношений весьма удивлен был, когда, во время пребывания своего в Риме, получил от Константа рескрипт, вызывавший его в Милан.²⁰⁸ Он туда отправился и там узнал, что Констанций, по просьбе брата своего, согласился на созвание собора, на котором епископы восточные и западные вместе могут положить конец всем разделениям.

Но еще прежде этого предложения, Констант просил брата своего прислать к нему трех епископов объяснить

обстоятельства низложений Павла и Афанасия. Тогда-то ариане, остававшиеся в Антиохии после собора, послали Наркисса Нерониадского, Феодора Гераклийского, Мариса Халкедонского и Марка Арефузы в Сирии. Они прибыли в Трир, где находился тогда Констант. Им предложено было совещание с Афанасием, но они отказались, под предлогом, что следует прямо и просто принять определения их соборов. Тогда же представили они императору последнее исповедание веры, изложенное в Антиохии, после отъезда православных. Путешествие это ничего не могло объяснить Константу, а Максимин, епископ Трирский, друг Афанасия, отказался от общения с четырьмя епископами восточными. Восток и Запад до собора в Риме и после оставались разделенными.

Проблемы и задачи Сардикийского Собора

Исповедание веры, присланное из Антиохии, было без сомнения предметом прений и замечаний на Западе; вот почему составившие оное, как бы с чувством раскаяния,²⁰⁹ снова собрались три года спустя в Антиохию (345) и составили новое изложение веры – длины непомерной, и которое скорее можно считать богословским трактатом о Святой Троице. Трактат этот был точен, равным образом далек от заблуждения Ария и Савеллия, но там также не было помещено выражение *единосущный*. В нем не заключается ничего, чего бы не было в приведенных прежде, а потому считаем бесполезным его переписывать. Должно однако заметить, что в нем осуждается Фотинос, именуемый по извращению Скотинос (Фотинос – значит светлый, а Скотинос – мрачный). Этот Фотинос был учеником Маркелла Анкирского, и несомненно учил ересь Савеллия и Павла Самосатского, в которых упрекался сам Маркелл. Они послали составленное ими писание епископам Италии с Евдоксием – епископом Германики, Македонием – епископом Морсуэста, в Киликии, Мартирием и многими другими. Последний был вероятно тот же, который привозил первое послание Юлию Римскому. Епископы западные отказались заняться этим новым изложением веры и отвечали, что Символа Никейского для них достаточно.

Между тем как епископы восточные делали эту попытку перед Западом, оба императора Констант и Констанций согласились о созвании большого собора восточно-западного. Константа в его благих намерениях поощряли Афанасий и Павел.²¹⁰ Последний, однако, не дожидаясь до собора; надеясь на расположение Констанция, согласившегося на пересмотр дела его, он возвратился в Константинополь, ожидать решения, но возвращение его произвело возмущение, в котором его обвиняли. Он был взят и отвезен в Кукуз, город Каппадокии, где его умертвили.²¹¹

Собор восточно-западный созван был в Сардике в Иллирии. Епископы собрались в назначенное время в числе около ста

семидесяти.²¹² Согласно сказанию Сибина Македонского, в том числе было семьдесят шесть восточных, и в числе их Исхир, которого ариане сделали епископом, хотя он даже не законно рукоположен был во пресвитера и не имел епископской кафедры.

Во главе западных находился уважаемый Осия, его не сопровождал никакой гражданский сановник, а восточные привезли с собою графа Музониана и Гесихия, пользовавшегося при дворе титулом *Кастрензиса*. Ариане рассчитывали не на правоту дела, а на поддержку императорскую. Между епископами восточными некоторые отказались ехать на собор, ссылаясь на свои немощи, другие же утверждали, что назначенный срок слишком короток, возлагая за то ответственность на Юлия, епископа Римского. Однако Афанасий ожидал в Риме собора полтора года. Восточные назначили для съезда Филипполь, во Фракии. Когда они съехались, то писали западным, собранным в Сардики, что не придут на собор, пока они останутся в общении с Афанасием, который низложен.²¹³ Они согласились однако прибыть в Сардику, но прибыв протестовали, что ногою не вступать в церковь, если не будут приняты их условия. Епископы западные, во главе которых находились Протоген Сардикийский и Осия Кордуанский, отвечали, что не могут нарушить общения с епископом низложенным по определению, которое Юлий, епископ Римский, признает не действительным. Восточные настаивали и обе партии вели переписку, которая только должна была увеличить их взаимную неприязнь.

Евсевияне надеялись, что власть Констанция устрашит противников; но когда они убедились, что делопроизводство будет чисто церковное и что из всех Церквей собираются против них свидетели с формальными документами, что два уважаемые епископа, Арий, также именуемый Макарием, Петры в Палестине и Астерий Петры в Аравии, от них отделились, пристав к западным и к преследуемым, что они передают тайны их и дурные намерения, то побоялись, что осуждение, вместо поражения жертв их, падет на них самих. Особенно видя, что Афанасий выражает большое доверие к исходу

делопроизводства, они стали тайно совещаться во дворце, где им было отведено помещение. Они говорили друг другу: мы с целью прибыли сюда, но что будет если достигнем совершенно противоположной; мы рассчитывали на поддержку графов, а её не будет и, конечно, будем мы осуждены. Вы знаете, что было сделано, у Афанасия в руках следствие Мареотское, этого достаточно для его оправдания и для покрытия нас позором. Зачем же здесь оставаться? Найдём предлог удалиться, лучше бежать, хотя это и бесчестно, чем быть уличенными в клевете; если бежим, то можем еще поддержать нашу партию; если они осудят нас, то за нас будет император, он не дозволит народу согнать нас с престолов.

Таковы были разговоры между евсевианами относительно Афанасия.

Осия и западные настаивали, чтобы они на что-либо решились. Афанасий и прочие здесь, говорили они, и берутся доказать, что вы клеветники. Если боитесь осуждения, – для чего сюда прибыли? Следовало не приезжать, а если приехали – должно остаться. Они находились в большом затруднении, когда Констанций уведомил их о победе, одержанной над Персами. Нужно уезжать, сказали они, немедленно. Император будто-бы не мог без них торжествовать своей победы. Никто, конечно, не был обманут таким предлогом, сообщенным собору через Евстафия, пресвитера Церкви Сардикийской. Осия именем собора, где председательствовал, немедленно отвечал им: «Придите оправдаться от осуждений, на вас возводимых, в клеветах, какие вам приписывают, или знайте, что собор осудить вас как виновных и объявит невиновными Афанасия и находящихся с ним». Но, по совести, чувствуя себя виновными, они находились в страхе и более расположены были к бегству, чем внимать посланному к ним письму.

Они постыдно бежали, возвратились в Филипполь, и образовав из себя собор, начали с того, что осудили выражение *единосущный*,²¹⁴ стараясь заменить оное словом выражающим понятие совершенно противоположное (*ανομόλος*); после того подтвердили прежние свои определения против Афанасия, Павла, Маркелла и Асклепы; а также низложили Юлия Римского

за общение с первым из осужденных епископов; Осия был низложен за то же и за дружбу с Павлином и Евстафием Антиохийским, Максимин, епископ Трирский, потому что он первый имел общение с Павлом Константинопольским и облегчил ему способы возвратиться к своей Церкви, а сверх того не хотел принять в общение епископов восточных, посланных в Галлию. Они низложили также Протогена Сардикийского и Гавденция: первого за то, что находился в общении с Маркеллом, которого сперва осудил, а второго за то, что не придерживался поведения предшественника своего Кириака и восстановил низложенных им.

Все определения свои изложили они в послании ко всем епископам кафоличества.²¹⁵ В нем возобновлялись все обвинения на противников их, даже такие, которыми невозможно было обманываться; к этому окружному посланию приложили они последнее исповедание веры, составленное в Антиохии. Сообщение это делалось от имени собора, созванного в Сардике, хотя подписавшие оное собирались в Филипполе. Они полагали, что сами по себе составляют собор, без сомнения под тем предлогом, что прочие отлучены или сообщаются с отлученными.

Среди епископов, собравшихся в Филипполе, не все были арианами, большая часть из них были совершенно православны, но они дались в обман присутствовавшим в Тире и питавшим к Афанасию слепую ненависть. Можно также думать, что некоторые в первый раз встретились с западными, которых считали варварами, полагая для себя унижением находиться с ними на правах равенства. Послание епископа Римского и претензия его, именем Запада, проверять их суждения, крайне их оскорбляла. Однако им должно было ясно видеть, что решение собора Римского не считалось окончательным, потому что собор, созванный в Сардике, должен был проверить оное и судить окончательно.

Но на соборе этом западные были многочисленны; многие из восточных к ним присоединились и согласились с ними судить снова и окончательно все вопросы, возмущавшие Церковь. Большая же часть епископов, собравшихся в

Филипполе, слишком ясно высказалась по этим вопросам чтобы в самой мысли о новом рассмотрении дела не видеть своего осуждения. От того произошел раздел, не делающий им чести и оставивший на них тень подозрения в недобросовестности. Ни соборов восточных, ни соборов западных нельзя было считать окончательными, вот почему в Сардике созван был собор восточно-западный, долженствовавший представлять собой все кафоличество и судить окончательно.

Епископы собранные в Сардике²¹⁶ снова рассмотрели дела: Афанасия, Маркелла Анкирского и Асклепы Газского. Афанасий был признан невиновным, а делопроизводство собора Тирского признано происками злобы и клеветы. Маркелл Анкирский сделал исповедание веры православной и объявлено было, что он невиновен в заблуждениях, в которых его упрекали. Асклепа Газский представил делопроизводство Евсевия Кессарийского, своего митрополита, и многих других епископов, судивших его и восстановивших его на престоле.

Лукий Адрианопольский, также преследуемый арианами, представил дело свое собору; он также признан невиновным потому, что обвинители его бежали.

После того собор отлучил и низложил лже-епископов Александрии, Анкира и Газы, а затем показавших более страстное увлечение в происках арианских, то есть Феодора Гераклийского, во Фракии, Наркисса Нерониадского, Стефана Антиохийского, Георгия Лаодикийского, Акакия Кесарии Палестинской, Менофанта Ефесского, Урзаса Сингидунского и Валенса Мурзийского. Собор не нашел полезным излагать нового символа веры; Символ Никейский найден был достаточным.

Правила Сардикийские. Обсуждение

Определения собора сообщены были Церквам, которых они преимущественно касались императорам, Юлию, епископу Римскому, и всем епископам кафоличества. Имеется еще последнее послание, равно как и посланные Юлию и Церкви Александрийской. Памятники эти заслуживают особенного внимания. Но прежде, нежели приводить их, изложим правила, принятия на этом соборе. Их числом двадцать и очень важных.²¹⁷

Осия, епископ Кордуанский, говорит: .

«Существует дурной обычай, источник больших злоупотреблений и необходимо его искоренить; это, – что епископ может быть переведен из небольшого города в другой, более значительный. Причина этих переводов явная, еще не встречался епископ, старавшийся быть перемещенным из большой Церкви в малую. Ясно, что переменяющие престолы соблазняются корыстью, тщеславием и желанием казаться имеющими большую власть. Угодно ли вам, чтобы злоупотребление это было осуждено более решительным образом? Я полагаю, что виновный епископ не должен даже получать причащения как мирянин. Все епископы отвечали: «Мы того же мнения».

По правилу сему, собор отказывает в причащении, даже при смерти, епископам, подкупавшим верующих провозглашать их и избирать в Церкви. Собор же Никейский решил, что при смерти никому не отказывать в причащении.²¹⁸

Осия снова говорит: «Нужно присовокупить, что ни один епископ не может переходить в другую провинцию для совершения своего служения; принимаю только одно исключение – в случае призвания своей братией; не должно препятствовать епископам оказывать взаимные друг другу услуги. Также следует озаботиться о том случае, когда епископ будет иметь спор с одним из сотоварищей и решить, не возможно ли предоставить суд епископам иной провинции. Если кто полагает дело свое правым и что суждение нужно

проверить, то не благоугодно ли будет вам почтить любовью память Апостола Петра, чтобы судившие писали Юлию, епископу Римскому, и если нужно будет – да проверится суд епископами другой провинции, по назначению епископа Римского. Но если нельзя доказать, что дело требует вторичного суждения, то первое суждение да остается твердым».

До собора Сардикийского случалось, что осужденные в одной из Церквей искали убежища в других, старались доказать, что невиновны и могут быть приняты в общение. Но, в этом случае, не было судебной апелляции от одного суда к другому, высшему. Собор Сардикийский хотел предоставить епископу Римскому право решить: следует ли утвердить первое решение или пересмотреть оное в собрании епископов смежной провинции.

Епископы Римские воспользовались правилом этим, на присвоение себе права апелляции по делам церковным.

С другой стороны, приверженцы папства старались на том же правиле основать теории, благоприятствующие их системе. Они не заметили только, что собор, *предоставляя* епископу Римскому право апелляции, доказывает тем, что епископ Римский ниже собора, предоставлявшего это ему право; а кроме того, собору неизвестны были те мнимые права, которым папство приписывает божественные основания, потому что ему *предоставлялось* одно из прав тех, только *чтобы почтить любовью память Апостола Петра*, то есть одного из Апостолов, основавших Церковь римскую.

Правило собора Сардикийского ясно и положительно доказывает, что в Церкви, около половины IV столетия, не имели ни малейшего понятия о власти, которую впоследствии стали называть папством.

Право апелляции дано ли было епископу Римскому вообще, или только Юлию, по обстоятельствам исключительным в которых тогда находились и по оживленным прениям, возбужденными арианством? Кажется, что собор, наименовав прямо Юлия, имел намерение присвоить это право только ему лично. Если же допустить, что оно предоставлено было епископу Римскому вообще, то все-таки из сего нельзя

выводить никакого доказательства в пользу папства. Действительно, если учреждение это и было бы признано в том виде, как оно впоследствии представлялось верующим в него, то каким образом собор мог предоставить епископу Римскому власть, которая принадлежала ему вполне и еще по праву божественному?

Правило Сардикийское служит ясным и неоспоримым доказательством, что даже не признавалось за епископом Римским необходимой власти на пересмотр определении епископских, а тем более не признавалось за ним власти более обширной.

Должно заметить причину, выставленную Осией, в пользу преимущества, им предложенного для епископа Римского. Это, как он сказал, *чтобы почтить любовью память Апостола Петра*. Причина эта доказывает только, что епископы западные расположены были возвышать Церковь римскую, приписывая ей в основатели первого из Апостолов, и что, по уважению к Апостолу Петру, епископ Рима должен был считаться первым епископом в Церкви. Быть может, что таким образом полагали возвысить Запад, как имеющий первую апостольскую Церковь. Конечно, никто тогда не имел понятия о претензиях папских, которых в то время еще не было; но когда дело идет об учреждении, получившем такое значение в обществе христианском, как папство, то следует заранее указывать на факты, послужившие для него как бы зародышами. Между фактами этими следует прежде всего указать на то, что основание Церкви в Риме приписывалось Апостолу Петру, хотя Апостол Павел имел на то более прав, затем надменность многих из епископов Римских, считавших себя первыми епископами, потому что кафедра их находилась в столице империи. Оба факта эти послужили сперва основаниями некоторых преимуществ, чисто почетных, дарованных епископам Римским, и некоторых прав, предоставленных им епископами западными.

Начиная с IV столетия, привыкли считать епископов Римских преемниками Апостола Петра. В тоже время начали прилагать к Церкви учреждения империи. С той поры епископ

Рима был признан первенствующим потому, что был епископом первой столицы. Из совокупления понятия о преемстве Апостола Петра и о первенствующем епископе вышла теория папства.

Преобразование это продолжалось в течении трех столетий. Потребовалось времени не менее того для перехода от преимуществ чисто церковных к власти мнимо-божественной. Затем эта власть мнимо-божественная развивалась в продолжении десяти столетий и дошла до того, что видим ныне.

От первых попыток епископов Рима к неограниченной власти и к непогрешности путь был длинный и продолжительный. Если бы в Риме не захотели преступить правила Сардикийского, то православный Восток не стал бы делать возражений. Он принял это правило, как то видим по приведенным свидетельствам Сократа и Созомена.

Гавденций, епископ Найссоса, в Дакии, начал после Осии и сказал: «Если вам благоугодно, то следовало бы добавить к последнему определению, что если епископ был низложен соседними епископами, но требует пересмотра своего дела, то его никем бы не замещали до решения по сему делу епископа римского».

Правило это было пополнением предшествующего и вытекало прямо из предоставленного епископу Римскому права. Осия развил это в следующем правиле.

Епископ Осия сказал: «В случае, когда епископ осужден и низложен всеми епископами своей провинции и осужденный обратится к блаженному епископу Церкви римской; а епископ сей рассудит, что следует пересмотреть дело, то благоволит он писать епископам той провинции и епископам соседственной, чтобы снова рассмотрели дело и решили по всей справедливости. Если кто потребует пересмотра своего дела и по прошению его заблагорассудит епископ Римский послать от себя пресвитеров,²¹⁹ то во власти сего епископа решить, как поступить в этом случае, и если рассудит прислать пресвитеров присутствовать при суждении вместе с епископами, и заступать место посланного; или же признает достаточным предоставить

окончание дела провинциальным епископам, – да будет по рассуждению его мудрости».

До собора Сардикийского, даже на Западе, не находили полезным предоставлять епископу Римскому преимуществ, упомянутых в предшествующем правиле.²²⁰ Верховной властью в Церкви был собор. Самый собор Сардикийский служит тому ясным доказательством, – как созданный для окончательного суждения дел церковных, уже рассмотренных епископом Римским на соборе. Намеревались созвать в Сардике собор вселенский, составляющий единственную верховную власть в Церкви; но, по удалению или отсутствию большей части епископов восточных, собор не мог иметь этого значения.

Правилом шестым определялось относящееся до избраний и рукоположений епископских: там запрещается рукополагать епископа для деревни или малого города, где достаточно пресвитера, *да не уничижается, сказано там, звание епископа и власть.*

Каждая Церковь имела во главе своей епископа до того времени, пока христианство не перешло за пределы значительных городов и не распространилось по деревням. Тогда пресвитеры заменили епископов по церквам, менее значительным определенным округам, которые впоследствии стали называть диоцезами или епархиями. Во главе же епархии остался только один епископ, как в Церкви составленной из нескольких членов или приходов.

Правилом седьмым собор, по предложению Осии, положил, что епископы не должны ходатайствовать перед императорами и могут являться во дворец только для заступничества за несчастных и по требованию императора. Епископ Карфагенский Грат, присутствовавший на соборе, жаловался, что епископы Африканские слишком часто прибегают к императору.

С того времени, как императоры стали христианами, многие из епископов оказались слишком искательными. Собор Сардикийский видел в том важное неудобство. Обязанность епископов, равно как и всех верующих быть верными и покорными подлежащим законным властям, подавая собой

пример повиновения и уважения; но епископы угодливые, злоупотребляющие званием своим на удовлетворение собственного честолюбия или любимцев своих, по мнению собора, нарушают тем свои обязанности. Осия, предложивший это правило, сам в этом отношении мог служить примером. Он никогда не употреблял во зло доверия, которым пользовался при Константине Великом, ни для себя, ни для других; все известные действия этого святителя имели характер исключительно церковный, и во всех случаях является он истинным христианским епископом.

Осия предложил еще добавление (пр. 8): что если епископ должен обратиться ко двору за несчастных, то не должен ездить туда сам, но посылать своего диакона.

Правило это было принято. Собор особенно заботился об удалении епископов от двора. Можно предполагать, что поводом к тому послужило поведение Евсевия и друзей его. Собор опасался новых епископских влияний при дворе, влияний – имевших уже такие горестные последствия при Констанции.

По предложению Осии, было добавлено еще одно правило, о том же (пр. 9), по которому епископы, при обращении своем ко двору, обязывались предпочтительно обращаться к посредничеству епископа того города, где пребывает император, или к епископам находящимся при нем для богослужений; прибывающее же в Рим обязывались обращаться к посредничеству епископа сего города, которому, до представления прошений императору, следовало разбирать эти прошения основательны ли они.

Алипий, епископ Мегариса, в Ахаии, заметил, что не следует порицать епископов, переносящих труды путешествия ко двору для ходатайства за несчастных, но что не следует епископам предпринимать такого путешествия по другим причинам.

Осия предложил еще следующее (пр. 10): «Полагаю нужным решить, что если во епископа будет избран человек богатый или юрисконсульт, то его не следует рукополагать, пока не пройдет должностей чтеца, диакона и пресвитера и похвальным исполнением оных не докажет, что заслуживает

быть епископом». Апостол языков, добавил Осия, положительно запрещает возводить во епископы новокрещенного. Собор единогласно принял это правило.

Случалось иногда, что епископ оставлял Церковь свою и даже провинцию для проповеди в других местностях; это могло быть выгодно, но может также случиться, что местный епископ, менее ученый и менее красноречивый, будет уничижен, что повредит его законному влиянию. Можно также предположить, что епископ – проповедник руководим не одним только усердием, но желает похитить Церковь другого. Осия обратился с этими заключениями к собору, который определил (пр. 11.), что епископы не могут отлучаться от своих Церквей более как на три недели.

Правило это уже существовало для верующих, им не дозволялось, иначе как по законной причине, отлучаться от церквей своих более, как на три последующие воскресения. Древний закон этот был основанием правила, по которому на Западе верующие обязаны были присутствовать по воскресным дням у обедни в своем приходе и, без важной причины, не могли отсутствовать несколько воскресных дней подряд.²²¹

Допущено было (пр. 12) смягчение предыдущему правилу для епископов, которые в Церквях своих не могли собрать сколько нужно для них и для духовенства своего и у которых находились способы в других местах. Им дозволялось ездить в эти местности, пребывать там более трех недель, а будет нужно и священнодействовать в церквях, где только простой пресвитер. Потому что пребывания эти не имели тех неудобств, как пребывание при церквях епископских.

Осия предложил еще определить (пр. 13), что епископ не может принять пресвитера, диакона или клирика отлученного их епископом. Если же то случится, то требовать его на собор к ответу. Собор видел в том превосходное правило для сохранения мира и согласия между епископами.

Не могу, продолжал Осия (пр. 14), умолчать о чувстве, меня одушевляющем: «Если епископ, предавшись гневу, осудит несправедливо пресвитера или диакона, не следует невинного отлучать». Все отцы отвечали: «Осужденный

должен обратиться к соседствующим,²²² чтобы рассудили его дело. Епископ же должен благодушно сносить, что определения его проверяются, а судящие не должны позволять обвиняемым быть непочтительными к осудившему их епископу. Обязанность епископа быть справедливым и милостивым к своим подчиненным, а они обязаны ему уважением и послушанием.

В правиле 15-м²²³ собор определил, что рукоположение епископом клирика от другого епископа, без согласия его, не утверждается.

Аэций, епископ Фессалоникийский жаловался на соборе, что чужие пресвитеры и диаконы часто прибывают в его епископский город и остаются там очень долго. Собор определил (пр. 16) распространить на пресвитеров и диаконов правило 11-е, установленное для епископов.

Олимпий, епископ Аэна, во Фракии, заметил, что следует дозволить более продолжительное пребывание в Церквах епископам гонимым и которые были вынуждены оставить Церкви свои по насилиям, которые они претерпевают.

Осия поддерживал перед собором предложение Олимпия, и признана была (пр. 17) справедливость его замечания. Пример Афанасия и прочих епископов, гонимых евсевианами, служил живым подтверждением правильности просимого Олимпиаем.

Собор Сардикийский должен был заняться смутами, бывшими в Церкви Фессалоникийской и постановить определение. По смерти епископа Александра, писавшего в пользу Афанасия после собора в Тире,²²⁴ Церковь Фессалоникийская была возмущаема и многие епископы избраны были различными партиями. По актам Сардикийским (пр. 18 и 19) известны Музей, Евтихиан и Аэций, который наконец признан был почти единогласно и осудил не только Музея и Евтихиана, но и клириков, ими рукоположенных. Вероятно, что епископы эти были действительно рукоположены и клирики их получили законное рукоположение. Если доверять епископам восточным, собиравшимся в Филипполе,²²⁵ то Аэций обвинялся во многих преступлениях самим Протогеном, епископом Сардикийским. Но вероятно, что обвинения эти

возводимы были его совместниками и что епископ Сардикийский убедился в ложности оных, потому что признал Аэция, на соборе, законным епископом.

Аэций был жесток к Музею и Евтихиану и к клирикам их. Вот почему Гавденций, епископ Найссоса, в Дакии, убеждал его к согласию: «Брат Аэций, сказал он (пр. 18), ты знаешь, что мир водворился в Церкви твоей с того времени как ты епископом; но чтобы не оставалось и следа раздора, – мне кажется благоразумным принять всех клириков, рукоположенных Музеем и Евтихианом, потому что они ни в чем не виновны».

Тогда повел речь Осия. «Полагаю, сказал он (пр.19), что мы обязаны быть умеренны, терпеливы и сострадательны ко всем. Однако клириков рукоположенных кем-нибудь из братьев наших, и отказывающихся возвратиться к церквам, для которых были рукоположены, – принимать не следует!. Музея же и Евтихиана нельзя считать епископами, но следует допустить до причащения как мирян, если того желают».

Все собрание было того же мнения.

Епископ Гавденций рассудив, что выполнение провозглашенных определений нужно обеспечить (пр. 20) предложил, что тот из епископов, который не будет их соблюдать, теряет свое епископское достоинство, если не докажет, что имел на то законные причины.

Относительно же епископов, посещающих двор, не взирая на принятые правила, то он предложил, что епископы находящиеся на пути должны отказывать им в общении, если не докажут, что едут по формальному повелению императора или по причинам, признанным собором законными.

Итоги Сардикийского Собора

Взыскания эти были приняты.²²⁶ Собор сообщил определения свои всем епископам Церкви кафолической посланием, которое есть памятник исторический, чрезвычайно важный. Оно таково:²²⁷

«Святой собор, созданный в Сардике по благодати Божией, из города Рима, Испании, Галлии, Италии, Кампаны, Калабрии, Африки, Сардинии, Паннонии, Мизии, Дакии, Дардании и другой Дакии, Македонии, Фессалии, Ахаии, Эпира, Фракии, Родопа, Асии, Карии, Вифинии, Геллеспонта, Фригии, Писидии, Каппадокии, Понта, другой Фригии, Киликии, Памфилии, Лидии, островов Цикладских, Египта, Фиваиды, Ливии, Галатии, Палестины, Аравии, епископам всех Церквей, сотоварищам нашим Церкви кафолической и апостольской, братьям нашим возлюбленным, радоваться о Господе.

«Еретики, приверженцы Ария, многократно покушались против служителей Божиих, сохранивших истинную веру. Для распространения ложного учения своего, они пытались изгонять православных. Они восстали против веры с таким насилием, что от самих императоров не могли скрыться надолго действия их. Вот почему, с помощью благодати Божией, эти благочестивые императоры нас созвали²²⁸ из различных, провинций и городов и дозволили нам держать сей святой собор в городе Сардике, с целью положить конец всем прениям, осудить всякое ложное учение, и водворить повсеместно благочестие во Христе. Повинуясь убеждениям благочестивых императоров, епископы прибыли в сей город с целью разобрать, как они сами не редко просили, обвинения их против братьев наших и возлюбленных сотоварищей Афанасия епископа Александрийского, и Маркелла, епископа Анкирского, в Галатии. Быть может, клеветы их дошли и до вас, может быть старались они обмануть вас этими клеветами и отвратить внимание ваше от их ложных учений. Но такие поступки не могут более продолжаться, потому что Господь охраняет Церкви, Он

умерший за них и за нас всех и отверзший нам заслугами своими восхождение на небо.

«Когда согласующиеся с Евсевием писали сотоварищу нашему Юлию, епископу Римскому, против сотоварищей наших, Афанасия, Маркелла и Асклепы, прочие епископы различных стран также писали, доказывая невиновность Афанасия и утверждая, что обвинения Евсевия и его сторонников злословны и ложны. Евсевий и бывшие с ним сами то доказали, отказавшись прибыть по приглашению возлюбленного сотоварища нашего Юлия, как то доказывается посланием самого Юлия. Они конечно прибыли бы по этому приглашению, если бы считали упреки свои сотоварищам нашим основательными.

«Но поведение их в продолжение этого святого и великого собора еще лучше доказало их недобросовестность. Прибыв в Сардику и увидав, что там находятся братья наши Афанасий, Маркелл и Асклепа, они не осмелились приступить к совещаниям и отказались прибыть после многочисленных приглашений, предложенных им всеми нами, собравшимися епископами и Осией, этим уважаемым старцем, исповедником веры во время гонений, который по летам своим и по заслугам достоин почтения.

«Отказываясь от совещаний они доказали, что были клеветниками. Но не одна только невозможность доказать ложь воспрепятствовала им придти на собор, они опасались обнаружения своих собственных преступлений. На соборе находилось множество их жертв: а в особенности епископ, показывавший цепь, которой был окован. Их упрекали даже в смертоубийствах. Они дошли до таких крайностей безумия, что хотели умертвить епископов им сопротивлявшихся, и действительно умертвили бы их, если бы бегством не укрылись от их неистовства. Конечно виновны они в смерти блаженного епископа Феодула²²⁹ убитого в то время, когда убегал от уголовного приговора, исходатайствованного ими против него. Между жертвами их насилий, присутствующими в Сардике, одни показывали язвы, полученные ими от меча, другие жаловались, что вследствие их преследований лишены были пищи.

Обвинители люди не безизвестные, но целые Церкви или доверенные от них указывали нам на их жертвы. Нам читали письма, писанные Феогнисом к императорам на возбуждение их против сотоварищей наших Афанасия, Маркелла и Асклепы, и достоверность писем этих засвидетельствована была бывшими в то время диаконами у Феогниса. К насилиям этим должно добавить бесчестие девам, сожжение церквей, заключение в темницу духовных и все ужасы, обычные ереси арианской. Не желая ни сознаться в преступлениях, ни доказать свои клеветы, они решились оставить Сардику, но самое бегство их есть уже сознание в преступлениях, в каких уличаются».

Собор не признал бегство это за препятствие к рассмотрению всех предложенных дел, и после изложения делопроизводства об Афанасии и Маркелле продолжает:

«Главными предводителями партии после Евсевия были: Феодор Гераклийский, Наркисс Нерониадский, в Киликии, Стефан Антиохийский, Георгий Лаодикийский, Акакий Кессарийский, в Палестине, Менофант Ефесский в Азии, Урсас Сингидунумский в Мизии, Валенс Мурзийский, в Паннонии. Они-то воспрепятствовали епископам, прибывшим вместе с ними с Востока, придти на собор и присоединиться к Церкви Божией. По пути в Сардику они там и сям собирались и условливались не допускать суждений по прибытии своем в Сардику, не присоединяться к святому собору и удалиться немедленно по заявлении своего прибытия. Подробности эти узнали мы от сотоварищей наших Макария епископа в Палестине, и Астерия, епископа в Аравии, которые, прибыв вместе с ними, отделились от них, по причине их недобросовестности. Представь на собор, они жаловались на насилия, им причиненные, и удостоверили, что вышеименованные епископы поступают неискренно, что они препятствовали православным епископам придти на собор и угрожали тем, которые их оставят. Для того они приняли меры, чтобы все восточные помещены были вместе и чтобы ни один из них не мог ускользнуть от их непрерывного надзора».

Собор добавляет, что объявил невинными Афанасия, Маркелла и Асклепу и писал Церквам их²³⁰ признавать законными пастырями, считая волками тех, которые их

заместили: Григория в Александрии, Василия в Анкире, Квиниана в Газе. Он уведомляет, что низложил с епископства Феодора, Наркисса, Акакия, Стефана, Урзаса, Валенса, Менофанта и Георгия, хотя последний и не прибыл в Сардику, потому что был еще прежде низложен Александром, блаженной памяти, епископом Александрийским. Не только низложены они собором с епископства, но отлучены за ересь их против Сына Божия, ересь, которая делает их недостойными имени христианина.

«Возлюбленные, говорит оканчивая собор, опасайтесь писать к ним и получать их послания. Напротив того, благоволите, братия и сотоварищи, духом присутствовать на соборе нашем и добавить ваше согласие, подписав акты, да сохранится согласие между сотоварищами нашими повсеместно. Божественное Провидение да хранит вас во святости и радовании, братие возлюбленнейшие.²³¹

«Осия, епископ, я подписал».

Все епископы подписались, подобным же образом, в следующем порядке:

Осия Испанский, Юлий Римский, представляемый пресвитерами Архидамом и Филоксеном, Протоген Сардикийский. Затем святой Афанасий именуется семьдесят пять епископов, не означая их престолов. Между ними находятся сам Афанасий, Маркелл Анкирский и Асклепа Газский. Он насчитывает тридцать четыре из Галлии, тридцать шесть из Африки, девяносто четыре из Египта, пятнадцать из Италии, двенадцать с Кипра, пятнадцать из Палестины.

Шестьдесят три епископа из Фригии и Исаурии прислали согласие свое еще во время собора, так что собрание это, составленное при начале своем из ста семидесяти епископов, считая в том числе восточных разномысленных, в сущности состояло из двухсот восьмидесяти четырех членов присутствующих и еще шестидесяти трех с ними согласившихся.²³²

Должно заметить, что на соборе этом председательствующим был Осия и что Юлий Римский подписал только после него, через двух, представлявших его,

пресвитеров.²³³ Собор, подтвердивший суждения собора Римского по делам Афанасия, Маркелла и Асклепы, счел нужным уведомить о том Юлия следующим посланием:

«Чему веруем, то чувствуем, потому что внутреннее ощущение доказывает и утверждает привходящее нам через чувства. Вот что хотел сказать блаженный Апостол Павел, учитель языков, выразившись так: *О нем же можете чтуще разумети разум мой о тайне Христовой* (Ефес. 3:4). Без сомнения, знали, что Господь Иисус Христос обитал в нем, что Дух Святой изрек душе его и провозгласил его устами.

«Точно так и ты, дражайший брат, отсутствуя телом, находился с нами духом и чувствовал, что сделано было в собрании нашем. Ты извинялся, что не можешь прибыть на собор; причины твои уважительны и основываются на необходимости; ты не хотел отсутствием своим дать повод волкам раскола раздирать овец твоих, псам ереси лаять и предаваться бессмысленному своему бешенству, а демонскому змию разливать яд своего богохульства.

«Кажется весьма полезно и прилично,²³⁴ чтобы священники Господни, собранные из всех провинций, обратились к главе своей, то есть к престолу блаженнейшего Апостола Петра.²³⁵

«Так как все сделанное и определенное собором изложено письменно и ты можешь все узнать по словесным донесениям дражайших братий наших и сотоварищей по священству Архидама и Филоксена и любезного сына диакона Льва,²³⁶ то бесполезно помещать оное в этом послании.

«Для всех было ясно, что восточные, называющее себя епископами, хотя многие из них осквернились ядом ереси Ария, не хотели подвергнуть себя суждению собора и предпочли отделиться от общения твоего и нашего, хотя они нас ни в чем упрекать не могут. Они побоялись свидетельства шестидесяти епископов, удостоверивших невиновность Афанасия, а также пресвитеров посланных к ним от тебя и послания с приглашением на собор в Риме, а также доказать что не могли отказать в общении Афанасию и Маркеллу.

«Нам следовало рассуждать о трех предметах. Благочестивейшие императоры дозволили нам, во-первых,

заняться святой верой и истиной, которую ересь попраля, после того рассмотреть дела тех, которые говорили, что осуждены несправедливо, наконец судить наделавших столько зла Церквам, изгнанием епископов, пресвитеров, диаконов и прочих клириков, из которых многие умерли от голода, от жажды и других лишений, ввержением других в темницы, где их облагали оковами и подвергали ужасным истязаниям. Многие по сию пору еще заключены и всё преступление их состоит в осуждении ереси Ария и Евсевия, и в отказе общения своего с виновными, которые в награду за их заблуждения избраны были для возведения в саны церковные.

«Вот что, блаженнейший брат, решено было об Урзасе и Валенсе, двух молодых людях нечестивых и лишенных мудрости. Ясно, что они не преставали рассеивать семена ложного учения, кроме того Валенс пытался оставить Церковь свою для похищения чужой, для чего возбудил он в Аквилеи восстание, при котором погиб брат наш Виктор, не имея возможности бежать, его топтали ногами с такой яростью, что через три дня после того он умер. Настоящим виновником этой смерти был Валенс, возбудивший смятение и добивавшейся избрания. По посланиям нашим к императорам увидите, что мы не пренебрегли ничем полезным. Так в общих чертах мы донесли и о соделанных преступлениях.

Твоя высокая мудрость изобретет средства сообщить сделанное и определенное братиям нашим в Сицилии, Сардинии и в Италии,²³⁷ чтобы знали, что не должны принимать посланий от осужденных, и что Маркелл, Афанасий и Асклепа продолжают находиться в общении нашем. Действительно ясно, что несправедливое осуждение, бегство и увертки отказавшихся придти и подвергнуться суждению всех епископов, не могли повредить обвиняемым ими.

«Впрочем, как сказано было, полный отчет братий, присланных от любви твоей²³⁸ сообщит тебе все сделанное. Мы озаботились только послать Твоей Степенности имена низложенных, чтобы ты знал кто отлученные и мог бы посланиями своими уведомить братий наших и сотоварищей, прежде нами указанных».

Послание от собора императорам утрачено.

В послании же к Церкви Александрийской, к епископам Египта и Ливии отцы выражаются об Афанасии следующим образом²³⁹

«Защитники гнусной ереси Ариевой пытались очернить неповинного брата нашего и соепископа Афанасия; для того прибегали они к насилию и мучительству, а в суждении, которое предполагали постановить, – нет ни мудрости, ни добросовестности, ни справедливости. Мы не доверяли ни басням, какие они выдумывали, ни слухам, какие распространяли, мы даже удостоверились, что они не могут доказать того, что утверждают. Хотя они были в городе Сардике, но отказались придти в собрание прочих святых епископов. Это доказало нам справедливость суждения брата нашего и соепископа Юлия, постановившего решение свое не легкомысленно, но после тщательного рассмотрения дела, так что не может более оставаться сомнений относительно общения, которое следует иметь с Афанасием, представившим за себя правдивое свидетельство шестидесяти епископов».

Собор излагает после того доказательства, представленные Афанасием в своей неповинности и виновности его первых судей. Евсевиане же требованием своим от собора признать его сначала виновным, требовали признания справедливости своего над ним осуждения, тогда как собор имел в руках доказательства, что оно было не заслуженное, по следствию произведенному самими врагами его в Мареоте. После краткого изложения ничтожности, истекающей из всех пунктов этого следствия, Отцы собора обращаются к Церквам, зависящим от Александрийской со следующими словами:

«Дражайшие братия, предупреждаем вас и убеждаем сохранять прежде всего здоровое вероучение Церкви кафолической. Правда вы принуждены были переносить тяжкие и многочисленные насилия; Церковь кафолическая претерпела оскорбления и унижения; но *претерпивый до конца той да спасется*. Если претерпеваете еще скорби, смотрите на них как на поводы к радованию, потому что напасти эти некоторого рода мученичество, насилия, какие претерпевать будете,

вознаградятся Богом, венчающим подвижающихся. Подвизайтесь же за здоровое вероучение и за невинность брата нашего и сотоварища Афанасия».

Собор удостоверяет после того, что обращался к императорам с ходатайством за гонимых, прося их, чтобы впредь духовные не отсылались к светскому суду, обязанность которого заботиться о временном, и чтобы подложными предложениями не тревожили их в выполнении своих обязанностей и в исповедании веры кафолической и апостольской.

Только по этим подробностям известна сущность послания от собора к императорам Константу и Констанцию.

После того отцы уведомляют, что Григорий, лже-епископ Александрии, был осужден и низложен собором, что не должен более считаться епископом, что единственный законный епископ Александрийский Афанасий и что все сообщавшиеся с Григорием должны поспешить снова войти в лоно Церкви кафолической.²⁴⁰

К посланию сему, собор присоединяет определения против главных предводителей партии арианской.

Конец книга седьмая

Ясно, что Геласию хотелось исправить Евсевия *по своему*. Если бы он удовольствовался только вставкой имени Осия и обозначением имен обоих пресвитеров присланных из Рима, не за что было бы его упрекать. Но как извинить в том, что он подразумевает под Евсевиевым выражением *императорского города* Константинополь, а не Рим? Константинополь был тогда еще Византией и не был еще столицей империи. Стоит только сравнить оба вышеприведенных изречения, чтобы судить, какой доверенности заслуживает Геласий-Писатель этот переписывает обыкновенно Евсевия и добавляет к его изречениям грубейшие ошибки. И на этом свидетельстве Геласия Кизического основано все то, что написано об Осии – легате папском в Никеи, и на этом основании председательствовавшим будто-бы на Соборе.

Истина заключается в том, что на Соборе председательствовали епископы знаменитейших престолов, т. е. многие. Первым из этих председательствующих был весьма вероятно Евстафий Антиохийский, как то утверждает Феодорит.

Со времени учреждения патриаршеств престол Александрийский считался выше престола Антиохийского; но если бы так было и до Собора Никейского, то понятно, если Св. Александр уступил Св. Евстафию Антиохийскому первенство, потому что он в деле Ария, о котором должно было судить, был сильно заинтересован; а также можно полагать, что Константин был им недоволен за то, что он не обратил внимания на рескрипт, писанный ему вместе с Арием.

Если же хотят, чтобы Собор Никейский имел бы только *одного председателя*, это вероятнее всего таковым был Св. Евстафий Антиохийский.

Выше было уже сказано, что свидетельство Геласия Кизического есть единственное доказательство, которое можно только привести в пользу утверждений романистов «что Осия был уполномоченным от Рима на Соборе Никейском». Действительно, все позднейшие утверждали то, лишь ссылаясь на сказание Геласия Флёрн в своей *Истории Церковной* пытался доказать, что свидетельство этого писателя важно, потому что он писал *по сказаниям Греков* (Fleurv lib. XI § 5).

Достаточно сравнить только книгу Геласия с *Жизнью Константина*, написанной Евсевием Кесарийским и историями Руффина и Сократа, чтобы убедиться, что писатель V века не имел других сказаний под рукой, кроме этих и что он делал в них вставки часто вымышленные. Под влиянием событий, среди которых жил, он полагал, что к повествованиям Евсевия и прочих можно добавить то, что находил приличным и полезным по своим предрассудкам. Тиллемон совершенно справедливо только приписывает Геласию извращение написанного Евсевием о полномочиях Осии (Тиллемон *Memoires pour Servir a l' Histoire ecclesiastique* t. IV. *Histoire du Concile de Nicce*, art. 11). Ноэль-Александр соглашается в извращениях Геласиевых, но принимает его свидетельство потому, что другие писавшие после него с ним согласны. (Natalis Alexand. *Hist. Ecel. Saecul IV*, Dissert. XII, art. unic.). Какое же доверие могут добавить к свидетельству Геласия несколько слов, никем не засвидетельствованных кроме самого Геласия?

В наше время, доктор Гефелэ не смел уже основаться на свидетельстве Геласия; но ссылается на несколько слов, сказанных на шестом Вселенском Соборе (в VII веке, стараясь приписать им более значения, потому что сказаны были на соборе. Но сказавший их говорил на основании написанного Геласием Кизическим и свидетельство его не имеет более веса, как и писатель внушивший ему выражение.

Тот же писатель рассказывает, что, согласно сказаниям Руффина, Константин созвал собор Никейский *по совету епископов*, из сего выводит он заключение, что он советовался с епископом Римским, как с первенствующим. Пожалуй мы с этим согласны; но от совещаний еще далеко до власти папской, созывающей собор вместе с императором (Hefele, Histoire des consilts Introd., § 3, liv. II ch. II § 24.) Аббат Даррас, историк *папист* по преимуществу, просто утверждает, что Константин созвал собор *вместе с папой Св. Сильвестром* и что Осия выполнял *должность папского легата*. Он даже не унизился до представления, хотя бы одного доказательства на поддержку обоих утверждений своих, которые не представляли ему никаких затруднений (см. Histoire generale de l'Eglise, Pontifical de St. Sylvestre, ch. III. § 3.) Мы назвали аббата Дарраса историком *папистом* по преимуществу потому, что Историю Церкви он разделяет на столько же первосвященств, сколько насчитывается пап, начиная, конечно, с Ап. Петра, бывшего, по мнению его, папой, равным образом как нынешний Пий IX. Ученые конечно изумятся, что мы упомянули об этом необдуманном и нелепом сборнике. Наше извинение состоять будет в том, что книга наша писана не для одних только ученых, но и для лиц, для которых не худо знать, что мы имели терпение перечитать новейших историков романистов. Вот почему мы указали на некоторые из бесчисленных промахов этого писателя, последнего из предпринимавших сборники под названием Histoire generale de l'Eglise. Рорбах писал прежде него. Эти сборники достойны друг друга; не многие из ученых, какие только есть в Церкви римской, стыдятся их сочинений – и по справедливости.

Чтобы снова оценить, как относятся к этим вопросам в церкви римской, вот что пишет её последний историк аббат Даррас:

«Верховный первосвященник (?) объявил намерение *вызвать для суждения по этому делу* (св. Афанасия) *к своему судилищу*. Для того назначил он в 842 году собор в самом Риме и послал двух пресвитеров Елпидия и Филоксена к евсеевианам, *повелевая им туда явиться* (Histoire generale de l'Eglise par l'abbe 1. E. Darras, t. IX, p. 349)».

Автор нашел в послании Юлия доказательства, что евсеевиане выразили преданность *святому престолу* (правда *подозрительную*) и что Акты Никейские требовали *утверждения святого престола* (стр. 350).

Каким образом историк-папист мог заметить такие факты? Вот как они за это берутся: Для составления истории он читает некоторые рассказы прежних историков, после того переделывает их по-своему, стараясь, чтобы *нота папская* была господствующей, нисколько не заботясь о памятниках исторических, из которых никогда ничего не читал, он редко делает ссылки или делает только на новейших писателей, им переписанных.

Не бесполезно иногда указывать читателям на исторические приемы писателей, восхваляемых в церкви римской, особенно, когда имеют дело с людьми неспособными проверить их учёность.

Книга 8. От 347 до 381 года. I (347–361). Сардикийский Собор

Собор Сардикийский имел большое влияние на Западе, там было мало преверженцев арианства. Прежде еще собора епископ Кельнский, Евфратас, выразил мнения благоприятствовавшие ереси.

Так как он говорил, что Сын не той же сущности как Отец и не Бог как Он, то Серватий Тонгерский, стараясь обратить его к мнениям более православным, имел с ним несколько совещаний в присутствии святого Афанасия.²⁴¹ В это время епископ Александрийский, оставил Трир и тогда Евфратас сделался таким еретиком, что верующие Церкви его донесли на него Максимино, главному противнику арианства в Галлии.

По приглашению Максимино, четырнадцать епископов из разных провинций Галлии съехались в Кельн: это были Максимино Трирский, Валентин Арльский, Донациан Кабилльонский (Шалона на Саоне), Северин Сенский, Оптациан из Труа, Иессей Спирский, Виктор Вормский, Валериан Оксерский, Симплиций Автунский, Аманд Страсбургский, Юстиниан Базельский, Евлогий Амиенский, Серватий Тонгерский, Дисколий Реймский.

«По прочтении послания от народа Кельнского и всех городов второй Германии, доносивших, что Евфратас отрицает Божество Иисуса Христа, епископ Максимино сказал: «Так как Евфратас богохульствовал против Духа Святого, говоря, что Христос не Бог, я полагаю низложить его с епископства». Епископ же Валентин сказал: «Не только ему не следует быть епископом, но он должен быть отлучен от приобщения с мирянами». Прочие епископы говорили в том же смысле, а Серватий добавил: «я сам знаю, а не по слухам, то, что делал и чему учил лже-епископ Евфратас. Часто в присутствии Афанасия, епископа Александрийского, многих епископов, пресвитеров и диаконов, я спорил с ним, когда он говорил, что Христос не Бог. Полагаю, что он не может быть более епископом христианским».

Десять епископов, не имевших возможности прибыть на собор, прислали согласие свое на низложение Евфратаса, это были: Мартин Майнцский, Виктор Мецский, Дезидерий Лангерский, Панхарий Безансонский, Санктин Вердюнский, Викторин Парижский, Супериор Турнайский, Меркурий Суассонский, Диоптет Орлеанский и Евсевий Руанский.

Евфратас увидав тогда, что епископы Галлии единогласно осудили его заблуждения, раскаялся. За смирение его и добродетели, его избавили осуждения и он остался епископом Кельнским. Среди западных, расположенных к арианству, упоминаются: Сатурнин Арльский, Патерн Перигорский и Авксентий Миланский, Урсас и Валенс принадлежали к западной части империи, но сношения их были с Востоком, где арианство имело много приверженцев.

Однако не следует считать арианами всех не согласившихся с собором Сардикийским и даже готовых пожертвовать выражением единосущный. Действительно, встречались некоторые соблазнявшиеся этим словом и возможности толковать его превратно, но сохранивших вероучение Никейское; другие, видя множество распрей под предлогом этого выражения, готовы были от него отказаться по духу примирения, нисколько не нарушая православия.²⁴² Желавшие же отмены его, с намерениями еретическими, большинства не составляли и скрывали свои настоящие мнения. Когда же многие из них были низложены и отлучены в Сардике, то множество православных за них вступились и почти весь Восток прекратил общение с Западом.

Однако некоторые считали их законно-осужденными. При проезде их через Адрианополь для возвращения в свои епархии, верующие этого города отказались от общения с ними. Они пожаловались на то Констанцию, велевшему отрубить головы десятерым из верующих этой Церкви.²⁴³ Епископ Луций умер за то же, несколько времени спустя. Его почли, равно как и десять верующих, мучениками за православие.

Многие другие епископы или клирики были приговорены к смертной казни или сосланы, по подстрекательствам ариан, злоупотреблявших своим влиянием на Констанция для

многочисленных насилий. Арий и Астерий, отделившиеся от них и присоединившиеся к членам собора Сардикийского, были сосланы в Верхнюю Ливию и подверглись оскорблениям. Восстановленным собором Сардикийским запрещено было возвращаться в Церкви свои; судьям этих местностей повелено было, а особенно судьям Александрийским – отсечь голову Афанасию и всем тем, список которых им будет дан, если только они осмелятся стать ногой на землю воспрещенных для них областей.

Не довольствуясь этими эдиктами, ариане, на казенных колесницах, предоставленных им в распоряжение, ездили по Церквам, отыскивая не разделяющих еретических их мнений. Они заставляли их бичевать немилосердно, заключать в темницы, ссылать или умерщвлять. Ужас, распространяемый ими, был таков, что многие предпочитали лучше скрываться в пустыне, нежели подвергаться насилиям за отказ иметь с ними общение.

Оставив Сардик, многие из западных епископов отправились в Милану, где пребывал тогда император Констант.²⁴⁴ Они имели двоякую цель: осудить Фотиноса, ученика Маркеллова, и стараться о приведении в исполнение определений Сардикийских.

Фотинос был епископом Сирмиума, города принадлежавшего к империи западной. Он, несомненно, проповедовал ложное учение, которое приписывалось учителю его, Маркеллу Анкирскому. Восточные осудили его в Антиохии: Западные равным образом принуждены были осудить его, иначе на них самих пало бы подозрение в ересь, в которых он упрекался. Восточные сочли бы их тем более подозрительными, что они оправдали Маркелла. Для доказательства, что определение их не благоприятствует ереси, они решились осудить Фотиноса.

Необходимо дать себе отчет в ереси Фотиноса, для объяснения противоборства некоторых из православных восточных выражению *единосущный*. Епископ Сирмиумский, конечно, злоупотреблял им для проповедования савеллианства. Если сущность Отца и Сына *тождественна*, говорил он, то

слова Отец, Сын – только слова обозначающие её сущность, Бога Единого, и напрасно раздробляют эту сущность на три лица. Маркелл Анкирский, наставник Фотиноса, не был так откровенен, как ученик его, при изложении этого вероучения, но остался однако заподозренным; дело его не имеет того православного значения, как дело Афанасия; умалчивания его, обнаруженный Евсевием Кессарийским ученым образом и с неопровержимой логикой объясняют, почему столько восточных с недоверием смотрели на выражение *единосущный*, хотя были вполне православными.

Осуждение Фотиноса не было принято на этим епископом, ни его учителем Маркеллом, который при этом случае разоблачил мнения свои, благоприятствовавшие ереси Савеллия. Он доказал тем, что не был вполне добросовестен на соборах в Риме и в Сардике, и Афанасий перестал поддерживать с ним общение, которое могло бы сделаться подозрительным и заставить сомневаться в собственном его православии.²⁴⁵

Маркелл и Фотинос, с некоторыми из друзей своих, собирались в Сирмиуме (349) вопреки собора Миланского,²⁴⁶ и он удержался еще несколько лет на своем престоле.

Возвращение епископа Афанасия на престол Александрийский

Собор Миланский, счел долгом просить императора Констанция, о приведении в исполнение своих определений и восстановлении Афанасия на престоле Александрийском. Констант писал брату своему Констанцию. Письмо его было доставлено двумя доверенными от собора Винцентом Капуйским и Евфратасом Кельнским, отправившимся в Антиохию, местопребывание Констанция.

Прибытие их в Антиохию встревожило ариан и в особенности испугало Стефана, еретического епископа этого города. Развращенный человек этот, желая обесчестить обоих епископов православных, составил против них гнуснейший заговор. Замысел свой открыл он развратному юноше именем Онагр, который, подкупив одну из распутниц, спрятал её в гостинице, где оба епископа остановились. Условлено было, чтобы распутница употребила все усилия соблазнить их. Онагр же с некоторыми сотоварищами разврата спрячется и будет свидетелем происшествия. Ночью, по данному знаку, развратница вошла в комнату Евфратаса. но святитель, услышав женский голос и полагая, что находится под искушением бесовским, громким голосом стал призывать имя Иисуса Христа. Развратница, удивленная непривычными для неё словами и видя седого старца вместо молодого человека, про которого Онагр говорил ей, стала кричать, что ее обманули. При крике этом Винцент Капуйский и слуги проснулись, а Онагр и товарищи его попытались бежать, но двери гостиницы наскоро были заперты и семеро из них остались взаперти, а в том числе и сам Онагр. Слух об этом соблазнительном происшествии разнесся по всему городу, и пал на ариан, особливо после сознания Онагра и развратницы.²⁴⁷

Констант объявлял в письме своем, что если брат не согласится на его справедливые требования, то он объявит ему войну. Констанций собрал своих арианских епископов, и они посоветовали ему лучше призвать Афанасия, нежели

подвергать империю междоусобной войне. Вследствие этого решения, Констанций написал Константу успокоительное письмо, а Афанасию рескрипт, призывавший его возвратиться в свою Церковь. Рескрипт состоял в следующих выражениях:²⁴⁸

«Констанций, победитель, августейший, Афанасию.

«Снисхождение и милосердие наше не позволяют тебе долее подвергаться жестокостям бурь морских и волнений. Любовь наша сопровождала тебя в твоём изгнании, в твоей нищете и твоих странствованиях по диким странам. Если я так долго не сообщал тебе письменно моих намерений, то это потому только, что надеялся, – ты сделаешь первый шаг и будешь просить облегчения своих томлений. Так как страх препятствовал тебе выполнить намерение, которое конечно ты имел, то обращаю к мужеству твоему этот рескрипт с выражением всех щедрот наших, дабы ты знал, что можешь впредь без опасения предстать пред нас, испытать последствия благоволения нашего и иметь возможность возвратиться в отечество свое, как того желаешь. Для того писал я государю, брату моему, Константу, Победителю, Августу, позволить тебе прибыть ко мне и от обоюдной благодати нашей получить дозволение возвратиться в свое отечество».

Афанасий не рассудил положиться на это первое предложение и остался в Аквилеи, куда удалился после собора Сардикийского, а потом отправился в Трир.

Урзас и Валенс, имея более честолюбия, чем духа христианского, вскоре увидели, что обстоятельства становятся не так благоприятны делу, которое до того поддерживали, и рассудили, что им необходимо примириться с епископами западными и с Афанасием, для возвращения к Церквам своим. По престолом своим, в Сингидунуме и Мурсии, они принадлежали к западной части империй, а Констант не дозволил бы им возвратиться в эти города, пока не будут восстановлены.

Они прибыли сперва в Милан, где были восстановлены собором, но желая находиться в общении с Церковью римской, апостольским средоточием Запада, они отправились в Рим и

представили Юлию, в присутствии пресвитеров Церкви его, следующее заявление:

«Блаженнейшему папе Юлию, Урзас и Валенс.

«По письмам нашим доказано было, что мы возводили серьезные обвинения на епископа Афанасия и призванные посланием Твоего Святейшества отдать в том отчет не прибыли, а потому признаемся пред Святейшеством Твоим, в присутствии пресвитеров братий наших, что все обвинения, по слухам дошедшим до нас, были ложны и не доказаны. Вот почему спешим объяснить, что мы находимся в общении с Афанасием, тем более, что Святейшество Твое, с обычной благосклонностью, благоволило простить нам наши заблуждения. Равным образом, объявляем, что если восточные или Афанасий захотят призвать нас к делу, то ничего против решений твоих не сделаем; мы считаем еретиками Ария и приверженцев его говорящих, что было время, когда Сына не было, что Сын произошел из не сущего, и что не был прежде веков. Мы анафематствуем эти ереси, как то и выполнили объявлением, представленным нами собору Миланскому.

«Исповедуем устами, написанное нашей рукой в сем объявлены, и признаем, что ересь Ария и виновники её заслуживают проклятия.

«Я, Урзас, подписал настоящее объявление.

Я, Валенс, подписал равным образом».

Подчинение их было лицемерное; с таким же коварством писали они следующую общительную граммату святому Афанасию в Трир:

«Господину и брату Афанасию, Урзас и Валенс.

Пользуемся случаем, представляющим через брата нашего и сотоварища по священству Моисея, послать к тебе, дражайший брат, из города Аквилеи, где ныне находимся, наш искреннейший привет и пожелания здравствовать. Много утетишь нас, если будешь отвечать. По посланию сему знай, что мы находимся с тобой в церковном общении. Дражайший брат, да сохранит тебя божественное милосердие».

Святитель Александрийский не спешил возвратиться к Церкви своей. Констанций писал ему вторично, приглашая

поспешить к нему.²⁴⁹ Несколько же времени спустя, будучи в Едессе и встретив там многих пресвитеров Александрийских, в присутствии их, поручил он диакону Ахиту доставить Афанасию третье письмо, еще настойчивее прежних. Лже-епископ Александрии Григорий тогда умер (349) и Констанций запретил назначать ему преемника. Он послал к Афанасию лиц, самых способных внушить ему доверие и пригласить возвратиться в свою Церковь.

Афанасий, наконец решился отправиться. Из Трира поехал он в Рим, где Юлий и Церковь с радостью приняли его, как великого защитника православия. Юлий, при отправлении его на Восток, вручил ему следующее послание к Церкви его:

«Пресвитерам, диаконам и народу Александрийскому.²⁵⁰

Братия возлюбленные, приветствую вас, что собственными очами увидите плод веры своей, в лице брата нашего и соепископа Афанасия, которого Бог возвращает вам по чистоте жизни вашей и молитв; должно заметить, что вы не переставали возносить к Богу молитвы чистые, исполненные любви. Воспоминая обетования небесные и образ их выполнения, по учению, преподанному вам братом нашим, вы знали, и правая вера ваша внушила вам, что не отнять от вас навсегда того, который постоянно пребывал в сердцах ваших. Не нужно мне, следовательно, писать вам большого послания, потому что вера ваша вперед научила вас тому, что я мог бы сказать вам, а Бог, по благодати Своей, исполнил общие желания наши.

«Остается мне снова приветствовать вас, что сохранили души свои в вере. Приветствую также брата моего Афанасия, что среди всех напастей, им перенесенных, он ни на одно мгновение не забывал ни любви вашей, ни желаний. Хотя, по видимому, разлучен был с вами телом, но жил среди вас духом.

«Он возвращается к вам более знаменитым, нежели когда оставил вас. Если огонь очищает драгоценные металлы, как золото и серебро, то, что можно сказать о доблестях такого великого мужа, возвращающегося к вам после стольких испытаний, признанного чистым и неповинным, не только по суждению нашему, но по суждению целого собора. Примите же, братие возлюбленные, со всей славой и радостью о Господе,

епископа вашего Афанасия и разделявших его бедствия. Обладая тем, чего желали, возрадуйтесь, что имеете пастыря, наслаждавшегося только помышлениями о вашем благочестии. В странах отдаленных, где обитал он, вы были его утешением; мысль о верности вашей одушевляла его среди гонений. Сам я счастлив, помышляя о приеме, который ему сделаете, о восхищении, в каком примете. Что за торжественный день, когда брат наш будет посреди вас, когда все прежние страдания забудутся, когда все сердца возрадуются.

«Разделяем радость вашу мы, которым Бог даровал милость узнать столь великого мужа. Оканчиваю послание мое молением: да Бог Всемогущий и Сын Его, Господь наш и Спаситель Иисус Христос дарует вам всегда благодать Свою, да воздаст вам за веру вашу, столь блестящим образом засвидетельствованную епископу вашему, да дарует Он вам и чадам вашим в сем и будущем веке радости, которых глаз не видал, ухо не слышало и на сердце не входило, и который уготовал Бог для любящих Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава с Богом Всемогущим во веки веков. Аминь».

«Желаю, братия возлюбленнейшие, здравствовать о Господе».

Афанасий отправился в Антиохию, где видел Констанция. Император, увидав его и убедившись в святости великого епископа, писал *всем епископам и пресвитерам Церкви кафолической*,²⁵¹ что Афанасий вполне оправдался, и что приверженцев его впредь не следует более тревожить, как и его самого. Он написал особенный рескрипт *народу Церкви кафолической, живущему в Александрии*. Наконец он писал префектам Египта, Фиваиды и Ливии, что все бумаги, писанные против Афанасия, должны быть изъяты из общественных записей и считаться несостоявшимися. Он осыпал епископа Александрийского самыми формальными уверениями своего покровительства.

Афанасий²⁵² из Антиохии направился в Иерусалим. Епископы Палестины, исключая двух или трех, приняли его с радостью и, соединившись в собор, засвидетельствовали ему общие свои чувства. Для сего вручили ему послание к

пресвитерам, диаконам и народу Александрийскому. Оно подписано было Максимом, епископом Иерусалимским и епископами Аэцием, Арием, Феодосием, Германом, Сильвапом, Павлом, Патрикием, Элпидием, Германом, Евсевием, Зиновием, Павлом, Макрином, Петром и Клавдием.

Все они, кроме Макрина, присутствовали на соборе Сардикийском и знали совершенно клеветы, возводимые на Афанасия, и его оправдание.

Во время путешествия его по Востоку²⁵³ епископы, бывшие друзьями, принимали его с радостью, другие видя его стыдились роли, которую сами разыгрывали; некоторые не смели даже явиться к нему и при приезде его в их город скрывались, другие, наконец, просили у него прощения, отрекаясь от того, что против него писали.

Во время пребывания его в Антиохии некоторые скрытные ариане убедили Констанция сказать ему:²⁵⁴ «Ты снова занял престол свой по определению собора²⁵⁵ и с моего согласия. Но как между народом Александрийским есть некоторые не желающие быть с тобою в общении, то согласишься, чтобы они имели в городе церковь».

Конечно, раскольники могли собираться в одну из церквей и без согласия Афанасия, но императору хотелось, чтобы собрание это было в некотором роде узаконено в смысле кафолическом, – согласием епископа. Действительно епископ был во главе Церкви и не находившиеся в общении с ним составляли раскол. Просить Афанасия дозволить собрание раскольничье – значило просить его смотреть на раскольников, как на православных.

Он не был человеком способным на такие уступки, но, не входя в рассуждения с Константином, он ответом своим воспрепятствовал ему настаивать: «Государь, сказал он, ты имеешь власть приказывать все, что тебе угодно. Я же, со своей стороны, попрошу тебя соизволить на мою просьбу». Константин, полагая получить просимое, с поспешностью отвечал Афанасию, что соглашается на то, что он попросит. Афанасий же тотчас стал просить его согласиться на то же и

чтобы во всех городах давали церкви отвергающим ересь Ариеву.

Констанций сообщил это своим арианским советчикам, которые, увидав в том значительное неудобство, посоветовали императору отложить это до другого времени, конечно, предоставляя ему делать что угодно.

Афанасий²⁵⁶ особенно просил у Констанция церкви в Антиохии для отказывающихся признавать епископов, преемствовавших после низложения Евстафия, несправедливо обвиненного в савеллианстве. В Антиохии называли их *евстафианами*, как будто бы они образовали секту, хотя, в сущности только они одни оставались верными Церкви кафолической. Констанций находил просьбу Афанасия совершенно справедливой; но ариане, завладевшие им, воспрепятствовали ему даровать православным дозволение просимое для них епископом Александрийским; а так как сам император не согласился на просьбу Афанасия, то и он не был принужден признавать Церковью то место, где могли собираться отделявшиеся от Церкви Александрийской. Когда святитель прибыл в свой епископский город, говорит Феодорит,²⁵⁷ то верующие празднуя его возвращение и благодаря Бога устраивали великолепные торжества и давали публичные пиры.

Верующие во время отсутствия Афанасия, так сказать, усугубили рвение свое к подвигам веры и благочестия.²⁵⁸ Все классы общества соревновались в любви к добродетелям. А потому с радостью получали они послания, которые епископ Александрийский из глубины своего заточения, писал епископам Египта и Ливии к праздникам, как будто находясь на престоле своем;²⁵⁹ какое счастье было для них, когда приезжал кто-либо из сотоварищей ссылки его. Им казалось, они избегли челюстей диких зверей, видя, что не подверглись гонениям еретиков.

Повсеместное распространение монашества в IV столетии. Пахомий – создатель правила иноческой жизни

Жизнь иноческая чрезвычайно развилась во время отсутствия Афанасия; и если Церковь Александрийская скорбела, видя, что еретики вышли из лона её, то имела, также, радость видеть как многие из чад её подвизаются в доблестях христианских с совершенством, истинно превышающим силы человеческие.

Пустыни Египта, Ливии и Фиваиды населились множеством христиан, стремившимся следовать по стопам Павла и Антония.

Последний был еще жив, когда святой Афанасий опять возвратился на престол свой. Во время изгнания святителя, он мощно содействовал поддержанию верующих в православии. Во время первого призвания его, после смерти Константина, он видел его в Александрии тогда то и получил от него мантию, в которой похоронил первого пустынножителя Павла (341). С того времени он несколько раз посещал верующих Александрии и различные общины монашеские в пустыне, поддерживая их в православии.²⁶⁰ Преставился же, когда Афанасий снова был принужден искать убежища в пустыне, против новых наветов, о которых вскоре будет сказано (356).

Антоний имел значительное влияние в Египте и смежных провинциях; ему преимущественно должно приписать развитие иночества, в течение первой половины IV столетия.

Между содействовавшими ему и его пережившими были в Египте главными оба Макария.²⁶¹ Один находился во главе иночества в пустыне Скитской и препровождавших жизнь монашескую в самом городе Александрии. Так как он был урожденцем сего города и часто там пребывал, то его называли *Политикос*, что обозначает *гражданин* или *горожанин*. Другой Макарий был прозван Египетским, потому что родился в деревне, он управлял иноками горы Нитрийской, возвышавшейся среди пустынь Скитских.

Последний особенно прославился своими чудесами. Однажды воскресил он мертвого, чтобы доказать еретикам догмат о воскрешении. Когда он был еще юным, жизнь его была столь степенна, что иноки привыкли называть его *старцем*. Сорока лет возведен он был в священство; прожил девяносто лет и провел шестьдесят лет в пустыне.

Другой Макарий, Александрийский, был возведен в священство раньше. Он ревностно подвизался в философии христианской, воспользовавшись примерами и наставлениями других на усовершенствование собственных понятий и подвигов. Он достигнул такого преобладания над плотью, что кожа у него была как бы засохшей и борода не росла.

В то же время, между практическими философами христианскими отличались Памво, Ираклий, Кроний, Пафнутий, Понтубастий, Арсизий, Серапион и Питирион. Последний жил в окрестностях Фив. Среди настоятелей монастырей, особенно отличался Пахомий, который первый составил правила монашеские.²⁶²

Ученики Пахомия имели особенное одеяние, преимущественно состоявшее в мантии из кож, шерстью вверх. Прочие иноки египетские приняли одежду, отличавшую их от философов языческих, каждая часть которой имела свое таинственное значение. Туника их была без рукавов, на обозначение, что руки прямо обнаженные – не орудия насилия. На голове имели покров, именуемый *кукулем*, на воспоминание невинности детской, потому что так покрывали голову грудных младенцев. Пояс их и ремень²⁶³ обозначали всегдашнюю готовность работать Господу.

Иноки собирались в Церковь для приобщения в последний и первый день седмицы, то есть в субботу и воскресенье. Они совершали молитвы двенадцать раз в день, шесть раз от шести часов утра до полудня и шесть раз от полудня до шести часов вечера. Столько же раз молились и ночью. В девятом часу совершали три молитвы, вероятно в воспоминание священного часа, когда Иисус Христос смертью Своей искупил мир.

Не все монахи обязывались на столь строгое правило, однако жизнь всех их была весьма суровая.

Пахомий собрал около себя тысячу триста иноков, следовавших его правилам, не считая рассеянных по Египту и Фиваиде. Главная община находилась на острове Тавеннисе; принадлежавших к ней называли Тавенниотами, и под этим именем они славились во всей Церкви.

Аполлоний прославился в то же время. Монастырь управляемый им находился в Фиваиде. Он славился мудростью своей и чудесами; от Бога получал он все, что просил.

Между иноками египетскими тоже отличался Асуф, исповедовавший Иисуса Христа во время гонений. Про него говорили, что во всю жизнь свою не сказал ни слова против правды и имел в высшей степени все добродетели.

Уже говорено было о знаменитом Иларионе, бывшем Антонием Палестины.²⁶⁴

Раздоры арианские принудили его выйти из своей пустыни. В Египте²⁶⁵ посетил он епископов Драконтия и Филона, сосланных императором Констанцием в Фиваиду, и живших там иноками. Затем посетил он острова Средиземного моря для опровержения ереси и избегая прославления, которым нарушали его безмолвие. Он преставился в Кипре, где и был погребен, но ученик его Исихий тайно похитил мощи его, перевез в Палестину и положил в его прежнем монастыре. Там их очень чтили и день перенесения их стал праздником. Верующие Палестины, говорит Созомен, имели обычай чтить святых, среди их живших. Так поступали они относительно Аврелия Апоидониана, Алексiona Вифагатона и Алефиопа Азальского.²⁶⁶

В продолжении первых трех столетий воздавали общественное почитание останкам мучеников и праздновали день их смерти. После эпохи гонений и мученичества Церкви чтили отличавшихся своими исключительными подвигами. По замечанию Созомена, этот обычай начался с Палестины.

Около половины IV столетия жизнь иноческая перешла за пределы Египта и Палестины, которыми она вначале ограничивалась.

Тогда подвизался Юлиан в Едессе. Жизнь этого святого была столь строга, что его можно было скорее считать

бесплотным, нежели человеком, Тело его походило на остов, покрытый кожей. Великий подвижник и писатель Сирии, Ефрем, составил его житие. В той же стране находились тогда и другие знаменитые отшельники, жившие преимущественно в окрестностях города Амидоса и на горе Гавгальской. Между ними особенно отличались Даниил и Симеон.

Евстафий, епископ Севастии, в Армении, учредил жизнь монастырскую в Армении, Пафлагонии и Понте. Он составил правила монашеские и ему приписывалась книга считающаяся творением Василия Великого, епископа Кессарии Каппадокийской.

Евстафий слишком преувеличивал строгость жизни и ученики его даже впали от того в крайности. Они дошли и до осуждения брака, отказывались молиться в домах, где живут в супружестве, и презирали женатых пресвитеров. Они постились в дни воскресные, богатых осуждали на мучения адские и ненавидели ядущих мясо.

Но Евстафий не разделял этих заблуждений и отличался только своей приверженностью к истинным христианским подвигам.

В течении IV столетия жизнь монашеская введена была и в Церквах западных, о чем будем иметь случай говорить после.

Среди иноков Египта и Фиваиды особенно находил святой Афанасий всего более поддержки против ариан и убежище, когда снова подвергнулся гонениям.

Обозрение христианской жизни в Римской империи в середине IV столетия

На западной стороне берегов Африки Церковь не менее процветала, как и в Александрии. Грат Карфагенский, бывший там первенствующим епископом, был очень усерден к правой вере и соблюдению правил церковных. Раскол донатистов однако все же продолжался в Карфагене и во главе раскольников был некто Донат. После собора Сардикийского Грат предпринял прекращение раскола, а император Констант в помощь ему послал в Африку двух значительных сановников – Павла и Макария.²⁶⁷ По-видимому им препоручено было только раздавать милостыню по церквам, но в сущности они должны были содействовать восстановлению единения. Донатисты немедленно распространили слух, что они прибыли начать гонение и станут принуждать верующих поклоняться изваяниям императора, как во время язычества, которые поставлены будут на престоле во время совершения самого таинства.

Но когда началась литургия и совершилось таинство, никто не видал изваяний императорских, все было по правилам церковным. Павел и Макарий ничего не раздавали по церквам донатистов; но когда они обратились к Донату с убеждениями о примирении, то лже-епископ отвечал: «что общего между Церковью и императором»? Затем стал говорить об императоре с презрением, добавив, что разослал циркуляр с запрещением принимать милостыни от посланных императором, если они будут раздавать. Так как они направлялись в Багаию, то раскольничий епископ этого города, также именуемый Донатом, сообщил о том фанатикам, называемым циркон-целлионы, которые под предлогом религиозным совершали различные преступления. Фанатики эти проходили страну, различными шайками, предаваясь всяким крайностям. Посланные от императора принуждены были потребовать от префекта провинции отряд воинов, для охранения своего и препорученной им милостыни.

Донатисты возмутились против воинов, отвечавших на буйства их кровавыми возмездьями; епископы донатистов бежали со своим духовенством, некоторые же были убиты или сосланы. Епископы кафолические не принимали участия в этих горестных событиях; однако противники их в том обвиняли и громко вопияли на гонение, считая мучениками людей пострадавших за свое буйство. Павла и Макария считали они гонителями, а кафолики по их мнению были только язычниками или *макарианами*.

Донатисты тем более озлобились, что мирное поручение посланных императором многим из раскольников открыло глаза и они присоединились к Церкви. Впрочем волнение, произведенное этим препоручением, было кратковременно и Грат, несколько времени спустя, мог созвать собор епископов африканских на провозглашение правил Сардикийских и постановить некоторые другие, смотря по надобностям провинции.

Собрание это – первое из соборов Карфагенских, от которого сохранились правила. Вся Церковь оказывала большое уважение к законодательным трудам Церкви Африканской, а история должна упомянуть об этих достоуважаемых памятниках первоначального благочиния.²⁶⁸

Первое и второе правила относятся к донатистам. Раскольники эти утверждали, что крещение законно только совершенное в их секте. Собор же решил, что законно всякое крещение совершаемое во имя Святой Троицы. Вторым правилом собор осудил циркон-целлионов, лишавших себя жизни по фанатизму и которые у донатистов считались мучениками. Третьим и четвертым правилом запрещалось клирикам жить с посторонними женщинами, а монахиням и вдовам жить с мужчинами, с которыми они не соединены браком.

Развитие жизни иноческой вело к тому, что безбрачие стало почитаться таким совершенством, что клирики предполагали будто правила эти можно соблюдать и среди мира. Собор не доверял таким возвышенным стремлениям, часто прикрывавшим постыдные страсти. Он не осуждал безбрачия,

но с условием, чтобы оно было истинным, а не мнимым. Пятым правилом запрещалось епископам принимать и рукополагать клирика, не имеющего от епископа своего грамоты, позволяющей оставить свою Церковь, Шестое – запрещало клирикам заниматься делами мирскими.

В первые времена, члены духовенства, не исключая епископов, продолжали, по избрании своем, прежний образ жизни. Должно думать, что после обращения императоров члены духовенства находили в звании своем средства достаточные к существованию и им была возможность заниматься исключительно обязанностями церковными.

По правилу седьмому не следовало допускать к причащению чужестранцев, не имевших от епископа своего удостоверительных грамот.

В то время когда множество честолюбцев старались казаться христианами, по корыстным расчетам, не будучи ими действительно, необходимо было принимать против лже-братий большие предосторожности.

Восьмым и девятым правилом запрещалось рукополагать выполняющих известные общественные обязанности. Десятым – внушалось клирикам не вредить взаимно друг другу по зависти. По правилу одиннадцатому, клирики надменные или возмущавшиеся против своего епископа строго наказывались. Двенадцатым – поставляется в обязанность строго соблюдать условия; тринадцатым запрещается клирикам давать займы с ростом; четырнадцатым строго наказываются нарушители правил: миряне – отлучением, клирики – низложением.

Когда собор поставлял определение относительно прав епископа над клириками Церкви его, то Грат сказал: «соблюдение этого поддерживает мир, и я воспоминаю, что на святом соборе Сардикийском запрещено было просить клириков из другой Церкви». Антигон, епископ Мадаурский, воспользовался этим чтобы принести жалобу на соседственного ему епископа Оптанция. Оба епископа разграничили Церкви свои и условленное ими подписано было их рукою. После раздела, Оптанций продолжал посещать часть Церкви своей, уступленную Антигону и старался ее себе присвоить.

Собор повелел, чтобы письменные условия соблюдались.

Факт этот служит доказательством, что поземельного разделения империй не было еще приложено к Церкви, хотя протекло более двадцати лет как это было принято за основание Вселенским Собором Никейским.

Собор, постановив правило, что клирики надменные будут наказываемы, определил, что для суждения их нужно несколько епископов: трех – для диакона. Шесть – для пресвитера и двенадцать – для епископа; распоряжением этим епископы африканские засвидетельствовали уважение свое к трем степеням священства.

Церкви западные могли ожидать светлых дней и просвещенного покровительства в царствование Константа; но государь этот пал жертвой заговора (350). Магненций провозглашен был императором заговорщиками в Августодунуме (Автуне) в Галлии. Констант искал убежища в Пиренеях, но его настигли в Эльне и умертвили. Ветранион, начальствовавший в Паннонии, провозгласил себя императором, узнавши о похищении престола Магненцием; наконец Непоциан, племянник Константина, сделал то же в Риме.

Констанций находился тогда в Эдессе и вел войну с Персами; но получив известие о революции, последовавшей на Западе, направился в Антиохию и потом двинулся в Паннонию. Ветранион поверил мирным предложениям Констанция и присоединился к нему. Но в самое время выступления против общего врага их, Магненция, войска его провозгласили Августом одного только Констанция, а Ветранион рад был получить помилование и средства жить почетно в Вифинии, куда был сослан.

Магненций победил Непоциана, убитого во главе войска своего. У Констанция остался следственно только один соперник. Прежде нападения, он назначил Кесарем двоюродного брата своего Галлия, препоручив ему Восток. Магненций не стал его дожидаться и пошел на Паннонию, а Констанций с войском своим подвинулся до Мурсии, где епископом был арианин Валенс. Битва началась, но

Констанций, вместо того, чтобы сражаться во главе своего войска, заперся в церкви, ожидая последствий боя. Валенс принял все меры, чтобы ему первому сообщено было о ходе битвы, и когда узнал, что войска Магненция разстроились, то предупредил о том императора; и на вопрос, как он знает то, епископ обманщик отвечал, будто имел видение ангела, ему возвестившего то. Констанций поверил и объявил что обязан победой не столько мужеству своего войска, как молитвам епископа. Победенный Магненций отступил в Галлию, где, разбитый вторично, пронзил себя мечем в Лионе, а Констанций стал один императором Востока и Запада.

Вскоре эту последнюю часть империи стали возмущать ариане, заметившие, что влияние их возросло после победы при Мурсии и обмана Валенсова. Они следовали за императором во время похода и находят их собранными (351) в Сирмиуме в числе двадцати двух.²⁶⁹ Целью собора было низложение Фотинуса, епископа этого города, уже осужденного Востоком и Западом. Он был любим своей паствой и мог удержаться на престоле, не взирая на осуждения. Он был изобличен в ереси в присутствии епископов на диспуте между ним и Василием, соперником Маркелла на престоле Анкирском. По низложении с епископства, был он сослан Констанцием и посвятил досуги своего изгнания на творение против всех ересей. Главной же целью его была защита своих собственных заблуждений. Книга его написана на греческом и на латинском языках. Германиан, сторонник партии арианской, был возведен вместо него на престол Сирмиумский.

По низложении Фотинуса, епископы составили новое изложение веры, называемое первой формулой Сирмиумской.²⁷⁰ Она написана была Марком Арефуским. Там допускается существование Сына *прежде веков*, Он называется *Богом от Бога, светом от света*, но избегается выражение *единосущный*. После изложения веры анафематствуются говорящие, что Сын исходит из другой *сущности* (или ипостаси) как Божия; или что было время, когда Его не было.

Ариане употребляли эти выражения для обольщения непосвященных в их злобные намерения. Они допускали, что

Сын исходит из сущности Отца, разумея слово *сущность* в том же смысле как и личность, и соглашались, что существование Сына предшествует времени, начавшемуся по мнению их только с сотворения мира; но в сущности они считали Сына *тварию*, только он прежде и выше всех прочих.

Для поддержки обольщений, они провозглашали анафему на учивших, что сущность божественная может расширяться или сокращаться, и на считавших Сына расширением божественной сущности. Анафема была конечно справедлива, но ариане тщательно остерегались излагать, что сущность божественная едина и нераздельна, хотя тройственна в лицах, что привело бы к понятию о *единосущности* Сына и Святого Духа.

По-видимому, первая формула Сирмиумская была православна, но в ней щадились заблуждения арианские.

В том же городе составлены были еще две другие формулы, о которых будет сказано впоследствии.

В первой же подробно излагалось относящееся до Духа Святого, потому что в это время уже начинали распространять о Духе величайшие заблуждения, как то вскоре увидим.

Арианство являлось снова в обманчивых формулах, и Констанций воротился к прежним убеждениям. Епископы арианские непрестанно изобретали на Афанасия новые клеветы и говорили императору:²⁷¹ «Прежде, когда мы ходатайствовали перед тобой, ты нас не слушал. Когда ты вызывал Афанасия, мы говорили, что изгоняешь учение наше, потому что с самого начала он был его противником и не престаёт поражать нас анафемами. Повсюду рассылает он против нас послания и большая часть епископов с ним в общении. Даже из наших прежних сторонников некоторые к нему присоединились, другие к тому расположены; мы скоро останемся одни. Признают тебя и нас еретиками, спрашиваем тебя, чем отличаться будем мы от Манихеев? К делу же Принимай новые меры, ты император учения нашего».

На походе против Магненция он убедился, что все епископы в общении с Афанасием. Воспламеняясь гневом, он забывал клятвы свои, рескрипты, уважение в памяти брата и, по мере

того как подвигался на Запад, всё более и более увлекался фанатизмом.

Всего более заметно это стало в Арле и Милане,²⁷² где созваны были соборы.

Собор Арльский был созван для нового пересмотра дела Афанасия, против которого ариане возводили новые клеветы. Либерий недавно был возведен на престол Римский (353). Ариане, не зная еще о кончине Юлия, обратились к нему с посланием, для успеха, рассчитывая на влияние Констанция ставшего императором Запада. В послании этом они убеждали его прекратить всякое общение с Афанасием. Либерий, получив послание, назначаемое его предшественнику, послал в Александрию трех пресвитеров римских: Лукия, Павла и Илиана,²⁷³ с препоручением пригласить Афанасия прибыть в Рим для нового пересмотра его дела. Афанасий должен был отказаться, после суждения собора Сардикийского, подтвердившего решение Церкви римской и ее епископа Юлия. Либерий, узнав от посланных своих об отказе Афанасия, писал восточным, что прекращает всякое общение с епископом Александрийским и находится в общении с ними и со всеми прочими епископами Церкви кафолической.

Ариане наделали много шума этим посланием; но, как замечает Иларий Пуатьерский, оно не могло иметь никакого значения после собора Сардикийского, провозгласившего Афанасия не виновным и православным.

Поступок Либерия очень встревожил епископов египетских и они, принимая сторону Афанасия, написали ему послание. Это послание, подписанное семидесяти пятью епископами, заставило Либерия отменить прежнее свое решение. Он созвал епископов подгородных и сообщил им послание восточных, а также и епископов египетских. Все были того мнения, что следует написать восточным другое послание, объяснив им, что, в виду послания подписанного семидесяти пятью епископами египетскими, невозможно осуждать Афанасия, но следует послать к императору и просить о новом соборе, для окончательного решения этого вопроса.

Вследствие чего Либерий послал к Констанцию депутацию, во главе которой находился Винцент Капуйский, просить императора о созыве собора в Аквилеи.²⁷⁴

Суждения Юлия и собора Сардикийского не считались следственно окончательными даже в Риме. Либерий не присваивал себе власти решить вопрос, но передал его верховной власти собора, о созыве которого просил самого императора.²⁷⁵

Собор созван был не в Аквилеи, но в Арле, в Галлии. Либерия представляли там Винцент Капуйский и Маркелл, бывший, как и Винцент епископом в Кампаньи.²⁷⁶ Они просили собор заняться сначала вопросом о вероучении и осудить заблуждения Ария.²⁷⁷ Но восточные отказались и просили прекратить сперва всякое общение с Афанасием.

Винцент Капуйский сделал в этом уступку.²⁷⁸ Прочие епископы ему подражали, кроме Павлина Трирского. Можно полагать, что пример Либерия остался не без влияния на епископов западных собора Арльского; но Винцент и прочие, подобно Либерию, скоро поняли, что под осуждением Афанасия скрывается осуждение самого православия и они открыто приняли сторону святителя Александрийского.

Во время собора Арльского, епископом этого города был Сатурнин, человек бесчестный и безнравственный, естественным образом бывший орудием деспотизма Констанция, но он был один в Церкви Галльской из союзников арианства. После собора Арльского, многие из епископов собрались в Безьере в присутствии Юлиана, не бывшего тогда еще отступником от христианства, но уже Кесарем. Иларий, епископ города Пуатье, первый раз является на этом соборе; он опровергнул ариан, а в особенности Сатурнина Арльского, который жаловался на него Констанцию, обвиняя Илария и прочих епископов в мнимых насилиях. Юлиан мог бы удостовериться, что Сатурнин клеветал, он это хорошо знал, но смолчал и не сообщил Констанцию о происках арианских, которых был свидетелем.

Либерий же Римский, которому более были известны намерения ариан, ложно выдававших себя за представителей

христианского Востока, понял, что он сильно ошибся, покинув, при начале своего епископства, сторону епископа Александрийского, не взирая на суждения соборов в Риме и Сардике, и тем более огорчился поведением доверенного своего Винцента Капуйского на соборе Арльском. В этом убеждении поддержало его прибытие в Рим Люцифера, епископа Каглиарского. Епископ этот славился тогда на Западе своими добродетелями, ученостью и усердием к вере. Он был явным приверженцем Афанасия, дело которого, по его мнению, было делом здравого вероучения. Он был одним из епископов подгородных, признававших над собой верховную власть епископа Римского, а потому имевших с ним постоянные сношения. С прибытием его в Рим, Либерий утвердился в решимости открыто принять сторону Афанасия, подобно предшественнику своему. В этом смысле писал он Осию,²⁷⁹ уведомляя его об огорчении, причиненном ему слабостью Винцента Капуйского, которому следовало бы выказать более твердости, тем более что он лучше знал сущность дела, имев случай разбирать его вместе с Осием.

Винцент этот, по всему вероятно, был прежним доверенным епископа Римского на Соборе Никейском и сделавшийся епископом Капуйским из пресвитеров римских. Слабость Винцента до того огорчала Либерия, что он пишет: лучше умереть, нежели быть обвинителем Афанасия.

Увидим, был ли он верен своей решимости.

Под влиянием впечатления, которое сообщал Осии Либерий послал к Констанцию трех депутатов: Люцифера, епископа Каглиарского, Панкратия, пресвитера римского, и диакона Илария, препоручив им следующее послание:²⁸⁰

«Преславному Констанцию, Августу, Либерий епископ:

«Миролюбивый император, прошу у Милосердия Вашего благосклонного внимания к изложению пред Благостию Вашей мыслей моих. С прошением этим могу обратиться к императору христианскому, сыну Константина *святой памяти*».²⁸¹

Похваливши кротость Констанция, Либерий продолжает так:

«Не только по делу Афанасия, но и по многим другим, я должен был просить Кротость Вашу о созыве собора, для

окончания разногласий относительно веры, как искренне Благочестие Ваше того желает. Достоин истинного служителя Божия, достоин империи, которой Христос, по благодати Своей, управляет и увеличивает, даровать просимое нами.

«Многие однако не престают злословить членов Церкви и даже обвинять меня в уничтожении послания их, для прикрытия преступления, ими, будто бы, осужденного. О каких посланиях говорят они? Не о тех ли посланиях западных и египетских в которых говорится о преступлениях, возводимых на Афанасия? Но для всех ясно, что мы сообщили послания восточных, что читали их в Церкви, читали их на соборе и отвечали на них.²⁸² Никто этого не отрицает. Послания эти не могли нас окончательно убедить, потому что в то же время получили мы послание семидесяти пяти епископов египетских, защищающих Афанасия. Мы прочитали его епископам италийским, также как читали прежние, и решили, что противно законам божественным делать определение по делу сему, особенно когда число защитников несравненно более числа обвинителей».

Затем Либерий защищает против возводимых на него обвинений и свидетельствуется Богом, что руководствовался только правилами апостольскими, не присваивая себе никакой власти. «Я следовал, говорит он, преданиям и правилам древних; я ничего не прибавил к епископству города Рима, но не допустил никакого убавления, желая сохранить в чистоте веру, принятую по преемству от многих епископов, из которых некоторые были мучениками».

Жаль, что в последующее время епископы Рима не подражали Либерию, и не сохранили веры своих предшественников, увлекаясь только мыслью о преувеличении преимуществ *епископства города Рима* до того, что обратили оное во всемирное владычество, неограниченное и непогрешимое.

Либерий объявляет после того, что не может войти в общение с восточными потому, что среди них находятся четыре епископа, которые, за восемь лет пред сим будучи присланы к Константу, отказались осудить заблуждение Ария и оставили с гневом собор, бывший тогда в Милане.²⁸³ Он умоляет

императора считать несостоявшимся определенное в Арле, где восточные отказались рассуждать о вере, хотя к тому обязывались, а созвать новый собор, на котором снова провозглашена будет вера Никейская и водворен мир в Церкви.

Констанций благосклонно принял просьбу Либерия и созвал собор в Милане.²⁸⁴ Там присутствовало только небольшое число восточных; одни не прибыли по старости своей, другие по дальнему расстоянию; западных же было более трех сот. Ариане начали с того, что предложили согласиться по делу Афанасия прежде, чем приступить к другим рассуждениям. Большая часть, под влиянием страха, обманутые, или несведущие согласились утвердить осуждение Афанасия. Только Дионисий, епископа Милана, митрополиты Италии, Евсевий Версельский, из Лигурии, Павлин Трирский, Роданий Тулузский и Люцифен Каглиарский воспротивились, говоря, что под осуждением Афанасия противники его скрывают свои злобные намерения против веры Никейской.

Евсевий Версельский был одним из святейших епископов Запада. Сначала он отказывался прибыть на собор Миланский, но по настоянию членов и по приказанию императора согласился в нем участвовать. Ариане надеялись увлечь его через императора и влиянием его довести собор до осуждения Афанасия, православные же рассчитывали на его благочестие, понимая, что им, для борьбы с врагами епископа Александрийского, необходим человек твердый и готовый пожертвовать всем за правду. С самого прибытия своего в Милан, он не скрывал своих мнений, а потому ариане в продолжении десяти дней препятствовали ему идти в церковь, где заседал собор. Наконец, ему дозволили войти и первым действием его было требование, чтобы все члены подписали Символ Никейский. Дионисий Миланский, бывший первенствующим епископом на соборе, взял перо для подписи, но Валенс вырвал его у него из рук с насилием, и собор, таким образом, при самом начале своем разошелся.

Дионисий Миланский, Евсевий Версельский, Павлин Трирский, Люцифер Каглиарский и Роданий Тулузский не утрастились ни воплей ариан, ни угроз императора и не

ослабели при убеждениях епископов малодушных. Они с твердостью поддерживали, что под предлогом преследования Афанасия скрывается предательское нападение на веру, и были сосланы.

Пресвитеры и диаконы были также сосланы и только насилиями вынуждено было от Винцента Капуйского, Фортуната Аквилейского, от Германа Фессалоникийского и от других западных епископов обещание прекратить все общительные сношения с Афанасием.²⁸⁵

Дионисий Миланский, Павлин Трирский, Евсевий Версельский и Люцифер Каглиарский были сосланы на Восток. Места их замещены арианами, как, напр., Авксентием в Милане. Иларий Пуатьерский и Роданий Тулузский вскоре затем были сосланы в Фригию.²⁸⁶

Иларий,²⁸⁷ потомок благородной фамилии из Пиктавии, от природы одарен был возвышенным разумом, развитым еще воспитанием, соответствовавшим его рождению, хотя в заблуждениях многобожия;²⁸⁸ но каждый, несколько, образованный и добросовестный человек не мог оставаться идолопоклонником с тех пор, как Христианство сияло в мире полным блеском. Как только Иларий начал рассуждать – он сделался христианином. Философия его по необходимости подверглась влияниям Христианства, хотя он сам того и не подозревал; рано еще она дала ему почувствовать, что не может быть иного Бога, кроме Единого и бесконечного. После изучения творений философических перешел он к божественным книгам христианским и в них только нашел удовлетворение уму своему.

Разум его возрастал по мере преуспевания в чтении божественных книг; вместе с Пророками проникнул он в лоно Божие, с наслаждением созерцая эти беспредельные свойства, прозреваемые умом, но которые только один Бог может нам внушить ясно.

«Дух мой, говорит сам Иларий,²⁸⁹ пламенно стремился к Богу, постигая, что всем Ему обязан и что в служении Ему состоит истинное благородство. Я усматривал, что Бог должен быть целью всех надежд моих, и что только в Его благодати могу

найти тихое и надежное пристанище против всех зол, обуревающих нас в жизни.

«Искал я Бога среди всех мнений, высказанных о Его сущности, когда напал на книги, которые религия Евреев выдает за творения Моисея и Пророков и прочитал там слова, сказанный Богом о Самом Себе: *аз есмь Сый*.... Ты скажешь сынам Израилевым: *Сый посла мя к вам* (Исх. 3:14). Исполнился я удивления к этому определению Божества, выражающему столь доступно для разумения человеческого непостижимую сущность Божию. Бытие действительно есть самое понятное в Боге, и то, что можно лучше всего знать; потому что понятие о бытии уже отстраняет всякую идею о начале и конце: *Сый* по Самому Себе не может не быть, а божественное не может иметь ни начала, ни конца.

«Одни только слова *аз есмь Сый* дали мне достаточное познание о вечности Божией; но мне хотелось еще знать о величии Его и о всемогуществе. Они открыты были мне словами: *«Небо престол Мой, земля же подножие ног Моих.* (Исаия 66:1). Камо пойду от духа твоего? Аще взыду на небо, ты тамо еси, аще сниду во ад, тамо еси. Аще возьму криле мои рано и вселюся в последних моря, и тамо бо рука Твоя наставит мя и удержит мя десница Твоя» (Псал. 138). Но чем более я углублялся, тем более приходил к убеждению, что Бог непостижим для разума человеческого, и что в Него следует *веровать*.

«Когда ум мой погрузился в эти мысли, тогда захотелось мне добавить к закону и Пророкам учение Евангельское и я прочел: *«В начале бы Слово и Слово бы к Богу и Бог бы Слово и проч.»*.

«При словах этих разум мой возвысился превыше знаний естественных, открыв богопознание, которого не подозревал, а возвысившись до лона Создателя открыл там предвечное Слово, воспринявшее плоть, чтобы обитать с нами».

По мере того как Иларий подвизался в чтении священного Писания, он видел что круг понятий его расширяется. Великие задачи бессмертия раскрылись перед глазами его. От Апостола Павла научился он, что превыше знаний чисто естественных

еще существует ряд познаний более возвышенных, даруемых верой и которые только одни могут удовлетворить дух; он чувствовал невыразимую радость, принимая душой эти возвышенные истины, светившиеся беспрепятственно, потому что сердце его оставалось чистым.

Иларий, приобретя истину, выражал ее всеми действиями, он сделался совершенным христианином; сами священники, говорит Фортунат,²⁹⁰ желали следовать по стопам его. Для него – жить значило бояться Иисуса Христа с любовью, любить Его со страхом. Будучи только мирянином имел он уже рвение апостольское и был образцом Церкви Пуатьерской когда избран был её пастырем. Он был женат и даже имел дочь именем Абру.

После собора Миланского, Иларий дерзнул восстать против определения об изгнании епископов православных, а особенно Евсевия Версельского. Он ревностно опровергал упреки в непокорности, делаемые арианами кафоликам, и умолял Констанция прекратить насилия, которым подвергали православных.²⁹¹

Изгнание было ответом на прошение это, столь же справедливое, как и умеренное. Епископ Пуатьерский встретил на Востоке тех, кого защищал. Павлин Тирсий и Роданий Тулузский умерли в ссылке. Иларий посвятил невольный досуг свой на сочинение превосходной книги своей о Святой Троице. Будем еще говорить об этом великом богословском творении.

Церковь Галльская, лишенная своих главных защитников, была преследуема, равно как и Египетская.²⁹²

Святой Афанасий – негибаемый борец за чистоту веры христианской

Еще до собора Миланского Церковь эта претерпевала ужаснейшие насилия, Афанасий принужден был бежать и скрываться в пустынях среди иноков, друзей своих. В убежище этом узнал он о ссылке православных собора Миланского и о насилиях, какими принуждают прекратить с ним всякое общение. В Египте насилия были еще тягостнее, чем где-либо. Православных изгоняли из церквей, отдавая их арианам. В Пасху они принуждены были совершать богослужение на кладбищах; даже девы не избегали жестокостей еретиков. С них совлекали одежды, а если пребывали непоколебимыми в вере, то их умерщвляли и даже обнаженные тела их подвергали оскорблениям; едва только родственники могли взять их, для погребения.

Преступления ариан были до того гнусны, что трудно даже поверить, говорит святой Афанасий, если бы не были явными. Между епископами православными одни были умерщвляемы, другие изгоняемы. На места их определяли тех, кто давал более денег, были ли то оглашенные или язычники.

Констанций унизился до того, что написал к жителям Александрии пасквиль, столь же жестокий как и безумный, против Афанасия, которого представлял мошенником, заслуживающим всякой казни.²⁹³ Он воображал себя остроумным, осмеивая этого великого мужа за удаление в пустыню, как будто ему следовало дожидаться палачей, когда Церковь так нуждалась в твердости его для защиты веры. Послание это вероятно написано было одним из епископов, окружавших императора. Там прославлялся Георгий Каппадокийский, возведенный партией арианской на престол Александрийский. Урзас и Валенс были главными советчиками императора, а клирики их рассеялись по всем странам совращать епископов деньгами, запугивать и принуждать к подписанию осуждения Афанасия. Верующим же, если не подпишут, угрожали гневом императора.

Либерий, епископ римский, однако не устрасился и написал сосланным, Евсевию, Дионисию и Люциферу, следующее послание:²⁹⁴

«Хотя под предлогами мира, но враг рода человеческого преследует членов Церкви, вас, священники благоугодные Богу, вас, доказавших веру свою и ставших достойными славы будущей, предназначенной мученикам. Находясь между скорбью об отсутствии и радостью о славе вашей, не могу достаточно хвалить и прославлять подвиги вашего мужества. Лучшее утешение, какое только могу предложить вам, это – сказав, что сам подобно вам, в изгнании. По сию пору я только ожидаю такой же участи и сокрушаюсь, что она еще не постигла меня. Желал бы, преданнейшие братия, чтобы ссылка постигла меня ранее вас и я мог бы послужить вам примером.. Но, по заслугам вашим, вы первые удостоились призвания к великой славе засвидетельствовать веру. Прошу, Благодетель Ваш, считать, что нахожусь с вами, что любовь моя не допускает отделяться от вас и верить что вздыхаю о разлуке с вами. Слава ваша более нежели мучеников. Те претерпевали только насилия от гонителей, вы же восторжествовали над противоборствовавшими лже-братиями. Чем более растет насилие людей этих, тем более увеличивается слава святых священников. Уповайте на божественные обетования.

«Так как вы ближе к Богу, то вспомоществуйте мне молитвами вашими, мне сотоварищу вашему, чтобы мы с большим мужеством могли перенести бури, которые со дня на день нам возвещаются и становятся все сильнее; чтобы и я мог стать достойным вас, по непоколебимости в вере и по привязанности к учреждениям Церкви католической. Желая знать подробнее, что происходило на соборе, прошу Святейшество Ваше благоволить сообщением в письмах своих, чтобы дух мой имел какое-либо утешение среди слухов, его тревожащих, и самое тело мое, по увещаниям вашим, снова прибрело силы, его покидающие.»

Скорбь, снедавшая Либерия, еще выражается в посланиях его к Цецилиану Сполетскому и Осии Кардуанскому.²⁹⁵ Последнему пишет он, что пламенно желает смерти,

предпочитая ее горестной необходимости согласиться на примирения, противные Евангелию, и клеветать на Афанасия.

Констанций и друзья его пламенно желали, чтобы епископ Римский осудил Афанасия. Решение его имело высокое значение для Запада, где престол его был единственным средоточием апостольским. Один из историков языческих²⁹⁶ замечает, что решению епископа Римского приписывали более значения, нежели мнению прочих епископов. Он именно служил до той поры посредником между Востоком и Западом, Церкви же западные должны были всего выше ценить предания Церкви римской, основанной Апостолами. А потому Констанций послал к Либерию евнуха Евсевия с подарками если согласится на его желание, и угрожающими рескриптами в случае отказа.²⁹⁷ По прибытии в Рим, Евсевий отправился к Либерию и предложил ему подписать осуждение Афанасия: «Император этого желает, говорил он, и повелевает тебе». Потом, пожимая руки епископу, добавил: «Сделай удовольствие императору и получи подарки, которые он посылает». Либерий же отвечал: «Кто может осудить Афанасия? Это может только собор; а были два – объявившие его невиновным и второй созван был со всей вселенной; можем ли мы осудить того, кого собор Римский признал невиновным? Кто одобрит нас, если мы во время отсутствия осудим принятого здесь с любовью в наше общение? Правило церковное того не дозволяет, такого предания Отцы наши, получившие оное от блаженного и великого Апостола Петра, нам не передавали. Если император заботится о мире Церкви, и повелит отменить все написанное здесь в пользу Афанасия, то пусть отменено будет и все сделанное против него, а также отменено все сделанное против других и, наконец, пусть созван будет собор, далеко от дворца, собор церковный, на котором император присутствовать не будет, куда не явится никакой граф, где никакой судья не будет угрожать; где страх Божий будет только воодушевлять членов, где будут уважаться учреждения апостольские, где прежде всего провозгласят веру таковой, как она была определена на Соборе Никейском. Приверженцы Ария да будут отвержены, ересь их да будет поражена анафемой. Тогда пусть судят о преступлениях,

приписываемых Афанасию и о тех, в каких обвиняются его клеветники, с тем, чтобы виновные были осуждены, а неповинные наслаждались миром. Действительно, не дозволяется допускать к собору тех, вера которых нечиста; неприлично заниматься делом частного лица прежде, нежели верой. Сперва должно определить вопрос о вере, а после заниматься остальным. Вот чему научены мы от Отцов, вот что ты должен сказать императору, вот что будет полезно и ему, и Церкви. Пусть не слушается Урзаса и Валенса, которые, после раскаяния в прошедшем не заслуживают никакого доверия».

При словах этих евнух вошел в такую ярость, что даже забыл, что говорит с епископом. По выходе от Либерия, он пошел в мучилище Апостола Петра и сложил там все привезенные им подарки. Либерий не одобрил хранителя гробницы за принятие их и приказал убрать, как приношение нечистое. Евнух пришел еще в большую ярость и возвратясь к императору сказал ему: «Нам нечего более пытаться принудить к подписи Либерия, одно только должно занимать нас – это противоборство его учению Ария, доходящее до того, что анафематствует всех, которые его придерживаются». Все евнухи дворца приняли сторону своего собрата. Они имели на Констанция огромное влияние и убедили императора послать в Рим предписание всем общественным сановникам захватить Либерия хитростью и прислать ко двору, или преследовать его открытым образом, если захватить не успеют.

Тогда в Риме²⁹⁸ устроено было обширное преследование против всех сторонников Либерия, так что многие принуждены были оставить город. Когда Афанасий рассказывал в Риме о насилиях в Египте, они казались до того отвратительными, что ему не хотели верить. Город этот тогда сам испытал те же неистовства, и принужден был поверить.

Либерия повлекли к императору, находившемуся тогда в Милане и он говорил гонителю с евангельской свободой: «Перестань, сказал он, гнать христиан и не рассчитывай на содействие наше для введения нечестия в Церкви. Мы готовы лучше претерпевать всё, нежели слушаться ариан. Мы христиане, не принуждай же нас сделаться врагами

Христовыми. Советуем тебе не вступать в борьбу с даровавшими тебе империю». Мужество Либерия изумило всех не ослепленных духом партии. Констанций же в наказание послал его в ссылку. Святой Афанасий замечает, что тиран этот был не милосерднее прежних гонителей. Те, по крайней мере, ссылали многих из жертв своих в одно место, и благочестивые исповедники могли в страданиях своих утешать друг друга, Констанций же старался посылать жертвы свои в места отдельные, где они в одиночестве, подвергались скуке и печали.

Либерий сослан был в Верею, во Фракии. Он провел там два года, по истечении которых, томимый скукой и устрашаемый непрерывными угрозами смерти, подписал осуждение Афанасия.²⁹⁹ Великий святитель Александрии, говоря о том, извиняет Либерия, вспоминая, что пока он был на свободе, то заступался за него и за веру православную.

Ариане, после торжества своего над Либерием, полагали, что они еще ничего не достигли, если не привлекут к себе великого Осия.³⁰⁰ А потому, не уважая преклонных лет святого мужа, которого звали *Отцом епископов*, а по предшествующему – *Исповедником веры*, ни шестидесятилетнего его епископства, решились его преследовать. Они приступили к Констанцию и начали ему внушать, что ссылка епископа Римского, многих других, и все средства употребленный против кафоликов, – все это дело бесполезное, если не будет поддержки Осий, который одним словом может поднять против них всю Церковь. «Он, говорили они, председательствует по обыкновенно на всех соборах, все повинуются его посланиям, он излагал Символ Никейский и повсюду учить, что последователи Ария еретики. Если он останется на престоле своем, то ссылка всех прочих ни к чему не послужит». Убеждали Констанция не останавливаться перед старостью епископа Кордуанского и сослать его, как прочих, если не подчинится.

Констанций, не поколебавшись потребовал к себе Осия, тот повиновался и прибыл; но маститый старец говорил с императором с такой властью, что ему дозволено было возвратиться в страну свою и на свой престол. Ариане, однако,

не унывали и добились от императора нескольких писем, в которых он, то льстил Осии, то угрожали ему, а в одном даже написал: «Останешься ли ты один зараженный ересью? Повинуйся и пиши против Афанасия, кто пишет против него – тот с нами». Осия однако не поколебался от оскорблений, которыми его преследовали и написал Констанцию следующее:³⁰¹

«Осия, императору Констанцию радоваться о Господе».

«Некогда я исповедал веру при деде твоём Максимиане.³⁰² Церковь была тогда гонима. Если же ты сам хочешь ныне преследовать меня, то знай, что я готов скорее все претерпеть, нежели проливать кровь неповинную³⁰³ и изменить истине. Не похваляю тебя, что так мне пишешь и угрожаешь: перестань же писать такие письма, не мудрствуй как Арий, не слушай восточных и не доверяй Урзасу и Валенсу. Они злобствуют не столько на Афанасия, сколько на веру, пытаясь осквернить ее своей ересью. Поверь Констанций мне, – который по летам своим мог бы быть твоим дедом. Я присутствовал на соборе Сардикийском, в то время как ты и брат твой Констант, блаженной памяти, нас созвали. Сам я вызывал врагов Афанасия, когда они приходили в церковь, близь которой я жил, я убеждал их сказать – в чем могут они упрекнуть Афанасия. Я обещал им безопасность, клятвенно обязывался судить их только по сущей справедливости. Принимал эти обязательства не раз, а два раза, предлагал частным образом выслушать их обвинения, если не хотят высказать их перед собором. Я обещал им: «Что если Афанасий найден будет виновным, мы без колебаний отвергнув его; если же неповинен и докажет, что вы клеветники, вы откажетесь принять его, то уговорю его ехать со мной в Испанию». Афанасий принимал эти условия, но враги его не доверяли правоте дела своего и отказывались от всяких разбирательств.

«Когда сам ты вызывал Афанасия, – он приглашал врагов поддерживать перед тобой свои обвинения. Они не посмели. Между ними находились Урзас и Валенс, после того публично открекшиеся от своей клеветы. Они уверяют, что были на то вынуждены. Кто же принуждал их? Они по собственной воле

своей прибыли в Рим и отреклись перед епископом и пресвитерами этой Церкви, ни одного воина при этом не было. Но если они жалуются на насилие, ими сделанное, то зачем прибегаешь ты к тем же средствам для достижения цели своей? Никогда брат твой Константин не прибегал к насилиям. Кого из епископов сослал он? Когда вмешивался он в суждения церковные? Перестань же поступать так. Вспомни, что ты также человек смертный; трепещи дня судного, и приготовляйся к нему. Не вмешивайся в дела церковные, не присылай нам о том повелений, узнавай лучше от нас что тебе следует делать. Бог даровал тебе империю, а нам препоручил дела Церкви. Сопротивляющийся империи твоей, сопротивляется повелениям Божиим, а ты, занимаясь делами церковными, опасайся провиниться в великом преступлении. Написано: *Воздадите кесарева Кесареви, Божия же Богам.*

«Дохожу до цели писем твоих и отвечаю: Не пристаю к арианам, еще более поражаю ересь эту анафемой, не пишу против Афанасия, который объявлен был невиновным мной, Церковью римской и еще более целым собором.³⁰⁴ Ты сам, узнав о делах этих, вызвал его к себе и дозволил ему с честью возвратиться в отечество и к Церкви своей. Что же за причина такой перемены в уме твоём? Враги его ныне те же как и прежде, их происки против него прежние, они не осмеливаются выразить их в его присутствии. Они уже распространяли их когда прибыли на собор, а когда я сам потребовал от них доказательству то не могли их представить, как говорил я выше. Если бы у них были доказательства, то не бежали бы столь постыдным образом. Что же привело тебя, после столького времени, к забвению рескриптов твоих и слов? Остановись же, прошу тебя, не доверяйся людям злобным, из опасения разделить виновность их. То что ныне даруешь им, в том отдашь ответ в день судный. Они через посредство твое хотят уязвить своего противника, или хотят, чтобы ты сделался орудием их злобы; они предприняли с помощью твоей разлить отвратительную ересь по всей Церкви. Благоразумный не должен подвергаться явной опасности из угождения другим. Остановись Констанций, умоляю тебя, и согласись последовать

советам моим. Моя обязанность писать тебе, а твоя – не пренебрегать моими увещаниями».

Таково было, говорит святой Афанасий,³⁰⁵ письмо старца, бывшего истинно святым; но Констанций им не тронулся и настаивал на своем намерении принудить его переменить мнение или отправиться в ссылку. Осии было тогда сто лет. Констанций знал, что в Испании епископы и верующие последуют тому же правилу, как и Осия, а потому заставил старца оставить отечество свое и держал его целый год в Сирмиуме, как бы в ссылке. Там мучили его до того, что, уважаемый епископ, не желая осудить Афанасия согласился однако на некоторые сношения с Урсасом и Валенсом и подписал, вторую Сирмиумскую формулу. Тогда отпустили его к Церкви своей, где перед кончиной духовным завещанием удостоверил о насилии, ему причиненном, поражая анафемой ересь арианскую.

Либерий же, епископ Римский, по слабости своей, увлекся далее.

Ариане понимая, что выражение *единосущный* только одно совершенно разрушает все их ухищрения относительно сущности Слова воплотившегося, пытались, начиная с знаменитого собора в Антиохии, составляет исповедание веры по-видимому весьма православные, но не заключавшие в себе выражения *единосущный*, освященного Собором Никейским. Они обманули множество восточных, не бывших в сущности арианами, но которые по-видимому были за одно с еретиками, потому только, что не откровенно принимали сторону Афанасия и не придерживались выражения *единосущный*, которое ариане постоянно представляли им как слово савеллианское.

Заблуждения Маркелла Анкирского еще более пособствовали распространению этого мнения на Востоке; а заблуждения Фотиноса, известные и осужденные на Западе, без отречения от выражения *единосущный*, заставляли предполагать, что слово это может быть объясняемо в превратном смысле. Вот почему ариане приписывали такую важность этим заблуждениям. По-видимому они только для отстранения оных избегали в формулах своих выражение

единосущный. С того времени, как они, по милости Констанция, приобрели влияние на Западе, они старались обманывать там епископов замысловатыми формулами веры, в которых православие по-видимому излагалось такими сильными выражениями, способными обмануть большинство, по крайней мере на этот раз. Что вскоре и случилось.

Последние формулы, распространяемые по Западу, были выработаны в Сирмиуме. Их известно было три, первая составленная в 351, во время осуждения Фотиноса; вторая составленная в начале 358, когда Констанций, после пребывания своего с месяц в Риме, прибыл в Сирмиум. В том же году была составлена и третья, уже более арианская, нежели прочие.

Во время пребывания своего в Риме Констанций гнал православных и сообщил Либерию о желаниях христиан римских, а также условия, при каких желания эти будут исполнены.³⁰⁶

Либерий, утомленный ссылкой, решился написать восточным следующее послание:³⁰⁷

«Возлюбленнейшим братьям, священникам – сотоварищам моим восточным:

«Благодарение Богу, вера ваша известна всем благонамеренным. Последуя словам закона: *Сыны человеческие судите праведно*, я не принимаю на себя защиты Афанасия. Подобно предшественнику моему Юлию, блаженной памяти, принявшему его в общение, осуждением его я только не хотел изменить долгу. Но, по воле Божией, узнав, что вы справедливо осудили его, я согласился с определением вашим и препоручил брату нашему Фортунату доставить о том императору Констанцию послание наше. Следовательно, Афанасий отвергнут от общения с нами всеми; я не буду принимать его посланий; объявляю, что нахожусь в общении с вами и со всеми епископами восточными, то есть пребываю в мире и согласии с епископами всех провинций.

«Дабы вы знали, что в послании сем выражаюсь совершенно искренне, то объявляю, что всем сердцем соглашаюсь с изложением веры православной, составленной

многими из братьев наших и сотоварищей в Сирмиуме, благосклонно сообщенной мне господином и братом нашим Демофилом. Не опровергаю ее ни в чем, согласуюсь с ней и исповедую ее».

Приводя это место, святой Иларий Пуатьерский перерывает Либерия, объявляя, что формула, с которой Либерий соглашался, была арианская, и провозглашает анафему, раз, два и трижды *изменнику Либерию*.

Из послания этого видно, что составители второй формулы Сирмиумской отправили ее через Демофила, одного из своих, к Либерию. Тот же согласился на все и ценой православия приобрёл своё восстановление. По прибытии в Рим, он не восставал против притеснений, которым подвергали православных по повелению Констанция, и таким образом дошел до того, что его самого стали считать пособником гонения.

Во время ссылки его Церковью римской управлял диакон Феликс, возведенный в епископы. Феликс и по возвращении Либерия хотел продолжать свои епископские обязанности и Констанций соглашался разделить Церковь между обоими совместниками; но партия Либерия была сильнее и Феликс принужден был оставить Рим. Полагать должно, что он возвышением своим обязан был своей снисходительности к арианам; однако всегда выказывался православным и даже, по многим памятникам западным, более православным, нежели сам Либерий.³⁰⁸

Последний же, не довольствуясь тем, что из ссылки своей писал епископам собиравшимся в Сирмиуме,³⁰⁹ написал еще особенно трем из них, считавшимися более влиятельными: Урзасу, Валенсу и Гермению, с угодливостью вспоминая свои первые мнения, неприязненные святому Афанасию.

«Зная, пишет он,³¹⁰ что вы чада мира, любите согласие и единение Церкви кафолической, то пишу вам, дражайшие господа и братья, без принуждения, Бог мне свидетель, но в пользу мира и согласия, блага более возвышенного, нежели самое мученичество. Ваше благоразумие да знает, что Афанасий, бывший епископом Александрии, был мною сначала

осужден, прежде посылки моих посланий ко двору благочестивейшего императора епископам восточным³¹¹ и был отлучен от общения Церкви римской, о чем может засвидетельствовать все пресвитерство Церкви римской. Если же впоследствии я по-видимому изменил свое мнение, в послании написанном мной к братьям нашим восточным, то это потому, что я должен был вступить за депутатов, отправленных ко двору и за сосланных епископов, для возвращения их из заточения.

«Желаю также, чтобы вы знали, что я просил брата моего Фортуната доставить послание мое к милостивейшему императору Констанцию, Августу. Посланием этим просил я, для пользы мира и согласия, отослать меня в Церковь, препорученную мне от Бога на охранение от всяких зол.

«Возлюбленные братья, вы усмотрите из послания этого мое желание быть в мире со всеми епископами Церкви кафолической. Если через вас будет возвращен мир Церкви римской, то в день судный получите вы великую награду. Уведомляю вас, что нахожусь в мире и общении с братьями нашими и сотоварищами Эпиктетом и Авксентием. Надеюсь, что они с радостью примут в том уверение. Следственно, кто отделится от согласия и мира, существующего между нами будет отлучен от нашего общения».

Либерий не довольствовался просить ходатайства епископов более влиятельных при дворе, но счел нужным еще примириться с прежним своим легатом, Винцентом Капуйским, оказавших слабость на соборах Арльском и Миланском, слабости которого теперь подражал сам Либерий.

«Дражайший брат, говорит он ему,³¹² не делаю тебе поучения, но только предупреждаю, что дурными словами извращаются добрые нравы. Козни людей развращенных тебе известны, они-то были причиной нынешней моей скорби. Моли Бога, да дарует нам терпение.

«Долгом счел уведомить ваше святейшество, что я отдалился от раздоров, рассеиваемых под именем Афанасия и писал о том братьям нашим и сотоварищам восточным. Так как вы наслаждаетесь миром, то созови всех епископов Кампании и

сообщи им мою решимость, для того, чтобы о согласии нашем мог я уведомить всемилостивейшего императора и избавиться от великой скорби, в которой нахожусь».

К письму этому, писанному секретарем, Либерий добавил собственноручно: «Бог да хранит тебя в добром здоровье. Мы в мире со всеми епископами восточными и с вами. Полагаюсь на Бога; вы же, если хотите, старайтесь, чтобы я умер в изгнании, Бог нас рассудит».

Присоединение Либерия ко второй формуле Сирмиумской дало надежду арианам увлечь по тому же пути весь Запад, привыкший считать Церковь римскую своим апостольским средоточием. Для этого они послали формулу свою всем епископам. Галльские же, получив её, с твердости отвергли, и один из них, Фебадий Ажанский, опровергнул её с такой ученостью и таким искусством, которого восточные не могли подозревать в епископе страны, считаемой ими за варварскую.

Епископ галльский сообщает сперва собраниям своим причины, заставившие его приняться за перо.

«Если бы я не был свидетелем, говорит он,³¹³ диавольской утонченности, с какой придают ереси вид правой веры, а правой вере вид ереси, то не стал бы говорить, дражайшие братия, об этих писаниях, недавно дошедших к нам.

«Достаточно было бы для меня хранить веру мою чистой в глубине совести, и казалось бы благоразумнее охранять собственную веру свою, нежели рассуждать о мнениях посторонних. «Но так как нужно стать еретиком, чтобы называли кафоликом; а невозможно быть кафоликом иначе как отвергая ересь, то обязан был написать эту книгу на обнаружение той диавольской отравы, которая скрывается под личиной скромности и религиозности, объяснив зло истекающее из слов этих, по-видимому простых. Когда ложь обнаружена, то истина может проясниться и вздохнуть свободнее».

Фебадий, указав на ухищрение ариан и ответив на их замечания, излагает ясно истинную веру кафолическую о Святой Троице и единосущности Слова. Трактат свой оканчивает он несколькими словами об Осии Кордуанском. Святитель этот подписал вторую формулу Сирмиумскую и

именем его, как осадной машиной, старались поражать всех кафоликов. Фебадий противопоставляет тому совершенно справедливую дилему: или Осия ошибался в продолжении девяноста лет жизни своей, в течении которых был искренним кафоликом, или он только по ошибке допустил формулу Сирмиумскую. Если же ошибался в течение девяноста лет, то ясно, что мнение его не имеет никакого значения.³¹⁴

Согласие Либерия с формулой Сирмиумской не было еще тогда известно на Западе, что определяет время написания книги Фебадиевой в 357 или 358.

Епископы галльские собрались, под председательством Фебадия, торжественно рассмотреть формулу веры, присланную им от Констанция.³¹⁵ Император в рескрипте своем приводил им пример Осии; а они отвечали: «Мы не судим о вере по лицами, но о лицах по вере их» и осудили вторую формулу Сирмиумскую. Определение свое послали они во Фригию к Иларию, который тому очень радовался. Многие из епископов прислали ему в то же время частные письма, которыми просили его сообщить им о веровании Церкви восточной. Он отвечал им книгой о Соборах, в которой изложил историю изменений, какие ариане допустили в системе своей, при различных синодах или соборах, на которые съезжались. Там похваляет он епископов галльских за твердость веры их, поддерживая их в привязанности к выражению *единосущный*, против которого сокрушались все утонченности еретиков, глубокомысленно рассуждает о второй формуле Сирмиумской, доказывая, что в ней с необыкновенным искусством ариане сокрыли свое отвратительное учение.³¹⁶

Они выразились несравненно яснее в третьей формуле, составленной также в Сирмиуме около конца 358 года. Там они откинули не только выражение *единосущный*, как и в первых двух, но еще и слово *подобносущный*, которое до того времени допускали, для предположения, будто они ратуют только против одного выражения, способного быть перетолкованным по-савеллиански, но исповедуют истинное вероучение.

Действительно *выражение подобносущный* можно было разумеать православно и в смысле *единосущного*. Вот что

заставило ариан исключить его из своей формулы.

Дело клонилось к тому, чтобы заблуждение принято было всеми епископами, Констанций это предпринял и созвал для того два великих собора, один в Римини для Запада, а другой в Селевкии для Востока.

Для полного понимания того, что происходило на обоих этих соборах, должно иметь ясное понятие о различных партиях в самом арианстве. Системы ариевой не поддерживал более, открытым образом, ни один епископ. Те, – которые в сущности её принимали, противоборство свое православию сосредоточивали около выражения (ὁμοούσιος) (единосущный), стараясь повторять, что нападают на выражение это только потому, что оно удобно толкуется в том смысле, в каком злоупотребляли им Маркелл Анкирский и Фотинос для распространения своих заблуждений. Побудительная причина эта была правдоподобна и многие из православных, особенно на Востоке, готовы были пожертвовать словом, обеспечивая тем истинное вероучение о предвечном и существенном рождении Слова. Что всего более подтверждало, по крайней мере, по-видимому, замечание ариан, – это то, что слово οὐσία толковалось двояко. Для некоторых оно обозначено *сущность*, для других же *лицо*, слово ὑπόστασις также толковалось двояким образом – *сущность* и *лицо*. Из этих различных толкований происходило замешательство, темнота, которой еретики, поддерживаемые властью императора, злоупотребляли.

В муках, спорах и сомнениях рождается формула веры

Но если, по лукавству своему, ариане старались скрывать свои настоящие убеждения, то некоторые из богословов, в сущности мудровавшие как они, не имели тех же причин скрывать своих мнений. В числе таковых был Аэций.³¹⁷ Человек этот, уроженец Келесирии, был сначала золотых дел мастером, но принужденный вследствие кражи удалиться из отечества, он переселился в Александрию, где стал изучать медицину и философию Аристотеля. Он отличался сильной диалектикой и своими познаниями. По прибытии его в Антиохию, епископ Леонтий рукоположил его во диакона и препоручил ему преподавание, вероятно, в училище церковном. Тогда были у него диспуты с главными из ариан, а особенно с Василием Анкирским, одним из ученнейших епископов партии арианской. Будучи принужден возвратиться в Александрию, узнал он там Евномия, ставшего его учеником. Оба они выдавали себя за ариан логичных и последовательных. Евномий был уроженцем Каппадокии. Ученостью своей обратил он на себя внимание и был избран епископом Кизическим, в Мизии. Евномий, подобно учителю своему Аэцию, открыто учил, что Сын не той сущности как Отец, ни даже сущности подобной. Что Он существо совершенно отличное от Отца и сотворенное. Теорию эту он основывал на философских рассуждениях, из которых главным было то, что сущность божественная не может быть в то же время не рожденной в Отце и рожденной в Сыне; рожденное было произведением, действием могущества – тварью.

Ариане лицемерные, точно также ревностно как и православные, восставали против учения Аэция и Евномия; ревность эта также не мало способствовала обманывать православных, которые привыкли видеть в их противоборстве выражению *ομοούσιος* (единосущный) и святому Афанасию только излишнюю предосторожность против ложных вероучений. Они предложили заменить выражение принятое в Никее другим, которое, по мнению их, имело тот же смысл и

походило даже на оное по наружному виду, не имея неудобств первого. Выражение это *ομοιουσος* (подобносущный). Нужно было прибавить одну букву: *ι* к Символу Никейскому и выражение означало *подобносущный*. Можно было его толковать православно, но в то же время оно удобно толковалось и в смысле арианском, что начальники партий тщательно скрывали.

Чтобы приучить умы к выражениям по их выбору, начальники эти стали составлять множество формул веры, в которых они по-видимому облекали здоровое вероучение всеми желаемыми выражениями. Уже приведено было их несколько исходивших от собора Антиохийского, именуемого *приосвящении*. В Сирмиум в 351 обновили одну из этих формул, к которой прибавлено было двадцать семь анафематств,³¹⁸ большей частью направленных против заблуждений Маркелла Анкирского и Фотиноса, но первое было равным образом и против арианства в сущности. Действительно она выражена так: «Говорящих, что Сын исходит от несущих (ничтожества) или другой сущности, но не от Бога, и что было время или век, когда Его не было, – святая кафолическая Церковь считает чуждыми».

Но тайные ариане, принимая, что Сын исходит из божественной сущности, отказывались, однако, веровать, что Он той же сущности как и Отец; и в то же время учили, что сущность божественная неделима. Система их была нелогична, и православным и настоящим арианами, как Евномий, это не трудно было доказать; но они придерживались этому полуправославию, стараясь, чтобы оно восторжествовало, и заставляя через своего императора преследовать православных наравне со сторонниками Аэция и Евномия. Однако они скоро поняли, что слово *ομοιουσος* (подобносущный), не удовлетворяя православных, представляло настоящим арианам непобедимые против них доводы. Вот почему в 357 они сочли полезным изложить новую формулу веры³¹⁹ и отбросить оба выражения *δμοούσιος* (единосущный) и *δμοιούσιος* (подобносущный), как равно недостаточные и не находящиеся в священном Писании. Они

довольствовались говорить, что едиnorodный Сын Божий *рожден от Отца прежде всех веков*.

Формула эта послана была ко всем Церквам. Многие из ариан, собравшись в Антиохии, отвечали на то посланием и приветствовали составителей формулы, что они тем снова обратили Запад к православию.

Церковь Галльская была, однако, очень далека от такого обращения, как то было выше доказано.

В то же время некоторое число православных епископов Востока собралось в Анкире на освящение нового Храма. Они сочли долгом заняться вопросами, волновавшими тогда мир и, подобно епископам Сирмиумским, откинули оба выражения, как дающие повод многочисленным раздорам.³²⁰

В сущности они учили, что Отец есть источник сущности подобной Своей. Вторая сущность эта не может быть, следственно, тварью, потому что отношения Отца и Сына не могут быть теми же, какие существуют между Создателем и существом созданным. Слово *Δοῦος* есть следственно, Сын Божий не в том смысле, как прочие существа, которым дано именование сынов Божиих метафорически или по усыновлению; Слово есть Сын Божий действительный, истинный. Отцы собора осудили, восемнадцатью анафематствами, ариан строгих, считающих Слово тварью и православных, не желающих пожертвовать словом единосущный.

Депутаты собора Анкирского нашли в Сирмиуме депутатов собора Антиохийского. Последние успели склонить Констанция к арианству, представляемому в Антиохии преимущественно Евдокием, епископом сего города, Акакием Кессарии Палестинской и Уранием Тирским. Но, с прибытием депутатов Анкирских, Констанций изменил свои убеждения и сделался тайным арианином или, как стали называть впоследствии, полуарианином и приказал держать в Сирмиуме собор, составивший еще формулу веры.³²¹ Так как она была читана на соборе в Римини, то она ниже сего приводится.

Вот в каком положении были прения в то время, когда Констанций созвал оба собора, в Римини и в Селевкии, для повсеместного принятия третьей формулы Сирмиумской (359).

Ему хотелось ввести единообразие в заблуждении, но, вместо достижения цели своей, он увеличил разделение; действительно в Римини епископы западные между собой не согласились, а в Селевкии восточные подняли новые прения.³²²

Епископов западных было в Римини числом более четырех сот,³²³ прибывших из Иллирии, Африки, Испании, Галлии и Бретании.

Констанций написал им два рескрипта,³²⁴ приглашая заняться только верой и не рассуждать о частных делах епископов восточных, потому что все определения о них, сделанные во время их отсутствия, останутся без последствий.

Сообразуясь этими рескриптами, согласились не заниматься делом Афанасия, но только вопросом о вере. Мнение это выразили: Германий, Авксентий, Демофил и Каий, а Урзас и Валенс добавили, что, во избежание прений, следует оставить все до того написанное, отвергнуть все прежние исповедания веры и провозгласить одно, в точности излагающее вероучение. Они предложили поэтому третью формулу Сирмиумскую, составленную несколько месяцев до того и которую они содержали еще в тайне.³²⁵ Эта формула веры была следующая:

«Веруем в единого, истинного Бога, Отца Всемогущего, Творца и Жиздителя всяческих, и в Сына, едиnorodного, рожденного от Бога бесстрастно прежде всех веков, прежде всякого начала, прежде всякого времени, непостижимого, прежде всякой идеи постижимой, которым установлены века и сотворено все: он единый рожденный, единый от единого, Бог от Бога, подобный Отцу, его родившему, по Писаниям; никто не знает рождения его, кроме Отца, его родившего. Знаем, что сей едиnorodный Сын Божий, с согласия Отца, сошел с небес на землю разрушить грех, родился от Девы Марии, жил с учениками своими, выполнил посланничество свое по воле Отца; был распят, умер, сошел во ад, где совершил, что было нужно, и где дверники ада трепетали при виде его. Он воскрес в третий день и жил с учениками своими. По прошествии сорока дней, вознесся на небо, где сидит одесную Отца. В последний

день Он придет во славе Отца и распределит каждому награду по делам.

«Веруем также в Духа Святого, которого единородный Сын Божий Иисус Христос обещал ниспослать роду человеческому, как Утешителя и Ходатая по написанному: *К Отцу Моему гряди и умолю Его, и иного Утешителя даст Вам: Духа Истины, Который от Моего приемлет и Той вы научит всему и воспомянет Вам вся, я же рех Вам*».

Вопрос о Духе Святом уже начинали поднимать Аэций и Евномий. Вот почему помещено было о том в формуле. Но должно заметить, что сказано только о внешнем послании Духа Святого от Отца и Сына.

Урзас и Валенс добавили к формуле следующее замечание: «Относительно же слова из сущности, употребленного отцами по их простоте, и которого народ не понимает, то оно многих смущает, потому что не находится в священном Писании, а потому рассудилось нам оное откинуть и решить, что о нем не будет более упоминаться говоря о Боге, потому что в священном Писании нигде не говорится ни о сущности Отца, ни о сущности Сына. Мы говорим, однако, что Сын во всем подобен Отцу, как то священное Писание говорит и учит».

Когда оба еретика окончили свое чтение, то не разделявшие их мнения встали, сказав: «Мы собрались сюда не для составления формул веры, потому что храним непоколебимо веру, завещанную нам Отцами, но прибыли для осуждения нововведений, противоречащих древней вере. Если то, что вы прочли нам, не содержит в себе ничего нового, то изреките анафему ереси Ариевой, по примеру древней Церкви, отвергнувшей все прочие ереси, как нечестия. Действительно, для всего Мира ясно, что нечестивое учение Ария возбуждало во всей Церкви, до этого дня, большие смятения и многочисленные разделения».

Но так как Урзас, Валенс, Германий, Авксентий, Демофил и Каий отказались осудить арианство, то в собрании произошло глубокое разделение. Некоторые соглашались с новой формой веры, другие придерживались древнего Символа Никейского и насмехались над надписью, сделанной во главе новой

формулы. Действительно, в ней давался Констанцию титул вечного, в котором ариане отказывали Иисусу Христу; они также с точностью обозначили при каких консулах составлен был новый символ, как бы для точного определения времени их нового вероучения.³²⁶

Епископы собранные в Римини противопоставили формуле арианской следующий протест и подписали его:³²⁷

«Хотя богохульства Ариевы осуждены были прежде, но они оставались темными и забыто было, что он богохульствовал. Но, по благодати Божией, случилось, что пока мы собраны были в Римини, то эта заразительная ересь снова появилась. Вот почему, вместе с богохульствами этими, осуждаем мы все прежние ереси, которые перед тем возникли против кафолического и апостольского предания, подобно тому, как они осуждены были прежними соборами в разных местах.

«Анафематствуем говорящих, что Сын Божий происходит от не сущего или другой сущности, а не рожден от Бога Отца, истинный Бог от Бога истинного.

«Если кто говорит, что Отец и Сын два Бога, то есть два начала первобытные и не исповедует, что Отец и Сын имеют то же Божество, – да будет анафема

«Если кто говорить, что Сын Божий тварь и был создан, – да будет анафема

«Если кто говорит, что Сам Отец родился от Девы Марии, и что Отец и Сын одно и то же, – да будет анафема

«Если кто говорит, что Сын Божий принял начало Свое от Марии и было время, когда Сына еще не было, – да будет анафема

«Если кто говорит, что Сын Божий не рожден от Отца истинно и неизглаголанно, но был Сыном Его усыновленным, – да будет анафема

«Если кто говорит, что Сын Божий был только человеком, рожденным во времени и не исповедует, что Он рожден от Отца прежде всех веков, – да будет анафема

«Если кто говорит, что Отец, Сын и Дух Святой только одно лицо или три отдельные сущности, – да будет анафема

«Если кто говорит, что Сын был прежде всех веков, но не прежде *всякого времени*, для обозначения Ему эпохи, – да будет анафема

«Если кто говорит, что всяческие сотворены не Словом, но без Него или до Него, – будет анафема

«Если существуют еще другие богохульства – Ариевы ли, или всякого другого, то равным образом их анафематствуем».

После того как все члены собрания, кроме вышепоименованных ариан, подписали эти анафематства, то Грециан, епископ Калльский в Италии, встал и сказал:³²⁸

«Возлюбленнейшие братия, собор кафолический имел столько терпения, сколько прилично и выказался собранием исполненным любви к Урзасу, Валенсу, Гермению, Каию и Авксентию, возмущавших все Церкви, изменяя столь часто вероучение, и усиливающимся еще внести в умы христиан их еретические мнения. Действительно, они желают ниспровергнуть определения принятые в Никеи против ереси Ария и других. Они принесли нам новую формулу веры, ими написанную и которую нам принять не дозволяется. Издавна они нам известны как еретики; ныне в их присутствии мы обязаны их осудить живым голосом и объявить, что не принимаем их в свое общение. Объявите открыто, что определяете и подпишите».

Все епископы отвечали: «Угодно нам, чтобы означенные еретики были осуждены, дабы истинная кафолическая вера пребывала непоколебимой и Церковь пользовалась постоянным миром».

Все члены, кроме отлученных по этому определению, были единогласны.³²⁹

Отлученные епископы оставили собор и поспешили к Констанцию, которому передали отвергнутую формулу. Собор со своей стороны известил императора о сделанном следующим посланием:³³⁰

«Полагаем, что по воле Божией, Твое Благодетельство повелело собраться епископам из разных провинций западных в Римини, чтобы вера воссияла перед глазами всех верующих Церкви кафолической, а еретики стали известны. Когда мы все,

сохранившие истинную веру, были собраны, то благоугодно было нам засвидетельствовать эту веру, всегда нами исповедуваемую, дошедшую до нас через Пророчества, Евангелие, Апостолов и от Господа и Бога Иисуса Христа, Спасителя империи Твоей и виновника Твоего спасения. Нам показалось преступным чем либо исказить вероучения, определенные здраво и точно собиравшимися в Никеи с отцом Твоего Благодетеля, Константином, знаменитой памяти. Сделанное тогда, известно, проникло в умы народов и до того точно против ереси Ария, что не только ересь эта, но еще и другие оным сокрушаются. Если же отнять что-либо, то двери будут отверсты для ересей.

«Урзас и Валенс, по подозрению в ереси Ария, были отлучены. Они просили прощения, как то доказывают их собственные писания, и получили оное на соборе Миланском, в присутствии доверенных Церкви римской. Это было записано в присутствии Константина,³³¹ после строгого рассмотрения; в вере этой император сей был тогда окрещен и отошел в покой о Господе; полагаем, преступно изменять что-либо в вере сей, бывшей верой стольких святых и исповедников, преемников мучеников, еще прежде сохранявших предания Церкви кафолической. Вера эта поддерживалась до той поры, когда Твое Благодетельство приняло от Бога Отца, через Бога и Господа Иисуса Христа, власть управлять вселенной.

«Истинно несчастны и одарены жалкой мудростью люди, дерзающие выдавать себя за проповедников нечестивого учения и пытающиеся ниспровергнуть здание, воздвигнутое так разумно. Когда мы, согласно предписаниям Твоего Благодетельства, должны были рассуждать о вере, то означенные возмутители Церквей представили нам, в согласии с Гермением, Авксентием и Каием, не знаем, какой-то акт, содержащий множество еретических мнений. Видя, что сочинение их не нравится Собору, они рассудили переменить изложение и сделали в нем несколько изменений. Но, чтобы впредь Церквей более не возмущали, рассудили мы утвердить древнюю веру и сохранить ее во всей чистоте, отделив от общения нашего означенных возмутителей.

«Для сообщения Милосердию Твоему наших решений, послали мы депутатов, предъявителей сего послания. Нами дано им только наставление: считать единственной целью своего препоручения – твердо выразиться за прежние определения и уведомить Мудрость Твою, что если что-либо будет откинута, то невозможно достигнуть мира, не взирая на обещания Урзаса, Валенса, Гермения и Каия. Каким образом, в сущности, могут доставить мир виновники смут? Они действительно, более чем когда-либо, возмутили все провинции, а особенно Церковь римскую.

Эти возмущения Церкви римской происходили от уступок, какие означенные епископы вынудили от Либерия и которые отвратили от сего епископа множество верующих. По уверению всех историков, Феликс, совместник Либерия остался православным. Ариане, избравшие его, когда Либерий принимал сторону здравого вероучения, желали, чтобы оба епископа продолжали вместе управлять Церковью Римской;³³² но Либерий, немедленно по возвращении своем в Рим, изгнал оттуда Феликса. Не полагаем, чтобы эти слова Отцов из Римини сказаны были о престоле римском иди разделе одного, но скорее о борьбах между православными и защитниками арианства, извинявшими слабость Либерия. Так то арианские епископы двора Констанциева были причиной смут в Церкви римской.

Вероятно по причине этих возмущений Либерий не мог прибыть в Римини; но должно полагать, что решение принятое на этом соборе открыло ему глаза, и он с ним согласился.³³³ Епископы из Римини продолжают так:

«Просим Милосердие Твое принять наших депутатов, выслушать их благосклонно и не позволять, чтобы в чем – либо колебали принятое нами от Отцов, которые, мы в том уверены, были благоразумны и действовали под влиянием Духа Святого. Не только верующие смущаются нововведениями, но даже неверные отвратились от веры. Также просим вас позволить епископам, находящимся в Римини возвратиться к Церквям своим, потому что большая часть из них стары и бедны, а верующие могут претерпевать от их отсутствия. Особенно же настаиваем на том, чтобы ничего не было вновь введено,

ничего не исключено и чтобы оставлено было во всей неприкосновенности решенное при жизни отца Твоего и поддерживалось доселе. Мудрость Твоя да не позволит, чтобы нас впредь утомляли принуждениями оставлять наши престолы, дабы епископы могли спокойно со своими народами продолжать молиться о твоём спасении, о царствовании твоём, и чтобы Бог даровал Тебе по достоинствам твоим продолжительный и глубокий мир. Депутаты наши передадут тебе имена наши и подписи вместе со своими, а также передадут тебе ещё другое писание в назидание Твоего благочестивого и набожного Благоразумия».

Должно обратить внимание на сказанное в послании этом о бедности некоторых епископов. Сюльпиций Север передает о том рассказ некоторых епископов присутствовавших на соборе:

«Император, говорит он,³³⁴ приказал доставлять епископам все нужное. Это показалось неприлично некоторым епископам Аквитании, Галлии и Бретании, и они пожелали жить лучше своими средствами, нежели за счет казны. Однако трое из епископов Бретании были столь бедны, что принуждены были жить на общественные средства; другие конечно предложили им все нужное, но они нашли, что лучше жить за счет правительства, нежели за счет частных людей. Я слышал, продолжает Сюльпиций Север, как наш епископ Гавидий это рассказывал, порицая трех епископов бретонских, но не разделяю его мнения. Похваляю епископов этих, что они так бедны, не имеют ничего своего, что предпочли жить за счет казны и не хотят быть никому в тягость. В этих двух отношениях показали они прекрасный пример.

Сюльпиций Север приводит ещё и другие подробности: что, при открытии собора, ариан было семьдесят и что они собирались в светском здании, обращенном ими в церковь. Кафолики же будучи гораздо многочисленнее собирались в городской церкви.

Полагать должно, что большая часть этих ариан присоединились к большинству, потому что осуждено было только пять вышепоименованных. Обозначаемые же историком – как ариане, – были конечно люди слабые, готовые на уступки,

подобно Либерию, но в сущности не желавшие изменить вере. Арианство, собственно сказать, не было так значительно на Западе, чтобы могло быть представляемо шестьюдесятью епископами.

Урзас и Валенс прибыли к императору прежде депутатов собора.³³⁵ Им не трудно было внушить ему нерасположение к собранию в Римини. Он показал вид, что осыпает их почестями, тогда как депутатам даже не давал аудиенции. Наконец решился он написать простую записку епископам, собранным в Римини, что, будучи занят делами очень важными, он уведомил двадцатерых депутатов собора, чтобы они отправились и ждали его в Андрианополе, где он передаст им свой ответ, из которого узнают, что им должно определить для блага Церкви. А между тем епископы должны оставаться в Римини.

Они же, получив записку, отвечали, что им нечего принимать другого решения, кроме принятого, и подателями которого их депутаты, то есть, что они придерживаются древних определений. Вследствие чего просили Констанция прочесть послание их, выслушать депутатов и позволить им возвратиться до зимы к Церквям своим.

Император не отвечал им на это послание и епископы прождав еще некоторое время, большей частью возвратились в Церкви свои. Констанций считал отъезд их оскорблением лица своего и говорил, что епископы оказали к нему пренебрежение, окончив собор не дождавшись на то его дозволения. В отместку он дозволил Урзасу, Валенсу и их приверженцам делать против Церквей их всё, что хотят, приказал послать во все Церкви Италии отвергнутую собором в Римини формулу, предписав, что все епископы, которые откажутся её подписать – будут изгнаны из Церквей своих и замещены. Либерий, епископ Римский, раскаиваясь в сделанных им арианству уступках, отказался подписать формулу, отвергнутую в Римини и снова осужден был на изгнание.³³⁶ Смерть Констанция избавила его от этого нового испытания. Ариане проходили по всем странам Запада, епископы отказывавшиеся подписывать их формулу были гонимы. Распространяя повсюду раздоры, они направились в город Фракии, называемый Ниса. Депутаты

собора в Римини были посланы туда ожидать ответа императорского.³³⁷ Там собрали они всех епископов, приверженцев их партии, составили собор и перевели на греческий формулу, которую предлагали на латинском языке собору в Римини, распространив на Востоке слух, будто она принята собором. Они злоупотребляли именем города, где собирались (Níkē), поставив имя это в главе своей формулы, чтобы невежественных заставить думать, будто формула эта не что иное, как символ *Никеийский*. Депутаты собора в Римини допустили арианам соблазнить себя, во главе их был Реститут Карфагенский.³³⁸ Он стал говорить на собрании в Ниссе, доказывая, что напрасно отлучены были в Римини Урсас, Валенс, Герминий и Каий, что они никогда не были еретиками, что все рассуждения их касались выражений непонятных, которые, из любви к миру и согласию, следует отменить. А потому, сказал он, следует объявить всё сделанное в Римини несостоятельным. Все епископы, бывшие налицо, согласились с этим объявлением и написали Констанцию ласкательное послание, благодарили Бога и императора за благополучное окончание собрания, прося его дозволить им возвратиться к Церквам своим и учить там истинной вере, освобожденной от слов *сущность* и *единосущный*, производивших все разделения.

Депутатам из Римини дозволено было возвратиться к епископам, оставшимся в этом городе в ожидании ответа императорского. Большая часть из них уступили, подобно депутатам, говоря, что не следует разделяться из-за одного слова *единосущный*, не находящегося в Писании. Только двадцать с мужеством сопротивлялись, и во главе их Фебадий Агенский и Серватий Тонгрский. Наместник императора, Тавр, со слезами умолял их уступить и последовать примеру сотоварищей, но Фебадий отвечал: «Готов лучше в ссылку и на все мучения, нежели согласиться на просимое и принять формулу составленную арианами».

Урсас и Валенс, последовавшие за депутатами в Римини, видя твердость Фебадия и прочих православных, решились поступить осторожно. Фебадий и Серватий имели возможность

предложить на соборе осуждение арианства. В то время, когда они изрекали анафему на все заблуждения секты, Валенс, по видимому соглашаясь и как-будто в подтверждение осуждения, возвысив голос, сказал: «Если кто говорит, что Сын Божий тварь, подобно прочим тварям, да будет анафема» «Да будет анафема», отвечал собор, полагая определить, что Сын Божий *не тварь*, тогда как Валенс говорил только *не тварь*, как *прочие*.

Собор разошелся после этого недоразумения, которым ариане полагали воспользоваться на уверение, что ересь их была утверждена на соборе в Римини.

В сущности это не так. Во-первых большая, часть епископов уже оставила Римини прежде собрания в Нисе и возвращения депутатов; кроме того оставшихся можно было упрекать разве только за неосмотрительность. Однако невозможно отрицать того, что большинство епископов западных сделали ту же ошибку как Либерий, оказав готовность пожертвовать выражением *единосущный*, которое было единственным обеспечением православия против вероломства арианского.

Пока все события эти происходили на Западе, епископы восточные соборы были в Селевкии, в Исаврии, числом около ста шестидесяти.³³⁹ Многие из них были серьезно обвиняемы относительно веры, но обвинителей было несравненно более. Обвиняемые соединились около Акакия, епископа Кессарии Палестинской и их называли *акакианами*. Они открыто были против определений Собора Никейского и порицали это уважаемое собрание. Прочие же принимали определения Никейские, и только согласившись на исключение выражения *единосущный*, как способного, по темноте своей, на превратные толкования. Оживленные прения возникли между акакианами и прочими епископами, которые, негодуя на дерзость этих отъявленных еретиков, низложили с епископства Акакия Кессарийского, Патрофила Скифополисского, Урания Тирского, Евдокия Антиохийского, Георгия Александрийского, Леонтия, Феодосия, Евагрия и Феодула, и, отлучили от своего общения Астерия, Евсевия, Авагрия Базилика, Феба, Фиделия, Евтихия, Евстафия и Магна, не явившихся по вызову к ответу, по

возводимым на них обвинениям. Собор определил, что они останутся отлученными до того времени, пока не докажут своей невиновности. Послав определения свои во все епархии, епископы прибыли к Констанцию, чтобы согласно полученному повелению, сообщить ему о том.

Святой Афанасий не сообщает ничего кроме этих общих известий о соборе Селевкийском; но Святой Иларий Пуатьерский, присутствовавший на нем,³⁴⁰ говорит так: «То, что буду говорить, узнал я не от других, но слышал сам и видел все происходившее на соборе в Селевкии, где произнесено было столько богохульства, сколько Констанций мог только пожелать. Сто пять епископов согласились на выражение *подобносущный*; девятнадцать отвергали всякое подобие между Отцом и Сыном, только одни египетские, за исключением лже-епископа Георгия Александрийского, твердо стояли за *единосущного*.³⁴¹ По приказанию графа Леонтия, все епископы, не взирая на различие их Вероучений, должны были собраться вместе. Те и другие излагали свои системы. Ариане или акакиане не скрывали своих еретических мнений. Они прямо говорили, что Сын «тварь». Лже-епископ Антиохии Евдоксий, для доказательства, что Бог не может иметь Сына, изрыгал в проповеди срамоты, который были читаны при полном собрании и вырвали у святого Илария следующее восклицание: «Как несчастны уши мои, что слышали подобные слова, произносимые человеком против Бога, против Христа Его и даже в церкви» Нечестия Евдоксия произвели большое смятение. Ариане старались объяснить Иларию свое учение, но великий епископ, возмущенный нечестием их, не верил, пока они не признались в том публично.

Историки сообщают еще большие подробности о соборе Селевкийском.³⁴²

Епископы собирались в присутствии графа Леонтия, доверенного от императора и Лавриция, военачальника в Исаврии. На первом заседании Леонтий приказал, чтобы каждый епископ предлагал, что ему угодно; но присутствовавшие отвечали, что им нечего предлагать до прибытия отсутствовавших. Ждали, действительно, Македония

Константинопольского, Василия Анкирского и других, опасавшихся обвинений. Македоний извинился болезнью. Патрофил говорил, что, страдая сильно глазами, принужден оставаться в одном из предместий Силевкий, другие приводили различные причины в извинение своего отсутствия. После того как Леонтий сказал, что отсутствующим будут предложены вопросы, то присутствующие решили, что до разбора обвинений, возводимых на некоторых лиц, вопроса о вере разбирать не станут. Многие из епископов осуждались и между прочими Кирилл иерусалимский, имевший против себя врагами нечестивых: Акакия Кессарийского, Евстафия Севастийского, в Армении, и некоторых других.

Серьезный спор возник между обвинителями и обвиняемыми. Одни хотели разбирать дела личные, а другие утверждали, что следует начать с вопроса о вероучении. Те и другие приводили в пользу свою противоречащие предписания императора. Собор разделился, следовательно, на две партии и вопрос о вероучении был естественным образом рассмотрен. Предводителем ариан был Акакий, а у полуариан Георгий Лаодикийский. Последняя партия была многочисленнее.

После целого дня, проведенного в прениях о соборе Никейском, Сильван, епископ Тарский, встал и возвысив голос, так что слышен был и посреди шума, объявил, что новой формулы веры составлять не следует, а следует удовольствоваться составленною на соборе Антиохийском при освящении.

Услышав предложение это, акакиане оставили собор. Прочие заставили прочитать формулу Антиохийскую и ничего не говоря закрыли заседание. На другой день они пришли на заседание, заперли двери и подписали формулу Антиохийскую, накануне прочитанную.

Акакий и его приверженцы сильно восставали на предосторожность запереть двери.³⁴³ «Сделанное тайно, говорили они, дурно и подозрительно». Но они говорили так потому, что сами составили новую формулу, которую хотели дать подписать собору, сообщив ее предварительно Лаврицию и Леонтию, а они хотели заставить ее непременно принять.

Им в этот день дали свободу говорить и с ними в прения не вступали.

На третий день Леонтий пригласил обе партии соединиться. Акакиане затруднялись относительно епископов, которых они обвиняли.³⁴⁴ Их попросили оставить заседание и тогда акакиане вошли. Леонтий стал говорить, что он предлагает прочесть бумагу, сообщенную ему Аакием, не сказав, что это формула веры. Когда все умолкли, то Леонтий прочел писание, в котором сказано было: что равным образом отвергаются слова *единосущный, подобносущный и не подобный по сущности*, выражения, производившие столько смущений». ³⁴⁵ Однако, добавил Аакий, мы веруем, что Сын совершенно подобен Отцу, по словам апостола говорящего, что Сын есть образ *Отца невидимого*. Веруем, кроме того, в единого Бога Отца Всемогущего».... Тут начиналось исповедание веры, сходное с прежними и православное. Аакий и приверженцы его оно подписали.

Выслушав их, Софроний, епископ Помпейполиса, в Пафлагонии, встал и сказал: «Если называется исповеданием веры новое изложение своих мнений, то у нас более нет правила истины».

Замечание это было столько же православно, как и глубоко. Для епископа кафеолического, действительно, дело не в объявлении того, что он думает, но в том, какая была вера древняя по преданию и которую следует сохранять. Вне этого правила, нет более правила веры кафеолической. Софроний добавил: «Уверяю вас, что если бы жившие до собора Нивейского и те, которые после него имели бы относительно веры, провозглашенной на этом соборе, такие же мнения, как сейчас было изложено, то не было бы никогда ни прений, ни разделений в Церкви».

Действительно, все были бы арианами и вероучение Ария не возбуждало бы никаких возражений.

Затем возникли споры о формуле такие, что принуждены были закрыть заседание.

На четвертый день снова собрались все партии. Прения возобновились. Аакий поддерживал свои мнения. Елевзий

Кизический ему возражал, настаивая на том, что следует придерживаться учений Отцов. Но, как замечает историк Сократ, легко было ему отвечать, что Отцы Никейские лучше заслуживали этого названия, нежели Антиохийские, то следовало бы провозгласить Символ Никейский, а не формулу собора при освящении. Спросили у акакиан в чем состоит подобие, исповедуемое ими между Отцом и Сыном. Они отвечали, что это подобие воли, а не сущности. Другие же члены утверждали, что между ними подобие сущности. Прения о том продолжались целый день. Акакию противопоставляли его собственные сочинения, где он учит, что Сын подобен Отцу во всех отношениях. «Никто, ответил Акакий, ни между древними, ни между новейшими, не судился по книгам своим». Требование странное, писатель преимущественно в книгах своих излагает свое учение. Так как обе партии спорили с увлечением и не могли согласиться, то Леонтий закрыл заседание. На другой день его просили опять собрать членов на заседание, но он отвечал: «Я получил препоручение от императора присутствовать на собрании, на котором можно согласиться; но как соглашение невозможно, то не могу более присутствовать. Идите болтать в церковь, как хотите». Акакиане воспользовались этим распоряжением уполномоченного императорского и более в собрание не показывались. Прочие же собрались и требовали Акакия для отчета в определении, произнесенном им против Кирилла иерусалимского.

Вскоре будет изложено об этом великом святителе. Теперь же достаточно сказать, что он был осужден и низложен Акакием, считавшим себя в праве так поступить, пользуясь титулом митрополита Палестинского. Кирилл, осужденный Акакием, законным образом протестовал против того перед императором, принявшим его жалобу. Это первый еще раз, говорит Сократ, что был такой протест. Вызываемый снова своими противниками он отвергал их суждение до того времени, пока не был созван весь Восток на великий собор в Селевкию. Он прибыл туда и был готов отвечать своим обвинителям; но они не явились по вызову, потому что сами обвинялись во многих преступлениях,

о которых собор хотел также судить. За отказом их явиться, они были осуждены.³⁴⁶

Но Леонтий и Лаврисий препятствовали исполнению определений собора, вот почему епископы отправились в Константинополь чтобы там обратиться к императору.

Во главе их находился Македоний, который в то время подпал немилости императора.³⁴⁷ Фанатик этот злоупотреблял своей властью до того, что преследовал, ссылал кафоликов, и разрушал их церкви. Новациане, отделявшиеся от кафоликов только по вопросам о благочинии, также подпали гонениям Македония за свое православие. Примиренные общим несчастьем кафолики и новациане собирались в тех же местах на молитву и раскол их прекратился в Константинополе. Не так было в Маптиней, в Пафлагонии, куда Македоний послал воинов для принуждения жителей исповедовать ересь: жители вооружились секирами и всем чем могли защищаться, возникла жестовая битва, жители много претерпели, но воины были избиты все до последнего. Император огорчился, приписывая бедствие это Македонию. Он обвинял его также в кровавом возмущении, возникшем в Константинополе при перенесении мощей Константина. Кафолики смотрели на вырытие тела великого императора православного, как на святотатство. Не взирая на то, Македоний к этому приступил, что произвело возмущение, при котором пролито было не мало крови.

Ответственность перед историей падает на Констанция

Констанций прибыл в Константинополь, находясь под влиянием этих плачевных событий и был ими расстроен, когда члены собора в Силевкии прибыли в столицу. Депутаты собора в Римини также находились там, изменив на сборище в Нисе, во Фракии, препоручению, данному им от собора.

Констанций предпринял тогда ввести этих депутатов в сношение с восточными, для составления формулы, которую можно было считать, исповеданием всей Церкви вселенской.³⁴⁸ Для этой цели акакианцы собрались в Константинополе с несколькими епископами Вифинии и приняли формулу собрания Нисского с некоторыми изменениями. Это, говорит Сократ, была одиннадцатая формула веры, составленная после Собора Никейского.³⁴⁹ Она приобрела нового поборника в лице Ульфила, епископа Готеского, не следовавшего по стопам своего предшественника Феофила, присутствовавшего на Соборе Никейском и подписавшего Символ православный.

Акакиане, зная, что император раздражен на Македония, воспользовались этим и низложили его как виновного во многих убийствах.³⁵⁰ На место же его поставили Евдоксия, переведя его с престола Антиохийского. По явному противоречию они низложили Драконтia за то, что он переменил престол свой в Галитии на престол в Пергаме. Они низложили еще некоторых других полуариан, а также Кирилла иерусалимского.

После того провозгласили они третью формулу Сирмиумскую с изменениями. Депутаты из Римини доставили оную на Запад, равно как и послание, которым депутаты из Селевкии объявляли, именем Востока, что находятся с ними в общении.³⁵¹ Прежде рассказано было, что произошло по прибытии их в Римини. Новая формула навязывалась Западными, многие из епископов позволили себя обольстить и не осмелились отказать в своей подписи. Слабость их служит доказательством, что сами епископы в вопросах о вероучении могут говорить верно и православно только при отстранении

собственных своих впечатлений и твердо придерживаясь вероучения, которое всегда исповедовалось Церковью. Непогрешима только одна Церковь, в свидетельстве своем о непрерывном и вселенском вероучении откровенном, а епископы могут быть только отголосками этой непогрешимой власти, удостоверяя о вероучении откровенном, принимаемом всегда и повсеместно.

Но даже в это плачевное время, о котором повествуется, были святители, твердо стоявшие за чистое вероучение. Во главе всех их святой Афанасий Великий, пославший Констанцию апологию, которая в то же время была защитой его личной и защитой вероучения. Это творение Афанасия написано красноречиво, кротко и убедительно. Святитель представляет в нем свои средства защиты столь художественно, что апология его достойна стать наряду со всеми речами древних ораторов. Апология его *бегства* в пустыню может считаться её продолжением. Здесь он является уже менее кротким, чем в прежнем творении но в это время он более не надеялся склонить Констанция к справедливости и благоразумию, особенно после постыдного пасквиля, в котором император этот, столь же низкий, как и хладнокровно-бесчеловечный, нападает на бегство Афанасия в пустыню, как на дело бесчестное. Он не отвечает прямо Констанцию, но пишет Леонтию Антиохийскому, Наркиссу Нерониадскому и Георгию Лаодикейскому, – настоящим авторам этого пасквиля. Он рисует картину преступлений, сделанных ими, – возмущением Церквей, ссылкой и убийством православных епископов восточных.³⁵² «Вот участь, которую они мне готовили», говорит он; «приказания уже были отданы, когда я решился укрыться от их злобных умыслов. Преступления, соделанные ими на Востоке, их не удовлетворяли. Они заставили сослать Либерия Римского, Павлина, епископа митрополии Галльской (Трира), Дионисия, епископа митрополии Италианской (Милана), Люцифера, епископа митрополии Сардинской (Каглиара), Евсевия, епископа Италианского (Верселя). Все епископы эти были добры, защитники истины, и сосланы только за сопротивление их ереси ариевой.³⁵³ Не

пощадили они от ссылки великого и святого старца Осию, исповедника веры, и самого знаменитого в Церкви.³⁵⁴ На каком соборе он только не председательствовал? Разве не склонял он всех к своему мнению словами своими, исполненными мудрости? Какая Церковь не сохраняет самых знаменитых свидетельств его попечительности? Есть ли кто-либо обращавшийся к нему в день скорби и не возвратившийся утешенным? Есть ли неимущий, которому бы он не пособил? И этот великий муж не избежал их насилий. Они мучили его, в лице его и в лице его семейства, чтобы получить только его подпись. В Александрии, продолжает Афанасий, бешенству их открылось обширное поприще,³⁵⁵ в ту минуту, когда Георгий Каппадокийский вступил в нее с воинами. Дев ввергали в темницы, епископов обременяли оковами, дома странноприимные для вдов и сирот были разграблены, на частные дома нападали ночью, там искали клириков, а если не находили, то семейства их подвергали за то ответственности. Церкви отбирали от верующих, а когда они собирались молиться на кладбищах, то Георгий посылал против них военачальника манихея Савестиана, который зажигал костры и угрожал, что ввергнет туда дев, которые откажутся объявить себя арианками. А когда те отказывались, то он заставлял срывать с них одежды и нагих предавал на поругание воинам. Он заставлял увечить людей и совершать отвратительнейшие жестокости. Подвергал пыткам епископов и изгнанных пресвитеров с такою жестокостью, что большая часть из них от того умерли. Афанасий добавляет: «Эти-то, поощрявшие такие жестокости, ныне упрекают меня, что я укрылся от их бешенства.³⁵⁶ Они в отчаянии, что не могли умертвить меня. Если постыдно бежать, как говорят они, то еще постыднее преследовать. Укрывающийся старается избежать смерти, а преследующий старается умертвить. Если они хотят упрекать меня за бегство, то пусть упрекнут сначала самих себя за гонительство. Когда перестанут они расставлять сети, тогда бегущий остановится. От честного человека не бегут, а бегут от свирепого; бегство мое служит только доказательством их злобы, непрестанно побуждающей их схватить меня.

Апология Афанасия есть только картина преступлений, совершенных арианами против православных. Ответственность перед историей падает на Констанция. Сам он дал арианам власть, которой они злоупотребляли, он отдавал в их распоряжение гражданских и военных начальников провинций и войско.

Не взирая на силу, с которой святой Афанасий нападает на насилия своих противников, он всегда щадил Констанция, пока тот жил. На Востоке привыкли к покорности, которой не знали менее образованные народы Запада.

А потому Иларий Пуатьерский нападает на самого Констанция без всякой пощады. Видя, что первое послание его в пользу сосланных епископов западных не имело никаких последствий, кроме его собственной ссылки, он снова обратился к Констанцию с упреками за преступления и насилия. Несколько ораторских предосторожностей не могли смягчить всей силы слов, как эти:³⁵⁷ «Я епископ, находящийся в общении со всеми Церквями Галлии и их епископами; хотя в ссылке, но я посреди Церкви моей и раздаю причащение через моих пресвитеров. Я не сослан за преступления, но по влиянию партий людей развращенных, оклеветавших меня. В вашем кесаре Юлиане имею я свидетеля оскорблений, мне нанесенных. Император, если вам угодно, то я докажу, что вас обманули, что насмеялись над вашим кесарем; если я уличен в каком – либо преступлении, не говорю недостойном сана епископа, но мирянина добросовестного и честного, то охотно оставил бы епископство и состарился в подвигах покаяния, как последний из верующих... Государь, прошу у вас милости, благоволите выслушать меня перед собором, который ныне созван и не соглашается в вероучении. Вы ищите истины? Узнайте ее, не из новых формул ваших, но из священных книг. Помните, что вера не система философская, но учение евангельское».

Во второй своей книге к Констанцию, Иларий старается воспрепятствовать принуждениям к третьей Сирмгумской формуле; но, видя свои усилия безуспешными, он уже не щадит гонителя.

«Время говорить, восклицает он,³⁵⁸ время молчания миновало. Пусть ожидают пришествия Христова, антихрист уже появился; пастыри да вопиют, наемники предались бегству. Принесем жизнь за овец наших, потому что тати уже вошли в овчарню и лютый лев ходит вокруг их, ища кого поглотить. Устремимся же на мученичество... умрем вместе со Христом, чтобы с Ним царствовать. Хранить долее молчание было бы не умеренностью, но малодушием; всегда молчать столь же опасно, как и не молчать никогда... Боже Всемогущий, Творец всяческих, Отец Господа нашего Иисуса Христа для чего не призвал Ты меня исповедать Сына Твоего Единородного во времена Декиев и Неронов. Тогда, по милосердию Сына Твоего Иисуса Христа, горя Духом Святым, презрел бы мучилища, костры и кресты; не устрасился бы ни быть сожженным, ни брошенным в глубину моря... Мы явно боролись бы с врагами Твоими, с палачами, с убийцами. Но нам пришлось бороться с гонителем лицемерным, врагом ласкательным... Констанций, скажу тебе то, что сказал бы Неронам, Декиям, Максимианам: ты противоборствуешь Богу и Церкви Его, ты мучаешь святых, ты ненавидишь проповедующих Иисуса Христа, ты преследуешь веру, – вот что у тебя общее с гонителями. Своего у тебя вот что: ты притворяешься учеником Иисуса Христа, а ты враг Ему, ты непрестанно составляешь новые формулы веры, а жизнь твоя – борьба против веры; ты назначаешь худых епископов, сторонников своих, а изгоняешь добрых, ты заключаешь в темницы служителей Иисуса Христа и устраиваешь к бою войска свои, на внушение ужаса в Церкви».

По сказанию Суюльпия Севера,³⁵⁹ Констанций, раскаявшись, дозволил Иларию возвратиться в Галлию. Конечно его привела в ужас разительная речь святителя. Сами ариане пособствовали такому доброму расположению; они боялись Илария. Ученость его, красноречие, ревность и мужество его их устрашали. Они представляли его императору, как возмутителя Церкви восточной³⁶⁰ и достигли удаления его без отмены приговора о ссылке. Иларий немедленно отправился на Запад, он пламенно желал снова увидеть

Церковь свою, Галльскую, которая с любовью облобызала этого героя, возвращавшегося с битвы со славой.³⁶¹

Подобно Афанасию и Иларию, Люцифер Каглиарский также упрекал Констанция за ереси его и преступления. Император этот льстил себя мыслию, что над ним благословение Божие, потому что империя благоденствовала. Люцифер представляет ему ряд царей отступников иудейских и Израильских, подобно Констанцию преследовавших народ Божий и царствование которых было продолжительно и по-видимому благополучно.³⁶² По библейскому упражнению этому рассеяны смелые очерки, которыми Констанций не мог остаться довольным.

Епископ Каглиарский, кроме того, обратился к нему с двумя книгами в защиту Афанасия.

«Констанций, говорит он ему,³⁶³ ты заставляешь нас обвинить благочестивого сотоварища нашего Афанасия, во время его отсутствия, но это запрещается законом Божественным. Ты заставляешь, в силу власти, более нежели царской, священников Божиих проливать кровь, но разве ты не знаешь, что поступая так, ты хочешь исторгнуть из сердец наших права на правосудие, которые препоручены нам от Бога. Можешь ли утверждать, что Бог дозволяет осудить отсутствующего, не слышав его защиты, и даже неповинного?»

Люцифер доказывает из писаний, что запрещается осуждать того, кто не признан виновным. Рассматривая множество событий и текстов библейских Ветхого Завета, он мимоходом пускает в Констанция самые язвительный стрелы за насилия его и несправедливости. «Если Илий, говорит он, был упрекаем за проступки сыновей своих, то скажи, Констанций, каких упреков от Бога не получим мы за тебя? Я полагаю, Он скажет нам: вы чтите Констанция более меня. Как же? Потому что повинуюсь повелениям твоим мы нарушили бы повеления Господни, потому что этот Георгий, которого поставил ты на место Афанасия, подобно сынам Илии, сын разврата». Когда Бог повелевал Самуилу идти и помазать Давида, то Самуил отвечал: «Если Саул узнает то, он убьет меня». Слышишь ли Констанций? Как только ты и твои отделились от Бога, на вас стали смотреть не как на людей, но как на диких зверей и

разбойников. «Саул преследовал Давида, которому же из обоих хочешь ты подражать? Ты судья неправедный, убийца поклонников Божиих. Зачем гонишь нас? – Потому что не захотели быть отступниками, как ты, потому что не хотели отречься от едиnorodного Сына Божия».

Епископ Каглиарский противопоставляет Констанцию праведного царя Иосафата. «Поступал ли ты как он? Ты посылал эмиссаров по империи твоей, чтобы все отвергали повеления Божии, чтобы власть твоя заместила власть Божию. Иосафат, напротив того, послал людей самых благочестивых царства своего, левитов и священников Господних, умолят всех подданных его воздавать Богу служение, которое Ему подобает, и явиться истинными служителями Всемогущего; он послал священную книгу написанную Моисеем, чтобы проверить, не делается ли чего противного повелениям Божиим. Ты же не только не соблюдаешь закона Божия, запрещающего убийства, но покидаешь Самого Бога, потому что, вместо соблюдения веры апостольской, ты принимаешь заблуждения ариевы. Иосафат отвратил народ свой от идолов, обратив к Богу, а ты усиливаешься заставить народ тебе вверенный отречься и делаться, как и ты, отступником и нечестивым».

Пробегаая все книги священного Писания, Люцифер находит случай подтвердить, против заблуждений, которым Констанций покровительствовал вероучения Церкви. «Что утверждает святая вера Церкви? – Что один только Бог Отец, Сын Его Единородный, рожденный от истинного и нерожденного Отца, и Дух Святой Утешитель. Что свидетельствует Церковь католическая? – Что Троица совершенна и что Отец, Сын и Дух Святой имеют то же божество. Что утверждает вера блаженной Церкви? – Что ни Отец, ни Дух Святой не воспринимали человечества, но только один Сын. Что еще утверждает вера православной Церкви? – Что один только Сын Божий, непреложный, без изменений, непостижимый, бесконечный, вечный, как Тот, Которого Он Сын. Святая Церковь верует, что Отец, Сын и Дух Святой имеют тоже всемогущество, ту же державу; и эта вера, говоришь ты, Констанций, вера эта

еретическая, а называешь верой кафолической твое заблуждение, то, по которому у Бога нет Сына истинного».

Люцифер во второй книге своей следует тому же методу. Он пробегает книги Нового Завета и находит там тексты, доставляющие ему случай упрекать Констанция в заблуждениях его и насилиях.

Не взирая на высокое положение твое, говорит он, должно считать тебя в числе тех, о которых Господь сказал: «Ваш отец диавол, и вы хотите исполнять похоти отца вашего. Он был человекоубийца от начала и не устоял в истине». Ты лжец и человекоубийца, лжец – упрекая служителя Божия Афанасия в преступлениях, которых он не совершал и, говоря, что ересь есть вера кафолическая, а веру его называешь ересью. Ты человекоубийца, потому что хочешь пролить кровь Афанасия и уже пролил кровь многих служителей Божьих. Конечно, поступая так, ты не устоял в истине, весь погрузился в ложь, потому что отец твой диавол; лжец подвигнул тебя отрицать Единородного Сына Божия и проливать кровь неповинную».

Оканчивая же, он приглашает его подражать Павлу, который из гонителя сделался Апостолом. «Ты также, говорит он, после того как был гонителем и богохульником, можешь стать святым и другом Божиим, если, подобно блаженному Павлу, будешь веровать, что Иисус Христос истинный Сын Божий, и если исповедуешь, что Он царствовал и будет всегда царствовать со Отцом, без начала и конца, если не будешь противоборствовать Писаниям, вопиющим тебе, что Отец, Сын и Святой Дух совечны, если, наконец, будешь веровать, что Отец, Сын и Дух Святой имеют одинаковое Божество. Если будешь иметь веру эту, то и ты некогда примешь участие в сонме патриархов, пророков, апостолов и мучеников. Если же не имеешь этой веры и будешь пренебрегать увещаниями нашими, то пеняй на самого себя, когда будешь мучиться с диаволом и ангелами его».

Люцифер также обратился к Констанцию еще с другой книгой, доказывая, что не следует щадить врагов Божьих.³⁶⁴

Первые творения его казались слишком жестокими. Констанций, которому он осмелился послать их, говорил, что

православные не достаточно уважают его достоинство.³⁶⁵ «Констанций, отвечает на то Люцифер,³⁶⁶ ты упрекаешь нас в дерзости. Ты был бы справедлив, если бы служители Божии обязаны были щадить отступников. Посмотрим, было ли когда-либо так?

Ученый епископ снова рассматривает Библию, доказывая, что во все времена служители Божии не щадили врагов Его.

Ответом Констанция на книги Люцифера была новая ссылка, во время которой ученый епископ перенес самое жестокое обращение; но, не унывая, он обратился к Констанцию с новой книгой: *Следует умирать за Сына Божия*.

Может быть, действительно ему бы пришлось испытать на себе то, о чем учил, если бы сам Констанций не был отозван отдать отчет Богу в преследованиях, которым подвергал защитников истины христианской. Он умер в 361 г. и наследником его стал Юлиан, прозванный богоотступником.

Император этот, отрекшийся Христианства, объявил себя покровителем идолопоклонства, которое старался сделать философическим, не занимаясь внутренними прениями Церкви. Православные и ариане в глазах его заслуживали равного презрения. Православные воспользовались этим расположением и громко поддерживали веру; ариане же, не имея более покровителя, принуждавшего к их учению, увидели себя оставленными всеми епископами, которые были более слабыми, чем еретиками.

Православные на Востоке, принуждаемые к самому глубокому молчанию, во время всего царствования Констанция, возвысили свой голос, как только гонитель умер. Они обратились к Церкви Галльской, веру которой знали по вере сосланных епископов, а особенно Илария Пуатьерского. Этот именно великий епископ получил послание православных восточных и созвал, для ответа им, собор из епископов галльских в Париже. Святой Иларий сохранил для нас ответ их, которого вероятно был сам главным составителем. Он таков:

«К нашим возлюбленнейшим и блаженным братьям, епископам восточным различных провинций, пребывающим твердо во Христе, епископы галльские, радоваться.

«От полноты сердца, с верою благодарим Бога Отца, через Господа нашего Иисуса Христа, за просвещение нас познанием вероучения Своего, через проповедь пророков и апостолов и предохранение нас, таким образом, от мрака, в котором удерживались слабостью человеческой и мудрованиями века сего. Действительно, одна только твердая надежда ко спасению, – это исповедание Бога Всемогущего и Сына Его Единородного Господа нашего Иисуса Христа во Святом Духе.

«Но имея сильное побуждение благодарить Бога за избавление нас от заблуждений мира, не менее того должны благодарить Его за предохранение от ереси. Действительно, из посланий ваших к возлюбленному брату нашему и сотоварищу Иларию, уведомились мы об обольщениях диавола и происках еретиков против Церкви Господней, с целью отделить Восток от Запада, обманывая тот и другой. Многие из собиравшихся или в Римини или в Нисе принуждены были, по примеру вашему, который им выставляли, согласиться не упоминать слова *единосущный*; однако выражение это придумано было вами же для борьбы с ересью ариан и мы свято и верно его сохранили.

«Равным образом приняли мы слово *ὁμοούσιος*, как совершенно выражающее истинное и законное рождение, которое Бог *единородный* имеет от Отца, отвергая вместе с тем и слияние, о котором учил Савеллий и делимость сущности божественной; веруя, что Бог не рожденный цел и совершен, что Бог рожденный, также цел и совершен, исповедал, следственно, что между Ними тоже бытие, та же сущность, без всякого понятия ни о твари, ни об усыновлении, ни о препоручении».

Изложив подробно веру о божестве Иисуса Христа и Его человечестве, епископы галльские продолжают:

«Возлюбленнейшие братья, из посланий ваших мы узнали, что воспользовались простотой нашей относительно отмены выражения *единосущный*. Брат наш Иларий, верный проповедник имени Господня, также сообщил нам, что посланные из Римини в Константинополь не могли решиться осудить богохульства еретиков, хотя вы к тому их приглашали, как то доказывает послание ваше. Вследствие чего мы

отменяем все сделанное легкомысленно и по неведению. Согласно посланиям вашим, считаем отлученными Авксентия, Урзаса, Валенса, Каия, Мегазия и Иустина. По свидетельству брата нашего Илария, отказавшегося от общения с еретиками, мы осуждаем богохульства, о которых вы упоминаете в послании вашем, и отвергаем как богоотступников тех, которыми были заменены верные епископы, осужденные на ссылку, и провозглашаем, что отвергнем от общения нашего и от священства тех в Галлии, которые откажутся подчиниться сим определениям нашим».

Епископы галльские, оканчивая, говорят, что утверждают осуждение и низвержение Сатурнина Арльского, епископа недостойного, по еретическим его мнениям и по многим преступлениям, которые он умел долго скрывать.

Епископы православные вступали в сношение, чтобы поставить твердый оплот ереси. Евсевий Версельский, один из твердых опор православия на Западе, писал Григорию епископу Эльвирскому, в Испании, поздравляя его, что не дал обольстить себя примером Осии.³⁶⁷ Между епископами православными некоторые, как Люцифер Каглиарский, были чрезмерно строги к ослабевшим перед происками арианскими и насилиями Констанция. Другие же оказывали терпимость и не считали еретиками пожертвовавших скорее словами, нежели истинным вероучением Церкви. Многие соборы в Египте и в Греции выразились за снисходительность. Либерий Римский, которому особенно нужно было проповедовать терпимость и в которой так нуждался сам, писал епископам Италии послание, в котором, ссылаясь на соборы в Египте и Греции, советует быть снисходительными к тем, кто, открыто исповедуя веру Никейскую, положительно будет осуждать учение Ария.³⁶⁸

Епископы Италии вошли в сношение с епископами Иллирии и писали им, что в провинциях своих они предписали придерживаться веры Никейской и считать не состоявшимися противоречащие определения в Римини.

Между арианами некоторые, как Валенс, упорствовали в своих заблуждениях, не взирая на анафемы, которыми поражали их со всех сторон. Другие, как Герминий

Сирмиумский, не допуская выражение *единосущный*, исповедовали вероучение истинно православное.³⁶⁹

Но хотя большая часть епископов исповедовали веру православную после смерти Констанция, все-таки арианство пустило глубокие корни и мы увидим, как ересь эта снова стала возмущать Церковь.

II. Император Юлиан – богоотступник, идолопоклонник и мучитель Христиан

h6C (*В кратковременное царствование свое наделал он много зла, не сделав ничего доброго*) (361–363).

Распри арианские, усиливаемые вмешательством Констанция, должны были иметь плачевные последствия на Христианство. Язычество сохранило еще многочисленных приверженцев; они торжествовали, видя, как епископы жертвовали, так сказать, главным своим основанием, поддерживая, что Христос был Бог, не имеющий той же сущности, как Бог-Начало, и имел только божество по уполномочию. Если догмат арианский истинен, почему бы не распространить его на другие существа, кроме Христа, и не увеличить число богов второстепенных? Действительно, говорили язычники, мы признаем только одного Бога Вышнего и Вечного, другие же – только люди возведенные в достоинство богов, по их достоинствам и исключительным их заслугам. Когда Юлианий, столь известный под названием Юлиана богоотступника, наследовал Констанция на престоле императорском, идолопоклонство не было еще побеждено. Оно даже оставалось, так сказать, официальной религией. Константин и его сыновья были еще верховными первосвященниками идолопоклонства, хотя исповедовали Христианство. Идолопоклонники всегда смотрели на религию свою как на отрасль общественного управления, они давали Константину и сыновьям его те же титулы, как императорам языческим, и должно предполагать, что, по расчетам политики, Константин и сыновья его не крестились ранее, как не задолго до своей смерти.

Некоторые из христиан с горестью переносили эту терпимость. Между ними, один ритор благородного происхождения, Фирмик Матерн, не устрасился испрашивать крутых мер против богослужения идолопоклонников.³⁷⁰ Он просил их от Константа и Констанция, что обозначает время когда появилось его творение. Автор, чтобы дойти до своего

заклучения, сначала изложил заблуждения идолопоклонства в различных странах вселенной. Творение его включает в себе замечания и факты, которые интересно прочесть, даже после творений других христианских писателей, как-то: Минуция Феликса, Евсевия и Арнобия о том же предмете. Заклучает же он, умоляя императоров, привести в исполнение повеление Божие, данное иудеям о разрушении идолов. «Священнейшие императоры, говорит он, сделайте приказанное Богом. исполните что Он повелел. Разве десница Божия оставила вас? Разве она отказала вам в помощи в обстоятельствах затруднительных? Войска врагов ваших пали пред вами, оружие выпало из рук возмущившихся. Господь наградил тем веру вашу, но вы обязаны за то позаботиться, чтобы мир приносил только жертвы духовные».

В сборнике Феодосия хотя и находятся эдикты этих двух императоров против идолопоклонства, но видно, что они осмеливались только преследовать таинства скрытые, народные суеверия, а не общественное и явное идолослужение. Слишком ревностные христиане иногда, переступая пределы, нападали на храмы и на статуи языческие, не имея на то законного права. Тогда императоры хотя и христиане, но приказывали исправлять разрушенное за счет казны. По расчетам политики, они щадили то, что в сущности осуждали и, покровительствуя христианам, не решались преследовать идолопоклонников. Терпимость или равнодушие – вот главные качества, которых они требовали от высших сановников империй, были ли они христианами, или язычниками.

Таким образом, понятно, что идолопоклонство сохранило еще большее влияние до царствования Юлиана. Народные суеверия, вековые привычки народов в короткое время не изглаживаются, даже при эдиктах, их запрещающих и учениях, доказывающих их ложность. Кроме того, литераторы и философы вообще не были очень расположены, оставив знаменитых наставников своих, вступить в религиозное общество, не имевшее таких образцов, как Гомеры и Платоны. Они предоставляли простому народу или честолюбцам новую

религию, в которой Наставником был только распятый. Сами же они этой варварской и иудейской секте предпочитали образованность древних Греков и с гордостью называли себя Эллинами, в противоположность имени христианина. Апологеты христианские оставляли за ними этот титул; в духовной же литературе четвертого столетия Эллина – было синонимом язычников и идолопоклонников.

Софисты эллинские, в нападках своих на Христианство, преимущественно старались доказать, что вера христианская не литературная и не философическая, и что последователями её могут быть только люди без воспитания и без вкуса. Они уничижали писателей христианских, едва признавая некоторые достоинства только за самыми знаменитыми. Ныне же, когда творения тех и других можно сравнивать, легко видеть, стоят ли беседы Златоуста бесед Либания. И философические творения Афанасия, Василия Великого и Григория Назианзина не превосходят ли творений Максима и прочих софистов. Упреки софистов и усилия Юлиана довести христиан до невежества остались не без влияния на развитие литературы христианской, которая в четвертом и пятом столетиях до того развилась, что далеко оставила за собой писания софистов языческих того же времени. Запад подражал Востоку и начиная с четвертого столетия мог поставить своего Дамаса Римского, Амвросия Миланского и некоторых других на ряду с Афанасием, Василием Великим, Григорием Назианзином и Кириллом Александрийским.

Софисты четвертого столетия развили систему неоплатонической школы Александрийской и преимущественно старались придать язычеству приемы философические. Порфирию преемствовал Ямвлих по управлению школой и философа этого можно считать настоящим виновником слияния мифологии с философией.³⁷¹

По время юности своей, Юлиан по-видимому с большой точностью выполнял обязанности чтеца в Церкви; но, в сущности, имел более склонности к философии, нежели к Церкви, и если бы не боялся Констанция и старшего брата своего Галла, то ранее бы обнаружил свои наклонности. В

Пергаме он пытался войти в сношение с Эдезием, учеником Ямвлиха и последователем его философии; но старый мудрец не осмелился вверить своих тайн Юлиану, из боязни преследования, которому не хотел в преклонных летах подвергаться. Он посоветовал Юлиану обратиться к ученикам своим, Евсевию и Хрисанту, не имея возможности препоручить его Максиму, жившему в Ефесе, и Приску, преподававшему в Греции. Но Хрисант и Евсевий, подобно Эдезию, не осмеливались переступить за пределы общих форм философии неоплатонической. Им хорошо были известны законы, изданные против чародеев и распространителей суеверий языческих, а потому опасались преследований ; но по настоянию Юлиана, который догадывался, что они знают более нежели хотят сказать, отослали его к Максиму, соблюдавшему менее осторожности.

Юлиан поспешил в Ефес и нашел в этом городе человека, которого искал. Максим был софистом, философом и мистиком; голос у него был громкий и гармонический, речь поэтическая, глаза быстрые, а длинная белая борода придавала ему вид важности. Это был последний первосвященник, достойный представитель разрушавшегося идолослужения. Он выдавал себя за истолкователя воли богов и действительно находился в общении со злыми духами, столь долго требовавшими обожания, как боги.

Максим посвятил Юлиана в свои таинства и возобладал над ним до того, что сделал совершенным язычником; однако, из приличия, Юлиан сохранил наружность христианскую. «Подобно льву, говорит Либаний,³⁷² разорвав приковыливавшие его узы, он предпочел истину заблуждениям, богослужение истинное богослужению любодейному, древних наставников дерзостным нововводителям, которые их презирают. Только он сделал наоборот того, что говорится в древней басне: «не осел надел на себя львиную кожу, а лев сохранил до времени ослиную».

Между софистами того времени было решено, что христиане ослы.

После смерти брата своего Галла, Юлиан был вытребован ко двору и жил там как подозрительный. По ходатайству императрицы Евсевии, он получил дозволение отправиться в Афины для усовершенствования своего образования.

Афины славились тогда своими школами и ученики собирались туда из всех провинций. Многобожие сохранило там многих приверженцев и философия неоплатоническая имела многочисленных поклонников.

Когда Юлиан прибыл в Афины, тогда там находились два ученика, впоследствии ставшие двумя светилами Церкви восточной: Григорий, прозванный после богословом и ставший епископом Назианза, а также Василий, впоследствии епископ Кессарии. Григорий описал впечатление, произведенное на него новым его товарищем³⁷³ и заставившее его заранее предвидеть, что из него выйдет. «Ничего в нем, говорит он, не заставляло меня предвидеть что-либо доброе: он непрестанно вертел головой, то подымал, то опускал плечи; взгляд его нерешительный и блуждающий, имел что-то вроде взора помешанного; он не мог держать ног своих спокойно и непрестанно ими шевелил; нос его дышал дерзостью и презрением, беспрестанные подергивания в лице имели тот же характер; иногда предавался он неумеренному и неприличному смеху, утверждал и отрицал без причин, говорил без разбора, обращался с вопросами и отвечал бессмысленно, противоречиво и без научного смысла. Тогда же сказал я находившимся со мною в Афинах: *Какого злого человека питает империя римская.* Желал бы быть худым предсказателем, лучше бы я ошибся, чем стать свидетелем зол, которыми чудовище это исполнило весь мир.

Юлиан уже был обращен в идолопоклонство, когда сделался кесарем. Сам он объявляет это в письме своем к Афинянам. «Вы знаете, говорит он, как я плакал, покидая ваш город. Простирая руки к вашему Акрополю, я молил богиню вашу Менерву спасти её служителя. Между вами есть еще свидетели, которые могут это удостоверить, и сама богиня знает то».³⁷⁴ Другие свидетельства равным образом утверждают, что с того времени был он богоотступником, но, по политике и боясь

Констанция, оставался по видимости христианином очень набожным.

Когда же увидал, что влияние его и власть утвердились надежно в Галлии, где управлял, он мало-по-малу выказывал себя менее христианином, более философствующим и, наконец, идолопоклонником. Однако он все-таки был осторожен с Константием и находил время, среди непрестанной войны и обширного управления, писать панегирики в честь его и императрицы Евсевии.³⁷⁵ Во время пребывания своего в Галлии, Юлиан казался человеком гениальным. Оставляя Афины он был только софистом, несколько времени спустя – мужественным и разумным военным начальником и искусным администратором. Сначала покажется удивительным, что он, переставши быть христианином, сделался идолопоклонником суеверным, веровавшим в магию и в сверхестественное дурного качества, которое составляет сущность идолопоклонства простонародного. Новейшие философы много его хвалили, как одного из своих, за то, что оставил Христианство; но вместо того, чтобы вдаться в философию скептическую, Юлиан сделался суеверным ханжой и фанатическим идолопоклонником. Во дворце своем в Лютетии, построенном Константином Великим,³⁷⁶ он жил философом; но суеверно, на коленях, призывал Меркурия, бога представителя деятельности в мире, и готовился явить вселенной государя-философа, по образцу героев древности, великие деяния которых поражали его воображение. Героя мужественного и набожного как у Гомера, вот тип, который хотелось ему собой воспроизвести, но он останавливался на философских мышлениях и все откладывал приложение своих теорий до другого времени. Действительно, в Галлии он не предпринимал никакой важной административной меры, не оставил ни одного закона, ни одного памятника, чтобы имя его осталось бессмертным. Но не возможно отрицать честности его управления, а потому приобрел он много врагов между должностными, слишком привычными во все времена к грабительству. Враги насмехались над претензиями его на философию и литературу. «По маленькому телу своему и

нечесаной бороде, говорили они,³⁷⁷ он более походит на козу, чем на человека, а еще более на обезьяну, одетую в багряницу; это болтливый крот, но хотя он близорук, язык у него как бритва. Это писака греческий, предпочитающий кабинет свой полю битвы. Если бы отнять у него Саллюстия, друга его Галла и ученого воина, то вскоре увидели бы, что успехи его принадлежат не ему и он ни на что не способен.

В творениях Юлиана, конечно, было множество педантства, но так уничижавшие его были к нему несправедливы.

В 360 г. он тайно подготовил в войске заговор против Констанция, который, как говорили, совершенно оставляет Галлию и занимается только Востоком. Юлиан показывал вид, что сопротивляется провозглашавшим его Августом, но сопротивление его было только по видимому, и вскоре он уступил, когда Гений Империи, будто явившись ему, приказал принять предлагаемый титул. Хотя он давно уже был идолопоклонником и предавался всем суевериям магии, однако не осмеливался вдруг отречься веры и в большой праздник 6 января 361 г. читал вслух молитву в церкви, перед всем народом.³⁷⁸ Но успехи его, когда, оставив Галлию, выступил против Констанция, придали ему смелости. Узнали мнения его, благоприятствовавшие идолопоклонству, храмы языческие отворились, идолослужение приняло вид более пышный; Юлиан подавал собой пример и чтобы изгладить знамение крещения, им принятого, он заставил облить себя идоложертвенной кровью,³⁷⁹ принес в жертву сто телиц³⁸⁰ для доказательства торжественного вступления своего в идолопоклонство, и не скрывал уже намерений уничтожить Христианство.

Тем временем Констанций умер (361), а Юлиан был признан императором во всей империи.

Исповедуя идолопоклонство, он оказывал терпимость христианам и идолопоклонникам. Вызвал из ссылки православных епископов и велел возвратить им отобранные имения; но в то же время стараясь угодить язычникам, препоручал друзьям своим открывать храмы.³⁸¹ Он прогнал в то же время от двора всех должностных ненужных для императора-философа и холостого. Жена, с которой вступил в

брак, из угождения императрице, умерла вскоре после того, как согласилась на этот горестный союз, и Юлиан не рассудил в другой раз жениться. Для некоторых, по природе, женитьба есть только иго невыносимое.

В сущности, Юлиан вызвал епископов из ссылки не по духу терпимости, но надеясь, что с возвращением православных епископов к их Церквам, где престолы были уже заняты еретиками, произойдут смуты, весьма пагубные для религии.³⁸²

Однако же он не хотел казаться сторонником возмущений и разделений и в этом смысле писал народу Александрийскому. Георгий лже-епископ этого города³⁸³ получил от Констанция в собственность живодерню, где приверженцы служений Мифры совершали свое таинственное служение. Георгий решился очистить это место и построить там церковь. Когда же начали рыть основания, то открыли множество человеческих трупов и пришли к убеждению, что это были остатки закланных, для кровавых жертвоприношений идолопоклонства, а в особенности служений Мифре. Христиане носили по городу эти горестные остатки кроважадного суеверия, язычники же до того тем озлобились, что напали на христиан, с мечами, палками и камнями. Множество было убито и ранено, а также многих пригвоздили к крестам, из презрения к этому знамению Христианства. Члены того же семейства воспользовались этим случаем на удовлетворения памятозлобия своего и ненависти, родственники дрались между собой, друзья и братья бросались друг на друга, как бешеные. Христиане принуждены были отказаться от намерения очистить место, где прежде находился храм Мифры, а Георгия, привязанного к хвосту верблюда, таскали по всему городу и, разорвав в куски, сожгли вместе с верблюдом, к которому он был привязан.

По случаю этих убийств Юлиан написал жителям Александрии престранный рескрипт. Он говорил им, что из уважения к великому богу Серапису и другим бессмертным богам им не следовало бы самим расправляться с кажущимися для них виновными, но следовать законному порядку. При предшественниках Юлиана совершенные убийства не остались

бы безнаказанными; он же довольствовался только предупреждением, чтобы впредь так не поступали.

Этот рескрипт Юлиана служит, по крайней мере ответом для обвинявших приверженцев Афанасия в пособии убийства лже-епископа. Юлиан обвиняет в том только язычников Александрийских.

Афанасий³⁸⁴ прибыл в город только после смерти Георгия, хотя ранее мог бы воспользоваться декретом Юлиана о вызове из ссылки православных епископов. Народ Александрийский принял его с радостью, выгнал ариан из церквей и возвратил их православным. Ариане удалились совершать свое богослужение в худые убежища и выбрали некоего Ликия в преемники епископу своему Георгию.

В то время было два епископа западных заточенными в глубине пустыни Фиваидской, где их застал декрет Юлиана о помиловании.³⁸⁵ Два епископа эти были: Люцифер Каглиарский и Евсевий Версельский, о которых было уже говорено. Они условились между собой, что прежде нежели оставить Восток, то потрудятся над восстановлением церковного благочиния, сильно расстроенного смутами арианскими. Люцифер должен был отправиться для того в Антиохию, а Евсевий пойти в Александрию. Ему следовало условиться с Афанасием о созыве собора, на котором догматы кафоличества будут подтверждены. Люцифер же послал в Александрии диакона для своего представительства и для объявления согласия своего, на все, что будет определено.

По прибытии в Антиохию, Люцифер нашел Церковь эту очень разделенной. Там были не только ариане и православные, но последние разделились даже на две партии.

Во главе одной из этих партий находился Мелетий, бывший сначала епископом армянским, после низложения Евсфатия Сегастийского, справедливо или несправедливо упрекаемого во многом против благочиния церковного. Мелетий, не имея возможности оставаться в Армении, перешел в Сирию, где был избран в епископы Версели. Он присутствовал на соборе в Селевкии, и согласился на формулу, предложенную Акакием Кессарийским. Когда же Евдоксий, арианский епископ Антиохии,

по искательству своему назначен был епископом Константинопольским, то Мелетия избрали на место его епископом Антиохийским. Оставив вопросы, столь сильно волновавшие Церковь, занялся он сначала преимущественно нравственностью и восстановлением благочиния. Впоследствии же учил вере Никейской и принял искренно выражение Единородный. Констанций был тогда еще жив, он приказал послать Мелетия в ссылку и поместить на престол Антиохийский Евзоя, бывшего помощником, Ария в Александрии и который упорствовал в ереси друга своего. Мелетий сохранил, однако, приверженцев, имевших свои отдельные собрания и пребывавших в православии, не взирая на прежние сношения с епископами арианскими. Рядом с ними были прежние православные, никогда не сообщавшиеся с арианами, со времени несправедливого низложения святого Евстафия.

Люциферу, ревностному защитнику православия, следовало войти в общение с этими древне-православными и стараться их примирить с приверженцами Мелетия, ставшими также православными; но, вместо того, он пристал к последним и рукоположил одного из них, по имени Павлина. Таким образом у ново-православных стало два епископа, потому что сосланный Мелетий был жив, а у древне-православных епископа не было. Когда Мелетий возвратился в Антиохию, то приверженцы признали его законным своим епископом.³⁸⁶ Многие, однако, привязались к Павлину; но как тот так и другой оба были православными, то древне-православные присоединились некоторые в одному, а некоторые к другому, и в Антиохии у православных стало два епископа. Ариане же остались со своим Евзоем.

Евсевий Версельский выполнил свое призвание в Александрии благоразумнее, нежели Люцифер в Антиохии. Он условился с Афанасием о созыве собора.³⁸⁷ Епископы страны собрались и рассуждали о вопросах, признаваемых ими в тех обстоятельствах за важнейшие. Внимание их всего более обращено было на божество Святого Духа.

Выше еще сказано было, что Аэций и Евномий, ариане последовательные, отрицали единосущность Святого Духа со

Отцом. Ясно и то, что заблуждение это истекало из учения арианского. Если Сын не имеет той же сущности как Отец, если только один Отец, по необходимому условию бытия Своего, имеет сущность божественную, то Сын и Снятой Дух имеют божество лишь заимствованное, полученное; только один Отец есть Бог по сущности, и два Бога по препоручению, имеющие божество только *заимствованное*. Арий довольствовался нападением на единосущность Сына. Ученики же его должны были идти далее, и, действительно, вскоре после Собора Никейского, поднят был вопрос о божестве Духа Святого. Вопрос этот должен быть принять широкие размеры и возбудить созвание второго собора вселенского.

Не Аэций и Евномий собственно подняли этот вопрос, но они придали ему большее значение, по философии, ими развитой для поддержания ереси. Арианский епископ Константинополя, Македоний придал этому вопросу еще более значения, по высокому положению, занимаемому им в Церкви.

Афанасий рассудил, что следует выразиться против новой ереси столь же решительно как и против прежней. Вероятно софисты александрийские, приняв доводы Аэция и Евномия, рассуждали о них в своих школах. Епископам необходимо было предохранить верующих от этого нового заблуждения. Они постановили несколько догматических определений, то есть провозгласили веру, которую Церковь всегда проповедовала: «Святой Дух единосущен со Отцом и Сыном во Святой Троице; Сын вочеловечившись воспринял на Себя не только тело, но и душу человеческую». Определяя эти два положения, говорит Сократ, епископы не провозглашали нового учения, но подтвердили только то, которое по преданию церковному поддерживалось с самого начала, и которое философы христианские подтверждали своими доводами. Все древние рассуждали о вопросах этих, изложив в творениях своих то же учение, таковы были: Ириней, Климент, Аполлинарий Иеропольский, собор в Босре, созванный против Берилла и противоборник этого епископа Ориген, пресвитер Памфил и Евсевий Кессарийский.

Епископы, собранные в Александрии, не удовлетворялись провозглашением только веры; им хотелось, по примеру философов христианских, осветить ее светом философии. А потому они рассуждали о сущности и ипостаси.³⁸⁸ Последнее слово было двусмысленно и епископам хотелось установить настоящий его смысл. Некоторые, приписывая слову ипостась то же значение как и слову сущность, утверждая будто в Божестве только одна ипостась. Другие же приписывали слову этому значение лица или личности и утверждали, что в Божестве три ипостаси как те, так и другие были правы, по смыслу, приписываемому ими спорным, словам. Во избежание всяких прений между православными, следовало определить значение, под которыми следовало разуметь слова *сущность* и *ипостась*. Когда еще Осия послан был Константином в Египет остановить в самом начале распри арианские, то возникло философское прение о словах этих, равно как и о ереси савеллиевой, которую Арий полагали опровергнуть своей системой. Собор Никейский не рассудил входить в рассмотрение этого. Но вскоре после собора непрестанно стали употреблять при прениях богословских слова ипостась и сущность, не имевших на греческом языке строго определенного значения.³⁸⁹ Собор Александрийский не счел себя в праве определить точное значение слов этих, но решил, что – говоря о Боге – не следует их употреблять; так как слово *сущность* по находится в священном Писании и даже Апостол Павел употреблял слово *ипостась* только в смысле неопределенном, по необходимости и по недостатку слова более ясного для изложения вероучения. Можно было, однако, по мнению собора, употреблять оное, для более ясного опровержения ереси савеллиевой, из опасения, чтобы по недостатку выражений не имели бы ложного понятия о Святой Троице.

После собора в Александрии,³⁹⁰ Евсевий отправился в Антиохию. Там он убедился, что Павлин не был избран с согласия всех православных и что Люцифер, рукоположив его, произвел между ними раскол. Он старался предварительно примирить православных между собой, но все усилия его оказались тщетны. Мелетий, по возвращении своем из ссылки,

нашел верными своих приверженцев и председательствовал в их собраниях. Павлин также остался во главе приверженцев своих, собиравшихся в небольшой церкви одного из предместий города. Евзой, епископ арианский, вознамерился было изгнать его оттуда; но оставил это намерение по уважению, внушаемому этой почтенной личностью.

В Антиохии было, таким образом, в одно время три епископа, один еретический и два православных. Вот в каком положении были дела, когда Евсевий оставил Антиохию. Люцифер, узнав, что он не одобряет его поступка, до того вознегодовал, что отделил от общения своего святителя Версельского и стал оспаривать деяния собора Александрийского, на котором тот председательствовал вместе с Афанасием. Люцифер приобрел сторонников, принявших название люциферистов и производивших новое разделение в Церкви; однако он исповедовал всегда веру православную и только оставался одиноким в своей Церкви Сардинской. Некоторые из его сторонников упорствовали и, после смерти Люцифера в его мнениях, но раскол этот не имел большого значения и вскоре угас.

Евсевий, возвращаясь к Церкви своей, благовествовал в Церквах восточных, лежавших на пути и преподавал там истинное вероучение православное. С Востока перешел он в Илларию, а оттуда в Италию, продолжая повсюду свою проповедь. Вместе с Иларием Пуатьерским он был самым ученым защитником православия на западе.³⁹¹ Весь Запад вместе с ними объявил себя за это вероучение. На Востоке же было много православных, но епископы там разделялись на три группы: православных – во главе которых находился Афанасий; акакианцев, следовавших учению чисто арианскому – Акакия Кесарии Палестинской и македонян – заимствовавших именование свое от прежнего епископа Константинопольского. Они полагали, что придерживаются настоящей середины между допускающими единосущного и теми, которые полагают, что Сын иной сущности со Отцом. Они придерживались, следственно, выражения *подобносущный*. Из этой-то группы вышло македонство – ересь, в которой прилагалось к Святому

Духу то же учение, которое распространялось о Сыне. Обоим отказывали они в действительном божестве, приписывая им только божество заимствованное. Это было возобновлением язычества.

Не взирая на эти различные партии, тайные замыслы Юлиана не удались, и возвращение православных епископов, вместо побуждения новых смут, послужило более к умиротворению многих Церквей. Но идолопоклонники, поощряемые императором, предавались самому грубому фанатизму против христиан. При начале царствования своего,³⁹² Юлиан охотно оказывал христианам правосудие, когда, поступая так, мог возбуждать порицание памяти своего предшественника; но вскоре оставил эти ложные признаки философской терпимости. Он насмешливо называл Иисуса *галилеянином*, а христиан *галилеями*. Православные и ариане в глазах его заслуживали того же презрения. Должно, однако, сознаться, что между арианами многие явили истинную веру, которая заставляет предполагать, что они заблуждались более в следствии ложной диалектики, нежели с намерением исповедовать мнения, противных истинному вероучению. В том числе был Марис из Халкидона, старик и слепой. Приведенный к императору, он мужественно упрекал его за отступничество. Юлиан насмеялся над ним и сказал: «ты только слепой, и не твой Бог галилеянин может исцелить тебя. – Благодарю Бога, отвечал Марис, что отнял у меня зрение; теперь я не имею несчастья видеть лицо богоотступника». Юлиан скрыл на время гнев свой; но вскоре после того отомстил. Ему не хотелось подражать Диоклетиану, он знал, что через насильственное гонение Христианство сделалось более народным. Он изобрел другое средство, и будучи философом, так сказать другом разума и познаний, издал закон, запрещающий христианам образование.

Закона этого достаточно для точной оценки гениальности венчанного философа. Он издал еще другой – запрещающий христианам военную службу при дворе. Еще другим постановлением он объявил, что звание правителя провинции несовместимо со званием христианина, потому что закон

христианский противен смертной казни и правители христиане, по религии своей, не могут произносить смертных приговоров.

Юлиан полагал, что осмеивает христиан, но в сущности отдавал справедливость духу Христианства.

К этому лицемерному гонению Юлиан присоединял еще ласкательства и подарки, желая довести царедворцев до жертвоприношения идолам. Испытание было решительным: истинные и ложные христиане обнаружались. Искренние оставляли знаки своего достоинства, не соглашаясь изменить вере. В числе последних были: Иовиан, Валентиниан и Валент, сделавшиеся после Юлиана императорами. Предпочитавшие же вере своей блага временные и христиане только по наружности не колеблясь приносили жертвы идолам. Из числа таковых был Экиболус, знаменитый софист в Константинополе. При Констанции он выражал большое усердие к Христианству, стал не менее ревностным идолопоклонником при Юлиане, и снова сделался христианином при его преемниках. Тогда простирал умиление свое до того, что, лежа при входе в церковь, говорил верующим: «Попирайте меня ногами, как соль обуявшую». Но никто более не верил его искренности.

Юлиан придумал еще средство вредить христианам. При вступлении на престол, он намеревался воевать с Персами, делавшими во время царствования Констанция частые набеги на пределы империи. Для того необходимы были деньги и он решился взять их с христиан. Сначала обложил податью, отказывающихся приносить жертвы идолам и приказал взыскивать ее чрезвычайно строго. Сундуки его вскоре наполнились, что доказывает, как христиане были многочисленны и тверды в вере.

Налог этот, взыскиваемый столь усиленно, возжег фанатизм язычников, а в особенности считавших себя философами. Те и другие насыщали ненависть свою над бедными детьми, а как философы предавались магии, то они убивали детей, наслаждались их мясом а во внутренностях отыскивали чародейственных признаков. Не только в каких-либо местечках, еще варварских, происходили подобные неистовства, но в городах образованных, как Афины и Александрия.

В этом городе был у язычников могущественный противнику – святой Афанасий. Новое поприще открылось тогда для святителя и он не колебался на него устремиться, составив против идолопоклонства свое творение под заглавием: *Слово против Эллинов*.³⁹³

Автор обращается со Словом к одному из друзей, сделавшемуся христианином, приветствуя его за такой поступок. Сначала он удостоверяет, что противники нападают на Христианство насмешками: «Язычники, говорит он, оскорбляют нас и насмеваются над нами, за то, что Спасителем нашим является Распятый. Смех их достоин сожаления. Невозможно не заметить им во всем мире действий креста этого, предмета их насмешек».

Вместо того, чтобы самому прибегать к насмешкам против идолопоклонства, Афанасий нападает на самую сущность язычества.

Начало идолопоклонства, по мнению св. Афанасия, есть только уклонение ума человеческого от здравых понятий, дарованных Богом с самого начала. Истина и добро были в намерениях Божиих; но человек, злоупотребляя своими способностями, отвергнулся от Бога, увлекся вещественным и сделался дурным. Зло воцарилось в мире, язычники захотели придумать для него начало вечное, еретики впали в такое же отклонение. Зло есть только отрицание добра, одно только доброечно. Забвение же добра породило идолопоклонство.

Писатель доказывает свое мнение разъяснением различных богослужений, составлявших идолопоклонство в различных странах мира. Эти идолослужения не что иное как обоготворения зла и преступлений самых постыдных. Они служат внутренним доказательством ложности идолопоклонства. Тщетно философы пытались отделить идею о Боге от разнообразных форм богослужений; формы не давали истинного понятия о Боге, и, в общем понимании, идолы были настоящими представителями порочных богов, постыдные деяния которых описаны были поэтами и историками.

Язычникам, при возражениях Христианства, хотелось приравнять богов своих ангелам христианским, как будто они

также существа высшие, подчиненные единому, всевышнему Богу. Афанасий опровергает этот подлог самыми ясными свидетельствами. Понятие о едином Боге не было господствующим, каждый народ, всякий город, имели своих собственных богов, предпочитая их богам чужим; повсюду распространена была идея о богах различных, многочисленных.

В этом творении Афанасия находятся очень любопытные сведения о различных идолопоклонствах и о сущности борьбы в четвертом столетии между идолопоклонством и Христианством. Идолопоклонство, так сказать, стыдилось своего богопочитания и в ответ на возражения христиан пыталось дать ему значение аллегорическое и сколько-нибудь разумное; но не могло в том успеть иначе, как отрицая всю историю и все обряды своего богопочитания.

Картина заблуждений человеческих приводит Афанасия к тому выводу: что Бог, по благодати Своей, послал Слово обратить мир к истине и добру. Затем, излагает он сущность Слова, которое не Бог отличный от Отца, но образ Его предвечный и существенный. Таким образом опровергал он арианство, которое, не допуская идолопоклонства, освящало начало оно, допуская истинного Бога, получившего божество и не имевшего его по сущности.

Слово святого Афанасия о воплощении Бога Слова есть продолжение предшествовавшего.³⁹⁴ Ему следовало объяснить язычникам, что Слово Божие вочеловечилось, для доказательства, во-первых, что Бог един по сущности, что Христианство происхождения божественного и есть откровение Божие. Он противопоставляет происхождение идолопоклонства происхождению Христианства, указывая, что философически идолопоклонства поддерживать невозможно и отвечает на возражения его Христианству.

Святитель Александрийский был не таким, чтобы вступать в сделку с обстоятельствами. Он предпочел ссылку и подвергался смерти охотнее, нежели изменить вероучению христианскому в царствование Констанция. При Юлиане он лучше соглашался подвергнуться тем же опасностям, нежели изменить Христианству, хорошо зная, чему подвергается за

прямые нападки свои на идолопоклонство. С того времени как Константин объявил себя в пользу христиан, идолопоклонники переносили слишком много оскорблений, чтобы широко не воспользоваться покровительством Юлиана. В Александрии язычники были еще многочисленны. Рядом с идолопоклоннической чернью, было множество философов, по природе своей имевших мало терпимости и очень гордившихся видеть на престоле человека, считавшего почестью принадлежать к их секте. Вместо того, чтобы отвечать Афанасию и опровергать его творения, они решились схватить его и убить. Друзья Афанасия умоляли его бежать. «Зачем? возражал он. Это только небольшое облако, проходящее над Церковью, оно вскоре рассеется».³⁹⁵ Однако же он вышел из города. Преследователи догнали его сотоварищей и спрашивали у них, не знают ли они и не видели ли Афанасия?» – Мы видели его, отвечали они, поспешите немного и вы его догоните». Пока они продолжали путь свой, Афанасий возвратился в город, где и скрывался до окончания гонения.

Юлиан на словах выражал терпимость; но его доверенные очень хорошо знали его мнения и притесняли христиан всеми возможными способами. Когда же христиане жаловались ему на эти притеснения, то он смеялся над ними отвечая: «Ваша обязанность терпеливо переносить оскорбления, ведь это учение Бога вашего».

Такой ответ характеризует отступника лучше всяких рассуждений. Во многих провинциях империи можно привести события, напоминавшие самые жестокие гонения императоров языческих. В Мирах, во Фригии, правитель провинции Амахий приказал открыть храм языческий, очистить его от всяких нечистот, в нем накопившихся; приказал вымыть статуи и приготовить все к восстановлению идолослужения. Трое ревностных христиан: Македоний, Феодул и Тациан, решившись воспрепятствовать этому нечестию на сколько возможно, проникли ночью в храм и разбили в куски все статуи. Взбешенный правитель хотел судить всех христиан, когда явились трое виновных и объявили о поступке своем, гордясь сделанным. Им предложен был выбор между

жертвоприношением идолам и смертью. Они предпочли смерть, и Амахий приказал положить их на горящие уголья. Трое мужественных христиан, поддерживаемые благодатию Божиею, говорили Амахию, жарясь на огне: «Не хочешь ли попробовать мяса нашего, хорошо ли мы изжарились? Но нужно для того перевернуть нас на другую сторону, иначе не достаточно прожаримся».

Издеваясь таким образом над мучителем своим, они окончили жизнь.³⁹⁶

Юлиан полагал нанести жестокое поражение Христианству, запретив верующим изучение классиков и эллинизма. Декрет его о том достаточно доказывает мелкость его ума. Последствия были совершенно противные тому, чего он ожидал.

Церковь имела тогда двух писателей, отца и сына, именем Аполлинариев.³⁹⁷ Первый основательно изучил грамматику, а второй риторику. Они предложили познания свои на пользу братьев. Аполлинарий отец составил курс грамматики собственно для христиан, и переложил героическими стихами книгу Бытия; писал на библейские предметы поэмы дидактические и трагедии, стараясь предложить братьям все пособия греческой словесности. Аполлинарий же сын изложил в диалогах, подражая Платону, Евангелие и Писания Апостольские. Творения Аполлинариев не успели однако принести пользы, потому что едва были составлены как Юлиан умер; но они, по крайней мере, служат доказательством, что христиане не были расположены, по воле деспота-софиста, погрузиться в невежество.

Конечно, творения Аполлинариев не могли замолить превосходных памятников древности языческой, особливо по значению литературному; а потому христиане, после смерти Юлиана, по-прежнему стали изучать древних классиков. Софисты в том упрекали их, верующие более ревностные, нежели благоразумные, могли бы сделать им тот же самой упрек; но они понимали, что изучение древних классиков, необходимое в отношении литературном, также не бесполезно и в других отношениях. Неоспоримо, что в них заключается

множество заблуждений, но встречаются и доказательства, что истина была древним не безизвестна, а если они перед ней не преклонялись, то их в том извинять невозможно. Христианин находит в их творениях множество истин, ясно выраженных, а если встречает заблуждения, то Христианство может послужить предостережением ими не увлекаться.³⁹⁸

Когда Юлиан обнародовал свой закон о невежестве христиан, то было уже слишком поздно, потому что в Церкви того времени уже были люди гениальные, пред которыми император-софист и друзья его совершенно бледнеют. Уже изложено было о некоторых творениях святого Афанасия и можно было составить себе понятие о его величественном красноречии и глубоком философском смысле. Даже софисты Александрийские находили, что легче его преследовать, нежели ему отвечать. В то же время жили на Востоке два сотоварища Юлиана по школам Афинским, это Василий Великий и Григорий Назианзин; конечно не с такими мужами мог гонитель себя сравнивать, по изящности литературной и глубине философского духа.

Будем еще изучать этих великих философов христианских и многих других, живших в то время, и легко убедимся, что Церковь четвертого столетия была средоточием литературной деятельности и глубокого философского мышления, а литература языческая того времени была в таком упадке, из которого она никогда уже не могла восстать.

Юлиан, окружив себя в Константинополе философами всех школ, явил только миру зрелище их страстных распрей и пороков. Презрение, которого они уже давно заслуживали, только возросло, когда увидали их окружающими императора и когда пороки их открылись еще яснее.

Если бы Юлиан был истинным философом, а не фанатиком, противоборствовавшим Христианству, то он понял бы, что стараясь образовать идолопоклонство философское он старается о невозможном. Но, по тщеславию своему, он принял на себя роль – разрушить дело Константина и составить себе в истории имя восстановителя эллинизма и философии. Предположенная им цель ясно доказывает, что, не взирая на

способности, в которых ему не возможно отказывать, Юлиан, увлекаемый гордостью, не мог возвыситься до идей, действительно философских. Если бы он прожил долее, то история могла бы считать его в числе гонителей самых жестоких, невзирая на терпимость, какой он старался облекаться, при начале своего царствования.

Набеги Персов на владения империи отвлекли Юлиана от его намерений восстановить философическое язычество. Вынудив от христиан деньги, необходимые для войны,³⁹⁹ он направился к Антиохии, где назначил общий сбор войска.

Оставив Константинополь в первых днях июля 362,⁴⁰⁰ он прибыл в конце месяца в Антиохию. Во время пути своего, останавливаясь при всех храмах языческих и являясь очень набожным идолопоклонником,⁴⁰¹ он даже защищал богов против дерзавших насмехаться над странными рассказами мифологии; Юлиану хотелось все объяснить философически, но мистические рассуждения его вероятно нравились не всем.

Во всех местностях, где он проезжал, к нему стекались жрецы и философы, сказывая ему почести. Он с наслаждением слушал их речи и сам подвизался в красноречии. Из Халкидона он направился в Никомидию, а оттуда в Анкиру.

Там жил христианин столь же ревностный как и православный, по имени Василий.⁴⁰² При Констанции он усиленно боролся с арианами за православие; а с того времени, как Юлиан вздумал восстанавливать идолопоклонство, он столь же сильно порицал всех содействовавших нечестивому намерению императора. Правитель города велел посадить его в тюрьму; а когда Юлиан проезжал через Анкиру, то предложил ему призвать его. Полагали, что Василий в присутствии императора не осмелится говорить столь резко и с такой самоуверенностью, как перед сановниками богоотступника, но ошибались, потому что Василий был человеком, не способным изменить истине. Гордо и спокойно вошел Василий в преторию.

«Кто ты такой, спросил его Юлиан, и как зовут тебя? – Скажу тебе: во-первых, что называюсь я христианином; это великое и славное имя, потому что имя Христово вечно и

никогда не погибнет. Затем называют меня Василием, и под этим именем все меня знают. Если я сохраню первое имя, то наградою мне будет блаженное бессмертие. – Обманываешься Василий, сказал Юлиан; вам известно, что я знаю все ваши таинства; поверь мне. Тот, на Которого так надеешься, вовсе не таков, как ты полагаешь. Он умер и совершенно умер, в то время, когда Пилат правительствовал в Иудеи. – Я не обманываюсь, отвечал Василий; ты император, ты обманываешься, ты, отрекшийся от Христа, в то время, когда Он даровал тебе империю. Но предупреждаю тебя, Его именем, что вскоре отнимется от тебя империя и жизнь. Ты узнаешь, но слишком поздно, Того, Которого оставил. Ты забыл Его благости, Он также не вспомнит Своего милосердия, когда нужно будет тебя наказать; ты разрушал алтари Его, Он разрушит престол твой, ты поправил закон Его, который столь часто сам возвещал народу, точно также будут попира́ть труп твой, который останется без погребения, когда жизнь твоя будет исторгнута жестокими мучениями». Юлиан подавил гнев, клокотавший в глубине души.

«Я желал спасти тебя, сказал он Василию; но так как ты не внимаешь советам моим, а нарушаешь ко мне уважение, то следует отомстить за величие власти, тобою оскорбленное». Он встал, приказав бичевать осужденного.

Приказание его было выполнено с жестокостью, а тело мученика было разорвано в клочки. На другой день, Василий потребовал привести его пред императора. Полагая, что он смирится пред ним, его привели в храм Эскулапа, где Юлиан, окруженный жрецами, приносил жертву. «Что же, сказал Василий, прорицатели твои предрекли ли то, что я сказал тебе? – Полагаю, отвечал Юлиан, что у тебя достало мудрости сознать свое заблуждение, и что вместе с нами ты совершишь жертвоприношение. – Не надейся на то, сказал Василий, боги твои только истуканы, которые не видят, и не слышат». Затем, приподняв одежду и оторвав клоч тела своего, он, бросив его Юлиану, добавил: «Питайся кровью моей, если жаждешь, для меня же пищею Христос.

Юлиан бросил гневный взгляд на графа Фроментия, обещавшего ему покорность мученика. Взгляд этот был понят и на следующий же день Василий испустил дух в жесточайших мучениях. Это была не единственная жертва веротерпимости Юлиановой в Анкире.⁴⁰³

В смежных провинциях, как в Каппадокии, тоже ожидали гонений. Город Кесария возбуждал ненависть Юлиана, и полагали, что он будет мстить. В городе этом находился тогда, среди пресвитеров, знаменитый Василий, которого Юлиан знал в Афинах, вместе с другом его Григорием. Василий и Григорий, посетив все главные училища Востока, приобрели преподаваниями своими великую славу красноречия и учености, после чего удалились они в одну из пустынь Понта, где, с учениками своими, подвизались в христианских деланиях.

Юлиан не позабыл своих старых соучеников и писал Василию, приглашая его прибыть ко двору. Василий даже не удостоил сам отвечать богоотступнику, а препоручил одному из учеников своих написать письмо, оскорбившее императора-философа. Но тот, показывая вид что не огорчился, снова написал Василию, насмешливо требуя от него тысячу фунтов золота для войны с Персами, и обещая, если не придет, отомстить над городом Кесариею, за презрение, которое там питают к богам. В письме этом, стараясь объяснить свое отступничество, в конце прибавил: «Я понял то, что читал, а потому и осудил». Василий же⁴⁰⁴ отвечал ему полусерьезно, что напрасно Его Величество требует столько золота от человека, питающегося одними только овощами, и который, даже не насытившись, мог бы в один день съесть более того, что имеет. Окончил же письмо словами: «Ты не понял того, что читал, а если бы понял, то не осудил бы».

Юлиан отложил до окончания войны с Персями мщение над Кесарией и Василием и продолжал путь свой к Антиохии.

Во время пребывания своего в этом городе ему пришлось судить множество тяжб. Когда только дело касалось христиан, то единственной целью его было над ними насмехаться, обирать их и стараться ссорить между собой.⁴⁰⁵ Он лишил их всех прав на общественные должности, обращался с ними как с

безумными, изобретая самые предательские средства, чтобы заставить отречься веры.

Он решился делать все противоположное деяниям Константина, вовсе не имея ни величия, ни благородства, какое являл этот благочестивый император при всяком случае. Константин чтит свободу совести, оставляя при их должностях сановников честных, остававшихся верными своей прежней религии; он заставлял их только чтить христиан и Христианство, не принуждая принимать оное лицемерно. Он уничтожал тайны богослужения идолопоклоннического, разрушал притоны разврата, но оставлял свободу этому богослужению. В действиях внешних и публичных, которые можно было считать заблуждениями, но не безнравственностью.

Юлиан же, напротив того, хотел досадить всем христианам в вере их, или заставить отречься и отказаться от всякого общественного положения.

Многие из мужественных воинов громко порицали способы употребляемые Юлианом против христиан и отказывались подчиняться его требованиям.⁴⁰⁶ Среди их были Ювентин и Максимин, еще юные, но исполненные веры. Юлиан потребовал их к себе, но, не достигнув ничего обольщениями, приказал их сечь розгами и умертвить. Несколько дней спустя, два старых воина предстали перед императором. Они отказались сорвать крест с хоругви, которую препоручено было им носить. «Мы христиане, говорили они, и не забудем того, что обещали Константину, в тот день когда были вместе с ним окрещены в Асхироне, близь Никомидии.⁴⁰⁷ Оба старые воина были казнены и многие другие подверглись той же участи.

Знаменитый император-философ был не более как низкий гонитель. Гордость его была глубоко уязвлена событием, случившимся тогда в Дафнах. Это было предместье Антиохии, названное так от нимфы, превращенной в лавр (δαφνη), чтобы избежать любовных преследований Аполлона. Местность эта сделалась для язычников местом свиданий, где слишком часто подражали богу, там покланяемому. Кесарь Галл, старший брат Юлиана, предпринял освятить эту местность перенесением туда мощей прежнего епископа Антиохии, святого мученика Вавилы,

весьма чтимые верующими. Храм Аполлона был заброшен и при нем жил только один старый жрец, очень бедный.⁴⁰⁸ Юлиан, этого не зная и полагая найти в храме, некогда столь знаменитом, множество жрецов и великолепное служение, отправился туда, никого не предупредив, но нашел полуразрушенный храм оставленным. Проходя его по всем направлениям, он встретил, наконец, старого жреца, у которого даже не нашлось иной жертвы, кроме гусенка из его домашней птицы, и другого помощника, кроме сына, не очень охотно пособлявшего при языческом торжестве; мальчик скрылся прежде окончания жертвоприношения. Несколько уже дней он был христианином, но отец того не знал.

Юлиан возвратился в Антиохию очень разгневанным, собрал городской сенат и упрекал его за равнодушие к служению богам. Наконец он повелел возобновить храм Дафны, восстановив в нем прежнее великолепие. Едва только обнародован был о том декрет, как храм сгорел. Усердствующие немедленно стали обвинять в том христиан и пожар этот подал повод к ужаснейшим насилиям, достойным прежних гонителей. Тщетно подвергали пыткам христиан и даже языческих жрецов, – виновных найти не могли. Языческий историк Аммиен Марселлин приписывает пожар случайности; но Юлиану, раздраженному против христиан, нужно было только подозрение, чтобы сделаться гонителем. В отмщение пожара храма Дафны, он решил разрушить главную церковь в Антиохии и отобрать все её сокровища. Взяли часть движимости; но самое драгоценное было скрыто пресвитером Феодоритом, сосудо-хранителем. Граф Юлиан, дядя императора, его допрашивал, но Феодорит остался непоколебим, отказался выдать сокровища и отречься веры. Среди жесточайших мучителей, он упрекал графа и племянника его за отступничество, предрекая тому и другому скорую и насильственную смерть.⁴⁰⁹ Раздраженный граф приказал отсечь ему голову. Несколько дней спустя, пророчество исполнилось над графом Юлианом, умершим среди ужаснейших страданий физических и нравственных, особенного и чудесного свойства.

Пророчество мученика было известно: видели исполнение первой его части, не сомневаясь в скором исполнении и второй. Юлиан, однако, казался спокойным; но один мученик уже предрекал ему подобное и, конечно, он не мог быть так покоен, как старался то показать.

Христиане же были уверены, что вскоре избавятся от Юлиана и насилия не устрашали их, более его лицемерия. Они с умыслом пели даже по улицам Псалмы, в которых порицаются боги языческие, или христианские песнопения Аполлинария и Григория Назианзина.⁴¹⁰ Юлиан не мог показаться ни в какой части города, не слыша прославления Иисуса Христа и порицания идолов. Ему хотелось преобразовать язычество так, чтобы оно во всех отношениях казалось возвышеннее Христианства; но чувствовал, что намерение его выше сил. Письмо его Арзасию, первосвященнику в Галатии, служит свидетельством его намерений и мнений. «Если религия наша, говорит он, не преуспевает, вина в том тех, кто ее исповедует. Конечно, боги даровали нам успехи, каких не могли ни надеяться, ни просить, но они могли бы сделаться еще большими, если бы мы старались подражать христианам в том, через что они столь быстро распространили свое нечестие, то есть человеколюбию их к странникам, их попечений о гробницах и наружной святости жизни их. Старайся, чтобы все жрецы и семейства их подавали бы примеры этих добродетелей и не имели бы сношений ни с женами, ни с детьми, ни с служителями *Галилеян*.

Юлиан называл так христиан в противоположность Эллинам или образованным, оставляя это название только за идолопоклонниками.

Он препоручил первосвященнику Галатию заботиться, чтобы жрецы идольские соблюдали те же правила, как и священники христианские. Убеждал его, в особенности устроить гостеприимные дома для бедных и для странников, какие устроены у христиан. «Стыдно для нас, говорил он, видеть, что среди Евреев нет ни одного нищего и что нечестивые Галилеяне питают не только своих неимущих, но и наших. Таким образом, по-видимому, мы совершенно оставляем своих... Не потерпим

же, чтобы другие упражнялись в подобных добродетелях, предоставляя нам стыд за наше равнодушие».

Юлиан, желая внушить чувства христианские идолопоклонникам, мечтал о невозможном. Любовь есть качество христианское, под её то влиянием, в новейшие времена, развилось столько человеколюбивых учреждений, существующих только со времени Христианства. Мир подчинился влиянию Христианства, и не редко, даже бессознательно, как бы в противоречие Церквам, утратившим смысл христианский.

Юлиан очень хорошо понимал, что Церковь развилась и укоренилась в обществе преимущественно посредством любви. Ему хотелось учредить язычество, основанное на любви, но это было превыше сил его, и эти то усилия в пользу идолопоклонства делали его только смешным, даже в глазах высшего языческого общества, религия которого состояла только в равнодушии и презрении ко всякой религии.

Во время пребывания своего в Антиохии Юлиан был предметом, глупых шуток и самых жестоких, непрерывных насмешек. Смеялись над его нечесаной бородой, над малым ростом, над безобразием и над языческой набожностью. «Вот медведь, говорили, видя его... Это человек-обезьяна, потому что у него широкие плеча и коротенькие ножки.... Как он шагает Ему кажется, что в нем девять локтей, рост Титанов, о которых говорил Гомер – Вот он приготовляет жертву; нет, – это просто мясник режущий скотину. Он режет так, что не удивительно отчего мясо стало так дорого. Жаль, что не стрижет он бороды, из неё бы вышли снасти корабельные.»

Юлиану захотелось отомстить за эти насмешки, а как его грязная и нечёсанная борода всего более давала повод этим глупым шуткам, то написал он против жителей Антиохии сатиру, названную им *Мизопогон*, то есть, недруг бороды. Вот некоторые из неё выдержки, где он описывает самого себя:

«Сколько угодно буду говорить о себе худое. Начинаю с лица. Полагаю, что природой не одарено оно ни красотой, ни приятностью; я до того угрюм и оригинален, что в наказание лицу, за его некрасивость, добавил к нему еще известную вам

бороду. Гадина прогуливается в ней свободно, как дикие звери в лесу; она мешает мне даже есть и пить, как бы хотелось, боюсь вместе с хлебом проглотить из неё волосы. Действительно, должно быть я мало забочусь давать или получать поцелуи, такая борода не допускает губам встречаться в сладостном лобзании. Вы говорите, что из неё можно бы вить веревки, охотно соглашаюсь на то, но только, когда будете стричь её жесткие волосы, смотрите не попортите своих нежных ручек.

«Я не только бородаст, но у меня еще нечесанные волосы. Редко их стригу. Ногти у меня длинные, а пальцы запачканы чернилами. Даже открою вам то, чего вы не видали. Грудь у меня мохнатая, как у царя зверей, и никогда не давал я себе труда очистить её. Если бы у меня была бородавка, как у Симона, то сказал бы вам; но её нет.

«С нравственной стороны я столько же груб, как с физической. Имею глупость никогда не посещать театра, всегда ненавидел цирк, только изредка посещаю его, в празднества богов, и то не остаюсь там целый день, как брат мой, или дядя. Немедленно после шестой скачки удаляюсь.

«Хотите ли знать домашнюю жизнь мою? Сплю я на матрасе, без покрывал. Не ем никогда до сытости. Все это не может нравиться в городе наслаждений, как ваш. Пока я жил в Галлии, то простота Кельтов еще переносила такие привычки; но совершенно справедливо негодуют на это в городе богатом, цветущем, многолюдном, где гаеров и музыкантов более нежели граждан, где в обычае презирать должностных. Таким мужественным людям, как вы, прилично проводить дни в пирах, ночи в разврате и доказывать делами лучше, нежели словами, что вы превыше законов. Ты с ума сошел Юлиан, полагая, что твоя грубость, твоя неприветливость, твоя суровость могут нравиться людям, как мы. Ты самый глупый и самый нелепый из смертных, если полагаешь украсить душу свою воздержанием. Воздержание мы даже не знаем, что это такое; правда, нам о том говаривали, но мы его никогда не испытывали».

Начиная с того, Юлиан осмеивает нравы жителей Антиохии. Нравы эти могли быть изнеженными; но Юлиан не менее того

смешон, выказываясь циником, – секта, к которой он наконец присоединился.

Во время пребывания своего в Антиохии составил он свое большое творение против Христианства. Оно осталось известным только по опровержению, написанному на него, в следующем столетии, святым Кириллом Александрийским. Впоследствии будет изложено творение этого святителя.

Юлиан поставил себе в нем целью совокупить и подтвердить возражения против Христианства, деланные Цельсом, Гераклитом и Порфирием, творениями которых он давно уже питал дух свой. Он полагал, что дело Галилеанина не может поддерживаться против философии; но он не достаточно полагался на свою гениальность, чтобы не прибегать и к другим, наружным убеждениям, которые бы могли подействовать на народ. Так, прибегнул он, например, к намерению повелеть восстановить храм Иерусалимский, с целью опровергнуть пророчество Иисуса Христа, предрекшего, что из него не останется камня на камне.⁴¹¹

Он потребовал от Евреев план будущего здания, обещав им необходимые на то деньги и собрал рабочих и материалы. На ближайшего наперсника своего Алипия Антиохийского возложил он ускорение работ, начавшихся в то время, когда Юлиан выступал против Персов.

Евреи со всех сторон стали стекаться в Иерусалим. Они ревностно пособствовали издержкам, даже женщины отдавали на то свои украшения, семейства их плавил свою серебряную посуду на изготовление орудий для восстановления храма Иеговы. Видя, как они стекались, с угрозами на устах против христиан, епископ Кирилл только улыбался: «Они не положат камня на камень», говорил он, в уповании на слова Спасителя.

Приступили к работам, начали с разбора оснований и остававшихся еще частей стен. Когда же хотели начать новые основания, то работы затруднились; земля непрерывно обрушивалась и засыпала углубления, сделанные с большими усилиями; сильный ветер разметал заготовленные материалы, в то же время ощущали сильные колебания от землетрясений.

Однако Евреи не унывали, каждый день возобновляя разрушенное. Они расположились на месте самых работ. Бурей опрокинуты были все их шатры и убежища, многие из них были задавлены или изувечены. Когда же, по вырытии последних камней древнего фундамента, хотели они положить камни для основания нового здания, то пламя поднялось из рва и пожгло рабочих, не успевших убежать. Продолжать работы не было никакой возможности, дерзостное намерение Юлиана и Евреев послужило только к точному выполнению пророчества Христова. Таинственные кресты появились на одеждах Евреев, принуждая их сознаться, что событие, которому они были свидетелями, есть действие всемогущества Того, Которого распяли они, как злодея.

Писатели уважаемые и современные этому чуду засвидетельствовали оное самым положительным образом. Историки же, ближайшие по времени этому событию, его записали. Сам Аммиен Марцеллин, историк и панегирист Юлиана, свидетельствует о нем следующими словами: «Когда Алипий ускорял работы, с помощью правителя провинции, то странные клубы пламени столь часто стали вырываться из оснований, что место сделалось недоступным для работников. При постоянном препятствии этой стихии принуждены были отказаться от предприятия.⁴¹²

Как факт исторический, происходившее при храме Иерусалимском несомненно, оно подтверждается положительными свидетельствами современников, не только христиан, но также историка языческого. Пытались однако это объяснить естественным образом. Историк нечего вступаться в подобные прения, его обязанность только рассказывать факты достоверные. Весьма достоверно, что работы по восстановлению храма Иерусалимского были оставлены по многократным явлениям клубов пламени. Другой же факт, не менее достоверный, что писатели христианские, обращаясь к Евреям, свидетелям этого происшествия, повествуют о чудесных событиях.

Отрицающие, *a priori*, возможность чудес, стараются объяснить этот факт еще менее понятным образом, нежели

самое чудо. Верующие же – что Бог может для исполнения воли Своей подвигнуть силы природы – не находят никакой уважительной причины отрицать ни чуда, ни точного выполнения пророчества Иисуса Христа.

Юлиан, узнав о происходившем в Иерусалиме, просто ответил: «Нет ничего вечного в этом мире, если даже невозможно восстановить богочитания Тому, Который в Писании именуется преимущественно Вечным». Он не хотел поверить чуду и, выступая против Персов, соображал о новых средствах к уничтожению дела Константина и Христианства.

Он быстро перешел Евфрат,⁴¹³ не останавливаясь в Эдесе, которой ненавидел за то, что этот город известен был привязанностью своей к вере во Иисуса Христа. Остановился же только в Каррасе, где находился храм Юпитера. Там приносил он жертвы. Оттуда отделил он двадцать тысяч от воинства своего и послал на Тигр. В то же время писал он Арзасу, царю Армении, двинуться с войском своим к пределам Персии, угрожая ему мщением, если не исполнит его повеления. Сам же он неосторожно подвинулся через Ассирию и пошел на Ктесифон, ставший столицей Персии вместо Вавилона. Взяв этот город, он заметил, что зашел слишком далеко и решил возвратиться; но так как уничтожил обоз и все средства перевозки, не оставляя воинам своим ничего другого как победить или умереть, то войско, блуждая по пустыням и не имея продовольствия вскоре дошло до крайности. В этом положении на него напали Персы, следившие за ним при отступлении. Во время нападения Юлиан пал, смертельно пораженный стрелой, пущенной от неизвестной руки.

Либаний заставляет предполагать, что императора убил один из воинов христианских; но никогда не могли доказать, пущена ли была стрела Римлянином или врагами. Повествуется, что Юлиан, видя себя пораженным смертельно, бросил к небу горсть крови, текшей из раны его, воскликнув: «Галилеянин, ты победил». Он питал самые мрачные замыслы против христиан и для выполнения их только ожидал окончания войны. Друзья его утверждали, что он умер философом и

приписывали ему речи, столь напыщенные и столь изысканные, что не могут быть истинными.

Юлиана ценили в истории очень разнообразно. Враги Христианства восхваляют его до сих пор. Христиане вообще судили его строго. В сущности же, не взирая на его философские приемы, был он только фанатически усердным идолопоклонником. Как писатель, – был не без дарований; но читая то, что осталось из его творений, чувствуешь, что он был более красноречивым ритором и софистом, нежели философом. Считал же он себя вторым Марком Аврелием и невозможно читать его «Разбора Кесарей» не убедившись, что императора этого он избрал себе образцом для подражания, а Константина хотел затмить. Умер он тридцати двух лет, не выполнив ничего великого, к чему полагал себя призванным, и не оставив в своде законов римских ничего, кроме некоторых постановлений, дышащих несправедливостью и нетерпимостью идолопоклонника.

Чтобы дать понятие об императоре этом и его царствовании, позаимствуем несколько отрывков от одного из его знаменитейших современников, Григория Назианзина, бывшего сотоварищем его в училищах Афинских и не терявшего его из вида во всех положениях деятельности, как императора. Совершенно справедливо порицает Юлиана этот знаменитый писатель за попытку погрузить христиан в невежество. «Он опасался, говорит тот,⁴¹⁴ что истину станут защищать. Вот почему запретил он нам изящный аттический слог; но не мог, однако, воспрепятствовать говорить истину. Декретом своим он только обнаружил свои собственные недостатки, но не мог избежать опровержений, которых так опасался; напротив возбудил их и был ими обременен. Ему не возможно было возложить на нас безмолвия, а декрет его не был достоин ни дела, которое хотел защищать, ни возвышенных понятий его о своих способностях. Он подражал бойцу, который для торжества своего препятствует всем противоборцам сражаться. Если ты боишься борьбы, можно было сказать ему, то признаешь себя побежденным. Так, однако, поступил наш мудрый император и законодатель, который, чтобы показать

себя вполне искусным в гонительстве, издал бессмысленный эдикт. Слава Богу, свобода возвращена нам, и все прочие блага сохранились».

Григорий призывает все классы общества христианского праздновать смерть Юлиана, как торжество Церкви, и воспеть гимн освобождения, по примеру Евреев, освободившихся от работы египетской.⁴¹⁵ В поражении врагов Христианства видит он перст Провидения. «Как достойным образом, говорит он,⁴¹⁶ отпраздновать подобное чудо? Кто есть сокрушивший оружие и меч воинский, Кто сокрушил главу дракона, отдав его на пажить народам, которым он предал себя? Кто укротил бурю и возвратил дни светлые? Кто изрек морю: *Перестань, утихни*, волны твои сокрушатся в собственных недрах твоих? Они сокрушились в то самое время, как начали только воздыматься. Кто даровал нам власть наступать на змея и скорпиона, пытавшегося не только боязливо уязвить пяту, но гордо подымавшего на нас голову? Кто столь скоро изрек суд свой и совершил правду? Кто сокрушил трость грешников, хотевших поразить праведных?

Бог, по мнению св. Григория,⁴¹⁷ попустил царствовать Юлиану только для того, чтобы верующие стали осторожнее и для возбуждения в них усердия. Он заимствует из Писания выражения самые трогательные для излияния благодарности своей, при мыслях о благодати Божией к Церкви Его. Затем обрисовывает некоторые черты из жизни Юлиана, как бы для того, чтобы, как на мраморе, начертать позор его, в поучение потомству.⁴¹⁸ Изображаешь его неверным императору Констанцию и брату своему Галлу.⁴¹⁹ Воспоминает юность его, когда с братом своим подвизался в благочестии и прочитывал священное Писание верующим. Галл, не взирая на природу свою, более пылкую и суровую, был искренним в благочестии, а Юлиан лицемерно скрывал худую свою нравственность. Оба брата, казалось, соревновали в украшении гробниц мученических; но Бог мучеников, по-видимому, отвергал дела Юлиана, как некогда жертвоприношения Каина, тогда как благосклонно принимал делаемое Галлом, как жертву Авеля.

Вошедши в возраст, Юлиан предался философии.⁴²⁰ Тогда-то обнаружились его дурные наклонности. Не благоразумно было объявить себя язычником, но он беспрестанно спорил и поддерживал против брата своего сторону идолопоклонников. Когда же Галл сделался кесарем, то Юлиану стало свободнее заниматься своими науками и он охотно допустил посвятить себя в таинства, составлявшие сущность идолопоклонства, но только для посвященных. Во время этих-то изучений магий получил он известие о смерти брата. Констанций наименовал его кесарем.⁴²¹ С того времени можно было предвидеть, что сделает со временем этот лжефилософ. По известной нам нравственности его, нечего удивляться, если он оказался неблагодарным к Констанцию.⁴²² Дерзость и высокомерие побудили его к возложению на себя венца императорского, не дожидаясь ни согласия императора, ни решения сената, согласно древнему обычаю. Вдруг по дерзости же своей, не знавшей пределов, он выступает против Констанция, своего благодетеля.

После смерти этого императора, Юлиан мечтает о войне с Персами. Против народа этого он прибегнул к вероломству, а не к мужеству; волшебники его предрекали ему благоприятный исход, но Богу угодно было, чтобы он сам подготовил себе поход, стоивший ему жизни. Он полагал, что намерения его для Персов были совершенно скрыты. Но царь их все понял; допустил Юлиана подвинуться глубоко в страну свою, и вдруг отрезал ему отступление. В таких обстоятельствах утратил он жизнь.

Едва вступил Юлиан на престол, как обнаружил уже истинно демонскую ненависть ко Христу и к имени христианина.⁴²³ Дошел до того, что кровью нечистой и преступной омыл свое крещение, противопоставляя, говорит святой Григорий, посвящению нашему посвящение отвратительное; и осквернял руки свои, чтобы омыть их от жертвы бескровной, которой приобщаемся мы Христу, Его страданиям и Его божеству.⁴²⁴ В то же время старался проникнуть во все таинства идолопоклонства и замышлял против христиан гонение самое предательское. Ему хотелось

уничтожить их, не доставляя им венца мученического. Ему хотелось всего более развить обольщения, когда успех предпринятой войны сделает его более знаменитым и более могущественным.

Начал же он со двора своего и с войска, весьма часто преуспевая.⁴²⁵ Какие причины мог иметь человек этот, считавший себя мудрым и философом, предпочитать Христианству древнюю философию и идолопоклонство? При таком выборе показал он только безумие.⁴²⁶ Что за дело было христианам, что он запрещал называть их иначе как *Галилеями*? Последователи Сына Божия, Слова вочеловечившегося и умершего на кресте для спасения их, умеют переносить оскорбления, подражая Господу своему, допускавшему называть Себя *самарянином* и во время казни Своей молившемуся за Своих распинателей.

Но чем более Юлиан был преступен и безумен в своем выборе, тем более старался он об успехе, не пренебрегая для того никакими средствами. Например, чтобы заставить христиан участвовать в служении идолам, он приказал добавить к своим бюстам знаки языческие, так что не возможно было отдавать изваяниям этим обычные почести, не совершая в то же время идолопоклонения.⁴²⁷ Когда же раздавал воинам своим награды, то всегда являлся окруженный пышностью, и все, которые должны были получать награды, обязаны были в то же время бросить фимиам на огонь, горевший возле его престола. Такое идолопоклонение было до того скрытно, что многие делали это не видя в том ничего предосудительного. Но однажды случилось, что воины, после получения наград императорских, и бросив фимиам на огонь, возвратились и сели за стол. Когда же начали они пить и, поднимая чашу, призывали имя Христово со знамением крестным,⁴²⁸ то некоторые из товарищей им заметили: «Что же такое, вы призываете Христа, отрекшись от него? – Когда же мы отрекались Христа? Что хотите вы тем сказать? – Бросив фимиам в огонь, вы отреклись Христа». При словах этих воины, оставив стол, в священном негодовании, побежали на площадь. «Мы христиане, громогласно взывали они, и христиане душой. Все да слышат то, особенно же Бог,

для которого готовы жить и умереть. Веры в Тебя, Христос Спаситель наш, мы не отрекались, блаженному верованию нашему мы не изменяли. Если рука наша и прегрешила, то сердцем мы на то не соглашались. Мы обмануты императором, а не золото его соблазнило нас, мы отвергаем нечестие, кровь наша да омоет нас» Они устремились во дворец, и бросив к ногам Юлиана золото, ими полученное, сказали ему: «Император, ты оказал нам не щедроты, а осудил нас на смерть, ты призывал нас не для почести, но для покрытия бесчестьем. Отдай деньги эти другим воинам, а нас принеси в жертву Христу, которого единого признаем мы Владыкой. Замести огонь этот другим, этот святотатственный пепел нашим собственным. Отсеки нам руку эту, которую протягивали преступно, ноги эти, которыми приблизились к твоему престолу. Дай золото твое тем, которые впоследствии не станут раскаиваться, что его получили. Нам же достаточно Христа, Он все для нас заменяет».

Юлиан прогневался, но верный своему лицемерному намерению, не хотел доставить мужественным воинам мученического венца, а довольствовался только тем, что сослал их.

Однако Юлиан не всегда следовал верно системе своей; кратковременное царствование его не обошлось без насилий, самых жестоких. Святой Григорий это замечает и приводит тому доказательства.⁴²⁹ По сказаниям этого современника, заслуживающего полного доверия, жестокости Юлиановы не уступали Диоклетиановым. Только они продолжались не долго, император-философ был до того лицемерен, что вся ответственность постоянно падала на его наместников. Но история не может быть благосклонной сообщницей такого лицемерия. В виду несомненных фактов и столь положительных обвинений Григория Назианзина, должно нам, вместе с этим уважаемым оратором, причислять богоотступника Юлиана к числу самых жестоких гонителей Христианства. Даже по отступничеству своему он питал к прежним братьям своим ненависть еще более глубокую, нежели прочие гонители.

Отбичевая Юлиана за его насилия, Григорий Назианзин принимается за его претензии на эллинизм, который он воспрещал христианам.⁴³⁰ Конечно, при всех своих требованиях на остроумие, Юлиану невозможно было укрыться от сарказмов и тончайшей иронии, какими преследует его оратор христианский, тем блестящим, истинно эллинским слогом, до которого венчаный деспот никогда не мог достигнуть. Григорий глубоко изучил философию и литературу греческую. Он ясно это доказывает своей критикой той религиозной системы, которую Юлиан пытался обратить в философическую и назвать эллинизмом.

Изложив в первой беседе сделанное Юлианом против христиан и что он против них замышлял, если бы остался жив, Григорий во второй беседе⁴³¹ указывает наказание, какое правосудие Божие определило человеку, бывшему богоотступником, как Иеровоам, жестоким как Ахав, упорным как Фараон и святотатственным как Навуходоносор. Вымыслив всякого рода гонения против христиан, он направил против них Евреев, ненависть которых ко Христу еще поджигалась обещаниями восстановить их богослужение и снова воздвигнуть их храм. Рассказав о чуде, воспрепятствовавшем восстановлению храма Иерусалимского, Григорий восклицает: «Что скажут об этом мудрецы века сего, столь плодотворные на пышные слова, облакающиеся в мантии свои и носящие длинную бороду?» Затем следует остроумная критика на мудрование философов. Но чудо не произвело никакого впечатления на Юлиана, с отважностью решившегося, по совету своих гадателей, на войну с Персами, где лишился жизни.⁴³² Труп его не был окружен религиозными почестями по обычаям Церкви того времени. Зажженные свечи не освещали его гробового ложа; благочестивые песнопения не раздавались около его смертного одра.⁴³³ Гаеры и комедианты сопровождали его, во время пути осыпали его оскорблениями, упрекали его за отступничество, поражение, смерть. Довезли его до Тарса, где и похоронили в жалкой гробнице, при жалком языческом храме.⁴³⁴

Вот каков был конец той жизни, которую Григорий предвидел, когда был еще сотоварищем Юлиана в училищах Афинских.⁴³⁵ Видя, что предвидения его сбываются, он с уверенностью ожидал, что Бог положит тому конец, что и случилось в то время, когда этого всего менее ожидали. Что стало тогда со всеми предсказаниями гадателей, обещавших Юлиану блестящее торжество?⁴³⁶ Смерть его наложила на них молчание и христиане могли праздновать свое освобождение торжествами по всей империи. Григорий счел обязанностью своей умерить их радость напоминанием, что должны радоваться только по христиански и оставить язычникам их шумные праздники. Он предупреждал их,⁴³⁷ что не следует отмщать врагам, пользовавшимся обстоятельствами, чтобы делать зло. Обязанность настоящая христианина предоставить их наказанию от угрызания совести, побеждая их благотворениями и кротостью. «Не будем требовать конфискаций их имуществ, говорил Григорий, не повлечем их в суды, не станем изгонять из родительского дома, не станем мучить их, словом, не будем делать им того, что нам делали. Примером нашим сделаем их более кроткими».

После этих советов христианам, Григорий обращается к философам,⁴³⁸ заставляя их понять сколь смешна претензия возратить христиан к невежеству. Это превышало силы ученика Порфириева, автора *Мизопогона*.

Разбор двух бесед святого Григория Назианзина против Юлиана показывает, как образованные христиане ценили императора философа и его антихристианские замыслы. Строгое суждение их справедливо. Для серьезного историка Юлиан был только фанатический идолопоклонник, стремившийся разрушить сделанное Константином Великим для Христианства, смешной софист, который мог бы с большей пользой употребить время на переустройство империи, чем писать пасквили и раздувать огонь идоложертвенный.⁴³⁹

В кратковременное царствование свое наделал он много зла, не сделав ничего доброго.

III. Поучения святого Афанасия Великого

Святой Афанасий Великий занимал слишком видное место в повествовании нашем, а потому нужно более распространяться о научных достоинствах его и добродетелях. Исторические творения его послужили нам главным источником для истории арианства, начиная с Собора Никейского до царствования Юлиана. Апологии его *против ариан*, к *Констанцию* и о *бегстве* его слишком часто были приводимы, а равно *История арианства*, составленная им для иноков. Удаленные от мира и занимаясь только подвигами благочестия, они слышали, но весьма не ясно, о прениях, возмущавших Церковь.

Можно еще считать историческими творениями различные трактаты, в которых великий святитель, рассуждая о вопросах богословских, помещает и драгоценные исторические сведения, таковы его: *Слова против ариан* и его *Окружное послание епископам*, послания его об определениях Никейских, о мнениях святого Дионисия Александрийского епископу Драконтию, епископам Египта и Ливии, Серапиону о смерти Ария, соборам в Римини и в Селевкии; прочие письма его также содержат множество подробностей исторических.

Уже изложено было о двух книгах его против язычников: о *Слове к Эллинам* и *Слове о Воплощении*. В этих главных творениях догматических целью его было опровержение заблуждений арианских. В первый разряд следует поместить четыре слова против этих еретиков. Они составляют первоклассное творение, как по красноречию, так и по значению научному. Там глубоко разобраны все прения о поднятых вопросах и разоблачены все ухищрения еретиков. Научные рассуждения обставлены фактами, так что слова эти столь же полезны историкам, как и богословам. В четырех письмах его Серапиону, епископу Тмуискому, святой Афанасий рассуждает о божестве Духа Святого. Они относятся, следственно, до второго периода арианства, называемого евномианством или македоннийством. Разбирать слова против арианства не для

чего, потому что все факты, там помещенные, уже были изложены, а вероучение в них Никейское. В письмах же к Серапиону излагается о заблуждениях, осужденных на втором вселенском соборе.

Два вопроса были подняты о Духе Святом: единосущен ли Он с Отцом? и какие отношения Его к Сыну?

По первому вопросу, святой Афанасий утверждает, что в Святой Троице одна и та же сущность, а потому Дух Святой единосущен Отцу и Сыну. В этом отношении он говорит очень ясно и положительно и не может быть ни малейшего сомнения о вероучении, им излагаемом. Верование Церкви было положительно, что Божество одинаково по сущности, а потому и все три лица Святой Троицы единосущны.

В другом отношении, в котором святой Афанасий выражается столь же положительно, это, что Отец есть источник и начало как Святого Духа так и Сына.

Но какие отношения, по началу, между Святым Духом и Сыном? Этот вопрос принял такое значение в Церкви, что послужил главной причиной разделения Востока с Западом в IX столетии. А потому весьма важно знать, какое было вероучение Отцов Церкви, особливо в то время, когда вопрос о Духе Святом так волновал Церковь, то есть в половине четвертого столетия.

Можно сказать, что святой Афанасий его вполне исчерпал в письмах своих к Серапиону, епископу Тмуийскому. Странно, говорит он,⁴⁴⁰ что ариане, не соглашающиеся что Слово сотворено, говорят, что Дух Святой – только тварь. Однако то же единство между Святым Духом и Сыном, какое между Сыном и Отцом. Если же они разделяют их по сущности, то в Боге нет одинакового божества; нет более единства в Троице, и эта Троица будет состоять из нескольких различных сущностей. Что это за теория о божестве, которая делает из него смешение не сотворенного с сотворенным? Если они говорят, что Дух создан, то должны сказать то же и о Сыне. Если же имеют правильное вероучение о Сыне, то им следует иметь такое же и о Духе, исходящем от Отца, Который есть Дух Сына, потому что Он послал Его ученикам Своим и всем верующим в Него.

Ариане допускали, что Сын есть Слово, началом Которого – Отец. Святой же Дух, исходящий от Отца, имеет то же начало, как и Сын. Имея же ту же сущность как Отец и Сын, Он есть Дух Сына, равно как и Дух Отца; а как Сын есть *средство*, через которое Отец действует *ad extra*, то через Сына посылает Он Духа Святого человечеству.

Существенное начало Святого Духа – Отец или Начало Предвечное, которое – также Начало Сына. Предвечное действие Отца относительно Сына именуется рождением, а относительно Духа Святого *исхождением* или *истечением*. Оба совечные действия эти обозначаются на языке человеческом двумя различными выражениями; но различие это непостижимое как и самая сущность божественная, не препятствует Отцу быть единственным Началом Святого Духа и Сына.

Святой Афанасий в первом послании своем к Сератону старается доказать, что Святой Дух не тварь, и для того делает глубокие изыскания библейские, которые можно свести в догмат: что у Отца, Сына и Духа Святого одно и то же божество, и что Дух истины, исходящий от Отца, приемлет от Него, как от источника и дается Им.⁴⁴¹ Относительно же сущности, Святой Дух точно также неразделен с Сыном, как Сын со Отцом; по этой-то существенной нераздельности только один и тот же Бог.

Евномииане, возражая против этого догмата, говорили:⁴⁴² «Если Дух не тварь и исходит от Отца, то следует Его называть Сыном, и Он будет братом Слова. Если же Он брат Его, то как же Слово будет Сыном единокровными? Если Он также от Отца, то почему не называть Его Сыном, а только Духом?»

Возражение это ясно основано на учении: что Святой Дух исходит от Отца, равно как и Сын; что Отец есть единственное Начало как Того, так и Другого. Святой Афанасий не оспаривает этого учения, оно есть вероучение Церкви; но старается доказать, что сущность божественная не имеет подобия природы человеческой; что рождение Сына не есть сообщение естества, как в человечестве, и что исхождение не тождественно с предвечным рождением. А потому, Дух Святой не Сын Отца,

не брат Слова; и что не следует мудрствовать о непостижимой сущности божества, по аналогии с естеством человеческим.

Следует просто принимать учение божественное,⁴⁴³ по которому Святой Дух не тварь. Это все – что разум человеческий может постигнуть. Перед другими же вопросами, то есть о сущности исхождения, сами херувимы прикрывают крыльями лице свое.⁴⁴⁴ Не следует подвергать суждениям человеческим переданное нам для верования и свидетельством чего может служить только предание Церкви. Как можно языком человеческим объяснить то, что превыше разумения?

Вероучение по писанию сводится только к тому, что:⁴⁴⁵ Отец есть источник и свет, Сын есть поток, стремящийся из источника и отблеск света, а Дух есть отблеск этот, сообщаемый человечеству, вода потока, которую следует нам пить, для получения жизни. Сын, таким образом, есть ходатай, через Которого получаем мы Дух Божий. Не следует разделять Троицы, как то делали ариане, относительно сущности, отличая Сына от Духа до того, что последнего считали только тварью; потому что к сущности божественной ничего сотворенного принадлежать не может.

Точно также как Сын едиnorodный, так и Дух даруемый и посылаемый Им – *единый*, а как Сын есть единое Слово живое, то по необходимости также одно только начало освящения; дар этот исходит от Отца, блистает через Сына, посылающего Его и дающего. Как Отец посылает Сына, так и Сын посылает Духа, приемлющего от Него то, что следует сообщить человечеству.

Святой Афанасий не видит между Сыном и Духом Святым никакого отношения по началу. Один только Отец есть источник Того и Другого; между Сыном и Духом нет другого отношения, кроме как по внешнему действию послания, полномочия, сообщения человечеству.

Изложив, что Дух не может быть тварью,⁴⁴⁶ святой Афанасий возвращается к тому возражению, на которое уже отвечал: Если Дух исходит от Бога, то почему не называют Его Сыном?⁴⁴⁷ Действительно, Он исходит от Отца как и Сын; Он обозначается в Писании выражениями, которые доказывают единство Его сущности со Отцом и Сыном. Этого достаточно,

это догмат веры. Не следует углубляться в вопросы, превышающие разумение человеческое. По вопросам этим должно слушать «древнее предание,⁴⁴⁸ учение и верование Церкви вселенской, преподанное Господом, проповеданное Апостолами, сохраненное Отцами. Вероучение это водворено в той Церкви, которой нельзя оставить, не теряя всех прав на звание христианина».

Следовательно, вероучение первоначальное всегда хранимое в Церкви вселенской, есть правило, которому обязан следовать каждый из верующих, под опасением не заслуживать более прав на звание христианина.⁴⁴⁹ Вот вера этой Церкви вселенской, первоначальной, относительно Святой Троицы, по изложению святого Афанасия: «Троица свята, совершенна и состоит из Отца, Сына и Святого Духа; ничего не примешивается в Неё чуждого или внешнего и Она не составлена из Создателя и твари; вся Она одарена властью творить и созидать. Сущность её подобна Ей Самой и нераздельна, действие её *ad extra* едино; потому что Отец создал всё через Слово во Святом Духе и, таким образом, сохраняется в Троице единство. Так в Церкви учат, что един Бог «над всяческими через всяческие и во всяческих». *Над всяческими* в лице Отца, Который есть начало и источник; *через всяческая* в лице Слова; *во всяческих* в лице Духа Святого. Троица не есть слово, выражающее только чисто идеальное; Она есть действительность – истинная Троица.

Таково основание веры Церкви,⁴⁵⁰ как утверждает то святой Афанасий в остальной части своего послания.

Во втором послании к Серапиону, святой Афанасий утверждает, относительно Сына, тоже вероучение, которое доказывал относительно Духа Святого, то есть, что у Него та же сущность как у Отца. Учение, которое он излагает и доказывает, – есть то, которое истекает из всей борьбы за и против *единосущного*, то есть, подтверждаем, что Сын совечен Отцу и той же сущности.

Третье послание к Серапиону посвящено вопросу о Духе Святом, оно есть, как бы добавление к первому. Святитель утверждает, что Дух Святой, Который есть дух Отца, также

называется духом Сына.⁴⁵¹ В каком же значении? – В том, что Он дается Отцом через Сына.⁴⁵² Он не тварь, потому что имеет ту же сущность как Сын, а Сын имеет ту же сущность как Отец; кроме того, Его действие *ad extra* исходит от Отца через Сына; оно нераздельно с действием Отца и Сына; а потому Он Бог, как Они, и составляет с Ними одного и того же Бога, Троицу нераздельную и единосущную.

Евномииане, не смотря на столь положительные послания Афанасия, упорствовали в своих богохульствах против Духа Святого. Серапион уведомил о том святителя Александрийского, написавшего ему четвертое послание. Евномииане говорили:⁴⁵³ Если Дух Святой исходит от Отца как и Сын, то Святой Дух и Сын братья. Если же Дух Святой есть дух Сына, то исходит от Сына и Отец будет Ему дедом. Афанасий не хотел унижаться до рассуждений с такими еретиками; он противопоставляет им только Писание, называющее Сына и Святого Духа именами Им свойственными и учащее, что Они с Отцом – Троица божественная и нераздельная. Учение божественное следует принимать таковым, как оно есть, а не стараться объяснить превышающее пределы разума человеческого. Сын и Святой Дух нераздельны потому, что Они одинаковой сущности, но священное Писание различает Их по качествам личным. Отец не есть дед, но Отец; Сын есть Сын Божий, но не Отец Святого Духа; Дух же Святой есть Святой Дух, но ни внук Отца, ни брат Сына.

Безумен, – кто спрашивает Святой Дух – сын ли?⁴⁵⁴ Апостолы учили только тому, чему Господь научил их и не требовали от Него объяснений. Вера основана на слове Божиим, а не на рассуждениях. А потому не следует спрашивать более того, что преподано, то есть что Отец, Сын и Дух Святой составляют Троицу божественную и не раздельную, во имя которой мы окрещены. Отец был всегда Отцом, Сын всегда Сыном, а Дух Святой всегда Духом Святым, Который от Бога и дается Отцом через Сына. Епископы Кесарии и Скифополиса⁴⁵⁵ могут спрашивать что либо другое и делать возражения, но вера такова, как мною изложена, и возражения против истины божественной – только безумие.

Изложив, таким образом, веру, святой Афанасий в остальной части своего четвертого послания в Серапиону рассуждает о грехе против Духа Святого.

Должно заметить, что святитель Александрийский, излагая веру Церкви о Духе Святом, не говорит ни слова благоприятного учению, которое церковь римская добавила к Символу веры, после отделения своего от православного Востока. Он подтверждает, как принадлежащее к верованию Церкви только следующее: Отец есть предвечный источник Сына и Духа Святого; Дух Святой дается или посылается от Отца через Сына; Дух Святого, только в том смысле есть дух Сына, что у Него та же сущность как у Сына и у Отца. То же вероучение находим мы и у других Отцов Церкви.

В прочих теориях своих святой Афанасий преподает то же учение, как и в посланиях к Серапиону.

Можно сказать, согласуясь со святым учителем, что Сын есть источник Духа, но только в том смысле, что через Него сообщается Дух человечеству; но Сын не источник Духа в смысле начала. Дух не от Него рождается, говорит святой Афанасий, потому что Дух не есть Слово Его.⁴⁵⁶

По началу своему, Дух Святой *исходит от Отца* и остается в распоряжении Отца, посылающего Его и Сына, как посредника послания.⁴⁵⁷ Он имеет то же божество, то же всемогущество и ту же сущность как Отец и Сын.⁴⁵⁸

Относительно же человечества, все что имеет Дух, – имеет Он через Сына,⁴⁵⁹ то есть от Него заимствует истину, просвещающую разум человеческий, и огонь, возжигающий на подвиги к добру. Но если таково действие, которое исключительно Ему приписывается в Его божественных влияниях, то не следует отделять этого действия, потому что в сущности всякое божественное действие обще Отцу, Сыну и Святому Духу, если рассматриваем оное относительно проявления *ad extra* (во внешнем).⁴⁶⁰

Вероучение это особенно изложено в книге *О Троице и Духе Святом*. Святой Афанасий написал три трактата о Воплощении. Первый, о котором сказано было прежде, написал против

язычников. Во втором, опровергает он ариан, а в третьем – аполлинаристов.

Ариане не только отрицали в Слове божество существенное, но еще утверждали, будто человечество Иисуса Христа не принадлежит к лицу божественному. Святой же Афанасий утверждает, что оба естества в Иисусе Христе составляют одно Лицо божественное, и таким образом заранее опровергает несторианство, которое было, равно как и македонийство, одним из видов или выводов из учений арианских.⁴⁶¹ Сопоставляя все тексты священного Писания, относящиеся до человечества, он доказывает, что как те, так и другие согласуются в одном Богочеловеке, лице единственном, Иисусе Христе. Человечество Его является в Писаниях вместе с божеством Его, то и другое соединяются в божественном лице Христовом.

В этом трактате святой Афанасий снова говорит о единстве сущности в трех лицах божества, потому что ариане, со времени писаний Евномия, заблуждались о Святом Духе равно как и о Сыне. Вопрос о Духе Святом, как вновь поднятый, даже служил предметом больших споров, нежели единосущность Сына. Последний вопрос, волновавший еретиков со времени Собора Никейского, казался истощенным, второй же только что возник и послужил поводом к созванию второго вселенского собора.

Аполлинарий, епископ Лаодикейский, заблудился, опровергая слишком страстно ариан. Афанасий питал к нему глубочайшее уважение, но заметив в книгах его, появившихся после его смерти, важные заблуждения, потщился их опровергнуть, тем более, что епископ Лаодикейский был другом его, и что заблуждения тем опаснее, если оным учит епископ более добродетельный. Аполлинарий преувеличивал учение православное в смысле противоположном арианству; он видел в лице Христа только Слово единосущное Отцу, и находил, что недостойно было Ему воспринять на Себя тело человеческое и душу человеческую. А потому он, подобно древним гностикам, утверждал, будто тело Христово было особого рода, почти духовное и более призрачное, нежели действительное; он

добавлял к тому, что божество было душой Иисуса Христа, и что Он не имел настоящей души человеческой. Для объяснения же страданий, говорил, что Христос воспринял из естества человеческого только чувствительность или душу чувственную, которую следует отличать от души и разумной.⁴⁶²

Аполлинаристы не все соглашались между собой, по многим вопросам. Афанасий противопоставляет им символ, принятый Отцами Никейскими, вероучение Церкви кафолической;⁴⁶³ он рассматривает тексты Писания, которыми они злоупотребляли и Писанием же доказывает, что Христос был истинным человеком и истинным Богом. На все возражения противников отвечает он с неопровержимой логикой, не оставляя без ответа ни одного возражения.⁴⁶⁴

Во второй книге, он противопоставляет одну ересь другой, начиная с Валентина и Маркиона до Ария, указывая на истину, находящуюся на середине противоречивых систем.⁴⁶⁵ Особенно же старается он разобрать возражение, которое Аполлинарий заимствовал от Манеса: будто Христос не мог иметь истинного тела и истинной души человеческой не будучи причастен греху, потому что человечество совершенно извратилось. Ложной системе этой противопоставляет Афанасий учение христианское, по которому Христос есть новый Адам, человек чистый, долженствующий преобразовать человечество, происшедшее от ветхого, виновного Адама.

Кроме этих частных трактатов о распрях, волновавших Церковь, Афанасий писал еще послания богословские, весьма важные для просвещения обращавшихся к его сведениям и его учености.

Слух о спорах этих дошел, наконец, до пустынь Египта и Фиваиды, иноки принимали в них живейшее участие. Афанасий, живший среди их во время своих изгнаний, составивший многие из своих замечательнейших творений в пустыне, написавший даже многое для посвящения иноков в бывшие рассуждения, не мог отказать им в просьбе и посылал им объяснения, каких просили. Епископы, ему подчиненные, также к нему обращались. Послания, оставшиеся нам от этого великого

святителя, служат доказательством, что во всем Египте считался он учителем и защитником веры.

Того же мнения были о нем и в остальных Церквях, Так например Эпиктет, епископ Коринфский, видя Церковь свою возмущаемую прениями богословскими, писал ему и просил объяснений.

В Коринфе впали во многие заблуждения, вследствие не довольно просвещенного противоборства арианству. Это то же, что случилось с Аполлинарием. Только вместо одухотворения человечества Христова, как епископ Лаодикейский, начали материализировать Слово, до того, что отождествили естество человеческое с божественным.

Заблуждения коринфские впоследствии слились с Аполлинариевыми в ересь философских Нестория и Евтихия.

Святой Афанасий⁴⁶⁶ противопоставил этим противоречащим ересь вероучение Церкви католической. На все теории достаточно, говорит он, отвечать: Церковь католическая никогда не принимала такого учения, Отцы тому не учили.⁴⁶⁷ Святитель Александрийский противопоставляет этот высший довод предания всем системам еретическим. Он не признает другого авторитета, кроме Церкви вселенской, которой отголосками и толкователями – Отцы. Вероучение, принятое сначала, есть факт, который доказывается свидетельствами, подобно всякому факту историческому. Свидетельство доказывает факт учения апостольского, оно же служит также доказательством факта о постоянном сохранении принятого вероучения.⁴⁶⁸

Святой Афанасий, противопоставляя правило католическое противникам здравого вероучения, отвечает на их возражения и рассматривает системы их на основании священного Писания. Вот как поступал он в послании своем к Эпиккету, равно как в послании к Адельфию. В последнем отвечает он одной из сект арианских, отделявшей Лицо божественное от человечества во Христе, и упрекавшей православных в том, что воздают человеку поклонение, которое следует только Богу.

Афанасий отвечает,⁴⁶⁹ что оба естества божеское и человеческое, соединяются в том же Лице, а как Лицо Христово, есть Лицо божественное, то покланяются Богу, покланяясь Иисусу Христу. Таким образом, он заранее опровергал ересь Несториеву, разделявшую два естества Иисуса Христа на два лица и утверждавшую будто лицо человеческое достойно поклонения. «Мы не поклоняемся, говорит он,⁴⁷⁰ сотворенному по Слову Божию, Господу всего сотворенного, восприявшему плоть. Хотя плоть, взятая сама по себе, составляет часть сотворенного, но она стала плотию Бога; мы не поклоняемся плоти этой, отделив ее от Слова, а покланяясь Слову, не отделяем Его от плоти, но зная, что Слово плоть бысть, и что Оно пребывает с плотию, мы в этом положении признаем в Нем Бога. Кто довольно безумен, чтобы сказать Слову: отделись от плоти Твоей, чтобы поклоняться Тебе? Кто довольно нечестив, чтобы, вместе с Иудеями, сказать: *Зачем, будучи человеком, творишь Себя Богом*»?

Святой Афанасий не допускает даже мысленного отделения одного из естеств Иисуса Христа, потому что поклонение следует и поклонение единое Лицу Богочеловека. Поклонения не следует разделять, равно как не должно разделять божественного Лица, которому следует покланяться.

Философ христианской школы Александровой, Максим, вступил в борьбу, подобно Афанасию, против терявшихся в различных системах о Богочеловеке. Афанасий писал ему, похваляя его писания,⁴⁷¹ и добавляя некоторые доводы к доводам приводимым философом христианским. По обычаю своему, он предоставляет последнее решение вероучений по преданию, как исповедали оное Отцы Никейские. Вероучение это служить ответом на все заблуждения арианские.⁴⁷²

Вообще, все догматические творения святого Афанасия относятся к основным истинам Христианства: Троице и Воплощению Слова. Всё написанное им сводится к следующим существенным истинам: к сущности божества – единой, и к трем лицам божества едносущным. Отец – единственное начало Сына и Духа; Сын рожден, Дух Святой исходит от Отца и *сообщается* от Отца через Сына.

Слово, соединившееся с человечеством, имеет истинное тело человеческое и истинную душу человеческую, но как божество невозможно отделить от человечества, то они составляют одно Лицо, Христа, Сына Божия воплотившегося.

Таково учение приводимое святым Афанасием, как всегда сохранявшееся в Церкви вселенской, со времен Апостолов, которому, следственно, всякий христианин обязан верить, или отказаться от своего звания. Не взирая на глубину философских воззрений ученнейшего святителя, он не выдает рассуждений своих за повод принять учение им излагаемое, но указывает христианам, как на основание веры, только на твердое и постоянное свидетельство Церкви кафолической. Только по свидетельству этому могут они знать вероучение откровенное, то есть основанное на правдивости Самого Бога, Которому Единому обязаны мы верить на слово, потому что слово Его по необходимости истина.

Афанасий весьма часто повторяет об этом единственном критерии веры, об этом правиле кафолическом, руководящем к истинному познанию догматов откровенных. Он не указывает ни на какую другую учительскую власть в Церкви, кроме свидетельства самой Церкви, взятой в её совокупности, как общества, постоянно живущего жизнью непрерывной, и удостоверяющего, неизменно, о предании как залоге, полученном от Апостолов.

В четвертом столетии учение о сем важном пункте было то же самое, как во времена Иустинов, Иринеев и Тертуллианов, изложивших оное столь же ясно и положительно.

Теперь следует обратить внимание на экзегетические труды святого Афанасия. Священное Писание изучал он глубоко и в этом отношении был достойным учеником Оригена и верным подражателем древних Отцов.

В творениях Афанасия находится первое указание на полный канон Нового Завета. Драгоценный памятник этот заключается в его *Пасхальных посланиях*. Сборник этот изобилует сведениями литургическими, который тщательно укажем.

Святой Афанасий подражает евангелисту Луке, написанный ему свое Евангелие, потому что другие выдавали повествования апокрифические. Он говорит, что, по примеру его, желает указать как на божественные книги только на переданные Церкви Отцами, которые с самого начала были верными истолкователями учения божественного. Для Ветхого Завета упоминает он книги канона Евреев. Для Нового же Завета книги священные суть: «Четыре – Евангелия от Матвея, от Марка, от Луки и от Иоанна; затем Деяния Апостолов. Потом семь посланий следующих: одно Иакова, два Петровы, три Иоанна, одно Иуды. После сего четырнадцать посланий Павла в следующем порядке: первое к Римлянам, два к Коринфянам, одно к Галатам, одно к Ефесеям, одно к Филиппийцам, одно к Колоссянам, два к Фессалонийцам, одно к Евреям, а затем два к Тимофею, одно к Титу и другое к Филимону. Наконец, Апокалипсис от Иоанна».

Святой Афанасий не говорит, что этот канон обязателен, потому что он не был еще торжественно установлен. Он только предлагает его, как более общепринимаемый древними Отцами, а главное для сообщения верующим о книгах апокрифических, которым не следовало доверять. Выше изложено было, что святой Дионисий Александрийский не осмеливался определительно выразиться о подлинности Апокалипсиса, удивляясь этой книге, которую, признавался, что не всегда понимал. Святой же Афанасий признавал, что книга эта может считаться подлинной, вот почему и поместил ее в канон, предлагаемый им своей Церкви. Но предлагал канон этот не вследствие власти, которой не имел, а в виде совета по делу, в котором мог иметь мнение более просвещенное, нежели простые верующие.⁴⁷³

Рядом с книгами подлинными, считавшимися божественными, святой Афанасий упоминает другие книги полезные, по Ветхому Завету: Премудрость Соломонову, Премудрость Сирахову, Эсфирь, Юдиф, Товия; а для Нового Завета: Правила, именуемые Апостольскими, и книгу Пастыря.

Святой Афанасий считал непрямым долгом своим наставить верующих Александрии об истинном каноне Писаний,

потому что священные книги ревностно изучались даже мирянами. Творения Отцов первых трех столетий ясно свидетельствуют, что священные книги читались и изучались всеми членами Церкви и чтение это очень советовалось.

В доказательство тому можно привести превосходное послание святого Афанасия к Марцеллину. Святитель поучает в нем, что священное Писание хотя не нужно для утверждения веры, но весьма полезно для развития религиозного образования.⁴⁷⁴ Так как Марцеллин преимущественно изучал Псалмы, то Афанасий сообщает ему наставление, полученное им самим о пении и псалмов от весьма ученого старца.

Псалтирь есть как бы свод всего священного Писания Ветхого Завета. Книги пророческие, в особенности, воспроизводятся в ней относительно всех обстоятельств жизни Спасителя в этом мире. Кроме того, всякий, перечитывая Псалмы, находит в них приложения ко всем состояниям духа, в которых можно находиться, и хотя все священное Писание есть училище добродетели и истины, но книга Псалмов, в этом отношении, превосходит все прочие.⁴⁷⁵

Писатель указывает, которые из Псалмов прилично петь каждый день седмицы, и в каких особенных обстоятельствах.⁴⁷⁶ Подробности эти указывают нам, что в Церкви существовал обычай петь псалмы Давида не только в общественных собраниях, но и отдельно.

В конце послания своего святой Афанасий излагает с каким чувством следует петь Псалмы и читать прочие книги священного Писания, чтобы получить от того пользу.⁴⁷⁷

Имеются толкования святого Афанасия на Псалмы⁴⁷⁸ и другое творение под заглавием: «Надписание Псалмов».⁴⁷⁹ От чтения этих превосходных творений можно получить полезнейшие наставления богословские, а в то же время и ясное объяснение священных песнопений Давида. Чувствуешь, читая их, что святитель Александрии глубоко изучал Псалмы и деятельно выполнял советы, которые сам дает Марцеллину.

К несчастью, остались только краткие отрывки его толкований на Иова, Песнь Песней, на Евангелие от Матвея, от Луки и на первое Послание к Коринфянам. Известно, что святой

Афанасий оставил более творений, нежели в настоящее время их именем. Остающихся же достаточно, чтобы поместить святителя Александрийского среди ученнейших и красноречивейших учителей Церкви.

После общих понятий о творениях святого Афанасия можно рассмотреть, какое было учение его относительно некоторых важных вопросов, особенно о Церкви. По многим изречениям, выше приведенным, видели, что относительно учительства принимал он только за правило свидетельство Церкви вселенской, а не свидетельство частной Церкви, тем менее епископа, хотя бы даже епископа Римского. Вселенский Собор, по мнению его, имел авторитет как отголосок всеобщего и постоянного свидетельства Церкви. Невозможно найти другого учета об авторитете Церкви в творениях святителя Александрийского.

Когда он говорит о епископах Рима, то ставит их в ряду с прочими. Так, противопоставляя епископов православных своим противникам, выражается так: «Великий Осия, исповедник Максимин Гальский и его преемник Филогоний и Евстафий – восточные, Юлий и Либерий епископы Рима, Кириак Мизий и проч.⁴⁸⁰

Приверженцы папства, старавшиеся найти в истории первых столетий доказательства в пользу этого учреждения, утверждали, будто Афанасий апеллировал к Юлию, епископу Римскому, против несправедливых определений, на него произнесенных и, таким образом, признавал высшую судебную и вселенскую власть епископа Римского.⁴⁸¹

Выше приведенными памятниками уже было опровергнуто это заблуждение. Только не читавши творений святого Афанасия можно утверждать, что он апеллировал в Рим. Действительно, сам он повествует, что противники его – евсевияне обратились к Юлию Римскому, но не с просьбой о суде, а приглашая его предпочесть общение с ними общению с Афанасием. Юлий желал рассмотреть следует ли ему быть в общении с Афанасием или с его противниками. Он созвал в Рим собор, на котором евсевияне и Афанасий могли предложить свои взаимные недовольства.

Евсевияне отказались прибыть на собор и писали Юлию оскорбительно. Он же отвечал им, что если он занялся распрями между ними и Афанасием, то это потому только, что они его о том просили, при этом случае Юлий не упоминает ни о своей высшей власти, ни об апелляции Афанасия. Последний же явился на собор Римский для защиты своей против обвинителей и для доказательства, что епископам западным следует предпочесть общение с ним общению с евсевиянами. Так действительно было, по изложению самого Афанасия.⁴⁸² Изложение это, вместо доказательства высшего судебного права епископа Римского, доказывает совершенно противное и ясно подтверждает, что в IV столетии не признавали этого права, равно как и в предшествующих столетиях. Должно заметить, что во всем этом деле Афанасий, говоря об Юлии, называет его просто *епископ Римский*, не делая ни малейшего намека на его высшую власть.

Юлий, призванный выразить свое мнение между Афанасием и евсевиянами, по вызову последних, решил в пользу первого, за что был похвален на соборе в Сардики.⁴⁸³ Но, по принятой решимости, следовало извратить факты, чтобы видеть в суждении Юлия признак высшей власти.

Когда Юлий вручил Афанасию, *брату своему и сотоварищу*, похвальное послание, удостоверявшее, что он находится в общении с христианским Западом, епископ Римский даже не помыслил, и совершенно справедливо, сказать о суждении им произнесенном по праву его вселенской власти. Однако он не преминул бы то сказать, если бы власть эту имел.

Афанасий, при конце жизни своей, имел сношения со святым Дамасом, епископом Римским. Говоря о епископе этом, он выражается: «Наш друг и сотоварищ, Дамас, епископ великого Рима».⁴⁸⁴ В другом же месте просто называет его *другом своим* и, замечая ему, что епископ Миланский Авксентий арианин удивляется, что по сию пору он еще не согласился с прочими епископами Италии о его низложении. Когда же желание Афанасия было исполнено, то он благодарил за то друга своего Дамаса и прочих епископов Италии.⁴⁸⁵

Однако Афанасий признавал, что апостол Петр умер в Риме и говорил о *мучилище* или гробнице, которая чтилась в память его мученичества;⁴⁸⁶ но из этого он не делал никаких выводов, на которые были столь щедры в средние века, но только, – что престол Римский есть престол апостольский. Слово престол употреблялось на Востоке для обозначения Церкви апостольской, в чем невозможно было отказать Риму, где Церковь основана Апостолами Павлом и Петром.⁴⁸⁷

Епископ Римский, по мнению его, не имел более власти как и прочие. Таково учение о епископстве вообще: Епископ избирался народом и был рукополагаем в присутствии клириков и верующих. Он избирался из той же Церкви, которой должен был управлять и где был известен. Правила эти были ясно определены и все общество христианское их знало.⁴⁸⁸ По избрании и рукоположении, епископа считали как бы поставленным от Самого Иисуса Христа во главе Церкви и он был обязан вполне жить для неё.⁴⁸⁹

В четвертом столетии было множество епископов, живших совершенно по-монашески, управляя Церковью своей и оставаясь в Мире. Святой Афанасий противопоставляет их инокам, следовавшим правилам жизни монастырской. Место это замечательно:⁴⁹⁰ «Мы знаем, говорит он, епископов постящихся и монахов, которые бдят; епископов воздерживающихся от вина и монахов, пьющих оное; епископов творящих чудеса и монахов, которые их не творят; епископов, соблюдавших целомудрие и монахов, имеющих детей. Правда также, что епископы имеют семейства, а иноки соблюдают воздержание; что монахи и клирики равным образом постятся, но на то положительного правила нет».

Из этого места можно вывести заключение, что безбрачие не было обязательным для епископов, но многие из них соблюдали оное добровольно, в духе христианском.

По учению св. Афанасия, епископы относительно вероучения должны быть только отголоском своих Церквей, удостоверяя о вере, принятой с самого начала и тщательно хранимой.

Учение св. Афанасия о крещении чрезвычайно замечательно. Крещение совершается во имя Отца и Сына и Святого Духа, для внушения, что сущность Святой Троицы нераздельна.⁴⁹¹ Иисус Христос, установив эту форму крещения, восхотел научить христиан основанию веры. Ему не угодно было, чтобы крещение совершалось во имя *не сотворенного и сотворенного*, во имя *не созданного и созданного*, выражения, которые употребляли ариане для отличения Сына от Отца, но Ему угодно было, чтобы крестили во имя Отца и Сына и Святого Духа,⁴⁹² единого божества в трех лицах.

Крещение, совершаемое во имя Отца и Сына и Святого Духа – есть существенное начало веры.⁴⁹³ Приступая к оному родятся в новую жизнь, прежняя исчезает совершенно и от неё ничего не остается, душа совершенно возобновляется. В этом-то состоит различие между крещением и покаянием, потому что через покаяние хотя и получается отпущение грехов, и грехи, соделанные после крещения, хотя исцеляются, но все-таки оставляют следы, тогда как крещением вполне изглаживаются все беззакония до крещения.⁴⁹⁴

Крещение не может быть законно совершено, по мнению святого Афанасия, не исповедующими веры православной о Святой Троице. Спаситель сказал своим ученикам сначала: *Шедше научите*, а потом *крестяще их...* внушая тем, что сначала должно иметь правильную веру, и что к крещению следует приступать уже с верой. А потому ариане хотя употребляли формулу евангельскую, но преподавали крещение не законное, потому что имели ложное учение относительно Отца, из Которого делали не настоящего Отца, и относительно Сына, Которого считали тварью.⁴⁹⁵ А точно также и манихеи, фригийцы или монтанисты и последователи Павла Самосатского, которые, однако, произносили слова формулы евангельской.

Святой Афанасий постановлял, таким образом, постоянным правилом относительно крещения еретического: что законно только то, которое совершается исповедывающими истинную веру о святой Троице.

Из выше приведенного должны были заметить разницу, какую находил святой Афанасий между крещением и покаянием. Он допускал, что в покаянии получается отпущение грехов, только, вместо нового рождения, оно исцеляет в человеке немощи духовные, но оставляет от них следы.

Афанасий веровал, что в Евхаристии причащаются истинного тела Иисуса Христа и приводил слова установившие таинство, в доказательство против некоторых еретиков, не веровавших в действительное присутствие тела Христова.⁴⁹⁶

Евхаристия, даже во времена обращения Константина, совершалась тайно. Не хотели, говорит Афанасий,⁴⁹⁷ чтобы она была для язычников предметом насмешек, а для оглашенных, еще недостаточно обученных, соблазном. Ясно, что не нужно было тайны, если бы Церковь не веровала в действительное присутствие. Евхаристия – только как знак – не могла возбуждать насмешек язычников, ни соблазна в оглашенных. Также святой Афанасий, говоря о чаше, служившей для освящения, положительно говорит, что пьют кровь Господню.

Святой учитель добавляет, что тайны Господни совершались только в Воскресные дни. Таков был действительный обычай в Церкви Александрийской. Таинства хранились в церквях, и святой Афанасий восставал против осквернений, которым они подвергались со стороны язычников, повергавших их на землю, в то время, когда лжеепископ Григорий с воинами вступил в Александрию.⁴⁹⁸ В четвертом столетии неизвестна была новейшая система, по которой телу и крови Господней причащаются только мысленно, и что присутствие оных в Евхаристии во время причащения только мысленное.

Святой Афанасий, оправдываясь, что собрал народ в церкви еще недоконченной, сообщает о рвении верующего народа присутствовать при богослужении. Древняя церковь Александрийская была очень тесна. «Во время синаксов (собраний), постом, говорит он,⁴⁹⁹ толпа была столь велика, что множество детей, молодых и старых женщин и даже молодых мужчин попали в такую тесноту, что их принуждены были отнести домой. Слава Богу, никто не умер. Если толпа была

столь велика в дни предшествовавшие празднику, что же бы было в самый день Праздника»? Епископ Александрийский уже должен был построить церковь Феоны, которая считалась в то время весьма обширной и делал в ней собрания прежде, нежели она была dokonчена. Пока Афанасий находился в Трире и в Аквилеи был он свидетелем подобного. Церковь Феоны сделалась недостаточной и святой Афанасий вынужден был выстроить храм еще больших размеров. Прежде его окончания он собрал в нем верующих в день Пасхи. «Спрашиваю моих противников, говорит он, приличнее ли было бы собрать верующих в пустыне, нежели в доме молитвы еще строящемся, где народ более приличным образом и святее мог ответствовать: *аминь* в пустыне ли или в храме, который уже называли домом Господним; в каком месте верующие могут простирать руки для молитвы более приличным образом при всех ли, в глазах язычников, или в месте уже освященном и которое все уже называли храмом Господним». ⁵⁰⁰

Слово *аминь*, произносимое верующими в собраниях, было, по словам святого Афанасия, знаком согласия, соединявшим все молитвы в одно общее моление. Из этого видно, что верующие, во время богослужений, простирали руки. Сведения эти должны быть записаны в истории.

Главные творения святого Афанасия были составлены в пустыне, где он принужден был искать убежища от своих торжествующих врагов. Там пользовался он уважением и почитанием иноков, которые, по примеру старейшины своего Антония, стояли все за православие и за мужественного его ратоборца. В этих божественных училищах⁵⁰¹ в этих обителях, населенных людьми, живущими только для Бога, Афанасий соединял свои пастырские обязанности с подвигами жизни иноческой, служа примером для самых совершенных. Когда же враги его проникли даже в пустыню отыскивая его, чтобы умертвить, то иноки отказывались даже сказать слово, которое бы могло навести на следы великого святителя, а когда им угрожали, то протягивали шею под меч палачей, в твердой уверенности, что, претерпевая за Афанасия, претерпевают за Самого Бога. Однако Афанасий, чтобы не подвергать их

насилиям ариан, оставил их обители и углубился еще далее в пустыню, заключившись в пещеру, куда едва проникал свет. Один из верных ежедневно приносил ему пищу и необходимое для письма.

Из пустыни писал он послания епископам Египта и Ливии, свою Апологию Констанцию, четыре Беседы свои против ариан, Апологию бегства, Историю арианства, для иноков, свою книгу о соборах в Римини и в Селевкии, послания к Серапиону.

Вероятно, что также в этом уединении написал он книгу о *Девстве*. Афанасий питал глубочайшее уважение к безбрачию христианскому, соблюдая оное со строгостью инока, самого совершенного и любил, когда иноки принимали обязанности епископа. Послание его к Драконтию есть памятник по сему вопросу. «Дражайший Драконтий, писал он ему,⁵⁰² не знаю, что писать тебе; следует ли мне порицать тебя за отказ от епископства или упрекать за слишком большое внимание к обстоятельствам и за укрывательство страха ради Иудейского? Как я не смотрю на то, а ты не без греха? Получивши благодать, ты не должен скрываться и подавать другим примера к бегству, пример, который по мудрости твоей становится опасным. Ты соблазнил узнавших о бегстве твоём; порицают не столько поступок твой, как то, что ты сделал это при обстоятельствах, когда Церковь имеет в тебе нужду». Афанасий замечает иноку, другу своему, что если оставить престол, на который он был избран жителями окрестностей Александрии, то представятся многие соискатели и возбудят разделения между верующими. Добродетели Драконтия были до того известны, что язычники той местности обещали принять Христианство, как скоро он будет епископом.

«Дражайший Драконтий, продолжает Афанасий,⁵⁰³ ты нам сделал большое огорчение и причинил действительную скорбь, вместо радости и утешения, которых от тебя ожидали. Мы полагали, что будешь для нас утешением, – и вот узнаем о твоём бегстве. Ты должен знать, что до того времени, пока не был ты епископом, то жил для себя; но, став епископом, ты обязан жить для призвавших тебя управлять ими. Пока не получил благодати епископства, никто не знал тебя, но как

скоро народ тебя избрал, то он ожидает, чтобы ты питал его учением священных Писаний. Если же, в то время, когда народ алчет, ты будешь только думать питать самого себя, какой ответ дашь ты Иисусу Христу, видящему овец Своих голодающими? Если бы не получил динария, Он не потребовали бы от тебя отчета, но коль скоро получил и зарыл его в землю, Он сделает тебе упреки: *Подобало бы вдати его торжником, и взял бы свое с лихвою*».

Святой Афанасий смотрел на епископство как на божественную благодать, сообщаемую через рукоположение избранному от верных. Облеченный епископством, пастырь принадлежал стаду своему, и одной из первых обязанностей его было поучать из священных Писаний, то есть, вероучению по преданию, познание которого он обязан был распространять и умножать среди верующих, вверенных его попечениям.

Афанасий продолжает:⁵⁰⁴ «Если ты оставляешь Церковь свою из боязни к опасностям, то являешь мало мужества; если же по отвращению к управлению и некоторого пренебрежения к должности епископской, то пренебрегаешь Спасителем, учредившим и Церковь и епископство. Умоляю тебя, не поддавайся влиянию внушающих тебе подобные мысли, слишком недостойные Драконтия. Учрежденное Господом и Апостолами Его – добро, и должно оно оставаться учрежденным».

Вероятно, что советчиками Драконтия были иноки, его собратия, превозносившие жизнь монастырскую, как единственно достойную христианина совершенного, и поставлявшие её выше епископской, при которой следует заниматься собственным своим усовершенствованием, только заботясь об усовершенствовании других.

«Если бы советчики твои были справедливы, добавляет Афанасий,⁵⁰⁵ то каким образом был бы ты ныне христианином, если не было бы епископов? А если бы и последующие были того же мнения, то как могли бы Церкви существовать? Советчики твои верно полагают, что ты ничего не получил, если не дорожишь тем? Ясно, что они безумствуют; после того остается только пренебрегать благодатью крещения, потому что

есть люди ею не дорожащие. Ты истинно нечто принял, дражайший Драконтий, не обманывай себя и не позволяй советчикам твоим в том обольщаться».

В глазах Афанасия, действие рукоположения было подобно крещению; рукоположение было таинством божественного установления, сообщало исключительную благодать. Афанасий разумел древние памятники церковные, как и мы их понимаем. Совершенно справедливо видим в том установление Церкви на епископстве, вся Церковь первых столетий исповедовала то же учение, потому что в четвертом столетии так учил святой Афанасий не по личному своему убеждению, но указуя на учение древнее, против которого никто не возражал.

«Полученное тобой, говорит он Драконтию, исходит от Бога. Разве не слышал ты, что говорит Апостол: *«возгревай благодать сущую в тебе»*. Должно направлять жизнь нашу, по образцу святых отцов, подражая им. Тебе не неизвестно и то, что если мы им не подражаем, то отделяемся от общения с ними. Кому же, следственно, советуют тебе подражать? Конечно уже не апостолу Павлу, который для выполнения посланничества своего пошел проповедовать до дальних пределов Иллирии, осмелился идти в Рим, и проникнуть до Испании, который похваляется, что подвизался достойным образом и заслужил венец. Ему ли подражаешь ты, или тем, которые на него не походят? Всё мое желание, чтобы и ты и я были подражателями святых».

Драконтий отказался от рукоположения, объявив, что если его против желания сделают епископом, то убежит.⁵⁰⁶ Афанасий не находит в том извинений его бегства. «Бог, говорит он, вверил тебе служение, и ты не можешь от него отказываться. Господу известно, кому Он препоручает Церкви Свои;⁵⁰⁷ ты был избран и должен трудиться вместе с нами, а не оставлять полученного тобой динария без пользы. Не медли повиноваться Препоручившему тебе служение Свое⁵⁰⁸ и приходи к нам, любящим тебя и предлагающим для убеждения учение из Писаний. Приди совершать святую литургию в церквах, поминая нас в своих молитвах. Ты не первый из иноков, избранных для рукоположения, довольно для тебя примеров даже в древнем

законе. Не слушай монахов, которые станут тебя уверять, будто священство ниже жизни отшельнической.⁵⁰⁹ Разве Павел не получил венца во время своей проповеди? Когда же Петр исповедал веру, как не во время проповеди Евангельской и будучи ловцом человеков? С какой целью избрал Спаситель учеников Своих, как не с той, чтобы их послать на благовестие?

«После таких примеров, не слушай, дражайший Драконтий, говорящих будто епископство есть повод ко греху.⁵¹⁰ Тебе дозволено будет претерпевать голод и жажду, подобно Павлу; не пить вина, как Тимофей; часто поститься, подобно Апостолу языков, а в то же время питать других твоими поучениями. Есть епископы истинные иноки, есть и монахи, не выполняющие обязанностей своего звания».⁵¹¹

Афанасий оканчивает послание свое, убеждая Драконтия прибыть в Церковь свою к великому дню Пасхи. Иноки, для этого праздника, приглашают пресвитеров в пустыню торжествовать с ними, и не могут находить дурным, что Церковь призывает епископа её избранного.⁵¹² Он убеждает его придти совершить литургию для своего народа и помянуть его.

Послание это чрезвычайно замечательно. Должно заметить, что Афанасий был первенствующим епископом Египта и Ливии, выполнял высшую судебную обязанность над всеми епископами этих стран. Древний обычай этот был подтвержден на Соборе Никейском. Вот почему он два раза повторяет, чтобы Драконтий поминал его на литургии. Обычай поминать главного епископа страны существует, следовательно с IV столетия. Послание святого Афанасия указывает на важное заблуждение, которое распространялось тогда между монахами, что будто священнослужение ниже подвигов отшельнических. Наконец, из послания сего явствует православное вероучение о божественном происхождении, сущности и обязанностях епископства. Во всех этих отношениях послание к Драконтию чрезвычайно важно для истории.

Остается изложить о посланиях, которые святой Афанасий ежегодно писал для возвещения дня Пасхи.⁵¹³

Прежде еще изложено было, что установился обычай принимать указание дня Пасхи от Церкви Александрийской, где

особенно отличались учеными изысканиями в Пасхалии и хронологии. Рим получал также эти указания оттуда, подобно другим Церквам, и сообщал во все Церкви Запада. Епископы Александрийские возвещали об этом празднике очень торжественно всем Церквам Египта и Ливии, признававшим их первенство, и добавляли к указанию праздника наставления о таинствах христианских. Существует еще часть посланий, которыми святой Афанасий ежегодно возвещал Пасху.⁵¹⁴ История может найти в них много интересных сведений.

В первом, святой Афанасий убеждает верующих праздновать великое торжество Христианства и приглашает вострубить трубами Нового Завета, изображающими ветхозаветные трубы, которыми созывался народ Израильский к своим праздникам. Но радости Пасхальной предшествовал плач покаяния, то есть пост, как и в древнем законе. «Видите ли братия, говорит он⁵¹⁵ как ценится пост и как закон нас к нему понуждает. Он требует, чтобы мы постились не только телом, но и духом. Душа приносит покаяние удалением от лжеучений и питается добродетелями. Добродетели и пороки как бы яства, которые душа может по воле своей избирать. Если она изберет добродетель, то питается правдой, целомудрием, силой; если же отвратится к низшему, то не может питаться иным, кроме греха. Точно так, как Господь наш и Спаситель Иисус Христос есть пища небесная и насыщение святых, согласно словес: *Ядый Мою плоть и пияй Мою кровь....* точно так и диавол есть пища грешников и всех совершающих дела тьмы....

«Возлюбленные мои,⁵¹⁶ дадим душам нашим пищу божественную, подвизаясь пощением тела, и мы также станем достойно праздновать великое и спасительное торжество наше».

После весьма красноречивого сравнения прообразовательного заклания агнца иудейского с закланием действительного, истинного агнца Иисуса Христа, Афанасий убеждает верующих праздновать Пасху истинную, совлечением ветхого человека, для жительства человеком возрожденным; затем указывает начало поста на 5-й день Фармуфа, а окончание его на 10-й день того же месяца. В следующий,

затем, 11-й день была Пасха, то есть по Пасхалии латинской, 8-ое индов Апрельских. Афанасий указывал, таким образом, только великое пощение или пост страстной седмицы, в течении которой верующие соблюдали почти совершенное воздержание.⁵¹⁷ В то же время возвещает он, что, через семь седмиц после Пасхи, будет праздник Пятидесятницы.⁵¹⁸ Оканчивает же, прося верующих вспомнить неимущих и путешествующих.⁵¹⁹ Братней любовью всегда доказывали христиане верность своему призванию.

Во втором Пасхальном послании, Афанасий, после слов о любви Спасителя к человекам, предостерегает верующих от лицемеров старающихся обольстить их лжеучениями. Ясно, что он имел в виду Ария и его последователей, являвших вид благочестия, а в сущности бывших волками, прикрытыми овчими кожами или гробами повапленными. «Они изобретают, говорит он,⁵²⁰ ереси, потому что, прочитав священные книги, толкуют их не по преданиям святых, но в смысле чисто человеческом. Нет ничего общего, добавляет он, между словами святых и мечтаниями нововводителей. То, что каждый из святых принял, то передает он без всякого изменения, по постоянному и определенному свойству небесного вероучения. Мы должны быть учениками относительно святых, а они наставниками нашими, потому что им вверена была истина, и они сообщили нам божественные события, которых были свидетелями».

В третьем послании святой Афанасий излагает, как верующие праздновали Пасху. «Пятое месяца Фаменофа, говорит он,⁵²¹ будет начало поста; очистимся же усердно в течении этих дней, и, хорошо приготовившись, начнем святую седмицу великой Пасхи 10 дня Фармуфа. В течении этого времени, братия мои, должны мы подвизаться в непрестанном молении, в посте и бодрствовании, чтобы могли помазать двери свои драгоценной кровью и тем избежать ангела губителя. Мы окончим пост в четырнадцатый день Фармуфа, и вечером субботы, когда услышим ангелов глаголющих: *Что ищите живаго с мертвыми? воста бо*, тогда начнется для нас великий день Господень, в шестнадцатый день Фармуфа, когда Господь наш даровал нам мир с ближними».

Последними словами делается указание на братское лобзание, которое верующие давали друг другу перед литургией в знак примирения и забвения всяких раздоров.

Это место из послания святого Афанасия служит доказательством, что в IV столетии праздновали Пасху в Церкви Александрийской, как ее празднуют ныне в Церквях восточных, преимущественно в православных.

Четвертое из посланий Пасхальных было писано в то время, когда Афанасий, вызванный Константином, несколько ранее собрания Тирского (332), с трудом мог только переписываться со своей Церковью. «Возлюбленные мои, говорит он,⁵²² я опоздал писать вам, но вы меня извините, по причине отдаления и болезни, которую претерпеваю. К этим двум препятствиям следует еще присоединить суровость зимы, но, хотя больной и в изгнании, я не забыл, однако, что следует мне возвестить вам праздник Пасхи, а потому, верный сему обычаю, исполняю долг мой».

Он поощряет верующих радостно торжествовать праздник Пасхи, не взирая на преследования, которым он подвергался. Противопоставляя Пасхе Иудейской, которую можно было праздновать только в Иерусалиме, Пасху христианскую, которую следует праздновать повсеместно, он говорит:⁵²³ «Для того-то Апостолы спрашивали Учителя: *Где хочешь и да уготоваем Пасху?* Господь же наш, переходя от прообразовательного к действительному, обетовал даровать им, вместо мяса агнчего, собственное тело Свое, сказав: *Приимите, ядите, сие есть тело Мое...*

В пятом послании⁵²⁴ особенно должно заметить следующее изречение: «обратим ум наш к будущему, и станем молиться, – да не вкушаем Пасху недостойне; чтобы она не обратилась нам в пагубу. Пасха будет пищей небесной для торжествующих праздник с чистым сердцем; станет пагубой и стыдом для неочищенных и пренебрегающих ею. Действительно писано: *Ядый плоть Мою и пий кровь Мою недостойне, повинен смерти Господней.* Да не приступаем же без приготовления торжествовать богослужение праздника, но достойно приблизимся к Агнцу Божию, и для того, чтобы прикоснуться

пищи небесной, умоем руки, омоем тело,⁵²⁵ очистим совесть от всякого греха. Чтобы могли соделаться участниками Слова, не станем предаваться никакому излишеству».

Десятое послание (338) отправлено было с окончательностью земли,⁵²⁶ то есть из Трира, куда Святитель был сослан. Там находился он на границах империи Римской и на конечных пределах мира относительно Александрии. Он воспользовался этим, для изложения утешительного учения об общении святых.⁵²⁷ «Препоручив все дела мои Богу, я занялся только празднованием Пасхи вместе с вами. Хотя пространство и разделяет нас, но Господь, даровавший нам праздники наши или скорее ставший Сам для нас торжеством, даровавший нам Духа Святого, соединяет нас духовно, согласием и узами любви. Когда мы с теми же чувствами, возносим те же моления, то никакое расстояние не разделяет нас, но Господь собирает и соединяет; потому что там, где двое или трое собраны во имя Его, там и Он, по обетованию Своему, посреди нас. А потому истинно, что, в каком бы месте ни собирались, Господь посреди нас, принимает молитвы, как будто они в том же месте, и исполняет прошения, когда громко возглашаем «Аминь»

Сосланный Афанасий утешает верующих, напоминая им, что Иисус Христос претерпел несравненно более. Христианское мужество его не могло выразиться сильнее.

«О возлюбленные, говорит он,⁵²⁸ друзья мои, если переходишь от тревог к утешению, от скорбей к покою, от недугов к здравью, от смерти к бессмертию, то не следует опечаливаться страданиями, какие могут случиться в этой жизни. Не станем удивляться, что Мир противоборствует Христу; в этом должны находить еще большее побуждение к стараниям благоугодить Богу. Как же подвизаться в терпении иначе, как перенося противоречия и скорби? Как узнать чью-либо силу, если он не преодолел борьбы? Как узнать великодушие, если бы оскорбления и обиды не представляли к тому случая? Кто бы знал, что такое терпение, если бы нечестие антихристов не заставляло бы в нем подвизаться? Одним словом, кто увидал бы добродетель, если бы зло не находилось тут же рядом? Учитель наш и Спаситель Иисус Христос

претерпел несравненно более зол, чтобы явить человекам терпение; когда биен был, переносил удары без жалоб, на оскорбления не отвечал оскорблениями, в страданиях Своих не показывать никакой раздражительности; отдавал хребет Свой на бичевание, ланиты на заушения, лицо на заплевания, наконец отведен был на вольную смерть, чтобы смерть Его соделалась для нас образцом всяких добродетелей и путем к бессмертию.

«Если каждый из нас последует Его примеру,⁵²⁹ то, без сомнений, будем попираť змий, ехидн и всю силу вражью».

Святой Афанасий является вполне в этих строках со своим непоколебимым мужеством и мощной верой. Он предостерегает после того верующих от всех еретиков, нападающих на Спасителя или по божеству Его, или по человечеству, вместо того, чтобы простираться у ног Его в благодарениях за блага Его воплощения и искупления.

Тринадцатое Пасхальное послание писано из Рима (841). В нем убеждает Афанасий верующих к терпению, уверяя их, что преследования, которых он стал жертвой, не страшат его, потому; говорит он, страданиями Христос спас нас, указав нам ту же участь.⁵³⁰ Сильно восстает он против евсевиян, преследовавшими его своими происками, и своими насилиями возбуждавших во многих слабости и отступничества.

В девятнадцатом послании,⁵³¹ он радуется о возвращении к Церкви своей (347), предупреждая отделившихся, что жертва, которую они желали бы принести Богу, недействительна, потому что Бог не нуждается в праздниках, а взирает только на души чистые и на любящих истину. Он ревностно восстает на ариан, злоупотреблявших Писаниями, для подтверждения своих заблуждений, и скрывавших пороки свои под личиной благочестивой ревности;⁵³² он призывает всех христиан, оставив все раздоры, придти вкушать Пасху в том же храме, в духе покаяния и очистившись исповеданием.⁵³³

Святой Афанасий, как первенствующий епископ Египта и Ливии, прилагает к этому посланию список православных епископов, от которых верующие могли принимать пастырские послания. Уже в одном из посланий к Серапиону Тмуискому,

приложенному к двенадцатому посланию Пасхальному, он также излагал подобный же список, чтобы верующие не подвергались ошибке принять еретических епископов за православных.

Пасхальные послания дошли до нас, большей частью, в отрывках. Из тридцать девятого послания заимствован канон Писаний Нового Завета.

В прочих отрывках находятся только благочестивые мысли, подобные находящимся в полных посланиях и не представляющие сведений исторических. Будем еще упоминать о последних годах святителя Александрийского. Разобрав же творения его, можно только повторить похвалы, какими превозносит его судья весьма основательный, великий святитель Константинополя Фотий:⁵³⁴ «В речах своих Афанасий отличается слогом ясным, сжатым, простым, но в то же время он столь тонок, столь глубок, столь убедителен по своей логике и обладает достоинством этим в такой степени, что просто нужно сказать, что он изумителен. В логике его нет ни тех тонкостей, ни тех ребячеств, к которым прибегают люди молодые и мало образованные, но она блистает возвышенной философией. Для доказательств того, о чем рассуждает, у него целый запас из Писаний, как то можно видеть в творениях его *против Эллинов, о Воплощении Слова* и в книгах против Ария, сокрушающих все ереси, а в особенности ересь арианскую. Сказав, что Григорий Богослов и божественный Василий почерпали из этого источника чистейшие и ясные потоки, излитые ими против заблуждений, то мне кажется, не далеко будем от вероятного. Толкования его на Писания, трактаты против Аполлинария и послания его исполнены изящно».

Творения великого святителя Кирилла

Перешедши из Александрии в Иерусалим, находим еще великого святителя Кирилла, творения которого представляют самые превосходные памятники богословские четвертого столетия. Жизнь его была только борьбой с арианами, во главе которых находился Акакий Кесарии Палестинской. Епископ этот считал, что епископ Иерусалимский ему подчинен потому, что Кесария была столицей Палестины. Однако престол Иерусалимский, не взирая на гражданскую незначительность города, считался автокефальным или независимым по таинствам христианским, там совершившимся, и великим воспоминаниям, связанным с его развалинами. Тщетно Акакий и его приверженцы три раза низводили Кирилла с его престола; но он был восстановляем епископами православными и в продолжении всей жизни своей считался законным епископом святого града. Кирилл родился там (около 315), вступил в монашество и был рукоположен во диакона святым епископом Макарием. Максим же возвел его в пресвитеры, препоручив ему поучать оглашенных и новопросвещенных. Поучения его, сказанные им, составляют драгоценнейшее творение IV столетия, как по изложению святым писателем догматов христианских, так и по сведениям, находящимся в них о обычаях первоначальной Церкви.

Огласительных поучений числом восемнадцать, а поучений новопросвещенным или недавно окрещенным – пять, и они отличаются от прочих именованием *Мистагогических*, то есть *посвящающих в тайны* или таинства, которые необходимо было знать верным.⁵³⁵

Восемнадцать первых объясняют символ, принятый Церковью Иерусалимской от Апостолов и всегда ей сохранявшиеся. Это древнейший из всех известных и почти тождественный даже по выражениям с символом, которому соборы Никейский и Константинопольский в четвертом столетии придавали значение вселенского.⁵³⁶

Огласительным поучениям предшествует предварительная речь к оглашенным. Они приходили слушать поучения, держа в руках зажженные свечи, в знак света духовного, которого просят от Церкви.⁵³⁷ Кирилл предупреждает их, что должны приступать с добрыми расположениями, если желают, чтобы крещение принесло им пользу. «Симон волхв, говорит он,⁵³⁸ был окрещен, но тем не просветился.⁵³⁹ Вода омыла тело его, но не просветила сердца его Духом. Тело его было погружено и выведено из воды, но душа а не спогреблась Христу и не совоскресла с Ним».

Таковым было таинственное значение погружения при крещении и выхода из воды. Таинственность эта уничтожается при крещении обливанием.

Среди оглашенных, приходивших слушать поучения христианские случалось, что приходили только из любопытства и говорили:⁵⁴⁰ «Пойду посмотреть, что делают верующие; когда буду в числе их, то увижу, что происходит в их собраниях». Церкви христианские не были общедоступными; вход дозволялся только верующим и оглашенным на ту часть литургии, которая называлась *литургией оглашенных* и оканчивалась после чтения Евангелия.

Служители Христовы предоставляли вход оглашенным.⁵⁴¹ Допущенные объявляли имена свои; их вводили в церковь, где они могли видеть верующих, слышать чтение священного Писания, воодушевляться уважением к месту священному. После поучений они приносили покаяние в течение сорока дней. Таким образом, облакались они в одеяние брачное, без которого были бы изгнаны из храмины пиршества, согласно притчи евангельской. Если же приходят необлеченными в такое одеяние, то есть без добрых намерений, то тело их может погрузиться в воду, говорит святой Кирилл, но Дух не сойдет в душу.

Однако крещение даже не производившее этих сверхестественных действий было все-таки законно. Не дозволялось, говорит Кирилл,⁵⁴² креститься два или три раза; потому что един Учитель и едино крещение. Перекрещивали

только еретиков, потому что первое крещение их не действительно.

Пока оглашенные слушали поучения, их подвергали различным заклинаниям и дуновениям,⁵⁴³ с целью очистить и приготовить к полному очищению через крещение; им покрывали голову, напоминая этим, что мысли их должны быть направлены к духовному. Поучениями же давали оружие⁵⁴⁴ на защиту против еретиков, евреев, самаритян и язычников; их поучали – каким образом поражать эллиниста и противоборствовать еретику, еврею и самаритянину; но то, чему поучались они, должны были хранить для себя, и принимать только учение, им торжественно преподанное.⁵⁴⁵

Коль скоро вы записаны, говорил Кирилл своим оглашенным,⁵⁴⁶ вы уже сыны и дочери той же матери. Если пришли до заклинаний, беседуйте между собою благочестиво; если кто не пришел, то сходите за ним. Не занимайтесь бесполезным, тем, что происходит в городе или деревне, тем, что делает император, епископ или пресвитер».

Когда начнутся заклинания,⁵⁴⁷ то приступят к ним сперва вместе все мужчины, а потом уже женщины. Пока над одними совершают заклинания, прочие должны заниматься благочестивыми чтениями. Но женщины должны читать тихо, потому что им запрещается возвышать голос в церкви. Мужчины и женщины, вы все вместе в той же Церкви, но порядок требует, чтобы находились отдельно.

Святитель излагает действия крещения⁵⁴⁸ следующим образом:

Первое огласительное поучение: Подлинно великое дело крещение: «это искупление рабов, отпущение грехопадений, смерть греха, возрождение души, одеяние светлое, печать несокрушимая, колесница на небо, средство получить царство, наслаждения райские, это акт усыновления». Затем оканчивает приготовительное поучение разъяснением внутренних расположений, с какими оглашенные обязаны слушать наставления в вероучении.

Это первое поучение включает в себе, как видим, весьма полезные сведения о приготовлении оглашенных к крещению.

В двух первых огласительных поучениях святой Кирилл касается тех же предметов как и в приговорительном. Он изъясняет слова символа Церкви Иерусалимской: «Верую также в крещение покаяния».

Особенно в этих огласительных поучениях должно заметить, что оглашенные обязаны были исповедовать грехи свои,⁵⁴⁹ чтобы совлечься ветхого человека и облечься в нового. Если же приступали к крещению с привязанностью ко греху, то тело их могло омыться в купели крещения, но душа не участвовала в благодати возрождения. Христос не находил их способными участвовать в Его воинстве. Приняв же крещение, оглашенный изменял это название в именование верного.⁵⁵⁰

«Начало поучений, которые говорились в течение сорока дней поста, были, говорит св. Кирилл,⁵⁵¹ временем исповеди. Исповедай же то, что ты соделал словом, или делом; ночью ли то было или днем. Исповедайся во время благоприятное, в день спасения... Оказывай в последствии более мужества в подвигах добра. Очисти душу твою, чтобы она могла принять благодать более изобильную».

Во втором огласительном поучении св. Кирилл продолжает разъяснение символа: *Верую в единое крещение покаяния во оставление грехов*. Последние слова служат содержанием второго поучения. Святой учитель объясняет, что такое грех и каким образом можно получить отпущение. Это отпущение получается через покаяние, и между подвигами покаяния упоминает он об исповеди.

Грех есть действие наше личное, побуждает к тому преимущественно демон;⁵⁵² но Бог прощает нам, по благодати Своей, как бы велик грех ни был. Священное Писание представляет нам многочисленные примеры грешников, прощенных Богом, начиная с Адама до Апостола Петра. Так как Иисус за нас молится, то Бог прощает нам, как простил самим ангелам, через Единого безгрешного.⁵⁵³

Святой Кирилл доказывает, примером Давида, исповедавшего грехи свои, важность исповеди, чтобы получить прощение от Бога.⁵⁵⁴ В остальной части поучения он утверждает, примерами священного Писания, что должно иметь

надежду на Бога, не взирая на число и важность соделанных прегрешений. Бог простит их, коль скоро прибегнем к Нему с сокрушенным сердцем. Следует привести буквально сказанное об Апостоле Петре: «Петр, самый возвышенный и председатель Апостолов, отрекся Учителя своего при голосе простой служанки. Но, почувствовав раскаяние, он плакался горько. Слезы его были выражением раскаяния в душе его, а поэтому он не только получил прощение своего отступничества, но даже сохранил достоинство апостольское».⁵⁵⁵

Давая Апостолу Петру название *самого возвышенного председателя*, святой Кирилл не приписывает ему власти исключительной, а признает за ним только достоинство апостольское. Грехом он утратил оное, но раскаянием своим восстановлен в сонме апостольском. Это было тогда, когда Иисус Христос трижды потребовал от него уверения в любви, чтобы изгладить троекратное его отречение, снова повелел ему следовать за Собой и препоручил ему, как прочим Апостолам, попечение о стаде Своем.

В третьем огласительном поучении святой Кирилл объясняет крещение в его сущности, его чиноположения, его действия.

Между чиноположениями должно заметить упоминание о белых одеждах, в которые облекали вновь крещенных, благословение воды во имя Святого Духа, Христа и Отца⁵⁵⁶ знамение погребения и воскрешения, изображаемые погружением и восхождением из купели, после призывания, дарующего благодать.⁵⁵⁷

Крещение на столько необходимо, что только мученика могут спастись, не получив оногo.⁵⁵⁸ Нет ни одного греха, который бы не изглаживался крещением в душах благорасположенных.⁵⁵⁹

Четвертое огласительное поучение святого Кирилла есть общее изложение учения догматического и нравственного Церкви христианской. Там находятся интереснейшие сведения.

Следует, говорит он,⁵⁶⁰ тщательно заботиться – не принять ложного учения за истину. «Множество волков бродит около нас, прикрытыми овечьими кожами. Под руном у них когти и

зубы, но они прикрываются руном этим, принимая кроткую наружность для обольщения простосердечных, и чтобы ядовито уязвить их. Будем же заботиться, чтобы не вкусить плевел вместо пшеницы, не принять волка за агнца и демона за благотворного ангела.

«Верование состоит из догматов и из добрых дел.⁵⁶¹ Вероучение не может быть благоугодно Богу, если оно не сопровождается добрыми делами, а также Бог не принимает дел отдельно от здорового вероучения. К чему служит здоровое учение о Боге, если в то же время делаешь постыдные грехи? С другой стороны, какая польза вести себя скромно, а изрыгать нечестивые богохульства»?

Эллины соблазняют людей своими прекрасными речами, евреи – превратными толкованиями священного Писания, еретики – своим увлекательным красноречием. Вот почему составлено было исповедание веры и оно сопровождается объяснениями.

Святой Кирилл делает здесь указание на символ Церкви иерусалимской, объяснение которого он предлагает слушателям. Он считает необходимыми и основными одиннадцать вопросов о вероучении:

1) **Бог.** Начало единое и предвечное, Творец Мира видимого и невидимого, Отец Сына Единородного, Господа нашего Иисуса Христа, через Которого сотворил Он все видимое и невидимое.

2) **Христос.** Сын Божий, Единородный, Бог от Бога, Жизнь от Жизни, Свет, рожденный от Света, во всем подобный родшему Его непостижимым образом, прежде всех веков.

3) **Воплощение от Девы.** Сын Божий низшел с небес ради грехов наших, вочеловечился от Девы через Святого Духа. Он действительно воплотился от Девы и был человеком по видимому и Богом – невидимо.

4) **Крест.** Христос был распят ради грехов наших, Он умер на Голгофе и, в память жертвы Его, воздвигнута там церковь, в которой ныне собираемся, говорит святой Кирилл, и вселенская наполнена частицами отделенными от креста Его.⁵⁶² Заключенный в каменном гробе, Он воскрес, сошел в места

подземные для освобождения праведных, начиная с Адама до Иоанна Крестителя.⁵⁶³

5) **Воскресение.** Иисус воскрес истинно в третий день и, выполнив послание Свое, возвратился на небо. Если колеблешься веровать тому, говорит Кирилл, рассмотри постоянные чудеса от креста. Множество людей было распято, но можно ли указать, чтобы чей-либо крест, кроме креста Христова, заставлял трепетать демонов? Не стыдись же креста и осеняй им чело твое на прогнание демонов. Твори знамение крестное, когда ешь или пьешь, сидишь ли ты, лежишь или встал; говоришь ли ты, или ходишь; словом при всех обстоятельствах».

Обычай творить знамение крестное упоминал еще Тертуллиан, как обычай весьма древний и апостольский.⁵⁶⁴

6) **Будущий суд.** Тот же Иисус Христос, вознесшийся на небо, придет судить живых и мертвых и начать вечное царствование Свое с избранными. Он придет с неба, а не с земли, как антихристы, которые злоупотребят Его Именем для распространения своих заблуждений.⁵⁶⁵

7) **Святой Дух.** Следует иметь веру о Нем такую же, какую имеем об Отце и Сыне, то есть, что Он Бог, единый, невидимый, вечный. Как един только Отец, един Сын, также един и Дух Святой, освящающий и обоготворяющий всё, и глаголавший в книгах Ветхого и Нового Завета.⁵⁶⁶

8) **Душа.** Человек состоит из двух сущностей: души и тела. Душа духовна, бессмертна, свободна, изъята от всякой необходимости или случайности. Она была не виновна прежде чем явилась в мир, и одинаковой сущности, как у мужчины, так и у женщины. Свободное произволение её таково, что она по воле своей может творить доброе и злое.

Учение это, противопоставляемое фатализму, не препятствует святому Кириллу допускать учение о благодати, сообщаемой исключительно крещением, и дарующей еще большую свободу для добра человеку, оправданному Духом Святым.

9) **Тело.** Оно есть творение Божие, а не причина греха. Не Тело совершает грех, но душа через тело, которое есть орудие

души и как бы её одеяние. Тело, соединенное со святой душой, становится храмом Святого Духа.

Дозволяется подчинять тело безбрачию: иноки и девы как бы ангелы Церкви. Но, соблюдая девство, не следует считать себя выше живущих в браке, потому что брак честен и без него не было бы потомства. Не следует даже порицать вступающих во вторичный брак.

Равным образом похвально воздерживаться мяса и вина, по духу покаяния; но не следует порицать употребляющих.

Относительно одежды должно только удовлетворять необходимости и приличию; роскошь же не достойна христианина.

10) **Воскрешение.** Тело воскреснет. Вызвавший его из ничтожества легко может повелеть ему возродиться; всякий христианин должен веровать в это воскресение, о котором учит священное Писание, и основанием которого есть крещение, делающее нас наследниками жизни вечной.

11) **Божественные Писания.** Они боговдохновенны и принадлежат как к Ветхому, так и Новому Завету, потому что Бог творец того и другого. Книг Ветхого Завета числом 22; они были переведены на греческий язык семидесятью двумя толковниками. Святой Кирилл допускал только книги канона иудейского. Для Нового же Завета он указывает на четыре Евангелия, Деяния Апостолов, на семь окружных Посланий: Иакова, Петра, Иоанна и Иуды, и на четырнадцать Посланий Павла. Прочие книги следует считать во втором разряде и не должно читать дома тех, которых не читают в церквях.

Должно заметить, что святой Кирилл не поместил Апокалипсиса в канон книг боговдохновенных. Книгу эту помещает он в тот же разряд, как *Пастыря* Эрмы, которая читалась в церквях, но не считалась боговдохновенной.

Мы видели, что святой Афанасий допускал Апокалипсис в число книг боговдохновенных. Вселенского учета о том еще не было.

Святой Кирилл оканчивает это важное *огласительное поучение* убеждениями избегать всяких суеверий идолопоклоннических, зрелищ и прочих мест светских

развлечений, иудейских соблюдений субботы, собраний еретических, подвизаясь в посте, милостыне, чтении священного Писания, и пребывая в подвигах добродетели и чистом вероучении.

Это изложение правил христианских святым Кириллом в четвертом столетии дает точное понятие об общем положении Церкви, относительно догматического вероучения и нравственности. В то время были далеки от теорий, по которым догмат христианский служит только символом, а Христианство состоит лишь из возвышенной нравственности, из любви к Богу и к ближнему. Необходимое единение догмата с нравственностью возвещается святым Кириллом и он излагает догматы в их ясном и очевидном смысле. Впрочем, в изложении своем он был только верным отголоском вероучения, принимаемого Церковью с самого начала; прежние изыскания наши о первых Отцах Церкви ясно подтверждают это.

В пятом огласительном поучении и в следующих – святой Кирилл только развивает положения, изложенные им в общем смысле.

Пятое состоит в предварительном изложении символа веры. Оно указывает на частный характер веры. Рассматривая ее вообще, вера есть как бы необходимое условие различных состояний.⁵⁶⁷ Вера побуждает земледельца бросать семена в землю и ожидать от них жатвы; вера внушает отважность мореходцу пускаться в море на нескольких досках. Христианину же основанием веры должна служить не опытность человеческая, но слово Божие, которое есть истина. Все верующие слову этому составляют народ верующих, отцом которых Авраам, если не по рождению естественному, то по вере.⁵⁶⁸ «Если сохраним веру эту, говорит святой Кирилл,⁵⁶⁹ то избегнем осуждения и украсимся всеми добродетелями».

Таково здоровое учение о вере христианской; вера есть основание спасения; но если она истинна, то по необходимости сопровождается добрыми делами. Вера не есть теория мышления, вера практична, истина и добро неразлучны. Забыв это, Церкви западные, римские и протестантские, потеряли много времени в тщетных рассуждениях.

Вера, рассматривая ее со стороны мышления, есть согласие с догматами откровенными; а со стороны практической – это дар Божий, благодать, действия которой восходят до чудес, как учит о том Евангелие.⁵⁷⁰

Предмет веры, рассматриваемый в первом отношении, состоит из истин откровенных, передаваемых Церковью; истины эти доказываются священными Писаниями. Но как не все в состоянии читать Писания, одни по невежеству своему, другие по занятиям, то постарались соединить в нескольких выражениях полноту предметов веры. Сокращение это, простонародно называемое символом, следовало оглашенным заучивать и произносить наизусть.⁵⁷¹

Таково было в IV столетии учение о передаче вероучений. Они передавались Церковью. Могущие читать Писания должны были в них искать доказательств на утверждение истины вероучения, им преподаваемого. Не могущие же читать Писаний принимали вероучение, преподаваемое Церковью и для них достаточно было знать сокращение, заключающееся в символе.

Выше приведен был символ, принятый Церковью Иерусалимской. Кирилл требовал, чтобы символ этот считали столь священным, чтобы ничего в него не добавляли и ничего бы из него не выключали, даже если бы ангел с неба стал возвещать что-либо в нем не заключающееся, согласно правилу Апостола Павла. Символ, говорит он, составлен не по понятиям человеческим, но извлечен из самих священных Писаний; каждая из истин в нем заключающихся есть, как бы, растение, у которого один корень, но от корня сего исходят многие отрасли. Все эти истины составляют залог, который следует тщательно сохранять до великого дня, когда придет Христос потребовать в нем отчета.⁵⁷²

В шестом огласительном поучении говорится о *едином Боге*, первой истине, заключающейся в символе.

«Великая наука, говорит святитель,⁵⁷³ сознавать свое невежество относительно сущности божества». Только Один Бог знает и постигает Себя, человек же имеет разум слишком ограниченный для понимания бесконечного.

Природа, во всех частях своих и существах в ней заключающихся, исполнена непостижимого и поражающего нас своей необъятностью. Что же удивительного, если не постигаем Сотворившего все это? Но ты скажешь мне: «Если сущность божественная непостижима, то к чему намереваешься о ней говорить»?⁵⁷⁴ Если даже не могу я вполне постигать ее, то разве не могу сказать того, что знаю о ней? Ангелы не постигают Бога, однако они созерцают Его, имея познания о Нем более или менее полные, смотря по степени их совершенства.

Для нас же достаточно знать, что Бог един,⁵⁷⁵ вечен, неизменен, всегда тот же, каким бы именем Его ни называли, без начала и без конца, повсюду сущий, видящий и знающий всё, сотворивший всё через Христа, источник неиссякаемый всяких благ, свет всегда блистающий, всемогущество невидимое. Бог бестелесен;⁵⁷⁶ идолопоклонники страшно ошибались, присваивая Ему столько различных и материальных видов.

Святой Кирилл указывает на заблуждения идолопоклонников и еретиков, особенно манихеев. Святой учитель, желая обрисовать историю всех ересей, замечает, что первым виновником их был Симон волхв, и говорит о путешествии его в Рим. Сказанное им чрезвычайно замечательно. Когда обманщик этот был отвергнут Апостолами, то прибыл в Рим, где мнимыми чудесами своими приобрел такую славу, что император Клавдий воздвиг ему статую с надписью: «Симону, богу святому».⁵⁷⁷ Но Симон встретил в Риме грозных противников, добавляет святой Кирилл, то есть Петра и Павла, первоначальников Церкви.⁵⁷⁸

Всем ересям святой Кирилл противопоставляет Церковь, учащую о единстве Божества, и к этому учению Церкви должны были прибегать оглашенные для избежания сетей врагов истины.

Седьмое огласительное поучение. Бог единый называется Отцом, потому что у Него Сын единородный Господь наш Иисус Христос. Объяснению этого наименования «Отец» посвящает Святой Кирилл свое седьмое огласительное поучение. Именование Отца, прилагаемое к Богу, подразумевает понятие

о Сыне, равно как именование Сына подразумевает Отца.⁵⁷⁹ Последнее наименование поставлено в начале символа, рядом с Богом единым, чтобы не могли предполагать, что Сын какой либо степенью ниже, хотя догматы собственно к Нему относящиеся в сем сокращенном вероучении и поставлены после. Бог от самой вечности был Отцом и не был никогда без этого наименования, потому что Сын совечен Ему; Он есть Сын и единый, в строгом смысле слова. *Люди также сыны Божии, но по усыновлению.*

Святой учитель развивает мысли свои и нравственное приложение, из них истекающее. Нравственность его чрезвычайно возвышенна, и его учение тождественно учению Никейского собора, то есть учению, всегда преподаваемому Церковью.

В восьмом и девятом огласительных поучениях Бог рассматривается как Творец и говорится о Его Промысле.⁵⁸⁰ Равно как в предшествующих поучениях, святитель и здесь излагает и опровергает заблуждения, противные учению христианскому, объясняя учение это ясно и православно.

В десятом огласительном поучении святой Кирилл излагает учение о «едином Учителе Иисусе Христе, Единородном Сыне Божиим». Он разбирает все наименования, которые Ему даются в Писаниях.⁵⁸¹

Должно заметить, что святой Кирилл тщательно старается во всех своих поучениях опровергать заблуждения евреев, противопоставляя им Писания Ветхого Завета. Он проповедовал людям, которые хотя не происходили от родителей израильских, но все-таки жили среди этого народа и знали возражения, какие делались против вероучения христианского. Особенно он старается опровергнуть евреев относительно личности Иисуса Христа.

Объясняя наименование *Христос*, и указывая на священническое помазание Спасителя, полученное от Бога Отца, святой Кирилл изъясняется так: «Христос есть Первосвященник,⁵⁸² имеющий священство *непередаваемое*, начавшееся вне времени, и не может иметь преемника в Своем верховном первосвященстве».

Выполняющие священство в Церкви только служители единого верховного первосвященника Иисуса Христа, через рукоположение получают они только право отправлять священство Христово, единственное священство Нового Завета, подобно тому, как жертва Голгофская есть Его единственная жертва.

В числе доказательств божественности Иисуса Христа, святой Кирилл указывает на наименование Святой Девы *Божией Матерью*.⁵⁸³ Это именование было в большом употреблении в четвертом столетии.

В одиннадцатом огласительном поучении объясняется, что Иисус Христос есть истинный Бог, облеченный природой человеческой, и орудие Отца в деле созидания мира.⁵⁸⁴

Учение о двояком естестве, божеском и человеческом, в лице Иисуса Христа излагается в этом поучении точно таким, как оно определено было на последующих вселенских соборах.

Относительно же самого предвечного рождения один только Бог знает его сущность, а знание наше ограничивается только уверенности, что оно не имеет никакого сходства с рождением человеческим.

Человек может излагать сверхчеловеческое только на языке человеческом, вот почему никогда не следует принимать выражений богословских в строгом смысле, как принимаются слова, выражающие земное, человеческое. Так, слово *рождение* не может дать надлежащего понятия о действии божественном, равно и слово *лица* не выражают точно отличительных принадлежностей Отца, Сына и Святого Духа. Совершенно ясно, что если бы возможно было понять выражения: *рождение*, *исхождение*, *лица*, относительно божества, то постигали бы Самого Бога, то есть разум человеческий был бы разумом божественным и бесконечным. А потому не удивительно, что святой Кирилл, подобно прочим Отцам Церкви, утверждает, что *действия божества непостижимы* и что следует веровать им, как они были переданы, не помышляя о понимании их.

Святой Кирилл распространяется о непостижимости предвечного рождения и толкует оное строго-православно, по слову Божию.

Двенадцатое поучение. Затем переходит он к воплощению божественного Слова, излагая о том учение Церкви в своем двенадцатом поучении.⁵⁸⁵ Там выражается он очень ясно об обоих естествах Христовых, божественном и человеческом, и учит, что мы должны поклоняться в нем только Богочеловеку. Он опровергает заблуждения евреев об Иисусе Христе, говоря, что воплощение Слова, восприявшего человечество Свое от Девы непорочной, есть как бы средоточие всех пророчеств и всех прообразований Ветхого Завета.

В тринадцатом огласительном поучении⁵⁸⁶ говорится о Христе, распятом и погребенном; Он распят был для спасения нашего, и все обстоятельства смерти Его и погребения предречены были в священных Писаниях Ветхого Завета.

В четырнадцатом поучении святой Кирилл занимается воскресением и вознесением Иисуса Христа и пребыванием Его на небесах, где Он сидит одесную Отца.⁵⁸⁷

Подобно как в предшествующих поучениях, собирает он свидетельства Ветхого Завета в подтверждение своих мыслей. «Относительно же престола Христова на небесах, говорит святой Кирилл,⁵⁸⁸ не будем в это углубляться, это превышает нашего разумения. Не будем говорить, как некоторые, что Христос только по вознесении Своем занял престол этот; потому что Он восседал на нем с самого рождения, то есть предвечно».

Святой учитель собирает после сего все свидетельства из писаний о Христе, сидящем одесную Отца, в подтверждение истины сего догмата.

Пятнадцатое поучение посвящено второму пришествию Христову, последнему суду Его, и вечному царствованию.⁵⁸⁹ Христос, при кончине Мира, придет со славою судить живых и мертвых. Древние пророки знали и предрекли это второе пришествие. Писания сообщают нам предшествующие знамения оногo.⁵⁹⁰ После суда Христос будет царствовать вечно. По этому вопросу, святой Кирилл восстает против Маркелла Анкирского, говорившего, что кончина мира будет также окончанием царствования Христова.

В шестнадцатом огласительном поучении святой Кирилл излагает учение Церкви о Святом Духе.⁵⁹¹ «Удовольствуемся, говорит он,⁵⁹² сказать о Святом Духе то, что написано. Не будем с пытливостью отыскивать того, чего не было писано. Сам Святой Дух говорил в Писаниях; Он изрек нам о Самом Себе то, что Ему благоугодно было, и то, что можем понимать. Скажем же только то, что Он Сам изрек, и не дерзаем говорить иное».

Если бы всегда следовали этим мудрым наставлениям, то не начинали бы столько рассуждений и не поднимали бы столько неразрешимых и непостижимых вопросов. Святой Кирилл не рассуждал о вопросе исхождения Святого Духа от Отца, ни о существенных отношениях Его к Отцу и Сыну. Он знал, что вопросы эти относятся к сущности Существа бесконечного и превышают разумение человеческое. А потому и занимается только внешними действиями Святой Троицы относительно человека. Он приводит следующие слова Писания: «Вся предана Мне Отцем Моим.... Когда же приидет Дух Истины, Он прославит Меня, ибо от Моего приемлет и вся грядущая возвестит вам....» Он выводит из сего следующее заключение.⁵⁹³ «Отец дарует все через Сына во Святом Духе; эти дары Отца не различествуют от даров Сына и Святого Духа. Одно только спасение, одна власть, одна вера. Один только Отец, один Учитель, Сын Его едиnorodный, один Дух Святой, Утешитель. Достаточно нам знать это. Не любопытствуйте – какова Его сущность или Лицо Его; если бы было о том что либо написано, то мы сказали бы вам, а что не написано, того не дерзаем разыскивать. Для спасения нашего достаточно знать – что есть Отец, Сын и Дух Святой.

В семнадцатом поучении святой Кирилл продолжает о Святом Духе.⁵⁹⁴ Он продолжает там рассматривать изречения Писания, где о Нем говорится, и наименования, которые Ему прилагаются. По приведении изречений евангельских, где Иисус Христос говорит о Духе, он добавляет: «Я прочитал тебе словеса Самого Единородного, чтобы ты не внимал словам человеческим».⁵⁹⁵

Восемнадцатое огласительное поучение посвящено трем вопросам: общему воскресению, Церкви кафолической и жизни

вечной.⁵⁹⁶

Воскрешение, говорит он, догмат чрезвычайно важный и чрезвычайно полезный Церкви кафолической.⁵⁹⁷ Он защищает этот догмат против возражений язычников, самаритян и многих еретиков.

Сказанное им о Церкви очень замечательно. «Церковь, говорит он,⁵⁹⁸ называется кафолической (вселенской) потому, что она рассеяна по всей вселенной; потому что она учит повсеместно и в точности всем догматам, которые человек знать должен, о видимом и невидимом, о небесном и земном; потому что она обязывает все человечество исповедовать одну и ту же веру: государей равно как и частных людей, ученых как неученых, потому что она исцеляет все грехи, внутренние ли то или внешние. Наконец потому, что она имеет всеобщую силу, каким бы именем ее ни называли, внушать добрые дела, добрые слова и сообщать все дары духовные».⁵⁹⁹ Именование *Церкви* (собрания) совершенно приличествует обществу верующих, потому что она призывает всех соединиться и составить одно только собрание. Сначала Церковь Божию составляли только евреи, но христиане были призваны заменить их и образовать церкви, по всему лицу земли. Так как еретики собрания свои также называли церквами, то святой Кирилл предупреждает своих оглашенных, что одна только Церковь истинная или *кафолическая* та, которой свойства он указал. «Бегай, говорит он,⁶⁰⁰ собраний гнусных, еретических, оставаясь привязанным к Церкви кафолической, в которой ты был возрожден. Если ты, путешествуя, где-либо остановишься, то не спрашивай просто, где дом Господень;⁶⁰¹ потому что раскольники и еретики также называют домами Господними места своих нечестивых собраний; не спрашивай также просто, где *Церковь* (то есть собрание), но спрашивай где собирается Церковь кафолическая, потому что таково истинное название святой Церкви, общей матери нашей и невесты Господа нашего Иисуса Христа, едиnorodного Сына Божия..., Когда древняя Церковь израильская была отвергнута, то во второй, то есть в Церкви вселенской, Бог, согласно изречению Апостола Павла, установил на первом месте апостолов, на втором пророков, на

третьем учителей,⁶⁰² а затем дары исключительные, как-то: исцелять, понимать вероучение, руководствовать, говорить различными языками, подвизаться в различных добродетелях. Цари признают пределы, где чтится власть их; одна только Церковь кафолическая имеет власть, распространяющуюся по всей вселенной».⁶⁰³

Чада Церкви наследуют, по воскрешении, жизнь вечную.⁶⁰⁴

Восемнадцать огласительных поучений составляют свод вероучений, преподаваемых Церковью всем, как врагам, так и друзьям, и которые обязаны знать все приступающие к крещению. Поучения святителя служат ясным доказательством, что во всем, составляющем ныне истинное Христианство, Церковь IV столетия имела ясное вероучение. Святой Кирилл не преподавал учения нового, образовавшегося постепенно в течении трех столетий, но вероучение принятое апостолами от Учителя, проповеданное ими во всем мире и которое Церковь вселенская или кафолическая всегда хранила неприкосновенным в чистоте.

Предшествовавшие изыскания доказывают, что святой Кирилл, утверждая то, не обманывался. Таким образом, перед истиной исторической сами собою падают все тщетные теории, вымышленные людьми не очень просвещенными о постепенном развитии вероучений христианских.

Рядом с вероучениями символа, предназначенного для всех, Церковь хранила учение таинственное для чад своих. Преподавалось же оное вновь окрещенным в течение праздников Пасхи. Оно заключается в **пяти** поучениях, которые святой Кирилл называет *мистагогическими*, как бы *посвящающими в тайны* или учения, назначаемые для верных.

В первом и во втором поучении святой Кирилл разъясняет таинственный смысл крещения и обращаясь к вновь просвещенным говорит:⁶⁰⁵ «Я желал, еще прежде сего дня, законные чада Церкви, беседовать с вами о духовных и небесных тайнах, в которых вы сделались участниками. Но знал, что посредством очей вы скорее поймете их, нежели посредством слуха; вот для чего медлил я доселе, ожидая, чтобы собственный опыт ваш соделал вам памятнее мои

объяснения и облегчил мне направлять вас по зеленым и благоуханным лугам сего рая. Вы сделали также более способными слышать священные тайны, после божественной и животворной купели, которой удостоились. Я могу, следственно, предложить вам трапезу наставлений более совершенных, глубже посвятить вас и объяснить вам действие, над вами совершившееся в вечерню, когда приняли вы крещение».⁶⁰⁶

Почерпнем из поучений святого Кирилла все подробности чина обычного при крещении, в течение первых столетий.

Оглашенный вступал в особый притвор, находящийся перед церковью.⁶⁰⁷ Он обращался к Западу, подняв руку, и на первое приглашение епископа отвечал: *«отрицаюся тебя сатаны!»* Потому что сатана – начало зла, преследовавшего оглашенного до крещальной купели, как Фараон преследовал Израильян до Чермного моря. Прежде перехода вод, в которых сатана должен погибнуть, оглашенный поражал его анафемой, обращаясь к Западу – стране мрака.

По второму приглашению епископа, оглашенный говорит, все обращаясь к сатане: *«Отрекаюсь дел твоих»*, а по третьему – *«отрекаюсь всего великолепия твоего»*, то есть, всех зрелищ, всех торжеств мирских, на которых свирепость и безнравственность были в полном разгаре. К числу великолепий сатанинских должно причислить пиршества, на которых ели хлебы и пили вино, посвященное демонам. «Действительно, говорит святой Кирилл,⁶⁰⁸ так как хлеб и вино, до призывания святой и достопокланяемой Троицы, были только обыкновенные хлеб и вино, то после призывания становятся: хлеб – телом Христовым, а вино – кровью Христовой, также и яства принадлежащие к пышностям сатаны, хотя по природе своей только обыкновенные яства, но становятся нечестивыми и оскверненными после призывания демонов.⁶⁰⁹

По четвертому приглашению епископа, оглашенный отвечал, обращаясь к сатане: *«И всему служению твоему»*. Так отрекался он от идолопоклонства и всех суеверий.

Обращаясь затем к Востоку, где Богом помещен был рай, где невинное человечество жило счастливо,⁶¹⁰ и, по

приглашению епископа, он произносил СИМВОЛ, после чего уже входил в церковь.

Немедленно снимался с оглашенного его хитон,⁶¹¹ считавшегося, как бы, признаком ветхого человека, нагота же его изображала распятого Христа, то есть, обозначала полное отречение его от всего мирского. «Удивительно, восклицает святой Кирилл, пред всеми вы были обнажены и не стыдились; вы были действительно образом отца нашего Адама, бывшего в раю нагим и нисколько не стыдившегося».

Когда оглашенный был, таким образом, обнажен, то его помазывали по всему телу, с головы до ног, елеем.⁶¹² Этот елей освящался призыванием Божиим, с молитвою даровать ему силу на искоренение остатков греха и отогнание демонов.

После сего помазания оглашенного вели к священной купели божественного крещения.⁶¹³ Епископ вопрошал его, верует ли он в Отца и Сына и Святого Духа, и, после утвердительного ответа, погружали его трижды в воду, в воспоминание смерти Христовой, трехдневного погребения Его и воскресения.

Таково было крещение, считавшееся не только средством отпущения грехов, но усыновлением и соединением со Христом.⁶¹⁴

Подобно тому, как Христос по выходе из вод Иордана, после крещения Иоаннова, принял Духа Святого, сошедшего на Него видимым образом, также и оглашенный, по выходе из крещальной купели, получал помазание, преподававшее ему дары Духа Святого, то есть миропомазание.⁶¹⁵ Помазание совершалось посредством благовонного елея, которому молитвой и призыванием сообщалась действительная сила, превращавшая его в дар Христа и средство сообщения Святого Духа. «Так же говорит святой Кирилл,⁶¹⁶ как хлеб в евхаристии после призывания Святого Духа уже более не хлеб обыкновенный, но тело Христово, точно также и благовонный елей – уже более не благовоние, так что, при помазании оным проникается сама душа».⁶¹⁷

Помазание это совершалось сперва на челе,⁶¹⁸ потом на ушах, на ноздрях и на груди.

Только после получения миропомазания считались достойными именованию христиан.⁶¹⁹ Крещение же считалось только средством дойти до сего звания.

Помазание, в таинстве миропомазания, по мнению святого Кирилла, было не наружным только обрядом, но таинством, производившим само по себе действие в душе благорасположенной.

Четвертое мистагогическое поучение посвящено догмату истинного присутствия тела и крови Христовых в евхаристии. Следует заметить, что святой Кирилл отделяет вопрос догматический от практического, или причащения, составляющего предмет пятого и последнего поучения.⁶²⁰

Он напоминает текст Апостола Павла об учреждении евхаристии и слова Иисуса Христа; понимает их в собственном смысле и спрашивает: «Кто может оспаривать такое выражение: *Сие есть тело Мое, сия есть кровь Моя?*»⁶²¹

Господь претворил воду в вино в Кане Галилейской и мы не находим Его заслуживающим доверия когда претворяет вино в кровь Свою?⁶²²

Примем же с полным доверием хлеб и вино как тело и кровь Христовы; потому под *видом* хлеба преподается тебе тело, а под *видом* вина преподается кровь; дабы вкушая тело и кровь Христовы ты сделался бы участником того же тела и той же крови. Когда члены наши получили участие в теле и в крови Христовых, то становимся мы *Христоносцами*.⁶²³

Однако святой Кирилл требовал, чтобы слов этих не принимали в смысле материальном, вкушения внешнего, но в смысле духовном,⁶²⁴ не отрицающем действительности. Вид хлеба и вина остается для внешности, для чувств; но участие души и тела в теле и крови Христовых, не менее того, действительно. Ни глаза, ни вкус не удостоверяют нас в действительности, но верой приемлем мы то внутреннее убеждение, что освященные хлеб и вино суть тело и кровь Христовы.⁶²⁵ По этой-то искренней вере кажущееся хлебом уже более не хлеб, но тело Христово, хотя и остается вкус хлеба; а кажущееся вином уже более не вино, но кровь Христова, хотя и остается вкус вина.⁶²⁶

Из пятого и последнего поучения позаимствуем указания литургические, в нем заключающиеся.

Вы видели, говорит он,⁶²⁷ как диакон подает епископу и пресвитерам, окружающим алтарь, воду для умовения рук. Это не для очищения нашего, потому что, входя в церковь, мы были чисты; но омовение рук есть знак чистоты, с которого следует приступать к святым тайнам.

Подав воду епископу и пресвитерам, диакон громко восклицает: *Обыдем друг друга лобзанием братским.*⁶²⁸ Это лобзание есть знак единения, которое должно царствовать в душах наших, и забвения взаимных оскорблений, потому что приступать к алтарю с ненавистью в сердце запрещено.

Епископ, возвышая голос, после того говорит: Горе имеем сердца!⁶²⁹ Страшная минута приближается, говорит святой Кирилл, сердца должны возноситься к небу, оставив земное. Верующие отвечают: *Имамы (сердца вознесенные) ко Господу.*⁶³⁰

Священник тоже громко возглашает: *Благодарим Господа, а верующие отвечают: Достойно и праведно есть.*⁶³¹

«Затем, продолжает святой Кирилл,⁶³² мы воспоминаем небо, землю, моря, солнце, луну, звезды и все сотворенное, одаренное разумом, или неразумное, видимое и невидимое: Ангелов, Архангелов, Силы, Господства, Начала, Власти, Престолы, многоочих Херувимов и Серафимов, которых видел Исаия вокруг престола Божия закрывающими лице свое двумя крылами, ноги другими двумя, а двумя крылами летающих. С этими Серафимами восклицаем мы: Свят, свят, свят Господь Саваоф».⁶³³

«Освятившись хвалами духовными,⁶³⁴ мы молим всеблагого Бога ниспослать Святаго Духа Своего на дары находящиеся на престоле, да соделает Он хлеб сей телом Христа Своего и вино Кровию Его,⁶³⁵ потому что все осеняемое Духом Святым освящается и *предлагается.*⁶³⁶

Когда жертва духовная совершена,⁶³⁷ мы молим Бога о мире Церквей, о благоустройстве мира, об императорах, о воинстве их, за болящих, за скорбящих; молим и приносим жертву за всех, помощи требующих.

Затем, воспоминаем мы усопших сном смертным:⁶³⁸ сперва патриархов, пророков, апостолов, мучеников, чтобы, по молитвам их и предстательству, Бог услышал моление наше. Потом молимся за усопших святых отцов, епископов и всех среди нас усопших, в полной уверенности, что моления наши весьма полезны для душ их, когда возносятся во время святой и достопоклоняемой жертвы, подлежащей на престоле.⁶³⁹

После сего читаем молитву, переданную нам Спасителем: *Отче наш*.... Святой Кирилл объясняет всю молитву, добавляя: Когда она окончена, ты говоришь *Аминь*; это есть выражение согласия на все просимое в молитве.⁶⁴⁰

Епископ возвышает затем голос свой, говоря: *Святая святым*,⁶⁴¹ а верующие отвечают: *Един свят, един Господь Иисус Христос*.⁶⁴² После чего один из клириков поет: *Вкусите и видите яко благ Господь Иисус Христос*.⁶⁴³

«Не приступай к причащению, говорит святой Кирилл, простирая руки и расставляя пальцы,⁶⁴⁴ но подложив левую руку под правую, как бы под престол и седалище Царя твоего. Приемля же тело Христово на ладонь руки твоей, отвечай: *аминь*. Освятив очи твои созерцанием святого тела, вкуси оное, стараясь ничего не растерять.

«Причастившись телу Христову, приступай к чаше крови Его,⁶⁴⁵ также не воздевая рук, но преклоняясь с благоговением и говоря *аминь*, после того как причастился крови Христовой; пока уста твои еще омочены, оботри их рукой, освятив прикосновением её чело, очи и прочие чувства. Наконец, выслушай молитвы благодарственные, воздавая хвалы Богу, что сподобился участвовать в столь великом таинстве».

Оканчивая, святой Кирилл приглашает верующих причащаться, если даже соделали какой грех,⁶⁴⁶ но раскаиваются.

Огласительные поучения святого Кирилла наполнены библейских изречений, слог их кроткий и благоговейный. Сведения заключающиеся в них о благочинии первенствующей Церкви, её вероучении, её таинствах – ясно доказывают, что в IV столетии Церковь католическая была такой же, как до ныне на Востоке, и что она не знала ни учреждений монархических,

ни демократизма пресвитерианского, ни систем и новейших догматов, извративших на Западе Церкви христианские. Творение святого Кирилла имеет неоспоримое богословское значение и не меньше того значение историческое.

Имеется еще беседа святого Кирилла Иерусалимского о Расслабленном, послание к императору Констанцию о блистательном кресте, явившемся на небе, над Иерусалимом, в 351 году в день Пятидесятницы.⁶⁴⁷ Многие из писателей приводили отрывки из других бесед того же Отца. Ему приписывались еще некоторые творения, которые ученые считают, однако по справедливости, подложными. Но то, что осталось от святителя Иерусалимского совершенно достаточно, чтобы считать его в числе знаменитейших писателей четвертого столетия.

Творчество святого Василия Великого

От Иерусалима перейдем к Кесарии Каппадокийской, где жил епископ еще знаменитее Кирилла – Василий Великий. Брат его, святой Григорий Нисский, не колеблясь, приписывает знаменитому мужу сему посланничество по Промыслу Божию для охранения и защиты истины в мире.⁶⁴⁸ Посланничество это состояло в защите истины кафолической против ариан, которые, посредством Ария, Аэция, Евномия, Евдоксия и многих других отступников, соединились с сильными земли на истребление вероучения откровенного. Когда люди эти, с дьявольской настойчивостью, преследовали цель свою, появился Великий Василий, блестящий, как лучезарный свет среди мрака ночи, подобно маяку для направления борющихся среди волн заблуждения. Он вступил в борьбу с префектами, председателями и военачальниками; свободно говорил императорам, возвышал голос свой в проповедях и посланиях своих против всех врагов веры. Он не страшился ссылки, считая небо единственным отечеством человека; вся земля в глазах его была местом ссылки. Он, ежедневно умиравший, не мог страшиться смерти. Один из префектов сказал ему однажды, что прикажет четвертовать его, а он удовольствовался только улыбкою, ответив: «Благодарю тебя, по крайней мере, за благорасположение, мне оказанное».

Василий был на Востоке тем, чем Афанасий в Египте, – неустрашимым ратоборцем Церкви кафолической и целости её вероучения.

Василий родился около 329 г., почти в то же время, как и искренний друг его Григорий, названный Богословом. По всему вероятно, был он родом из Кесарии, где был впоследствии епископом. Город этот, находящийся у подошвы горы Аргеи, назывался сперва Маза или Мазака, по имени Мозоха, праотца Каппадокийцев. Тиверий обратил Каппадокию в провинцию империи Римской и назвал столицу её Кесарией. Во время рождения Василия, город этот был цветущим, народонаселение было чрезвычайно образованно и почти все христианское.

Мать Василия была каппадокианка, но отец его – происхождения арианского и предки его уроженцами Севастии. Семейство его, как со стороны отца так и матери, было благородное, знаменитое и богатое. Василий считал особенной для себя честью иметь бабкой св. Макрину, получавшую наставления от святого Григория Чудотворца. Макрина посвятила внука своего вероучению сего мужа апостольского и Василий считал себя счастливым, что остался верен её наставлениям. Макрина и муж её много претерпели в гонение Диоклетианово, но мужество их было превыше насилий гонителя.

Между родственниками, о которых сам Василий упоминает в письмах своих, особенно должно заметить Сорана, герцога Скифии. Самые знаменитые семейства страны той находились в родстве с семейством отца Василия и Еммелии.

Василий после первых наставлений в литературе и красноречий, полученных от отца своего, считавшаяся одним из самых красноречивых в своем городе, перешел в Палестину и слушал то, что преподавалось в школе Кессарийской, столь прославленной Оригеном, пресвитером Памфилом и Евсевием. Василий отличался там своей склонностью к красноречию и философии. Из Кесарии Палестинской перешел он в Константинополь, где усвоял, что преподавал знаменитый Либаний, питавший к нему глубокое уважение, и превозносивший похвалами как красноречие его, так и строгую нравственность. Василий оставил школы Константинопольские около 350 и отправился в Афины. Там нашел он соотечественника своего Григория и тесно подружился с ним. Когда Григорий, лишившись друга своего, хотел сказать ему похвальное слово, то с душевным волнением вспоминал жизнь, проводимую ими вместе в Афинах. «Как вспомнить, говорил он,⁶⁴⁹ о ней без душевного волнения? Наука, более прочего побуждающая к зависти, была целью, к которой мы стремились; однако зависти между нами не было. Соревнование побуждало нас только учиться: мы спорили не за первенство, а как бы уступить его один другому. Успехи были у нас общими, вдвоем была у нас одна душа. Справедливо отвергается система, по

которой все существа одни в других; однако могу сказать, что мы составляли вместе одного человека. Единственной целью наших усилий была добродетель; мы старались направлять всю жизнь нашу в надежде на жизнь будущую. Нами руководили закон Божий и мы поощряли друг друга к добродетели; если бы не опасения казаться горделивым, то сказал бы, что друг для друга мы служили правилом, различая по взаимным поступкам что хорошо и что дурно. Мы избегали всяких сношений с учениками дерзкими и безнравственными, стараясь знакомиться только с целомудренными. Избегая сварливых и упрямых, мы старались иметь сношения только с миролюбивыми и такими, беседа которых могла послужить нам на пользу. Мы знали, что легче перенимать пороки, нежели передавать добродетели, заразиться болезнями, чем передать свое здоровье. Науки приятные нравились нам менее знаний полезных, так как наука может и развить в молодых людях добродетель, и возбудить пороки. Знали мы только две дороги, одну ведущую к церкви, где святые наставники преподавали учение веры, а другую, менее нами любимую, ведущую к учителям, преподававшим науки. Другим предоставляли мы пути к зрелищам, к собраниям светским и пиршествам. Главная забота наша и слава состояла не в снискании горделивых титулов, но в том, чтобы стать достойными имени христианина».

Афины были для молодых людей городом весьма опасным; там встречалось более идолов, нежели во всей остальной Греции, и деятельно распространялось оттуда язычество. Но увлекавшее прочих – только утверждало Василия и Григория в вере; они изучили идолопоклонство вблизи, подметили все подлоги его и сохранили к нему одно только презрение. Не соблазнившись удовольствиями, они с того же времени вознамерились жить в одиночестве, по примеру подвижников Египта и Фифаиды, посветив Иисусу Христу познания свои и красноречие. Многие из учащихся хотя и не отличались, подобно Василию и Григорию, но старались подражать им, составив общество, главой которого был Василий. Отличие это принадлежало ему по праву за необыкновенные способности его, по которым занимал он первое место между учащимися

словесности, лингвистике и философии. Он учится также математике, но настолько, чтобы не опасаться возражений тех, которые в ней преуспевали. Он не пренебрегал никакими полезными знаниями, но исключительный характер его гениальности выражался в глубине философской, соединенной с пламенным и увлекающим красноречием. В обоих отношениях этих, еще с молодости, приобрёл он большую известность. Григорий же с проницательностью философической соединял блистательные поэтические дарования. Он заслужил название *Богослова* по философским воззрениям своим на истины откровенные, а поэтические произведения его служат доказательством, что самые глубокие философские воззрения умел облекать изящнейшими формами.

Василий и Григорий знали в Афинах множество учившихся, которые после заняли высокие места в Церкви и Правительстве. Среди них находился император Юлиан, о котором тогда же приобрели они не выгодное мнение.

Когда настало время обоим друзьям оставить школы афинские, то преподаватели и учащиеся употребляли все усилия удержать их. Василий воспротивился всем убеждениям, но Григория преодолели, потому что сам Василий присоединился к убеждавшим его остаться. Это было изменой, дружественно говорит Григорий, но совесть изменника конечно не слишком жестоко упрекала его в преступлении, и Григорий не думал мстить.

Василий, посетив Константинополь, направился к Кессарии Каппадокийской; он был в главных городах этой провинции и Понта; везде старались его удержать, предлагая ему руководить училищами, но наклонности влекли его к иной деятельности. Ему хотелось в точности последовать наставлениям евангельским, освободиться от имений в пользу неимущих и заботиться только о практическом приложении возвышенной философии, открытой Иисусом Христом миру. Чтобы научиться тому следовало идти не в Афины и не в Константинополь, но в пустыни, где жили истинные циники христианские, пренебрегавшие наслаждениями мира, не по гордости, как Диоген, но проникнутые понятиями несравненно

более возвышенными. А потому проходил он пустыни Месопотамии, Келесирии, Палестины и Египта, собирая повсюду наставления в высших добродетелях. В то же время посещал он епископов православных, сосланных или гонимых арианами, которые, пользуясь тогда покровительством Констанция (357), наполнили Империю смутами и распрями. Взаимная борьба верующих и епископов исполнили сердце его горестью и он отыскивал в Писаниях причины этого плачевного положения Церкви, для которой однако Иисус Христос умер, послав ей Духа Святого. Василий постигнул, что причиной всех разделений есть гордость, то есть дух человеческий, восстающий непрестанно на Бога, противопоставляя истине свои суетные соображения; вследствие чего он еще сильнее привязался к древнему и непоколебимому вероучению.

По возвращении Василия в Кессарию, епископ этого города рукоположил его чтецом, из опасения, чтобы кто другой не похитил такого сокровища. Однако, принадлежа к этой Церкви, Василий нисколько не полагал нарушить своих обязанностей удалением в пустыни Понта; В Каппадокии он знал и удивлялся инокам, жившим по правилам Евстафия Севастийского и не хотел верить, что они еретики, как многие то утверждали. Но он не вошел однако в их общество, а предпочел уединиться в загородном доме, принадлежавшем его семейству и находившемся в Понте, чтобы там предаться подвигам философии христианской, как он сам понимал её. Уже многие из родственников его жили в этом месте, совершенными отшельниками. Мать его Эммелия, сестра Макрина и брат Петр, впоследствии епископ Севастийский, подвизались там в добродетелях христианских, с высоким совершенством. Близ жилища, принадлежавшего семейству его, устроил он мужскую обитель, которой и управлял до того времени, пока не был избран епископом Кессарии, после чего управлял этим монастырем брат его Петр.

Григорий сначала не разделял отшельнической жизни Василия; он удержан был в Назианзе попечениями об отце своем и матери, уже очень престарелыми. Отец Григория назывался тем же именем, как и сын и был епископом

Назианза. Григорию хотелось было привлечь Василия в страну, где сам жил, но тот предпочел свою пустыню в Понте. Он описывал другу своему жизнь христианскую, какую проводил, приглашая его к нему присоединиться и выполнить намерение, созревшее у них еще в Афинах. Григорий решился, наконец, послушать друга, прибыл к нему и они жили вместе, разделяя время между изучениями священных Писаний, молитвой и рукоделиями.

Василий учредил в Понте многие другие монастыри и написал для иночествующих правила. Он по справедливости считается настоящим учредителем и законодателем жизни монашеской на Востоке.

Григорий, проживши некоторое время с ним, возвратился в Назианз. Там рукоположен был во священника, хотя и против желания. Слишком возвышенные понятия его о священстве воспрепятствовали ему исполнять это служение и он бежал к другу своему Василию, постоянно убеждавшему его возвратиться к нему (362).

Василий жил в пустыне с другом своим Григорием, когда Юлиан написал ему письмо, о котором уже было говорено. Вскоре после того Василий прибыл в Кессарии, по просьбе епископа Диания, бывшего при конце своей жизни. Евсевий, избранный после смерти Диания, поспешил возвести Василия в священство, чтобы удержать в Кессарии, где он мог быть столь полезным его пастве. Но вскоре зависть изменила мнения Евсевия, не могшего без досады видеть, как знаменитый пресвитер приобрел в городе влияние большее, чем он сам, а потому начал преследовать Василия; город и монахи готовы были принять его сторону против епископа, но смиренный Василий бежал в пустыню свою в Понте. Там оставался он в продолжении трех лет, после чего Григорий примирил его с Евсевием, вызвавшим его в Кессарию.

Деяния Василия, как пресвитера и как епископа Кессарийского, принадлежат собственно истории и займут в ней должное им место. Теперь же станем изучать творения этого мужа.

Между экзегетическими творениями Василия, конечно, первое место принадлежит девяти беседам его на Шестоднев или на первую главу книги Бытия.⁶⁵⁰ Это есть глубокое объяснение сотворения мира. Сначала он противопоставляет различные философские системы о начале природы.⁶⁵¹ Системы эти ныне те же самые, каковыми были и в то время, когда Василий учился в Константинополе и в Афинах, и основываются на противоречащих гипотезах, весьма далеких от глубокой философии, истекающей из первых слов книги Бытия: *В начале сотвори Бог небо и землю.* Там прямо является основная причина Мира – Бог. Для избежания Его, философами придумано было движение, которое есть как бы причина образования природы; но самому движению этому какая причина? Всякая система только отстраняет затруднение, не разрешая его и не отвечая на домировой вопрос: *какая была причине всего?* Философия утверждала, будто причина эта находилась в самой природе; но природа разнообразна и не может заключать в себе причины тождественной; в ней замечаются только различные последствия, смотря по законам определенным, причины которых философическим способом невозможно определить, если желаешь мысленно отстранять Бога.

Мир сотворен был *в начале*, то есть вместе с миром началось *время*, назначенное для измерения последующих моментов, существ назначенных населять Мир. Но прежде времени этого мира видимого был другой мир – невидимый, о котором можем иметь только идею, но сущность которого для нас непостижима.⁶⁵²

Говоря о небе и земле, сотворенных Богом, святой Василий распространяется пространно о всех системах философских, которыми полагали их объяснить. Чувствуешь, что он изучил их глубоко и все возражения его против этих систем неопровержимы. Можно только предаваться нелепым и противоречащим мечтаниям, если хочешь отстранить Бога и законы данные Им природе, стараясь найти причину вещей в самих вещах.

Но, поставляя Бога при самом начале творения для объяснения и определения причины, Василий не менее того старается пролить свет на начало и развитие творения Божия.

В начале небо и земля находились в положении и простых элементов, смешанных одни с другими и без того порядка, который Бог установил впоследствии Своей волей, то есть законами, определенными для всех существ. Земля вначале была только жидкой массой.⁶⁵³ Вода, которая впоследствии должна была соединиться и образовать моря, была рассеяна по всему шару земному. Когда элементы были таким образом перемешаны, то должна была произойти работа первого образования, совершившаяся волей Божией, и служившая подготовлением к другой, более совершенной и более полной.

Эта до-мировая работа производилась в массе бездейственной, темной, элементы которой были растворенными в воде и представляли как бы обширную пропасть.⁶⁵⁴ Над пропастью этой носился Дух Божий, Который как бы *насиживал* дело творения и развивал устройство в элементах.⁶⁵⁵

Продолжительность этого божественного действия (насиживания) не определена. Можно, следственно, допускать время, какое найдут необходимым для образования этих первоначальных материй, которые по кажущемуся составляют как бы основания земли; наука, равным образом, имеет полную свободу изучать и определять сущность работы в различных элементах при образовании ядра земного.

Вдруг глас Божий раздался над этой бездной, необъятной и темной. Бог изрек: *да будет свет* и немедленно, говорит святой Василий, эфир воспламенился и немедленно воссиял в этом необъятном пространстве свет. Должно заметить, что ученый святитель допускал в IV столетии, о сущности света, понятия, открытия которых новейшая наука приписывает себе.⁶⁵⁶

Свет блистал определенное только время, – это был день; затем следовало время, что свет исчезал, – это была ночь. Темнота эта и свет составляли эпоху, продолжительность которой не была временем ежедневного, видимого солнечного

обращения. Эпоха эта продолжалась столько, сколько определено было Самим Богом.⁶⁵⁷

В этом отношении откровенное повествование о творении и также нисколько не стесняет научных систем, какие могут быть придуманы на объяснение устройства, в которое свет входит необходимым элементом. Ничто равным образом не препятствует принимать это слово *свет* в его обширном значении, то есть со всеми элементами, приписываемыми ему наукой, как причины его и последствия.

Так как продолжительность света и тьмы до сотворения солнца не определены, то первый день следует понимать в смысле эпохи неопределенной, нерешительной. Вот почему в библейском тексте эпоха эта названа не первым днем, но общим выражением – *день*.

Когда в книге Бытия употребляются слова *Бог сказал*, то не следует предполагать, говорит Василий, что Он издал звук, подобный языку человеческому. Воля Божия, первое движение Его Разума, есть Слово или Слово Божие. Так учит Иоанн Богослов, что Бог сотворил всё Словом Своим и это Слово было Сам Бог.

Бог, создавши свет, сотворил твердь, как бы посредствующую между водами и водами. Было ли это что либо другое как небо, которое в начале сотворено было вместе с землей? Святой Василий задает себе этот вопрос,⁶⁵⁸ и отвечает, что твердь есть то обширное пространство, где Бог сохраняет в запасе массы вод, соответствующие поглощающей силе огня. Этот огонь есть одна из причин жизни всей природы; он скоро истощил бы воды на поверхности земной, если бы с тверди не изливалось сверху количество вод, для возобновления вод земных.

Сотворение тверди, то есть великого пространства, разделяющего воды, содержащиеся в элементах земных, было творением второго дня, не той продолжительности, какой назван он был по сотворении солнца, но продолжительности неопределенной, которую наука может продлить, сколько ей угодно.

В беседе этой, равно как и в предшествовавших, святой Василий излагает различные философские системы, опровергая их, равно как и заблуждения некоторых еретиков, требований их, чтобы книга Бытия понималась аллегорически, и основывавших на этих произвольных толкованиях понятия самые странные и ошибочные. Ученый святитель, весьма основательно изучавший науки физические и математические, при свете своих познаний, доказывает, что вероучение откровенное удовлетворяет разуму более всех систем различных школ. Беседы его на Шестоднев могли быть обращены только к верующим весьма образованным; потому что научные подробности, в них заключающиеся, превышают обыкновенное понимание.

Святой Василий, во вступлении к четвертой беседе, приглашает слушателей изучать творение Создателя, предпочитая созерцание это жалким наслаждениям, которым предаются люди, не видящие в мире этом ничего более, как средство предаваться страстям своим.

В третий день Бог соединил в необозримых пространствах, называемых морями, воды, оставшиеся на поверхности земли, и явилась суша. На ней развилась неисчислимая растительность всех произрастений, которые для развития своего требовала действий света, наступившего после тьмы, и составляют третий период или третий день. Святой Василий объясняет творение третьей эпохи в своей четвертой беседе.⁶⁵⁹ Под влиянием законов, установленных волей Божией, элементы земные соединились неровным образом, так что воды могли стекать, по законам им данным, в места более низменные, образуя моря. Суша же тогда явилась и Бог назвал её землей, а собрания вод, скопившимся на низменностях, дал наименование морей.⁶⁶⁰

Пятая беседа⁶⁶¹ посвящена растительности земной и наполнена любопытнейших подробностей о пользе растений как для питания, так и для сохранения или врачевания рода человеческого и животных. Нечего входить в эти подробности, достаточно только сказать, что святой Василий доказывает ими, что хорошо знал естественную историю, подобно тому, как

прежде сего доказал познания свои в физике, математике и географии. Мало кто в IV столетии имел такие обширные познания.

В четвертый день, или эпоху неопределенную, Бог сотворил светила небесные, чтобы движением их определять продолжительность дня и ночи, времен года, лет и эпох. Это предмет шестой беседы святого Василия.⁶⁶² Он излагает там сведения астрономические самые точные, опровергая мечтательность астрологов, приписывающих звездам назначение, которого они не получили от Создателя.

В пятый день, который есть первый, принимая продолжительность его в двадцать четыре часа, потому что солнце существовало, Бог сотворил животных, сначала менее совершенных, живущих в водах, и пресмыкающихся, а затем птиц, занимающих более возвышенное место в жизни органической.

Святой Василий составил седьмую беседу о пресмыкающихся, а восьмую о рыбах и о птицах.⁶⁶³ Беседы эти чрезвычайно любопытны, как доказательства положения, в котором находились науки естественные в IV столетии. Книги философов того времени не содержат в себе столько сведений, а главное не написаны столь изящным слогом.

Девятая беседа посвящена творению шестого дня, в течении которого Бог сотворил животных, одаренных высшим устройством и обитающих на земле; а наконец человека, самого совершенного из существ относительно устройства, и которому Бог даровал элемент духовный – душу, поставившую его в ряд исключительный, превыше всех существ, принадлежащих миру видимому.

Можно считать дополнениями к Шестодневу беседы святого Василия о положении человека, месте занимаемом им в творении, и о Рае, где первый человек жил.

При изложении первого вопроса, святой Василий объясняет текст книги Бытия о превосходстве, дарованном человеку над прочими существами органическими.⁶⁶⁴ Вот его христианское определение человека: «Это творение Божие, одаренное разумом и сотворенное по образу Создателя».⁶⁶⁵ Встречаются в

этих беседах воззрения физиологические, чрезвычайно любопытные, и святой учитель ревностно оспаривает предрассудок языческий о естественной подчиненности женщины.

Беседа о Рае, в том виде как дошла до нас, кажется неполной. Василий оплакивает там, что, грехопадением человека, зло находится рядом с добром в этой природе, сотворенной Богом столь прекрасной и столь чудной.

Вероятно святой Василий написал толкование на все Псалмы. Творение это не дошло до нас в целости, но то, что есть, достойно красноречия и гениальности великого учителя. То же можно сказать и об отрывках его толкований на пророка Исаию.⁶⁶⁶

Экзегетические творения эти назначались для верующих Церкви Кессарийской и доказывают, какие глубокие поучения были способны слушать христиане того времени. Объяснения священных Писаний служили основанием преподаваний верующим во всех Церквах. Они читали Писание и могли разумеать самые возвышенные толкования великих святителей. Толкования эти знакомят нас не только с гениальностью учителей Церкви, писания которых дошли до нас, но и с умственным развитием общества христианского, к которому пастыри могли обращаться с такими поучениями.

Во главе догматических творений святого Василия следует поместить его три книги против Евномия.⁶⁶⁷ Этот еретик, как уже сказано было, вывел из арианства все последствия, содержащиеся в этой системе. Не только, по мнению его, Сын Божий был тварью, но даже Дух Святой был только существом сотворенным. Бог, единый по сущности, был, равным образом, единоличен; Сын и Святой Дух были только пособниками Его внешних действий, они составляли вместе с Ним Троицу несущественную, потому что не истекали предвечно из Его сущности; но были созданы только прежде всех существ временных и одарены свойствами превосходными и божественными.

Арий поднял только вопрос о единосущности Сына, Евномий же – вопрос о единосущности Духа Святого. В этом

виде явилось арианство около половины IV столетия. Мы уже изучали творения Афанасия Александрийского против евномиазма. Святой Василий преследовал то же заблуждение на Востоке, в книгах своих против Евномия. Начинает он следующим *кафолическим* замечанием:⁶⁶⁸ «Если бы все, на которых призывалось имя Господа Бога нашего и Спасителя Иисуса Христа, придерживались истины евангельской, довольствовались преданием апостольским и простотой веры, то нам не нужно бы было этого творения». Но, добавляет он, враг всегда рассеивал плевелы по нивам Церкви, – вот почему следует трудиться на пользу тех, которые могут быть увлечены его кознями.

Действительно, ересь производила все раздоры, столь глубоко возмущавшие Церковь во все времена её истории; истина евангельская за то не может быть в ответственности, и защитники её всех времен только старались противопоставлять её в выражениях самых ясных и самых точных системам, посредством которых ересь пыталась её затемнить. Творения Отцов первых трех столетий уже доказали это неоспоримым образом. Писания IV столетия и последующих доказывают то же, равно как и деяния соборов. Имевшие право говорить от имени Церкви, в продолжение первых восьми столетий, противопоставляли всем нововведениям еретиков только вероучение, преподававшееся с начала и передаваемое непрерывно. Невозможно найти в памятниках, ими оставленных, ни малейшего следа нового учения.

По мнению святого Василия, как то было уже сказано, Аэций первым вывел последствия из системы арианской; но Евномий придал ереси более развития и представил ее в формах философских; вот почему он считался главным её виновником. Аэций был Сирианин, а Евномий – Галатиец.⁶⁶⁹ Последний для распространения своего заблуждения взялся весьма хитро. Вместо того, чтобы выдавать свое учение за новое, лично ему принадлежавшее, чего достаточно бы было для того, чтобы все верующие его отвергли, он представлял вид, будто напрасно его обвиняют и что он не учит никакому заблуждению.⁶⁷⁰ Лицемерным приёмом этим приобрел он

многих последователей, полагавших, что они принимают сторону человека невинно обвиняемого; но Василий открыл его обман. Он буквально приводит слова противника своего, отвечая на каждое из его положений, так что творение его приняло форму разговора между ним и Евномием. В первой книге он разоблачает его лукавые приемы,⁶⁷¹ противопоставляя его личным предубеждениям вероучение по преданию святых. Еретик осмеливался выдавать себя защитником учения по преданию; но Василий его обличает, доказывая, что он только еретический нововводитель, злоупотребляющий софистической философией для опровержения вероучения, которое по видимому хочет защищать.

Весьма замечательно, как Евномий выдает себя защитником учения по преданию, для соблазна верующих. Многие из прежних еретиков прибегали к подобному же лицемерию, что служит доказательством, что во всей Церкви считалось критерием веры только непрерывное свидетельство общества христианского, к которому прибегали все учителя для опровержения ересей.

Святой Василий преследует противника своего во всех увертках, который извлекал он из своей туманной философии. Победоносно опровергает он все его утверждения о сущности божества, о действиях предвечных, рождения Сына от вечности и о создании.⁶⁷²

Над всеми доводами святого учителя носится учение таинственное, правда, непостижимое, но достоверное и откровенное об Отце, родившем Сына предвечно. Евномий заменял слова Отец и Сын словами *Нерожденный* и *Рожденный*, чтобы легче доказать неравность по сущности, которой он учил; но святой Василий принуждает его восстановить терминологию христианскую и вероучение, каково оно по откровению, мимоходом опровергая все софизмы его, более или менее философские. Для объяснения, каким образом Сын прежде времени, хотя и тварь, Евномий определял начало времени сотворением звёзд, но Василий противопоставляет ему понятие более философское. Звезды измеряют ныне время, но не образуют его; оно было до сотворения звёзд и по

необходимости соответствует бытию всякого существа временного. А как рождение Сына было до времени, то Сын не тварь, был рожден, следственно, в вечности и совечен Отцу.

В первой книге своей святой Василий преимущественно имел целью опровержение заблуждений Евномия об Отце; во второй же – опровергает заблуждения еретика относительно Сына.

Заблуждения эти состояли, преимущественно, в ложных толкованиях выражений *ипостась* и *сущность*.⁶⁷³ Богословское значение этих слов не было еще окончательно определено; но вероучение откровенное не зависело от всяких возможных толкований; оно в самом себе совершенно определено, и только вследствие прений был установлен точный смысл некоторых слов, для более ясного изложения этого вероучения. Святой Василий обнаруживает увертки противника своего, постоянно выставляя вероучение откровенное относительно Сына, рожденного предвечно от Отца и составляющего с Ним единого Бога. Все тонкости о сущности и ипостаси разрушались вероучением, представляемым, таким образом, о католическом различии между сущностью самой по себе и качествами или отличительными принадлежностями Лиц, словами столь ясными священного Писания относительно совечности Слова и Отца.⁶⁷⁴

В третьей книге своей святой Василий опровергает заблуждения Евномия о Святом Духе. Еретик этот утверждал, что Утешитель был по сущности третьим, подобно тому как Единородный – вторым. Тот и другой были созданиями. Он выдавал это за учение святых, в опровержение предрассудков простонародных.⁶⁷⁵

Дух Святой, отвечает Василий, есть третий в ряду Лиц божественных, но не по сущности, тождественной Отцу и Сыну. Допускаем, что Его следует именовать третьим, согласно Писаний, но никогда не учили, что у Него третья сущность, дарованная Ему Отцом и Сыном.⁶⁷⁶ Евномия можно считать первым из приписывавших Сыну, равно как Отцу, действие исхождения Святого Духа. Он действительно утверждал, будто Дух сотворен Сыном по повелению Отца.⁶⁷⁷ Доведенный противником своим до вопроса о начале Святого Духа, Василий

останавливается перед этим таинством, говоря, что нечего стыдиться своего невежества, когда вся природа исполнена тайн, которых разум человеческий объяснить не может; тем менее возможно для него разъяснить сущность божественную. Поэтому, достаточно принимать вероучение откровенное о Святой Троице, Отце, Сыне и Святом Духе, веруя, что Святой Дух ниспосылается нам от Бога и сообщается через Сына.⁶⁷⁸

Когда вопрос о Духе Святом принял в половине IV столетия исключительную важность, то святой Василий снова писал о нем в книге своей о *Святом Духе*, посвященной святому Амфилохию, епископу Икопийскому. Епископ этот, искренний друг Василия,⁶⁷⁹ любил ученые занятия и не полагая тем унизиться, просил разъяснений у того, которого весь Восток провозглашал ученнейшим епископом Церкви. Еретики, прибегавшие ко всем средствам для затруднения православных и обнаружения будто бы их заблуждений, заметили, что, в служениях церковных, святой Василий, молясь вместе с народом, употребляет два выражения в славословиях, оканчивающих молитвы. То говорил он: *Слава Отцу и Сыну со Святым Духом*, то говорил: *через Сына во Святом Духе*. Им хотелось найти в частицах со одно учение, в частице во – другое, различное.⁶⁸⁰ Василий благоволил низойти до этой придирки грамматической, потому, как говорит он,⁶⁸¹ иногда даже частица может иметь важное значение. *Да и нет* также слова односложные, но могут быть выражениями заблуждения или истины.

Василий, составлявший молитвы для общественного богослужения, считался ответственным за употребляемые им формулы. Некоторые порицали их как нововведения, другие находили в них противоречия.⁶⁸² Амфилохий просил у Василия разъяснений и это послужило поводом превосходнейшей книге о *Святом Духе*.

Аэций уже делал подробнейшие исследования о частицах *от*, *чрез* и *в*, находя в них существенные различия между Отцом, Сыном и Святым Духом. *От* обозначало по его мнению принадлежность Отца, источника и начала; *чрез* обозначало только место или время, где действие божественное

совершилось.⁶⁸³ А так как частицы были различны, то и сущности, ими обозначаемые, должны быть разными; из чего он заключал, что у Сына и Духа Святого сущности и естества различные от сущности Отца и что Они не имеют божества в собственном, смысле.

Василий же излагает,⁶⁸⁴ что частицы, которым Аэций и сторонники его приписывали столько значения, прилагаются безразлично в Писаниях к Отцу, к Сыну и к Святому Духу; а потому невозможно выводить от них таких пространственных последствий.

После того приступает он к самому научному вопросу, доказывая, что Сын равночастен Отцу и совечен,⁶⁸⁵ что выражения *с Ним* и *чрез Него* равным образом приличны для выражения всемогущества Божия и равным образом употребляются в Церкви,⁶⁸⁶ в каком смысле и следует их принимать.⁶⁸⁷ Святой учитель по всем этим вопросам делает разъяснения весьма глубокомысленные и строго православные.

Опровергнув ариан относительно Сына, он излагает учение Церкви о Духе Святом,⁶⁸⁸ таковым, как оно истекает из священного Писания и из неписанного предания, органами которого святые Отцы.⁶⁸⁹ В IV столетии допускалось, равно как и в предшествовавших столетиях, что священное Писание не единственный источник откровенного вероучения. Апостолы написали немного, но Церкви сохранили их устные преподавания.

Святой Дух Сам по Себе Бог; Он исходит от Отца и имеет все качества божества. В отношении нас Он есть источник света умственного, добра и спасения. Общее учение Церкви сводится к этим главным положениям. Но ариане утверждали, что не следует присовокуплять Духа Святого ко Отцу и Сыну, которых сущности и достоинств Он не имеет.⁶⁹⁰ Василий ссылается на формулу крещения, предписанную Иисусом Христом, как на доказательство, что священное таинство, содействующее нас христианами, совершается во имя Святого Духа, равно как и во имя Отца и Сына; что исповедание веры, произносимое при крещении, основано на Святой Троице или на трех Лицах божества, который – единый Бог.

Он опровергает затем многие тщетные возражения еретиков;⁶⁹¹ после чего снова возвращается к тезису своему о нераздельности Святого Духа со Отцом и Сыном. Действие их нераздельно в творении существ разумных, в управлении делами человеческими и в суде, которым должен окончиться мир видимый.⁶⁹² Еретики прибегали к тонкостям, указывая Святому Духу низшее место во Святой Троице. Василий преследует их на этой почве, опровергая с помощью философии и точного изложения вероучений откровенных.⁶⁹³ Он весьма глубокомысленно развивает христианский догмат о Святой Троице, доказывая, что Бог един, потому что у Него одна сущность и что Лица, различные по своим качествам личным, не взирая на то, имеют одну и ту же сущность. Единство сущности не служит единственным только доказательством единства трех Лиц божества. Начало Сына и Святого Духа равно это доказывает. Сын действительно происходит от сущности Отца рождением; Дух, не по рождению, подобно Сыну, но по исхождению, и как бы дуновению Отца.⁶⁹⁴ Дух исходящий от Отца также называется Духом Христовым, потому что участвует в той же сущности и посылается Им. Как Параклет (Утешитель) Он есть выражение благодати Утешителя, Которым посылается; а по собственному достоинству выражает величие Того, от Кого истекает.⁶⁹⁵

Дух Святой, имея ту же сущность со Отцом и Сыном, должен иметь то же прославление, то есть Ему следует равным образом поклоняться. Еретики это отрицали,⁶⁹⁶ но святой Василий противопоставляет им веру христианскую, которая после того торжественно провозглашена была на втором вселенском соборе. Возражения, опровергнутые святителем, посвящают нас в причины, которые вызвали догматическое определение о едином прославлении, подобающем Святому Духу вместе со Отцом и Сыном.

Святой Василий в остальной части своего трактата⁶⁹⁷ опровергает грамматические придирки еретиков и доказывает, что, употребляя безразлично предлоги *в*, *с*, *чрез*, он подражает только святым Отцам, как Иринею, Климент Римский, Дионисий Римский, Дионисий Александрийский, Ориген, мученик

Афиноген, Григорий Чудотворец, которого называет *Великим*, Фирминиан, Мелетий, наконец все Церкви восточные и западные, которые безразлично употребляют эти предлоги в формулах прославления Святой Троицы.⁶⁹⁸

Письма святого Василия, очень многочисленные, наполнены сведениями историческими; вот почему они будут сообщены тогда, когда, основываясь на них, будем излагать события.

Существуют еще различные отрывки догматических писаний св. Василия, направленных против ариан, евномиян или македонян. Многие речи или беседы догматические относятся к тому же предмету, в других – святой учитель излагает вопросы нравственности христианской, или восхваляет мучеников, чтимых в церквах общественным богослужением. Во всех речах этих Василий являет свою глубоко-философскую гениальность и красноречие, которому изумлялись самые знаменитые из его современников. Христианин искренний и полный убеждения – Василий не считал долгом своим анафематствовать всё не принадлежащее к Церкви и доходил даже до того, что объяснял молодым людям, как они могут пользоваться, для утверждения своих христианских убеждений, чтением языческих писателей.⁶⁹⁹ Невозможно читать творений Отцов Церкви, не изумляясь полноте их учения и уважению их к разуму человеческому.

Творения святого Василия, известные под названием *Аскетических*, суть: Трактаты о вере и суде Божию; Нравственные наставления, большие и малые Правила и Уставы монастырские.

Одни из этих различных творений были составлены когда он был еще простым иноком, другие – когда был пресвитером или архиепископом Кессарийским; все предназначались для образования истинных иноков, по примеру населявших пустыни Египта и Фиваиды.

Не имея возможности более распространяться о творениях этих, удовольствуемся только указать на общее понятие святого Василия об иноке, которого считал он истинным философом христианским. Он должен быть мужем веры, молитвы и труда,

отстраненным от мирского, безбрачным, подвижающимся непрестанно в усовершенствовании духовном и занятым только исканием этого совершенства во всех своих помыслах, всех чувствах, всех деяниях. Блага земные не должны иметь в глазах его никакой цены и он не мог льстить себя мыслью, что он истинный отшельник, если ими занимался. Вера, надежда на жизнь будущую, любовь к ближнему, кротость, воздержание, послушание, смирение – суть добродетели, составлявшие сущность характера философа христианского или отшельника.

Пример святого Василия и его творения аскетические много содействовали распространению на Востоке жизни иноческой; правила его были единственными, которым следовали во всех обителях восточных и следуют им до ныне. Только правила эти изложены были в том виде, как их имеем впоследствии, теми, кто мог собрать многочисленные разъяснения, с какими св. Василий обращался ко всем, которые советовались с ним о подробностях жизни иноческой.

Несомненно, что святой Василий составил для Церкви своей много молитв богослужебных, сохранив в самой литургии чин, наблюдавшийся первоначально. Церкви православные восточные совершают по сие время в день памяти святого, в воскресные дни великого поста и на страстной седмице литургию святого епископа Кессарийского, и нельзя представить никакой правдоподобной причины против подлинности этой литургии. Молитвы в ней, исключительно приписываемые святому Василию, представляют ту же возвышенность и глубокую гениальность святителя. Подобно прочим литургиям восточным, литургия Василия Великого также служит неопровержимым свидетельством верований Церкви первоначальной: в действительное пресуществление, в жертву бескровную как продолжение жертвы Голгофской, в призывание святых, в молитвы за усопших и во многие другие догматы Церкви первоначальной, которым по сию пору придерживаются Церкви православные.

Прочие творения святого Василия равным образом заключают в себе самые ясные свидетельства в пользу учений православных. Хотя он одарен был высоким разумом

философским, но понимал, что истина откровенная не может доказываться данными разума и логикой, что единственный критерий этой истины есть свидетельство божественное, тщательно хранимое Церквями апостольскими во всей их неприкосновенности. А потому, опровергая столь логично и столь красноречиво возражения еретиков, он всегда, встречаясь с таинством, превышающим разум человеческий, находил, что нет другого средства положительно удостовериться в нем, как обратившись к непрерывному и вселенскому свидетельству Церкви.

Это было доказано при разборе его творений.

Хотя догматические книги святого Василия имели ввиду собственно опровержение ариан и македонян, но там встречаются драгоценные свидетельства о различных учениях Церкви. Укажем на некоторые из важнейших.

Крещение,⁷⁰⁰ по мнению его, есть начало жизни обновленной и день когда оно совершено – первым днём жизни истинной. Оно содержит в себе таинственную силу, перерождающую человека, сообщением ему благодати животворящей, соделывающей его чадом Божиим и облакающим его в одежду бессмертия. Одевание это есть Христос, Которому новокрещаемый уподобляется. Сходя в воду, человек как бы сходит во гроб Христов, и погребает в нем свое падшее человечество; выходя же из воды, он воскресает с Иисусом Христом и становится участником новой жизни.

Относительно же крещения еретиков он говорит, что оно не действительно, если при совершении его не призываются три Лица Святой Троицы. Призывание трех Лиц божества есть чин по откровению, и исповедание веры, произносимое вновь крещаемым, должно свято соблюдать.

Святой Василий считал общение евхаристическое⁷⁰¹ действительным участием в теле и крови Христовых. Почему, из уважения ко Христу, не следовало совершать святых таин в обыкновенном доме, иначе как по крайности.

С того времени, как прекратились гонения на христиан, они имели везде места исключительно посвященные богослужению

и которые для того освящались. А потому более не дозволялось совершать таинства в других местах.

Однако, если сохранился обычай, как в Египте для иноков, уносить евхаристию с собою в дома; то можно соблюдать этот обычай, причащаясь самому; это было как бы получением причащения от руки священника. В Церкви Кессарийской существовал обычай приобщаться четыре раза в седмицу: в воскресенье, в среду, в пяток и в субботу. Но причащавшиеся ежедневно поступали хорошо и душевспасительно.

По мнению святого Василия, освящение хлеба и вина совершалось призыванием Св. Духа;⁷⁰² слов этих в Писании не находится; но Церковь приняла оные от учения апостольского и сохранила. Он не считал, следственно, формулой освящения словес установивших таинства, находящихся в Евангелии.

Когда Церковь была еще не многочисленна и большинство верующих было свято, то впадавшие в некоторые прегрешения исповедовали их в собраниях братий; но в IV столетии Церковь стала многочисленнее и заключала множество членов уже не сохранявших святости и первоначальной простоты; а потому святой Василий не требовал исповеди гласной при собрании верующих, но только пред теми, которые могли ценить грехи и получили право преподавать таинства,⁷⁰³ то есть перед епископом и пресвитерами. Однако он похвалял в монастырях исповедание перед старцами, но не как таинство, а для поддержания деятельности смирения христианского.

Учение святого Василия об учреждении Церкви христианской тоже, как и древних Отцов.⁷⁰⁴ Церковь есть братское общество, рассеянное по всему Миру и управляемое Духом Святым. Все её члены составляют тело, которое есть тело Христово, а Он Глава; хотя члены Церкви рассеяны между всеми народами, но их соединяют узы веры и любви.

Во главе Церкви находятся епископы, определенные Богом для управления ею.⁷⁰⁵ Епископы восседают на кафедре апостолов; престолы их суть самый престол Божий; они пастыри стада в силу своего рукоположения.

Святой Василий говорит об епископах только собирательно и в частности не признает ни за которым из них высшей власти

на управление Церковью. В сношениях своих с епископом Римским он считал его только православным братом, который может, по соглашению с православными епископами Запада, как *хороначальник* их, свидетельством своим пособствовать православным восточным.⁷⁰⁶ В другом месте изложены будут его сношения с епископами западными.

По всем вопросам догматическим, нравственным и по благочинию, творения святого Василия заключают в себе свидетельства в пользу православия и против всех заблуждений новейших Церквей Запада. Их замечено будет множество в письмах, которые будут приведены в свое время.

Творчество святого Григория

Друг святого Василия, Григорий Богослов, не имел и строгого и философского характера великого епископа Кессарии; но был одним из замечательнейших мужей Церкви IV столетия. Блестящий и поэтический гений его достигал самых возвышенных понятий о божественных тайнах, и потому он назван был *Богословом*, чем указывается на его пять *слов богословских* против еретиков того времени.

Имеется от святого Григория сорок пять слов или бесед, весьма красноречивых и ставящих его гораздо выше самых знаменитых риторов того времени, не исключая даже Либания.⁷⁰⁷ Между этими речами некоторые относятся до его собственных деяний, в других восхваляются его родственники или другие знаменитые люди, которых он, любил или которым удивлялся, как-то: святой Афанасий Александрийский и святой Василий Кессарийский: некоторые речи суть критики, как например две речи против Юлиана, которые уже были приведены; многие посвящаются великим праздникам Церкви или вопросам богословским.

Григорий, по возведении своем в священство, бежал в Понт, чтобы не исполнять служения, которое считал он слишком возвышенным по своему недостоинству.⁷⁰⁸ Однако он решился возвратиться в Назианз, где отец его, по имени также Григорий, был епископом. Он прибыл туда к празднику Пасхи (362) и по этому случаю произнес свое первое слово; а вскоре затем счел долгом своим оправдываться, что оставил Церковь Назианзинскую, где мог быть весьма полезным отцу своему, старался оправдать свое бегство, развивая устранившие его обязанности священства.⁷⁰⁹ Должно прочесть это слово, чтобы иметь настоящее понятие, как смотрели на священство в IV столетии.

Назначенный святым Василием в епископы Сасима, Григорий принял это звание против своего желания, и в слове произнесенном в день рукоположения своего, в присутствии отца своего и Василия, жаловался на сделанное ему насилие.

«Вот я снова, говорил он,⁷¹⁰ посвящен помазанием Духа, снова в печали, и проливаю слезы».

Затем приводит примеры из Ветхого и Нового Завета чтобы оправдать свою печаль.

Он опасался, чтобы достоинство епископское не возбудило в нем гордости, не сделалось бы причиной греха. Он устрашался, вспоминая об обязанностях, возлагаемых этим званием; а потому просит советов у отца своего и у друга, сделавшихся его сотоварищами, – у отца своего, который в продолжении долговременной жизни своей рукоположил столько епископов, – у друга своего, который был критиком и судьей его философских занятий.

Григорий не мог остаться в Сасиме, куда Анфим Тианский уже рукоположил епископа, полагая, что имеет на то право с того времени как епископский город его сделался столицей второй Каппадокии. А потому Григорий бежал из этого города, который изображает не весьма лестными красками, и укрылся в пустыне. По возвращении своем в Назианз, он отдает отчет отцу своему и Василию в том, что сделал;⁷¹¹ в слове этом он выражает, что чувствует более влечения в жизни монастырской, чем к служению епископскому. Пустыня была его постоянной мечтой, но с того времени, как рукоположен был в епископа, он не мог осуществить своих желаний, будучи непрестанно увлекаем в жизни внешней, не имевшей для него никакой прелести. Он помогал отцу своему в управлении Церковью Назианзинской, а после смерти этого уважаемого старца похвалами, заплатив ему справедливый долг,⁷¹² продолжал некоторое время управлять его Церковью.

Без сомненья, во время пребывания своего в Константинополе произнес Григорий те пять превосходнейших слов, которые именуются *богословскими*.⁷¹³ Первое служит как бы введением для предупреждения слушателей, что собрал их не на состязание в красноречии, хотя это было во вкусе того времени, но созвал, как верующих, выслушать истинное учение о Боге, учение, которое не следует рассматривать при пособии рассуждений софистических, как то делает Евномий, но при самом свете божественном.

Во втором слове рассуждает о богословии, то есть учение о Боге.⁷¹⁴ Он призывает Бога тройственного в единстве своем и единого в Троице; возносится до облаков, скрывающих от человечества величие божества, и признается вместе с Платоном, что трудно иметь понятие о Боге, и что с точностью определить Его невозможно. Язык человеческий не может изъяснить такого предмета, но разум может ли его более постигать, как то утверждал Платон? Григорий того не полагает и справедливо замечает, что разумом еще менее можно понять Бога, нежели выразить то языком. Действительно, можно выразить понятие о бесконечном, хотя оно и не постигаем. Философ никогда не мог иметь точного понятия о сущности божественной. Он сказал, что Бог есть существо бестелесное, бесконечное, неизменяемое. Сколько систем изобрела философия, чтобы отвечать на все эти вопросы, не считая уже постыдного идолослужения, обоготворявшего звезды и прочие существа материальные. Из изучения всех философий можно только заключить, что человек замечал слабый луч этого светящегося средоточия, которое есть Бог; знал, что Он существует, но не мог постигнуть Его сущности.

Сами патриархи и пророки не видели в точности сущности божественной, а также и апостолы, не исключая Павла, возносившегося до третьего неба.

Что же в том удивительного, если не постигаем даже природы видимой, ни растений, ни животных, которых инстинкты и нравы мы изучаем, ни земли, ни моря, ни того, что они заключают. Мы удостоверяем факты, но не понимаем ни сущности их, ни природы вещей.

Одной только верой можно знать сущность божества в трех Лицах.⁷¹⁵ Отец, рождает и производит, бесстрастно, прежде времени и бестелесно: из двух же других Лиц одно рождается, а другое исходит. Слова эти непостижимы, но мы знаем то, чему научило нас само Слово, сущее в Боге: «Нерожденный, Рожденный и Исходящий от Отца».⁷¹⁶

Когда рожден Сын? Когда изшел Дух Святой? Прежде времени, то есть предвечно. Отец никогда не был без Сына, от Него родившегося, не был без Духа, от Него исходящего. Как

рождение и исхождение могли быть бесстрастны? Потому, что это действия духовные. Что такое Отец не имеющий *начала*? Это Тот, Которого сущность имеет начало непостижимое, неведомое. Он был от вечности, а Сын и Дух совечны Ему; это догматы откровенные, которых софизмы и ереси поколебать не могут.

Каким образом рожден Сын? Если бы ты мог постичь Его рождение, то оно не было бы таинственно. Старайся постигнуть отношение души твоей к её способностям и, в виду этой задачи для тебя неразрешимой, ты не будешь стараться постигнуть отношений Отца и Слова Его.

Григорий опровергает, однако все возражения арианские на рождение Сына и доказывает, что хотя Сын един по сущности со Отцом, но различается от Него Своей особенностью, то есть рождением. Он не может разъяснить таинства сущности божественной, но доказывает суетность возражений еретических, которые не могли быть разумны, коль скоро опираются на данные ложные и на софизм, состоящей в присвоении Богу того, что приличествует только творению.

Оканчивая же это превосходное слово, он доказывает священным Писанием, что Сын есть предвечное Слово Отца. Затем, сопоставляя между собой тексты и события евангельские, доказывает, что Иисус Христос был Богом и человеком: «Тот, который человеком, говорит он,⁷¹⁷ был бестелесным и, оставшись таковым, воспринял на Себя то, чем не был. В начала Он был без *причины*, потому что кто может сказать – какая причина Бога? Но после того Он родился по известной причине, и причина эта, дерзостный еретик, было твое спасение: вот для чего Он воспринял твое ничтожество, ничтожество твое, – презирающего Его и отрицающего Его божество, потому только, что Он унижался до него; но человек этот, который по- видимому ниже Бога, соединен с Богом, а как природа высшая превосходит природу низшую, то Он был Богом, чтобы ты сам мог принять участие в Его Божестве на столько, на сколько Он принял участие в твоём человечестве. Он родился без зачатия естественного; Он родился от жены, Но жена эта была Дева, он родился от

человеческого, и от божественного. На земле не было у Него отца, а на небе не было матери. И то и другое божественно. Он заключен был в лоне матери Своей; но был угадан пророком, взывавшим в утробе матери Своей при приближении Слова, возвещать Которое он предназначался. Он был обвинен пеленами, но при воскресении освободился от плащаниц. Он положен был в яслях, но ангелы воспевали рождество Его, возвещенное звездой, и волхвы пришли поклониться Ему. Он принужден был бежать в Египет, но обратил в бегство заблуждения египтян. У Него не было ни виду, ни доброты в глазах иудеев, но в глазах Давида Он был краснейшим из сынов человеческих. На горе Он блистал как молния и явился светлее солнца, чтобы дать понятие о настоящем свете Своем. Он крещен был как человек, но как Бог отпускал грехи и даровал воде силу освящающую. Он был соблазняем, как человек, но победил как Бог; Он претерпевал голод, но питал тысячи в пустыне и Сам есть хлеб небесный, животворящий. Он терпел жажду, но изрек: *Кто жаждет да грядет ко Мне и пьет*. Он утруждался, но Сам есть упокоение обремененных и ослабленных; Он отягощался сном, но ходил по водам морским, повелевал бурям и простер руку Петру, погружавшемуся в волны. Он заплатил дань, но обрёл сикир в рыбе и был царем всех требующих дани. Его называли беснующимся и Самарянином, но Он исцелил Самарянина, шедшего по пути из Иерихона, и обратил в бегство демонов, признавших Его всемогущество. В Него метали камнями, но не могли поразить. Он молился, – и внимал молитвам молящихся. Он плакал, – и утешал плачущих. Он спрашивает – где погребли Лазаря, потому что был человеком, но воскрешает его, потому что был Богом. Он продается за ничтожную цену, за тридцать сребренников, и в то же время искупает мир неоценимой Своей кровью. Он ведется на смерть, как агнец, но Он есть агнец насытивший Израиля и весь Мир. Он безгласен как агнец, но Он есть Слово, возвещенное голосом предназначенного вопиять о Нем в пустыне. Он страдал и был изъязвлен, но исцеляет всякую болезнь и всякую язву в людях. Он пригвожден ко кресту, но возвращает нам древо жизни, спасает разбойника,

распятого с Ним, и покрывает мраком землю. Его напояют вином смешанным с желчью. Но кто Он, претворивший воду в вино? Он умирает, но сохраняет власть возвратиться к жизни; завеса же церковная тогда раздирается, камни распадаются и мертвые выходят из гробов. Он умирает, дарует жизнь и смертью Своею разрушает смерть. Он погребается, но восстает. Он нисходит во ад, но изводит оттуда души праведных и восходит на небо, с которого придет судить живых и мертвых».

Так божество и человечество всегда проявляются одновременно в действиях Богочеловека, Иисуса Христа.

В последующем слове,⁷¹⁸ также о Сыне Божиим, Григорий отвечает на возражения, которые еретики заимствовали из священных Писаний для подтверждения своих заблуждений о божестве Иисуса Христа. Приемы его состоят в объяснении Писаний самими Писаниями и он доходит, таким образом, до заключения о двух сущностях божественной и человеческой в Лице Сына Божия воплотившегося.

Пятое и последнее слово его о богословии – о Духе Святом.⁷¹⁹ Дух есть Святость; Отец не был никогда без Святости, равно как и без Слова (Премудрости). Следственно все три Лица со вечны и имеют ту же божественную сущность. Святой Дух исходит от Отца; но исхождение это столь же непостижимо, как рождение Сына и бытие Отца. Но священное Писание положительно учит этому так.⁷²⁰ Принадлежность Отца та, что Он не рожден, Сына – что рожден, Духа Святого – что исходит; вот почему в едином Боге три отличительные ипостаси.

Святой Дух следственно Бог, Он единосущен Отцу и Сыну.⁷²¹

Истины эти служат основанием слова, в котором святитель глубокомысленно и с обычным ему одушевлением опровергает все возражения еретиков против православного вероучения.

В истории представляются еще случаи привести некоторые из слов святого Григория, но теперь необходимо обратить внимание на те, где говорится о главных праздниках Церкви, по причине сведений о благочинии, в них заключающихся.

Первое было произнесено в день Богоявления.⁷²² Так называли день рождения Иисуса Христа. День этот есть действительно *явление* Бога во плоти в мир. Но праздник этот так же называли Рождеством.⁷²³

«Христос рождается, восклицает оратор, славьте Его; грядет с небеси, поспешите в сретение Ему; Христос на земли, грядите к Нему. Вся земля да славит Господа!»

Объясняя цель этого праздника, св. Григорий приглашает верующих торжествовать его совершенно духовным образом. Излагая все подробности увеселений, сопровождавших празднества языческие⁷²⁴ и приглашая верующих от них воздерживаться, святой оратор заставляет предполагать, что христиане переносили в праздники христианские обычаи празднеств языческих. Григорий приглашает заменять их благочестивыми чтениями и делами благотворительности.

После этих увещаний святой Григорий излагает домостроительство Божие при сотворении и искуплении мира Словом воплотившимся.

После Рождества, первого праздника годового круга христианского, Церковь празднует Просвещение или Крещение Иисуса Христа.⁷²⁵ Причиной этого праздника Христос – свет разума, начинающий при крещении Своим проповедь человечеству, для сообщения оному света божественного.

Святой вития противопоставляет свет христианский, предлагаемый всем, – мрачным таинствам, которыми идолопоклонство прикрывало постыднейшую безнравственность.⁷²⁶ Вместо мрака языческого, Христос принес миру истину, которая есть отблеск сияния божества. Чтобы соделаться достойными истины, христиане должны очистить сердца свои и явиться достойными последователями божественного Наставника.

Последующее изречение⁷²⁷ дает понятие о торжествах Церкви, начиная с Рождества Христова до Его Крещения: «С приличной торжественностью праздновали мы такой великий день, как Рождество Христово. Мы путешествовали за звездою, поклонялись Ему вместе с Волхвами; вместе с Пастырями окружены были светом, возвещали вместе с Ангелами славу

Божью, вместе с Симеоном приняли Его на руки, вместе с Анной, этой престарелой и целомудренной женой, узнали Его. Ныне следует нам торжествовать другое действие Христово, другое таинство».

Церковь первоначальная определила известные дни года для празднований, соответствующих всем действиям земной жизни Христовой. Таким образом целый год стал воспоминанием жизни Иисуса Христа, всегда живо воспоминаемого среди общества христианского, примеру которого верующие должны были подражать.

Практическая цель праздника *Просвещения* – напоминать, что верующий должен быть как бы светом в мире, блистая просвещением, сообщаемым ему истиной.⁷²⁸

На другой день после праздника *Просвещения* верующие снова собирались в Церковь. При одном из этих случаев, Григорий сказал Слово о Крещении.⁷²⁹ Учение, излагаемое им о действиях первого христианского таинства, точно такое же как у прочих Отцов Церкви.

Имеется слово святого Григория на Пасху. Это было величайшим праздником христианским; а потому он восклицает: Пасха Господня! Пасха! Пасха! повторяю это трижды во славу Святой Троицы, это праздников праздник, торжество из торжеств!⁷³⁰ В слове этом святитель рассуждает о великих вопросах, волновавших Церковь.

Первый воскресный день после Пасхи называется *новым воскресением*; тогда праздновали подобным образом как в еврейский праздник, именуемый *Энсония*⁷³¹ или Кущей. Григорий в слове своем приглашает верующих устроить себе жилища света, для поклонения в них Богу.

Пятьдесят дней после Пасхи, Церковь праздновала Пятидесятницу. Имеем слово святого Григория на этот день.⁷³² Предметом праздника есть сошествие Святого Духа;⁷³³ следственно день этот посвящается Духу Святому;⁷³⁴ вот почему святой Григорий в слове своем излагает православное вероучение о единосущности Святого Духа со Отцом и Сыном.

Круг праздников церковных оканчивается Пятидесятницей; в остальной части года праздновалось Пресвятой Деве,

апостолам и мученикам.

Святой Григорий, одаренный таким пламенным и увлекательным красноречием, имел также необыкновенную способность к поэзии. Когда Юлиан воспретил христианам литературу языческую, то Аполлинарий, как о том было уже говорено, написал для них множество сочинений риторических и поэтических; но епископ этот, столь достойный уважения и ученый, впал, по противоборству своему арианам, в заблуждение, тем более опасное, что первоначально оно представляется как бы видимым уважением ко Христу, человечество которого по мнению Аполлинария имело свойство почти нематериальное и сверхестественное. Заблуждения эти проявились в его литературных произведениях. Григорий имел, поэтому, двоякую цель писать свои поэмы: доказать, что христиане могли обойтись без литературы языческой и предложить верующим творения более православные, нежели Аполлинариевы.⁷³⁵

Поэмы святого Григория богословские или исторические. Между первыми – одни догматические, другие нравственные.

В поэмах догматических уважаемый писатель излагает основные истины веры. Требования стихосложения несколько не стесняют его в изложении точности православия. Троица, и каждое из божественных Лиц, сотворение мира и провидение, им управляющее, существа живые и душа, пришествие Христово, воплощение, – все это было предметами такого же числа поэм. В другой поэме исчисляет он все книги Ветхого и Нового Заветов.⁷³⁶ Для Ветхого – он допускает канон еврейский, для Нового же он указывает на те же книги, о которых упоминают святой Кирилл Иерусалимский и святой Афанасий; но, подобно епископу Иерусалимскому, не допускает Апокалипсиса и в этом случае не соглашается с епископом Александрийским. Он излагает после того несколько события ветхозаветных; чудеса и притчи Иисуса Христа, согласно четырем Евангелистам. Оканчивает же свои догматические поэмы гимнами и молитвами. Этих поэм числом тридцать восемь.

Поэм нравственных числом сорок. Девство, целомудрие, жизнь человеческая и различные пути, которых можно держаться, отчуждение от временного, любовь к нищете, роскошь женщин, гнев, терпение, – вот главные в них предметы.

В многочисленных поэмах, относящихся до различных обстоятельств жизни своей, святой Григорий передает потомству исторические сведения, чрезвычайно любопытные, и картину почти ежедневных своих ощущений и мыслей. Только восемь поэм исторических относятся до других лиц.

Еще имеем от святого Григория эпитафии, эпиграммы и одну трагедию «*Христос страждущий*». Святой учитель делал попытки во всех родах литературы, чтобы сделать декрет Юлиана бесполезным и предложить братии средства для изучения словесности. Нельзя не изумляться необычайной способности святого песнопевца, и если не во всех его стихах найдется красота стихов Гомера, то в них все же довольно изящного, чтобы люди со вкусом могли их читать и ими восхищаться.

В продолжение этой истории еще представятся случаи привести некоторые извлечения из поэм, написанных им о самом себе; также приведены будут некоторые из его писем, которых имеется двести сорок четыре; все они достойны чтения, а многие имеют даже действительное историческое значение.

За великими писателями, творения которых мы изучали, следуют и другие, которые прославили в то же время Церкви восточные, и творения которых считались весьма замечательными.

Прежде всего следует назвать святого Амфилохия епископа Иконийского, друга Василия и Григория, поддерживавших с ним довольно частую переписку. От этого великого епископа осталось еще несколько слов на праздники христианские и беседы на некоторые изречения священных Писаний. Он принимал также участие в богословских прениях своего времени, Святой Василий по просьбе его написал свой трактат о Святом Духе; сам же он оставил творение по тому же, и о Боге, познаваемом в Своем всемогуществе и как предмет почитания.⁷³⁷

Творения слепого ученого Дидима.

Церковь Александрийская прославилась еще ученнейшим Дидимом, последователем Оригена в изучении священных Писаний. Хотя он был лишен зрения еще в юности,⁷³⁸ однако изучил диалектику и геометрию, для которых нужно зрение. Даже Либаний, первый ритор того времени, изумлялся познаниям ученого Александрийца.⁷³⁹ Дидим составил множество толкований на священные Писания, значительное творение о Святой Троице, трактат о Святом Духе. Он написал толкование знаменитой книги Оригена о *Началах*. Дожил он до глубокой старости и его знал Иероним, учившийся под его руководством и по просьбе которого он составил некоторые из своих толкований.

Дидим был назначен великим Афанасием начальником школы Александрийской, столь прославленной Пантенем, Климентом и Оригеном. Когда святой Антоний вышел из пустыни своей для противоборства Арию, то посетил Дидима и сказал ему: «Не оплакивай Дидим утраты телесных очей своих, которые могут видеть мошек и комаров; но радуйся, что имеешь очи тайные как у ангелов, созерцающих Бога и свет Его.»

По сию пору еще имеются его три книги о *Святой Троице* и трактат о *Духе Святом*, переведенные бл. Иеронимом; его книга против *манихеев*, отрывки других догматических творений, отрывки различных толкований и почти цельное объяснение Псалмов.⁷⁴⁰

Дидим был ученым защитником православия против заблуждений ариан и последователей Македония. С философским смыслом, равнявшимся его учености, развивает он догматы христианские об единстве сущности в Божестве и троичности Лиц, о божестве Сына и Святого Духа. В трактате его о Святой Троице⁷⁴¹ обратим внимание на следующее изречение, столь же глубокомысленное как и православное: «Писание, именуя Духа Святого *Духом Сына*, учит тем, что Сын и Дух Святой *той же сущности* и что не следует считать Духа творением Сына. Как можно сказать, что Сын доставил Отцу,

прежде не имевшему, Того, Который в Писаниях называется Духом Божиим? Это было бы не только богохульством, но и безумием. В словах *Дух Сына* следует разуместь *силу Христову*, равно как слова – Христос есть *сила Божия* и *Божия премудрость*. Божественные Лица эти, исходя от *одного Отца* по сущности, а не по действию творчества, должны также относиться к *одному Отцу*.⁷⁴² Не воображай себе, что у Святого Духа есть начало или конец, но веруй, что по исхождению Своему по сущности, Он есть *Дух Божий*, дохновение Божие, а не творение Его, потому что Господь сказал в Евангелии от Иоанна: *Дух истины, Иже от Отца исходит*. Итак, Он не сотворен, потому что рождение и исхождение в сущностях равных и подобных совершается и без сотворения, а тем более когда касается рождения, и исхождения от *единого Отца*, сообразно единству и божеству Самого Отца».

В трактате о Святом Духе, Дидим, в доказательство единства сущности трех Лиц божества, учит, что Дух Святой сообщается человеку Отцом через Сына, а как сообщение благодати есть общее, то и сущность трех Лиц одна и та же, и что Святой Дух *посылается* равно Отцом и Сыном.⁷⁴³

Но он совершенно отличает вопрос о предвечном начале Святого Духа от сообщения Его человечеству и его трактат о Духе Святом столько же строго православен, как и большое его творение о Святой Троице.

Дидим жил при двух преемниках Афанасия на престоле Александрийском, – при Петре II и Тимофее. Оба епископа эти известны в числе писателей церковных. От первого остались отрывки послания епископам Египта, где он защищает изгнанных за веру при Валенте; от второго – канонические ответы и послание Диодору Тирскому.

Творения Египетских и восточных мыслителей

Было уже упомянуто о двух Макариях – Египетском и Александрийском, которые написали в то же время несколько творений. От первого есть письма, молитвы, изречения, беседы и нравственные трактаты. От Макария Александрийского остались изречения и одна проповедь.

Оба знаменитые инока⁷⁴⁴ по своим подвигам и способностям пользовались большим влиянием в Египте и Фиваиде в течение четвертого столетия, и писатели того времени, равно как и последующих столетий, весьма ценили их творения, а к святости жизни их питали величайшее уважение.

Церковь египетская в то же время прославилась и другими замечательными писателями: Орсиезием и Пахомием, настоятелями обители Тавенитской,⁷⁴⁵ Серапионом епископом Тмунским⁷⁴⁶ другом великого Афанасия и святого Антония, а также святыми отшельниками Антонием Великим⁷⁴⁷ Феодором,⁷⁴⁸ Серапионом и Пафнутием,⁷⁴⁹ Исаией⁷⁵⁰ и Евгарием, пришедшим из Понта, чтобы остаться навсегда в пустыни Скитской.⁷⁵¹

В Церквах восточных отличались: Диадор епископ Тарский, ученый толкователь Писаний,⁷⁵² Филон и Трифиллий, епископы Кипра,⁷⁵³ Астерий епископ Амазийский, от которого осталось множество бесед;⁷⁵⁴ Немезий епископ Эмеский, писатель трактата *о природе человеческой*,⁷⁵⁵ Евсевий, епископ того же города Эмеса, издал множество творений против еретиков и о священном Писании.⁷⁵⁶ Он много славился своим красноречием. Иероним пресвитер Иерусалимский, составивший несколько творений богословских, а в особенности *Разговор между евреем и христианином о Святой Троице*, *о действии крещения* и *о кресте*.⁷⁵⁷ Следует упомянуть еще Феодора, епископа Гераклийского, во Фракии, написавшего изящные толкования на многие из книг священного Писания.⁷⁵⁸

Церковь Сирская прославилась в четвертом столетии диаконом, всегда считавшимся среди знаменитейших Отцов Церкви, Ефремом. Великие из епископов считали для себя

честью находиться в сношениях с ним и самые ученые из них, как святой Василий, удивлялись его мудрости. Он писал на Сирском языке⁷⁵⁹ и творения его уважались до того, что их читали в церквах после священных Писаний. Хотя святой Ефрем был диаконом, но жил в пустыне, и Палладий называет его, равно как и святого Савву, знаменитейшими отшельниками Месопотамии, Созомен удостоверяет, что Ефрем, в молодости своей не учившийся, сделался таким писателем, что превосходил даже писателей греческих. Если тех, говорит он, перевести на Сирский язык, то они утрачивают слог и свое истинное достоинство, тогда как творения Ефрема – переведенные на греческий – сохраняют всю изящность оригинала. В Сирии он образовал школу и главными учениками его были Авва, Зиновий, Авраам, Марас и Симеон, творения которого весьма ценились в Церкви Сиреной. В этой Церкви сохранился обычай петь философские стихотворения Гармония, сына знаменитого еретика Вардезана. Из песнопений этих верующие почерпали понятия не совершенно православные. Ефрем усовершенствовал себя в поэзии до того, что сравнивался с Гармонием и сириане стали петь его православные песнопения.

Ефрем был замечателен своими добродетелями не менее как и способностями; особенно он отличался смиренномудрием. Однажды его вывели из пустыни, чтобы возвести в епископа, но он немедленно отправился на площадь, и так юродствовал, что отказались от намерения избрать его; а он, воспользовавшись тем, удалился снова в пустыню, которой не оставлял пока не узнал, что избран епископом другой.

Творения святого Ефрема были обнародованы по сирски, по гречески и по латыни.⁷⁶⁰ Они преимущественно отличаются блестящим слогом, сильными чувствами, и живостью изложения. После указаний наших о том, что писали греческие Отцы против заблуждений Ария и Македония, излишне делать извлечения из творений святого Ефрема, опровергавшего тех же еретиков более красноречиво, нежели философически. В своих полемических творениях он был православным, а в беседах нравственных и творениях подвижнических является

ревностным проповедником добродетелей христианских и совершенства жизни иноческой.

Все творения его пропитаны живой, пламенной верой и глубочайшим смиренномудрием. Слог его иносказательный, по обычаю восточных, часто таинственный, но всегда возвышен. Всё напечатанное из его творений оправдывает похвалы древних. Особенно имел он склонность поэтическую и всё написанное им напоминает Феодорита, сказавшего, что он был *лирой Святого Духа*.

Творения святителя Илария и других западных защитников Православия

Церкви западные четвертого столетия не могли сравняться с Церквями восточными по гениальности и учености: однако они сделали большие успехи, и уже в четвертом столетии имели несколько писателей, которые были в состоянии соперничать с лучшими из восточных, и много еще других, тоже не без достоинств.

Уже говорено было об Юлие, епископе Римском, Осии Кордуанском,⁷⁶¹ Фебадие, епископе Агенском⁷⁶² и Евсевие Версельском.⁷⁶³ Писатели эти конечно были не без достоинств; то же можно сказать и о Викторине, подобно Фебадию, писавшем против ариан.

Викторин был родом африканец и, по прибытии своем в Рим, приобрел большую славу как преподаватель. Сначала был он язычником, обратившись же к Христианству, он защищал веру против арианства, пытавшегося приобрести последователей на Западе. Творения его не отличаются глубиною учения и чувствуешь, что он скорее был литератором, нежели богословом. Есть его сочинения против манихеев и против ариан, и толкования на некоторые послания Апостола Павла.⁷⁶⁴

В то же время Фирмик Матерн преследовал идолопоклонство, а Филастрий еретиков;⁷⁶⁵ пресвитеры Фаустин и Марцеллин защищали возвышенное учение о Святой Троице, на которое столь упорно нападали все секты арианские.⁷⁶⁶

Но, бесспорно, всех глубокомысленнее защищал на Западе православие великий Иларий Пуатьерский, прозванный Западным Афанасием. Уже говорено было о сем великом муже и его творениях против Констанция и приводились отрывки из исторического творения его об арианстве. Но должно остановить внимание на его великом труде о Святой Троице, достойном стоять в ряду с лучшими творениями Афанасия, Василия и Григория Богослова.

Трактат о Святой Троице делится на двенадцать книг.⁷⁶⁷

В первой⁷⁶⁸ Иларий разбирает философские системы о Боге; он сравнивает с ними учение, заимствованное из книг Ветхого и Нового Заветов, а в особенности из Евангелия от Иоанна, заключая, что одно только откровение может удовлетворить разуму. Однако учение откровенное превышает разум человеческий и его следует принимать не льстя себя надеждой его постигать. Все обольщавшие себя тем впали в ереси, потому что старались умалить возвышенность божественного учения до размеров своего ограниченного разума. От того то происходили все ереси по вопросу о сущности божества; между ними всех замечательнее были савеллиева и ариева. Иларий, приступая к опровержению их при пособии священного Писания, которое желал принимать во всей его точности, молит Бога поддержать его труд.

Понятие о Святой Троице⁷⁶⁹ преподается верующему вместе с крещением. Таинство это действительно совершается во имя Отца и Сына и Святого Духа. Это понятие следует принимать просто и прямо; но некоторым хочется понимать божественную сущность. Как же не видят они, что мы окружены тайнами? Если же не в состоянии разуместь самого обыкновенного, им доступного, то как же мечтать о том, что возможно понять Бога?

Отец, согласно Писаниям, есть сущность духовная, не ограниченная, вечная, самобытная.⁷⁷⁰ Сын есть Слово Божие, рожденное от вечности и имеет ту же сущность как Отец.⁷⁷¹ Рождение это есть таинство непостижимое, известное только по откровению; Писание учит нас, что Сын есть жизнь от жизни, Бог от Бога, что у Него та же сущность как у Отца, и что тем не нарушается идея о единстве Божиим. Писание опровергает еретиков, Савеллия равно как Ария. Божественное свидетельство это сильнее всяких возражений.

Вопрос относительно Духа Святого⁷⁷² в то время когда писал Иларий, не был еще настолько возбужден, как в последствии, а потому он говорил о нем с большей осторожностью, упоминая только о единении Его со Отцом и Сыном и посланничестве Его в мир.

Книга третья посвящена предвечному рождению Слова и личному единению Его с человечеством. В четвертой книге Иларий излагает учение о Единосушном, опровергая систему Ария; продолжая тоже опровержение в пятой, шестой и седьмой книгах, и доказывая, что учение преподаваемое Церковью столько же далеко от систем Ария и Фотиноса, как и от учения Савеллия.

В восьмой книге святитель учит, что Сын, едиnorodный по сущности с Отцом, воплотился на искупление наше и установил таинство евхаристии для преподавания тела Своего и крови верующим.⁷⁷³ В книге этой он повторяет об отношениях Духа Святого к Отцу и Сыну. Святой Дух, говорит он, исходит от Отца и посылается Сыном.⁷⁷⁴ От Сына заимствует Он посланничество, истину и благодать, Им сообщаемую.

Относительно сего важного догмата вероучение на Западе было то же как и на Востоке. Слова: *Дух Сына* и все сказанное в Писаниях об отношениях Сына к Духу Святому обозначают только тождественность Их сущности со Отцом и посланничества во внешнее (*ad extra*), а не предвечное начало Святого Духа, потому что начало это Он заимствует от Отца по исхождению.⁷⁷⁵

В книге девятой Иларий отвечает на возражения, которые ариане извлекали из худо толкуемых ими текстов Писания. В десятой – объясняет он действия Христовы, доказывая, что рядом с действиями, проявляющими Его человечество, находятся другие, служащие доказательством Его божества, так что в божественном Лице Христа два естества – божеское и человеческое. Те же объяснения он продолжает в одиннадцатой и двенадцатой книгах, опровергая все возражения ариан.

Таково великое творение святого Илария Пуатьерского о Святой Троице.

Остальные его догматические творения характера исключительно исторического; они были часто уже приводимы и потому нечего о них говорить.

Имеются еще два больших творения святого Илария экзегетические: *Трактат о Псалмах* и *Толкование на Евангелие от Матфея*.

Одно изречение в этом толковании относительно исповедания Апостолом Петром божества Иисуса Христа подало повод некоторым из писателей латинских утверждать, будто святой Иларий исповедовал учение благоприятствующее папству. Правда, что святой учитель, в своих толкованиях на Евангелиста Матфея и на Псалмы, прилагает к Апостолу Петру слово *камень* Церкви, считая его основанием.⁷⁷⁶ Но в книге своей о Святой Троице, он признает, что *на камени исповедания* его, то есть на божестве Иисуса Христа основана Церковь.⁷⁷⁷ «Только одно, добавляет он⁷⁷⁸ непоколебимое основание, это *тот единственный камень* исповеданный устами Петра: Ты еси Христос Сын Бога живого, который поддерживает собой столько доводов истины, сколько развращение может поднимать вопросов, а неверность – клевет.»

Ясно, что этим святитель понимает только *предмет* исповедания Апостола Петра, то есть божество Иисуса Христа. Если же полагать, что он видит в том его веру *субъективную*, то есть его согласие и что епископы римские наследовали эту непоколебимую веру, то стоит только припомнить анафемы того же Отца папе Либерию, колебавшемуся в исповедании божества Иисуса Христа: «Изрекаю анафему тебе, Либерий, и твоим сообщникам. Снова изрекаю анафему, изрекаю ее в третий раз тебе Либерию, отступнику».

Итак, если по мнению святого Илария Пуатьерского, Апостола Петра можно считать *камнем* Церкви, то это только по исповеданию, им изреченному от имени всего сонма апостольского и по предмету сей веры, которая есть божество Иисуса Христа. Таким образом учение его согласуется с учением прочих Отцов, только в этом смысле прилагавших к самому Апостолу Петру название *камень* Церкви. Если же добавить к сему, что этот Отец и другие не делают даже намеков, чтобы название это было принадлежностью епископов Римских, и что учение их даже совершенно противоположно этому мнению, то все согласятся, что только по не понятному злоупотреблению некоторыми из их выражений, взятых отдельно и вопреки истинного смысла, богословы римские старались подкреплять власть папскую их свидетельствами.

Учение Илария о епископстве и об учреждениях Церкви совершенно отстраняют понятие о епископе высшем над прочими и о власти монархической. Он признавал, что престол римский был первым епископским престолом в Церкви, по основателям его Апостолам – Петру и Павлу, и по важности столицы империй, где он установлен. Но из этого первенства почетного и чисто церковного он не выводит никакой божественной власти.

Творение святого Илария, в литературном отношении, конечно ниже творений Афанасия и Василия; в них есть даже что-то жесткое, напоминающее Тертуллиана; не менее того они имеют весьма важное значение историческое и научное. Церковь Французская еще не производила писателя столь значительного, место которого обозначается среди Отцов самых знаменитых.

Между писателями западными того же времени следует назвать Зенона, епископа Веронского⁷⁷⁹ Оптата, епископа Милевийского⁷⁸⁰ и Дамаса, возведенного на престол Римский после Либерия (366). Представится еще случай упомянуть о многих знаменательных действиях этого епископа Римского и его посланиях. Кроме посланий этих, он писал еще стихотворения во славу Иисуса Христа и некоторых святых.⁷⁸¹

Уже рассматривались главные творения Люцифера Каглиарского, одного из самых замечательных писателей западных, в IV столетии; между последователями его упоминается присвигер Фаустин, писавший против ариан.⁷⁸²

Пациан, епископ Барселонский, прославлял Церковь Испанскую того времени. От него остались многие письма, одно *убеждение к терпению* и слово *о крещении*.⁷⁸³

Церковь Испанская уже произвела поэта Ювенция, о котором прежде было говорено. Кроме истории Евангельской в стихах, Ювенций писал тоже стихами о книге Бытия и поэму во славу Господа. Следует упомянуть и прочих поэтов христианских. Седулий, под названием *Поэмы пасхальной*, написал пять книг о деяниях Иисуса Христа. Он написал также поэму о Воплощении и еще другие стихотворения христианские.

Авзоний, знаменитый ритор, преподавал словесность в Бордо, в Галлии, где пользовался уважением. Стихотворения его не любопытны в отношении религиозном. Другой ритор, Север, оставил поэму о *могуществе знамения крестного*.⁷⁸⁴

Святой Амвросий – толкователь повествований библейских

Но писатель, неоспоримо, самый знаменитый на Западе, в IV столетии, вместе со святым Иларию, был святой Амвросий, епископ Миланский. Впоследствии будут изложены главные деяния жизни его.

Творения его можно разделить на три рода: творения экзегетические, творения богословские и письма.⁷⁸⁵

Подобно святому Василию и святому Афанасию, он объяснял творение шести дней или Шестоднев; писал толкование на повествования библейские о патриархах, на некоторые Псалмы, на Песнь Песней и на Евангелие от Луки. Также можно отнести к числу экзегетических его творений пять книг о разрушении Иерусалима.

Между творениями богословскими многие весьма важны для объяснения внутренней жизни Церкви. Во главе этих творений, конечно, три книги об *Обязанностях*. Они составляют трактат о нравственности философской и религиозной.

Обязанность есть выполнение добра; добро имеет начало свое в Боге, философы же не представили о нем надлежащего и точного понятия. Начиная от этого до-мирового понятия, святитель входит в подробности обязанностей, которые человек должен выполнять, начиная с юности своей до самой смерти, смотря по различным положениям, в каких находится. Только подвизаясь в истине, в прекрасном и в добром можно достигнуть счастья, – того, что истинно полезно.

Это нравственное творение не содержит в себе исторических сведений, довольно важных и заслуживающих указаний.

Три книги о девах, книга о вдовицах, трактат о *девстве*, о *непрерывном девстве Девы Марии*, *убеждение к девству* и трактат о *падении посвященной девы*, – заслуживают внимания историка.

Действительно, в четвертом столетии подвиги безбрачия христианского приняли большее развитие, нежели прежде. С

самого начала Христианства в записях Церкви встречаются девы и вдовицы, посвящавшие себя Богу, на пользу Церкви и нищих. Когда же жизнь монашеская больше распространилась, в четвертом столетии, то безбрачие сделалось более обычным; иноков возводили в епископы и они поощряли в Церквях безбрачие. Некоторые даже Церкви, как например Римская, стали обязывать безбрачной жизни епископов, пресвитеров и диаконов. Многочисленные злоупотребления были следствием этого явления, поддерживать которое первый Вселенский Собор не считал полезным; но в то время, когда святой Амвросий писал о девстве, этих злоупотреблений еще не существовало. Должно полагать, что творения святого Амвросия не мало содействовали развитию ревности к безбрачию, потому что святитель Миланский пользовался большим влиянием в Церквях западных.

Свои три книги о девах он посвятил сестре своей Марцелине, сохранившей девство свое. Самым изысканным образом восхваляет он в них безбрачие⁷⁸⁶ тщательно однако предупреждая, что его следует соблюдать добровольно и никого к тому не обязывать.⁷⁸⁷ Предлагает девам самые священные примеры, чтобы они поняли возвышенность и чистоту своего призвания.⁷⁸⁸ Обращаясь наконец к сестре своей Марцелине, он напоминает ей поучение, сказанное ей же Либерием, в день посвящения её в церкви Святого Петра, в праздник Рождества Христова. Амвросий сохранил к Либерию большое уважение и называет его *Либерием священной памяти*.⁷⁸⁹ Хотя этот епископ Римский и оказал слабость при распрях арианских, но добродетелям его отдавалась справедливость. Поучение сказанное им Марцелине было весьма благочестивое и Амвросий объясняет оное, чтобы внушить сестре своей, каким образом она должна выполнять советы, в нем заключавшиеся.

Вдовицы равно как и девы были посвящаемы Богу. Святой Амвросий поучает их, в особом творении, добродетелям, в которых им следовало подвизаться.⁷⁹⁰

Прочие книги о девстве суть убеждений к подвигам безбрачия; он развивает все побуждения, которыми можно

руководствоваться, отыскивая в Писаниях все, что тому благоприятствует.

Книга о *Тайнах* важна в историческом отношении. Святой Амвросий называет тайнами священные действия, именуемые таинствами. В книге этой он рассуждает о крещении и двух других таинствах, в которых приступали новопросвещенные: о миропомазании (конфирмации) и евхаристии. Главные чиноположения, о которых упоминает он, следующие:

Сначала епископ, прикасаясь к оглашенному, произносил: *Еффета*, то есть *отверзись*, для воспоминания чуда, которым Иисус Христос исцелил глухонемого.⁷⁹¹ Епископу или первосвященнику содействовал при крещении пресвитер и диакон. После произнесения «*Еффета*», епископ вводил, оглашенного в крещальню, которую святой Амвросий называет *святая святых*: или *святилище возрождения*. Там обращали его к Востоку, как бы к лицу Иисуса Христа, и он отрекался сатаны и дел его.

В это время клирики приготавливали воду в купели,⁷⁹² а епископ ее освящал. Оглашенного как бы погребали в воде посредством погружения, а вместе с тем разрешались и все грехи его.

Но до вхождения в купель он исповедовал веру в Святую Троицу,⁷⁹³ он не говорил *верую в большого, меньшего и в последнего*, но произносил *верую во Отца, Сына и Святого Духа*, той же верой.

По выходе оглашенного из купели,⁷⁹⁴ епископ помазывал его благовонным елеем, а после омывал ему ноги. Символика последнего действия заключалась в том, что верующий должен отстранить от души своей даже малейшую нечистоту.

Затем облакали новопросвещенного в белое одеяние,⁷⁹⁵ обозначавшее чистоту новой жизни, к которой он обязуется. «После чего получал он печать Духа, духа премудрости и разума, духа совета и добродетели, духа знания и благочестия, духа страха Господня: Отец запечатлел тебя, Христос утвердил и даровал сердцу твоему дар Святого Духа».

Обычай как на Западе так и на Востоке был – миропомазание (конфирмацию) преподавать после крещения. После таинства новопросвещенный приближался к алтарю⁷⁹⁶ говоря: «Вниду к жертвеннику Божию, к Богу веселящему юность мою». Псалмом сорок вторым доселе начинается литургия западная.

Святой Амвросий, говоря о дарах евхаристических, старается внушить, что о них не следует судить по видимому, потому что невидимое не возможно созерцать очами телесными. Хлеб, который вкушаем, говорит он, это тело Христово, а вино – кровь Христова.⁷⁹⁷

«Быть может, говорит святой Амвросий,⁷⁹⁸ ты скажешь мне: я вижу иное, как можешь ты утверждать, что я принимаю тело Христово? Должен доказать тебе однако, что это так. К каким великим примерам прибегнуть мне, для доказательства, что видимое тобой не таково, как произведено природой, но таково, каким освящено через благословение, что сила благословения могущественнее природы, потому что сама природа прилагается благословением».

Возможно ли выразить яснее учение православное о действительном пресуществлении? По приведению примеров библейских в доказательство, что благословение могущественнее природы, святой Амвросий добавляет:⁷⁹⁹

«Господь Иисус Сам изрек: *сие есть тело Мое*. Прежде благословения божественных слов, Он дает иное наименование тому, что после благословения Он называет телом Своим. Подобным же образом выразился Он о крови. Прежде благословения называет иным то, что называет после освящения Своей кровью. Ты же отвечаешь *аминь*, то есть *во истину*».

Изречение это служит доказательством, что слова, установившие таинство евхаристии, произносились громко в древней литургии западной, как в литургиях Церквей восточных. Верующие отвечали *аминь*, по произнесении священником слов относящихся к телу и то же отвечали после слов относящихся к крови.⁸⁰⁰

В конце своего трактата, святой Амвросий упоминает о приглашении, делаемом Церковью верующим приблизиться к алтарю, для участия в пище божественной. Пища эта не телесная, говорит он, она духовна.⁸⁰¹ Древняя Церковь, веруя в действительность, не впадала тем в бессмысленный материализм, наделавший столько шума на Западе, в течение средних веков. То, что духовно, не менее того действительно. В евхаристии вкушается тело и кровь Христовы; но *тело Божие духовно*, добавляет святитель, тело Христово есть тело Духа, потому что Христос – Дух.⁸⁰²

В книге своей о *Таинствах*, святой Амвросий рассматривал то же, что в книге своей о *Тайнах*. Оба слова, как сказано было, обозначают те же священнодействия, преподаваемые Церковью.

В первой находится несколько более подробностей, нежели в книге о Тайнах. Святой Амвросий, упоминая о прикосновении священника к оглашенному, называет это *тайной прозрения*,⁸⁰³ в воспоминание действия Иисуса Христа при отверстии чувств глухонемого; он говорит, что священник прикасался к ушам и ноздрям оглашенного.

Когда священник спрашивал оглашенного, отрекается ли он сатаны, то говорил: *отрекаешься ли диавола и всех дел его?* Оглашенный отвечал: *отрекаюся*. Священник продолжал: *отрекаешься ли мира и всех сладострастий его?* Оглашенный отвечал: *отрекаюся*.⁸⁰⁴

Вот как святой Амвросий описывает совершение крещения:⁸⁰⁵

«Тебя спрашивали: *Веруешь ли в Бога Отца Всемогущего?* Ты ответил – *верую*, и ты погружен был в воду, то есть погребен. Тебя спросили вторично: *Веруешь ли ты в Господа нашего Иисуса Христа и в крест Его?* Ты отвечал – *верую*, и ты снова погружен был в воду, потому что спогребавшийся со Христом воскреснет со Христом. Тебя спросили в третий раз: *Веруешь ли в Духа Святого?* Ты отвечал – *верую*. Ты был погружен в третий раз, чтобы тоекратное исповедание твое изгладило все грехи прежней твоей жизни».

Святой Амвросий сравнивает это троекратное исповедание с тем, которого потребовал Иисус Христос от Апостола Петра, прежде чем простил ему его троекратное отречение.⁸⁰⁶

Когда новопросвещенный выходил из купели, то первосвященник (или простые пресвитеры, потому что они равным образом могли совершать это служение, говорит святой Амвросий), опоясывался полотенцем и омывал ему ноги, на обозначение совершенной чистоты, которую следует соблюдать после крещения.⁸⁰⁷

После того преподавалась конфирмация (миропомазание).

Святой Амвросий называет конфирмацией то, что греки называли Миров, слово, которое он переводит по латыни *inquentum*, благовоние.⁸⁰⁸ Благовонный елей возливался на главу вновь крещенного, потому что голова считается орудием мудрости, а мудрость человеческая нуждается в пособии благодати.

Для преподания конфирмации, священник⁸⁰⁹ к помазанию присоединяет призывание Святого Духа под семью дарами, которые упоминаются в Писаниях.

Когда святой Амвросий доходит до причащения, которое преподавалось вновь окрещенному, то он столь же ясно, как и в книге о Тайнах, выражается о действительном пресуществлении. Верующие сами приносили обыкновенный хлеб для освящения.⁸¹⁰ По поводу этого обычая святитель выражается так:⁸¹¹ Ты, быть может, говоришь: хлеб мой, хлеб обыкновенный. Да, но хлеб этот есть хлеб только до произнесения таинственных слов. Как только совершено освящение, хлеб этот соделался телом Христовым. Как же хлеб может превратиться в тело Христово? Посредством освящения. Но освящение, из каких слов оно состоит ? Оно состоит из слов Господа Иисуса.

Святой Амвросий, упоминая об освящении, приводит часть литургии, совершавшейся на Западе. Хочешь ли знать, говорит он оглашенному, какими божественными словами оно совершается? Священник говорит: «Соделай, да жертва сия будет принята, утверждена, разумно и благоприятно; жертва, эта, изображающая тело и кровь Господа нашего Иисуса Христа,

Который, накануне дня, когда Он пострадал, приняв хлеб в пречистые руки Свои, возвел очи Свои к Тебе, Отче святой, Всемогущий, Бог предвечный и, благодарив, благословил, преломив дал Апостолам Своим и ученикам, сказав: *Приимите, ядите, сие есть тело Мое, еже за вы даемо: сие творите в мое воспоминание* (Лук. 22:19).

«Также, после вечери, накануне дня в который пострадал, взяв чашу, возвел очи к Тебе, Отче святой, Всемогущий, Бог предвечный, и, благодарив, благословил и дав апостолам Своим и ученикам сказал: *Пиите от нея вси, сия бо есть кровь Моя* (Мат. XXVI, 27:28).

Упомянув об этом из литургии западной, святой Амвросий продолжает так: Рассмотрю все это. Ты читаешь тут слова Евангелия до слов *приимите* или тело, или кровь; следующие затем уже слова Христовы: *Приимите, пиите, сия есть кровь Моя*. Сказано: накануне дня, в который пострадал, взяв хлеб в пречистые руки Свои. До освящения это действительно хлеб, но как скоро произнесены слова Иисуса Христа, это уже тело Христово; также, говорит он: *Приимите, ядите, сие есть тело Мое*. Прежде слов Христовых чаша была наполнена вина смешанного с водой; но как скоро слова Христовы произвели свое действие, – это уже кровь Христова, искупившая мир. Из сего видите, что слова Христовы могут все изменить. Господь Иисус удостоверяет нас, что мы приемлем тело Его и кровь. Возможно ли нам сомневаться в свидетельстве Его?⁸¹²

Святой Амвросий сообщает, что перед освящением⁸¹³ в литургии западной священник читал молитвы в прославление Божие, прося благословения царям, народу и всем членам Церкви. После же освящения священник читал следующую молитву:⁸¹⁴

«А потому, воспоминаю преславные страдания Его, восшествие Его из ада и вознесение Его на небеса, приносим сию жертву непорочную, жертву разумную, сию жертву бескровную, сей хлеб святой и сию чашу жизни вечной, молимся Тебе и просим принять сие приношение на преславном престоле Твоем руками ангелов, как благоволил принять дары

сына Твоего праведного Авеля, жертвоприношение отца нашего Авраама и приносимое царем—священником Менхиседеком». ⁸¹⁵

Замечено было, что святой Амвросий говорит, что в чаше вино смешано с водой. Это еще обычай Церкви латинской примешивать немного воды в вино, которое должно освящаться. Святой Амвросий видит в этом двоякую тайну. Он напоминает, что народ Израильский лил в пустыне воду, истекающую из скалы, в которую Моисей ударил жезлом. Камень этот, говорит Амвросий согласно со словами Апостола Павла, есть Христос. Священник, изображаемый Моисеем, ударяет в камень словом Божиим, истекает вода и народ Божий пьет её. Вода находящаяся в чаше течет в жизнь вечную. Вторая же тайна – это вода, истекшая вместе с кровью из ребра Иисусова, *когда один от воин копием ребро Ему прободет*. ⁸¹⁶

Незначительные различия, существовавшие между Церквями в главном действии богослужения христианского, нисколько не искажали верования, которое было одно и то же. Святой Амвросий по вопросу о действительном пресуществлении выражается столь же положительно, как и святой Кирилл иерусалимский. По мнению того и другого, равно как и прочих Отцов Церкви, всемогущество Божие прилагает дары евхаристические. Хлеб, говорит святой Амвросий, ⁸¹⁷ существенно становится телом Христовым, как Слово есть существенно Слово Отца. Святитель отвечает на возражения, какие могли бы сделать против этого догмата, о котором говорит как о догмате откровенном и всегда принимаемом Церковью.

В обоих творениях своих – о тайнах и о таинствах – святой Амвросий говорит только о крещении, конфирмации и евхаристии. Но из этого не следует заключать, будто Церковь допускала тогда только эти три таинства.

В своем творении о покаянии святой Амвросий также рассматривает его действия, как таинства.

Он порицает сначала новациан, бывших слишком строгими к виновным, хотя они, как еретики, и не имеют власти вязать и решать. Власть эта дарована только истинным священникам, и только одна Церковь имеет истинных священников. ⁸¹⁸

Новациане не имеют права отпускать грехов, потому что не имеют наследия Петрова, как разрушающие кафедру Петрову своим нечестивым разделением; но они еще виновны тем, что отрицают право самой Церкви прощать грехи, тогда как сказано было Петру: *и дам ти ключи царства небеснаго; и еже аще свяжеша на земли, будут связана на небесех, и еже аще разрешиши на земли, будет разрешено на небесех.*⁸¹⁹

Святой Амвросий понимает слова эти только относительно отпущения грехов и в том смысле, что отпущение это предоставлено не одному только апостолу, но всей Церкви. Под словами кафедры Петрова понимает он всю Церковь, потому что Церковь эта представляется сомном епископов, преемствующих сомну апостольскому, представителем которого был Петр, первый из Апостолов. Апостол сей был представителем всех прочих; но лично не было дано ему никакого преимущества. Таково учение всех Отцов.⁸²⁰

Новациане утверждают, будто они оказывают строгость только к великим грешникам; но кто дал им право становиться судьями важности грехов? Один только Бог судья тому. Святой Амвросий старается опровергнуть все заблуждения новациан.⁸²¹ Он ставит их в противоречие с самими собой. Действительно, они полагают отпускать грехи посредством крещения. Если священники, говорит он, отпускают грехи крещением, то могут отпускать их и через покаяние, потому что оба отпущения соделывает та же тайна,⁸²² то есть действие Святого Духа.

Отвергая строгость новациан и отвечая на их возражения,⁸²³ святой Амвросий требует, чтобы не допускались к покаянию не изъявляющие искреннего раскаяния. Относительно сего, он считает подлежащими покаянию грешников как совершивших грехи тайные, так и явные.⁸²⁴ Эти тайные грешники были, следовательно, обязаны исповедовать грехи свои, чтобы священник мог знать, какое назначить для них покаяние.

Святой Амвросий ставит наравне исповедание грехов с раскаянием для получения отпущения: «Восплачем, говорит он,⁸²⁵ в настоящее время, чтобы возрадоваться в вечности;

убоимся Господа, умиловим его, исповедуя грехи наши, исправим прегрешения, загладим заблуждения».⁸²⁶

Если грешник в этом расположении, – то Церковь придет на гроб его, как Христос ко гробу Лазаря, отнимет камень, воззовет его к жизни. Гряди вон, скажет он: то есть, открой грех твой, чтобы быть оправданным. Если исповедуешься, то, по гласу Христову, сокрушишь узы, которыми связан. Подобно тому как евреи, свидетели воскрешения Лазаря, замыслили против Иисуса, точно также новациане, свидетели чудес совершающихся в Церкви через восстановление виновных, замыслиют в своих сборищах⁸²⁷ и хотят умертвить восставших; но Христос не берет обратно даров своих, напротив того, Он усугубляет их и принимает на вечерю, уготованную Ему Церковью, того, кому отпущены грехи.

Святой Амвросий несколько раз упоминает об исповеди: «Покажи, говорит он,⁸²⁸ язвы твои врачу, чтобы исцелиться. Хотя ты и не покажешь, он все-таки будет знать их, но Он желает признания твоего *собственными устами*».

Когда грешник на тайной исповеди сознался в грехах своих, то он обязан был, признавая себя виновным перед собранием верующих, просить их братских молитв и подвергнуться публично покаянию, для него определенному.⁸²⁹ Святой Амвросий настойчиво убеждает грешников не обращать внимание на мнение человеческое, которое могло бы их удерживать от публичного сознания своей виновности.

Эти подробности, приводимые святым Амвросием, сообщают, что публичному сознанию виновности и публичному покаянию предшествовала для тайных грехов и тайная исповедь.

Таким образом святитель объясняет это правило благочестия, остававшееся темным по предшествующим историческим памятникам.

Нет надобности разбирать творения святого Амвросия под заглавием о вере. Оно направлено против ариан и святитель развивает в нем учение о Единосущном, как определено оно было на Вселенском Соборе Никейском.⁸³⁰ После всего изложенного по этому предмету, не остается позаимствовать у

святого учителя ничего нового. Он написал книги свои для императора Грациана, просившего его о том во время путешествия своего по Востоку, в свое предостережение от ереси. Грациан взял с собой только две первые книги. Ариане представили ему возражения, которые святой Амвросий опровергнул остальными тремя книгами, пополнившими это творение.

Тот же император, находя, что вопрос о Духе Святом почти отстранил вопрос о Сыне, просил епископа Миланского составить новое творение против евномиян. Святой Амвросий, согласно желанию его, написал три книги о *Духе Святом*.⁸³¹ Там, в опровержение еретиков, он доказывает божество Святого Духа и единосущность Его со Отцом и Сыном.⁸³² Он преимущественно настаивает на единстве сущности и существенных свойствах трех Лиц божественных, но не рассуждает о качествах личных, различающих Их в единой сущности. Творение святого Амвросия менее философское, нежели святого Афанасия и святого Василия о том же предмете, но доказывает глубокое знание святителем священного Писания.

У святого Амвросия имеется еще трактат о воплощении;⁸³³ он писал его как ответ на вызов, сделанный ему некоторыми скептиками, утверждавшими, что он не может доказать этого догмата христианского. Противники отвечать ему не осмелились.

Послания святого Амвросия принадлежат самой истории, а потому еще представится случай приводить некоторые из них при изложении деяний святителя.⁸³⁴

Следует еще упомянуть о некоторых религиозных писателях западных, живших в IV столетии: Аврелии Симмахе, от которого осталось собрание писем, диаконе Иларию, писавшем толкования на священное Писание; Сюзипии Севере, которого творения будут упомянуты в Истории Церкви; Григории Ельвирском, написавшем несколько трактатов и книгу о вере, и еще о другом испанце Аквиле Севере.⁸³⁵

Должно упомянуть также Ульфила епископа Готфов. Народ этот жил в странах между Дунаем и горой Гоемом.⁸³⁶ В начале

IV столетия у них епископом был Феофил, а Ульфил сделался их епископом около половины IV столетия. В пособие как вероучению, так и общему образованию Готфов, Ульфил перевел на их язык священное Писание. Готфы сделались арианами, по крайней мере частью, и будет еще говориться о вторжении их в империю Римскую.

По картине, изображающей главных писателей духовных IV столетия, можно сказать утвердительно, что умственное движение в Церкви приняло в то время обширное развитие. Восток, неоспоримо, превосходил Запад, однако Иларий Пиктавийский и Амвросий Миланский занимают видное место между писателями духовными, хотя и не достигают Афанасия, Василия, Григория Богослова и Кирилла Иерусалимского.

В среде последователей разных ересей умственный уровень был несравненно ниже, нежели между православными.

Самым ученым писателем среди ариан был Акакий, епископ Кессарийский. Он Прозван *Монофталмоном*, потому что был кривой. Им обнародованы толкования на Эклезиаста и много трактатов богословских.⁸³⁷ Но из всего этого ничего не сохранилось.

Авксентий, епископ Миланский, был поддержкой арианства на Западе; но он мало писал.

Глава аполлинаристов, Аполлинарий, епископ Лаодикеи, в Сирии, был писателем замечательным и очень плодовитым. Он написал бесчисленное множество томов на священное Писание и опровержение Порфирия в тридцати книгах. Должно сожалеть, что последнее творение утрачено.⁸³⁸

Донат, глава донатистов, писал много для поддержки своей партии, весьма развившейся в Африке.⁸³⁹ Иероним упоминает книгу его о Святом Духе, говоря, что в ней благоприятствовал он арианству.

Фотинос, ученик Маркелла Анкирского, многими сочинениями поддерживал заблуждения, которые приписывались его учителю. Он писал также против идолопоклонства и против императора Валентиниана, изгнавшего его из своей Церкви.⁸⁴⁰

Евномий обнародовал множество творений для поддержки своей ереси, они известны только по извлечениям, которые делали его противники.⁸⁴¹

Пристиллиан, учивший в Испании, впал в ересь манихеев и написал несколько трактатов для поддержки оной.⁸⁴² Ересь его распространилась на Западе, а преимущественно в Испании. Манихейство имело последователей на Западе в IV столетии. Известно творение некоторого Фауста, где защищается эта ересь и которое святой Августин счел достойным опровержения.⁸⁴³

Начальники сект не лишены были способностей, но незаметно, чтобы они делали сильную умственную поддержку своим последователям. Писания их погибли вместе с сектами, а то что еще остается, не может быть сравнено с творениями Отцов Церкви.

IV. (год 363–373). Духовенство римское теряет дух христианский

Иовиан преемствовал Юлиану на престоле императорском. Он был одним из тех высших военачальников, который предпочел правую веру своему званию и считался весьма благочестивым, а потому как православные так и ариане старались склонить его к своим партиям.⁸⁴⁴ Он немедленно объявил себя православным и сторонником учения Вселенского Собора Никейского. Епископы православные сосланные, почему-либо не воспользовавшиеся еще всепрощением Юлиана, возвратились к Церквам своим. Святой Афанасий оставил пустыню и, по возвращению в Александрию, писал Иовиану, утверждая его в благих его намерениях. Императором было послано ему письмо весьма лестное, с приглашением возвратиться к своей Церкви.⁸⁴⁵ Святой же Афанасий отвечал ему, утверждая его в вере Никейской. Он замечает ему, что вера эта есть вера всей Церкви, как на Востоке так и на Западе, что еретики не многочисленны и не могут пересилить свидетельства вселенского в истине откровенной.

Идолопоклонники⁸⁴⁶ повсеместно злоупотреблявшие покровительством Юлиана для преследования христиан, оставили храмы, как только узнали о смерти богоотступника; жрецы их скрылись, а философы оставили мантию, столь опозоренную их нетерпимостью. Жертвы кровавые прекратились по всей империи.

Однако христианство⁸⁴⁷ не благоденствовало, потому что все предводители сект собрались около императора, каждый стараясь привлечь его к своей партии. Отчаявшись в успехе, они решились скрывать свои настоящие мнения.

Иовиан, по возвращении своем из Персии, где он воевал под предводительством Юлиана, прибыл в Антиохию. Акакианцы и последователи Македония составлявшие два оттенка партии арианской, поспешили в этот город приветствовать нового императора. Они соединились в собор, под председательством Мелетия, одного из двух епископов

православных. Уже сказано было, что православные составляли два отдельных общества, и что каждое имело своего епископа – Мелетия и Павлина. Первый признавался законным епископом всеми Церквями восточными, а Павлин находился, при посредстве епископа Римского, в общении с Церквями западными.

Ариане не были того же мнения как Мелетий, но как скоро увидели, что Иовиан оказывает ему глубокое уважение и объявил себя в общении с ним, то и они показали вид будто исповедуют ту же веру, рассуждали под его председательством и представили Иовиану заявление по которому принимали веру провозглашенную в Nikei, а вместе с тем и выражение единосущный.⁸⁴⁸ Между епископами подписавшими этот акт замечаем Иозакия епископа Великой Армении, Тита Бострийского и Феотима епископа Аравийского.

Между подписавшими одни были искренни и совершенно православны, а другие лицемерно скрывали свои настоящие мнения.

Святой Афанасий Александрийский не присутствовал на этом соборе, хотя и находился тогда в Антиохии. Египетские враги его также туда прибыли, надеясь возобновить свои прежние клеветы, но Иовиан открыто принял сторону святителя, и он мог мирно возвратиться в Александрию.⁸⁴⁹ Во время же пребывания своего в Антиохию, он вошел в сношение с епископом Павлином и, по просьбе его, написал ему исповедание веры православной, которое Павлин и подписал.⁸⁵⁰ Эти сношения с совместником Мелетия воспрепятствовали Афанасию присутствовать на соборе Антиохийском. Он не осуждал Мелетия, но рассудил оставить рассмотрение его православия до другого случая. Иовиан, оставив Антиохию, направился к Тарсу, в Киликии, и там скорпостижно умер.

Валентиан был избран императором войсками. Он был христианином искренним и православным; но сделал величайшую ошибку избрав себе в сотоварищи брата своего Валента, и препоручив ему Восток. Валент был фанатическим арианином, и слушался только советов Евдоксия, епископа

Константинопольского, одного из предводителей партии арианской, самой враждебной православию.⁸⁵¹

Валентиниан, оставив Константинополь, направился в Рим через Фракию. Епископы Геллеспонта и Вифинии были тогда собраны чтобы избрать Гипатиана на митрополичий престол Гераклеи. Воспользовавшись проездом императора, они просили его о дозволении составить собор, чтобы покончить все распри по вероучению: «Я только мирянин, отвечал им Валентиниан,⁸⁵² мне не дозволяется слишком вмешиваться в такое дело; это обязанность епископов и они могут собираться, где пожелают».

Когда же в Константинополь прибыл Валент, то те же епископы обратились и к нему с просьбой о дозволении собраться.⁸⁵³ Он им дозволил и они решились съехаться в Лампсаке. Валент не долго оставался в Константинополе, а направился в Антиохию, чтобы лучше наблюдать за Персами, которые быть может станут пытаться нарушить договор, заключенный с Иовианом. Но Персы оставались мирными, что дало Валенту возможность преследовать православных. Он сослал Мелетия, Павлину же, другому православному епископу, из уважения к его добродетелям, не сделал никакого оскорбления. Он изгнал только из городских церквей, не хотевших сообщаться с арианским епископом, которым был тогда Евзовий. Утверждают, что тогда многие из православных были брошены в Оронт.

Возмущение Прокопия, провозгласившего себя императором, приостановило на некоторое время гонение. Те же обстоятельства помешали Евдоксию Константинопольскому воспрепятствовать собору Лампсакскому, выразившемуся в смысле полуарианском, согласно с определениями собора Антиохийского, подтвержденного Селевкийским.⁸⁵⁴ Акакий епис. Кессарии, в Палестине, и Евдоксий Константинопольский были снова низложены, и определение арианское, принятое в Ниссе депутатами из Римини, было осуждено.

Валент схватил Прокопия, которому изменили его военачальники, и велел его четвертовать, равно как и изменивших ему, хотя сначала обещал им помилование.

Возгордившись этим постыдным успехом, он начал гнать православных еще с большей жестокостью, а преимущественно членов собора в Лампсаке. Между ними отличался Елевзий Кизический,⁸⁵⁵ но, устранившись от насилий Валента, он открыто присоединился к арианству; по возвращении же к своей Церкви, он протестовал против сделанных ему насилий и просил верующих избрать на его место епископа более достойного руководить ими. Жители Кизикии, очень любившие своего епископа, однако отказались избрать ему преемника и Елевзий продолжал занимать престол свой; но Евдоксий Константинопольский собственной своей властью назначил в Кизикии епископом знаменитого еретика Евномия, а Валент отправил его с декретом управлять Церковью. Тогда жители оставили городскую церковь, занятую лжеепископом и собирались с Елевзием в церкви, построенной ими за городом.⁸⁵⁶

В Константинополе Валент преследовал православных, изгнав их из города. Тем же преследованиям подверглись и новациане, принимавшие, подобно православным, Символ Никейский.

Чтобы избежать преследований, полуарианские епископы Азии, Памфилии, Исаврии и Лиции, снесясь между собой, согласились и решились послать депутатов к Валентиниану и епископу Римскому Либерию, потому что охотнее соглашались допускать выражение *единосущный*, нежели соединиться с арианами. Депутаты эти были: Евсфат, епископ Севастийский, Сильван, епископ Тарса в Киликии и Феофил, епископ Кастабала в Киликии; они отправились в Рим, где полагали найти Валентиниана.

Когда они прибыли, то император уже отправился в экспедицию против Сарматов. Впрочем, он, вероятно, не принял бы их сторону, потому что находился в общении со знаменитым Авксентием, главой арианства на Западе. Валентиниан, по прибытии своем в Милан, нашел там Илария Пуатьерского и Евсевия Версельского, которые разоблачили перед ним лжеучение и увертки еретического епископа; но тот, зная православие Валентиниана, и показывая вид, будто

исповедует с ним ту же веру, стал жаловаться ему, что епископы, не принадлежавшие к Церкви его, возмущают ее, говоря открыто против него.

Валентиниан, обманутый тем, признал Авксентия епископом православным и выслал Илария и Евсевия к их Церквам. Но великий епископ Пуатьерский не мог оставить так в жертву истину и обнародовал свою книгу *против Авксентия*, для разоблачения этого волка, покрытого овечьей кожей.⁸⁵⁷ Так как лицемер этот прикрывался личиною мира, то Иларий восклицает: «Превосходен мир, а также прекрасно единение, но следует, чтобы мир и единение были церковными и евангельскими. Мир и единение антихристианские ложны и приобретаются способами чуждыми до сего времени. Скажите мне епископы, прибегающее к покровительству светской власти, какое пособие такого рода имели апостолы, когда они проповедовали Евангелие? Какая власть покровительствовала им, когда они благовествовали Иисуса Христа, и обратили почти все народы от богов ложных к Богу истинному? На каких царедворцев опирались они, когда в темнице, обремененные оковами, воспевали славу Божию? О горе! ныне власть человеческая считается подпорой веры!»!

Если бы даже Иларий стократно был прав против Авксентия, все-таки Валентиниан поддерживал этого лицемера, и он еще в продолжение десяти лет имел возможность опустошать стадо Христово, хотя и принужден был умереннее выражать свое арианство из опасения не угодить императору.

Депутаты от епископов азийских, не найдя императора, вручили привезенные ими письма Либерию, епископу Римскому и прочим епископам западным.⁸⁵⁸ Либерий не доверял им и отказался принять епископов, изменивших вероисповеданию Никейскому; но они отвечали, что в том раскаиваются, – сознали истину, что выражение *подобносущный*, которое поддерживали в самом деле, считали равносильным выражению *единосущный*, и что они отрекаются ереси аномеев, то есть настоящих ариан. Либерий потребовал от них письменного о том заявления, они его составили, вручив ему подлинный акт, в котором заключался Символ Никейский, без

выпуска выражения *единосущный*. Они утверждали в этом писании, что они депутаты от епископов собора Лампсакского и других к епископу Римскому и к прочим епископам Италии и Запада, чтобы войти с ними в общение на основании истины, провозглашенной в Никеи.⁸⁵⁹

Либерий, по получении этого акта, допустил их к общению и вручил им послание к епископам, от которых они были присланы. Послание это написано было не только от его имени, но от имени епископов Италии и прочих епископов западных. Есть основание предполагать, что он созывал собор в Риме, чтобы войти в сношение с восточными. В послании этом он выражает радость, что они просто и ясно присоединяются к вере Никейской, уведомляя их, что депутаты из Римини, давшие себя обольстить, с того времени, раскаявшись в своей слабости, также присоединились к древней вере Никейской.

Депутаты, получив это послание, направились в Сицилию. Епископы страны той соединились в соборе для принятия их и по выслушании их исповедания выдали им общительную граммату. Из Сицилии депутаты возвратились к пославшим их.

Либерий умер вскоре после приема депутатов восточных. Его заместил Дамас. Это был человек весьма известный в высшем обществе римском, и два пресвитера, жившие тогда в Риме, принадлежавшие к партии Люцифера Каглиарского, писали о нем: «Матроны так любили его, что он казался их ухверткой».⁸⁶⁰ Он был уже диаконом Либерия, когда епископ этот был осужден в ссылку. Показав вид, будто разделяет участь своего епископа, он дорогой оставил его и возвратился в Рим, куда влекло его честолюбие. Это утверждают те же пресвитеры,⁸⁶¹ они сообщают также рассказ о возведении Дамаса на престол римский, который по историческому беспристрастию необходимо сообщить.

После ссылки Либерия, одна из партий избрала в епископы римские Феликса, и партия эта поддерживалась до его смерти. Либерий простил приверженцев этой партии, оставив их при своих должностях. По смерти епископа этого, те, которые были всегда ему верны, то есть пресвитер Урсин⁸⁶² и диаконы Амантий и Луп, собрались с верным народом в базилику Юлия,

для избрания ему преемника. Приверженцы же Феликса собрались в базилике Люцины и избрали Дамаса.

Павел, епископ Тибурский, рукоположил Урсина.⁸⁶³

Дамас же узнавши, что собирались в базилике Юлия – избрать другого, роздал черни деньги, которые, ворвавшись в базилику, разогнали верующих; многие из них были избиты и даже умерщвлены. После того Дамас отправился в базилику Латранскую для рукоположения своего, и он достиг через сановников римских изгнания Урсина и двух диаконов его Амантия и Лупа.

Так как верующие, избравшие Урсина, продолжали собираться в базилике Юлия, то Дамас возбудил против них другой мятеж. Простонародие напало на базилику, разрушило ее, кидая обломки на верующих, из которых сто шестьдесят человек было убито, а многие другие умерли от ран. Приверженцы Урсина, однако, не унывали, собирались петь псалмы, порицавшие убийц, и просили епископов собраться в Рим согнать с престола Петрова человека, руки которого осквернены кровью.

Император Валентиниан сначала принял их сторону, отменив декрет полученный Дамасом от сановников римских. Урсин и оба диакона его возвратились в Рим. Но Дамас склонил на свою сторону царедворцев, убедивших императора изменить свое определение. Урсин принужден был, следовательно, снова удалиться, чтобы не разделять верующих на две партии. Но цели этим не было достигнуто. Приверженцы Урсина отказывались от общения с Дамасом и хотя у них не было духовенства, но они собирались на молитву по кладбищам. Однажды, когда они молились на кладбище Агнесы, Дамас с вооруженными людьми напал на них и разогнал их насильно. Такие поступки не нравились епископам окрестностей Рима. Когда Дамас созвал их в день своего рождения и, воспользовавшись тем, приглашал их отлучить Урсина, то они отказались: «Мы прибыли сюда, отвечали они, праздновать день твоего рождения, а не осуждать человека, которого мы не судили». Пресвитеры римские, по влиянию Дамаса, были

сосланы, а в числе их Фаустин и Марцеллин, сообщающие эти подробности.

Трудно поверить, чтобы все это было ложно.⁸⁶⁴ Достоверно, что Дамас сопровождал Либерия только до Милана, и что, по возвращении своем в Рим, был в общении с Феликсом, избранным в епископы римские вместо Либерия. Достоверно также, что Дамас удержался на престоле только силой, поддержкой императора и префекта римского. Также достоверно, что в продолжение трех месяцев длились кровавые схватки между обеими партиями в базиликах. Приверженцы Урсины обвиняют в том Дамаса, а его приверженцы делают подобные же упреки Урсину. Один из историков языческих обвиняет как того так и другого, говоря, что честолюбие подстрекало обоих соперников оспаривать престол римский. «Рассматривая, говорит он,⁸⁶⁵ пышность Рима, я не стану оспаривать, что ищущие этого престола не стали бы употреблять всех усилий для получения оного; он доставляет положение обеспеченное и они обогащаются приношениями матрон. Одежда у них великолепная, иначе не выезжают, как в колеснице, едят столь сладко, что стол их превосходит царский. Они могли быть вполне счастливы, если бы, презирая величие Рима, подражали жизни некоторых епископов провинций, которые по воздержности своей, бедности своего одеяния и скромности поведения, действительно достойны Бога вечного и его истинных поклонников».

Сказанное Аммиеном – Марселлином о роскоши и богатстве епископов римских не преувеличено. Префект Рима, Претекстат, отвечал Дамасу, убеждавшему его принять Христианство: «Сделай меня епископом Рима и я немедленно приму Христианство».⁸⁶⁶ В епископах римских было менее духа христианского, нежели в историке языческом, считавшем воздержание, смирение и нищету более угодными Богу, нежели роскошь и сладкоядение. В Риме было множество богатых и семейства эти, особенно дамы, были чрезвычайно щедры к духовенству, а более всего к епископам, так что не удивительно, если епископы эти жили столь пышно. Впрочем все духовенство римское подражало главе своей. Пресвитеры одевались в

великолепные ткани, отличались щегольской обувью и благоухали драгоценными ароматами. В истории не видно, чтобы они отличались добродетелями и ученостью. Напротив того, невежество их обратилось в пословицу; к тому присоединяли они фарисейское лицемерие и разврат, худо соглашавшиеся с их претензиями на безбрачие.⁸⁶⁷ Должно заметить, что в Церкви самой развращенной говорили за безбрачие громче, чем где-либо.⁸⁶⁸

Изгнание Урсина и его главных приверженцев не прекратило раскола и Церковь римская осталась разделенной на две враждебные партии.

Расколы и анархия в Церквах. Упадок Православия

Между тем как все это происходило в Риме, депутаты епископов восточных везли послание Либерия к пославшим их. Они нашли их собранными в Тиане.⁸⁶⁹ Епископы эти присутствовали на соборе в Антиохии, при Иовиане, и торжественно присоединились к вероучению Никейскому. Они с радостью выслушали послания Либерия и прочих западных, то есть епископов Италии, Африки, Галлии и Сицилии; послания эти они разослали по всем Церквам, чтобы они знали их содержание, прося обратить внимание на число подписей, которых было даже более, нежели членов на соборе в Римини. Восточным был известен собор в Римини только по арианской формуле, принятой их представителями в Никеи.

Тридцать четыре епископа, собранные в то же время в Кари, однако не признали необходимым принять выражение *единосущный*. Для прекращения подобных разделений, епископы согласились еще съехаться в Тарсе, в Киликии.

Валент, однако, воспрепятствовал этому собору и, чтобы не допустить восстановления православия, приказал снова сослать епископов изгнанных Констанцием и возвратившихся после всепрощения Юлиана. Все префекты принялись за это. Египетские также хотели было принудить Афанасия оставить Церковь свою, но народ восстал и для умиротворения его префект принужден был известить о том императора. Когда же восстание утихло, то он намеревался тайно схватить Афанасия; ночью были окружены церковь и дом епископский. Но святителя не нашли; накануне он, оставив дом свой, скрылся.

Повсеместное гонение против православных и даже против полуариан стало самым жестоким и Церковь Восточная находилась в отчаянии, которое святой Василий описывает следующим образом:⁸⁷⁰

С чем сравнить нам настоящее положение Церкви? Оно подобно морской битве между мореходцами, в равной степени опытными и воинственными, желающими отомстить прежние оскорбления, насытив свою взаимную ненависть. Вижу оба

флота устремившимися друг на друга ужаснейшим образом и с яростью; добавьте к картине этой жестокою бурю и густой мрак, препятствующий различать флаги друзей и недругов. Сила ветра, ярость волн, крики сражающихся, все ужасы внезапных изменений битвы представляют страшную картину положения Церкви. Ариане восстали на Церковь Божию, и между ними и верующими полегла глубокая пропасть. Буря морская не столь ужасна, как та, которая волнует Церковь. Преграды, установленные Отцами, разрушены и все догматы ниспровергнуты; мы устремляемся одни против других с такой силой, что все мы как бы погрузились в волны, а Церкви, устремленные одна на другую, кажутся потопленными; мрак покрывает их; крики борющихся перемешаны, составляя только неясный гул, в котором нет ничего ясного и определенного. В этом смятении одни становятся евреями, другие язычниками; ни Писания, ни предания апостольские не могут просветить их и примирить. Честолюбцы пользуются этими обстоятельствами для захвата первых мест в Церкви, единственной заботой их впоследствии – только удержаться, а все обычаи апостольские забываются. Эти похищения престолов производят истинную анархию в Церквах. Любовь совершенно иссякла, сладостное имя брата забыто, дошли до того, что радуются погрешностям ближнего своего, как будто собственным добрым делам. Мы упали ниже неразумных животных. По крайней мере животные одинакового рода живут в согласии, а мы? – мы видим только жесточайшие распри даже в собственных домах.

Устрашенный такими бедствиями, Василий сначала хранил молчание, полагая, что в таком смятении не следует возвышать голоса. Но наконец, рассудил, что, быть может, возможно найти какую-либо помощь на Западе. Валентиниан был православным, а епископы западные, принявшие так хорошо депутатов от прежних полуариан, могут горячо принять сторону тех, которые всегда оставались православными. Василий, для сношения с Западом, обратился сначала к великому Афанасию. Епископа Александрийского там любили, ему удивлялись, считали его столпом православия на Востоке; а потому Василий писал ему:⁸⁷¹

Полагая, что никто более преподобия вашего не опечален настоящим положением Церкви, или, лучше сказать, расстройством, в котором она находится (потому что имеет возможность сравнивать с тем, что было прежде); вы понимаете также до какой степени положение худо и уверены, что если все пойдет хуже и хуже, то можно предвидеть, что вскоре Церковь совершенно изменится. Часто я размышлял о способах возвратить ей мир, и с этой целью пишу вам, потому что вам, предпочтительно по мудрости вашей, принадлежит попечение о Церкви. Полагаю, по скудоумию моему, что нет иного способа, как просить содействия епископов западных. Заботливость, какую имели они о впадших в заблуждение, могли бы они оказать и в пользу нашу. Таким образом, могли бы мы иметь за себя, по крайней мере, числительность и противопоставить ее императору, которой тот страшится. Кто может лучше благоразумия вашего достигнуть таких последствий? Кто яснее может усмотреть средства и оказать более твердости в достижении цели? Кто более вас вздохнет о бедствиях нас постигших? Кого Запад более вас уважает? Досточтимый Отец, завершите тем бесчисленные и знаменитые заслуги Ваши! Пошлите от святой Церкви вашей к епископам западным людей сведущих в истинном учении, изложите бедствия, на нас тяготеющие, внушите им средство пособить нам.

Василий, в том же письме, умоляет Афанасия положить конец расколу, от которого бедствовала Церковь Антиохийская. Сказано было прежде, что Афанасий бывал в этом городе при Иовиане, находился в общении с Павлином, оставив до времени вопрос о Мелетии. Вероятно, Василий предполагал, что он примет сторону последнего, и сторонники Павлина подчинятся тому высокому влиянию, каким он у них пользовался.

В ожидании, говорит он, последствий посольства к западным, вы можете заняться делами Востока. От вас одних только зависит возвратить Церкви Антиохийской её цветущее положение. Могут ли Церкви всей вселенной что либо предпочесть Антиохийской? Если возвратить ей мир, все тело Церкви получить здравие исцелением главы.⁸⁷² Недуги Церкви

этой нуждаются в твоей мудрости и евангельском сострадании, потому что она не только раздирается еретиками, но даже исповедующими видимо единую веру.

Василий в письме этом говорит о расколе в Антиохии, только вообще. Письмо должен был доставить туда диакон той Церкви Дорофей, просивший епископа Кессарийского выразиться яснее, а потому Василий к первому письму приложил еще другое,⁸⁷³ где обстоятельно выражается он в пользу Мелетия, с которым весь православный Восток находился в общении, вероучение которого считалось чистым, а он – человеком, столь святой жизни, что в этом отношении никого нельзя было с ним сравнить. Кроме того, он был епископом значительного большинства паствы, остальные же составляли только, не имеющее значения, меньшинство.

Дорофея присылал в Кессарию Мелетий, а потому Василий, отсылая его обратно к святителю Антиохии, вручил ему письмо,⁸⁷⁴ в котором приглашает его войти в сношение с Западом и послать Дорофея в Рим, для убеждения некоторых епископов итальянских прибыть морем на Восток, во избежание засад арианских и Валенса, главы их.

Афанасий отвечал Василию, вероятно одобряя его предложение, так как епископ Кессарийский приветствует его за попечение о всех Церквях, равное попечению исключительно препорученной ему Церкви.⁸⁷⁵ Получил я, добавляет он, с радостью и с почестью, которой заслуживает брат наш Петр, член свято окружающего тебя духовенства. Для окончания же с Афанасием дела по расколу в Антиохии, Василий послал к нему диакона Дорофея, прося принять его благосклонно.

Относительно же сношений с западными, Василий полагал, что Афанасий может написать епископу Римскому, и что тот пришлет на Восток людей способных и православных, с которыми можно будет согласиться. Но, говорит Василий, людям этим следует поручить осудить не только Ария, но также и Маркелла Анкирского, потому что Запад, столь сильно осуждающий Ария, никогда не осуждал епископа этого, который однако преподавал учения еретические.

Оканчивая же письмо свое и прося Афанасия не замедлить посланием доверенных на Запад, настаивает на том, чтобы посланные западными прибыли на Восток морем, во избежание засад арианских.

Спустя некоторое время, Василий снова обратился к Афанасию, прося памяти его и молитв в обстоятельствах, еще более горестных, в которых находится его Церковь.⁸⁷⁶

Бедствия Церкви столь велики, говорит он, в другом письме,⁸⁷⁷ что он пришел бы в отчаяние, если бы не надеялся на Афанасия, столь хорошо знающего, чем пособить Церквам.

Афанасий писал на Запад, и получив оттуда письма передал их Василию. Тот воспользовался тем и сам прямо обратился к западным.⁸⁷⁸

Бог, говорит он, по благодати Своей, утешил нас письмами, написанными вами достоуважаемому отцу нашему Афанасию, и которые он нам передал. Весьма возрадовались мы, узнав, с какой ревностью поддерживаете вы веру православную и пасете овец своих мудро, следуя примеру Отцов. Получили мы также другое утешение тем, что передал нам словесно о добрых делах ваших благочестивейший брат наш диакон Сабин. Мы счастливы, когда узнали, что вы не только заботливо управляете своими Церквами, но согласны даже помочь Церквам бедствующим. Здесь же, многоуважаемые братия, мы изнемогаем под тяжестью гонений, если Господь не поможет нам, а вы не окажете сочувствия своим братьям, хотя удаленным друг от друга, но соединенным с вами в Духе Святом.

Бедствия наши известны уже всему миру. Вероучение Отцов пренебрегается, предания апостольские не ставятся ни во что, системы нововводителей господствуют в Церквах. Красноглазые эти не имеют познания о Боге. Мудрость мира сего преобладает, крест поруган. Вместо изгнанных пастырей, волки проникли в овчарню, раздирая стадо Христово. Дома молитвы вдовствуют по своим проповедникам; они похожи на пустыню, старшие плачут, сравнивая настоящее положение с прежним, молодые же находятся в положении еще более плачевном, не зная чего они лишились. Если есть в вас

любовь, если Дух Святой соединяет вас с нами, то пожалейте нас, помогите нам, чтобы мы, подобно вам, имели возможность свободно исповедовать истину, осуждать Ария, проповедовать вероучение православное о Святой Троице. Диакон Сабин лично перескажет вам то, что нужно вам знать. Соглашаемся с вами во всем, что вы сделали по правилам, и похваляем усердие ваше к истинному учению апостольскому.

Василий препоручил Сабину особенное письмо к Валериану, епископу самому значительному в Иллирии.⁸⁷⁹ До этого же он писал Дамасу, епископу Римскому, о том же.⁸⁸⁰

Чтобы придать большее значение ходатайству перед западными, некоторые из епископов присоединились к Василию, написав общее послание епископам Италии и Галлии.⁸⁸¹ Оно было отправлено также с диаконом Сабиним. Там изображаются бедствия Церкви восточной и похваляется православие западной.

Вероятно вследствие посланий этих созвал Дамас собор в Риме. Там находилось девяносто епископов Италии и Галлии и там было объявлено, что в основание единения всех Церквей берется только вероучение Собора Никейского.

Афанасий, получив послание от Дамаса, созвал подведомственных ему епископов Египта и Ливии, которые сообщили об этом послании епископам Африканским, признававшим главенство Церкви Александрийской.⁸⁸²

Послание о том было изложено святым Афанасием. Там ясно изложил он историю соборов в Никее и Римини, о которых вероятно упоминал собор Римский в послании своем. Афанасий писал также ответ самому Дамасу, выражая в нем удивление, что Запад, будучи столь православным, оставляет на престоле Миланском Авксентия, не только виновного в ереси, но еще во многих других преступлениях.

Дамас, не осмелившийся осуждать Авксентия, которого император считал православным, понял однако, что упрек Афанасия основателен. Он созвал поэтому снова собор в Риме, осудивший Авксентия. Собор этот обратился с посланием к епископам Иллирии, приглашая их разъяснить верующим о

соборе в Римини, имевшем в этой провинции большой отголосок.⁸⁸³

Авксентий, не взирая на осуждение, удержался однако на престоле своем до самой смерти.⁸⁸⁴ Афанасий узнав об осуждении Авксентия, упоминает о том в письме своем Епиктету, епископу Коринфскому.⁸⁸⁵ Великий святитель Александрии вскоре после того скончался (373), в то время когда гонение Валенсово было во всей своей силе. После стольких ссылок и изгнаний, он мог мирно умереть посреди своей паствы.

Святой Григорий Богослов об Афанасии – святителе Александрийском

Во все времена христианские общим голосом восхвалялось православие, ученость, твердость и добродетели как христианские, так, и пастырские этого святителя, место которого в числе самых знаменитых Отцов Церкви. Святой Григорий Богослов, один из достойнейших его почитателей, посвятил памяти его похвальное слово, из которого приводятся некоторые отрывки.

Восхваляя Афанасия, говорил он,⁸⁸⁶ стану превозносить добродетель. Хвалить его все равно что восхвалять добродетель, потому что он совмещал в себе все добродетели.... Из всех великих мужей Ветхого и Нового Завета Афанасий с одними сравнился, не много уступал другим и, осмелюсь сказать, многих превзошел. Он подражал красноречию и учености одних, деятельности других, и имел при том их кротость, ревность и мужество.

Он не посвящал много времени общим познаниям человеческим, зато настолько углубился в священные Писания, что еще никто не приобретал в нем столь обширных познаний. По учености своей и добродетелям был он избран на высшую степень священства и поставлен во главе народа Александрийского, а это равносильно тому, как если бы я сказал, что он был поставлен во главе целого мира. Не могу сказать, получил ли он это высокое положение в награду за добродетели свои, или для того, чтобы стать источником и жизнью Церкви своей. Он был для неё, как бы, ключом, в котором она могла утолять жажду огнем очищающим, сеявом, которым добрые семена догматов истинных отделялись от плевел заблуждений; Слово обрело в нем ратоборца, подвизавшегося вместе с Ним, Дух Святой мужа, только Им дышавшего.

Он избран был на престол Марка, свободным одобрением верующих, то есть способом духовным и апостольским, а не происками и коварствами, свидетелями которых мы столь часто

бывали. Он был преемником благочестия Маркова, равно как и престола его; он к нему чрезвычайно приближался и через то стал действительным его преемником. Тот, кто проповедует то же учение – есть истинный участник того же престола. Тот же, который преподает учение противное – есть враг, а не преемник, хотя бы восседал на том же престоле. Последний имеет только название наследника, а тот истинное наследие.

Афанасий, сделавшись епископом, был велик по достоинству, но смирен духом. Он был настолько добродетелен, что никто не мог с ним сравниться, был настолько приветлив, что всякий имел к нему свободный доступ; он был кроток, далек от всякого гнева, сострадателен, любезен в обхождении, а еще любезнее по привычкам своим, одарен ангельским выражением лица, но душа у него была еще ангелоподобнее; если необходимо было ему порицать, то делал это спокойно; если хвалил, то находил вместе с тем и способ поучать. Доброта отца смягчала в нем важность епископа.

Но к чему изображать перед вами такого мужа? Сам Павел начертал его, излагая достоинства истинного епископа. Все вы, знающие Писания и подвизающееся в добродетелях христианских, каждый по званию своему, пособите мне воздать Афанасию полную похвалу. Он подвизался в посте, как бестелесный, в то же время оказывая бодрость непреодолимую в ночном молитвословии и Пении псалмов; он был поддержкой неимущих, смиренномудр с смиренными, но твердость его была несокрушима с горделивыми; девы могут похвалить его, потому что, пребывал чистым; брачные находили в нем руководителя, исполненного мудрости; иноки – совершеннейший образец; семейства – законодателя; частные лица – наставника; философы – богослова; люди пылкие – обуздание, несчастные – утешителя, старцы – опору, юные – учителя, бедные – благотворителя, богатые – верного распределителя, вдовицы – покровителя, сироты – отца, странники – гостинника, братия – брата, исполненного любви, болящие – врача, здоровые – мудрого охранителя их здоровья. Он был всем для всех, да всех приобрящет.

Было время, добавляет святой Григорий, когда здоровое вероучение преподавалось в своей первоначальной красоте; но впоследствии секты философские вторглись в Церковь и, подобно этим Афинянам, о которых говорится в книге Деяний Апостольских, они желали каждый день услышать что-либо новое. Тогда появился Арий, оказавшийся вполне достойным своего имени, которое означает *неистового*.⁸⁸⁷ Под предлогом ратования против Савеллия, который первым хотел сократить Троицу в своем мнимом единстве, он захотел разделить истинное единство, поместив в Троицу три сущности совершенно различные. Афанасий явился противоборствовать ему в числе трехсот двадцати двух знаменитых мужей, которых Дух Святой собрал в Никеи. Он не был еще тогда епископом но не менее того занимал первое место между собравшимися, потому что в то блаженное время более уважались достоинства, нежели звание.

Григорий изображает затем все скорби, которые принужден был переносить Афанасий по причине непобедимой привязанности своей к вероучению Никейскому; затем говорит о ссылках его, столь частых, и о торжестве веры христианской, достигнутой его непреодолимой твердостью.

После такой борьбы, говорит он, окончил он жизнь в тихой старости и присоединен был к Отцам своим, патриархам, пророкам, апостолам и мученикам, подвизавшимся за истину. О, муж истинно священный и возлюбленный! С небеси, куда ты вселился, призри на нас. Управь народом сим, чествующим единым поклонением Троицу всесовершенную, Отца, Сына и Святого Духа. Паси вместе со мной стадо сие и сохрани мне жизнь, если мир должен царствовать. Но, если Церковь должна находиться в борьбе, возьми меня с собой и с твоими подражателями. Многого я прошу, но я возношу к тебе моление это, во Христе нашем Учителе, Которому слава, честь и держава во все веки! Аминь!

Не дерзаем сами похвалять великого Афанасия, Григорию Богослову было достойнее воздать хвалу добродетелям его и прославить его доблести.

V. (год. 374–381). Бесчинства императора Валента. Гонения христиан

Ходатайства Афанасия и Василия перед западными мало имели успеха. Епископ Рима, Дамас, как первый епископ Запада, мог бы, пользуясь большим влиянием по занимаемому им месту, повести дело большой православной демонстрации, на которую так рассчитывал Василий, чтобы ослабить еретические неистовства Валента; но епископ Римский, по-видимому, более заботился сам защищаться от противников, нежели защищать Церкви.

Приверженцы Урсины, не взирая на изгнание своих главных предводителей, все еще поддерживались. Так как собрания их были запрещены в Риме, и они собирались вне стен города, то им запрещено было собираться на пространстве двадцати миль кругом Рима. Эти насильственные меры не имели однако ожидаемого действия. Сам Валентиниан сделался снисходительнее, дозволив Урсину и семи его приверженцам возвратиться из ссылки и жить, где хотят, кроме Рима и его подгородных областей, составлявших префектуру римскую и округ, в котором епископ Римский пользовался некоторой властью.

Люциферисты также имели в Риме свои частные собрания и имели епископом Аврелия, которому преемствовал Ефезий.

Наконец, донатисты продолжали иметь в Риме епископа и частные свои собрания. Они тщательно хранили списки своих епископов, считая только их одних законными.

Дамас преимущественно занимался борьбой с этими различными партиями, прибегая к пособию власти императорской, чтобы воспрепятствовать собраниям и достигнуть изгнания председательствующих на них.⁸⁸⁸ Но все было тщетно, и хотя он воспевал в стихах обращение раскольников, однако расколы продолжались и после его епископства.⁸⁸⁹

Не видно, чтобы Дамасом сделано было какое-либо ходатайство перед Валентинианом, чтобы убедить Валента

приостановить гонение на православных. Сношения его ограничивались только пересылкой определений двух соборов римских, о которых было говорено, и некоторых писем Павлину,⁸⁹⁰ которого он считал законным епископом Антиохии, хотя весь Восток находился в общении с Мелетием.⁸⁹¹

Впрочем, неистовство Валента было такого рода, что невозможно поверить, чтобы о нем не известно было на Западе, особенно после писем Василия и прочих восточных епископов.

По смерти Афанасия Великого, это гонение распространилось и на Египет. Православные избрали ему в преемники ученика его Петра; но Валент назначил Церкви Александрийской арианина по имени Луция, возобновившего все жестокости, которым предавались лже-епископы Григорий и Георгий в царствование Констанция.

Петр бежал в Рим, где сообщил Дамасу и прочим епископам западным о насилиях, которым подвергалась его Церковь. Красноречивые жалобы его были обращены ко всем Церквам,⁸⁹² но они возбудили только бесплодные сожаления.

При избрании верующими епископа на Петра указывал сам Афанасий.⁸⁹³ Едва только ариане узнали о смерти своего непоколебимого противника, как арианский епископ Антиохии Евзодий и граф Магнус отправились в Александрию. Они имели повеление от Валента бросить Петра в тюрьму и на место его возвести некоего Луция. Едва лже-епископ этот прибыл в Александрию, как стал стараться открытой силой занять церкви. А когда народ тому воспротивился, то он, обвиняя в том духовенство и дев, начал их разыскивать. Одни были схвачены, другие успели скрыться или бежать. Которых успели заключить, тех подвергали мукам, напоминая самые жестокие гонения языческие. Петр успел бежать из тюрьмы своей и отплыть в Рим, потому, говорит Созомен, что епископ этого города исповедовал ту же веру. Арианам, хотя и немногочисленным, отданы были все церкви, а Валент издал декрет об изгнании всех исповедующих веру Никейскую. Евзодий присутствовал при всех казнях до возвращения своего в Антиохию.

После отъезда его, Луций, в сопровождении префекта Египетского и войска, выступил против отшельников,

населявших пустыни. Все они ненавидели учение Ария, а народ, имея к ним доверие, слушался их убеждений и разделял ту же веру. Луций приказал сослать на отдаленный остров, населенный только язычниками, множество отшельников, согласившихся скорее умереть, нежели отказаться от вероучения Никейского. По прибытии их на остров, язычники, видя чудеса людей Божиих, приняли Христианство; обращение это и чудеса наделали столько шума в Александрии, что Луций поспешил дать разрешение отшельникам возвратиться в свои пустыни.

Во многих церквах, по приказанию Валента, совершались такие же жестокости, как и в Египте.

Верующие Константинополя избрали шестьдесят членов из духовенства для представления ему протеста против бедствий, претерпеваемых ими от ариан. Валент находился тогда в Никомидии. Он отказался принять депутатов, приказав префекту их казнить, но тот, опасаясь возмущения, если умертвит их, и показывая вид будто отправляет их в ссылку, приказал посадить на корабль и отдал приказание корабельщикам зажечь судно, а самим спастись на лодках. Ветром отнесло корабль к берегам Вифинии, но там, в виду берегов, был он зажжен, и шестьдесят депутатов погибли в пламени.

Из Никомидии отправился Валент в Антиохию, где жестоко преследовал православных. Оттуда поехал он в Эдесс. Все народонаселение исповедовало там веру православную столь ревностно, что гонитель не осмелился выполнить там своих злобных замыслов. Были только сосланы епископ Варзес и некоторые из пресвитеров.

Когда же прибыл он в знаменитый город Томес, столицу Скифов, живших на левом берегу Черного моря, то также захотел преследовать кафоликов.⁸⁹⁴ Ветранион был епископом Томеса. Валент приглашал его войти в общение с арианами, но святитель ревностно вступился за веру Никейскую и даже не хотел придти в Церковь, куда должен был прибыть император. Народ последовал примеру своего епископа и Валент остался один со своими придворными. Он пришел в бешенство и сослал

Ветраниона. Но, рассудив, решил, что не выгодно раздражать народ мужественный, составлявший твердый оплот для империи Римской против вторжения народов, населявших те страны. Он вызвал Ветраниона из ссылки, предоставив Скифам свободно исповедовать веру свою.

Деяния святителя Василия епископа Кессарии Каппадокийской

В то время, когда весь Восток трепетал под игом тирана арианского, Василий и друг его Григорий Богослов поддерживали православие, противопоставляя арианам несокрушимое мужество.

Валент, по прибытии в Кессарию⁸⁹⁵ решился наказать Василия за ревность его к здравому вероучению. Как только он прибыл, то приказал префекту немедленно потребовать епископа к себе. Префект встретил его вопросом, почему он не следует вере императора. Василий совершенно свободно изложил, что вера эта есть заблуждение, и что истинная вера есть та, которая провозглашена была в Некеи. А когда префект стал угрожать ему смертью, то Василий отвечал: «Дай Господи, чтобы она постигла меня, и я освободился бы от уз тела, в защиту истины!»! Когда же префект стал приглашать его серьезнее о том рассудить, то утверждают, что Василий отвечал ему: «Завтра, как и сегодня, я останусь таким же. Ты сам только не изменись!»! С этого дня, Василия стерегли, не выпуская из глаз. Вскоре сын Валента, именем Галатий, занемог так, что врачи потеряли надежду на выздоровление. Мать его, императрица Доминика, в то же время жаловалась на страшное сновидение, в котором было ей открыто, что сын её заболел в наказание за оскорбление, нанесенное епископу. Валент, подумав о Василии, приказал его призвать и, желая его испытать, сказал: «Если вера твоя истинная, то помолись, чтобы сын мой не умер. Император, отвечал ему Василий, если ты согласен присоединиться к той же вере, которую я исповедую и даровать мир Церкви, то сын твой будет жив». Но как Валент не хотел на то согласиться, то Василий сказал: «Бог сделает с сыном твоим, что Ему будет угодно». Затем Василий вышел, а вскоре после того ребенок умер.

Валенту очень хотелось сослать Василия, но он не смел открыто преследовать мужа, для которого ссылка и даже сама смерть были бы благодеянием. Без сомнения, он опасался

встретить в нем другого Афанасия, и так как он оставил спокойно умерать мужественного епископа Александрийского, то не стал преследовать ни Василия, ни друга его Григория, управлявшего тогда Церковью Назианзинской после смерти отца своего.

Поэтому Василий мог посвятить себя благу православия на Востоке. Истинно православные, никогда не изменявшие вере своей, с недоверием смотрели на сношение с западными депутатами собора в Лампсаке, составленного из полуариан. Невзирая на общительные грамоты, привезенные ими с Запада, они не решались доверять им, но Василий оказывал более терпимости и поддерживал с ними не только общение, но выражал ко многим из них, как например к Евстафию Севастийскому, одному из этих депутатов, дружбу. Он даже вступился за него перед уважаемым Феодотом, епископом Никопольским и митрополитом Малой Армении, не имевшим никакого доверия к епископу Севастийскому. Феодот однако не обманывался и Василий впоследствии сам в том убедился; но он скорее желал обманываться по любви, нежели внимать подозрениям, еще не подтвердившимся.

Василий соединял с рвением о православии такое благоразумие, что даже сам Валент препоручил ему преобразование Церкви Армянской, весьма расстроенной в последнее время смутами арианскими. Святитель отправился туда тем охотнее, что он нашел там уважаемого Мелетия, сосланного из Антиохии и искреннего друга своего Евсевия, епископа Самосатского, с которым мог трудиться для блага Церкви.

Феодот Никопольский, в рвении своем более пылком, нежели просвещенном, противоборствовал ему из-за Евстафия Севастийского; но Василий, не обратив на то внимания, рукоположил епископов во многих городах Армении, посетил Евсевия в Самосате и уважаемого Вита, епископа Карргского в Месопотамии. Из деяний этих видно, что епископ Кессарийский пользовался, подобно другим епископам главных городов, некоторыми правами над Церквями, находившимися в Понте и Каппадокии, Армения же принадлежала к этим провинциям.

По возвращении в свою Церковь, Василий убедился, что Евстафий Севастийский его обманывал своим лицемерием и что всегда был тайным арианом. Он предложил ему подписать исповедание веры православной и прибыть на провинциальный собор, им созданный. Но Евстафий, сбросив личину, открыто вступил в борьбу с Василием, обвиняя его в самых противоречащих заблуждениях. Святитель пренебрег однако такими обвинениями и продолжал попечения свои о церквях ему вверенных.⁸⁹⁶

Он не ожидал уже никакого пособия от западных, чтобы приостановить гонения Валента.

Получив письмо от некоего Евагрия, отправленного в Рим от имени Павлина Антиохийского, он отвечал ему, что не может заняться разногласиями в Церкви Антиохийской, потому что ему невозможно советоваться с Мелением, сосланным в Армению и некого послать на Запад по делам Церкви.⁸⁹⁷ Святитель, по-видимому, упал духом при виде горестного положения, в котором находится Христианство.

Однако, когда пресвитер Дорофей снова отправился на Запад, то он поручил ему передать новое послание к епископам Италии и Галлии следующего содержания:⁸⁹⁸

«Братьям, истинно благочестивым, и возлюбленным сотоварищам нашим в той же вере, епископам Галлии и Италии, Василий епископ Кессарии Каппадокийской»:

«Господь наш Иисус Христос, благоволив назвать всю Церковь Божью телом Своим, соделал нас всех Своими членами, возложив на нас обязанность содействовать, в чем нужно, для поддержания согласия между этими членами. Вот почему, не взирая на пространство, нас разделяющее, мы близки по связи, нас соединяющей. Вы примите, следовательно, участие в страданиях наших, как мы принимаем участие в вашей радости. Мы обращались уже к братской любви вашей, но вы нам не пособили, вероятно потому, что бедствия, которые должны мы претерпевать, не дошли еще до крайности. Просим вас довести до сведения императора вашего о бедствиях наших, а если находите это слишком затруднительным, то прислать к нам доверенных, которые, сострадая бедствиям

нашим, собственными глазами увидели бы то, чего язык человеческий выразить не может».

«Братья многоуважаемые, мы находимся под игом самого жесточайшего гонения. Пастырей ссылают, чтобы рассеялись паствы. Крайность бедствия в том, что гонимых даже не считают мучениками, потому что гонители наши называются также христианами. Карается строго одно только преступление, – это верность в сохранении преданий Отцов наших. За это люди благочестивые изгоняются из отечества своего и перевозятся в страны пустынные; у судей неправедных нет никакого уважения ни к старости, ни к благочестию, ни даже к целой жизни, согласно учению евангельскому. Злодеев не осуждают без улик, но епископы судятся по ложным доносам и осуждаются на казни без малейшей заботы доказать их виновность; даже много таких, которых ни обвиняли, ни судили, но которые похищены были ночью и брошены в страны самые отдаленные, подвергаясь умереть там в нищете. Пресвитеры, диаконы, все клирики бегут, потому что вынуждены поклониться перед идолом или быть бичеванными. Города и деревни наполнены плачем и рыданиями; не знают более радости духовной, душа у всех исполнена скорби. Христиане более уже не собираются, нет более епископов поучать их, подавать им душеспасительные наставления; пение гимнов уже не раздаётся ночью, не видно более той духовной радости, которую порождали в душах синаксы и сообщение даров духовных. Можно приложить к нам слова писания: *Нет более, ни главы, ни пророка, ни руководителя, ни приношения, ни фимиама, ни места для принесения жертв Господу, чтобы его умилоствовать*».

«Вам известны эти бедствия, потому что нет места во всей вселенной, где бы о них ни говорили. Пишу вам не для того, чтобы поведать о них, ни, чтобы возбудить вашу ревность, мы знаем, что вы не позабыли нас, но единственно в облегчение скорби нашей, сообщая ее вам и препоручая бедствия наши, взывая к вашей любви».

«Как истинные ученики Господни, смотрите на страдания наши как будто они ваши собственные; мы боремся ни из-за

выгод, не из-за тщетной славы, ни из-за чего-либо временного, но за общее наследие, за сокровище здравого вероучения, завещанного нам от Отцов. О вы, любящие братьев своих, сострадайте бедствиям нашим, потому что здесь уста благочестивых замкнуты, а предоставлена свобода только богохульству. Столпы истины сокрушены, обломки их рассеяны. Что же касается нас, достойных презрения по слабости своей, нам нет свободы говорить. Ратуйте за народы, не довольствуйтесь только наслаждаться днями мирными, которые проводите по милости Божией, сохранившей вас от всяких нападений. Протяните руку Церквям, возмущаемым бурей, опасаясь, что оставленные вами они потерпят крушение. Воздыхайте об участи нашей, об Единородном богохульствуют и некому отомстить, Духа Святого отрицают, а те, которые могли бы защищать Его, обратились в бегство. Нападают на божественную Троицу в Лице Сына и Духа Святого. Кто даст очам моим источник слезный оплакивать столько нечестий! Слух простодушных соблазняется и приучается выслушивать нечестия еретические; чад Церкви питают учениями нечестивыми. Что будет с ними? Крещения, благословения странствующих, утешение скорбящих, всякого рода пособия, все это связи, соединяющие их с еретиками, так что вскоре, если даже и будем пользоваться некоторой свободой, невозможно будет возвратить народ к истине».

«Еще лучше поймете вы бедствия наши, узнав, что я даже не могу отправиться в путь, чтобы сообщить все это вам, потому что в горестных обстоятельствах, в каких находимся, невозможно даже на короткое время оставить паствы своей, не подвергая ее опасностям».

Епископы Запада отвечали Василию. Послание их было доставлено двумя пресвитерами. Они обещали стараться об утишении гонений, который претерпевал Восток. Послание это известно только по благодарности Василия выраженной к пославшим его.⁸⁹⁹

Василий в ответе своем предупреждает западных против Евстафия Севастийского, которого они приняли в общение с прочими депутатами собора Лампсакского, против

Аполлинария, противоарианское рвение которого могло ввести в заблуждение в странах отдаленных; против Павлина Антиохийского, принимавшего к беспрепятственному общению последователей Маркела Анкирского. Василий считал Маркела настоящим еретиком. Относительно Павлина говорил Василий западным тем откровеннее, что Они считали его законным епископом. Они до того мало знали о Мелетии Антиохийском, что считали его арианом, равно как и уважаемого Евсевия Самосатского, достойного друга Василия.

Очень вероятно, что письмо Василия не понравилось западным, особенно за сказанное им против Маркела Анкирского и Павлина. Достоверно только, что Запад почти ровно ничего не сделал для улучшения положения православных на Востоке.⁹⁰⁰ Василий обвиняет в том более всего Дамаса, епископа Римского. Он писал Петру Александрийскому, находившемуся тогда в Риме, что поведение западных относительно восточных тягостнее для них, чем гонения арианские.⁹⁰¹ Дорофей, посланный от Василия, присутствовал при одном из совещаний Петра Александрийского с Дамасом и последний, не стыдясь, причислял к арианам Мелетия Антиохийского, Евсевия Самосатского, двух искренних друзей епископа Кессарийского, изгнанных арианами за ревность свою к здоровому вероучению.⁹⁰²

В одном из писем своих в Евсевию Самосатскому он выражается так:⁹⁰³ «Относительно же дел западных, рассказанное нам братом нашим Дорофеем объясняет вам, какие письма следует вам вручать ему, если он снова туда отправится, потому что, быть может, присоединится он к доброму Санкτισсиму, странствующему по Востоку и собирающему письма и подписи. Он не знает, что писать и какие подавать советы. Если найдете кого прислать к нам, то сообщите мне ваше мнение, если это вас не затруднит. Мне вспомнились слова Дюмеда: *сожалею, что просили его, потому что он человек горделивый!*

Действительно горделивые, когда их о чем-либо просят, становятся еще более дерзкими. Если Господь смилуется к нам,

то какой другой помощи еще нужно? Если же гнев Божий будет продолжать карать нас, то какое пособие может оказать нам почетное западное первенство?» Василий обозначал так епископа Римского, продолжая не одобрять Дамаса и его окружающих:

«Они не знают правды и не хотят её знать, а только подчиняются ложным подозрениям, поступают как поступали в деле Маркела Анкирского, когда, оспаривая говоривших им истину и оказывая поддержку ереси, я намеревался писать предводителю их, в общих выражениях, не входя в подробности о делах церковных, что они не знают того, что у нас происходит и даже не стараются знать, что не следует оскорблять гонимых, не считать достоинством гордость, она есть грех смертный, и сама по себе способна соделать нас ненавистными Богу».

Остальная часть письма Василия утрачена; о чем следует сожалеть, потому что святитель вероятно сообщал в нем какие-либо сведения о духовенстве римском и епископе его Дамасе; но сказанного им уже достаточно, чтобы доказать, что он мало уважал их, и что они к православным Востока оказывали более гордости, нежели любви.

Прочитав это письмо святого Василия, по справедливости станем удивляться, каким образом приверженцы папства считают его среди авторитетов, благоприятствовавших их системе. Епископ Римский, по мнению его, был первым епископом Запада, но был горделивым и потворником ереси. Вот мнение великого Василия Кессарийского о Дамасе. Выше приведенное дает право сказать, что если Дамас имел некоторые достоинства, то отличался более приемами тщеславными и светскими, нежели духом смиренномудрия. Творения его, состоящие из нескольких легких стихотворений, правда религиозных, дают право сказать, что он был более епископом матрон римских, нежели людей серьезных. Порицают его нравственность. Можно допустить, что обвинители его мало заслуживают доверия, хотя за столь отдаленное время трудно проверить суждение сановников о лице важном, которые по необходимости ему благоприятствовали. Но допуская даже, что

он был чист в нравственном отношении, все-таки он слишком любил свет и был очень горделив.⁹⁰⁴

Около этого времени, Амвросий, избранный в епископы Миланские, вместо знаменитого арианина Авксентия, писал святому Василию, прося у него мощей одного из своих наилучших предшественников – святого Дионисия, умершего в ссылке за веру в Кессарии.

Василий конечно узнал от отправленных на Восток Дорофея и Санктиссима, что Амвросий был великим и святым епископом, полным рвения к православию, а потому писал ему,⁹⁰⁵ приглашая пребывать на том же пути, и послал ему мощи святого Дионисия, пример которого мог только утвердить его намерение защищать православие.

Амвросий, только что избранный епископом Милана, был сын префекта Галлии по имени то же Амвросия.⁹⁰⁶ По происхождению Римлянин, он родился в Трире, тогдашнем местопребывании префекта Галлия. У него была сестра Марцеллина, соблюдавшая девство и весьма уважаемая среди матрон римских; брат его Сатир также отличался благочестием. Амвросий, по смерти отца своего, еще юным жил в Риме с матерью своей и сестрой. Там обучался он наукам и словесности, а также приобрел знание греческого языка, на котором говорили в Риме столько же, как и на латинском. С особенным вниманием читал он творения святого Василия и Дидима Александрийского и из них то почерпнул он православные убеждения о вопросах, занимавших в его время Церковь. Преимущественно посвятив себя красноречию, он занялся адвокатурой. Впоследствии назначен был правителем Лигурии и Эмилии, столицей которых был Милан. Город этот в то время имел большое значение и считался главным в Италии. Рим же был главным городом провинции подгородной, то есть южной Италии и некоторых островов Средиземного моря. Вот почему епископ Миланский был независим от Римского. Императоры западные обыкновенно жили в Милане, предпочитая этот город Риму, где сенат постоянно стремился приобрести влияние, стесняющее императоров.

Едва Амвросий назначен был правителем провинции, как Авксентий умер (374). Епископы провинций очень затруднялись избранием ему преемника и обратились к Валентиниану, прося указать того, кого он предпочитает. Поступок этот очень странен. Конечно, епископам известны были православные убеждения Валентиниана и они надеялись, что он укажет на достойного. Так как император, с одной стороны, был приверженцем Авксентия и ненавидел споры церковные, то им не хотелось оскорбить его назначением в резиденцию императорскую епископа, ему неугодного. Валентиниан отвечал им, как император истинно православный. Он отказался принять на себя ответственность за выбор, а просил только епископов отыскать достойнейшего.⁹⁰⁷ Тогда епископы, согласно канонам, обратились к народу, указать им для рукоположения того, которого найдет он более достойным по добродетелям своим и способностям. Но народ Миланский разделялся тогда на две враждующие партии,⁹⁰⁸ на православных и на ариан. Был готов возникнуть мятеж, когда Амвросий, по званию своему правителя, прибыл в собрание и начал говорить весьма примирительно, убеждая каждого, оставив дух партий, спокойно избирать достойнейшего. Едва окончил он речь, как все собрание встало и единогласно стало просить в епископы самого Амвросия. Он отказывался, замечая, что он только еще оглашенный и даже старался возбудить о себе не выгодное мнение. Не успев обмануть народа, который мог его оценить, он два раза скрывался, но его выдали, схватили и привели в Церковь, где он был окрещен и рукоположен в епископа. Возведенный в это звание, он немедленно пожелал выполнять обязанности свои, сколь возможно совершеннее. Продал все имения свои, роздал цену их неимущим: предался учению, вполне посвятив себя обязанностям своего служения с ревностью, которая никогда его не оставляла.

Арианство встретило в новом епископе решительного противника и вскоре ересь эта исчезла в провинции, где влиянием Авксентия приобрела многих сторонников.

Валентиниан умер вскоре после избрания Амвросия, но сыновья его Грациан и Валентиниан ему преемствовавшие,

наследовали его православие и содействовали Амвросию в борьбе его с арианством. Святитель Миланский принял сторону Дамаса, с которым находился в сношениях бывши в Риме, и по письмам его по этому случаю, должно полагать, что он присоединился к мнению собора Римского (376), защищавшему Дамаса против обвинений в прелюбодеянии, совершенном им в то время, когда он был еще диаконом Либерия. От собора написано было обоим императорам, Грициану и Валентиниану, послание, где объяснялось все по этому делу.⁹⁰⁹

Грациан, немедленно по возведению своем в императоры, принял сторону Дамаса против совместника его Урсины. Епископы, собранные в Риме, благодарят его за то, в своем послании, прося строго поступить с Урсином и его приверженцами, а равно с новоцианами, которые только что избрали себе нового епископа, Клавдиана, и прислали его в Рим. Грациан уже повелел Клавдиану снова возвратиться в Африку, но он успел избежать декрета об изгнании своем из Рима.

Дамас получил от Грациана декрет, утверждавший его судьей прочих епископов, тогда как сам он не мог быть судим ими. Но, не взирая на этот декрет, один из обращенных евреев, именем Исаак, написавший в Риме несколько богословских сочинений, обвинял Дамаса в прелюбодеянии, так что он принужден был подвергнуть поведение свое соборному разбирательству. Обвинитель его был осужден собором, а Грациан сослал его в Испанию. Чтобы покончить с расколами в Риме, к которым присоединялись некоторые из епископов италийских, собор просил Грациана даровать епископу Римскому право требовать к суду своему этих епископов и осуждать их в том случае, если они откажутся явиться и подчиниться суду первой инстанции – митрополита.

История Церкви не представляла еще до сего времени примера столь прямой апелляции к светской власти.

Следует обратить внимание на следующие слова в послании собора Римского: «Не следует, чтобы брат наш Дамас находился в худшем положении, нежели те, над которыми он возвышен преимуществами своего престола апостольского,

хотя он и равен с ними по служению. Если вы сами нашли его невиновным, то не следует его подвергать суждениям, от которых вы освободили епископов. Если же он согласился подчиниться суду епископов, то это не должно считать поводом к клевете на него».

Епископы собора, допуская высшее достоинство епископа Римского, престол которого был единственным престолом апостольским на Западе, признавали однако, что по служению епископскому он был равен с прочими. В то же время следует заметить, что они приписывали Грациану некоторые преимущества, которые папы впоследствии стали присваивать самим себе, как принадлежность престола их *по праву божественному*.

Декреты Грациана следует считать в сущности начатками преимуществ, какие приписываются престолу Римскому. Преемники Грациана, в империи Западной следовали его примеру и старались обратить Рим для всех епископов западных в средоточие, от которого бы они получали общее направление. Такое средоточие было императорам необходимо в то время, когда империи Западной со всех сторон угрожали воинственные народы, готовые в нее вторгнуться. Епископы, имевшие большое влияние на эти народы, могли служить для империи важным пособием; но для того им необходимо было общее побуждение. Епископ престола апостольского на Западе мог этому содействовать, а, с другой стороны, императоры могли легко влиять на епископа Римского, руководить его образом действия, — относительно епископства западного.

Вот причина преимуществ, дарованных епископам Римским императорами и прочими властителями Запада, начиная с Грациана, преимуществам, послужившим основаниями власти папской.

Грациан написал Аквилину, наместнику императорскому в Риме, рескрипт, препоручая ему выполнить все, о чем просил собор римский. За год перед тем, Грациан обнародовал строгие декреты против донатистов и перекрещиванцев африканских.⁹¹⁰

Валент, император Востока, в это время умер (376), Грациан сделался императором восточным и западным. Он

немедленно издал декрет о возвращении православных, сосланных Валентом, об изгнании из церквей ариан и запретил собрание манихеев, фотиниан и евномиан, то есть ариан, заблуждавшихся о Святом Духе.⁹¹¹

Грациан, во время смерти Валента, находился в Сирмиуме, на походе для вспомоществования императору восточному, на которого Готы сделали нападение. Народ этот восторжествовал над Валентом в Адрианополе, угрожая империи. Грациан понял невозможность одновременно защищать Восток и Запад от многочисленных полчищ, им угрожавших, а потому вызвал из Испании Феодосия, сделал его соправителем империи и препоручил ему Восток.

Феодосий был уже знаменит своим мужеством и достоинствами; он вполне заслуживал отличия, которым удостоивал его Грациан, доказав своим поведением, что невозможно было сделать лучшего выбора. Декрет Грациана в пользу православных и назначение Феодосия императором обрадовали весь христианский Восток надеждой лучших дней. Святитель Кессарии, первый тому порадовался; сохранилось письмо его,⁹¹² которым он умоляет Феодосия обратить внимание на провинцию его, потерпевшую от ужасных наводнений. Василий мог видеть только начало торжества православия, потому что умер вскоре после Валента.

Смерть Василия оплакивал весь Восток.⁹¹³ В последние дни жизни Василия целый город окружал его, пораженный глубокой скорбью о скорой утрате. Всем хотелось бы удержать душу, стремившуюся присоединиться к ликам ангельским, ее ожидавшим. Василий спокойно ожидал смерти, как истинный философ христианский. Чувствуя же её приближение, он произнес последние слова: «Господи, в руке Твои предаю дух мой» и скончался. Немедленно весь город огласился плачем и рыданиями. Василий хотя происходил из богатого семейства, но не оставил решительно ничего, даже для устройства гробницы; но, не взирая на то, ему устроено было погребение великолепнее императорского; несли его руки святых, сопровождала толпа несметная, одним хотелось достать хотя конец одежды его, другим только прикоснуться к мощам, видеть

их, осениться их тенью; площади и улицы загромождены были народом, рыдания заглушали пение псалмов. Язычники и евреи соревновали с христианами в почестях, воздаваемых святителю, добродетели которого были столь искренни, столь возвышенны, что вынуждали уважение даже врагов Церкви и Христианства. Несшие его, после неимоверных усилий пробраться сквозь толпу, наконец положили его в гробницу Отцов, то есть епископов – его предшественников, между которыми считалось несколько мучеников. Василий был их достоин, потому что был истинным мучеником истины и добродетели.

Григорий Нисский, брат Василия, присутствовал при его погребении, а Григорий Богослов лежал больным в Селевкии, когда узнал о смерти друга своего. Не могу утешиться в этой утрате, писал он Григорию Нисскому, иначе как мыслью, что Василий оживет в тебе. Со времени смерти друга своего, ему казалось, что сам он живет только половиной жизнью; впрочем он жил постоянно с ним, непрестанно видя его возле себя останавливающим его или поучающим, как в то время пока был еще на земле. Полному же излиянию чувств своих он дал свободу в похвальном слове, произнесенном в Кессарии, в одну из первых годовщин смерти друга своего.

Предпринимаю, говорит он, дело трудное, желая восхвалить этого великого мужа; но надеюсь, что Василий, привыкший в течение жизни своей, исправлять творения друга своего, окажется, как и всегда, к нему снисходительным и благосклонным.⁹¹⁴

Если бы желал я, добавляет он,⁹¹⁵ обратить внимание на мирское, то восхвалил бы его знаменитый род и перечислил бы героев, бывших его предками. В Поте, родине отца его, и в Каппадокии, родине его матери, хорошо известно, что от обоих родов произошли военачальники, государи, мужи отличившиеся своим влиянием, богатствами, почестями, своим возвышенным положением и красноречием. Особенно же благочестие было наследственным в этих семействах, из которых явились мужественные подвижники во время ужаснейшего гонения

Максиминова. Отец и мать Василия оказались достойными наследниками их и образцами всех добродетелей.

Первым наставником Василия был отец его.⁹¹⁶ Затем он учился в Кессарии, в Византии, в Афинах. Последний город напоминает Григорию искреннюю дружбу, там начавшуюся и навсегда связавшую его с Василием. Он знал его прежде, но в Афинах оба поняли друг друга и соединились дружбой, продолжавшейся с одинаковой искренностью в течение всей их жизни. Как, восклицает Григорий, могу я, не проливая слез, вспомнить наше пребывание в Афинах! и он описывает жизнь их, посвященную учению и благочестию.⁹¹⁷ Оба друга не могли однако вскоре осуществить своего намерения – проводить жизнь христианских философов. Василий предпринимал несколько путешествий; а меня, говорит Григорий,⁹¹⁸ любовь к родителям и необходимые попечения о старости их удерживали вдали от моего друга. Уже было сказано, почему они сходились и расставались несколько раз.

Прежде чем говорить об епископстве своего друга, Григорий порицает худых епископов. Не соблюдается, говорит он⁹¹⁹ для епископства правил, столь благоразумно установленных при управлении кораблем или войском, где наблюдается постепенность должностей. От того-то случается, что сан, самый священный, иногда осмеивают. Не добродетель, а скорее преступление отверзает двери священству и на престолы восходят не всегда самые достойные и самые способные. Врач приобретает звание свое изучением болезней, тогда как в епископы производят иногда людей ничего не знающих; внезапно является он на престоле, подобно тому как волшебное произведение выходит из головы поэта. В один день мы производим в святые, повелевая быть учеными и мудрыми людям, никогда ничему не учившимся и которые не имеют на епископство никаких прав, кроме собственного своего желания. Такой-то епископ скромного престола и достойный занять более знаменитый остается навсегда скромным, прилежно изучая священные Писания. Другой же, напротив того, недостойным образом занимая знаменитый престол, является высокомерным и гордым, свысока смотрит на тех, которые достойнее его, и

считает себя глубокомысленным по учению, тогда как проповедует только ересь.

Не таковым был, добавляет Григорий,⁹²⁰ великий и знаменитый Василий, который во всем, относящемся до его звания, равно как и по прочим достоинствам для всех служил примером. Особенно явил он величие свое во время гонения, противоборствуя императору, столько же любившему золото, сколько ненавидевшему Иисуса Христа, императору, который не бывши богоотступником, подобно Юлиану, был христианином не лучше его, и вступил с Церковью в брань, в которой содействовали ему дурные епископы.

Василий противопоставил гонению твердость душевную, благоразумие и мудрость изумительные.⁹²¹ Он поспешает всем на помощь, подает благие советы, устраивает свое войско, прекращает соблазны и взаимные неудовольствия, которые могли только поддерживать противоборство; одних он поддерживает, других же порицает или изгоняет. Для одних служит он оградой, защитой, для других острой секирой, способной даже рубить камень; это был, согласно выражению Писания – огонь в хворосте, снедающий врагов Божиих.

Среди доказательств его преданности к Церкви следует заметить свободу, с которой говорил он с сильными⁹²² в защиту слабых и угнетенных, любовь, которую оказывал бедным, подавая им милостыню духовную и раздавая значительные пособия; его попечительность о девах и монашествующих, которым давал правила изустно и письменно; попечение его о составлении молитв, устройстве должностей церковных, он занимался всем, что только может внушить любовь к Богу, ревность к богослужению и духовное благо народа.

Григорий приводит трогательные подробности об избрании Василия в епископы и его рукоположение. «Дух Святой,⁹²³ говорит он внушил людям знаменитым по своему благочестию и ревности прибыть из стран отдаленных для совершения над ним помазания; среди их находился новый Авраам, патриарх наш, мой отец, с которым произошло действительно необычайное. Хотя он обременен был старостью и был больным, так что полагали его при смерти, но он не

поколебался отправиться в путь для содействия избранию Василия подачей своего голоса; Дух Святой содействовал ему и исцелил его. На колесницу возложили его как мертвеца, которого кладут во гроб, а возвратился он помолодев, сильным и здоровым с блиставшим взором. Возложение рук и помазание столь святой главы возвратило ему силы».

Василий был убежден, что чем возвышеннее занимаемое место, тем следует быть добродетельнее, без чего всегда останешься ниже своего сана.⁹²⁴ Добродетель его не возросла после рукоположения, но проявилась блистательнее, чему все изумились.

В виду бедствий, обременявших Церковь,⁹²⁵ он решил, что епископ обязан не безмолвствовать, а поспешать на помощь находящимся в опасности. К писаниям своим об истинном вероучении присоединял он деятельность, противоборствуя еретикам и их системам, красноречием своим поражая, как острыми стрелами, всех, кто только пытался защищать заблуждения, и излагая для всей вселенной законы истины. Он ратовал за народы и за города, равно как и за частных лиц; порицая, разбирая, ревностно преследуя тех или других, и прилагая к каждому то врачевание, которого требовала его немощь.

Василий не устранился, когда Валент, враг Божий и гонитель веры, прибыл в Каппадокию.⁹²⁶ Этот еретик повсюду оставлял следы своих насилий. Добрые заточались, ссылались, окружались кознями, явными или скрытными. Он умел прибегать к лести, когда полагал, что тем можно достигнуть цели, но становился жестоким, когда не удавалось соблазнить словами. Исповедавшие веру православную изгонялись из церквей, которые отдавались еретикам; священников сжигали в открытом море; нечестивые военачальники, вместо того чтобы сражаться с Персами, Скифами и прочими врагами империй, вели брань с церквами, плясали на алтарях, оскверняли кровью своих жертв человеческих жертву бескровную⁹²⁷ и ругались над стыдливостью девственниц.

Валент, пройдя города провинции, направился против Церкви митрополии, чтобы подчинить ее и погасить это

блистающее средоточие, которое одно только еще светило,⁹²⁸ но стрела, направленная им против епископа, встретила препятствие, о которое сокрушилась. Валент прибегал против Василия ко всем влияниям, ко всем средствам, но все было тщетно. Валент не решился сам сделать нападение на Василия, а препоручил префекту начать борьбу. Префект призвал его и сказал:

– Скажи мне, почему осмеливаешься ты противоборствовать столь великому императору и вести себя дерзко, а не так как прочие?

– Что хочешь ты сказать тем, отвечал Василий, о какой дерзости говоришь ты? Я тебя не понимаю.

– Я хочу сказать, что ты не хочешь быть одной веры с императором, тогда как все прочие подчинились и были побеждены.

– Владыко мой мне того не дозволяет; я не унижаюсь до поклонения сотворенному, потому что я сам творение Божие, и мне повелено приближаться в совершенстве к Богу.

– А нас, за кого же ты нас принимаешь? разве мы ничто, мы, имеющие власть повелевать? Как разве ты не находишь, что высоко и почетно быть за одно с нами, иметь нас сотоварищами?

– Вы, префекты, люди очень знаменитые, это несомненно, однако вы не более Бога. Конечно, я сочту для себя большой почестью иметь вас сотоварищами (почему бы нет? потому что вы также творение Божие), но честь эта не почетнее сообщества других, подчиняющихся нам; потому что не звание, а вера образует христианина.

– Как ты не страшишься власти, которой я облечен?

– Зачем же страшиться? что можешь ты? что придется мне претерпеть?

– Что ты можешь претерпеть? Я могу возложить на тебя множество наказаний; но назову только одно.

– Какое? объясни.

– Конфискацию твоих имений, ссылку, пытки, смерть.

– Назови что-либо другое, если хочешь устрашить меня. Из всех угроз твоих ни одна меня не пугает. Не имеющий ничего не

страшится конфискации имений; разве тебе нужны эти старый изодранные одежды и несколько книг, составляющих все мое достояние. Я не признаю ссылки, потому что не считаю себя связанным никакой местностью; не считаю своей ту землю, на которой теперь живу, и буду считать своей всякую другую, на какую меня бросят; точнее сказать – вся земля Божия, а я на ней странник и пришелец; что сделают мне мучения? с первого же удара тело мое ослабнет, а власть твоя только над ним. Смерть будет для меня благодеянием, потому что она скорее воззовет меня к Богу, для Которого живу и Которому служу; большей частью я уже умер и буду счастлив, если скорее отойду к Нему.

– Никто, до этой поры, не говорил со мной столь свободно.

– Это потому, конечно, что ты не встречал еще епископа; потому что если бы ты вызвал его на такую же борьбу, он отвечал бы тебе подобным же образом. Знай же префект, что во всем мы кротки и миролюбивы, последние из всех, как то нам предписывается законом. Не только мы смиренны перед великим императором, но даже перед всякими из простого народа, самого низкого звания. Но коль скоро подвергают опасности дело Божие, мы видим только Его Одного, а всё остальное считаем за ничто. Огонь, меч, дикие звери, железные когти, далеко не устрашая нас – радуют. А потому прекрати оскорбления твои и угрозы, делай что хочешь, наслаждайся своей властью. Пусть император это слышит: нас ты не преодолеешь; не вынудишь соглашения нашего на учение нечестивое, даже самыми страшными угрозами».

Префект⁹²⁹ не мог заглушить в себе чувство уважения к такому мужу, он отпустил его свободным и увидав Валента сказал ему: «Император, мы побеждены епископом этой Церкви, он превыше всех угроз, сильнее всех речей, бесчувствен ко всякой лести. Следует обратиться к более трусливым. Что же касается до этого, то против него необходимы открытые насилия, а нечего ожидать, чтобы он уступил угрозам».

Валент также не мог не удивляться великому епископу и запретил делать ему какие бы-то ни было насилия. Он пошел в

церковь на праздник Богоявления и стал между верующими, как будто желая вместе с ними причастаться.⁹³⁰ Когда же услышал пение псалмов, увидел множество народа, духовенство, наполняющее и окружающее святилище, составляя как будто сонм более ангельский, нежели человеческий, когда увидел самого Василия, прямо стоящего перед народом, по-видимому не замечая даже его входа в церковь и казавшегося как бы опирающимся на веру в Бога и на алтарь Его, когда увидал он всех окружавших его проникнутыми почтительным страхом, тогда у Валента как бы закружилась голова, потому что никогда не видал он ничего подобного. Когда же хотел приблизиться к жертвеннику и положить хлеб, который месил сам, никто не взял оный из рук его, не зная, захочет ли Василий его принять. Тут Валент почувствовал такую скорбь, что ноги начали дрожать и он упал бы, если бы один из духовных, находящийся близ святилища, не поддержал его.

Подробности эти, приводимые святым Григорием, дают понятие о торжественности, с какой отправлялось богослужение Церкви в IV столетии. Святой вития сообщает еще другой факт о равно любопытных подробностях святилища в церквах. Однажды, говорит он, император снова пришел, неизвестно зачем, в церковь и проникнул за занавеску;⁹³¹ он разговаривал с Василием, причем присутствовали некоторые из духовных, в то же время вошедшие в святилище. Григорий сам был при этом. Василий обратился к Валенту со словами истинно божественными, которые так поразили императора, что с того времени он начал обращаться снисходительнее с православными.

Святой Григорий рассказывает еще другие события из жизни Василия, затем восхваляет его добродетели: кротость его, воздержание, девственное целомудрие, любовь его и смиренномудрие; после того он рассматривает его как писателя, похвалая красноречие его и глубокую гениальность, обрисовывает характер главных его творений, сравнивая его с великими мужами Ветхого Завета и с Апостолами.

К Василию⁹³² питали столько благоговения, что верующие старались подражать ему во всем, даже во внешнем: – его

привычкам, его бледности, его бороде, его походке и его речам. Неуспевающие хорошо подражать ему – огорчались. Старались подражать ему в одежде, в его привычках, как он ложился спать, или как ел за столом, а находившиеся с ним в близких отношениях старались запомнить некоторые его изречения и тем гордились. Святой Григорий оканчивает похвальное слово ему изображением погребения святителя. Затем, обращаясь к Василию, просит друга своего за него молиться и исходатайствовать для него, некогда вместе с ним, прославлять Святую Троицу. Призывание святых всегда соблюдалось в Церкви.

Святой Григорий Богослов

До смерти Василия, Григорий оставил Назианз. Он согласился управлять этой Церковью после кончины отца своего, но с условием, чтобы епископы провинции и верующие избрали бы другого епископа, а ему предоставили бы свободу жить в уединении.⁹³³ Неоднократно требовал он избрания другого, но епископы не обращали внимания на просьбы его, а друзья его считали себя счастливыми, что он у них долее остается. Однако немощи, по уверению его, делали его неспособным выполнять обязанности епископа. Видя, что на просьбы его не обращают внимания, Григорий оставил Назианз, епископом которого он действительно не был и удалился в Селевкию, полагая, что удалением своим принудит верующих Назианза избрать себе епископа. Они однако к тому не приступали, и с 375 года до возвращения святителя из Константинополя, шесть лет спустя, Церковь Назианзинская все оставалась без епископа, вероятно надеясь, что Григорий к ним возвратится.

Святитель удалился в Селевкию, чтобы насладиться там уединением, о котором всегда вздыхал, но не должен был никогда им воспользоваться. Едва прибыл он в этот город, как обременен был делами, а также не избежал гонений, как то видно из переписи его с Григорием Нисским. Этот достоуважаемый брат великого Василия хотя не имел гениальности своего брата, но был одним из самых великих епископов Востока. Переписка его с Григорием Богословом служит доказательством, что последний питал к нему искреннюю дружбу и глубокое уважение. Вскоре изложены будут жизнь и творения Григория Нисского, принадлежащего скорее ко времени следующему за вторым Вселенским Собором.

Григорий Богослов утешался в гонениях, переписываясь с уважаемыми друзьями своими на Востоке; но они требовали, чтобы дарования его и ученость не оставались похороненными в пустыне. Полагая, что он обязан жертвовать собой для Церкви и для здравого вероучения, они принудили его прибыть в

Константинополь, противоборствовать арианам, учредившим себе там, как бы, главную квартиру. При начале арианства Константинополь предохранен был от этой ереси своим великим святителем Александром; преемствовавший ему Павел также противоборствовал ереси и её покровителям с ревностью, достойной Афанасия. Несколько раз сосланный и преследуемый всеми способами, наконец он умерщвлен был еретиками. Македоний был возведен на престол Константинопольский; нами изложено было посредством каких насилий он мог на нем удержаться; епископ этот, показывая вид, будто не занимается спорами арианскими относительно Сына, присоединился к системам Евномия против Духа Святого. По высокому положению своему, он считался главой евномиян, которых часто называли македонийцами.

За жестокость низложили его в 360 (году), но ариане назначили ему преемником Евдоксия, достойного ученика Акакия Кессарии Палестинской. Православные же, имея во главе своей пресвитера Евстафия, избрали епископом Евагрия. Взбешенные этим избранием, ариане предались неслыханным неистовствам. Валент, желая положить тому конец, преследовал кафоликов и заместил Евдоксия неким Демофилом.

Ариане торжествовали. Святая София, главная церковь в городе, могла считаться, говорит Григорий Богослов,⁹³⁴ как бы, цитаделью демона, там он укрепился и поместил своих воинов. Там то собиралось воинство лжи, защитники заблуждений, столпы ада, легионы нечистых духов и фурий, потому что по справедливости можно было так назвать арианских женщин, защищавших секту свою с неистовством, достойным Иезавели.

В собраниях этих православные подвергались бесчестиям, оскорблениям и угрозам; вскоре угрозы эти стали приводить в исполнение: православным делали всякие насилия, отбирали у них имения, ссылали их; Церкви их оскверняли избиением епископов, священников, особенно чтимых между верующими.

Паства православная ежедневно уменьшалась в Константинополе, а ересь торжествовала. Верующие

принуждены были скрываться, где только могли, как овцы, лишенные пастыря и преследуемые дикими зверями.

Все православные епископы оплакивали это горестное положение Церкви в императорском городе Востока, упрашивали Григория Богослова поспешить туда на помощь. Получив сан епископа, он не мог водвориться в Сасиме, а управлял Церковью Назганзинской только вместо отца своего, в ожидании избрания другого епископа. Удалением его в Селевкию, дарования, полученные им от Бога, утрачивались для Церкви, между тем как в Константинополе ученостью и дарованием своим он мог достигнуть значительного успеха, а как епископ – придать полемике своей против ариан высокое значение. Валент, побежденный Василием, оказывал уже менее расположения к арианам, а Грациан, император Запада, принимал сторону православных более решительным образом, чем отец его Валентиниан.

Григорий сначала не соглашался ни на какие убеждения оставить свое уединение в Селевкии, но наконец решился отправиться в Константинополь, предпочитая лучше умереть в трудах для Церкви, нежели слышать постоянные упреки друзей своих. Великие из святителей Востока, а в числе их Петр Александрийский, благословляли его за такую решимость. Григорий отправился, но, как сам говорит, город императорский должен был изумиться, увидев нового ратоборца, знаменитого добродетелями своими и дарованиями во всей вселенной. Действительно это был человек небольшого роста, согбенный от старости и немощей; у него была лысая голова, всегда наклоненная; лицо его было не красиво, изсохшее от лишений и как бы изрытое потоками слез. Родившись в хижине и оставаясь постоянно в деревне, имел он голос грубый, как бы мужицкий; он был бедно одет и, как говорит сам, столько же имел денег, как и крыльев.

Таковым-то был муж, направлявшийся в Константинополь защищать там здоровое вероучение против еретиков, которые все собрались там, пользуясь большими богатствами и огромным влиянием.

Когда Григорий прибыл в Константинополь, Валент умирал (379), а Грациан препоручал Восток Феодосию.

Кафолики ободрились и собрались вокруг Григория. Он остановился в доме, предоставленном ему благочестивыми родственниками, который обращен был в церковь, названную *Анастасия*, то есть Воскресение, в воспоминание новой жизни, начинавшейся для кафоликов. Сначала верующие собирались там тайно. *Анастасия* эта, говорит Григорий, воскресившая, так сказать, слово истины, прежде пренебрегаемое, была местом нашего общего торжества, новым Силомом, где ковчег, после сороколетнего странствования по пустыне, обрел, наконец, постоянное и надежное убежище. Это новый Вифлеем, где *возродилась вера*; Ноев ковчег, избавивший от потопа ереси тех, которые должны были породить новый народ православных.

Небольшая церковь эта сделалась впоследствии одной из самых великолепных и более уважаемых в Константинополе.

Григорий прибыл в этот город не для того, чтобы сделаться там епископом, но для защиты веры и для руководства верующих, при избрании первого пастыря, когда обстоятельства это дозволит. Первым попечением его было отвратить верующих от религиозных диспутов, введенных еретиками в обычай, и которые непрестанно раздавались даже на площадях, среди праздников и пиршеств; даже женщины принимали в них живейшее участие и девы не могли удержаться, чтобы также не рассуждать о таинствах. Из прений этих составлено было как бы искусство или ремесло; каждый старался показать свое искусство и превзойти прочих.

Святой Григорий заставил, верующих понять, что подобного рода рассуждения не для всех приличны, что их не следует начинать во всяком месте, во всякое время и перед всякими лицами. Но, чтобы не могли сомневаться в его намерениях, он изложил верующим православное вероучение, отвечая на все возражения еретиков в превосходных Словах о Богословии, о которых еще прежде было говорено.

Слова эти назначались не для одних только верующих, которые их слушали; еретики также прочли эти слова и многие поражены были блистательным их красноречием и логикой, а в

особенности любовью великого оратора к личностям, не взирая на непреодолимое опровержение их заблуждений.

Многие из еретиков были добросовестны, и очень набожны, заблуждаясь только по необразованности. Они пожелали слышать великого подвижника православия и присоединились к здравому вероучению. Другие ходили слушать Григория из любопытства, а некоторые только для того, чтобы его опровергать. Вскоре слушатели его, как говорит сам Григорий, составили из себя как бы волнующееся море, проявляя самые противоположные убеждения.

Григорий к своему учению присоединял, пример строгих добродетелей. Он соблюдал монашеское воздержание, удаляясь от всяких удовольствий. Почти всегда оставаясь дома, он постоянно казался печальным и даже был доволен, что его не находили любезным в обществе. Его упрекали за слишком скромный стол, за простую одежду и обращение, лишенное всякого величия. Этими упреками нисколько не смущался Григорий и не стеснялся порицать епископов, воображавших, что они возвысятся своим чванством, пышностью своих одежд и лакомым столом. Сам он предпочитал жить философом христианским, любил проводить ночи в молитвах и пениях псалмов с некоторыми из благочестивых.

Среди Константинополя проводил он жизнь отшельника Фиваиды, выполняя все обязанности истинного пастыря.

Фанатические еретики ему не прощали нападок его и успехов. Они возмутили против него чернь, которая иногда преследовала святителя, кидая в него камнями. Этими камнями они платили мне, говорит Григорий, за здоровое вероучение, мною им принесенное, напрасно только они не метали их ловчее и поражали меня в местах, где удары не смертельны. Накануне Пасхи еретики устремились на храм Анастасии, в то время, когда совершалось там таинство, и совершали неистовства и гнуснейшие нечестия. Григория схватили и отвели к префекту. Но неповинность его была до того ясна, что он вышел из судилища со славою, не потерпев никакого оскорбления.

Вскоре однако, с возведением Феодосия в императоры, гонения были прекращены. Григорий уже прожил год в Константинополе, когда Феодосий, крещенный епископом Фессалоникийским, издал знаменитый эдикт, которым повелевалось преследовать и осуждать как еретиков всех, не следующих вероучению, преподаваемому Дамасом Римским и Петром Александрийским. Декрет этот, присланный преимущественно в Константинополь, заставил присоединиться к Церкви православной всех честолюбцев, не имевших другой веры, кроме той, какую они находили для себя более выгодно исповедовать по внешности.

Обстоятельства вынудили Григория быть снисходительным. Почти все епископы оказали слабость, войдя в общение с другими подозрительными епископами, или подписывая декреты, от которых принуждены были отрекаться. Нечего удивляться, что такое множество мирян было увлечено в ересь. Как можно было различить искренних от тех, которые исповедовали то или другое учение только по честолюбию или из-за других каких выгод?

Однако Григорий, оказывая снисхождение к заблуждавшимся, был строг к дурным епископам, заместившим законных епископов при Констанции и Валенте, не оказывавшим никаких достоинств епископских, проводя жизнь свою в роскоши и сластолюбии. Мы возвратимся к порицаниям Григория, сопоставляя их с теми, которые высказывали Иероним и Иоанн Златоуст, когда указано будет на внутренние недостатки, удручавшие Церковь при конце четвертого и в начале пятого столетия.

Григорий, в продолжении трудов своих по восстановлению православной Церкви в Константинополе, вдался в обман философу секты циников по имени Максиму, который хотя был христианином, но старался выказываться последователем Диогена, нося белую одежду и сектаторскую палку. Он был очень нагл и чрезвычайно безнравствен, однако до того лицемерен и столь ловко притворялся в Константинополе, что Григорий допустил его в число своих приближенных и даже похвалял его при церковных собраниях.

Максим прибыл в Константинополь с единственным намерением обмануть верующих и достигнуть избрания себя в епископы. Происки свои начал он с некоторыми из епископов египетских, и Петр Александрийский, столько восхвалявший святого Григория, принял участие в заговоре, выразившись на этот раз против него. Епископы египетские прибыли в Константинополь и, воспользовавшись болезнью Григория, тайно ночью заняли церковь и там в присутствии нескольких моряков с корабля, на котором приплыли, рукоположили Максима епископом Константинопольским.

Торжество это не было еще окончено, когда пресвитеры Григория вошли в церковь. Весь город вскоре узнал о том, и все поспешили в храм Анастасии; верующие очень огорчились, а еретики и люди равнодушные смеялись над наружностью Максима, у которого были рыжие, длинно отпущенные волосы, с намерением еще более походить на настоящего циника.

Епископы египетские, которым помешали в их рукоположении, отправились оканчивать его в дом одного музыканта-флейтиста, в присутствии нескольких людей, имевших плохую репутацию. Наконец они остригли известные волосы Максима и сам Григорий, издеваясь над ним по этому случаю, говорил ему, что после такой беды нечего более делать, как повеситься.

Григорий всего более опечалился тем, что один из пресвитеров и несколько верующих присоединились к лже-епископу Максиму; но число их было весьма незначительно; а все православные до того оскорбились поведением их и епископов египетских, что хотели принудить Григория немедленно принять звание епископа Константинопольского, похищенное Максимом. Григорий употребил все красноречие свое, чтобы убедить народ не принуждать его к этому званию; хотел даже бежать, но верующие упростили его остаться, обещая не принуждать его к принятию звания епископа Константинопольского до прибытия многих епископов, уже съезжавшихся в этот город.

Максим и епископы египетские, изгнанные из Константинополя, отправились в Фессалонику просить

поддержки Феодосия, но он с презрением прогнал их. Тогда возвратились они в Александрию, где Максим вел себя столь бесстыдно в отношении епископа Петра, что префект принужден был выгнать его из города, а Петр понял всю ошибку свою в покровительстве намеренно похитить власть такого мужа, как Григорий. Он извинился перед святителем, и после того Григорий помнил только добродетели, который Петр столь ясно обнаруживал».

Дела находились в таком положении в Константинополе, когда прибыл туда Феодосий 24 ноября 380 года. Григорий ему представился, император обнял его, говорил с ним благосклонно и объявил, что народ Константинопольский столь настойчиво ходатайствует перед ним, что ему нельзя не убеждать Григория принять звание епископа сего города. Григорий не осмелился отказаться, хотя и предвидел все затруднения, какие придется ему преодолевать.

Феодосий спросил арианского епископа Демофила, согласен ли он присоединиться к вероисповеданию Никейскому, а когда тот ответил, что ни за что не согласен, то император повелел ему передать все церкви православным. Известие о том привело в смятение всех ариан, столь долго привыкших господствовать. Мужчины, женщины и дети рассеялись по улицам с плачем и криками, требуя своих храмов. Феодосий, для поддержания порядка, приказал окружить церкви воинами и вскоре явился на колеснице, имея возле себя Григория. Святитель был так слаб, что едва дышал. Когда он вошел в церковь, то толпа приветствовала его, прося в епископы. Не имея сил говорить так, чтобы могли его слышать, Григорий поручил одному из пресвитеров объявить его именем, что теперь следует воздавать только благодарения Богу, а что все остальное совершится в свое время. Феодосий изумился такой скромности и весь народ в этот день только прославлял Бога, за торжество дарованных им истин.

Ариане, не взирая на бешенство свое, не осмелились возмутиться и все церкви переданы были православным без пролития капли крови, тогда как сами они прежде завладевали ими убивая несколько тысяч верующих.

Григория продолжали убеждать принять звание епископа Константинопольского, даже именовали его этим титулом; но он считал его незаконным, пока не будет признан епископами.

Съезд епископов в Константинополь на великий собор был назначен в 381 году. Феодосий, при самом вступлении своем в управление империей, имел намерение созвать собор, для окончания всех распрей, волновавших Восток.

В 380 г. отправил он пригласительные письма и епископы стали немедленно собираться в Константинополь.⁹³⁵ Епископы арианские приглашались также, как и православные. Их находилось на соборе числом тридцать шесть, православных же было сто пятьдесят.

Сначала все собрались во дворец к Феодосию, который обратился к ним самым благосклонным образом,⁹³⁶ убеждая их с чувством сына, говорящего к отцам по вере, деятельно заняться тем, что будет предложено их суждению.

Первые заседания собора происходили под председательством Мелетия Антиохийского.⁹³⁷ Сначала занимались выбором епископа на престол Константинопольский. Незаконное рукоположение Максима было отменено и просили Григория принять звание, предлагаемое ему целым городом. Григорий был рукоположен в епископы Сасима, а правилами каноническими воспрещалось перемещать епископа с одного престола на другой; но он не мог занять престола, для которого был рукоположен Василием Великим, потому что престол сей уже был занят другим епископом, рукоположенным Анфимом. А потому нельзя было сказать, чтобы Григорий действительно переходил с одного престола на другой. Кроме того, правило это было чисто церковным и собор вселенский имел право в частном случае его не выполнять.

Григорий согласился на убеждения епископов и с того времени сделался законным епископом Константинопольским.

Святой Мелетий, благословивший его в день восшествия на престол царственного града Востока, скончался несколько времени спустя. Смерть его была искренней скорбью, особенно для Григория, который наследовал чувства Великого Василия к

святителю Антиохии. Тело святого Мелетия было бальзамировано, завернуто в льняные и шелковые ткани и положено в церкви святых Апостолов до перенесения его в Константинополь. Сделано было великолепное погребение, при несметном стечении народа, пелись псалмы на различных языках. Самые красноречивые из епископов говорили надгробные речи.⁹³⁸ Во время погребального торжества, к лику святителя прикладывали льняные ткани и раздали их народу, почтительно хранившему их в память святого, который, по выражению Григория Нисского, на небе молил за Церковь и за невежество народа Божия.

Должно было предположить, что со смертью Мелетия окончится раскол в Антиохии. Действительно, Павлин был православным, как и Мелетий, и все уважали его за добродетели. Самые искренние друзья Мелетия, а в особенности Григорий Богослов, уважали Павлина и желали, чтобы он был признан законным епископом, голосом всех православных.

Несколько времени прежде собора, Павлин⁹³⁹ отказался от соглашения с Мелетием, под предлогом, что тот рукоположен был арианами и сам Мелетий осудил Павлина. От того произошла сильная борьба, но наконец пресвитеры обеих партий согласились, что, по смерти одного из епископов, оставшийся живым будет признан всеми православными законным епископом. Пресвитеры даже обязались отказаться от епископства, если оное будет им предложено, а в том числе находился и Флавиан. Только некоторые из приверженцев Люцифера, по привязанности к Павлину, отказались от этого соглашения.

Некоторые из епископов на соборе Константинопольском не признавали, однако, этого соглашения законным. Григорий называет их буйными и злобными⁹⁴⁰

Святой Григорий, по сану своему епископа Константинопольского, председательствовал после кончины Мелетия, на соборе. Предоставив сначала рассуждать противоборствовавшим Павлину с желавшими мира церковного, он наконец принял сторону Павлина и выразился следующими

словами:⁹⁴¹ «Друзья, мне кажется, что вы смотрите на дело не одинаковым образом и не находите, что благоразумнее говорить об истинной цели наших совещаний. Действительно, вы имеете ввиду только один город, что усиливает только борьбу, и чтобы продлить эту борьбу вы рассчитываете, что я возложу руки на вновь избранного. Но мысли мои возвышеннее и вы должны согласиться, что они не ошибочны. Окиньте взором всю вселенную, орошенную потоками драгоценнейшей крови Бога, за нас претерпевшего в образе человеческом, и ставшего ценой нашей свободы; взгляните на мир, орошаемый еще кровью других жертв. Предположим, что он разделяется из-за двух ангелов. Те, о которых идет речь (к сожалению) не заслуживают этого названия; но если бы даже они были ангелами, то все-таки не следует продолжать из-за них столь плачевной борьбы.

«Пока блаженный епископ Мелетий еще находился среди нас, и до той поры, пока мы не знали, каким образом заставить западных признать его, вследствие их прежнего раздражения, нам возможно было не обращать внимания на их ошибочные мнения, тем более, что они считали себя защитниками правил церковных. Кротость человека есть средство против раздражения, и доверие каждого приобретается, показывая вид, будто не замечаешь его недостатков. Но ныне, когда буря утихла и Господом дарован нам мир, как же следует поступать? Выслушайте слова мои, они благоразумнее и заслуживают более внимания, нежели слова некоторых молодых епископов. Полагаю, что мы обязаны оставить на престоле Антиохийском того, который ныне его занимает. Что за беда, если мы некоторое время будем еще оплакивать нами утраченного? Старость другого вскоре должна прекратить борьбу, это лучшее, чего нам только можно пожелать. Павлин вскоре должен умереть и, согласно его желанию, дух его возвратится к даровавшему оный. Тогда, с общего согласия народа, епископов и по внушению Духа Святого, мы назначим епископа на этот знаменитый престол.

«Таким способом приобретем мы привязанность иноземцев, потому что я вижу, что западных считают иноземцами, и мы возвратим мир великому городу и великому народу».

Затем, Григорий убеждал всех к согласию и окончил, сказав, что если полагают, что он говорит из-за собственной своей выгоды, то он готов оставить епископский престол свой и удалиться в пустыню, предмет своих постоянных желаний.

Когда он перестал говорить, то молодые епископы, поднявшие спор, начали болтать как сороки и шуметь как осы. Почтенные старцы, составлявшие собрание, вместо того чтобы унять их, допустили увлечь себя их влиянием. Главным доводом их было то, что Восток должен восторжествовать над Западом. Церковь западная признала Павлина, а потому восточной не следовало его признавать.

Святой Григорий справедливо порицает этот довод, заслуживающий посмеяния, удивляясь, что благоразумнейшие из епископов сделали по этому вопросу уступку молодым и легкомысленным. Собор назначил епископом Антиохийским Флавиана и весь город, кроме небольшой паствы Павлиновой, согласился с этим избранием. Тогда Григорий оставил собрание, объявив, что он откажется от своего престола. Его убеждали остаться для защиты вероучения, когда прибыли на собор епископы египетские и македонийцы.⁹⁴² Григорий был счастлив, увидев прибытие противников с зубами как вепри, с лицами, как дикие звери и со сверкающими глазами. Он надеялся, что они избавят его от престола, принятого им против желания.

Между епископами египетскими конечно находились и те, которые приезжали в Константинополь рукоположить Максима Циника. Они не изменили, подобно епископу Петру, своих убеждений относительно этого интригана, а находившийся во главе их епископ Александрийский Тимофей, брат Петра, был явным сторонником Максима и аполлинаристом;⁹⁴³ он конечно не расположен был отделиться от своих викарных епископов из-за вопроса личного. Македонийцы же имели против Григория предубеждения, внушенные им Дамасом, епископом Римским, скрывавшим нерасположение свое к великому мужу под благими предлогами законности. По его мнению⁹⁴⁴ не дозволялось переводить епископа с одного престола на другой. Но истинной причиной к тому была его нелюбовь к искреннему другу того Василия, который так бичевал надменность и

пышность епископа Римского; а Григорий позволял себе порицания такие же, как и друг его.

Собор был чрезвычайно взволнован отказом Григория; но большинство членов выразили при этом более раздражения, нежели благоразумия, ссылались на правила, которые нисколько не относились к святителю; даже еще не знали, кем бы его заменить, но старались только сделать неприятность избравшим его и составлявшим самую уважаемую часть собрания.⁹⁴⁵ Среди их считались:⁹⁴⁶ Елладий, преемник Василия Великого на престоле Кессарийском, Григорий Нисский и Петр Севастийский, братья того же Василия; Амфилохий Иконийский, Оптим Антиохийский, из Писидии, Диодор Тарский, Пелагий Лаодикейский, Евлогий Едесский, Акакий из Вери, в Сирии, Исидор из Сира, Кирилл Иерусалимский и племянники его Геласий Кессарии Палестинской. Большая часть этих епископов чтутся святыми в Церквах восточных и западных. Они отдалялись от епископов египетских, явных врагов Григория, собираясь под председательством этого святителя.

Но Григорий слишком мало дорожил своим престолом и не хотел служить поводом разделений. Он даже убеждал друзей своих не поддерживать его и согласиться с прочими епископами в избрании ему преемником человека добродетельного. В присутствии всех епископов произнес он следующую речь «О вы, собранные Богом потрудиться для прославления Его Имени, не занимайтесь долго относящимся до меня, а займитесь делами более важными. Пусть буду я Ионой; ввергните меня в море для спасения корабля. Хотя в сущности я не могу быть причиною волнений, но извергните меня, я найду себе где-нибудь гостеприимство. По крайней мере будьте единомышленны, хоть в этом. Против желания моего возвели меня на этот престол; я за счастье себе поставляю его оставить. Но, о Троица Святая, мною поклоняемая и прославляемая, о Тебе только забочусь! Да увижу же на престоле этом уста только посвященные на защиту Имени Твоего! Вы же члены этого собрания примите мой прощальный привет и вспомните труды мои».

Григорий, оставив собрание, отправился к императору просить его не препятствовать ему удалиться. Тот с трудом на это согласился; но, при всей радости снова быть свободным, святителя озабочивала паства его, которая могла достаться в управление врагу истины. Он возложил однако надежду свою на Провидение и, получив согласие императора, решился оставить Константинополь. Но прежде всего ему хотелось проститься с народом и он произнес в главной церкви города в присутствии всех членов собора красноречивое слово, разбор которого следует:⁹⁴⁷

«Возлюбленные пастыри и сотоварищи, прежде чем оставить этот престол, начинаю слово, чтобы отдать вам отчет в моем поведении, потому что не краснея могу подвергнуть себя суждению вашему, готов принять похвалу вашу, если действовал похвально, и порицание, если того заслужил. Паства эта, которая ныне перед вами, была мала, скорее это был даже остаток паствы. У членов её даже не было пастыря, они собирались где только могли, даже в горных пещерах, преследуемые врагами, которые до ныне еще осмеливаются быть наглými; что же было в то время, когда еще не был дарован нам мир и они были всемогущи?

К этой-то бедной и огорченной пастве прибыл я, – и Святой Дух соделал ее многочисленной и блестящей, как вы видите. Он соединил между собой иссохшие кости, даровав народу Своему новую жизнь. Он был унижен за грехи свои, но воскрес, потому что поклонялся Святой Троице. Если сделанное мной кажется для вас ничтожным, то спрошу вас, как мог я сделать более? Разве я не содействовал воскресить веру в этом городе, который как око вселенной, с достоинством покоящимся на земле и на море, составляет связь, соединяющую Восток с Западом, и куда стремятся со всех концов мира приобретать веру.

Кто бы ты ни был желающий судить мое учение, окинь взором своим вокруг себя и посмотри на этот венец, мною сплетенный; посмотри на это собрание пресвитеров, седина и мудрость которых делает их достойными уважения; посмотри на скромность этих диаконов и этих клириков, на ревность народа

этого, как мужчин так и женщин, соревнующих между собой пламенным желанием поучаться; посмотри на этих философов и на людей простых, на благородных и ремесленников, на этих старцев и этих юношей, на замужних женщин и на дев, которые равным образом посвящены в божественное вероучение. Скажу, хотя быть может и не следовало бы мне говорить, я способствовал сплетению этого венца и, в награду за все это, прошу только вас исповедовать истинную веру в Святую Троицу.

Если у меня есть враги, то этому я обязан моим учением, и похваляюсь тем, потому что вероучение мое было правильно, и я не проповедовал неосмотрительно из угождения всем. А потому должен был встретить противников, как со стороны Савеллия, так и со стороны Ария. Я учил об единстве сущности и о троичности Лиц или ипостасей;⁹⁴⁸ да перестанут же привязывающиеся только к некоторым словам, а не к сущности нашего вероучения, произносить хулы с намерением осуждать нас. Что говорите вы, когда учите о трех ипостасях? Хотите ли учить о трех сущностях? Вы справедливо стали бы вопиять, если будут это утверждать. А вы, учащие о трех Лицах или трех образах, разве вы хотите сказать, что в Боге одна только сущность, имеющая образ человеческий? Конечно нет. Все вы допускаете в единой Троице единую сущность.

Вот этому-то я и учил.

Теперь что сказать вам? Наградите меня за труды мои, отпустите меня. Не смотрите на мою седину! Дайте мне преемника, у которого руки были бы чисты, который был бы ученым и мог бы достойным образом выполнять свои святительские обязанности, как обстоятельства того требуют. Вы видите, я стар, болен, удручен трудами. Вам не нужен старец, который не может более ничего делать, и не имеет более сил. Кроме того, я утомлен борьбой, веденной против зависти и против врагов, которые равным образом ваши, как и мои.

Теперь хотите ли рассмотреть наши недостатки? Скольким преследованиям, скольким насилиям подвергались мы или были тому свидетелями! Разве старался я отомстить?

«Меня упрекали за мою простоту, за бедность одежды, за воздержание. Не знал я, что великолепие, сладкоядение и роскошь считаются добродетелями епископскими. Если желаете епископа величественного, у которого бы были великолепные колесницы, который бы поддерживал роскошь, достойную такого великого города, то поищите другие. Я не таков, какого вам нужно. Увольте меня, как императоры увольняют изувеченных воинов. Тогда обращусь к вам со следующим прощальным словом:

Прости, о Церковь Анастасия, название дарованное тебе благочестием, потому что ты воскресила веру, бывшую тогда в презрении. Прости, седалище нашего общего торжества, новый Силом, где поместили мы кивот, странствовавши в течение сорока лет по пустыне, без определенного для него постоянного места! Прости и ты величественный и знаменитый храм, новое наследие, заимствовавший великолепие твое от Слова, бывши сперва Евусом ты стал Иерусалимом! Простите и вы все священные храмы, наполняющие город и окружающее его как бы священной цепью! Простите, апостолы драгоценные столпы, наставники мои в борьбе, я не довольно торжествовал дни ваших праздников в храме, вам посвященном, но аггел сатанин, данный мне от Бога, конечно для блага моего, подобно как Павлу, принуждает меня оставить вас. Прости престол епископский, почесть столь опасная и порождающая столько зависти! Прости собор епископов, священников, украшенных величием и старостью! Простите вы все, служащие у престола Господня и приближающиеся к Богу, Который к вам приближается! Простите сонмы мужей чистых, священные песнопения, ночи благоговения, общины дев, благочестивых жен, вдовиц и сирот. Простите, дома возлюбленные Христом, где совершается благотворительность, которая поддерживала и меня в моих немощах. Простите, вы все любившие мои речи и толпившиеся слушать меня! Простите, императоры, дворцы и все обитающие в них, верные императору, охотно я верю тому, но слишком мало верные Богу! Рукоплещите, язык, метавший в вас стрелы, умолкнет. У ритора остаются только руки и чернила для исправления вас.

Прости, великий град, возлюбленный Богом! Вы все живущие в нем приближайтесь к истине, делайте более добра; покланяйтесь Богу лучше, чем покланялись доселе. Простите, Восток и Запад, за которые ратоборствовал я, и которые боролись против меня! Простите ангелы, покровительствующее церкви сей! Прости Троица, мысль моя, честь и слава! Да хранит народ мой веру в Тебя, и охраняй его от заблуждений, чтобы в уединении моем мог я услышать, что вера в Тебя постоянно преуспевает.

Дети, сохраните, прошу вас, закон, воспоминайте испытания, которые претерпел я; благодать же Господа нашего Иисуса Христа да будет со всеми вами. Аминь».

Григорий, оставив немедленно Константинополь, удалился в свой дом в Арианзе, который наследован от отца, а оттуда в Назианз. Впоследствии рассказаны будут последние деяния этого великого святителя.

Собор Константинопольский

Собор, с согласия верующих, избрал преемником Григорию Нектария,⁹⁴⁹ префекта Константинопольского, еще не окрещенного и нисколько не знавшего служения епископского. Он был весьма знатного рода и добродетелен, но не имел церковного образования. Его рукоположили епископом немедленно после крещения. Созомен утверждает, что Нектарий в особенности был избран императором, что епископы сопротивлялись этому назначению, но, что они принуждены были согласиться с волей императора.

Когда вопросы о личностях были разрешены, то собор занялся вероучением.

Император присутствовал на соборе и в его присутствии возникли прения между православными и полуарианами, между которыми преимущественно отличались Елевзий Кизический и Марциан Лампсакский.⁹⁵⁰ Император и православные отцы напомнили им попытку, сделанную ими перед западными через депутатов, посланных от них к Либерию, епископу Римскому, что они вошли в общение с исповедающими вероучение Никейское, и что поступают не хорошо, делая нападки на вероучение, которое сами исповедовали; но они не тронулись ни убеждениями, ни доводами, им противопоставляемыми и предпочитали лучше поддерживать учение арианское, нежели допустить выражение *единосущный*.

Они объявили это открыто, оставили Константинополь и писали всем своим сторонникам, что не следует никогда соглашаться на допущение вероучения Никейского; Отцы же собора, имея во главе своей Нектария, определили, что следует подтвердить это вероучение, осудив все ереси.⁹⁵¹ На оснований сего, составлено было исповедание веры,⁹⁵² в котором подробно изложено здоровое вероучение, провозглашенное в Никеи, и осуждены все ереси, направленный против Святой Троицы, а в том числе и аполлинариева.⁹⁵³

Извлечением из сего изложения веры можно считать принятый символ. Он не что иное, как Символ Никейский с

некоторыми добавлениями, направленными против новых ересей, и все Церкви, как греческие, так и латинские сохранили его таковым, как он был тогда написан и каковым был принят четвертым и шестым Вселенскими Соборами.⁹⁵⁴

Необходимо представить наглядно оба Символа – Никейский и Константинопольский, чтобы отдать себе отчет в сделанных в последнем добавлениях; пишем курсивом: добавления Собора Константинопольского и выпущенное из Символа Никейского.

СИМВОЛ НИКЕЙСКИЙ СИМВОЛ КОНСТАНТИНОПОЛЬСКИЙ

Веруем во единого Бога Отца, Бога Отца, Вседержителя, Творца небу и земли, Вседержителя, Творца видимым же всем и не видимым. И во всех видимых и единого Господа Иисуса Христа, Сына невидимых. И во Божия, едиnorodного, *Иже от Отца единого* Господарожденного *прежде всех век*, Света от Иисуса Христа, Сына Света, Бога истинна от Бога истинна, Божия, Едиnorodного, рожденна, несотворенна, единосущна рожденного от Отца, *из Отца*, Ниже вся быша. «Нас ради *одной сущности* человек, и нашего ради спасения *Отцем, Бога от Бога, сшедшаго с небес и воплотившагося от* Света от Света, Бога Духа Свята и Марии Девы и истинна от Бога *вочеловечшася; рас- пятаго же за ны* истинна, рожденна, непри Понтии Пилате, и страдавша и сотворенна, *погребенна; и воскресшаго в третий* единосущна Отцу, *день по писаниям* и восшедшего на Имже вся быша, яже *на небеса, и сходяща одесную Отца и небеси и на земли.* *паки* грядущаго судити живым и «Нас ради человек, и мертвым, *Его же царствию не будет* нашего ради спасения, *конца.* «И в Духа Святаго, Господа сшедшаго и воплотив- *Живо* *творящего, Иже от Отца* *шася и вочеловечшася, исходя-* *щаго, Иже со Отцем и Сыном* страдавша *испо-* *кланяема и сславима,* воскресшаго в третий *глаголавшего* Пророки. «Во едину день, и вос- *шедшаго* Святую Соборную и Апостольскую па небеса, и *паки* Церковь. «Исповедую едино крещение грядущаго *судити* *оставление* грехов. «Чаю

живым и мертвым. воскресения мертвых и жизни будущего Векуе также и века. Святаго Духа.

Добавления к Символу относительно воплощения направлены были против аполлинаристов и против Маркелла Анкирского; а добавления относительно Духа Святого против евномиан или македонийцев.

Последние члены Символа были направлены против различных заблуждений, которым Церковь приписывала более значения.

Сравнивая древние Символы⁹⁵⁵ с Символом Константинопольским, приходим к убеждению, что отцы второго Вселенского Собора воодушевлены были преданиями Церкви апостольских до того, что даже придерживались тех же самых выражений в тех словах, которые они сочли необходимым добавить к Символу Никейскому, для ограждения вероучения от всяких ересей.

После решения вопросов о вероучении, собор определил границы подсудности епископов в различных восточных провинциях.

Собор Никейский уже определил основания особенной подсудности, признав законным обычай, соблюдавшийся в Александрии и в Риме относительно некоторых Церквей, получивших оттуда свое начало. Мало-по-малу, приложено было к Церкви гражданское разделение империй на провинции и епархии. Собору было угодно ясно определить различные подсудности. Нектарию, епископу столичного города⁹⁵⁶ подчинена была Фракия, Елладию Кессарийскому – Понт, Григорию Нисскому – Каппадокия, Отрию Мелетинскому – Армения, Амфилохию Иконийскому – Азия; Оптиму Антиохийскому, в Писидии, провинции того же названия; Тимофею Александрийскому – Египет. Восток, собственно так именуемый, был разделен на две провинции: Лаодикейскую и Тарскую, не нарушая преимуществ епископа Антиохийского.

Собор, распределив таким образом Церкви азийские, решил, что все препирательства, какие бы могли возникнуть,

будут судиться провинциальными соборами. Император утвердил эти распоряжения.⁹⁵⁷

Кроме того было определено,⁹⁵⁸ что епископ Константинопольский должен пользоваться высшей почестью после епископа Римского, как епископ Нового Рима. Действительно, Константинополь не только заслуживал это название, но там были, подобно как в древнем Риме, сенат, сословия граждан и сановников; граждане Константинопольские подчинены были тем же законам, как Римские, и город пользовался теми же преимуществами, как древний Рим.

Имеются семь правил Вселенского Собора Константинопольского.⁹⁵⁹

В первом – подтверждается вероучение Никейское и изрекается анафема против всех сект арианских, Савеллия, сторонников Маркелла Анкирского, фотиниан и аполлинаристов

Второе относится до власти епископов различных провинций, чтобы они не распространяли ее за пределы своих областей и предлагали бы дела на решение провинциальных соборов.

Третье правило изложено так: «Константинопольский епископ да имеет преимущество чести по епископе Римском, потому что град оный есть новый Рим».

Епископ Римский считался первым по преимуществу чести, как епископ первенствующей столицы империй.

Четвертым правилом уничтожается рукоположение Максима Циника.

Епископы, прежде нежели разойтись, просили Феодосия обнародовать их определения: «Согласно рескрипта Твоего, говорят они,⁹⁶⁰ собрались мы в Константинополь, и возобновив единение между собой, мы краткими постановлениями подтвердили веру Никейскую и анафематствовали ереси, против неё возникшие. Кроме того, мы постановили некоторые правила, относящиеся до благоустройства Церкви, и все это прилагаем к сему посланию.

«Ожидаем ныне, что Твоя благодать изволит утвердить определения Собора рескриптом Твоего благочестия, после того

как ты оказал почесть Церкви созванием этого Собора».

Феодосий на то согласился и 30 июля 381 года издал следующий декрет,⁹⁶¹ писанный в Гераклеи:

«Все церкви должны быть немедленно переданы епископам, верующим в равенство божества Отца и Сына и Святого Духа, находящимся в общении с Нектарием Константинопольским, с Тимофеем Александрийским для Египта, с Пелагеем Лаодикейским и Диодором Тарским для Востока, с Амфилохием Иконийским и Оптимом Антиохийским (в Писидии) для проконсульской Азии и епархии⁹⁶² Азийской, с Елладием Кессарийским (в Каппадокии), Отрием Мелетинским и Григорием Нисским, для епархии Понта, с Терентием, епископом Скифским и Мартирием Маркианопольским (Преславля в Болгарии) для Мизии и Скифии. Все не находящиеся в общении с сими епископами будут считаться еретиками и, как таковые, – изгоняемы из Церквей».

Не должно забывать, что еретики насильственно завладели церквами и церковными имуществами при Констанце и при Валенте. Феодосий декретом своим исправлял явную несправедливость и возвращал имущества их законным владельцам.

Нужно заметить, что епископ Антиохийский Флавиан не был помещен в число тех, с которыми следовало находиться в общении, и этим оказывалось снисхождение святому старцу Павлину, чтобы он мог мирно окончить жизнь в своей небольшой православной Церкви, которая была к нему привязана более за добродетели его, нежели по чувству православия, потому что Мелетий и преемник его Флавиан были также православными, как он.

Можно предполагать, что самим собором указаны были Феодосию имена епископов, которых следовало считать как-бы средоточием православия и патриархами.⁹⁶³ Титула этого еще не давалось великим престолом, которые названы были патриархиями впоследствии.

В Церкви кафолической никогда не возникало спора о Символе Собора Константинопольского и о его правиле относительно вероучения: На четвертом Вселенском Соборе

снова провозглашен был этот Символ и Собор Константинопольский считался на нем, Вселенским. На Западе он равным образом почитался, и епископ Римский Григорий Великий, считал сей собор в числе четырех великих вселенских собраний Церкви, бывших до его времени, и которые он уважал, как четыре Евангелия. Но Запад не согласился относительно правил благочиния, провозглашенных на Соборе Константинопольском, и особенно воспротивился тому правилу, которым епископу Константинопольскому предоставляются почести и степень в церковной иерархии, о чем и будет передано впоследствии.

Но нужно заметить, что собор может быть вселенским, при согласии всех церквей, хотя бы правила его о благочинии и не были приняты повсеместно; потому что правила эти, как и правила Собора Константинопольского, могут быть составлены по обстоятельствам места, времени и лиц. Нежелание Запада, и в особенности епископа Римского, – принять одно из правил Собора Константинопольского не препятствовало тому, что Собор этот считался Вселенским даже в Риме, не смотря на то, что папской власти ни в созыве, ни в председательстве, ни в утверждении этого Собора не было, так как власти этой в то время и не существовало.

Следует также заметить, что три лица, последовательно председательствовавшие один после другого на сем Соборе, Мелетий, Григорий Богослов и Нектарий, не находились в общении с Римом. Первого напрасно считали там соумышленником ариан и незаконным соперником Павлина в соискательстве престола в Антиохии; второй был избран вопреки желанию Дамаса, а против рукоположения Нектария протестовал Рим.

Но в четвертом столетии даже в самом Риме еще не думали, что собор может считаться вселенским и законным только потому, что он созван епископом Римским, под его председательством, или от его имени, и если утвержден им.

История второго Вселенского Собора и его правила, относящиеся до епископа Константинопольского, служат

самыми ясными и неоспоримыми опровержениями системы папской, которая взяла верх на Западе.

Конец V части

Конец книги восьмой.

конец третьего тома.

Примечания

¹ - Некоторые из немцев придавали системам этим большое значение. Другие же, чтобы казаться учеными, их принимали, как напр. Князь А. де-Броглио в своем жалком сочинении, под названием: *l'Eglise et l'Empire romain au IV Siecle* в 1-й части.

² - Князь А. де-Броглио не постыдился сказать, что престол монархии христианской последовал за Апостолом Петром из Иерусалима в Антиохию, а из Антиохии в Рим, с Востока на Запад (*l'Eglise et l'Empire romain* I част. т. I стр. 97). Читатели могут задать себе вопрос, где А. де-Броглио мог заметить эту монархию и странствование её престола?

³ - К. А. де-Броглио употребил это выражение, ставшее у него основанием самых ложных воззрений (*l'Eglise et l'Empire romain* I ч.. I т, гл. 2). Подобные же находятся на каждой странице его книги.

⁴ - Касательно этого собора в Риме, суждение которого считаюсь как бы несостоявшимся, К. А. де-Броглио утверждает, что это был первый собор епископов, созданных с признаками власти официальной (*l'Eglise et l'Empire rom.* I ч. т. I стр. 263). В чем же видит он эти признаки? Конечно в том, в чем он видит необычайную пышность собора, происходившую на вершинах города (*ibid.* ст. 266). К. де-Броглио полагает, что видит полное развитие средневекового папства и находит в жалком небольшом соборе 313 г. принятие Римом обладания над Церковью (*ibid.* ст. 264]. Достаточно указать в сочинении подобные фантазии, в доказательство, что его нельзя считать основательным. Константин определил для Африканских Донатистов строгие наказания, потому что они возмущали общественное спокойствие и не хотели покориться определениям соборов, созданных по их делу. К. де-Броглио находит, что это служит доказательством возврата законов римских к нетерпимости упраздненных эдиктом Миланским (*l'Eglise et Empire*, I, т. I стр. 294 – 295). Если бы К. де-Броглио лучше изучил вопрос о донатистах, то он не стал бы возводить его в вопрос чисто религиозный и при этом случае не употребил

бы слова терпимость, которое столь странно в устах паписта, даже считающего себя, не взирая на папу, либеральным католиком.

⁵ - К. де-Броглио, считающий себя религиозным писателем и который желает, чтобы смотрели серьезно на его сочинения, не признает за Константином личных добродетелей (*l'Eglise et t'Empire* 1 ч. Предв. рассуж.; стр. 2). Константин кажется ему смешным, когда собирал своих царедворцев и говорил им речи о нравственности и религии. Говоря о Константине, К. де Броглио представляет из себя Вольтера, но без ума, без учености и без хорошего слога.

⁶ - Так выражается К. де-Броглио, этот знаменитый политик и представляющий тому такие доказательства (*l'Eglise et t'Empire* 1 ч. Предв. рассуж. ст. 3).

⁷ - Прошения эти старались превратить в апелляции к высшей власти. Стоит их прочесть в истории, чтобы понять всю лживость этой претензии латинских писателей.

⁸ - К. А. де-Броглио (*l'Eglise et t'Empire* 1 ч. т. I. стр. 129) утверждает, будто-бы Савеллий был отцом Ария. Это только доказывает, что ученый писатель этот не знает ни савеллианства, ни арианства.

⁹ - Далее в истории увидим, что это слово древнее Собора Никейского, хотя вообще приписывается этому Собору.

¹⁰ - Евсев. Жиз. Конст. В. кн. III, г. 4, 5, 6; Св. Афанас. О Соборе § 5; Посл. к Афрос. § 2.

¹¹ - Официальные документы, которые приводим, не оставляют никакого сомнения в том, что Собор был созван Константином. Историки в том единогласны. Евсевий положительно говорит, что Константин созвал Собор: *σύνοδον οἰκουμένην «συνεκρότει...»* Жиз. Конст. В. кн. III, гл. 6. Другие древние историки равным образом это утверждают. Феодорит говорит: *εἰς τὴν Νικαέων «συνήγειρε» σύνοδον*. Сократ: *σύνοδον οἰκουμένην «συνεκρίτει», τοὺς πανταχόθεν ἐπίσκοπους διὰ γραμμάτων εἰς Νίκαιαν τῆς Βιθυνίας ἀπανθήσαι παρακαλῶν*. Созомен: *ἀσινεκάλεσε» σύνοδον εἰς Νίκαιαν τῆς Βιθυνίας, καὶ πανταχὴ τοῖς προεστῶσι τῶν Ἐκκλησιῶν ἔγραψεν εἰς ρητὴν χεῖραν*

παρεῖναι. Даже Геласий Цизикский выражается так: lib. 1, Prooem: ου χάριν και την πολυάνθρωπον ἔχειν ἐπὶ την των Νικαέων πόλιν ο πιστότατος βασιλεύς Κωνσταντίνος συνήγαγε σύνοδον Κωνσταντίνου, του και την σύνοδον των ἐπισκόπων εν τη Νικαέων συναθροισήναι προστάξαντος πόλει. В приводимых официальных актах увидят, что сам Собор признает, что был созван Константином. Хотя свидетельству Геласия нельзя придавать большего значения, по его многочисленным и дознанным заблуждениям; но как известная богословская школа Церкви римской признает за ним некоторое значение, то мы приведем и его свидетельство, когда оно будет согласоваться с древними историками. Должно сказать, что если богословы римские слишком во многом доверяют Геласию Кизическому по другим вопросам, в той же Церкви его слишком уничижали (См. Dictionaire historique du jesuite Feller). Истина здесь, подобно как при многих случаях, находится на середине преувеличений обеих противных сторон. Из приведенных, свидетельств ясно, что Император Константин созвал Собор Никейский. Факт этот несколько не изумит знающих историю и учреждения первоначальной Церкви; но он не согласуется с теорией папской, требующей, чтобы всякий собор, для законности своей, был созван епископом Римским.

¹² - Евсевий употребил выражение παράγγελμα, что собственно значит приказание, повеление.

¹³ - Евсев. Жизн. Konst. В. кн. III, гл. 7, 8.

¹⁴ - Св. Афанасий утверждает, что Собор представлял собой всю вселенную, но выражение его нашу вселенную может только значить империю Римскую. Можно однако думать, что послания Константина были сообщены епископам находящимся и вне империи, что объяснить присутствие на Соборе епископа Персидского и епископа Скифского (См., Св. Афан. Посл. к Афрос. § 1).

¹⁵ - Евсевий его не называет, но не может быть о том сомнения.

¹⁶ - Евсевий, Жизн. Konst. В. кн. III, гл. 7; Сократ, Ист. Цер. кн. I, гл. 8; Совемен, Ист. Цер. кн. I, гл. 17; Феодорит, Ист. Цер.

кн. I, гл. 6. Во всех памятниках исторических, заслуживающих доверия, упоминаются только пресвитеры Витон и Викентий, как доверенные епископа Римского на Соборе Никейском. Позднее пытались добавить Осию Кордуанского, как бы председательствующего на Соборе именем Папы. Осия не председательствовал на Соборе, как то увидим далее, и не был доверенным епископа Римского. Те, которые, по духу партии, это утверждали, доказывают тем, что они не достаточно знакомы с историей и учреждениями Церкви в начале IV-го столетия. Тогда епископ был только представителем своей Церкви и никто из епископов, даже епископ Рима, не приписывал себе власти, которую следовало представлять. Двух пресвитеров Витона и Викентия было совершенно достаточно, чтобы представлять Церковь Римскую по препоручению её епископа. К числу исторических свидетельств, именующих Витона и Викентия доверенными от Рима, можно добавить и преемника Сильвестра, Юлия и епископа Римского, упоминающего о двух пресвитерах, уполномоченных от Рима на Соборе Никейском. (Юлий, *Epist. ad Antioch* § 16) Геласий Кизический был первым из утверждавших, что Осия был представителем епископа Римского.

¹⁷ - Евсеев., *Жиз. Konst. B.* кн. III. гл. 9.

¹⁸ - Феодор., *И. Ц.* кн. I гл. 6. Можно полагать, что, согласно с Евсевием, их было 250 при открытии собора; но что впоследствии число их возросло до 318, как утверждает Феодорит. Сократ, писавший по Евсевию, принял число указанное Феодоритом, изменив в этом случае текст Евсевия. Св. Афанасий присутствовавший на Соборе, употребляет иногда выражение: около трехсот, а в других местах говорит прямо, что епископов было 318. (См. С. Афанасия, *Ист. Ариан к Инокам* § 66; *Аполог. пр. Ария* §§ 23 – 25; *Об опред. Ник. Соб.* § 3 . *Посл. к Афрос.* § 2).

¹⁹ - Сократ *Ц. И.* кн I гл. 8.

²⁰ - Сократ тоже: Созомен, *Ц. И.* кн. I гл. 17.

²¹ - Евсев., *Жиз. Konst. B.* кн. III гл. 10.

²² - Евсев. тоже кн. III гл. II. Много рассуждали, кто был этот епископ. Евсевий его не называет. Феодорит (И. Ц. кн. I гл. 6) говорит, что это был Великий Евстахий, недавно возведенный на престол Церкви Антиохийской. Созомен утверждает (И. Ц. кн. I гл. 10), что это был сам Евсевий Памфил, епископ Кесарийский. Новейшие утверждают, что это был Осия, председательствовавший на соборе в звании легата папского (Sic). Эти ученые, для доказательства сего, ссылаются на то, что Осия был доверенным епископа Римского, согласно свидетельству Геласия Кизического. Но Геласий, писатель, который повинен в ошибках самих грубейших, в чем сознаются даже ссылающиеся на его свидетельство. В изречении, приводимом учеными романистами и переписанном Геласием, из Евсевия Кесарийского он сделал вставку. Приведем оба изречения наглядно:

²³ - Евсев., Жиз. Konst. В. кн. III гл. 13.

²⁴ - Сам Константин приписывает себе, следственно, созвание Собора.

²⁵ - Евсев., Жизн. Konst. Вел. кн. III, гл. 13. Должно заметить следующие слова Евсевия: τοῖς τῆς συνόδου «προέδροις». Они доказывают, что во главе Собора было несколько председательствующих, которые без сомнения были епископы знаменитейших престолов. Полагаем, что посланные из Рима, будучи просто пресвитерами, не могли иметь места среди епископов. Не придаем большого значения подписям, обнародованным в различных сборниках о соборах. Они не достоверны. Впрочем депутаты римские могли подписать и прежде прочих епископов великих престолов, но из этого ничего нельзя более выводить, как что епископ, представителями которого они были, считался первым. Но Осий и два пресвитера Витон и Викентий были во главе всех подписей; кажется ясно, что подписи эти были устроены по изложению Геласия Кизического в последующее время.

²⁶ - Евсев. Жизн. Konst. В., кн. III. гл. 14.

²⁷ - Феодорит, Ист. Ц., кн. I. гл. 6.

²⁸ - Св. Афан. Ист. Ариан. к инокам, § 42.

- ²⁹ - Феодорит, И. Ц., кн. I. гл. 4 и 6; Сократ, И. Ц., кн. I. гл. 8.
- ³⁰ - Евстаф. Антиох. по Феодор. И. Ц. кн. I. гл. 7 там же гл. 6; Св. Афанас. Посл. к Афрос. и по Феодорит. И. Ц. Ioc. cil. Созомен (кн I. гл. 21) утверждает, что Евсевий колебался принять ли слово единосущный, но обдумав, согласился. Он утверждает, что друзья Ария Евсевий Никомидийский, Феогнис, Марис и Патрофил подписали символ. Напрасно, однако, присоединяет к ним Секунда из Птолемаиды в Ливии.
- ³¹ - Св. Афанас., Об опред. Никейск. Собора, § 3.
- ³² - Св. Афанас., Посл. Еписк. Египта и Ливии, § 12 и 13; Речь прот. Ариан., § 7.
- ³³ - Св. Афанас., О Соборе, § 45.
- ³⁴ - Св. Афанас., Об опред. Ник. Соб., §§ 19, 25, 32.
- ³⁵ - Тот же, О Соборе, § 5. Посл, к Афрос., § 2.
- ³⁶ - Св. Афан., Об опред. Ник. Соб., § 3.
- ³⁷ - Евсевий, Посл. к Кесарийцам в тв. t. II, стр. 1536, изд. Migne; Сократ, И. Ц. кн. I, гл. 8.
- ³⁸ - Св. Афанас., Об опред. Ник., Соб., § 3.
- ³⁹ - Св. Афанас., Посл, к Иовиану, §3; Евсев., Послан. к Кесар.; Сократ, И. Ц. кн. I, гл. 8; Руффин, И. Ц. кн. I, гл. 6.
- ⁴⁰ - Выписан из книги Правил, из. Св. Синода, (примеч. переводчика).
- ⁴¹ - Сократ, И. Ц. кн. I, гл. 8.
- ⁴² - Св. Афан. Аполог. пр. ариан, § 23; Об опред. Ник. Соб. §§ 5 и 6.
- ⁴³ - Св. Афан., О Соборе, § 5; Посл к Афрос., § 2.
- ⁴⁴ - См. s. Leon. Epist. 121 ad Marcian Imperat. edit. Ballerin; Ambros, Epist. 23, class, ad Epickop. per. Actil Constit; Епифания, О ересях 50 и 70, §§ 11 и 12.
- ⁴⁵ - Эти различия прекратились в VI веке, когда Дионисий Малый ввел в Риме цикл, согласовавшийся с циклом Церкви Александрийской для определения дня Пасхи. Церкви Восточные и Западные оставались по этому в единомыслии до XV века. Тогда Григорий XIII, епископ Римский, изменил календарь Юлианский, которому продолжают придерживаться в

Церквах Восточных. От того новые различия. Не станем разбирать достоинств календаря Григорианского; но заметить только, что по счислениям римским, в Церквах Западных иногда празднуется Пасха в тот же день как и у Евреев, что совершенно противно постановлениям Никейским. Следуя древнему календарю Юлианскому, в Церквах Восточных никогда этого неудобства случиться не может. Следственно, предполагая, что реформа Григорианская справедливее в астрономическом отношении, то Церкви ее принявшие, должны бы были ввести другой способ определения дня Пасхи, который не имел бы неудобства, противного постановлению Никейского Собора.

⁴⁶ - Пытались не раз обнародовать эти акты, по крайней мере отчасти. Но все обнародованное не представляет никакого характера достоверности. В наше время говорили будто отысканы части этих актов, но то, что обнародовано было в периодических изданиях, не принадлежит, по мнению нашему, первому Вселенскому Собору, а походит скорее на труд позднейшего составителя.

⁴⁷ - По Феодориту, И. Ц., кн. I, гл. 8; Сократ, И. Ц., кн. I, гл. 9.

⁴⁸ - Должно заметить, что сами Отцы Собора говорят только о созвании оного Константином.

⁴⁹ - См. Созомена И. Ц., кн. I, гл. 24.

⁵⁰ - Выражение это подтверждает сказанное нами, согласно с другими достоверными памятниками, что Церковь Александрийская обязана была указывать день Пасхи.

⁵¹ - Евсев., Жиз. Konst. В., кн. III, гл. 17 и послед.; Феодорит, И. Ц., кн. I, гл. 9; Сократ, И. Ц. кн. I, гл. 9.

⁵² - Евсев., Жиз. Konst. В., кн. III, гл. 23.

⁵³ - Сократ, И. Ц., кн. I, гл. 9. В этом послании он положительно говорит: Я созвал собор Никейский и присутствовал на нем, как епископ, потому что поставляю себе в честь быть сотоварищем епископов. Ясно, что он не приписывал себе сана священного, но считал себя сотоварищем епископов, в том смысле, что вместе с ними

заботился о благе Церкви. Выражался же так, чтобы возвысить сан епископский в глазах народа.

⁵⁴ - Константин, Послание епископам и народу по Сократу, И. Ц., кн. I, гл. 9.

⁵⁵ - Сократ, И. Ц. кн. I, гл. 10; Созомен, И. Ц. кн. I, гл. 22.

⁵⁶ - Созомен, И. Ц. кн. I, гл. 23; Сократ, И. Ц. кн. I, гл. 11.

⁵⁷ - Церкви Восточные всегда придерживались этому древнему правилу благочиния, исключая только епископов, которые были обязаны на безбрачие собором in Trullo, как то увидим впоследствии. Церкви же Западные приняли за постоянное правило безбрачие для епископов, пресвитеров, диаконов и иподиаконов. История покажет, что Св. Пафнутий предвидел неудобства, какие последуют в Церкви, которая примет подобное правило. Когда Церковь англиканская отделилась от римской, она установила правило благочиния совершенно противоположное, определив: что епископы, пресвитеры и диаконы могут вступать в брак после рукоположения и даже по несколько раз. Такое благочиние совершенно противно тому, какое соблюдалось в Церкви Апостольской, и какое соблюдается до ныне в Церквях восточных.

⁵⁸ - Феодор., И. Ц., кн. I, гл. 7. Руффин, И. Ц. кн. I, гл. 6. Этот латинский историк разделил на-двое правила 6-ое и 8-ое; вот почему считает их 22, хотя приводит только 20, признанных Греками. См. it Act. Sex. Coneil. Carthagin. Gelas. Cuz. Hist. Conc. Nisioen... lib. II, с. 31; Балзам и Зонар и все сборники соборов.

⁵⁹ - При переводе правил Никейских автор следовал преимущественно запискам Зонара и Бальзамина, которые лучше понимали их, нежели западные писатели. Мы же при переводе с французского, выписывали их из книги Правил Святых Апостолов, Святых Соборов Вселенских и поместных и Святых Отцов, напечатанной на славянском языке в Москве, в Синодальной Типографии 1862 года. Заменяя только некоторые славянские выражения и окончания более употребительными в русском языке. Смысл перевода автора тот же, но несколько

сокращенное по свойству французского языка. (Ипр. переводчика).

⁶⁰ - Епифан. О ересьях, 58. Подобные секты были в различных странах и в разное время.

⁶¹ - В греческом тексте сказано: ψυχικόν τι ἁμάρτημα – душевный грех.

⁶² - В некоторых латинских рукописях во главе шестого правила читается: «Церковь римская имела всегда первенство». Эта вставка не много послужила системе папской, даже если это и не подлог. Она отвергается лучшими из ученых даже церкви латинской. Когда слово первенство явится достоверным образом в истории, то станет очень понятно это выражение, которым столько злоупотребляли.

⁶³ - Так объясняется знаменитое выражение потому что, ἐπεὶ οὐδὲ, которому некоторые из канонистов придавали значение до смешного важное, все в пользу системы папской. Шестое правило Никейского Собора явно направлено против Мелетия, отвергавших права принадлежавшие епископу Александрийскому по древним обычаям. Собор, желая узаконить обычаи Александрийские, ссылается на подобные же обычаи, соблюдавшиеся в Риме, в Антиохии и прочих Церквях. Как находить в том что-либо благоприятствующее системе папской?

⁶⁴ - Руфф., И. Ц. кн. I, гл. 6.

⁶⁵ - Много рассуждалось о пространстве епархии, в которой епископ Рима имел право рукополагать епископов. Вопрос этот несколько не важен. Главное в том, что права епископа Римского истекают только из обычая, подобно правам епископов Александрии, Антиохии и других и они не были всеобщими. Богословы и историки римские утверждают, что собор, сравнивая обычаи Александрийские с Римскими, не хотел оспаривать прав епископа Римского на вселенскую власть по праву божественному, власть, которая, по мнению их, основана на неоспоримых доказательствах более древних нежели Собор Никейский. Мы не находим ни одного из этих мнимо-неоспоримых доказательств в памятниках первых трех

столетий, напротив того, приводили факты и изречения, служащие доказательством, что оных никогда не существовало. Во время Никейского Собора не было никакого различия между властью епископа Римского и епископа Александрийского над провинциями, над которыми по древнему обычаю имели они власть. Мы увидим как развивались патриаршества: Римское, Александрийское и Антиохийское, и увидим также как возникло Константинопольское. Конечно, если бы епископ Рима пользовался властью, которую стали впоследствии приписывать ему в церкви римской, то он бы не взял обычай римский за сравнение с обычаем египетским, уподобляя их один другому. Обычая местного невозможно сравнивать с правом божественным, вселенским. Различие титулов епископа Римского, рассматриваемого как митрополит патриарх и папа или всеобщий глава Церкви, изобретено было только, для избежания разительных фактов, которые в течение первых столетий совершенно уничтожают систему папскую. Не взирая на все подлоги, к каким прибегали ученые Церкви римской во избежание шестого правила Никейского и для объяснения его в превратном смысле, всякий добросовестный человек считал его согласиться, что Собор не смотрел на власть епископа Римского иначе, нежели на власть епископа Александрийского, и что в основании обеих полагал только древний обычай а нисколько не слово Божие.

⁶⁶ - Не имеем возможности упомянуть о всех ложных толкованиях и извращениях, каким подвергалось шестое правило Никейского Собора. Однако полезно заявлять, время от времени, некоторые извращения последних римских писателей. Вот как аббат Даррас переводит шестое правило Никейское, которое поместил он во главе, чтобы придать ему более значения: «Церкви римской всегда принадлежало первенство. Древние обычаи да поддерживаются во всей силе в Египте, Ливии и Пентаполе, так, чтобы все подчинялись там епископу Александрийскому, потому что так повелел первосвященник Римский. То же да будет относительно епископа Антиохийского и проч.». Доктор Гефелэ имел добросовестность выпустить первую строку, которая есть

извращение текста и перевёл извращенные таким образом аббатом Даррасом слова: Потому что так повелел первосвященник Римский следующим образом: «Потому что там те же отношения к епископу Рима». Это имеет тот же смысл, который допустили и мы в своем переводе, согласно со всеми учеными. Слова же греческие следующие· ἐπειδὴ καὶ τῷ ἐν τῇ Ῥώμῃ ἐπίσκοπῳ τοῦτο συηθεὶς ἐστὲν. Невозможно переводить таких выражений так как перевел их аббат Даррас, не делая постыднейшего подлога. (См. Histoire generale de l'Eglise par L'abbé I.E. Darras t. IX, pag. 224, edit. 1867). Подобными-то способами находят папство в первых восьми столетиях.

⁶⁷ - Так назывался Иерусалим с царствования Элия Адриана. Император сей восстановил город и дал ему имя свое.

⁶⁸ - Чистые или Кафары были Новациане.

⁶⁹ - Рассуждали об этом возложении рук. Одни считали это новым рукоположением, другие же обычным чином восприятия еретиков.

⁷⁰ - Сократ, И. Ц. кн. 1. гл. 13.

⁷¹ - Мы обращали уже внимание читателей, что нет никакого сходства с этими первоначальными индульгенциями и тем, что называют этим словом в новейшей Церкви римской.

⁷² - Церковь римская отклонилась от первоначального вероучения по этому предмету, равно как и по многим другим; папа полагает, что власть его распространяется и на оставивших земное поприще.

⁷³ - Размер процентов в империи Римской был 1 на сто в месяц, что составляет 12 процентов в год. Собор употребляет выражение, означающее полтора, означающее размер 18 процентов на сто. Некоторые ростовщики брали даже 2 или 4 процента в месяц, что составляло 24 или 48 на сто в год.

⁷⁴ - Эти древние обычаи, при совершении литургии и приобщения присутствующим, пресвитеров и диаконов, сохранились в Церкви католической восточной. Литургия совершается только один раз на том же престоле, в известные дни. Если пресвитеры священнодействуют, то приобщаются

сами, затем служащий диакон получает евхаристию от служившего или от приобщающегося пресвитера, и причащается последним.

⁷⁵ - День этот приходился на 26 августа 325 года. Число это совершенно определяет год, когда был собор в Никеи. См. Евсев. Жиз. Konst. В. кн. III, гл. 15 и 16; Созомена И. Ц. кн. I, гл. 25.

⁷⁶ - Евсевий, Жиз. Konst. В. кн. III, гл. 21.

⁷⁷ - Евсевий, Жиз. Konst. В. кн. III, гл. 21.

⁷⁸ - Феодорит, И. Ц. кн. I, гл. 6.

⁷⁹ - Гелас. Кизич., Hist. Conc. Nicaen. lib. I, с. 36.

⁸⁰ - Геласий к провинциям Мизии и Галатии добавляет Афины; тут явная ошибка, истекающая из того, что другой Пистос Афинский присутствовал на Никейском Соборе, согласно подписей в том виде, как он ныне существуют.

⁸¹ - Геласий называет Византию Константинополем и утверждает, что Александр был тогда только пресвитером. Но мы видели из послания Александра Александрийского, что Александр Византийский был епископом этого города еще до Собора Никейского. Но это не подходило к системе Геласия, который из города, означенного Евсевием, сделал Константинополь и утверждал, что епископом этого города бывший Митрофаний, слишком старт, чтобы присутствовать на Соборе. Первая ошибка Геласия повлекла его и к другой.

⁸² - Св. Афанас., Посл. к Еписк. § 1; Посл. к Афрос. §§ 1 и 2. Мы должны заметить, что Собор не более имел надобности в обнародовании, как и в созвании или председательстве епископа Римского. Первый Вселенский Собор был созван императором Константином, находился под председательством епископов главных престолов, был обнародован епископами первенствующих престолов в соседних провинциях. Эти факты совершенно достоверны и против них утверждения папистов не имеют значения.

⁸³ - Сократ, И. Ц., кн. I, гл. 14.

⁸⁴ - Евсевий, Жиз. Konst. В., кн. III, гл. 25 и послед.; Сократ, И. Ц. кн. I, гл. 17; Созомень, И. Ц., кн. II, гл. 1; Феодорит, И. Ц.,

кн. I, гл. 16 и 17.

⁸⁵ - Праздник этот празднуется в Церкви католической восточной и в Церкви римской. Должно заметить, что Евсевий не упоминает чуда, о котором повествует Феодорит, Сократ и Созомен.

⁸⁶ - Созомен И. Ц. кн. II, гл. 2.

⁸⁷ - Евсевий (Жиз. Констант. В. кн. III, гл. 34 и послед.) описывает первоначальный Храм Гроба святого в Иерусалиме. Сперва пещера, в которой положено было тело Иисусово была украшена колоннами и другими художественными украшениями. Около пещеры был пространный двор, окруженный с трех сторон галереями. Четвертая сторона двора занята была базиликой, замечательного по величине своей и художественному виду. Во внутренности базилики стены были из мозаики, а снаружи из белого камня, похожего на мрамор. Крыша была снаружи свинцовая, а внутри покрыта золотыми пластинами, разливавшими блеск по всему храму. С каждой стороны здания устроены были портики, разделявшиеся на два этажа, один подземный, а другой наружный с золотыми украшениями. Здание венчалось сводом, опиравшимся на двенадцать колонн, изображавших собой апостолов. Между колоннами была пресбитерия или святилище, где помещались епископ и пресвитеры. Великолепное здание это было сожжено Персами в 614 году. Капители колонн имели украшения, вычеканенные из серебра. Здание отделялось от жилых строений обширным местом, обнесенным портиками, в которых находились двери, ведущие на двор перед Церковью.

⁸⁸ - Должно однако заметить, что Юлиан богоотступник не упрекает его в этих убийствах, в своей сатир Кесари, где однако нисколько его не щадит. Языческие писатели Либаний и Праксагор также его в них не упрекают, хотя относительно религии не щадят его, подобно Юлиану. Молчание это знаменательно. Евсевий в творении своем «Жизнь Константина» также ничего не говорит об умерщвлении Криспа. Однако историки утверждают, что умерщвление Криспа было по повелению Константина, после убедившегося в его неповинности и приказавшего умертвить Фаусту, ложно всех

обвинявшую и осквернявшую себя гнуснейшим развратом. (См. Зозиму и Аврелия Виктора, историков языческих, и Филосторга, историка арианского.)

⁸⁹ - По преданиям римским, Константин снабдил собственностью не только церкви им воздвигнутые, но даровал также святому престолу верховную власть над Римом, Италией и даже над всеми западными провинциями империи. Вообще ученые, даже в Церкви римской, отвергают эту подложную дарственную запись; но теперь, когда партия ультрамонтанцев стала господствующей в церкви римской, необходимо упомянуть о некоторых вопросах, которых прежде не считали серьезными. В наше время ученые церкви римской поставили себе задачей восстанавливать все подлоги и обращать самые бессмысленные легенды в исторические памятники самые важные. Во главе подложного дарственного эдикта, Константин воспринимает на себя бесчисленное множество титулов, которых не употреблял никогда в прочих своих декретах, епископа же Римского называет отцом отцов, верховным первосвященником, вселенским папой, что даже не было обычно в Риме в IV столетии; там приводится Символ Никейский, составленный двенадцать лет после года и числа, выставленного на декрете. Он обозначен из Рима «третьего Календ Апрельских при IV консульстве Господина нашего Константина Августа и Галликана». Константин был консулом в четвертый раз в 313 (См. Chron. paschal, adbunc. ann.), но не с Галликаном, а с Лицинием. По фастам консульским Кассиодора, четвертое консульство Константина определяется в 311 г. с Лицинием. Оба эти числа ясно предшествовали Собору Никейскому, упомянутому в акте. В декрете говорится о крещении Константина. Но по актам святого Сильвестра, крещение было только в 324 году, то есть одиннадцать лет после этой мнимой дарственной записи. Заметим, мимоходом, что Акты св. Сильвестра не вернее дарственного эдикта, что впоследствии и докажем. Не мешает поставить в противоречие оба документа, считающиеся у папистов подлинными. Сочинитель рескрипта забылся до того, что сказал: Константин даровал епископу Римскому власть над четырьмя патриархами:

Антиохийским, Александрийским, Иерусалимским и Константинопольским, но последнее патриаршество было учреждено только вторым Вселенским Собором в 381 г.; Константинополь был до 330 года только Византией и не мог быть кафедрой патриарха. В рвении своем возвысить епископа римского сочинитель забыл или не знал, что епископ этот имеет претензию на верховную власть по праву божественному. Эта забывчивость поддельщика, обращается в сведение, которым можно определить время составления подложного эдикта, и то время, когда папство только изучало почву, на которой бы основать свою будущую власть. Эпоха эта, кажется нам, должна быть в начале VIII или в конце VII столетия. В этом знаменитом эдикте Константин дарует Сильвестру город Рим, все названные провинции, местности Италии и стран Западных. Известно однако по достоверному и позднейшему акту, что Запад с Римом – его столицей – был участком, назначенным Константином сыну своему Константину II. Мог ли бы он дать сыну своему то, что прежде сего уже уступил епископу римскому? По получении эдикта, Сенат бывший почтя весь языческий и народ римский по большинству языческий согласились будто бы на эдикт Константина в пользу епископа римского. Во избежание этих противоречий аббат Даррас попытался отодвинуть назад время эдикта. Сначала он изменяет число следующим образом: «от 3 из Календ Апрельских (30 марта) при консульстве Константина IV и Галликана (329).» (См. его *Histoire de l'Eglise etc.* pag. 161). Константин IV, называемый Погонатом, был императором во второй половине VII столетия. Но ученый историк-папист хотел может быть сказать о четвертом консульстве Константина? Оно соответствует однако 313 году, по хроникам пасхальным и 311 по фастам Кассиодора. На странице 17 г. Даррас утверждает, что число это соответствует Празднику Пасхи, когда Константин был крещен. Но крещение его по рассказам этим было ранее 313, а по Актам Сильвестра то же крещение было в 324. Которое же время следует принять? и о какой Пасхе хотел говорить г. Даррас? Тот же историк, чтобы выйти из затруднения, говорит, что эдикт был издан в 329 при четвертом консульстве

Константина Младшего с Галликаном (стр. 175). К несчастью император Константин был консулом в десятый раз с сыном своим кесарем Константином, бывшим консулом в пятый раз (см. Chron. pasch, ad. ann. 329). По фастам Кассиодора, четвертое консульство Константина Младшего было в 322 и он был тогда консулом с отцом своим, бывшим консулом в седьмой раз. По Даррасу, Константин был окрещён в 329, а в других местах он счел нужным доказывать что в 324 (см. стр. 72 и след.). Стоит только сопоставить эти два числа и сравнить с числами фаст и хроники пасхальной, чтобы заставить оценить всю ученость историка-паписта. В той же диссертации, чтобы вывернуться, он допускает два подлога чисел и эдикта: одну в следующих выражениях: при консульстве Константина IV, а другую при четвертом консульстве Константина Младшего т. е. Константина II. Но Константин II был только цесарем при царствовании отца своего, а эдикт обозначен четвертым консульством Флавия Константина Августа, который есть именно Константин Великий. Впрочем, подлоги аббата Дарраса не послужили делу более ложных его рассуждений. Если правда, что Константинополь был основан только в 328 и что патриаршество в нем учреждено в 381? Тогда каким образом возможно, чтобы в акте писанном в 329 говорено было о Константинополе и его патриархе? Все замечания эти служат доказательством, что знаменитый дарственный эдикт представляет все внутренние свойства акта подложного. Вся последующая история до VIII столетия может служить доказательством, что дарственный эдикт был совершенно неизвестным до этого времени, времени своего изобретения, вместе с множеством других актов, в которых нуждалось папство для утверждения своей власти. Эдикт написан на весьма плохом латинском языке; с него сделан греческий перевод, по слогу лучше оригинала, потому что в это время греческая литература находилась в цветущем положении. Некоторые из писателей, по духу партии, утверждали, что греческий текст есть оригинальный; ясно, что Константин не обнародовал бы дарственного эдикта таким латинским слогом. Но известно, что все эдикты Константина обнародованы были

на латинском языке. Как же понять, что исключение сделано было для одного только эдикта, изданного в Риме, совокупно с Сенатом и народом римским, и предметом которого передача верховной власти епископу римскому? Если же текст латинский был только переводом с греческого, то нашлись бы в нем эллинизмы, которых однако нет. Греческий текст был помещен во многие из копий Номоканона Фотиева. Вот настоящий случай сказать, что неблагоразумию поддельщиков не было границ. Оно может только сравниться с неблагоразумием новейших папистов, которые из этой подложной вставки выводят, что сам Фотий включил этот акт в свое творение. По рукописи Венской, паписты принуждены однако сознаться в существовании заметки, что дарственный акт не был включен в Номоканон Фотия. Они переводят заметку эту, утверждая, что текст был вычеркнут Фотием. Текст вычеркнутый автором в творении им собранном! Легче уже признаться, что он его не поместил, и это по простой причине, он ничего о нем не знал, а если бы знал, то постарался бы доказать, что он подложный. Не будем уже делать замечаний о верховной власти, даже не принадлежавшей самому Константину. Знающим историю, это не нужно; паписты же, которые ее знать не хотят, отвергнут *a priori* все, что мы ни сказали бы достоверного. Окончим эту заметку и без того уже слишком длинную для такого акта, обратив внимание на то, что епископы Рима были покорными подданными, а иногда даже слишком» услужливыми не только императоров Западных, но даже императоров Восточных до того времени, пока ни примкнули к империи франков в VIII столетии. История представит тому многочисленные доказательства, ясно удостоверяющие, что сами папы ничего не знали о дарственной записи Константина до того времени, пока она не была изобретена.

⁹⁰ - Далее будет приведено повествование Евсевия Кесарийского о крещении Константина; здесь только следует опровергнуть легенды римские. Легенды эти одни другим противоречат. По дарственному акту, крещение было в 311 или 313 году, потому что в это время будто бы составлен был акт, четыре дня после крещения императора. В предшествовавшей

заметке видели мы тщетные усилия извратить указание этого времени, обнаруживающее подложность дарственного акта. По Актам св. Сильвестра, какими они представляются в настоящее время, крещение было в 324. Следственно, если данная от 329, как некоторые из папистов это ложно утверждали, противоречие между обоими актами все таки существует относительно времени крещения. Кроме того, история удостоверяет, что Константин не был в Риме ни в 324, ни в 329. Он не мог быть следственно там крещен. Можно сказать, что в средние века существовали о крещении Константина в Риме две противоречащие легенды. Не пренебрегающие никаким средством на поддержку своих предубеждений, в доказательство того, что Константин был окрещен в Риме, ссылаются на акты мнимого собора из 284 епископов, будто бы созванного в Риме в 324. Но акты и собор этот отвергаются даже учеными церкви Римской, как совершенно подложные. Это доказательство не имеет следственно никакого значения. Около конца V столетия Акты святого Сильвестра были признаны подлинными папой Геласием, на одном из соборов римских. Если акты, о которых упоминается, те же, которые имеются ныне, то по ним можно заключить, что предание римское о крещении Константина в Риме возникло только с V столетия. Было ли оно ранее? В V столетии, блаженный Иероним в хронике своей удостоверял, что Константин был крещен при конце жизни своей, – что согласно со сказаниями греческих историков. Святой Амвросий, в надгробной речи своей Феодосию, также удостоверяет, что крещение над Константином совершенное при конце жизни его, изгладило все грехи, какие он мог соделать. Достоверно, что на Западе в течении V века знали, что Константин не был крещен во время, указанное впоследствии легендами римскими. Если допустить, что Акты св. Сильвестра, одобренные Геласием в конце того же века, те же самые, какие ныне, то должно допустить, что они сочинены недавно. Как же можно с добросовестностью принят за творение V столетия сборник наполненный, даже по сознанию кардинала Барония, отвратительнейшими выдумками? Анналист римский должен в том сознаться, но он требует, чтобы им доверяли

относительно крещение Константинова. Нам же кажется, что невозможно ссылаться на документы наполненные несомненной лжи и что оскорбляют Геласия утверждая, будто он объявил подобный документ подлинным. С Актами св. Сильвестра вероятно случилось то же, что было со многими другими подобного рода. Они были извращены в средние века, в то время, когда любили составлять исторические романы из древних рукописей, помещая в них события и подробности, не истекавшие ни из каких источников, кроме как из воображения самих романистов, считавших вставки свои и искажения благочестивыми подлогами. Приводят Григория Турского в конце VI века на поддержку предания римского. Этот историк (Hist, franc, lib. II, с. 13) не упоминает однако ни о месте, ни о времени крещения Константина, но говорит только, что Клеодовик шел в крещение как новый Константин. Упомянуть ли еще другое доказательство, как например наименование крещальни Константиновой (Lavacrum Constantianum), которым издавна называлась крещальня в Риме? Понятно, что так можно было назвать крещальню, устроенную императором в церкви? Не станем разбирать свидетельств писателей, принимавших легенду римскую начиная с VII и VIII столетий. Легенда могла быть тогда изобретена и распространяема. Легенды эти достигли и Востока. Ассемани утверждал в своей *Bibliothèque orientale*, что открывал следы их у многих восточных писателей, начиная с VI века. Приводится им несколько хроник, но прежде чем допустить их свидетельство не худо бы сперва удостовериться в подлинности их и неиспорченности. Не безизвестно, что хроники доходили до нас нередко со множеством изменений. сделанных в первоначальном тексте продолжателями, смотря по странам, где эти творения продолжались. Впрочем повествования восточных наполнены неоспоримых ошибок; другие же, как хроника Иоанна Антиохийского, если и подлинна, то не может служить более как удостоверением о крещении в Риме, потому что относительно времени крещения она не согласуется ни с Актами св. Сильвестра, ни с дарственным эдиктом. Действительно, там говорится, что крещение было вскоре после явления чудесного Креста. Понятно, что писатель сам худо

знавший о крещении мог приписать его тому времени. Ясно, что писатели восточные не могли заимствовать событий, на которых основаны легенды римские, иначе как с Запада. Легенды эти были позднее V столетия и писатели восточные не могут быть древнее этого времени.

⁹¹ - Историк языческий Зозима, отъявленный враг Константина, утверждает, что он вознамерился учредить новую столицу, в отместку за дурной прием, сделанный ему в Риме. Уверение это само по себе смешно и не согласуется с событиями. Известно, что Константин повелел начать работы для новой столицы на местности древней Трои и что работы в Византии начались прежде прибытия Константина в Рим. Зозима, желая объяснить обращение Константиново, говорит, что он искал очищения от своих преступлений особенно же от умерщвления Криспа и не находя их в богослужении языческом обратился к христианам, у которых есть способ очищения крещением. Во-первых Константин объявил себя христианином в 312, а убийство Криспа было в 327 году. Кроме того, язычество возводило императоров на степень богов гораздо более виновных, нежели Константин, и без затруднений возвело бы в божество Константина. Некоторые из новейших историков унизились до того, что старались из повествования Зосимы вывести, что Константин принял крещение в Риме. Но рассказ этот ничего более не доказывает как ненависть языческого историка к императору христианскому.

⁹² - Евсевий, Жиз. Конст. В., кн. III, гл. 48, 49, 50.

⁹³ - Там же, гл. 54.

⁹⁴ - Там же, кн. IV, гл. 51 и след.

⁹⁵ - Евсевий, Жизнь Конст. В., гл. 54 и след.

⁹⁶ - Сократ, И. Ц. кн. I, гл. 15.

⁹⁷ - Сократ, И. Ц., кн. I, гл. 25 и 26; Созом., кн. II, гл. 27.

⁹⁸ - Τον ἐξ αὐτοῦ γεγενημένον.

⁹⁹ - Сократ, И. Ц. кн. I, гл. 27.

¹⁰⁰ - Там же, кн. I, гл. 14.

¹⁰¹ - Сократ, И. Ц., кн. I, гл. 14.

¹⁰² - Там же, кн. I, гл. 23.

- 103 - Св. Афан., Жиз. св. Антония, § 24.
- 104 - Св. Афан., Апол. пр. ариан §§ 59, 60, 61; Сократ, И. Ц. кн. I, гл. 27.
- 105 - Св. Афан., Жизнь св. Антония, § 81.
- 106 - Феодорит, И. Ц., кн. I, гл. 20 и 21.
- 107 - Евсевий, Жизн. Konst. В., кн. III, гл. 59.
- 108 - Феодорит, там же.
- 109 - Евсевий Жиз. Konst. В. кн III, гл. 60, 61 и 62.
- 110 - Сократ, И. Ц., кн. I, гл. 21.
- 111 - Евсевий, Жизнь Konst. В., кн. IV, от 23 до 27 гл.
- 112 - Евсевий, Жизнь Konst. В., кн. III гл. 64, 65 и 66.
- 113 - Евсевий, Жизнь Konst. В., кн. IV, гл. 15 – 33.
- 114 - Евсевий, Жизнь Konst. В., кн. IV, гл. 40.
- 115 - Евсевий, Жизнь Konst. В., кн. IV, гл. 41; св. Афанас. Апол. пр. ариан 63 – 82.
- 116 - Евсевий, Жизнь Konst. В., кн. IV, гл. 42.
- 117 - Св. Афан., Апол. пр. ариан, §§ 6 и послед.; Руффин, И. Ц., кн. I, гл. 16 и 17; Созомен, И. Ц., кн. II, гл. 25; Сократ, И. Ц. кн. I, гл. 28 – 32; Феодор., И. Ц., кн. I, гл. 28; Епифаний, 68.
- 118 - Евсевий, Жизнь Konst. В., кн. IV, гл. 43, 44, 45, 46.
- 119 - Созомен, И. Ц., кн. II, гл. 26.
- 120 - Св. Афан., Апол. прот. ариан, §§ 84, 86, 86; Созомен, И. Ц., кн. II, м. 27 и 28; Сократ, И. Ц. кн. I, гл. 33, 34; Феодорит, И. Ц., кв. I, гл. 29.
- 121 - Сократ, И. Ц., кн. I, гл. 35.
- 122 - Св. Афанас., Апол, прот. ариан, § 18.
- 123 - Св. Афан., Апол. пр. ариан, §§ 86, 87, 88.
- 124 - Сократ, И. Ц., кн. I, гл. 37 и 38.
- 125 - Сократ, И. Ц., кн. I, гл. 36.
- 126 - Евсев. Кессар., кн I, прот. Маркелл., гл. 1.
- 127 - Там же, гл. 2.
- 128 - Там же, гл. 3.
- 129 - Там же, гл. 4.
- 130 - Евсев., Прот. Маркел.. кн. II. гл. 1.

¹³¹ - Там же, гл. 2.

¹³² - Там же, гл. 3.

¹³³ - Там же, гл. 4.

¹³⁴ - Евсевий, Богосл. церк., кн. I, гл. 8.

¹³⁵ - Евсевий, Богосл. церк., гл. 12.

¹³⁶ - Евсевий, Жиз. Konst. В., кн. IV, гл. 53. Легенды римские повествуют, что у него была проказа, от которой излечился крещением. Евсевий, коротко знавший Константина, без сомнения упомянул бы о том, если бы то было истинно.

¹³⁷ - Евсев., Жиз. Konst. В., гл. 61 и 62.

¹³⁸ - Евсев., Жиз. Konst. В. .. кн. IV, гл. 63 и послед.; Сократ, подобно Евсевию, утверждает, что Константин был крещен в Никомидии, во время болезни, незадолго до кончины. (Сократ, И. Ц., кн. I, гл. 39); (Созомен, И. Ц., кн. II, гл. 34) говорить то же, равно как и Феодорит, (И. Ц., кн. I, гл. 30). Никаким достоверным памятником не опровергается точность сказания этих историков.

¹³⁹ - Из этих слов Евсевия (гл. 71) видно, что в начале IV столетия в Церкви существовал обычай молиться за усопших и служит по ним литургию. Мы еще ранее приводили несколько свидетельств более древних, что в Церкви первоначальной, как ныне в Церкви православной, установлено было молиться за усопших.

¹⁴⁰ - См. О влиянии Константина на дела церковные, общие рассуждения в предисловии этого тома.

¹⁴¹ - Руффин, И. Ц., кн. I, гл. 10; Сократ, И. Ц., кн. I, гл. 20; Созомен, И. Ц., кн. II, гл. 7.

¹⁴² - Церковь Грузинская осталась отделенной от всех прочих, вследствие происшествий политических и войн, возмущавших эти страны; В начале нынешнего столетия Грузия сделалась провинцией Российской империи, стало возможным изучать её Церковь, и она оказалась совершенно сходной с Церковью католической восточной греко-русской. Тождество это служит доказательством верности обеих Церквей в соблюдении веры и установлений апостольских трёх первых столетий.

¹⁴³ - Руффин, И. Ц., кн. I, гл. 9; Сократ, И. Ц., кн. I, гл. 19; Созомен И. Ц., кн. II, гл. 24.

¹⁴⁴ - Церковь Абиссинская существует поныне и сохранила в достаточной чистоте учение и учреждения первых столетий. Она различается только в незначительных подробностях от Церкви католической восточной или православной греко-русской. (Там есть обрезание).

¹⁴⁵ - Созомен, И. Ц., кн. II, гл. 8.

¹⁴⁶ - Там же, гл. 9 и послед.

¹⁴⁷ - Созомен говорит о гонении Сапора и письме императора к царю Персидскому, до смерти Константина. Ученые же утверждают, что гонение было только семь лет после смерти Константина, в царствование Констанция, потому что тогда действительно были набеги Персов в империю Римскую Хроника блаж. Иеронима благоприятствует последнему мнению, совершенно противоположному сказанию Созомена. Достоверно, что Константин незадолго до смерти своей хотел воевать с Персами. Следственно они давали тому повод. Полагаем, что Сапор преследовал христиан в продолжение царствования Константина и что император писал ему в защиту Христианства; но что Сапор не обратил внимание на совет его и сделал некоторые набеги в империю, почему Константин и решился с ним воевать. Полагаем, что следует придерживаться последовательности событий изложения Созоменова, которому хорошо были известны события гонений Сапора.

¹⁴⁸ - Созомен, И. Ц., кн. II, гл. 14.

¹⁴⁹ - Там же гл. 16.

¹⁵⁰ - Евсев.,. Жиз. Konst. В., кн. IV, гл. 9 и послед. Евсевий не говорит, что письмо это написано было по случаю гонения, но потому, что Константин узнал, о многочисленных Церквях бывших в Персии. (Там же, гл. 8.). Тот же историк упоминает о посольстве, присланном к Константину от Персов, различая его от другого присланного при конце жизни Константина, когда он узнал, что Персы хотят сделать нападение на империю и готовился на войну с ними. (Там же, гл. 56 и 57).

- 151 - В этом можно видеть намек на гонение Сапорово.
- 152 - Этот пример Валерьяна можно было представить только Сапору гонителю; соображения Константина были бы неуместны, если бы в то время царь Персидский не подражал бы императорам римским-гонителям.
- 153 - Евсев., Жиз. Konst. В., кн. IV, гл. 14.
- 154 - Сократ, И. Ц, кн. II, гл. 2.
- 155 - Созомен, И. Ц. , кн. II, гл. 34.
- 156 - Сократ, И. Ц., кн. I, гл. 8 (или 3; не разборчиво); Епифан. о ерес., 68 § 10.
- 157 - Там же, кн. II, гл. 2.
- 158 - Сократ, И. Ц., кн. II, гл. 1.
- 159 - Там же, гл. 6.
- 160 - Св. Афан., Апол. Константину, § 5.
- 161 - Феодорит, И.Ц., кн. II, гл. 1; Григ. Назиан. Слово 21, похв. Афанас.
- 162 - По. св.Афан., Аполог. пр. Ариа., § 3 и послед.
- 163 - Св. Афанас., Апол. прот. Ар., § 20.
- 164 - Св. Афанас., Ист. Ар. к инокам, §§ 9 и послед.; Апол. прот. Ар., § 20; св. Иллар. Пуат., Отрыв. II, § 2; Феодор., И. Ц., кн. II, гл. 8.
- 165 - Там же, § 9; Апол. прот. Ар., § 20.
- 166 - Там же, § 7; Сократ, И. Ц. кн. II, гл. 7 и 8; Созом., И. Ц. , кн. III, гл. 3.
- 167 - С.в Афан., О Соборе, § 22 и послед., Феодор., И. Ц , кн. II, гл. 3; Сократ, И.Ц. кн. II, гл. 8 и послед.; Созом., И. Ц., кн. III, гл. 5. и послед.
- 168 - Св. Илар. Пуат., О Собор, о вере на Вост., § 32.
- 169 - См. Палл. Жизнь Златоуст., § 8.
- 170 - Феодор, И. Ц., кн. II, гл. 2.
- 171 - Сократ, И. Ц., кн. II, гл. 9.
- 172 - Сократ, И. Ц. кн. II, гл. 10.
- 173 - Некто Пистос занял престол Александрийский по собственной своей воле и был рукоположен Секундом. Собор

Антиохийский не счел нужным за него заступаться.

¹⁷⁴ - Сократ, И. Ц. кн. II, гл. 10; Созомен, И . Ц., кн. III , гл. 5.

¹⁷⁵ - Св. Афан., О Собор., § 23; св. Илар. Пуат., О Собор., § 29; Сократ, И.Ц. кн. II, гл. 10.

¹⁷⁶ - Св. Илар. Пуат., О Собор., §§ 31, 32 и 33.

¹⁷⁷ - Затруднение было тем более, что греческое слово, Ὑπόστασις (ипостась) обозначает и сущность и лицо. Много злоупотребляли этим словом в прениях IV и V столетий.

¹⁷⁸ - Св. Афан., О Собор., § 24.

¹⁷⁹ - Св. Афан., О Собор., § 25.

¹⁸⁰ - Там же, § 26.

¹⁸¹ - Св. Афанас., Ист. Ар. к инок § 9; О Собор., § 25.

¹⁸² - Осталось от собора этого двадцать пять правил; но в них не находится ничего особенно замечательного; они возобновляют большей частью прежние, уже известные распоряжения. Много рассуждалось об этих правилах. Ученые смотрели на собор Антиохийский как на собрание арианское и бездоказательно утверждали, что правила принадлежат другому собору. Другие ученые утверждали, что сначала собор был православным, но, постановив правила, епископы православные разошлись и с того времени собрание стало арианским. Полагаем, что дали о соборе настоящее понятие, и что никакие предположения затем не нужны.

¹⁸³ - Св. Афан., Ист. Ар. к инок., § 10 и послед.; Посл, к правосл.; Юлия Посл.к Антиох.

¹⁸⁴ - Там же, § 11.

¹⁸⁵ - Св. Афан., Ист. Ар. к инок., § 11.

¹⁸⁶ - Его же, Аполог, пр. Ар. , § 20.

¹⁸⁷ - Св. Афанас., Аполог, пр. Ар., §§ 21 и послед.

¹⁸⁸ - Это доказывает, что Макарий, Мартирий и Евсихий были посланы в Рим евсевианами прежде собора Антиохийского, где Григорий был назначен епископом в Александрию, когда арианин Пистос полагал себя еще епископом этой Церкви.

¹⁸⁹ - То есть Западных.

¹⁹⁰ - Здесь епископ Римский признает, что согласие епископов придает более значения его мнению. Ныне же папы полагают, что по непогрешительности своей, придают все значение свидетельству епископов. Не может быть более противоречия как между обоими учениями.

¹⁹¹ - Несколько раз мы имели уже случай заметить, что епископы для признания их законными, должны были находиться в общении с прочими епископами.

¹⁹² - Вот для чего они посылали друг другу уведомления о своем рукоположении. Когда возникали споры, то законные епископы посылали прочим защиту спору, в доказательство что они заслуживают быть в общении. Так поступали не только относительно епископа Римского, но относительно всех прочих. Однако случалось, что общение с епископом Рима имело большее значение, потому что за этим епископом следовали обыкновенно все западные и через него епископ находился в общении с большей частью всей Церкви.

¹⁹³ - Титул этот давался доверенным, принадлежавшим в свите императорской и бывшим представителем его при некоторых препоручениях.

¹⁹⁴ - Епископ Римский признавал тогда, что он обязан поступать по правилам, то есть «о законам установленным епископами и что он не в прав от них уклоняться. Ныне же папы полагают, что они превыше правил, утверждая, что епископы не в праве предписать им никакого закона и что они только одни придают силу правилам, вследствие своей верховной и божественной власти. В этом, как и во многом другом, нынешние епископы Рима соблюдают учение совершенно противоположное учению древних епископов этого города. Историей указано будет время, когда начались эти изменения и как они развились.

¹⁹⁵ - См. по Афанас., Апол. пр. ариан, § 31.

¹⁹⁶ - Св. Епифаний (О Ерес. 72) приводит исповедание Маркелла Анкирского, сделанное на соборе в Риме. Оно включает в себе выражения двусмысленные, на которые указывает Евсевий Кессарийский в своих сочинениях. Конечно

их можно понимать в смысле православном, но также можно толковать их в смысле благоприятном ересям Савеллия и Павла Самосатского.

¹⁹⁷ - Св. Афанас., Апол. прот. ариан, § 36.

¹⁹⁸ - Сократ, И. Ц., кн. II, гл. 11 и 12.

¹⁹⁹ - Сократ, гл. 13; Созом., И. Ц., кн. III, гл. 7.

²⁰⁰ - Там же, И. Ц., кн. II, гл. 14 и 15; Созом., И. Ц., кн. III, гл. 8.

²⁰¹ - Сократ (гл. 15) говорит, что вследствие преимуществ Церкви Римской, Юлий восстановил епископов, о которых суждено было на соборе в Риме. Историк этот ошибается во времени, потому что только четыре года спустя на соборе Сардикийском предложено было даровать Юлию право апелляции по делам епископским. Ошибка Сократа повлекла за собой и ошибку Созомена (кн. III, гл. 8), утверждавшего, что епископ Римский, по важности своего престола, имел общий надзор в делах епископских. Мы увидим установления этого преимущества престола Римского, которое оба историка в изложении своем привели слишком преждевременно.

²⁰² - Сократ, И. Ц., кн. II, гл. 15.

²⁰³ - Созомен, И. Ц., кн. III, гл. 8.

²⁰⁴ - Сократ, И. Ц., кн. II, гл. 16; Созомен, И. Ц., кн. III, гл. 9.

²⁰⁵ - Сократ, И. Ц. кн. II, гл. 17.

²⁰⁶ - Тут в сказаниях Сократа и Созомена есть недоразумения потому, что они перемешали последние события с Павлом и Афанасием, с бывшими до собора в Риме. До собора Римского Афанасий бежал, чтобы укрыться от насилия Григория: по возвращении же своем после собора, снова бежал в Рим, по случаю осуждения его Констанцием. Павел был сослан во второй раз после умерщвления Гермона, а по возвращении в Константинополь, после собора в Риме, был сослан Филиппом в Македонию и снова прибыл в Рим.

²⁰⁷ - Руффин, И. Ц., кн. I, гл. 19; Сократ, И. Ц., кн. II, гл. 18; Созомен И. Ц., кн. III, гл. 10.

²⁰⁸ - Св. Афанас., Апол. к Константу, § 4.

²⁰⁹ - Св. Афанас.. О Соборе, § 27 и след.; Сократ, И. Ц., кн. II, гл. 19 и 20, Созом., И. Ц., кн III, гл. 11.

²¹⁰ - Сократ, И. Ц., кн. II, гл. 20; Созомен, И. Ц., кн. III, гл. 11.

²¹¹ - Феодор., И. Ц., кн. II, гл. 4.

²¹² - Св. Афан., Ист. ариан к инок., § 15: Апол. прот. ариан, § 36 и послед.; Феодорит, И. Ц.) вн. II, гл. 5; Сократ, И.Ц., кн. II, гл. 20; Созомен. И. Ц., кн. III, гл. 11.

²¹³ - Сократ добавляет к Афанасию имя Павла, но это ошибка; Павел был тогда уже убит, как удостоверяет Феодорит, а послание собора Сардикийского, нижеприведенное служит доказательством, что святителя Константинопольского на соборе не было. Созомен избегнул этой ошибки предшественника своего Сократа.

²¹⁴ - Сократ и Созом., привод, твор.

²¹⁵ - По Лабб., Concit. t. II. Св, Илар. Пуат., О Собор, §§ 33 и послед Отрыв. III.

²¹⁶ - Св. Афан. Истор. Ариан. к инок., § 17; Аполог. прот. Ариан., § 36: Св. Иллар. Пикт Отрыв., II; Феодор., И. Ц., кн. II, гл. 6; Сократ., И. Ц., кн. II, гл. 20; Созом., И. Ц., кн. III, гл. 12: Лабб. Сопсі1., II.

²¹⁷ - См. Бальзам., Comment, и различные собрания правил соборных.

²¹⁸ - По второму правилу лишаются даже причащения с мирянами подкупавшие голоса, для избрания своего в епископы.

²¹⁹ - В этом месте латинского текста употреблено слово de latere, сохранившееся в выражениях папских для обозначения посланных или легатов, представляющих папу еще прямее и полнее.

²²⁰ - Ученые утверждали, что апелляция в Рим древнее собора Сардикийского, но доказательства их неосновательны. Г. Гефелэ ссылается на Ноэль – Александра, как на историка, неопровержимым образом доказавшего, будто право апелляции не было предоставлено собором Сардикийским и что папы пользовались им прежде. (Hefele, Histoire des Conciles,

Т. I, p. 559, Edit. 1869). Но какие доказательства Ноэль-Александра? (Nat. Alexand. Histoire Eccl. 4. Soecul. Dessertal. 2S). Право апелляции, говорит он, есть следствие первенства по праву божественному, а потому оно в Церкви первоначально и установления божественного. Но ясно, что первенства по праву божественному не существовало, как то достаточно было доказано всей предшествующей историей, а потому нет также и последствия, выводимого Ноэль – Александром. Историк этот мог быть справедливым только относительно Галликан, как П. де Марка, который хотя допускал первенство, однако принимал правило Сардикийское в его настоящем значении. Быть может, что Галликаны не последовательны, но рассуждение Ноэль-Александра не может иметь значения против тех, которые на основании всей истории первых столетий отрицают всякое первенство, по праву божественному. Если бы Ноэль-Александру хотелось доказать свой тезис, то ему бы следовало привести факты апелляций до Сардикийского собора. Но он даже не попытался этого сделать и первый приводимый им факт (proposit. III) позднее собора Сардикийского. Г. Гефелэ следственно не затрудняется доказательствами, если считает неопровержимым мнимым доказательства Ноэль-Александра. Марка de Concord, sacerdot. et imp. lib. VII); Рихтер, Hist. Concil. general, lib. I), дю-Пянь (de antiq. Eccl. discipl. Dissert. II) и настоящие Галликаны совершенно правильно поняли правило Сардикийское, а Ноэль-Александр, по своим папским предубеждениям его извратил. Церковь православная понимает правило Сардикийское как Галликаны, нами приведенные (См. Бальзам, и Зонар Comment.). Читая добросовестно и без предубеждений правила Сардикийские, ясно: 1-ое что собор предоставляет епископу Римскому преимущество новое. 2-ое, что преимущество это только по делам епископов. 3-е, что собор не предоставляет ему права судить, но только право возбуждать пересмотр первого решения епископами соседственных провинций и участвовать в нем через своих доверенных. Епископ Римский не был признан судьей по апелляции, и апелляция эта не имела другого следствия, кроме нового суждения или утверждения прежнего решения

епископов. В правилах Сардинийских невозможно видеть ничего другого и паписты напрасно хотят открыт в них преимущество, из которого можно вывести их систему.

²²¹ - Это правило еще соблюдалось во Франции тому пятьдесят лет. Оно оставлено, как и много других превосходных учреждений, при усилиях церковных конгрегаций, особенно иезуитских, уничтожить, для своей пользы, собрания приходские и старания собирать верующих около своих каплиц и своих конфессионалов; – цель их довольно ясна и не стоит ее объяснять.

²²² - Когда провинции церковные были лучше определены, то апелляция должна была подаваться первенствующему епископу провинции или митрополиту. Со времени Собора Никейского, Церковь стремилась приложить к себе разграничения епархии, но во время собора Сардикийского разделения эти не были еще совершенно установлены. Вот почему и не упоминается в правилах этого собора о митрополитах, а только о соседних или епископах смежных епархий.

²²³ - В сборниках латинских правилу 15-му предшествует распоряжение в том же смысле, следовавшее по предложению Иануария, епископа Беневентского, и по которому епископ не должен привлекать к себе клирика от другого епископа и рукополагать его для своей Церкви. В 16-м правиле Собора Никейского находится подобное же постановление.

²²⁴ - Мы видели послание это, упомянутое в приведенном нами послании Юлия.

²²⁵ - См. послание их у Илария Пуат., Отвр., III, § 20.

²²⁶ - В сборниках латинских (пр. 12) находится предложение Осии, несколько смягчающее определение принятое правилом двадцатым. Епископ Кордуанский заметил, что епископы могут пуститься в путь ко двору не зная еще постановленных правил. В этом случае епископ города лежащего на пути, должен им оные сообщить, приглашая возвратиться в Церковь свою и послать ко двору только диакона. – Ясно, что это только распоряжение временное.

²²⁷ - По Афанас., Апол. прот. ариан, § 44 и послед.; св. Илар. Пикт., Отрыв. II; Феодорит, И. Ц., кн..II, гл. 6.

²²⁸ - Собор так же признает, что был созван самими императорами: καὶ αὐροὶ εὐσεβεστάτοι Βασιλεία συντῆγαυον ἡμᾶς...

²²⁹ - Был епископ того имени в Траяпополисе.

²³⁰ - Имеется послание Церкви Александрийской, мы его скоро приведем.

²³¹ - Феодорит добавил к посланию еще исповедание веры, которое на Востоке приписывалось собору Сардикийскому; но оно признается подложным.

²³² - См. св. Афанас., Ист. ариан к инок., § 15; Апол. прот. ориан, § 50 св. Илар. Пикт., (Отрыв. II), обозначает престолы многих из членов собора.

²³³ - Утверждали бездоказательно, что Осия был посланным от епископа Римского. Должно прежде всего заметить, что епископ на соборе есть представитель собственной Церкви своей, а не епископа чужой Церкви. Осия не мог быть, следственно, представителем епископа Римского. Далее, в послании собора к Юлию, увидят, что представителями епископа Римского были два пресвитера и диакон. Осия избран был собранием в председателя, по старости своей, по уважению, которым пользовался во всей Церкви, но добродетелям своим и мужеству, оказанному при последнем гонении, когда исповедал веру.

²³⁴ - Собор не говорит, что это было обязательно.

²³⁵ - Слова эти обозначают, что епископ Римский занимал первое место в епископстве, как Апостол Петр в сонме Апостолов. Но также как Апостол Петр был только *primus inter pares* в сонме Апостольском, также и епископ Римский только *primus inter pares* в епископстве. Собор Сардикийский ничего более сказать не хотел.

²³⁶ - Если бы Осия был доверенным епископа Римского на соборе, то упомянут бы был прежде обоих пресвитеров и диакона, как обязанная сообщить Юлию о соделанном.

²³⁷ - Епископы Римские имели власть над Церквями этих пригородных провинций, подобно епископам Александрийским над Ливией и Фиваидой, как то сказано было при изложении правил Собора Никейского. Должно заметить, что собор не обращается к епископу Римскому с просьбой о провозглашении его определений повсеместно, он не спрашивает утверждения своих определений, но выражается, напротив того, таким образом, который доказывает, что власть принадлежит собору. Для всех это несомненно, кроме слепо преданных папству.

²³⁸ - Как видим, собор упоминает нам о присланных от епископа Римского только о двух пресвитерах и диаконе, выше именованных.

²³⁹ - По сб. Афанас., Апол. прот. ариан, § 40 и послед.

²⁴⁰ - Из событий, изложенных нами по подлинным актам, следует: 1-ое, что Евсевий Никомидийский и сообщники его, опасаясь, чтобы Запад не принял сторону Афанасия, послали епископу Римскому их мнимые делопроизводства против епископа Александрийского, надеясь, что этого достаточно будет для привлечения его к их партии; 2-ое, что Афанасий, в виду этой попытки, должен был доказать, что делопроизводства эти были подложны; 3-е, что Юлий, в виду противоположных заверений, принужден был предложить обеим партиям избрать место, где созвать собор для разбора этих противоположных заверений; 4-ое, что так как евсевиане не назначили места для собора, то Юлий пригласил их на собор, созываемый им в Риме; 5-ое, что евсевиане отказались посланием, в котором епископ Римский оскорблялся; 6-ое, что последний отвечал им, приглашая их снова на собор для представления доказательств их делопроизводства; 7-ое, что так как евсевиане не прибыли по его приглашению, то Афанасий и прочие противники евсевиан признаны были православными.

²⁴¹ - Concil. Agrippin. ap. Sirmond., Concil. antiq. Gall. t. 1.

²⁴² - Сократ, И. Ц., кн. II, гл. 22; Созомен, И. Ц., кн. III, гл. 13.

²⁴³ - Св. Афанас.» Ист. Ар. к инокам, §§ 18, 19 и 20.

²⁴⁴ - Св. Илар. Пикт., Отрыв. II; св. Афан., Ист. Ар. к инокам у, § 20; Сократ, И. Ц., кн. II, гл. 22; Феодор., И. Ц., кн. II, гл. 6 и 7.

²⁴⁵ - Св. Илар. Пикт., Отрыв. II, §§ 19, 21 до 23; св. Епифан., о ерес., 72, § 4..

²⁴⁶ - Не должно смешивать этого небольшого собрания с соборами Сирмиумскими, о которых вскоре будет изложено.

²⁴⁷ - Феодор., И. Ц., кн. II, гл. 7; Св. Афанас., Ист. Ар. к инок., § 20.

²⁴⁸ - Св. Афан, Апол. прот. Ар. § 51; Ист. Ар. к инок., §§ 21 и 22.

²⁴⁹ - Св. Афан., Апол. прот. Ар., § 51; Ист. Ар. к инок., §§ 21 и 22; Сократ, И. Ц., кн. II, гл. 23.

²⁵⁰ - Св. Афан., Апол. прот. А р §§ 52 и 53; Сократ, И..Ц кн. II, гл. 23.

²⁵¹ - См. письма его у св. Афан., Аполог, пр. Ариан., § 54 и послед.; Ист. Ар. к инок., §§ 23 и след.; Сократ, И. Ц кн. II, гл. 23.

²⁵² - Св. Афан., Апол. прот. Ар., § 57; Ист. Ар. к инок., §§ 24 и след.; Феодорит, И. Ц, кн. II., гл. 12; Сократ, И. Ц, кн. II, гл. 23; Созом., И. Ц. кн. III, гл. 20.

²⁵³ - Св. Афан., Ист. Ар. к инок., § 25.

²⁵⁴ - Сократ., И. Ц., кн. II. гл. 23.

²⁵⁵ - Должно заметить, что император даже не упоминает о первом суждении в частном соборе Юлия, епископа Римского и говорит только о суждении собора то есть Сардикий ского, представляющего всю Церковь и верховную власть в в Церкви.

²⁵⁶ - Феодор., И.Ц., кн. II, гл. 9.

²⁵⁷ - Феодор., И. Ц., кн. II, гл. 9.

²⁵⁸ - Св. Афан., Ист. Ар. к инок., § 25.

²⁵⁹ - В этом должно видеть указания на Пасхальные послания святителя Александрий ского. Посланий этих не знали прежние издатели его творений ; они обнародованы на сирском языке Куртоном и переведены на немецкий Ларсоном: die Festbriefe des ht Athanasius, см. в Mae Nova Biblioth. patrum.

- 260 - Св. Афан. Жиз. Антон. В.
- 261 - Созом., И. Ц., кн. III, гл. 14; Vit. Pat ap. Rosicera.
- 262 - См. нашей Истории Церкви т. II, стр. 345 и послед.
- 263 - Поясом мантия прижималась к телу, а ремень сзади шеи и скрещивавшийся на груди служил для поднятия одежды сзади во время работ.
- 264 - См. нашу книгу История Церкви, т. II, ст. 334.
- 265 - Иероним, Жизнь св. Иллариона.
- 266 - Созомен, И. Ц. кн. III, гл. 14.
- 267 - Optat. Milevit., De Schismat. Donatist., lib. III.
- 268 - Labbe Concil., t. II.
- 269 - Сократ, И. Ц., кн. II, гл. 29 и 30; Илар. Пуат., Отрыв. II, и О Соборе § 38; Епифан., О ересьях 71; Sulpit. sev., Hist. sacr., lib. II, §§ 38 и послед.
- 270 - Св. Илар. Пуат., О Соборе, § 38; Сократ, И.Ц., кн. II, гл. 30.
- 271 - Св. Афан., Ист. Ар. инок., § 30.
- 272 - Св. Афан., Ист. Ар. к инок., § 31.
- 273 - Либер. Послан. к Вост., по Илар. Пикт., Отрыв. IV. Писатели латинские пытались оспаривать это послание Либерия, но причины их бездоказательны.
- 274 - Либер., Посл. Констанцию, § 2; по Иларию Пикт., Отрывок V.
- 275 - То же Послан § 1. Факт этот и многие другие приведенные нами и которые еще будут приведены служат доказательством, что епископы Рима, в первые столетия, даже не имели понятия о власти, которую преемники их впоследствии стали себе приписывать, как будто всегда существовавшую и основанную на самом слове Божиим.
- 276 - Либер., Посл. к Соб., по Илар. Пикт., Отрыв. VI, § 3.
- 277 - Либер., Посл. к Конст., § 5.
- 278 - Либер., Посл. по св. Илар. Пикт., Отрыв. VI, § 3; Sulpit. Sev., Hist. Sacr., lib. II, § 39; Илар. Пикт., к Конст., кн. I, § 8; св. Афанас., Апол. к Конст., § 27.
- 279 - По св. Илар. Пикт., Отрывок VI, § 3.

²⁸⁰ - Посл. Либ. к Конст. по Илар. Пикт., Отрыв. V. Должно заметить, что посланием этим открывается ряд посланий , писанных епископами Рима императорам, как государям своим. Собрание этих посланий служит лучшим доказательством ложности знаменитой дарственной Константина Великого епископам Рима, на верховную власть в город и над частью империи Западной.

²⁸¹ - Некоторые писатели-паписты, как М. А. де-Броглио (*l'Eglise et l'empire romain au IV siccle.*) могли бы обратить внимание на это выражение, прежде нежели делать нападки на память первого императора христианского.

²⁸² - Мы привели этот ответ, как видели, весьма благоприятный для восточных.

²⁸³ - Этот собор Миланский конечно тот, который был вскоре после Сардиний ского в 347. Многие писатели полагают, что там был собор в 346, и что на этот-то указывает Либерий .,

²⁸⁴ - Св. Афанас., Апол. к Констан., § 27; св. Илар. Пикт., кн. I, к Констан., § 8; Сократ., И. Ц., кн. II, гл. 36; Созом., И. Ц., кн. IV, гл. 9; Sulpit. Sev. Hist. Sacr., lib. II, § 39; Labb., Cone., t. II,

²⁸⁵ - Св. Афанас., Апол. к Конст., § 27.

²⁸⁶ - Созом., И. Ц., кн. IV гл. 9; Sulpit. Sev.. Hist Sacr., кн. II, § 39. Иларий не мог перенести осуждения благочестивого Евсевия на ссылку и писал о том к Констанцию; ссылка была ему наградой за прошение.

²⁸⁷ - Фортунат., Жиз. св. Илар. кн. I, § 3.

²⁸⁸ - Некоторые писатели, полагали, что семейство его было христианское. Это мнение кажется нам мало вероятным. Сам Иларий ясно повествует, как он дошел до познания истины.

²⁸⁹ - Иларий , О Троице, кн. 1, § 3.

²⁹⁰ - Фортинат, Жиз. Илар., кн. I, § 3.

²⁹¹ - Св. Илар. Пикт., кн. I, к Конст.

²⁹² - Св. Афан., Апол. к Конст., § 27; Ист. Ар. к инок., §§ 31 и послед.

²⁹³ - По св. Афан., Апол.к Конст., § 30..

²⁹⁴ - Св. Илар. Пикт., Отрывок VI.

²⁹⁵ - Св. Илар. Пикт., Отрыв. VI, § 3.

²⁹⁶ - Аммиан. Маркел., кн. XV, гл. 7; св. Афан., Ист. Ар. к инок, § 35.

²⁹⁷ - Св. Афан., Ист. Ар. к инок., § 35 и послед.; Феодор., кн. II, гл. 13.

²⁹⁸ - Св. Афан., Ист. Ар. к инок., §§ 38–41.

²⁹⁹ - Падение Либерия, епископа Римского, сделалось предметом больших споров; но мы допускаем оное как событие достоверное и вот доказательства наши: Св. Афанасий, (Ист. Ар. к инок., § 41) выражается так: Ὁ δε Αἰβέριος, ἐξοριθείς, ὕστερον μετὰ διετὴ χρόνον ὠκλάσε, καὶ φοβηθείς τὸν ἀπειλούμενον θάνατον, υπέγραψεν. Перевод же латинский бенедиктинцев: «Porro Libertus exlorris factus, post biennium denique fractus est, minisque mortis perlerritus, subscripsit». Св. Афанасий, (Апол. прот. А р., § 89), упомянув Либерия в числе претерпевших ссылку за его дело, продолжает так: «Εἰ γάρ καὶ εἰς τέλος οὐχ ὑπέμεινε τοῦ ἐξορισμοῦ τὴν Θλίψιν, ὅμως διετίαν ἵμεινεν ἐν τῇ μετοικίᾳ, γινώσκων τὴν καθ' ἡμῶν συσκευήν». Перевод латинский бенедиктинцев: «Nam etsi exsilii aerumnas ad fiuem usque non tolerarerit, attamen quod conflatam in nos conspialionem probe nosset, biennio in exsilii loco est commoratus». Чтобы отделаться от этих свидетельств паписты отрицали их подлинность, под предлогом, что оба сочинения эти написаны были до падения Либерия, и что святой Афанасий не мог говорить об этом событии. Но достоверно, что История арианства, назначенная инокам, была написана св. Афанасием только в одном экземпляре, который следовало ему возвратить, когда иноки его прочтут (Посл. к инок., § 3 в заглавии творения). Святой Афанасий пересмотрел его и дополнял когда обнародовал, или послал Серапиону Фмуйскому со своим небольшим сочинением: О смерти Ария. То же самое и с Апологией против ариан. Творение это, составленное преимущественно из официальных актов, было обнародовано несколько лет до падения Либерия и Осии. Но святой Афанасий принужден был его пополнить впоследствии новыми фактами, относившимися к его делу. А потому он преимущественно выводит, что Либерий, Осия и прочие претерпели ссылку, не осуждая их. Падение их после

хотя и приводится, но извиняемое и объясняемое претерпенными ими насилиями. Следственно, замечания папистов не могут пересилить авторитета всех рукописей, в которых оба эти творения находятся в том виде, как были изданы. Святой Иларий Пуатьерский (кн. прот. Конст. § 11) обращается к Констанцию так: «После того ты сделал нападение на Рим, вырвал оттуда епископа. Не знаю, нечестие твое при его ссылке более ли чем при его возвращении». Каким же образом возвращение Либерия могло быть преступлением Констанция, если бы он не предложил условий, которых принять было невозможно? Тот же святой Иларий, в своих отрывках из истории арианства, положительно утверждает о падении Либерия, называет его отступником, изменником и поражает его тройной анафемой (отрывок VI). Он приводит послания, которыми сам Либерий доказывает, что сделал Констанцию требуемые уступки. Утверждали, будто послания, помещенные в отрывках св. Илария, не подлинны и Либерию не принадлежат. Какие же представлены на то доказательства? Созомен, говорят, утверждает, что ариане оклеветали Либерия (Ист. Цер. кн. IV, гл. 15), но в том же самом месте Созомен допускает, что Либерий сделал уступки парии арианской. Свидетельство это, следственно, ничего не доказывает против его посланий. По сказанию этого историка, клеветы ариан относились только к слишком обширному смыслу, который приписывали они уступкам Либерия. Но послания эти обозначают только уступки, не касаясь преувеличений арианских. Очень возможно, что ариане приписывали Либерию также подложные послания, подобно тому, как сами паписты приписывали подложные послания и декретарии самому Либерию и другими папам, но из того еще не следует, что послания его, приведенные в отрывках св. Илария – также подложны. Пытались найти внутренние доказательства подложности в слоге и в образе изложения этих посланий, но не могли однако найти в их ни анахронизмов, ни ошибок в фактах. Известно сколько злоупотреблялось замечаниями о слоге, за и против того же самого тезиса. Что же касается до нас, то нам кажется, что послание Либерия Констанцию, почитаемое всеми за подлинное, того же слога как

и те, которые стараются отвергнуть, как подложные. Кроме того все акты, дошедшие до нас в отрывках св. Илария, были ужасно искажены переписчиками, однако не были извращены, как тому служат доказательством те же самые акты, обнародованные другими писателями. Прочие замечания, деланные на эти послания, не заслуживают внимания. Вот почему принимаем послания эти за подлинные. Еще прежде нас подлинность их признавали многие из ученых. Падение Либерия было записано блаж. Иеронимом, как событие весьма известное в его время. Либерий, говорит он в своей Хронике (год. 354), преодолеваемый скукой изгнания, возвратился в Рим как победитель, согласившись на злобы еретические. В другом месте (О знам. мужах гл. 97) он утверждает, согласно посланий Либерия, что именно Фортунат, епископ Аквилейский, первый просил Либерия согласиться на ереси и убедил его. Иероним говорит, что Либерий возвратился в Рим как победитель, потому что велел изгнать совместника своего Феликса и присвитеров – его сторонников. Было следственно как бы гонение на противников Либерия, что и объясняет повествование Liber pontificalis и Acta s. Eusebii. Так как Феликс не делал уступок арианству, а Либерий сделал, то даже вероятно, что православные приняли сторону Феликса после падения Либериева и были преследуемы как приверженцы Феликса. Без сомнения, что новейшие историки-паписты формально отрицают падение Либерия. Аббат Даррас, даже без колебаний утверждает, что мнимое падение Либерия не подтверждается никакими историческими доказательствами (Histoire generale de l'Eglise t. IX, p. 362 et suiv). Говоря о свидетельстве Созомена, он утверждает, что Василий Анкирский, Евстафий Севастийский и Элевзий Кизический исключали выражение единосущный и хотели, чтобы Либерий и прочие епископы сделали то же. Но, добавляет он. Либерий передал им другое исповедание веры и проч. Но вот изречение Созомена (Ист. Цер., кн. IV, гл. 15 а не 13, как утверждает аббат Даррас): Παρασχευ'άζουσι συναίνεσαι ταύτη Αἰβερῖον, и проч. Перевод латинский бенедиктинцев: «Effecerunt ut Liberius ... ei formilae consentirent. Созомен, следственно, положительно утверждает, что ариане успели

заставить Либерия подписать их формулу; только епископ Римский сделал оговорку в пользу учения подобной по сущности. Не худо привести этот новый пример добросовестности и учености историков–папистов. Что же касается свидетельств св. Афанасия, то Даррас даже о них не упоминает. Что не нравится – того и не надо.

³⁰⁰ - Св. Афанас., Ист. ариан к инок. § 42.

³⁰¹ - Св. Афанас., Ист. ариан к инок., § 44.

³⁰² - Мать Констанция была дочерью Максимиана.

³⁰³ - Указание на смертный приговор, произнесенный на Афанасия.

³⁰⁴ - Т. е. Сардикийским.

³⁰⁵ - Св. Афанас., Ист. Ар: к инок., § 45; Phoebad. Aginn. Adv. Arian, с. 32.

³⁰⁶ - См. Lib. Pontif. t1 Acla s. Eusebii. Во время ссылки Либерия на престол его поместили Феликса, изгнанного из Рима при возвращении Либерия; по вышеупомянутым памятникам, он оказался православнее своего совместника. (Созом., И. Ц., кн. IV, гл. 15; Феодор., И. Ц., кн. II, гл. 17).

³⁰⁷ - Либер., Посл. к епис. Вост., по св.. Илар. Пикт., Отрывок VI, §§ 5 и 6; Созом., И. Ц., кн. IV, гл. 15. (См. замечан. по сноске 59 в конце сей книги).

³⁰⁸ - См. Lib. Pontif. и Acta s. Evsebii; Созом., И. Ц., кн. IV, гл. 15; Феодор., И. Ц., кн. II, гл. 17.

³⁰⁹ - Согласно сказанию св. Илария Пуатьерского (Отрыв. VI, § 7), епископы эти были: Наркисс, Феодор, Василий, Евдоксий, Демофил, Цекропий, Сильван, Урзас, Валенс, Евагрий, Ирений, Ексуперантий; Терентий, Васс, Гавденций, Македоний, Марф, Актик, Юлий Сури Симплик, Юпор. Святой Иларий утверждает, что все они были еретиками.

³¹⁰ - По св. Илар. Пикт., Отрывок VI, § 8.

³¹¹ - Выше приведен был памятник свидетельствующий, что Либерий говорит правду.

³¹² - По св. Илар. Пикт., Отрывок VI, §§ 10 и 11.

³¹³ - Phoebad. Aginn., Advers. Arian, с. 1.

³¹⁴ - Фебадий , прот. Ар., гл. 23.

³¹⁵ - Св. Илар. Пикт., О Соборе, § 2. Неизвестно в каком месте они собирались.

³¹⁶ - В другом месте сказано будет подробнее о творениях Илария и Фебадия.

³¹⁷ - См. Philostorg. Hist. Eccl Epitom., lib. VIII, с. 18; Феодор, О Ерет. басн. кн. IV, гл. 3; Епифан., О Ерес., 76; Bibliotheca graeca. Разбирая творения Отцов Церкви, особенно же св. Василия Великого и св. Григория Нисского, мы будем иметь случай излагать учение Евномия и его опровержение.

³¹⁸ - Это то, что называлось первой формулой Сирмиумской. См св. Афан., О Соборе, § 27 и св. Илар. Пикт., О Соборах, § 38.

³¹⁹ - Она известна под названием второй формулы Сирмиумской. См. св. Афан. О Соборе, § 28; св. Илар. Пикт., О Соборе, гл. 11; Сократ., И. Ц., кн. II гл. 30.

³²⁰ - Сокр., И. Ц., кн. II, гл. 37; Созом., И. Ц., кн. IV, гл. 12 и 13; Феодор., И. Ц, кн. II. гл. 25; Епиф. О ерес., 73; св. Илар. Пикт., О Соборах.

³²¹ - Она известна под названием третьей формулы Сирмиумской.

³²² - Сократ, И. Ц. кн. II, гл. 37. Сократ, так выражаясь, делает указание на события, последовавшие за настоящим собором в Римини.

³²³ - Сулп. Сев., His. Sacr., lib. II, § 41; Созом., И. Ц., кн. IV, гл. 17.

³²⁴ - Посл, к Конст., по св. Илар. Пикт., Отрыв. VII, § 1.

³²⁵ - Сокр., И. Ц. Это замечание Сократа служит доказательством, что Осией и Либерием была подписана не третья формула Сирмиумская, а именно вторая, как то было нами сказано, составленная в начале 358 года, около времени^возвращения Либерия в Риме. Формула, приводимая здесь Сократом, равным образом была переписана св. Афанасием. О Соборах, § 8.

³²⁶ - Сократ., И. Ц.; св. Афан., О Соборе, §§ 8 и 9.

³²⁷ - Св. Илар. Пикт., Отрывок VII, § 4.

³²⁸ - Св. Илар. Пикт., Отрывок VII, § 4; св. Афан., О Соборе, § 11.

³²⁹ - Св. Афан., О Соборе, § 11.

³³⁰ - Послание это приводится Сократом в его И.Ц: святым Афанасием (О Соборах, § 10); св. Иларию Пиктавийским (Отрыв. VIII); Феодоритом (И. Ц., кн. II, гл. 15); Сократом, Созоменом (И. Ц., кн. IV, гл. 18).

³³¹ - Это сказано о Константине Младшем, брате Констанция, присутствовавшем на упомянутом Миланском соборе.

³³² - Созом., И. Ц., кн. IV, гл. 15.

³³³ - Далее увидим, на чем основываем мы это вероятие.

³³⁴ - Сьюльпиц. Сев., Hist. Sacr., lib. II, § 41.

³³⁵ - Феодор., И. Ц., кн. II, гл. 16; Сократ, И. Ц., кн. II, гл. 37; Созомей., И. Ц., кн. IV, гл. 10; Сьюльп. Сев., Hist. Sacr., lib. II, § 43, 44.

³³⁶ - Сократ (И. Ц., кн. II, гл. 37) смешивает вторую ссылку Либерия с первой, которой не знал. Созомен говорит о первой ссылке епископа Римского (И. Ц., кн. IV, гл. 11) о падении его (гл. 15) и, наконец, о второй ссылке (гл. 19). Историки и ученые не довольно обратили внимание на эти различные сказания Созомена, который, по-видимому, хорошо знал всё относящееся до Церкви римской, и допускают только одну ссылку Либерия. По нашему мнению, повествование Созомена заслуживает большего внимания, оно служит доказательством, что Либерий исправил свои слабости, почему и заслужил имени святого даже на Востоке. Раскаяние его почти заставило забыть о преступлении. Понятно становится почему Руффин объявляет, что не знает положительно, возвращения Либерия в Рим было ли следствием его уступок или по ходатайству народа Римского (Руф., И. Ц., кн. I, гл. 26). Этот историк также не знал, что происходило в Римини (гл. 21).

³³⁷ - Сократ, И. Ц., кн. II, гл. 37; Созомен, И. Ц., кн. IV, гл. 19.

³³⁸ - Св. Иларий Пикт., Отрывок VIII, § 5 – 7; Отрывок IX, § 1 – 3.

³³⁹ - Св. Афан, О Соборах, § 12.

³⁴⁰ - Св. Илар. Пикт., кн. II, пр. Конст. § 12; Сюлп. Сев., Hist. Sacr lib. II, § 45.

³⁴¹ - Сопоставляя число, приведенное св. Афанасием с этими указаниями св. Илария, можно заключить, что египтян православных было в Селевкии тридцать шесть.

³⁴² - Сократ, И. Ц., кн. II, гл. 39. Историк этот насчитывает только сто пятьдесят епископов, присутствовавших на соборе, а Созомен (И. Ц кн. IV, гл. 22) сто шестьдесят, подобно св. Афанасию.

³⁴³ - Сократ, И. Ц, кн. II, гл. 40.

³⁴⁴ - Созомен (И. Ц., кн. IV, гл. 22) говорит, что Македоний Константинопольский и Василий Анкирский прибыли в Селевкию на это заседание.

³⁴⁵ - ὁμοούσιος... ομοιούσιος... το ἑνόμοιον. Из последнего слова составлено Аномейцы, обозначающее акакиан или, собственно говоря, ариан.

³⁴⁶ - Приведены были выше, по сказаниям св. Афанасия, имена епископов, которые были низложены и отлучены.

³⁴⁷ - Созом., И. Ц., кн. IV. гл. 20.

³⁴⁸ - Сократ, И. Ц., кн. II, гл. 41; Созом., И. Ц., кн. IV, гл. 23.

³⁴⁹ - Вот они, по указанию Сократа: Символ Никейский , две формулы собора «при освящении» в Антиохии, третья Антиохийская, представленная Константину Младшему Наркиссом в Галлии, посланная Евдоксием в Италию, три Сирмиумские, формула акакиан в Силевкии, наконец Константинопольская, бывшая третьей Сирмиумской, но с изменениями.

³⁵⁰ - Сократ, И. Ц., кн. II, гл. 42.

³⁵¹ - Св. Илар. Пикт., Отрывок X.

³⁵² - Св. Афанас., Апол. о бегстве, § 3.

³⁵³ - Там же, § 4.

³⁵⁴ - Там же, § 5.

³⁵⁵ - Св. Афанас., Апол. о бегстве, §§ 6 и 7.

- 356 - Там же, § 8.
- 357 - Св. Илар. Пикт., кн. II, к Констан., § 2 и послед.
- 358 - Св. Илар. Пикт., кн II. к Констанцию.
- 359 - Сюлп. Север., Vita Martini, § 6.
- 360 - Его же, Истор., кн. II, § 45.
- 361 - Иерон., adv. Lucifer.
- 362 - Люциф. Каглиар., кн. ad Constant, de Regib. aposint.
- 363 - Его же, pro S. Athan. ad Constant., lib. I.
- 364 - Люциф. Каглиар., De non parccudo in Deum delinquentibus, ad Constant.
- 365 - Флоренс Люциферу и Люцифер Флоренсу, Epist. Inter, op. Lucifer.
- 366 - Люцифер, De non parcend.
- 367 - Epist. Euseb. ad Greg по св. Илар, Пикт., Отрывок XI, § 5.
- 368 - Epist. Lib. ad Episcop. ilal., по св. Илар. Пикт., Отрывок XII, § 1 и 2.
- 369 - Epist. Germin. et Valent, по св. Илар. Пикт., Отрывок XIII, XIV и XV.
- 370 - Firmic. Meiern. De errore profan Religion. Edil. Rigali. 1645.
- 371 - Jamblic. Chalcid. De mysteriis, Edit. oxon. 1678. Vit. Eunap. Vit. philosoph.; Ammian. Marcellin. lib. XV.
- 372 - Либаний, Julian. Penegyri.; Eunap. op. cit.
- 373 - Григор., Наз., бесед. V. §§ 23 и 24.
- 374 - Юлиан, Пис. к афинян.
- 375 - Юлиан., Oration. 2 и 3.
- 376 - Есть еще остатки этого дворца, называемого Теремы Юлиановы, на северном склоне горы Сент-Женевьевы.
- 377 - Амм. Marcell.
- 378 - Там же, XXI, 1, 2.
- 379 - Григор. Назиан., Бесед. IV, §§ 52 – 54.
- 380 - Либаний., Orat. XI.
- 381 - Сократ., И. Ц., кн. III, гл.1.

- 382 - Созом., И. Ц., кн. V, гл. 5.
383 - Сократ, И. Ц., кн. III, гл. 2 и 3.
384 - Сократ, И. Ц., кн. III, гл. 4.
385 - Там же, гл. 5 и 6.
386 - Сократ, И. Ц., кн. III, гл. 9.
387 - Сократ, III, 8; Созомен, V, 12 и 13; Руф., I, 28 – 30.
388 - Περὶ οὐσίας καὶ ὑποστάσεως;
389 - Сократ., И. Ц., кн. III, гл. 8.
390 - Там же, гл. 9.
391 - Сократ, И. Ц., кн. III, гл. 10.
392 - Сократ, И.Ц., кн, III, гл. 11–13; Созомен, кн. V, гл. 17.
393 - Св. Афан., Λόγος κατὰ Ελλήνων. Философы языческие именovali себя Эллинами и считали христиан варварами, называя Галилеянами.
394 - Св. Афан., Λόγος περὶ τῆς ἐνανθρώπησεως τοῦ λόγου, etc.
395 - Сократ, И. Ц., кн. III, гл. 14.
396 - Сократ, И. Ц., кн. III, гл. 15.
397 - Там же, гл. 16; Созом., кн. V, гл. 18.
398 - Сократ, И. Ц., кн. III, 16. Спор, относительно классиков языческих, поднятый в наше время, как видим, не новый, чему доказательством служит разбираемая глава из Сократа.
399 - Сократ, И. Ц., кн. III, гл. 17; Созомен, кн. V, гл. 5.
400 - См. Созом., III, 13; Amm. Marcell., XXII, 9.
401 - Юлиан, Orat. V.
402 - Муч. св. Василия Анкирского, см. Ruinart, Acta sincera martyr.
403 - Созом, И. Ц., кн. V, гл. 11.
404 - Вас. В., Пис. XLI, отд. 1, к Юлиану.
405 - Юлиан., Пис. 43, 52; Сократ., И.Ц., кн. III, гл. 14; Созом., И. Ц., кн.V, гл 16 и послед.; св. Григ. Наз., бесед. IV.
406 - Ammian. Marcell., XXII, 12; Феодорит, И. Ц., кн. III, гл. 15; Св. Иоан. Злат., In Iuvent et Martyr orat; М уі. св. Вониф., по Buinart., Act.sinc. martyr.

⁴⁰⁷ - Это новое свидетельство, на подтверждение сказанного о крещении Константина.

⁴⁰⁸ - Феодор., И. Ц., кн. III, гл. 10 и 11; Сократ, И. Ц., кн. III, гл. 18 и 19; Созом., И. Ц., кн. V, гл. 19; Руфф., И. Ц., кн. I, гл. 35 – 38; Амм. Марсел., X X II, 12 и 13; Liban., De Da\$hn. Apoll, fan.

⁴⁰⁹ - Муч. св. Феодорит, по Рюинапу, Act. sincer. Martyr.

⁴¹⁰ - Сократ, И. Ц., кн. III, гл. 16; Созомен, И. Ц., кн. V, гл. 18. Вскоре сообщено будет о песнопениях св. Григория, написанных им в замену языческих, которые по декрету Юлиана запрещалось христианам читать.

⁴¹¹ - Феодор., И. Ц., кн. III, гл. 15; Созом., И. Ц., кн. V, гл. 22; Руфф., И. Ц. кн. I, гл. 37, 38, 39; Сократ, И. Ц. кн. III, гл. 20; Златоуст., Прот. Иудеев и Язычн., § 16; Прот. Иуд., бес. 5; О свят. Вавил. Амм. Marcell., XXIII, 1; Юлиан., Пис. 29 и 30.

⁴¹² - Cum itaque rei idem fortiter insiaret Alypius, juvaretque Proincia Rector, meiuendi Globi flammaram prope fundamenta crebris assultibus erumpentes fecere locum exusilis aliquoties operantibus inaccessum; bocque modo clemento destinalius repellente, cessavit incaptum. (Amm. Marcell. XXIII. 1).

⁴¹³ - Созом., И. Ц., кн. VI, гл. 1 и 2, Сократ, И. Ц., кн. III, гл. 21; Феодорит, И. Ц., кн. III, гл. 20.

⁴¹⁴ - Св. Григор. Назиан., бес. IV, §§ 5 и 6.

⁴¹⁵ - Там же, §§ 6 – 12.

⁴¹⁶ - Там же, § 13.

⁴¹⁷ - Св. Григ. Наз., бес. IV, §§ 14 и послед.

⁴¹⁸ - Там же, § 20.

⁴¹⁹ - Там же, § 21 и послед.

⁴²⁰ - Там же, § 30 и послед.

⁴²¹ - Упомянув о том, св. Григорий (§§ 34 и послед.) хвалит Констанция, изображая его превывавшим преемников своих мудростью, величием и благочестием, спрашивая, как император, столь благоразумный, мог возвысить Юлиана до престола. Похвалы Григория ныне удивляют, когда Констанций столь строго осуждается историей. Но это понятно было в то время, когда Констанций только что умер, потому что, хотя он

поддерживал арианских епископов, но по ревности христианской, считая их великими и ученнейшими мужами. Многие, впрочем, были таковыми, не взирая на заблуждения, которых последствия они скрывали. Григорий же видел в Констанции только искреннего Христианина, а в предосудительных поступках его правительства видит только усилия воспрепятствовать разделением в Церкви (§ 37).

⁴²² - Там же, §§ 44 – 51. Должно заметить, что св. Григорий не упоминает здесь обстоятельств смерти его, о которой повествуют другие историки, преимущественно же Феодорит. Он христиански оплакивает только его отступничество в которое вовлек многих христиан, не выражая, однако, против них ненависти.

⁴²³ - Св. Григ. Наз, Бес. IV, §§ 52 – 64.

⁴²⁴ - Верующие получали на руку освященный хлеб, при причащении.

⁴²⁵ - Там же, §§ 65 – 78.

⁴²⁶ - Святой Григорий о том распространяется. Замечания его доказывают, что он глубоко изучал древность языческую.

⁴²⁷ - Там же, §§ 79 – 83.

⁴²⁸ - Св. Григ. Наз., Бес. IV, § 84. Место это служит еще доказательством, что крестное знамение было в обычае у христиан.

⁴²⁹ - Св. Григ. Наз., Бес. IV, §§ 85 – 96.

⁴³⁰ - Там же §§ 102 – 124.

⁴³¹ - Св. Григор. Назиан., Пр. Юлиан., бесед. 2, §§ 1 – 7.

⁴³² - Св. Григ. Наз., Пр. Юлиан., бесед. 2, §§ 8 – 15.

⁴³³ - Там же, § 16. Должно заметить, что подробности эти сообщены св. Григорием Назианзином и служат доказательством, что в IV столетии в Церкви соблюдались те же правила при погребении верующих, как и ныне; обычаи эти отстранены были в XVI столетии протестантами, как противные учению Церкви первоначальной.

⁴³⁴ - Там же, §§ 16 – 19.

⁴³⁵ - Там же, §§ 30 – 29.

- 436 - Св. Григ. Наз., Бес. IV, §§ 30 – 35.
- 437 - Там же, §§ 36 и 37
- 438 - Там же, §§ 38 – 42.
- 439 - Св. Григорий Назианзин изображает его надувающими щеки, и раздувающим идоложертвенный огонь.
- 440 - Св. Афан., Посл. 1 к Серапиону, § 2.
- 441 - Св. Афан., Посл. 1 к Серапиону, §§ 11 – 14.
- 442 - Там же, §§ 15 и 16.
- 443 - Св. Афан., Посл. 1 к Серапиону, §§ 17 и 18.
- 444 - Церковь римская полагает объяснить то, что по словам св. Афанасия не постижимо для херувимов. Вместо чем довольствоваться учением божественным, по которому Дух Святой исходит от Отца, она учит, что Он исходит также и от Сына. Заблуждение это разрушает Троицу, как то будет в своем месте доказано.
- 445 - Там же, §§ 19 и 20.
- 446 - Св. Афан., Посл. 1 к Серапиону, §§ 21 – 24.
- 447 - Там же, §§ 25 – 27.
- 448 - Там же, § 28.
- 449 - Св. Афанасий учит здесь тому, же чему учили: Иустин, Ириней, Тертуллиан и другие древние Отцы. Церковь римская заменила это древнее правило веры католической словом непогрешимым епископа Римского. Невозможно существеннее противоречить учению католическому первых столетий, единому, заслуживающему доверие.
- 450 - Св. Афан., Посл. 1 к Серап., §§ 29 – 33.
- 451 - Св. Афан., Посл. 3 к Серап., § 1.
- 452 - Там же, §§ 2 – 7.
- 453 - Св. Афан., Посл. 4 к Серап., §§ 2 – 4. Часть символа, именуемого Афанасиевым, заимствована из этого четвертого послания Серапиону.
- 454 - Св. Афан., Посл. к Герац., §§ 5 – 7.
- 455 - Акакий и Патрофил.
- 456 - Св. Афан., О Троице и Святом Духе, § 19.

⁴⁵⁷ - Там же, Излож. веры, § 4. Место это замечательно: το δε αἰὸν πνευμ ἐκτιόρευμα οὐ τοῦ πατρός ἀ ἐῖ ἐστὶν ἐν ταῖς χερσὶ τοῦ πέμποντος πατρὸς καὶ. Τοῦ φέροντος υἱοῦ δι οὗ ἐπλῆρωσε τὰ πάντα.

⁴⁵⁸ - Св. Афан., О воплощении, §§ 9 – 13.

⁴⁵⁹ - Бесед. III, прот ариан, §§ 24 и 25.

⁴⁶⁰ - О Троице и Духе Святом, §§ 8 и 9.

⁴⁶¹ - Св. Афан., О воплощении Слова Божия прот. ариан.

⁴⁶² - Св. Афан., О воплощ. Г. Иисуса Христа прот. Аполлин ., кн. I, § 1.

⁴⁶³ - Там же, §§ 2 – 7.

⁴⁶⁴ - Там же, от § 7 до конца.

⁴⁶⁵ - Там же, кн. II, §§ 3 и послед.

⁴⁶⁶ - Св. Афан., Посл, к Эпикт §§ 1 – 3.

⁴⁶⁷ - Там же, § 4.

⁴⁶⁸ - Не бесполезно обратить внимание на то, что во всех творениях св. Афанасия, – всех направленных против ересей, он ни разу даже не упомянул о другом авторитете кроме Церкви Кафолической. Святитель не сделал ни малейшего указания на авторитет епископов по делам веры, а тем более не упомянул о власти епископа Римского. Свидетельство Церкви выражается Отцами, например Отцами собиравшимися в Никеи, таково единственное правило веры.

⁴⁶⁹ - Св. Афан., Посл, к Адельф.

⁴⁷⁰ - Там же, § 3. Св. Афанасий заранее опровергнул не только Нестория, но и Церковь римскую, которая со времени отделения своего от Церкви кафолической воздаст особое поклонение евхаристической плоти Христовой и Его сердцу. Стараются извинить эти поклонения, говоря, что они приближаются в сущности к Богу, но не менее того верно, что их отделяют, не только часть человечества, но даже часть этой плоти, от лица Слова, ставшего плотью, для отдельного поклонения им. Св. Афанасий ясно осуждает эту ересь, как и Церковь впоследствии осудила ее в лице Нестория.

⁴⁷¹ - Св. Афан., Посл, к Макс. филос.

472 - Там же, § 5.

473 - В то же самое время как св. Афанасий , св. Кирилл Иерусалимский и св. Григорий Назианзин еще отвергали Апокалипсис, как то увидим при разборе их творений .

474 - Св. Афан., Посл, к Марцел., §§ 1 и 2.

475 - Там же, §§ 3 – 20.

476 - Там же, §§ 22 – 26.

477 - Там же, §§ 27 до конца.

478 - Св. Афан., на Псалм.

479 - Св. Афан., О надпис. Псалм.

480 - Св. Афан., Посл, к Еписк. Египетс. и Лив. § 8.

481 - См. в особенности, Barruel, Du Pape et de ses droits, II p. ch. 11. Писатель этот утверждает, будто св. Афанасий апеллировал в Рнме на определение собора Тнрского и на другое низложение свое. Приведены были памятники доказывающие лживость Барюелла, в поддержнвавших то же мнение.

482 - Св. Афан., Ист, ариан к инок., § 9 н послед.; Апол. прот. ариан, §§ 19 н послед.

483 - Св Афан., Апол. прот. ариан, §§ 37 и послед.

484 - Св. Афан., Посл, к Афрос, § 1. τοῦ ἀγαπητοῦ καὶ συλλειτουργοῦ ἡμῶν, Δαμασσοῦ, τοῦ ἐπισκόπου τῆς μεγάλης Ρώμης... Слово ρυλλειτουργος обозначает понятие об общественном служении одинакового рода.

485 - Там же § 10.

486 - Там же, Ист., ар. к инок., § 37.

487 - Там же, § 35.

488 - Св. Афан., Окруж. посл., § 3.

489 - Его же, Посл, к Дракон., §§ 1, 2 и 3.

490 - Там же § 9.

491 - Его же, Посл. 4 к Серап , § 12.

492 - Св. Афанас.. Об опред. Ник. Соб., § 30.

493 - Его же, Бесед. 4 пр. ариан., § 21.

494 - Его же. Посл. 4 к Серап., § 13.

495 - Его же, Бесед. 2 пр. ариан., § 42.

496 - По Феодориту, Разгов. 2.

497 - Св. Афан., Апол. пр. ариан § 11.

498 - Там же, § 30.

499 - Св. Афанас., Апол. к Констан., §§ 15 и 6.

500 - Κυρίакόν πάντες ὀνομάζουσιν. См. 1 заметка на 325 стр.

II тома нашей Истории Церкви.

501 - Св. Григор. Богосл., Беседа 21 в похвалу Афан.. св. Афанас., Аполог, бегст.; Сократ., И. Ц. кн. III, гл. 8; Созом., И. Ц.. кн. IV, гл. 10; Руф., И. Ц. кн. I, гл. 18.

502 - Св. Афан., Посл. к Дракон., § 1.

503 - Св. Афан., Посл. к Дракон., § 2.

504 - Св. Афан., Посл. к Дракон., § 3.

505 - Там же, § 4.

506 - Св. Афан., Посл. к Дракон. § 5.

507 - Там же, § 6.

508 - Там же, § 7.

509 - Св. Афан., Посл. к Дракон., § 8.

510 - Там же, § 9.

511 - Выше приведено было это изречение.

512 - Там же, § 10.

513 - Св. Афан., Пасх. Посл.

514 - Выше сказано было, что открытие этих посланий принадлежит Куртону. Кардинал Май поместил их в Nouvelle Bibliotheque des Peres, с латинским переводом с сирского, открытого и разработанного Куртоном.

515 - Пасх. Посл. 1, § 5.

516 - Посл. Пасх., § 7.

517 - В других посланиях указывает он на начало поста, а после на великую седмицу Пасхи и Пятидесятницы.

518 - Там же, § 10.

519 - Там же, § 11.

520 - Св. Афан., Посл. Пасх. 2, §§ 6 и 7.

521 - Св. Афан., Посл. Пасх. 3, § 6.

- 522 - Посл. Пасх. 4, § 1.
- 523 - Там же, § 4.
- 524 - Посл. Пасх., § 5.
- 525 - Наружные омовения до ныне еще в обычае Церквей православных, восточных.
- 526 - Св. Афан., Посл Пасх. 10, § 1.
- 527 - Там же, § 2.
- 528 - Там же, § 7.
- 529 - Посл. Пасх. 10, § 8.
- 530 - Св. Афан., Посл. Пасх. 13, § 6.
- 531 - Посл. Пасх. 19, § 1.
- 532 - Посл. Пасх. 19, § 9.
- 533 - Там же, § 8.
- 534 - Фотий , Посл. к Тарас.
- 535 - Св. Кирил. Иерусал., Твор. изд. Бенеден.
- 536 - Вот символ этот, в точности заимствованный от святого Кирилла: «Веруем в единого Бога, Отца всемогущего, Творца неба и земли, всех видимых и невидимых; «И во единого Учителя, Иисуса Христа, Сына Божия едиnorodного, рожденного от Отца, Бога истинного, прежде всех век, им же сотворена всяческая; Пришедшего во плоти и вочеловечившегося от Девы чрез Святого Духа, распятого и погребенного, и воскресшего в третий день, и восшедшего на небеса, и сидящего одесную Отца, и грядущего со славою судить живых и мертвых, Его же царствию не будет конца;«И в Духа Святого, Утешителя, глаголавшего чрез Пророков;«И в крещение покаяния, во оставление грехов;«И единую святую Церковь Кафолическую;«И в жизнь вечную».
- 537 - Св. Кирилл, Оглас. поуч § 1. Оглашенные назывались φωτισόμενοι, а по латыни: illuminandi.
- 538 - Там же, § 2.
- 539 - Οὐκ ε'φωτίσθη, по латыни: non illuminandi.
- Просвещением называлась благодать, сообщаемая крещением.
- 540 - Оглас. поуч., § 3.
- 541 - Там же, § 4.

542 - Там же, § 7.

543 - Там же, § 9.

544 - Там же, § 10.

545 - Оглас. поуч., §§ 11 и 12.

546 - Там же, § 13.

547 - Там же, § 14.

548 - Там же, § 16.

549 - Св. Кирил., Оглас. поуч. 1, § 2. Изменение ветхого человека в нового совершается, как говорит Кирилл: διὰ τῆς ἐξομολογήσεως, после исповеди.

550 - То есть верующий πιστός. Также называли верующих просвещенными или освященными.

551 - Там же, § 5.

552 - Оглас. Поуч. II, §§ 1 – 10.

553 - Εἰς μόνος ἀναμάρτητος (§ 10). Таково первоначальное учение Церкви, противоположное тому, какое в наше время провозглашено было Церковью римской о Деве Марии, что будто она зачата без первородного греха и свободна от всякого настоящего. Мнимый догмат этот, обнародованный в 1854 году, противен первоначальному учению, выраженному св. Кириллом Иерусалимским и другими Отцами Церкви.

554 - Там же, §§ 12 и 13.

555 - Πέτρος ο κορυφαίωτατος καί πρωτοστάτης των αποστόλων... το ἀποστολικόν αξίωμα ἔσχεν ἀναφαίρετον. По мнению св. Кирилла, Петр, хотя и первый из Апостолов, но не имел ничего более кроме достоинства апостольского. Епископы же Римские, считающие себя преемниками Апостола Петра, не только как епископы Рима, но как первые епископы Церкви, стараются злоупотреблять словами более возвышенный и председатель, чтобы приписать Апостолу Петру, а после того и самим себе, звание высшее, исключительное. Но это заблуждение противно учению Отцов, как уже то видели и увидим впоследствии.

556 - Св. Кирил., Оглас. поуч. III, § 3.

557 - Там же, § 12.

⁵⁵⁸ - Там же, § 10. Должно заметить, что св. Кирилл часто излагает учение, что Христос – едиnorodный Сын Божий . В третьем огласительном поучении (§ 14) он говорит, что Отец назвал Христа Сыном Своим, в точном значении сего слова, потому что предвечное Слово есть Сын Божий по сущности, крещаемый есть также сын Божий , но по усыновлению. Невозможно яснее выразить учение о единосущном.

⁵⁵⁹ - Там же, § 15.

⁵⁶⁰ - Св. Кирил., Оглас. поуч. IV, § 1.

⁵⁶¹ - Св. Кирил., Оглас. поуч. IV, § 2.

⁵⁶² - Св. Кирил., Оглас. поуч. IV, § 10. Место это может заставить предполагать, что не весь крест оставался в Иерусалиме, и могло бы послужить опровержением подлинности креста, который, как утверждали, там хранится.

⁵⁶³ - Словом *καταχθόνια*, подземными, святой Кирилл хотел обозначить места вне мира видимого, где находятся души по смерти.

⁵⁶⁴ - Известно, что Церкви протестантская и англиканская оное отменили, как противное обычаям Церкви первоначальной. В этом они ошиблись, как и во многом другом, что указано будет впоследствии.

⁵⁶⁵ - Св. Кирилл, подобно прочим Отцам, говорит только о суде окончательном, который навечно определит участь людей.

⁵⁶⁶ - Св. Кирилл не делает здесь никакого указания на происхождение Святого Духа.

⁵⁶⁷ - Св. Кирил., Оглас. поуч. 5. §§ 1 – 5.

⁵⁶⁸ - Там же, 5, § 6.

⁵⁶⁹ - Там же, § 7.

⁵⁷⁰ - Там же, § 10 и 11.

⁵⁷¹ - Св. Кирил., Оглас. поуч., § 12.

⁵⁷² - Там же, § 13.

⁵⁷³ - Там же, 6, § 2.

⁵⁷⁴ - Св. Кирил., Оглас. поуч. 6, § 5.

⁵⁷⁵ - Там же, §§ 7, 9.

⁵⁷⁶ - Там же, 6; § 11.

⁵⁷⁷ - Факт этот допускал св. Иустин, (Аполог. 11); Иринеи, (Прот. Ересей, кн. I, 23); Тертуллиан, (Апологет., гл. 13); Евсевий, (И. Ц., кн. II, гл. 13 и 14) и другие позднейшие писатели. Некоторые из критиков оспаривали это, стараясь объяснить надпись другим образом, чем ученые писатели, нами упомянутые. Свидетельство этих ученых благоразумнее предпочитать системам новейших критиков. См. о Симоне волхве примечание 2, стр. 303 тома I нашей Истории Церкви.

⁵⁷⁸ - Святой Кирилл (§ 15) дает Петру и Павлу то же название: οἱ τῆς Ἐκκλησίας προστάται, предстоящие по управлению Церкви или начальники Церкви. По мнению епископа Иерусалимского, Петр не имел исключительного права на это звание, и Павел имел равное с ним право. Отличия их, по сказаниям Нового Завета, как-то: ключи от неба, отличающие Петра, и восхищение до третьего неба, отличающее Павла, не давали им прав исключительных. Так как Апостолы Петр и Паавл находились вместе в Риме только около 67 года, при Нероне, то в это время, по сказанию святого Кирилла, случилось событие относительно Симона волхва, жившего в Риме в продолжении нескольких лет.

⁵⁷⁹ - Св. Кирил., Оглас. поуч. 7, § 4.

⁵⁸⁰ - Св. Кирил., Оглас. поуч. 8 и 9.

⁵⁸¹ - Св. Кирил., Оглас. поуч. 10.

⁵⁸² - Св. Кирил., Оглас. поуч. 10, § 14. ἀρχιερεὺς ἀπαράβατον ἔχων τὴν ἱεροσύνην... οὔτε διάδοχον ἑτερον ἔχων τῆς ἀρχιερατείας. Учение это совершенно противоположно теории папской.

⁵⁸³ - Παρθένος ὑ Θεοτόκος. Именование это, следственно, не было изобретено на соборе Ефесском, как то утверждали писатели не достаточно ученые.

⁵⁸⁴ - Св. Кирил., Оглас. поуч. 11.

⁵⁸⁵ - Св. Кирил., Оглас. поуч. 12.

⁵⁸⁶ - Св. Кирил., Оглас. поуч. 13.

⁵⁸⁷ - Его же, Оглас. поуч. 14.

⁵⁸⁸ - Там же, § 27.

⁵⁸⁹ - Его же, Оглас. поуч. 15.

⁵⁹⁰ - Св. Кирилл, как другие Отцы Церкви, соглашается со многими знамениями, которые должны предшествовать второму пришествию, и относят к сему многие пророчества, особенно же Даниила, не выдавая, однако, теорий своих за догматы, которым обязаны веровать.

⁵⁹¹ - Св. Кирилл., Оглас. поуч. 16.

⁵⁹² - Там же, § 2.

⁵⁹³ - Св. Кирил., Оглас. поуч. 16, § 24. В параграфе 22, святой Кирилл, говоря о действиях Духа Святого в мир, дает понятие о важности числительного значения Церкви в IV столетии. «Желал бы, говорит он, чтобы ты рассудил, сколько христиан принадлежит к этой епархии и ко всей Палестине. Отсюда мыслью твоею пронесись до конечных пределов империи Римской, а после окинь взором остальную часть мира, и увидишь христиан, у Персов и у различных народов Индии, у Готфов, Сарматов, Галлов, Испанцев, Мавров, у Африканцев, у Эфиопов и у других народов, названий которых мы даже не знаем. Рассуди, сколько у всех народов епископов, пресвитеров, диаконов, иноков, дев, мирян, и увидишь, как распространены дары Духа Святого; как во всем мире одни подвизаются в честности, другие в постоянном девстве, или любви, или нищете. Дух Святой как бы светоносное средоточие, лучи которого распространяются повсюду».

⁵⁹⁴ - Св. Кирил., Оглас поуч. 17.

⁵⁹⁵ - Там же, § 11. Должно заметить два изречения в этом поучении, относящиеся до Апостолов Павла и Петра. Св. Кирилл считает Павла Апостолом Рима: κατηχησόντα δε και την βασιλίδα 'Ρώμην: Regiamque Romam institutis imbuit (см. Et. § 31). После благовестия его в Риме, он упоминает о его путешествии в Испанию (§ 26). В следующем же § (27) называет Апостола Петра председателем Апостолов и ключеносцем царства небесного: ο πρωτοστάτης των ἀποστόλων κα'ι της Βασιλείας των ουρανών κλειδοῦχος Πέτρος. Но святой Кирилл не считает наименований этих предоставляющими Апостолу Петру особой власти. Должно также заметить, что он не говорит ни об

епископстве, ни даже об апостольстве Петра в Риме, предоставляя св. Павлу название Апостола в Риме. Следственно, напрасно приверженцы папства желали найти в изречениях св. Кирилла доказательства в пользу этого учреждения. Мы видели, что святой учитель называет председателями Апостолов св. Павла равно как и св. Петра. Название же ключеносца – только указание на текст евангельский . Что же касается епископства Апостола Петра в Риме, которое считается основанием папства, то святой Кирилл его отвергает, правда не прямо, но в сущности очень положительно. Равным образом отвергает он и епископство Апостола Петра в Антиохии (§ 28).

⁵⁹⁶ - Св. Кирил., Оглас. поуч. 18.

⁵⁹⁷ - Там же, § 1.

⁵⁹⁸ - Св. Кирил., Оглас. поуч. 18, § 23.

⁵⁹⁹ - Этими последними словами св. Кирилл обозначает столь ясно, как только мог, для оглашенных таинства Церкви. Очень замечательно, что при объяснении слова католическая святой Кирилл не делает никакого указания о подчинении какой бы то ни было центральной власти. В его время еще не была известна новейшая теория папства.

⁶⁰⁰ - Там же, § 26.

⁶⁰¹ - Св. Кирилл чтобы обозначить Церковь употребляет слово τό Κυρίάκον (по латыни I??minicum), слово, па которое уже не редко обращали внимание читателей и слово чрезвычайно древнее.

⁶⁰² - Св. Кирилл признавал только три степени в Церкви: апостолов или епископовъ, пророков или пресвитеров, учителей или диаконов, которым препоручалось читать книги вероучения в собраниях верующих. Таким образом объясняет он приводимый им текст Апостола Павла (I Коринф., 12:28) и находил в прочих званиях, указанных Апостолом, только дары исключительные, а не степени постоянные.

⁶⁰³ - Не бесполезно обратить внимание на понятия св. Кирилла Иерусалимского о Церкви католической; они совершенно противоположны понятиям Церкви римской или

папской. Поверят ли, что богословы римские имели бесстыдство указывать на изречения св. Кирилла в пользу системы папской? Один из епископов in patribus М. Люкэ, епископ Гезебона, дерзнул же привести эти изречения в письме весьма дерзком к уважаемым епископам православным в России. Письмо это находится в начале, в виде предисловия, тяжелого пасквиля Тейнера против православной Церкви Российской (См. ст. I введения).

⁶⁰⁴ - Подобно Отцам, приводимым прежде, св. Кирилл утверждает, что жизнь вечная должна начаться только после воскресения и всеобщего суда. В ожидании сего, умершие находятся в положении временном относительно участи, ожидающей их впоследствии.

⁶⁰⁵ - Св. Кирил. Иерус., Поуч. Мист. 1, § 1.

⁶⁰⁶ - Торжественное крещение совершалось при вечернем богослужении перед Пасхой.

⁶⁰⁷ - Св. Кирил.. Поуч. Мист., § 2 и послед.

⁶⁰⁸ - Там же, 1, § 7.

⁶⁰⁹ - Должно заметить, что, по словам святого Кирилла, освящение даров евхаристических совершается только через призывание, согласно учению Церкви католической, восточной. Кроме того нужно еще заметить, что святитель, делая сопоставление между яствами, оскверненными через призывание демонов, и дарами евхаристическими, говорит только, что они просто оскверняются, тогда как хлеб и вино через посвящение становятся телом и кровью Христовыми.

⁶¹⁰ - Св. Кирил., Поуч. Мист. §§ 9 и 11. По мнению святого Кирилла, земной рай находится на Востоке от Иерусалима. Он указывал. таким образом, на долины Евфрата и Тигра.

⁶¹¹ - Там же, 2, § 2.

⁶¹² - Там же, 2, § 3.

⁶¹³ - Там же, § 4.

⁶¹⁴ - Там же, §§ 5, 6 и 7.

⁶¹⁵ - Св. Кирил., Поуч. Мист. 3, § 1. Церковь католическая, восточная, сохранила таинственное единение крещения с миропомазанием. Церковь римская, сохранив древний обычай

преподавания обоих таинств, повторяет конфирмацию или миропомазание по истечении нескольких лет, через епископа. Церковь же англиканская, сохранив заблуждение Церкви римской, добавила к тому отмену помазания, под ложным предлогом, что оно противно обычаям первоначальным. Протестанты же все отменили, как таинства, так и их чиноположение, под предлогом первоначальной простоты.

⁶¹⁶ - Там же, § 3.

⁶¹⁷ - Протестанты утверждали, по этому изречению, что святой Кирилл, допускал в евхаристии только действительность мистическую, подобно допускаемой им в благовонном елее миропомазания. Св. Кирилл сам вскоре за этим отвечает на эту систему. Святитель имел только ввиду возвысить в глазах новопросвещенных значение святого мира, но не хотел сказать, что между началом освящающим, которое сообщено миру после его освящения, и хлебом евхаристическим было бы полное подобие. Он называет хлеб евхаристический телом Христовым, но не называет святого мира Духом Святым.

⁶¹⁸ - Там же, 3, § 4.

⁶¹⁹ - Там же, § 5.

⁶²⁰ - Одно это разделение уже служит ответом Протестантам, по мнению которых действительность (не действительная) или допускаемая существует только в минуту причащения.

⁶²¹ - Там же 4, § 1.

⁶²² - Καὶ οὐκ ἀξιόπιστος ἐστὶν, οἶνον μεταβαλὼν εἰς αἷμα. § 2. Следственно, по мнению св. Кирилла, есть преложение сущности вина в сущность крови, не взирая на видимость, которая осталась той же.

⁶²³ - Ἐν τύπῳ γάρ αὐτοῦ, δίδοται σοι τὸ σῶμα καὶ ἐν τύπῳ οἴνου δίδοται σοι τὸ αἷμα; ἵνα γένη, μεταβαλὼν σώματος καὶ αἵματος Χριστοῦ, σύσσωμος καὶ σύναιμος αὐτοῦ. Οἷτω γὰρ καὶ χριστοφόροι γινόμεθα, τοῦ σώματος αὐτοῦ καὶ τοῦ αἵματος εἰς τὰ ἡμέτερα ἀναδιδόμενον μέλη (§ 3).

⁶²⁴ - Πνευματικῶς (§ 4).

⁶²⁵ - Св. Кирил., Поуч. Мист § 6.

- 626 - Там же, § 9.
- 627 - Там же 5, § 2.
- 628 - Ἀλλήλους ἀπολάβετε, καὶ ἀλλήλους ἀσπαζώμεθα.
- 629 - «Ἀνω τὰς καρδίας (§ 4).
- 630 - «Ἐχομεν πρὸς τὸν κύριον.
- 631 - Εὐχαριστήσωμεν τῷ κυρίῳ.... ἀξιὸν καὶ δίκαιον (§ 5).
- 632 - Там же, § 6.
- 633 - Выражение еврейское Бог сил (Саваоф) означает Бога могущественного; силы или войска суть знаки могущества.
- 634 - Св. Кирил., Поуч. Мист. 5, § 7.
- 635 - Ἵνα ποιητῇ μὲν ἄρτον σῶμα Χριστοῦ, τὸν δὲ οἶνον αἷμα Χριστοῦ.
- 636 - Μεταβέβληται.
- 637 - Там же, § 8.
- 638 - Св. Кирил., Поуч. Мист. 5, § 9.
- 639 - Изречение это подтверждает приведенное прежде и служит доказательством, что призывание святых и молитвы за усопших принадлежат первым столетиям.
- 640 - Там же, §§ 10 – 18.
- 641 - Τὰ ἁγία τοῖς ἁγίοις (§ 19).
- 642 - Εἰς ἅγιος, εἰς κθῖριος Ἰησοῦς Χρῖστος (Там же).
- 643 - Γεύσασθε καὶ «δετε, οἱ Χριστός ὁ κύριος (§ 20).
- 644 - Там же, § 21.
- 645 - Св. Кирил., Поуч. Мист. 5, § 22.
- 646 - Знающие литургию, совершаемую в наше время Церковью католической, восточной, известной под названием Литургии святого Иоанна Златоуста, могут видеть, что она совершенно согласуется с употреблявшейся в Иерусалиме в IV столетии, которая была не новостью, но исходила от времен апостольских. Церкви западные сохранили чин подобный этой древней литургии, но ныне перемешаны они с многими изменениями, принятыми в средние века. Святой Кирилл говорит только о литургии, верных, а не о литургии оглашенных.

⁶⁴⁷ - Многие из писателей того времени упоминали об этом событии, помещенном в Хронике Александрийской или пасхальной на 351 год.

⁶⁴⁸ - Св. Григорий Нисский ., На похв. бр. Василия; св. Григор. Богосл., Похвслов. Вас. В., бес. 43; Жизнь Вас. В., в. изд. Бенедект.

⁶⁴⁹ - Св. Григор., Богосл. Беседа 43, § 20.

⁶⁵⁰ - Св. Василия В. Беседа на Шестоднев.

⁶⁵¹ - Св. Вас. В. Беседа 1, §§ 1, 2 и 3.

⁶⁵² - Там же, § 5.

⁶⁵³ - Св. Вас. В., Беседа 2, §§ 1, 2 и 3.

⁶⁵⁴ - Там же, § 4.

⁶⁵⁵ - Там же, § 6.

⁶⁵⁶ - Там же, § 7.

⁶⁵⁷ - Св. Вас. В., на Шестоднев беседа, § 8.

⁶⁵⁸ - Там же, 3, § 3.

⁶⁵⁹ - Св. Вас. В. Беседа IV Шестоднева.

⁶⁶⁰ - Многие моря переместились во время великого переворота, именуемого потопом, так что невозможно сказать, что все моря настоящие суть моря первоначальные. Перемещение многих морей превосходно доказывается остатками ископаемых, находящихся на поверхности шара земного, так что о том не может быть сомнений.

⁶⁶¹ - Св. Вас. В., Бес. V на Шестоднев.

⁶⁶² - Там же, беседа VI.

⁶⁶³ - Св. Вас. В., Бесед. VII и VIII.

⁶⁶⁴ - Там же, Περι τῆς τοῦ ἀνθρώπου κατασκευῆς... περι παραδείσου, Бесед. 1, 2 и 3.

⁶⁶⁵ - Там же, Бесед. 1, § 16.

⁶⁶⁶ - Св. Васил. Вел., Бесед. на псалм. и Толков, на пр. Исаию.

⁶⁶⁷ - Творения, которые выдаются под заглавием четвертой и пятой книги св. Василия против Евномия, отвергаются, как апокрифы, большей частью ученых. Разделяя это мнение не

находим в них ни того же слога, ни метода, ни глубины, как в прочих творениях святителя. Должно приписывать их позднему неизвестному богослову.

668 - Св. Вас. В., пр. Евном кн. 1, § 1.

669 - Там же, § 1.

670 - Св. Васил. В., пр. Евном., кн. 1, § 2.

671 - Там же, §§ 2 – 6.

672 - Там же, §§ 6 – 27.

673 - "Υπόστασις, ипостась точно так же значит сущность как и Лицо ουσία существо, так же значит сущность; в этом последнем отношении смысл его смешивается со смыслом первого слова; отсюда происходит логомахия, которой еретики злоупотребляли и бывшая причиной стольких невольных заблуждений.

674 - Св. Вас. В., пр. Евном ., кн. II, §§ 1 – 34.

675 - Св. Вас. В., прот. Евном., кн. III, § 1.

676 - Там же, §§ 2 – 4.

677 - Там же, § 5.

678 - Там же, § 6. Это то, что по сие время исповедует Церковь кафолическая, восточная, относительно сего таинства, которое церкви западные полагали разъяснить, добавив к выражениям Писаний слова новые, неизвестным преданию вселенскому.

679 - Св. Вас. В., О Духе Св., гл. 1, § 1.

680 - Св. Вас. В., О Духе Св., § 3

681 - Там же, § 2.

682 - Там же, § 3. Это есть свидетельство за подлинность Литургии, приписываемой Василию Великому, и которая служится в день его памяти, и великим постом.

683 - Там же, гл. 2, § 4.

684 - Св. Вас. В., О Духе Св., гл. 3, 4 и 5.

685 - Там же, гл. 6.

686 - Там же, гл. 7.

687 - Там же, гл. 8.

⁶⁸⁸ - Там же, гл. 9.

⁶⁸⁹ - Τὰς (έννοιας) τε ἐκ των Γραφών... καί ἄς εκ τῆς ἀγραφοῦ παραδοσεως των πατέρων... гл. 9, § 22. Протестанты могут видеть, по выражениям св. Василия, что предание не письменное Церкви довольно древнее. Могли бы они также убедиться по извлечениям нашим из Иринея, Тертуллиана и прочих Отцов первых трех столетий, что учение это столь же древнее, как и проповедь апостольская.

⁶⁹⁰ - Св. Вас. В., О Духе Св., гл. 10 и 11.

⁶⁹¹ - Там же, гл. 12 – 15.

⁶⁹² - Там же, гл. 16.

⁶⁹³ - Там же, гл. 17 и 18.

⁶⁹⁴ - Там же, гл. 18, § 46.

⁶⁹⁵ - Не возможно яснее выразиться о вероучении Церкви, как выражает здесь св. Василий, что Дух исходящий от одного Отца посылается через Сына. Однако богословы западные, сделав подлог в изречениях св. Василия и даже изобретя некоторые, старались обратить святого учителя в покровителя ереси западной об исхождении от Отца и Сына. Изречения извращенные ими относятся не до начала Святого Духа, но до общего действия трех Лиц, действия, началом которого Отец, средством – Сын и которое совершается во Святом Духе.

⁶⁹⁶ - Св. Вас. В., О Духе Св., гл. 19 – 25.

⁶⁹⁷ - Там же, гл. 25 – 30.

⁶⁹⁸ - Там же, гл. 29, §§ 72, 73 и 74.

⁶⁹⁹ - Св. Вас. В., Беседа о чтении книг языческих.

⁷⁰⁰ - Св. Вас. В., О Духе Св., гл. 10 и послед. Бесед на Крещ.

⁷⁰¹ - Там же, Нрав, наст., Пр. 21 и послед.; Пр. сокращ. вопр. 310; Пис. класс. II. Пис. 93.

⁷⁰² - Св. Вас. В., О Духе Св., § 66.

⁷⁰³ - Его же, Прав. Вопр. 229 и 288.

⁷⁰⁴ - Его же, Пис. класс. II, Пос. 134, 161; О Духе Св., §§ 39, 61.

⁷⁰⁵ - Св. Вас. В., Пис. класс. I, Пис. 42; Клас. II, Пис. 161, 183, 197.

⁷⁰⁶ - Езуит Баррюель (Du pape et de ses droits, 2 p. с. 3) приводит письмо св. Василия к св. Афанасию, как содержащее в себе доказательства в пользу папства. В письме этом нет ни слова в пользу папства, напротив того, там упоминается, что св. Афанасий имел попечение о всех Церквях. Если это слово сказано было о епископе Римском, то им злоупотребляют только в пользу папства. Оно лишь доказывает епископское рвание того, кто сего заслуживал (Пис. 69 св. Афанас.). Баррюель называет св. Василия епископом Неокессарийским.

⁷⁰⁷ - Св. Григ. Бог., Твор., Edit. Bened.

⁷⁰⁸ - Св. Григ. Бог. Слов. 1.

⁷⁰⁹ - Там же, Слов. 2.

⁷¹⁰ - Св. Григ. Бог., Слов. 9. Первые слова этой речи показывают, что над пресвитерами и епископами при рукоположении совершали помазание.

⁷¹¹ - Св. Григ. Богосл., Слово 10.

⁷¹² - Там же, Слово 12, 16 и 17.

⁷¹³ - Там же, Слово 27 и послед.

⁷¹⁴ - Св. Григ. Богосл., Слово 23, 2 о Богослов.

⁷¹⁵ - Там же, Слово 29, 3 о Богослов., § 2.

⁷¹⁶ - Заметим, что св. Григорий Богослов даже не знает исхождения от Сына, из которого Церковь римская сделала догмат; даже найдем в пятом слове о Богословии опровержение заблуждению римскому.

⁷¹⁷ - Св. Григор. Богосл., Слово 29, 3-е о Богослов., §§ 19 и 20.

⁷¹⁸ - Св. Григор. Богосл., Слово 30, 4-ое о Богослов.

⁷¹⁹ - Св. Григор. Богосл., Слово 31, 5-ое о Богослов.

⁷²⁰ - Там же, §§ 8 и 9. Святой Григорий опровергает здесь заранее заблуждение римское о исхождении от Сына, заблуждение, которого невозможно допустить не приписывая Сыну исключительной принадлежности Отца.

⁷²¹ - Его же, Слово 31, § 10.

- 722 - Его же, Слово 38.
- 723 - Там же, § 3.
- 724 - Св. Григор. Богосл., Слово 38, § 4.
- 725 - Его же, Слово 39, §§ 1 и 2.
- 726 - Там же, §§ 3 и послед.
- 727 - Там же, § 14.
- 728 - Св. Григор., Слово 39, § 20.
- 729 - Его же, Слово 40, § 1.
- 730 - Его же, Слово 45, § 2.
- 731 - Его же, Слово 44.
- 732 - Там же, 41.
- 733 - Там же, § 5.
- 734 - Там же, § 10.
- 735 - Св. Григор. Богосл., Письмо 101 к Кледону.
- 736 - Его же, Поэма 12.
- 737 - Иероним, О знам. муж., гл. 133; Св. Амфилох., Твор. Edit. Galland.
- 738 - Либаний, Пис. 321 к Севаст. edit. Amsteleudam.
- 739 - Сократ., И. Ц. кн. IV, гл. 24; Созом., И. Ц., кн. III, гл. 15; Феодор., И.Ц., кн. IV, гл. 26; Иерон., О знам. муж., гл. 109; Руффин., И. Ц., кн. II, гл. 7.
- 740 - Дидима, op. Fabric., Biblioth. Grac.
- 741 - Его же, О Св. Троице, кн. II, гл. 2.
- 742 - 'Επειδή γάρ εἷχ του ενός Πατρός; φύσει, και ού δημιουργική εἵνεργεία, πρσλον αι μακάриа: υποστάσεις αῑται, εις τον αὐτόν ενα ανάγονται. Так ученый Дидим наперёд опровергал не только раскол Римской Церкви об исхождении Святого Духа, но и уклонения богословов от истины в пользу сего раскола.
- 743 - Дидим, О Св. Духе, §§ 17 – 22.
- 744 - Макарий Егип. и Макарий Александ., op. Edit. Mign., Patrolog. Graec. t. XXXIV Pallad., Hist. Lausiac.
- 745 - Есть творение Орсиезия: Правила инокам, св. Пахомия: Правило монастырское, о котором было сказано.

⁷⁴⁶ - Епископ этот написал книгу против манихеев и другую о надписаниях Псалмов; сохранились его два послания, первое к епископу Евдоксию, второе – к инокам Александрийским. Он заслужил прозвание схоластика, то есть ученого преподавателя. Иерон., О знам. муж., гл. 99.

⁷⁴⁷ - Собраны после св. Антония письма, речи, изречения и правила.

⁷⁴⁸ - От аввы Феодора есть окружное послание в монастыри о Пасхе.

⁷⁴⁹ - Серапион и Пафнутий написали правила монастырские.

⁷⁵⁰ - Исаия написал поучения, изречения и правила монастырские.

⁷⁵¹ - Евгарий равным образом составлял правила, изречения и не большие богословские сочинения. Все эти творения писателей египетских собраны в *Bibliothèque des Peres de Galland*. – В России же издавна по различным славянским переводам, а в последнее время переведены на русский язык почти все Отческие подвижнические книги и изданы изданием Оптиной Козельской пустыни. – (Примеч. переводчика).

⁷⁵² - По *Fabric., Biblioth. graec.* Иеронимъ, О знам. м у ж гл. 119.

⁷⁵³ - По *Galland., Biblioth. Pat.*; Иероним, (О знам. Муж., гл. 92) говорит, что Трифилий был мужем самым красноречивым на Кипре и написал толкование на Песнь Песней.

⁷⁵⁴ - По *Fabric., Biblioth. grate.* Его следует отличать от арианина Астерия, о котором говорит Иероним в знам. Муж., гл. 94.

⁷⁵⁵ - По *Galland., Biblioth. Pat.*

⁷⁵⁶ - Иероним, О знам. муж.

⁷⁵⁷ - По *Galland., Biblioth. Pat.*

⁷⁵⁸ - Иероним, О знам. муж., гл. 90.

⁷⁵⁹ - Иероним, О знам. муж., гл. 115; Паллад., *His. Laus.*; Феодорит, Пис. 145; И.Ц., кн. IV, гл. 26; Созомен, И.Ц., кн. III,

гл. 16.

760 - Св. Ефрема, оп. Edit. Assemani, Romae, 6 v. in -fo lio.

761 - При изложении Истории приводились в подлиннике письма Осии и Юлия, делающие большую честь этим епископам.

762 - Приводилось уже творение Фебадия после собора в Римини.

763 - Евсевий Версельский перевел толкования Евсевия Кессарийского на Псалмы; есть его еще несколько писем. Обнародован был его манускрипт о Евагелиях. См. t. XII Patrologie lalin« Migne к Bibliotheque des Peres Gallandi.

764 - См. т. VIII Patrologie la tine.

765 - О творениях этих двух писателей см. т. XII Patrologie latine.

766 - См. Patrologie latine т. XIII.

767 - Св. Илар. Пуат., твор. Edit. Beaed.

768 - Его же О Св. Троице, кн. I.

769 - Св. Иларий Пуат., твор. Edit. Bened. кн, II.

770 - Св. Илар., О Св. Троице, кн. II, § 7.

771 - Там же, §§ 8 – 28.

772 - Там же, §§ 29 и послед.

773 - Св. Иларий, о Св. Троице, кн. XIII, §§ 13 и 14.

774 - Там же, § 20. Должно заметить, что святой Иларий говорит весьма ясно: что Святой Дух исходит только от Отца. Он нисколько не учит, что Сын участвует в личных свойствах Отца, когда говорит, что Святой Дух исходит от Отца через Сына (кн. XII, §§ 55 и 56). Он рассматривает Духа Святого только относительно посланничества Его, которое действительно от Отца и Сына.

775 - Св. Илар., О Св. Троице, кн. VIII, §§ 21 и послед.

776 - Св. Илар. Пуат., Толк в. на гл. XVI Ев. от Матф. и на Псалом. 81, § 4.

777 - Его же, О Св. Троице, кн. VI, гл. 36.

778 - Там же, кн. II, гл. 23.

779 - Имеются Зеноновы небольшие трактаты о различных догматических вопросах, на некоторые главы Писаний, небольшие беседы оглашенных и новопросвещенных. С. Зенон.

780 - Оптат написал оп. Edit. Ballerin, в семи книгах: О расколе донатистов. Было уже приведено и еще будет приводиться это важное историческое творение S. Optat. Melev. оп. Edit. F. Ilies du Pin.

781 - Св. Дамаса, оп. Edit, Galland, in Biblioth. Pal.

782 - По Galland, Biblioth. Pat.

783 - S Pacian. Barcion, оп. ap. Galland. Biblioth Pal.

784 - Творения западных поэтов христианских соединены в т. XIX Патрология латинского.

785 - Св. Амвросий оп. Edit. liened. Не имея возможности разбирать экзегетических творений св. Амвросия, заметим только, что его творение на Шестоднев хотя менее глубокое, нежели св. Василия, заслуживает изучения. Он часто пользуется творением св. Василия, хотя и не всегда разделяет все мнения великого епископа Кессарии.

786 - Св. Амвросий, О девстве, кн. I, гл. 3 и послед.

787 - Там же. гл. 6 и 7.

788 - Там же, кн. II.

789 - Там же, кн. III, гл. 1.

790 - Св. Амвросий, О вдовиц.

791 - Св. Амвросий, О Тайнах, гл. 1 и 2.

792 - Там же, гл. 3.

793 - Там же, гл. 5.

794 - Там же, гл. 6.

795 - Там же, гл. 7.

796 - Св. Амврос., О тайн., гл. 8.

797 - Там же, гл. 8, §§ 47 и 48.

798 - Там же, гл. 9, § 50.

799 - Там же, § 54.

800 - Это еще соблюдается в Церкви восточной. Церковь же латинская изменила древний обычай; там священник

произносит слова, установившее таинство, тихо, и верующие не могут сказать аминь, в доказательство веры своей.

⁸⁰¹ - Св. Амврос., О таинств., § 58.

⁸⁰² - Протестанты злоупотребляли теми изречениями Отцов, которыми воспользовались для отрицания всякого понятия материального об евхаристии, утверждая, будто они отстраняют действительность. Если бы они сопоставили их с изречениями, в которых учится о сей действительности столь ясно, то они лучше бы их поняли, и убедились, что они нисколько не благоприятствуют системе кальвинистов, но осуждают только евхаристический материализм, который поддерживали некоторые из латинских богословов.

⁸⁰³ - Таин, прозрен., О таинств., кн. I, гл. 1.

⁸⁰⁴ - Св. Амвр., О таинств., кн. I, гл. 2, § 5.

⁸⁰⁵ - Там же, кн. II, гл. 7, § 20.

⁸⁰⁶ - Св. Амвр., § 21. Таково было толкование древних Отцов этого евангельского события, на котором приверженцы папства осмелились основать свою систему в пользу верховной власти епископа Римского в Церкви.

⁸⁰⁷ - Св. Амврос., О таинств., кн. III, гл. 1, § 4.

⁸⁰⁸ - Там же, § 1.

⁸⁰⁹ - Св. Амврос., О тайне., кн. III, гл. 2, § 1. Св. Амвросий, говоря об епископе, называет его *summus sacerdos*, здесь говорит он только о священнике (*sacerdos*) что служит доказательством, что в IV столетии пресвитеры преподавали конфирмацию в Церкви западной, как и в восточной.

⁸¹⁰ - Это служит доказательством, что в Церкви западной в IV столетии не употребляли опресноков.

⁸¹¹ - Св. Амврос., О таинств., кн. IV, гл. 4, § 14.

⁸¹² - Должно заметить, что св. Амвросий приводит слова установившие таинство как слова освящения, но заключает в форму освящения призывание, которым молят Бога принять эту жертву, изображающую тело и кровь Христовы, как действительное приношение того же тела и той же крови. Ученый литургист западный, отец Лебрюн, следовательно, справедливо считает формулой освящения всю молитву, в

которой заключаются также слова установившие таинство. Церковь католическая, восточная, признает, что в устах Иисуса Христа слова установившие таинство были словами освящения потому, что с ними соединялось всемогущество; но в устах священника утверждение не может иметь той же силы и освящение есть уже следствие действия Святого Духа, призываемого священником, чтобы хлеб и вино соделались телом и кровью Христовыми. Мы уже видели, что отцы греческие так учат.

⁸¹³ - Там же, гл. 4, § 14.

⁸¹⁴ - Там же, гл. 6, § 27.

⁸¹⁵ - Приводимые слова святым Амвросием из литургии западной остались по сих пору почти буквально в каноне миссы латинской. Это первое указание литургии латинской, которое мы встречаем в памятниках исторических.

⁸¹⁶ - В Церквах восточных освящается только вино, потому что об одном вине упоминается при установлении таинства; прибавляется в чашу несколько воды уже после освящения и несколько времени до причащения. Вливается несколько воды и при приготовлении даров на жертвеннике (Пр. Переводчика).

⁸¹⁷ - Св. Амврос., О таинств., кн. VI, гл. 1.

⁸¹⁸ - Его же, о Покаянии, кн. I, гл. 1 и 2.

⁸¹⁹ - Св. Амврос., о Покаянии, гл. 6, § 33.

⁸²⁰ - Конечно можно быть уверенным, что богословы римские поспешили злоупотребить этим изречением св. Амвросия, обращая епископа римского в преемника Ап. Петра (что ложно) и приписывая ему, как право личное, власть, которую св. Амвросий приписывает всей Церкви, представляемой Ап. Петром, кафедра которого есть episcopalis.

⁸²¹ - Там же, гл. 3 и послед.

⁸²² - Там же, гл. 8, § 86.

⁸²³ - Там же, гл. 8 – 16.

⁸²⁴ - Св. Амвр., о Покаян., гл. 16, § 90.

⁸²⁵ - Там же, кн. II, гл. 7. В предшествующих главах этой второй книги он доказывает Писаниями, что грехи могут быть

прощены.

826 - Св. Амврос. о Покаянии, гл 7, §§ 57 и 58.

827 - Там же, § 59.

828 - Там же, гл. 8, § 66.

829 - Его же, о Покаян., гл. 10, § 91.

830 - Св. Амврос., о вере.

831 - Его же, о С. Духе.

832 - Св. Амвросий толкует слова Евангельские: иже от Отца исходит в смысле посланничества во внешность, а не предвечного начала. В этом он отделяется от толкований большей части других Отцов (см. кн. I, гл. 11. §§ 116 и послед.).

833 - Св Амврос., О воплощ. Госп.

834 - Так как приверженцы папства осмеливались приводить Св. Амвросия в числе покровителей их заблуждения, то должно заметить, что святитель Миланский, постоянно говоривший о Церкви, никогда не делал ни малейшего намека об её устройстве монархическом, но говорит только об устройстве соборном. Уже приведено было изречение, в котором он называет епископат кафедрой Петровой. Апостол Петр, по мнению его, был лицом собирательным и в общем смысле обозначал только апостола или епископа. В этом-то смысл называет он его камнем или основанием Церкви, потому-то тщательно предупреждая, что первенство апостола Петра не было ни первенством чести, ни первенством по порядку (о Воплощ. гл. 4, § 32), но было первенством веры или исповедания веры. Следует также привести изречение св. Амвросия, которым постоянно злоупотребляют. В толкованиях своих на Псалом XL, § 30, св. Амвросий, объясняя, каким образом Иисус Христос влияет в Церкви Своей для её оживления, и в подтверждение приводя сделанное им для Апостола Петра, которому сказал: на камени сем воздвигну Церковь Мою. Обращаясь к Ап. Петру, Он, обращался к Церкви, потому что: где Петр там и Церковь. Как понять, что приверженцы папства осмеливаются приводить подобное изречение в доказательство, что следует быть в единении с папой, чтобы принадлежать к Церкви? Св. Амвросий

ни разу не делал указания на власть епископа Римского и всё учение его о Церкви в противоречии с понятием о папстве. Он не признает никакого личного преимущества за Ап. Петром по управлению Церковью и считает троекратное исповедание его только заглаждением троекратного отречения, прежде чем снова он призван был к апостольству (Apol. proph. David, гл. 9, § 50). Когда же Иисус Христос препоручил Петру утвердить братию, то Он препоручил ему, по мнению святителя, только обязанности пастырские (на Псал. XLIII, § 40).

⁸³⁵ - Иероним. О знам. муж. Творения большей части этих писателей и многих других соединены в патрологии латинском. т. 18, 19 и 20.

⁸³⁶ - См. об Ульфице в Patrologie laline, t.18.

⁸³⁷ - Иероним., О знам. муж. гл. 98.

⁸³⁸ - Там же, гл. 104.

⁸³⁹ - Там же, гл. 93.

⁸⁴⁰ - Иероним., О знам. муж., гл. 107.

⁸⁴¹ - Там же, гл. 120.

⁸⁴² - Там же, гл. 121.

⁸⁴³ - Будет сказано о том при разборе творений блаженного Августина.

⁸⁴⁴ - Феодор., И. Ц. кн. IV, гл. 1; Сократ, И. Ц. кн. III гл. 24.

⁸⁴⁵ - Иовиан. к св. Афан. и св. Афан. к Иовиан. икиер. Int. ор. s. Alhanas Edit. Bened. V, Феодор.; И. Ц. кн. IV. гл. 2 и 3.

⁸⁴⁶ - Сократ., там же.

⁸⁴⁷ - Сократ., кн. III, гл. 25.

⁸⁴⁸ - Сократ. И. Ц., кн. III гл. 25; Созом., И.Ц., кн. VI, гл. 4.

⁸⁴⁹ - Созом., И. Ц., кн. VI, гл. 5.

⁸⁵⁰ - Св. Епиф. О ерес. 77; св. Васил. Пис. 315.

⁸⁵¹ - Феодор., И.Ц., кн. IV, гл. 5. Сократ., И. Ц., кн. IV, гл. 1. Созом., И. Ц., кн. VI, гл. 6. Созом., И.Ц., кн. VI, гл., гл.

⁸⁵² - Созон. И. Ц. кн. VI, гл. 7.

⁸⁵³ - Сократ. И. Ц. кн. IV, гл. 2.

⁸⁵⁴ - Сократ. И. Ц. кн. IV, гл. 3 и 4. Созом. И. Ц. кн. VI, гл. 7.

⁸⁵⁵ - Сократ. И. Ц. кн. IV, гл. 5, 6 и 7. Созом. И. Ц. кн. VI, гл. 8 и 9.

⁸⁵⁶ - Сократ. И. Ц. кн. IV, гл. 12.

⁸⁵⁷ - Св. Илар. Пуатьер., прот. Авксентия.

⁸⁵⁸ - Сократ, И. Ц., кн. IV, кн. 12; Созомен, И. Ц., кн. VI, гл. 10.

⁸⁵⁹ - Πρός την χρηστότητα σου κα' πάντας τους Ἰταλοὺς τε καὶ Δυτικούς ἐπίσκο-πους γράμμα κομίζομεν. Ad tuam Benignitatem et ad universos Italiae et, occidentis Episcopos Lilterasafferimus. Следовало привести это изречение в ответ латинцам, превратившим это обращение азиатских в апелляцию к папству, к верховной власти в делах веры. Азиатским нужна была только поддержка на Западе, против преследователей восточных, чтобы можно было говорить о единении своем с Церковью западной.

⁸⁶⁰ - Фаустин и Марселлин. Lib. Prec. ad Imperat., § 3.

⁸⁶¹ - Фаустин и Марселл., Proefat. ИЛЬ Prec.

⁸⁶² - Другие историки называют Урсина только диаконом.

⁸⁶³ - Руфин, (И. Ц., кн. II, гл. 10) говорит, что епископ, рукоположивший Урсина был невежественный и грубый.

⁸⁶⁴ - Историк Сократ (кн. IV, гл. 29) приписывает бывшие схватки пароду, а префекту Максимино кровавые казни. Сократ заимствовал все это из Руффина, а последний историк кажется не знал хорошо этих событий. Во время борьбы, префектом в Риме был Ювенций, а не Максимин, как то утверждает Аммиен-Марселлин.

⁸⁶⁵ - Амм. Марселл., кн. XXVII, § 18; Руфин, (И. Ц., кн. II, гл. 10) приписывает эти крайности обеим партиям, а главное префекту Максимино. Повествование его и не ясно и не удовлетворительно; он принимает сторону Дамаса.

⁸⁶⁶ - Иероним., Посл. I к Иаммаху, § 3.

⁸⁶⁷ - Все эти критические рассуждения – только вывод Иеронимовых. Они будут приведены при разборе его творений.

⁸⁶⁸ - Новейшие историки ультрамонтанские принимают с удовольствием критические замечания Аммиена Марселлина и

прочих против епископов римских и их духовенстве. Они находят в них доказательства могущества папского. Лучше бы они находили в том доказательства, что даже в то время духовенство римское уже утратило дух христианский.

⁸⁶⁹ - Созом., И. Ц., кн. VI, гл. 12.

⁸⁷⁰ - Св. Вас. В., О Свят. Д, гл. 30, §§ 76 и послед.

⁸⁷¹ - Св. Вас В., Письмо 66 к Афанас.

⁸⁷² - Заметим, что св. Василий не делает исключения для Рима, однако приверженцы папства приводят это письмо св. Василия в пользу власти папской, потому что святитель Кессарии просит св. Афанасия согласиться с епископами Западными. Достаточно прочесть письмо это, чтобы его оценить и понять последующее, не содержащее никакой апелляции в Рим, как то утверждают латинцы; но только предложение о его соглашении, чтобы противопоставить Валенту авторитет числительный.

⁸⁷³ - Св. Вас. В., письмо 67 к Афанас.

⁸⁷⁴ - Его же, письмо 68 к Мелет.

⁸⁷⁵ - Его же, письмо 69 к Афан.

⁸⁷⁶ - Св. Вас. В., письмо 80 к Афанас.

⁸⁷⁷ - Его же, письмо 82 к Афанас.

⁸⁷⁸ - Его же, письмо 90 Еписк. Запад.

⁸⁷⁹ - Св. Вас., письмо 91.

⁸⁸⁰ - По всему вероятно, также было писано епископу Римскому (70-е письмо), не имеющее надписания в творениях св. Василия. Оно могло быть также написано и к св. Афанасию.

⁸⁸¹ - Св. Васил., письмо 92.

⁸⁸² - Св. Афанас., посл. к Афрос., §§ 1 и 10.

⁸⁸³ - Феодор., И. Ц., кн. II, гл. 17; Созом., И. Ц., кн. VI, гл. 23.

⁸⁸⁴ - Созом., И. Ц., кн. VI, гл. 24.

⁸⁸⁵ - Св. Афанас., Посл. к Епикт.

⁸⁸⁶ - Св. Григор. Богос., Слов. 21 в похв. Афан. В.

⁸⁸⁷ - Αρειος, по гречески – неистовый.

⁸⁸⁸ - См. Декреты Валентиниановы в Свод Феодосия и в церковных хрониках Барония. Libell. Pгес. Фаустина и Марселлина.

⁸⁸⁹ - Дамаса, Carm. 16.

⁸⁹⁰ - Дамас., Письма, t. XIII Патрология латинского, Феодор., И. Ц., кн. V, гл. 11.

⁸⁹¹ - Странно, что Павлин рукоположен был Люцифером, тогда как приверженцы его, как раскольники, в то же время в самом Риме не хотели подчиняться Дамасу. (Примеч. Переводчика).

⁸⁹² - Письмо его сохранено Феодоритом, И. Ц., кн. IV, гл. 19.

⁸⁹³ - О гонениях Валента, см. Феодор. И. Ц., кн. IV, гл. 12 – 20; Сократ., И. Ц., кн. IV, гл. 16 – 22 и 24; Созомен, И. Ц., кн. VI, гл. 14, 19 и 20.

⁸⁹⁴ - Созом., И. Ц., кн. VI, гл. 21.

⁸⁹⁵ - Сократ, И. Ц. кн. IV, гл. 26; Феодор., И. Ц., кн. IV, гл. 16; Созом., И. Ц., кн. VI, гл. 16. Сократ говорит, что Валент, будучи в Антиохии, вызвал туда Василия, а Феодорит и Созомен утверждают, что это было в Кессарии; то же заставляет предполагать и Григории Богослов в своем похвальном слове св. Василию.

⁸⁹⁶ - По всему изложенному смотри письма св. Василия: 95, 98, 100, 127, 128, 136, 188, 141, 145, 162, 166, 167, 237, 239 Евсевию Самосатскому; 119, 125 Евстафию Севастийскому; 223 против Евстафия; 120, 129 Мелетию Антиохийскому; 121, (180?) Феодоту Никопольскому, 256 Виту Карргскому.

⁸⁹⁷ - Св. Вас., Письмо 156 к Евагр.

⁸⁹⁸ - Св. Вас., Письмо 243 к еписк. Итал. и Галл.

⁸⁹⁹ - Св. Васил. В., Письмо 363 к Западн.

⁹⁰⁰ - Феодорит, И. Ц., кн. IV, гл. 7 и 8, приводит рескрипт императорский и послание одного из соборов в Иллирии к восточным, оба относительно вероучения Никейского, которое предлагается как истинное. Имя Валента находится во главе рескрипта императорского вместе с именами Грациана и Валентиана, но нельзя определить времени написания оных. Упоминается ли Валентиниан I или сын его, преемствовавший

ему с другим сыном своим Грацианом? В обоих случаях, каким образом имя Валенса находится вместе с именами обоих православных императоров и предлагается вера Никейская, против которой он явно ратовал?

⁹⁰¹ - Св. Вас. В., Письмо 266 к Петр. Алекс., § 1.

⁹⁰² - Там же, § 2. Этот неоспоримый факт не препятствует писателям ультрамонтанским выражаться так: «Папа Дамас считал рукоположение Павлина законным. При невозможности выбора между обоими достойными епископами, без раскола для одной из частей народонаселения, папа решил, что Павлин и Мелетий оба вместе будут управлять Церковью Антиохийской с условием, что по смерти одного из них другой останется единственным епископом. Решение это похвалялось на всем Востоке (Darras Hist, generale de l'Eglise, t. X, p. 268 edit. 1867). Таким-то образом ультрамонтанцы пишут историю. Они строго опасаются приводить буквально памятники, как то делают добросовестные историки. Папа, который в IV столетии решает об епископате Антиохийском, – это одна из таких фантазий, которая покажется смешной всякому несколько образованному человеку.

⁹⁰³ - Св. Васил. В., Письмо 239 к Евсев. Самосат., § 2.

⁹⁰⁴ - Историк Флери приведен был в затруднение этим письмом св. Василия и делает следующее замечание, чтобы ослабить его: «То, что он говорит жесткого против папы, относится только к лицу Дамаса, которого знал он только издалека; относительно же власти святого престола и необходимости прибегать к ней, он довольно ясно выражается о том в письмах своих а св. Афанасию и западным (Флери, Hist. Eccl., liv. XVII, § 31). Честный Флери принужден был в свое время учить, что святой престол по праву божественному есть средоточие кафоличества; без этого он навлек бы себе неприятности. Приведены были письма св. Василия к св. Афанасию и к западным; конечно в них нет того, что утверждает Флери. Историк этот заслуживает уважения; нет надобности указывать на его заблуждения, но, в виду истины, необходимо привести некоторые, с полным сознанием, что он повествовал достоверно, на сколько только мог в то время, когда

писал. Ультромонтанцы превратили письма св. Василия к западным в апелляцию к папе (Даррас, t. X, p. 305).

⁹⁰⁵ - Св. Васил. В., Письмо 197 к Амврос.

⁹⁰⁶ - Павлин, Vit. Ambros.

⁹⁰⁷ - Письм. Валентин., по Феодор., И. Ц. кн. IV, гл. 5.

⁹⁰⁸ - Руф., И. Ц., кн. II, гл. 11.

⁹⁰⁹ - Оно находится в сборниках соборных, особенно в сборнике Аббата Гардуина. См. Сирмонда Append, ad. Cod. Thed.

⁹¹⁰ - Свод Феодосия, кн. II.

⁹¹¹ - Феодор, И. Ц., кн. V, гл. 2; Свод Феод. кн. V.

⁹¹² - Св. Вас., Пис. 365 к Феод.

⁹¹³ - Григор. Богос., Слово 43 в похв. Вас., Григор. Нисск., Слов, надгр. брату Василию.

⁹¹⁴ - Св. Григ. Богос., На пох. Вас. В., §§ 1 и 2.

⁹¹⁵ - Там же, §§ 3 – 11.

⁹¹⁶ - Там же, §§ 12 – 19.

⁹¹⁷ - Там же, § 20. Прежде приведено уже было это место.

⁹¹⁸ - Там же, § 25.

⁹¹⁹ - Св. Григ. Богос., В похв. Вас. В., § 20.

⁹²⁰ - Там же, §§ 27 – 31.

⁹²¹ - Св. Григор. Богос., На похв. Вас. В § 32.

⁹²² - Там же, § 34.

⁹²³ - Там же, § 37.

⁹²⁴ - Св. Григ. Богос., На похв. Вас. В. § 38.

⁹²⁵ - Там же, §§ 42 и 43.

⁹²⁶ - Там же, §§ 44 и 45.

⁹²⁷ - Там же, § 46. Это место служит доказательством, что освященные дары хранились в церквях.

⁹²⁸ - Св. Григ. Богос., На похв. Вас. В., § 47.

⁹²⁹ - Св. Григ. Богос., На похв. Вас. В., § 51.

⁹³⁰ - Св. Григ. Богос., На похв. Вас. В., § 52.

⁹³¹ - Из этого видно, что употребление завесы – весьма древнее. В церквях восточных по сию пору есть завеса,

отделяющая святилище от остальной части храма. Завеса находится на главной двери перегородки, называемой Иконостасом, и которая задерживается несколько раз в продолжении литургии.

⁹³² - Св. Григор. Богос., Слово 43 на похв. Вас. В.

⁹³³ - Его же, *Carmina de seipso, el Epist. passim.*

⁹³⁴ - Св. Григ. Богос., *Carmin. de seipso*; См. Письма и Жиз. Св. Григор, соч. Пресв. Григ; Созом., И. Ц., кн. VII, гл. 5 и 7; Феодор. И. Ц., кн. V, гл. 3; Сократъ, И. Ц кн. V, гл. 7.

⁹³⁵ - Феодор., И. Ц., кн. V гл. 6; Сократ, И.Ц., кн. V гл. 8; Созом., И. Ц., кн. VIII, гл. 5.

⁹³⁶ - Феодорит, (кн. V, гл. 6 и 7) повествует о чрезвычайном событии относительно святого Мелетия Антиохийского. Феодосий будто бы видел его во сне возвещающим ему владычество над Востоком. Он никогда не видал епископа Антиохийского, но черты виденного им лица во сне врезались в его памяти. Когда епископы должны были собраться во дворце, то Феодосий запретил указывать ему Мелетия, однако немедленно узнал его и с благоговением, посмотрев на него, стал целовать глаза, уста, грудь, голову и десную руку, венчавшую его императором.

⁹³⁷ - Известно, что св. Мелетий не находился в общении с епископом Римским, считавшим только Павлина православным епископом Антиохии. Богословы латинские утверждали, что Дамас, епископ Римский, созвал этот собор; но мнение это до того ложно, что другие богословы, более ученые и более добросовестные, признавались, что Дамас нисколько не участвовал в созвании этого собора. Между последними приведем Тиллемона (*Mem. Eccl. t. IX. Vie de saint Greg., art. 69*); Гефелэ (*Histoire des conciles, lib. VII, § 95*). Чтобы убедить, будто епископ Римский созвал этот собор и председательствовал на нем через своих легатов, латинские лжесвидетели приводят послание другого собора Константинопольского, как бы писанное от Вселенского Собора в 381 году, где сказано, что собор этот созван по просьбе Дамаса. Послание это будет впоследствии приведено но

Феодориту (И. Ц., кн. V, гл. 9). В актах шестого Вселенского Собора сказано, что Феодосий и Дамас противоборствовали македонианству, и что Григорий Богослов и преемник его Нектарий созвали против них собор в Константинополе; но изречение это ничего не доказывает в пользу созвания собора Дамасом, а напротив того, Григорий и Нектарий не созывали собора, а председательствовали только на нем; вот что хотел сказать шестой Вселенский Собор. Для доказательства, что на соборе этом председательствовали легаты Дамаса, изобретены были акты, в которых именуются легаты: Пасхазин, Люцентий и Бонифаций. Поддельщик не выказал своего искусства, потому что эти три лица были легатами епископа Римского только семьдесят лет спустя на четвертом Вселенском Соборе. Дамас знал, что собор был созван, но он говорит о нем как о собрании, в котором он нисколько не участвовал (Damasus, Epist. V ad Aschol.).

⁹³⁸ - Сохранилось только слово святого Григория Нисского. См. эту речь у Св. Григор. Богосл., Carm. 1 de seipso, a vers. 1572 ad vers. 1582.

⁹³⁹ - Сократ, И. Ц., кн. V, гл. 8, Созом., И. Ц., кн. VII, гл. 8.

⁹⁴⁰ - Св. Григор. Бог., Carm. 1 de seipso, ст. 1584.

⁹⁴¹ - Там же, ст. 1591 и ед.

⁹⁴² - Св. Григор. Богосл., Carm. 1, ст. 1800 и послед.

⁹⁴³ - Феодорит, И.Ц., кн. V, гл. 8; Дамаса, Пис. VII к еписк. восточ.

⁹⁴⁴ - Дамаса, Пис. V и VI ad Aschol.

⁹⁴⁵ - Св. Григор. Богос., loc. cit.

⁹⁴⁶ - Феодорит. И.Ц., кн. V, гл. 8.

⁹⁴⁷ - Св. Григор. Богос., Беседа 42.

⁹⁴⁸ - Св. Григорий употребляет здесь два различных выражения, для объяснения слова «лице», не оставив никакой двусмысленности: τὰ δε τρία, τὰς ὑποστάσεις, εἶπεν προσώποις, οἱ τισὶ φίλον. Τῆα autem quantum ad hypostases sive personas ut nonnulli malunt. Западные предпочитали слово πρόσωπον (лицо, образ) слову ὑπόστασις (ипостась), которое можно было переводить по латыни словом substantia и тем

давать повод к двусмысленности. Можно предполагать, что святой Григорий, делая эту уступку западным, был обвиняем на Западе за некоторые слова, которых там не понимали.

⁹⁴⁹ - Феодор., И. Ц, кн. V, гл. 8; Сократ, И. Ц., кн. V, гл. 8; Созом., И. Ц., кн. VII, гл. 8.

⁹⁵⁰ - Сократ, И. Ц., кн. V гл. 8.

⁹⁵¹ - Созомен., И. Ц., кн. VII, гл. 9.

⁹⁵² - Послание Собора к Западным по Феодор., И. Ц., кн. V, гл. 9.

⁹⁵³ - См. Деян. Собор. Халкидонского.

⁹⁵⁴ - См. Деян. Собор. Халкидонского и 4-го Константиноп. вселенского 6-го.

⁹⁵⁵ - См. Символ Иерусалимский в огласительных поучениях Св. Кирилла Иерусалимского и символ древней Церкви Кипрской в Анкорате Св. Епифан.

⁹⁵⁶ - Сократ, И. Ц, кн. V, гл. 8.

⁹⁵⁷ - То же, Созомен, (И. Ц., кн. VII, гл. 9) добавляет к епископам поименованным Сократом, Терентия, епископа Свифского и Мартирия епископа Маркианопольского для Скифии и Фракии. Для Нектария он упоминает только о Константинополе.

⁹⁵⁸ - Созом., И. Ц кн. VII.

⁹⁵⁹ - Зонар и Вальсамон приводят семь правил. В сборниках же западных считается только четыре. Полагаем, что правила 5, 6 и 7 принадлежат собору Константинопольскому, бывшему в 482 году, который был только дополнением Собора 381 года. Древние сборники греческие, переведенные на латинский язык, содержат в себе только четыре первые правила, а историки Церковные упоминают только о предмете оных, которым занимались на Соборе. Мы сообщим три остальные правила при историческом разборе собора 482 года. (Примечание Переводчика). В книге Правил, изданной от Святейшего Синода, помещены семь правил. Пятое относится до принятия свитка (списка) западных епископов и находящихся в Антиохии, исповедующих единое Божество Отца и Сына и Святого Духа. Шестое определяет, как судить епископов и какие

принимать на них жалобы.Седьмое излагает чиноположение принятия еретиков, обращающихся к Церкви.

⁹⁶⁰ - См. Collect. Concill. Lab. vel Harduin.

⁹⁶¹ - Сеодс Феодос., кн. III, о вере кафол.

⁹⁶² - По смыслу выражений права римского, епархия значит округ, содержащий в себе несколько провинций и метрополий.

⁹⁶³ - Сократ (И. Ц., кн. V, гл. 8) действительно говорит, что они назначены были собором. Он дает им титулы патриархов, но это должно лишь считать титулом личным, а не титулом принадлежащим престолу их, как то установлено было впоследствии для великих патриархов православных.